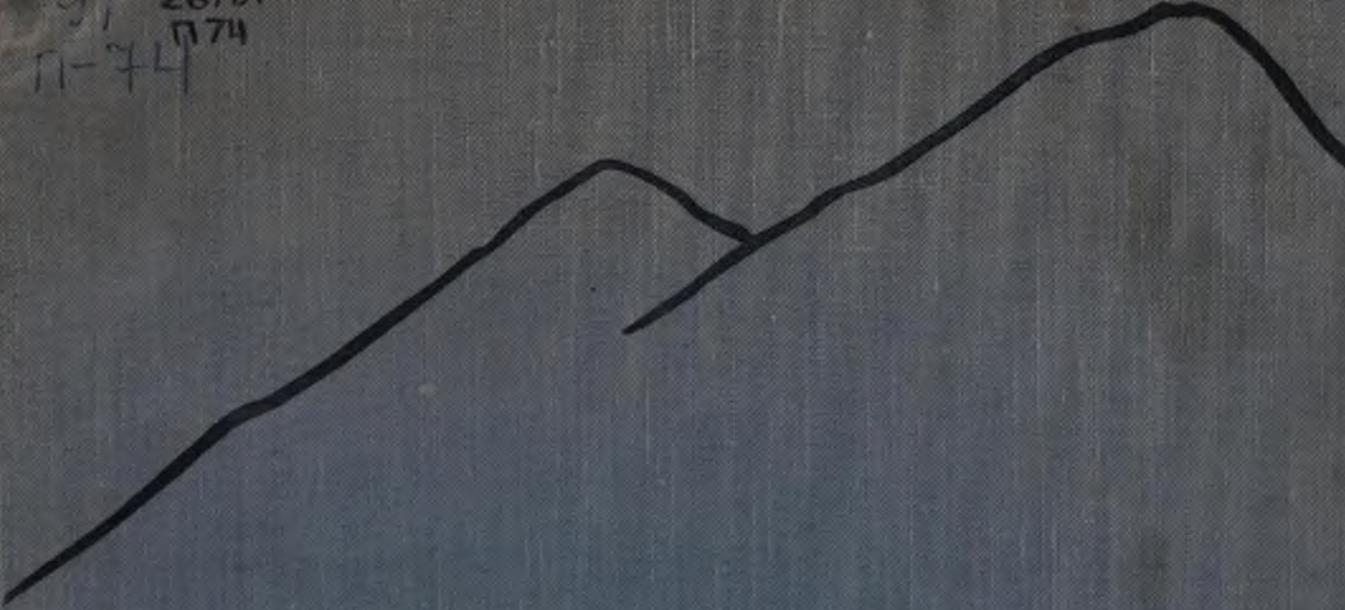

26.82
П74

П-74

ДЕТГИЗ-1958

Читальный зал

Н. М. Пржевальский

ПУТЕШЕСТВИЯ

T

45523 ✓ +14

Рисунки
К. К. Арцелова и Г. Е. Никольского
Оформление *Д. Бисти*

Книга подготовлена к печати
доктором географических наук профессором
Э. М. Мурзаевым

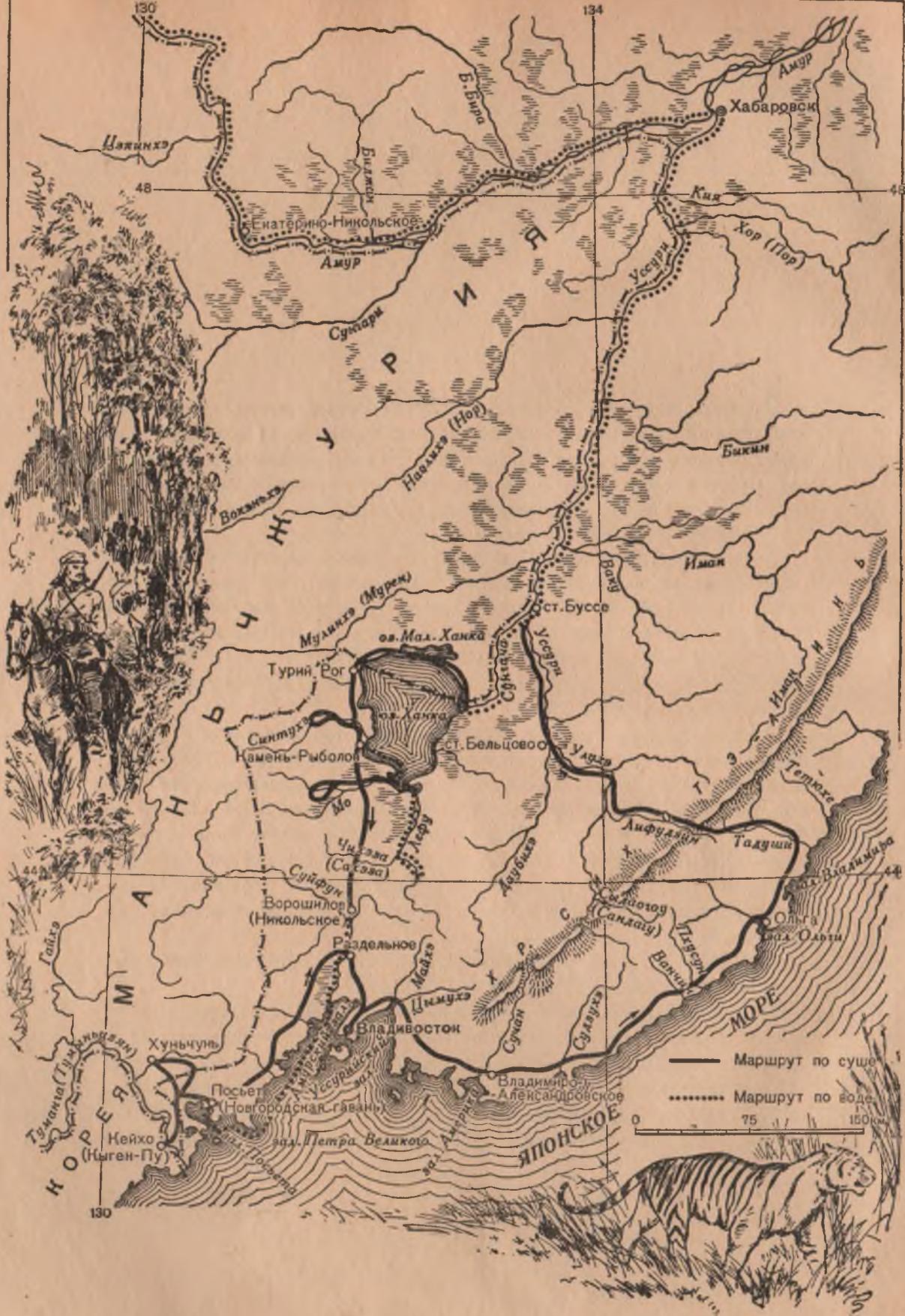
Николай Михайлович Пржевальский! Его имя и путешествия в дебри Азиатского материка снискали ему неувядаемую славу. Во второй половине прошлого столетия, когда проводил свои географические исследования Пржевальский, о нем писали русские и иностранные газеты и журналы, прославлявшие его подвиги в пустынях и горах Центральной Азии и отмечавшие его вклад в науку.¹

Есть ученые, труд которых оставил глубокий след в науке. Проходят десятилетия, но не умирает память о них; наоборот, еще ярче вырисовывается их величие, неутомимость, страсть, упорство в достижении цели. К таким ученым относится и Николай Михайлович Пржевальский, со дня смерти которого прошло ровно 70 лет (умер в городе Караколе, ныне Пржевальске, — центре Иссык-Кульской области, Киргизской ССР, 20 октября ст. ст. 1888 года).²

В наши годы был создан большой художественный цветной фильм, показавший жизнь ученого, вновь изданы его сочинения, опубликовано много книг о его жизни и работе. О труде путешественника, пионера-исследователя великих пустынь Гоби и Такла-Макан, высочайшего Тибетского нагорья и вечноснежных хребтов Тянь-шаня, Нань-шаня и Куэнь-луня Николай Михайлович рассказал в пяти книгах, имевших большой успех как в России, так и в других странах. Сочинения Пржевальского издавались и за рубежом на многих языках: немецком, английском, французском, чешском.

Эти книги и теперь читаются с увлечением, но они очень большие и местами перегружены специальными сведениями.

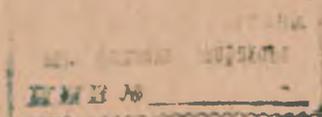
Поэтому Государственное издательство детской литературы решило издать записки путешественника в сокращенном виде — в одном томе, в котором приводятся описания всех пяти путешествий: уссурийского и четырех центральноазиатских. В неприкосновенности сохранен язык автора. Географические названия на картах даны в современной транскрипции. В конце книги даны таблицы перевода старых русских мер в метрические.

I

Путешествие
в Уссурийском
Крае

1867-1869

Дорог и памятен для каждого человека тот день, в который осуществляют его заветные стремления, когда после долгих препятствий он видит наконец достижение цели, давно желанной.

Таким незабвенным днем для меня было 26 мая 1867 года, когда, получив служебную командировку в Уссурийский край и наскоро запасшись всем необходимым для предстоящего путешествия, я выехал из Иркутска по дороге, ведущей к озеру Байкал и далее через все Забайкалье к Амуру.

Миновав небольшое 60-верстное расстояние между Иркутском и Байкалом, я вскоре увидел перед собой громадную водную гладь этого озера, обставленного высокими горами, на вершине которых еще виднелся местами лежащий снег.

Летнее сообщение через Байкал производилось в то время двумя частными купеческими пароходами, которые возили пассажиров и грузы товаров. Пристанями для всех пароходов служили: на западном берегу озера селение Лиственничное, лежащее у истока реки Ангары, а на восточном — Посольское, расстояние между которыми около 90 верст.

Во время лета пароходство производилось правильно по расписанию; но зато осенью, когда на Байкале свирепствуют сильные ветры, скорость и правильность сообще-

ния зависели исключительно от состояния погоды.

Кроме водного сообщения через Байкал, вокруг южной оконечности этого озера существует еще сухопутное почтовое, по так называемой кругобайкальской дороге, устроенной несколько лет назад. Впрочем, летом по этой дороге почти никто не ездит, так как во время существования пароходов каждый находил гораздо удобнее и спокойнее совершить переезд через озеро.

На одном из таких пароходов переехался и я на противоположную сторону Байкала и тотчас же отправился на почтовых в дальнейший путь.

Дружно понеслась лихая тройка, и быстро стали мелькать различные ландшафты: горы, речки, долины, русские деревни, бурятские улусы...

Без остановок, в несколько дней, проехал я тысячу верст поперек всего Забайкалья до селения Сретенского на реке Шилке, откуда уже начинается пароходное сообщение с Амуром.

Местность на всем вышеозначенном протяжении носит вообще гористый характер, то дикий и угрюмый там, где горы покрыты дремучими, преимущественно хвойными лесами, то более смягченный там, где расстилаются безлесные степные пространства. Последние преобладают в восточной части

Забайкалья — по Ингоде, Аргуни и, наконец, по Шилке.

В таких степных местностях, представляющих на каждом шагу превосходные пастбища, весьма обширно развито всякое скотоводство, как у наших русских крестьян и казаков, так и у кочевых — бурят, известных в здешних местах под именем «братских».

Однако Забайкалье произвело на меня не совсем благоприятное впечатление.

Суровый континентальный климат этой части Азии давал вполне знать о себе, и, несмотря на конец мая, по ночам бывало так холодно, что я едва мог согреться в полушубке, а на рассвете 30-го числа этого месяца даже появился небольшой мороз и земля по низменным местам покрылась инеем.

Растительная жизнь также еще мало была развита: деревья и кустарники не вполне развернули свои листья, а трава на песчаной и частью глинистой почве степей едва поднималась на вершок и почти вовсе не прикрывала грязно-серого грунта.

С большой отрадой останавливался взор только на плодородных долинах рек Селенги, Уды, Кыргылея и др., которые уже были покрыты яркой зеленью и пестрым ковром весенних цветов, преимущественно лютика и синего касатика.

Даже птиц по дороге встречалось сравнительно немного, так как время весеннего пролета уже прошло, а оставшиеся по большей части сидели на яйцах.

Только кое-где важно расхаживал одинокий журавль или бегали небольшие стада дроф, а на озерах плавали утки различных пород. Иногда раздавался звонкий голос лебедя-кликун, между тем как знакомый европейский певец — жаворонок — заливался в вышине своей звонкой трелью и сильно оживлял ею безмолвные степи.

С перевалом за Яблонный хребет, главный кряж которого проходит недалеко от областного города Читы и имеет здесь до 4000 футов абсолютной высоты, характер местности несколько изменился: она сделалась более открытой, степной.

Вместе с тем и сам климат стал как будто теплее, так что на живописных берегах Ингоды уже были в полном цвету боярка, шиповник, черемуха, яблоня, а по лугам красовались касатик, лютик, лапчатка, одуванчик, первоцвет и другие весенние цветы.

Из животного царства характерным явлением этой степной части Забайкалья служат байбаки, или, по-местному, тарбаганы, — небольшие зверьки из отряда грызунов, живущие в норках, устраиваемых под землей.

Впрочем, большую часть дня, в особенности утро и вечер, эти зверьки проводят на поверхности земли, добывая себе пищу или просто греясь на солнце возле своих нор, от которых никогда не удаляются на большое расстояние. Застигнутый врасплох, тарбаган пускается бежать что есть духу к своей норе и останавливается только у ее отверстия, где уже считает себя вполне безопасным. Если предмет, возбуждавший его страх, например человек или собака, находится еще не слишком близко, то, будучи крайне любопытен, этот зверек обыкновенно не прячется в нору, но с удивлением рассматривает своего неприятеля.

Часто он становится при этом на задние лапы и подпускает к себе человека шагов на сто, так что убить его в подобном положении пульей из штуцера для хорошего стрелка довольно легко. Однако, будучи даже смертельно ранен, тарбаган все же успеет заползти в свою нору, откуда его уже нельзя иначе достать, как откапывая. Мне самому во время проезда случилось убить несколько тарбаганов, но я не взял ни одного из них, так как не имел ни времени, ни охоты заняться откапыванием норы.

Русские вообще не охотятся за тарбаганами, но буряты и тунгусы¹ промышляют их ради мяса и жира, которого осенью старый самец дает до пяти фунтов.

Мясо употребляется с великой охотой в пищу теми же самыми бурятами и тунгусами, а жир идет в продажу.

¹ В наше время тунгусы известны под именем эвенков. (Примеч. редактора.)

Добывание тарбаганов производится различным способом: их стреляют из ружей, ловят в петли, наконец откапывают поздней осенью из нор, в которых они предаются зимней спячке.

Однако такое откапывание дело нелегкое, потому что норы у тарбаганов весьма глубоки и на большое расстояние идут извиристо под землей. Зато, напав на целое общество, промышленник сразу забирает иногда до 20 зверьков.

Утром 5 июня я приехал в селение Сретенское. Однако здесь нужно было прождать несколько дней, так как пароход не мог отходить за мелководьем Шилки.

Пароходство в Сретенске начинается, как только Шилка очистится ото льда, что бывает обыкновенно в конце апреля или в начале мая, и оканчивается в первых числах октября — следовательно, продолжается пять месяцев.

Большой помехой этому пароходству служит мелководье Шилки, которая имеет на перекатах менее 3 футов глубины, так что пароходы не могут отправляться в путь и должны ожидать прибыли воды.

Кроме того, при малой глубине и очень быстром течении плавание здесь довольно опасно, и пароходы иногда садятся на мель, даже делают себе пробоины.

Последнее удовольствие суждено было испытать и мне, когда, наконец, 9 июня па-

роход вышел из Сретенска и направился вниз по Шилке.

Не успели мы отойти и сотни верст, как этот пароход, налетевши с размаху на камень, сделал себе огромную пробоину в подводной части и должен был остановиться для починки в Шилкинском заводе, возле которого случилось несчастье.

Между тем вода в Шилке опять начала сбывать, так что пароход, и починившись, мог простоять здесь долгое время; поэтому я решил ехать далее на лодке.

Пригласив с собой одного из пассажиров, бывших на пароходе, и уложив кое-как свои вещи на утлой ладье, мы пустились вниз по реке.

Признаюсь, я был отчасти рад такому случаю, потому что, путешествуя в лодке, мог располагать своим временем и ближе познакомиться с местностями, по которым проезжал.

Вскоре мы прибыли в казачью станицу Горбицу, откуда до слияния Шилки с Аргунью тянется на протяжении 200 верст пустынное, ненаселенное место. Для поддержания почтового сообщения здесь расположено только семь одиноких почтовых домиков, известных по всему Амуру под метким именем «семи смертных грехов».

Действительно, эти станции вполне заслуживают такого названия по тем всевозможным неприятностям, которые встречает

здесь зимой каждый проезжающий как относительно помещения, так и относительно почтовых лошадей, содержимых крайне небрежно и едва способных волочить свои собственные ноги, а не возить путников.

На всем вышеозначенном 200-верстном протяжении берега Шилки носят дикий, мрачный характер. Сжатая в одно русло шириной 70—100 сажен, эта река быстро стремится между горами, которые часто вдвигаются в нее голыми, отвесными утесами и только изредка образуют неширокие пади и долины.

Сами горы покрыты хвойными лесами, состоящими из сосны и лиственницы, а в иных местах, в особенности на так называемых россыпях, то есть рассыпавшихся от выветривания горных породах, совершенно обнажены.

Хотя животная жизнь в здешних горных лесах весьма обильна и в них водится множество различных зверей: медведей, сохатых, изюбров, белок, кабарги и отчасти соболей, но все-таки эти леса, как вообще все сибирские тайги, характеризуются своей могильной тишиной и производят на непривычного человека мрачное, подавляющее впечатление.

Даже певчую птицу в них можно услышать только изредка: она как будто боится петь в этой глуши.

Остановишься, бывало, в таком лесу, прислушаешься, и ни малейший звук не нарушает тишины. Разве только изредка стукнет дятел или прожужжит насекомое и улетит бог знает куда. Столетние деревья угрюмо смотрят кругом; густое мелколесье и гниющие пни затрудняют путь на каждом шагу и дают живо чувствовать, что находишься в лесах девственных, до которых еще не коснулась рука человека...

Несколько оживленнее были только горные пади, где показывался лиственный лес, и редкие неширокие луга по берегам Шилки там, где горы отходили в сторону на небольшое расстояние. Травянистая флора таких местностей была весьма разнообразна и являлась в полной свежести и красоте.

Замечательно, что, несмотря на половину июня, по берегам Шилки иногда еще попадался лед, пластинами сажен в семьдесят длиной при толщине более 2 футов. Гребцы-казаки говорили мне, что тут можно встретить лед до начала июля, и это служит весьма красноречивой рекомендацией суровости здешнего климата.

Во время плавания по реке нам везде попадались различные птицы: кулики, утки, чомги, цапли, черные аисты, и, как страстный охотник, я не мог утерпеть, чтобы не выстрелить в ту или другую из них.

Обыкновенно я помещался на носу лодки и постоянно посылал приветствия всем встречающимся тварям то из ружья, то из штуцера¹, смотря по расстоянию.

Часто также случалось, что, заметив где-нибудь в стороне сидящего на вершине дерева орла, я приказывал лодке привалить к берегу и сам шел подкрадываться к осторожной птице.

Такие остановки как нельзя более задерживали скорость езды; мой товарищ-пассажир сто раз каялся, что поехал со мной; я сам давал себе обещание не вылезать больше из лодки и не ходить в сторону, но через какой-нибудь час вновь замечал орла или аиста, и повторялась та же история.

¹ Штуцером называют простую нарезную винтовку, заряжавшуюся с дула. (Примеч. редактора.)

Однажды мне посчастливилось убить даже кабаргу, которая переплывала через Шилку. Вообще кабарги здесь очень много по скалистым утесам и каменистым россыпям в горах, но это зверь весьма чуткий и осторожный, так что убить его очень трудно.

Местные жители добывают кабаргу, устраивая в лесах завалы из валежника и делая в них сажен через пятьдесят проходы, в которых настораживаются бревна. Встречая на своем пути такой завал, кабарга идет вдоль него, пока не найдет отверстие, в которое старается пролезть; в это время настороженное бревно падает и давит зверя.

Кроме того, кабаргу, так же как и косялу, можно убивать на пищик, которым подражают голосу ее детеныша.

Мясо кабарги на вкус неприятно, но главная добыча от этого зверя, кроме шкуры, состоит в мешочке мускуса, который находится у самца на брюхе и ценится в здешних местах от одного до двух рублей¹.

Благодаря быстрому течению Шилки мы успевали, несмотря на частые остановки, проезжать верст по сто в сутки и 14 июня прибыли к тому месту, где эта река, сливаясь с Аргунью, дает начало великому Амуру.

Последний имеет здесь не более 150 сажен ширины и, почти не изменяя характера берегов Шилки, прорывается через северную часть Хинганского хребта, который, как известно, отделяет собой Маньчжурию от Монголии. Как здесь, так и несколько далее река имеет общее направление к востоку до Албазина — казачьей станицы, выстроенной

¹ Речь идет о двух золотых рублях царской России. В XIX веке рубль представлял значительную сумму, особенно для охотничьего населения Восточной Сибири, жившего главным образом натуральным хозяйством. (Примеч. редактора.)

на месте бывшего городка, знаменитого геройской защитой в конце XVII столетия горсти наших казаков против многочисленного китайского войска, их осаждавшего. В самой станице до сих пор еще видны остатки валов прежнего укрепления, а на острове противоположного берега реки сохранились следы китайской батареи.

Прибыв в Албазин, я застал там совершенно неожиданно частный пароход, отходивший в город Благовещенск, и потому, оставив лодку, поплыл далее опять на пароходе.

Начиная отсюда вместе с поворотом Амура к югу изменяется и самый характер его течения. Взамен одного сжатого русла река разбивается на рукава и образует большие и малые острова, хотя ширина ее увеличивается немного, так что местами от одного берега до другого около полуверсты, а местами только сажен двести или даже того менее.

Быстрота течения все еще очень велика, и часто можно слышать особый, дребезжащий шум от мелкой гальки, которую катит река по своему песчаному и каменистому ложу.

Обе стороны Амура по-прежнему обставлены горами, которые здесь уже гораздо ниже и носят более мягкий характер.

С изменением характера Амура изменяется характер и береговой растительности. В лесах начинает попадаться более лиственных деревьев и кустарников, несколько пород которых, как, например, дуб и лещина, не встречаются во всей Сибири, но в первый раз появляются на Аргуни и на Амуре возле Албазина.

Чем далее к югу, тем более лиственные деревья замещают собой хвойные и ниже устья Кумары составляют главную массу лесной растительности.

По всему левому берегу Амура, начиная от слияния Шилки с Аргунью при Усть-Стрелочном пограничном карауле до города Благовещенска, поселён конный казачий полк, который вместе с другим, занимающим пространство от Благовещенска до Буреинских гор, составляет конную казачью бригаду в числе 7400 душ обоого пола.

Эти казаки живут в станицах, занимаются земледелием и ежегодно выставляют на службу около 150 человек, но в случае нужды могут выставить до 800, то есть по 400 с каждого полка.

За исключением некоторых бедных станиц, казаки, сколько я слышал, живут довольно порядочно, по крайней мере круглый год имеют собственный хлеб.

Кроме казаков, на верхнем Амуре встречается два племени — ороконы, кочующие по Шилке и Амуру до Албазина, и манегры, обитающие далее вниз, почти до устья Зеи.

Как те, так и другие занимаются исключительно охотой и рыбной ловлей, а потому кочуют с места на место, смотря по времени года и условиям своего промысла.

Для меновой торговли с русскими купцами ороконы собираются ежегодно в декабре в долину реки Олдоя, одного из левых притоков верхнего Амура, а манегры в то же время приезжают на устье Кумары, куда являются маньчжуры со своими товарами.

Во время проезда я часто видал по берегам Амура берестяные юрты этих народов, прикочевавших сюда для ловли рыбы, преимущественно осетров и калуг, которые в это время идут вверх по реке для метания икры.

Услыхав шум паровых колес, вся эта толпа обыкновенно выбегала на песчаный берег и смотрела на нас с изумленным любопытством.

Быстро катил мимо них пароход, и вслед за ним опять водворялась безмолвная тишина, постоянно царствующая в здешних местах и только изредка нарушаемая завыванием ветра в вершинах деревьев, журчанием горного ручья или отрывистым криком какого-нибудь зверя и птицы...

Но по мере того как мы спускались к югу, делалась явственно заметна большая теплота климата и большее развитие растительной жизни.

Луга уже везде красовались множеством пионов и лилий, а по мокрым кустам сплош-

ными полосами великолепного синего касатика; желтоголовник, синюха, ломонос, а по лесам ландыш, водосбор и кукушки сапожки были также в полном цвету.

Миновав, наконец, известную замечательность верхнего Амура — излучину Улус-Модонскую, где река, сделав дугу в 28 верст, снова подходит версты на две к прежнему месту, мы прибыли 20 июня в город Благовещенск, лежащий в 2 верстах выше устья Зеи.

Этот город, место управления Амурской областью, вытянут более чем на 2 версты вдоль по берегу Амура, так что с первого взгляда кажется довольно обширным.

На самом же деле все, что здесь есть лучшего, стоит на берегу реки, отойдя от которой несколько сот шагов опять встречаешь пустую равнину.

Население Благовещенска, насчитывающее до 3500 душ обоого пола, составляют главным образом войска и служащие-чиновники; кроме того, есть также купцы, русские и китайские.

Последние торгуют разными мелочами в особых, рядом выстроенных деревянных лавках, которые как по наружному виду, так и по внутреннему содержанию ничем не отличаются от мелочных лавок на рынках наших уездных городов.

Магазины некоторых из русских купцов довольно сносны по своему наружному виду, но зато дороговизна в них страшная и все товары обыкновенно продаются по тройной или, только в самых редких случаях, по двойной цене против своей номинальной стоимости.

В городе нет ни гостиницы, ни даже постоялого двора, так что проезжающий, не имеющий знакомых, поставлен в самое затруднительное положение, не зная, где остановиться и как продовольствоваться.

Приходится поневоле, бросив свою поклажу на произвол судьбы, ходить из дома в дом искать квартиры, которую можно найти с большим трудом у какого-нибудь отставного солдата, где за помещение через перегородку с хозяином с вас берут по рублю и более в сутки.

Между тем здесь иногда приходится жить недели две — три в ожидании отходящего по пути парохода.

Однако благодаря счастливой судьбе мне пришлось испытать подобное удовольствие только в течение двух суток, так как

вскоре сюда пришел пароход, остававшийся для починки в Шилкинском заводе и теперь отправляющийся вниз по Амуру до Николаевска. Перебравшись на этот пароход, с большой радостью я оставил Благовещенск и поплыл далее.

Вскоре мы миновали устье Зеи, которая имеет здесь около 2 верст ширины; следовательно, гораздо более, нежели сам Амур. На левом берегу последнего, начиная отсюда вплоть до гор Буреинских, или, как их чаще называют, Малого Хингана, тянется сплошная равнина, имеющая частью луговой, частью лесистый характер.

На правом берегу равнина с таким же характером спускается верст на пятьдесят ниже Благовещенска, но потом горы Илхури-Алинь, отошедшие было в сторону, снова придвигаются к реке и идут, не прерываясь, на расстоянии 5—10 верст от ее берега.

По обе стороны Амура, верст на семьдесят ниже Благовещенска, попадаются довольно часто маньчжурские деревни и почти на середине этого расстояния на правом берегу лежит город Айгунь (Сахалия — Ула-Хотон), который вытянулся версты на две и мало чем отличается своим наружным видом от прочих маньчжурских деревень. Посередине этого города, в котором считается до 15 тысяч жителей, виднеется крепость, сделанная из толстых кольев, врытых вертикально в землю; в ней живет сам амбань, или губернатор Айгуни.

Из русского населения, кроме второго конного казачьего полка, который, как я уже говорил выше, поселен в пространстве между городом Благовещенском и Буреинскими горами, в окрестностях самого Благовещенска на Зее, равно как по ее притоку Томи и по реке Завитой, впадающей в Амур, лежат деревни крестьян, переселившихся сюда из России.

Кроме того, часть таких деревень находится выше Благовещенска, и одна из них — даже возле Албазина.

Общая цифра крестьянского населения по верхнему и среднему Амуру простирается до 9500 душ обоего пола¹, и, по слышанному мной отзывам, эти крестьяне живут довольно хорошо, так что неко-

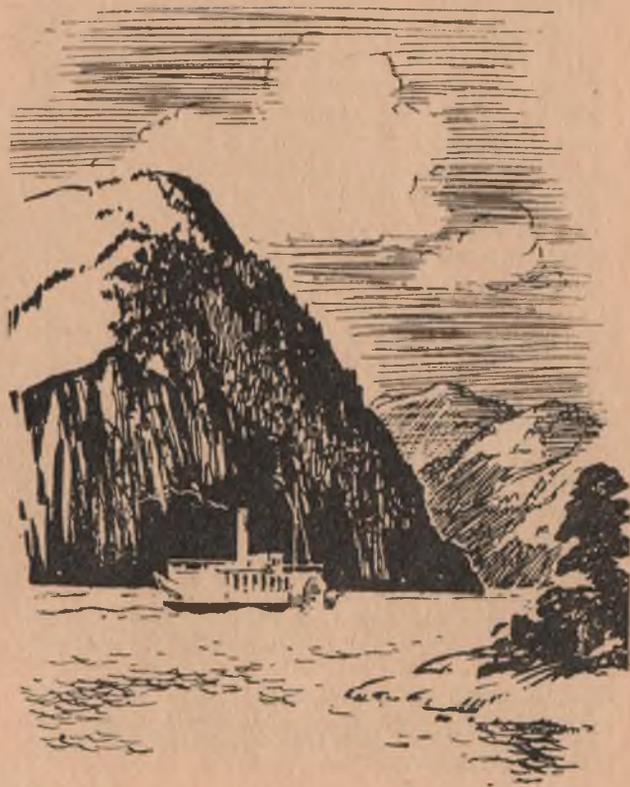
торые из них имеют даже запасы зернового хлеба.

На другой день по выходе из Благовещенска мы достигли Буреинских гор, через которые на протяжении 140 верст проходит Амур ниже устья Буреи.

Узкой, чуть заметной полосой начинают синеть эти горы на горизонте необозримой равнины, которая тянется, не прерываясь, на левом берегу реки от самого Благовещенска. По мере того как пароход подвигается вперед, очертания самого хребта и его вершин делаются яснее, и наконец у станицы Пашковой вы вступаете в горы, сплошь покрытые лиственными лесами, придающими несравненно более красоты ландшафту, нежели те хвойные породы, которые преобладают в Шилкинских горах.

Притом же здесь начинают попадаться многие виды деревьев и кустарников, свойственных более южным частям Амурского бассейна, так что Буреинские горы принимаются границей между верхним и средним течением Амура.

Прорыв этой реки через главный кряж Малого Хингана происходит собственно

¹ Всех крестьянских деревень — 41. (Примеч. автора.)

между станицами Радевой и Помпеевкой на протяжении 70 верст.

Здесь Амур вдруг суживает свое русло сажен на двести и без всяких рукавов быстро и извилисто стремится между горами, представляя на каждом шагу великолепные ландшафты.

Высокой, отвесной стеной подходят горы к самому берегу, и вот кажется, что пароход стремится прямо на скалу, как вдруг новый крутой поворот реки открывает иную чудную панораму, но не успеешь достаточно полюбоваться ее красотой, как опять являются еще лучшие картины и так быстро сменяют одна другую, что едва успеваешь удерживать их в своем воображении.

По выходе из Бурейских гор, у станицы Екатерино-Никольской, Амур тотчас же разбивается на множество рукавов. И опять неоглядная равнина раскидывается по обе стороны реки, которая вскоре принимает справа самый большой из всех своих притоков — Сунгари.

Вслед за тем размеры Амура увеличиваются почти вдвое, так что главное русло имеет более 2 верст, а по принятии реки Усури даже до 3 верст ширины.

Оставив позади Бурейские горы, быстро катили мы вниз по широкой реке, и 26 июня, ровно через месяц по выезде из Иркутска, я высадился в селении Хабаровке, лежащем при устье Усури, по которой мог уже ехать не торопясь и значительную часть времени посвящать по мере своих сил и знаний на изучение страны, ее природы и жителей.

* * *

Усурийский край, приобретенный нами окончательно по Пекинскому договору 1860 года, составляет южную часть Приморской области. Он заключает в себе бассейн правых притоков Усури и ее верхнего течения; кроме того, сюда же в обширном смысле можно отнести весь Зауссурийский край до границ с Маньчжурией и Кореей, а также побережье Японского моря до ширины устья Усури.

Страна эта лежит между 42° и 48° северной широты¹, следовательно, под одной ши-

¹ Собственно между 42° 21' северной широты (южная оконечность наших владений — устье реки Туманги) и 48° 28' северной широты (устье Усури). (Примеч. автора.)

ротой с Северной Испанией, Южной Францией, Северной и Средней Италией и Южной Россией, но под влиянием различных физических условий имеет климат совершенно иного склада, чем вышеназванные европейские местности.

С другой стороны, растительный и животный мир Усурийского края при своем громадном богатстве представляет в высшей степени оригинальную смесь форм, свойственных как далекому северу, так и далекому югу.

Наконец, по отношению к удобству колонизации описываемая страна, в особенности в своих южных частях, составляет наилучшее место из всех наших земель на берегах Японского моря.

Таким образом, Усурийский край, независимо от своего научного интереса, важнее еще и относительно той будущности, которую он может иметь, конечно, при условии правильной колонизации, основанной на данных, выработанных опытом и наукой.

Обращаясь к устройству поверхности этого края, можно сказать, что топографический его характер определяется положением главного хребта, который известен под названием Сихотэ-Алиня и, начинаясь в маньчжурских пределах, тянется невдалеке и параллельно берегу Японского моря, от южной части Зауссурийского края до самого устья Амура. Средняя высота его 3000—4000 футов, и только в некоторых точках своих южных частей он поднимается до 5000 футов.

Восточные отроги этого хребта коротки, но притом гораздо выше западных и, направляясь перпендикулярно берегу Японского моря, оканчиваются здесь высокими, отвесными утесами.

Западные же отроги Сихотэ-Алиня носят более мягкий характер и наполняют собой все пространство между главной осью этого хребта с одной стороны, Усури и Амуром — с другой.

Таким образом, принадлежащая нам часть Усурийского бассейна представляет собой страну гористую, в которой, однако, горы достигают лишь средней высоты и при мягкости своих форм везде могут быть удободоступны.

Относительно орошения следует сказать, что оно здесь весьма обильно и что Усури составляет главную водную жилу всей страны.

В растительном мире Уссурийского края, равно как и в животном, мы встречаем замечательные богатства, а вместе с тем оригинальную смесь северных и южных форм.

Вообще относительно растительности этой страны можно высказать два главных положения: 1) она весьма разнообразна по своим формам; 2) в то же время весьма однообразна по своему распределению на всем протяжении края — от самых южных его пределов до самых северных.

Последнее обстоятельство в особенности резко бросается в глаза путешественнику, который, встречая уже на среднем Амуре грецкий орех, пробку и виноград, ожидает далее найти еще более южную флору. Между тем характер этой последней почти не изменяется на всем протяжении Уссурийского края и даже возле залива Посыета можно найти тот же самый хвойный лес, который растет на устье Уссури.

Правда, в Южноуссурийском крае появляются новые виды деревьев, кустарников и трав, которых нельзя встретить на устье Уссури, но эти виды не составляют преобладающих типов и своим присутствием не изменяют много общий характер растительности.

Гораздо большую разницу в этой последней можно встретить, направляясь от берега Уссури на восток внутрь страны и далее на морское побережье.

Здесь с одной стороны горы, а с другой — неблагоприятное влияние Японского моря¹ значительно изменяют условия климата, а вместе с тем изменяется самый характер растительности. В лесах начинают преобладать хвойные деревья, а лиственные, в особенности на главном кряже Сихотэ-Алиня, являются в небольшом числе и никогда не достигают здесь таких роскошных размеров, как в местностях, ближайших к Уссурийской долине. Что же касается морского побережья, то растительность его вообще беднее, нежели внутри страны, заслоненной от неблагоприятного влияния Японского моря Сихотэ-Алинскими горами. По той же самой причине весной растительная жизнь развивается на побережье гораздо позднее, нежели по запад-

¹ Неблагоприятное охлаждающее влияние Японского моря на климат прибрежной Маньчжурии происходит вследствие холодного течения, которое из Амурского лимана движется к югу, возле самых наших берегов. (Примеч. автора.)

ную сторону Сихотэ-Алиня, в местностях, лежащих под одинаковыми градусами широты.

Наконец, неблагоприятным действием холодных вод Японского моря можно объяснить то странное явление, что южные части наших зауссурийских владений по характеру растительности почти не отличаются от местностей, лежащих на устье Уссури. В самом деле, по мере того как Уссури входит в высшие широты, она все более и более удаляется от берега моря и его неблагоприятного влияния, а через то, несмотря на более северное положение, сохраняет даже возле самого устья лучшие климатические условия, делающие возможным развитие растительности, почти не отличающейся от флоры южных частей этого края.

Сохраняя таким образом однообразие на всем протяжении страны с юга на север, растительность Уссурийского края в то же время заключает в себе большое разнообразие видов, из которых одни свойственны Амуру, Северо-Восточной Азии, даже Камчатке и Северной Америке, а другие произрастают в более теплых странах: Японии и Китае. Из последних некоторые достигают здесь северной границы своего распространения, а другие, даже большая часть, переходят в область Амура.

Из древесных и кустарных пород лесам Уссурийского края свойственны следующие виды: липа, достигающая 80—100 футов вышины и 3—4 футов в диаметре ствола; клен, одни виды которого встречаются в рощах луговых равнин, а другие в смешанных лесах горных скатов; пробковое дерево и грецкий орех, растущие даже на среднем Амуре и часто попадающиеся по всему Уссурийскому краю. Первое из этих деревьев достигает 50 футов вышины, а второе даже до 80 футов и при толщине 2—3 фута дает отличный поделочный материал. Плоды здешнего грецкого ореха имеют чрезвычайно толстую скорлупу и небольшое зерно, которое, впрочем, по вкусу ничем не отличается от европейского ореха того же рода¹.

Аралия маньчжурская, ствол которой, посаженный колючками, имеет до 20 футов

¹ Вид орехового дерева на Дальнем Востоке и в Маньчжурии называется маньчжурским орехом. (Примеч. редактора.)

вышины при толщине 2—3 дюйма. Это южное растение встречается преимущественно в Южноуссурийском крае и всего более по каменистым горным скатам.

Диморфант — небольшое дерево с пальмообразной верхушкой. Эта замечательная южная, даже подтропическая форма растет в тенистых лесных падах Уссурийского края, но везде попадает очень редко.

Ясень, достигающий 80 футов вышины при толщине иногда 3—4 фута, дает отличный строевой и поделочный лес.

Дуб достигает еще больших размеров, нежели ясень, хотя следует заметить, что подобные экземпляры довольно редки. Вообще же это дерево при средней величине составляет часто преобладающую породу в лесах Уссурийского и в особенности Южноуссурийского края. Однако в таких сплошных массах оно бывает по большей части плохого качества, так как всегда имеет дупловатую сердцевину.

Ильм, или вяз, изобилует по всему краю и достигает часто громадных размеров (100 футов) вышины при толщине 3—5 и даже 6 футов, может доставить отличный корабельный лес. Другие виды этого дерева при меньшей величине имеют также прекрасную древесину, годную на всякие поделки.

Береза белая и черная составляет иногда на большом протяжении преобладающие породы. Впрочем, в южных частях Уссурийского края чаще встречается последний, нежели первый вид. Кора белой березы в большом употреблении у инородцев, которые после известного приготовления (выварки в горячей воде, а потом копчения в дыму) покрывают ею свои временные жилища, или юрты, обтягивают лодки, делают различную посуду и т. д.

Переходя затем к хвойным породам, следует сказать, что эти деревья вовсе не растут по долинам как самой Уссури, так равно и других рек описываемого края. Они появляются только на предгорьях, окаймляющих бока этих долин, сначала в смеси с листовыми породами, а затем, по мере удаления к главному хребту, составляют преобладающую массу лесной растительности.

Следующие хвойные породы можно назвать в порядке их преобладания по горным лесам Уссурийского края: кедр, ель, лиственница даурская и японская, пихта сибир-

ская и аянская, сосна, тис, наконец древоидный можжевельник — растет только в Южноуссурийском крае, и то лишь редкими, единичными экземплярами.

Характерную черту всех здешних лесов, в особенности лиственных и смешанных, составляет густой подлесок различных кустарников.

Таков разнообразный состав лесов Уссурийского края, которые всего роскошнее развиваются по горным скатам, защищенным от ветра, и в невысоких падах, орошаемых быстрыми ручьями. Здесь растительная жизнь является во всей силе, и часто на небольшом пространстве теснятся самые разнообразные породы деревьев и кустарников, образующих густейшие заросли, переплетенные различными вьющимися растениями.

В особенности роскошно развивается в таких местах виноград, который то стелется по земле и покрывает ее сплошным ковром зелени, то обвивает, как лианы тропиков, кустарники и деревья и свешивается с них самыми роскошными гирляндами.

Невозможно забыть впечатления, производимого, в особенности в первый раз, подобным лесом. Правда, он так же дик и недоступен, как и все прочие сибирские тайги, но в тех однообразии растительности, топкая, тундристая почва, устланная мхами или лишайниками, навевают на душу какое-то уныние; здесь, наоборот, на каждом шагу встречаешь роскошь и разнообразие, так что не знаешь, на чем остановить свое внимание. То высится перед вами громадный ильм со своей широковетвистой вершиной, то стройный кедр, то дуб и липа с пустыми, дуплистыми от старости стволами более сажени в обхвате, то орех и пробка с красивыми перистыми листьями, то пальмовидный диморфант, довольно, впрочем, редкий.

Как-то странно непривычному взору видеть такое смешение форм севера и юга, которые сталкиваются здесь как в растительном, так и в животном мире.

В особенности поражает вид ели, обвитой виноградом, или пробковое дерево и грецкий орех, растущие рядом с кедром или пихтой. Охотничья собака отыскивает вам медведя или соболя, но тут же рядом можно встретить тигра, не уступающего в величине и силе обитателю джунглей Бенгалии.

И торжественное величие этих лесов не нарушается присутствием человека; разве изредка пробредет по ним зверолов или раскинет свою юрту кочевник, но тем скорее дополнит, нежели нарушит, картину дикой, девственной природы...

По всему правому берегу Уссури, от ее низовья до впадения Сунгачи, поселен Уссурийский пеший батальон Амурского казачьего войска. Он занимает 28 станиц, которые расположены в расстоянии 10—25 верст одна от другой и все выстроены по одному и тому же плану.

Они вытянуты вдоль по берегу Уссури, иногда на версту длины, и большей частью состоят из одной улицы, по которой то в одну линию, то в две, справа и слева, расположены жилые дома.

Эти последние имеют обыкновенно одну, редко две комнаты, в которых помещается хозяин-казак со своим семейством.

Сзади дворов лежат огороды, но особых хозяйских угодий не имеется, так как казаки держат свой скот постоянно под открытым небом, а хлеб после сбора складывают в скирды на полях.

В трех станицах выстроены церкви, а в более обширных живут торговцы, занимающиеся главным образом продажей водки казакам и покупкой соболей у китайцев.

Вообще наружный вид казацких станиц далеко не привлекателен, но еще более завидно положение их обитателей.

Эти казаки были переселены сюда в период 1858—1862 годов из Забайкалья, где они выбирались по жребию, волей или неволей должны были бросить свою родину и идти в новый, неведомый для них край. Только богатые, на долю которых выпадал жребий переселения, могли отделаться от этой ссылки, наняв вместо себя охотников, так как подобный наем был дозволен местными властями.

Разумеется, продавать себя в этом случае соглашались только одни бобыли, голь, которые явились нищими и в новый край. Притом даже и те, которые были побогаче, забрали с собой достаточно скота и разного имущества, — и те большей частью лишились всего этого от различных несчастных случаев в продолжение трудной и дальней дороги.

Таким образом, казаки с первого раза стали смотреть враждебно на новый край, а на себя самих как на ссыльных.

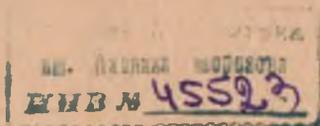
Дальнейшее десятилетнее житье нисколько не переменяло таких воззрений и не улучшило их положения. Как прежде, так и теперь везде на Уссури слышны горькие жалобы на разные невзгоды и тоскливое воспоминание о прежних покинутых местах.

«Какое тут житье, — обыкновенно говорят казаки, — зимой есть нечего, с голоду умирай, а летом от гнусу¹ ни самому, ни скотине деться некуда. Вот в Забайкалье было хорошо; не один раз вспомнишь про тамошнее житье». — «У меня, — добавлял иной, — там водилось голов пятьдесят рогатого скота, а здесь только две коровенки, да и за них слава богу! У других того даже нет».

«Теперь возьмем про хлеб. С весны всегда он растет хорошо: высокий, густой, просто сердце радуется.глядишь, летом или водой зальет, или дождем сгноит, червяк поест, и не соберешь ты почти ничего за все свои труды».

«Или, например, купить что-нибудь, — тут отдай в два, в три раза дороже, да и то еще такого товара не возьмешь, как в Забайкалье. Здешние купцы рады содрать с

¹ Общим названием «гнус» казаки называют комаров, мошек и оводов, которые появляются летом из Уссури в несметном количестве и действительно невыносимо мучат как животных, так и человека. (Примеч. автора.)

тебя последнюю шкуру. Вот я, лонись¹, дабы кусок купила, четыре рубля отдала, а что? Там всего 16 аршин; разве две юбки выйдет да старику выгадаю на рубашонку, — добавляла со своей стороны хозяйка, вздыхая при этом и приговаривая: — пришлось на старости лет горе мыкать и нужду во всем терпеть».

«Теперь возьмем про всякое хозяйское снабдьё, — продолжала словоохотливая баба. — Бывало, за Байкалом всего было вдоволь: масла целую кадку за лето наготовливала, говядины тоже вволю, ягоды всякие... А здесь что? В светлый праздник не видишь того, что прежде имелось каждый будний день. Пропади она совсем, эта Уссури! Так бы всё и бросили; пешком бы пошли назад в Забайкалье».

Эти и тому подобные рассказы можно услышать на Уссури в каждой станице: везде недовольство, жалобы, тоска о прежнем житье за Байкалом.

Действительно, быт казаков, за весьма немногими исключениями, крайне незавидный.

Не говоря уже про какое-нибудь довольство жизни, большая часть из них не имеет куска хлеба насущного, и каждый год с половины зимы до снятия жатвы казна должна кормить большую часть населения, чтобы хотя сколько-нибудь спасти его от голода. Обыкновенно в это время выдают заимообразно неимущим казакам по 30 фунтов муки в месяц, но так как этой дачи для многих семейств недостаточно, и притом же она не вдруг выдается всем голодающим, то казаки к получаемому провианту подмешивают семена различных сорных трав, а иногда даже глину. Испеченный из этой смеси хлеб имеет цвет засохшей грязи и сильно жжет во рту после еды.

Главным подспорьем к этому, но далеко не у всех, служит кирпичный чай, завариваемый с солью, или так называемый бурдук, то есть ржаная мука, разболтанная в теплой воде.

¹ Казаки на Уссури, да и в Забайкалье употребляют довольно много особенных, местных слов. «Лонись, лонской» — значит в прошлый раз. Притом каждому новому человеку как на Уссури, так и на Амуре бросается в глаза беспрестанное употребление жителями слова «однако». О чем бы вы ни заговорили, везде вклеят это «однако». Бывало, спросишь казака: «Это твоя мать?» — «Однако, да» — отвечает, подумав, он, как будто сомневается даже в этом слухе. (Примеч. автора.)

За неимением того и другого казаки готовят из высушенных гнилушек березы и дуба особый напиток, называемый шульта, и пьют в огромном количестве вместо чая.

Рыбную и мясную пищу зимой имеют весьма немногие, едва ли и двадцатая часть всего населения; остальные же довольствуются шультой и бурдуком, то есть такими яствами, на которые нельзя без омерзения и взглянуть свежему человеку.

Конечно, с первого раза кажется весьма странным: каким образом население может умирать с голоду в стране, где воды кишат рыбой, а леса полны всякого зверя? Ведь здесь стоит только пойти с ружьем, чтобы убить козу или изюбра, а не то забросить сеть или какой-нибудь другой снаряд, чтобы наловить сколько угодно рыбы.

Борьба с нуждой, голодом и различными невзгодами отражается не только на нравственной стороне, но даже и на самой физиономии уссурийских казаков. Бледный цвет лица, впалые щеки, выдавшиеся скулы, иногда вывороченные губы, по большей части невысокий рост и общий болезненный вид — вот характерные черты физиономии этих казаков.

Не увидите вы здесь красивого великорусского мужика, с его окладистой бородой, или молодого краснощекоего парня. Нет! Сами дети казаков, живой тип своих отцов, какие-то вялые, неигривые. Ни разу не слыхал я на Уссури русской песни, которая так часто звучит на берегах Волги; не запоет ямщик, который вас везет, про «не белы снеги» или про что-либо другое в этом роде; нет даже здесь обычного русского покрикивания на лошадей, а какое-то особенное — вроде: «цсши, цсши, цсши...», которое произносится тихо, вполголоса и так звучит неприятно, что иногда мороз дерет по коже.

Вообще все, что вы видите на Уссури — казаков и их быт, — все действует крайне неприятно, в особенности на свежего человека.

Везде встречаешь грязь, голод, нищету, так что невольно болеет сердце при виде всех явлений.

Начнем теперь про само путешествие.

Проведя несколько дней в Хабаровске, я направился вверх по Уссури не на пароходе, а на лодке, так как при подобном способе движения можно было подробнее

ознакомиться с краем, по которому приходилось ехать. Лодка у меня была своя собственная, гребцов же я брал в каждой станице пошменно. Гоньба почты и провоз проезжающих составляют повинность казаков, которые поочередно выставляют в каждой станице зимой лошадей, а летом гребцов и лодки. Каждая такая очередь стоит неделю; прогоны платятся по три копейки на версту зимой за лошадь, а летом за каждого гребца. Впрочем, летом проезжающих в лодках почти никого не бывает, кроме казачьих офицеров, которые ездят по делам служебным. Зимой дорога по льду Уссури довольно хороша, но летом других сообщений, кроме водных, не существует. Правда, между станицами есть тропинки, но по ним можно пробраться только пешком или верхом, да и то не всегда благополучно, особенно во время наводнений.

Мое плавание по Уссури от ее устья до последней станицы Буссе (477 верст) продолжалось 23 дня, и все это время сильные дожди, шедшие иногда суток по двое без перерыва, служили большой помехой для всякого рода экскурсий.

Собранные растения зачастую гибли от сырости, чучела птиц не просыхали как следует и портились, а большая вода в Уссури, которая во второй половине июня прибыла сажени на две против обыкновенного уровня, затопила все луга, не давая возможности иногда в продолжение целого дня выходить из лодки.

Во время следования в лодке, что происходило крайне медленно против быстрого течения, мы с товарищем обыкновенно шли берегом, собирали растения и стреляли попадавшихся птиц. То и другое сильно замедлило движение вперед и невообразимо несносно было для гребцов-казаков, которые на подобного рода занятия смотрели как на глупость и ребячество. Одни из них, более флегматические, постоянно презрительно относились к моим птицам и травам; другие же, думая, что собираемые растения какие-нибудь особенно ценные, но только они не знают в них толку, просили открыть им свой секрет. Станичные писари и старшины, как люди более образованные, зачастую лезли с вопросами, вроде таких: «Какие вы это, ваше благородие, климаты составляете?» А однажды старик казак, видя, что я долго не сплю и сушу растения, с полным участием и вздохом сказал: «Ох,

служба, служба царская, много она делает заботы и господам».

Про ботаника Максимовича, который был на Уссури в 1860 году, казаки помнят до сих пор и часто у меня спрашивали: «Кто такой он был, полковник или нет?» В станице Буссе, на верхней Уссури, мне случилось остановиться в той же самой квартире, где жил Максимович, и когда я спросил про него хозяйку, то она отвечала: «Жил-то он у нас, да бог его знает, был какой-то травник». — «Что же он здесь делал?» — спрашивал я хозяйина. «Травы собирал и сушил, зверьков и птичек разных набирал, даже ловил мышей, козявок и червяков — одно слово, гнус всякий», — отвечал он мне с видимым презрением к подобного рода занятиям.

Оставим всю эту пошлость и глупость, от которых нет спасения даже в далеких дёбрях Сибири, и перейдем к прерванному рассказу.

Чуть свет обыкновенно вставал я и, наскоро напившись чаю, пускался в путь. В хорошие дни утро бывало тихое, безоблачное. Уссури гладка, как зеркало, и только кой-где всплеснувшаяся рыба взволнует на минуту поверхность воды. Природа давно уже проснулась, и беспокойные крачки снуют везде по реке, часто бросаясь на воду, чтобы схватить замеченную рыбу. Серые цапли важно расхаживают по берегу; мелкие кулички проворно бегают по песчаным откосам, а многочисленные стада уток перелетают с одной стороны реки на другую.

Голубые сороки и шрикуны, каждые своим стадом, не умолкая кричат по островам, где начинает теперь попевать любимая их ягода — черемуха. Из ближайшего леса доносится голос китайской иволги, которая больше, красивее, да и свистит погромче нашей европейской.

То там, то здесь мелькнет украдкой какой-нибудь хищник, а высоко в воздухе носится большой стриж, который то поднимается к облакам, так что его почти совсем не видно, то, мелькнув, как молния, опускается до поверхности реки, чтобы схватить мотылька. Действительно, этот превосходный летун едва ли имеет соперника в быстроте — даже хищный сокол и тот не может поймать его. Я видел во время осеннего пролета этих стрижей, как целые стада их проносились возле сидящего на вершине

сухого дерева сокола чеглока, но он не подумал на них броситься, зная, что не догнать ему этого чудовищного летуна.

Вплываем в узкую протоку, берега которой обросли, как стеною, густыми зелеными ивами, и перед нами является небольшая робкая цапля или голубой зимородок, который сидит, как истукан, на сухом выдающемся

над водою суку дерева и выжидает мелких рыбок — свою единственную пищу; но, встревоженный нашим появлением, поспешно улетает прочь.

Поднимается выше солнце, наступает жара, и утренние голоса смолкают; зато оживает мир насекомых, и множество бабочек порхает на песчаных берегах реки. Между всеми ними, бесспорно, самая замечательная и по красоте — осторожная махаон Маака, в ладонь величиною и превосходного голубого цвета с различными оттенками. Но вместе с бабочками появляются тучи мучащих насекомых, которые в тихие дни не прекращают свои нападения в течение целых суток, но только сменяют друг друга.

Действительно, комары, мошки и оводы являются летом в Уссурийском крае в таком бесчисленном множестве, что не видавшему собственными глазами или не испытавшему на себе всей муки от названных насекомых трудно даже составить об этом понятие.

Без всякого преувеличения могу сказать, что если в тихий пасмурный день идти по высокой траве уссурийского луга, то тучи этих насекомых можно уподобить разве только снежным хлопьям сильной метели, которая обдаёт вас со всех сторон. Ни днем, ни ночью проклятые насекомые не дают покою ни человеку, ни животным, и слишком мало заботится о своем теле тот, кто вздумает без дымокура присесть на уссурийском лугу для какой бы то ни было надобности.

Дневной жар сменяет прохладный вечер. Надо подумать об остановке, чтобы просушить собранные растения, сделать чучело-другое птиц и набросать заметки обо

всем виденном в течение дня. Выбрав где-нибудь сухой песчаный берег, я приказывал лодки приваливать к нему и объявлял, что здесь останемся ночевать.

Живо устраивался бивуак, разводился костер, и мы с товарищем принимались за свои работы, а между тем наши солдаты варили чай и незатейливый ужин.

Говорят, что голод — самый лучший повар, и с этим, конечно, согласится всякий, кому хотя немного удавалось вести странническую жизнь, дышать свободным воздухом лесов и полей...

Между тем заходит солнце, сумерки ложатся довольно быстро, и в наступающей темноте начинают мелькать, как звездочки, сверкающие насекомые, а тысячи ночных бабочек слетаются на свет костра. Понемногу замолкают дневные пташки; только однообразно постукивает японский козодой да с ближайшего болота доносится дребезжащий, похожий на барабанную трель, голос водяной курочки, вперемежку с которым раздаётся звонкий свист камышовки, лучшей из всех здешних певец.

Наконец мало-помалу смолкают все голоса, и наступает полная тишина; разве изредка всплеснет рыба или вскрикнет ночная птица...

Окончив, иногда уже поздно ночью, свои работы, мы ложились тут же у костра и, несмотря на комаров, скоро засыпали самым крепким сном. Утренний холод обыкновенно заставляет просыпаться на восходе солнца и спешить в дальнейший путь. Так проводили мы дни своего плавания по Уссури. К несчастью, частые и сильные дожди много мешали успешному ходу путешествия и принуждали в такое время ночевать в станицах, чтобы хотя во время ночи обсушить и себя и собранные коллекции.

В 12 верстах выше станицы Буссе Уссури принимает слева реку Сунгачу, неширокое устье которой трудно даже и заметить в густых зарослях берегового ивняка. Между тем эта река, составляющая сток озера Ханка, приносит значительную массу воды, а по оригинальному характеру своего течения заслуживает особенного внимания и любопытства. Действительно, едва ли можно найти другую реку, которая так при-

хотливо изломала бы свое русло и образовала столько частых и крутых извилин, как Сунгача.

Местность, орошаемая Сунгачею, представляет совершенную равнину, которая начинается на левой стороне Уссури еще от устья Мурени и тянется, не прерываясь, до восточных берегов озера Ханка.

В то же время совершенное безлюдье характеризует эти непригодные для человека равнины. Ни инородческого, ни русского населения нет по Сунгаче. Только четыре наших пограничных поста, на которых живет по нескольку казаков, стоят одиноко на расстоянии 20—30 верст один от другого.

Но зато если взор путешественника томится однообразием как местности, так и флоры сунгачинских равнин, то он бывает с избытком вознагражден появлением великолепного цветка нелюббии (лотос), который местами во множестве растет по береговым озерам и заливам Сунгачи.

Это водное растение, близкий родственник гвианской царственной виктории, разве только ей и уступает место по своей красоте.

Чудно впечатление, производимое, в особенности в первый раз, озером, сплошь по-

крытым этими цветами. Огромные (более аршина в диаметре) круглые кожистые листья, немного приподнятые над водою, совершенно закрывают ее своею яркою зеленью, а над ними высятся на толстых стеблях целые сотни розовых цветов, из которых иные имеют шесть вершков в диаметре своих развернутых лепестков¹.

Такой огромной величины достигает здесь цветок этого растения, которого родина — далекие теплые страны: Япония, Южный Китай и Бенгалия².

Но, как странная аномалия, он заходит на север даже до устья Уссури, хотя попадает там в количестве несравненно меньшем, нежели в бассейне озера Ханка.

Наружный вид озера Ханка не имеет в себе ничего привлекательного. Огромная площадь мутной воды, низкие болотистые или песчаные берега и далекие горы, синющие на противоположной стороне, — вот что с первого раза представляется каждому, кто видит это озеро от истока Сунгачи.

¹ Нелюббия цветет в здешних местах в августе (Примеч. автора.)

² В Европе нелюббия растет в небольшом количестве в устье Волги. (Примеч. автора.)

По своей форме озеро Ханка представляет эллипс, расширенный на севере, суженный к югу и вытянутый большой осью в последнем направлении. Наибольшая длина его от севера к югу около 80, а ширина от востока к западу около 60 верст. Окружность простирается до 250 верст, а площадь занимает до 3400 квадратных верст. Однако, несмотря на такую величину, озеро Ханка чрезвычайно мелко, и хотя подробных промеров еще не было сделано, но наибольшая глубина, которая до сих пор найдена, равняется только 24 футам, и то около середины. Начиная же от берегов, на полверсты, а часто и того более глубина не превосходит 5 или 6 футов. Дно, везде гладкое, как пол, состоит из песка с примесью различных органических остатков.

Относительно рыбы озеро Ханка представляет замечательное богатство и разнообразие, но ихтиологическая фауна его до сих пор еще почти совершенно не исследована.

Из наиболее часто встречающихся здесь рыб можно назвать: таймень, ленок, сазан, карась, белая рыба, касатка, сом, налим, осетр, калуга.

Действительно, неглубокие, мутные и сильно нагреваемые воды озера Ханка, имеющего дно песчано-илистое, а берега или болотистые, или песчаные, представляют такие выгодные условия для жизни рыбы и для развития икры, каких трудно найти где-либо в другом озере.

Для последней цели, то есть для метания икры, ежегодно приходят сюда с Уссури огромные массы рыб, в особенности белой и осетров.

Самый сильный ход бывает с начала мая, когда озеро уже совершенно очистится ото льда, и так как вся рыба должна проходить через единственный путь — неширокую Сунгачу, то эта река в течение всего лета, в особенности в мае, в буквальном смысле кишит рыбой. Обилие последней бывает до того велико, что ее очень часто убивают колеса пароходов. Мало того, выпрыгивающая из воды рыба часто сама заскакивает в лодки и даже иногда на палубу пароходов.

Я сам был свидетелем подобного случая и могу, сверх того, представить ручательство лиц весьма почтенных, как однажды на истоке Сунгачи сазан в 18 фунтов весом вскочил на палубу парохода, прямо

под стол, на котором пассажиры пили вечерний чай.

Притом же некоторые рыбы достигают здесь громадных размеров. Правда, осетры попадают большей частью около пуда весом, редко в 2 и еще реже в 3 или 4 пуда, но зато калуга достигает 30 пудов при длине более 2 сажен, а местные китайцы-старожилы говорят, что есть даже экземпляры и в 50 пудов.

Странно, каким образом такая громадная рыба может привольно жить в озере, которого глубина в очень многих местах менее длины ее туловища.

Весь август провел я на берегах этого озера, занимаясь переписью крестьян и различными исследованиями. Несмотря на довольно позднее время года, я нашел в течение этого месяца еще 130 видов цветущих растений. В то же время и охотничьи экскурсии представляли очень много нового и интересного. В особенности памятно мне в последнем отношении пустынные, никем не посещаемые местности на север от устья реки Сиян-хэ.

Несколько раз проводил я здесь по целым часам в засадах на песчаных косах, выдающихся среди болотистых берегов, и видел лицом к лицу свободную жизнь пернатых обитателей.

Спугнутые моим приходом, различные кулики и утки снова возвращались на прежние места и беззаботно бегали по песку или купались в воде на расстоянии каких-нибудь десяти шагов от засадки, вовсе не подозревая моего присутствия. Появившаяся откуда-то тяжеловесная скопа целых полчаса занималась ловлею рыбы, бросаясь на нее, как камень, сверху, так что от удара об воду брызги летели фонтаном, и, все-таки ничем не поживившись, с досадой улетила прочь. Сокол-сапсан, мелькнув, как молния, из-за тростника, схватил глупую, беззаботную ржанку и быстро помчался к берегу пожирать свою добычу. Из волн озера поднялась черепаха, осторожно оглянувшись, медленно проползла несколько шагов по песку и улеглась на нем. Тут же, неподалеку, несколько ворон пожирала только что выброшенную на берег мертвую рыбу и, по обыкновению, затевали драку за каждый кусок. Этот пир не укрылся от зорких глаз орлана-белохвоста, который парил в вышине и, по праву сильного, вздумал отнять у ворон их вкусную добычу. Боль-

шими спиральными кругами начал спускаться он из-под облаков и, сев спокойно на землю, тотчас унял спор и драку, принявшись сам доедать остаток рыбы. Обиженные воробы сидели вокруг, каркали, не смея подступить к суровому царю, и только изредка урывали сзади небольшие кусочки. Эта история происходила недалеко от меня, так что, налюбовавшись вдоволь, я выстрелил из ружья. Мигом всполошилось все вокруг: утки закричали и поднялись с воды; кулички с разнообразным писком и свистом полетели на другое место; черепаха опрометью бросилась в воду, и только один орел, в предсмертной агонии бившийся на песке, поплатился своей жизнью за право считаться царем между птицами и привлекать на себя особенное внимание охотника.

В начале сентября я оставил озеро Ханка и направился к побережью Японского моря.

1. КИТАЙЦЫ

Инородческое население Уссурийского края представлено четырьмя народностями: китайцами, гольдами, орочами, или тазами, и, наконец, корейцами. Начнем по порядку.

Из инородческих племен, обитающих в Уссурийском крае, первое место по численности принадлежит китайцам, или манзам, как они сами себя называют.

Это население встречается как по самой Уссури, так и по ее большим правым притокам, но всего более скучено в Южноуссурийском крае; по долинам Сандогу, Лифудин, Ула-хэ, Дауби-хэ; затем в западной части Ханкайского бассейна и по всем более значительным береговым речкам Японского моря, в особенности на Шито-хэ, Сучане, Та-суду-хэ, Та-уху, Пхусун и Тазуши.

Трудно с точностью определить историческое происхождение этого населения, и сами манзы на этот счет ничего не знают. Всего вероятнее, что, с тех пор как в половине XVII века маньчжуры овладели Китаем, восточная часть их родины, скудно населенная туземными племенами орочей и гольдов, сделалась местом ссылки различных преступников. С другой стороны, естественные богатства этой страны, в особенности соболь и дорогой корень женьшень, ценный в Китае на вес золота, привлекали сюда целые толпы бездомных скитальцев, не имевших дела на родине и приходивших в новый край с надеждой на скорое

и легкое обогащение. Наконец, морское побережье, где у скалистых выступов в изобилии растет морская капуста (особый вид морского водоросля), представляло обширное поприще для промысла, не менее выгодного, чем ловля соболя и искание женьшеня. Таким образом в зависимости от всех этих условий сложилось местное китайское население края, которое можно разделить на постоянное, или оседлое, и временное, или приходящее.

К первому относятся те китайцы, которые поселились здесь на вечные времена, занялись земледелием и живут на одних и тех же местах. Это население образовалось, вероятно, из беглых и ссыльных, а частью и из временно приходящих, которым нравилась дикая, свободная жизнь вне всяких условий цивилизованного общества.

Главнейшее занятие всех оседлых манз есть земледелие, которое доведено у них до совершенства. Поля, находящиеся при их жилищах, или фанзах, могут служить образцом трудолюбия, так что урожай хлеба, в особенности проса, составляющего главную пищу, бывает чрезвычайно велик и обеспечивает годовичное существование хозяина фанзы с его работниками. Кроме проса, манзы засевают также сорго, бобы, фасоль, кукурузу, ячмень и пшеницу, а на огородах различные овощи: огурцы, дыни, каблусту, редьку, чеснок, лук, красный перец и табак. Лук и чеснок составляют для них любимую овощь и употребляются как в сыром виде, так и в различных кушаньях.

Сверх того, некоторые китайцы, правда очень немногие, занимаются возделыванием женьшеня, корень которого весьма дорого ценится в Китае. Это растение, принадлежащее к семейству аралий, встречается в диком состоянии в Южной Маньчжурии и в Уссурийской стране приблизительно до 47° северной широты. Оно растет в глубоких тенистых лесных падах, но везде очень редко.

С давних времен китайская медицина приписывает корню женьшеня различные целебные свойства даже при таких болезнях, как истощение сил, чахотка и т. п.; поэтому в Китае платят за него громадные деньги.

Исканием дикого женьшеня в Южной Маньчжурии ежегодно занимаются несколько тысяч человек, получающих на такой промысел дозволение и билеты от пра-

вительства. В прежние времена промышленники приходили и в Южноуссурийский край, но теперь этот промысел прекратился здесь совершенно, хотя существовал не так давно в размерах довольно обширных.

Между тем искусственное разведение женьшеня идет по-прежнему, и его плантации изредка встречаются в Южноуссурийском крае на Дауби-хэ, Сандогу, Сучане и на некоторых речках морского побережья.

Разведение и воспитывание этого растения требует особенного, тщательного ухода. Обыкновенно его сажают семенами или корнями (последний способ разведения гораздо лучше) в гряды, которые имеют 1 сажень в ширину и около 10 в длину. Земля для этих гряд должна быть чистой черноземной, которую осенью сгребают в кучи, затем весной просеивают сквозь редкие сита и только после подобной отделки кладут в гряды. Для защиты от солнечных лучей, которых не любит это растение, над каждой грядой устраивают навес из холста, иногда же из досок; кроме того, с северной стороны также делается защита от холодного ветра.

С наступлением зимы навес снимается и открытая гряда заносится снегом.

В первый год после посева корень вырастает очень небольшой, но с каждым годом толщина его увеличивается, хотя, впрочем, и при глубокой старости он достигает величины только указательного пальца человеческой руки. Через три года можно уже иметь довольно порядочные корни, но обыкновенно здешние китайцы держат их больший срок. Затем после сбора они готовят корни особым образом, посредством обчистки и вываривания в воде, а потом отправляют на продажу в Китай через Нингуту, а иногда и морем, прямо в Шанхай. Хотя искусственно разводимый корень, как сказано выше, ценится гораздо ниже дикого, но все-таки цена его довольно высока, так что китаец от продажи своей плантации получает целое состояние.

Кроме земледельческих фанз, располагающихся преимущественно в долинах рек, есть еще другие, так называемые зверовые, обитатели которых занимаются звериным промыслом.

Эти фанзы устраиваются в лесах, где обилие всяких зверей обуславливает возможность правильной и постоянной за ними охоты.

В каждой фанзе живут один, два, а иногда и более хозяев и несколько работников. И везде, где только случалось мне видеть, образ жизни манз один и тот же. Обыкновенно утром, на рассвете, они топят печку; в чугунной чаше, которой она сверху закрыта, готовят свою незатейливую пищу, состоящую главным образом из вареного проса (буды). В то же время разводится огонь и на очаге, так что вскоре вся фанза наполняется дымом, для выхода которого растворяется дверь даже зимою, несмотря на мороз. Холод снизу и дым сверху заставляют наконец подняться и тех манз, которые заспались подольше других. Когда все встали, то, не умываясь, тотчас же садятся на нарах около небольших столиков и приступают к еде проса, которое накладывается в глиняные чашки и подносится ко рту двумя тоненькими деревянными палочками. Как приправа к вареному просу часто делается особый едкий соус из стручкового перца. Кроме того, в богатых фанзах готовят и некоторые другие кушанья, как-то: пельмени, булки, печенные на пару, а также козлиное и оленьё мясо. Утренняя еда продолжается около часа; манзы едят непомерно много и притом пьют из маленьких чашечек, величиной немного более наперстка, нагретую водку (сули), которую готовят сами из ячменя.

После обеда работники обыкновенно отправляются на работу: молотить хлеб, убирать скот и пр.; сами же хозяева остаются в манзе и по большей части ничего не делают. В холодное время они по целым дням сидят перед очагом, греются, курят трубки и попивают чай, заваривая его прямо в чашках, из которых пьют. Так проходит целый день до вечера. Перед сумерками опять варится просо, и опять едят его манзы тем же порядком, а затем с наступлением темноты ложатся спать или иногда сидят еще недолго, употребляя для освещения лучину, чаще же ночник, в котором горит сало или травяное масло.

Так однообразно проходит день за днем в течение целой зимы; летом же манзы с образцовым трудолюбием занимаются обработкой своих полей.

Все оседлые манзы имеют свое собственное, организованное управление. В каждом поселении находится старшина, который разбирает мелкие жалобы своих подчиненных. Если же фанза стоит отдельно, то она

всегда приписана к другому какому-нибудь месту.

Все старшины выбираются самими манзами на известный срок, по прослужении которого могут быть уволены или оставлены на вторичную службу. В случае же дурного поведения или каких-нибудь проступков они сменяются и раньше срока по приговору манз.

Кроме того, известный район имеет одного главного, также выборного, старшину, которому подчиняются все прочие. Этот старшина судит важные преступления, например воровство, убийство, и власть его так велика, что он может наказать даже смертью...

Временное, или приходящее, китайское население является в Южноуссурийский край для ловли морской капусты и трепангов; кроме того, прежде много китайцев приходило сюда ради грибного промысла и для промывки золота.

Ловля капусты производится на всем побережье Японского моря, начиная от залива Посьета до гавани Св. Ольги. Самые лучшие места для этой ловли есть утесистые берега заливов, где нет сильного волнения и где глубина не более 2 или 3 сажен. В чистой, совершенно прозрачной морской воде на такой глубине видны мельчайшие раковины и, между прочим, названные водоросли, которые прикрепляются к камням, раковинам и т. п.

На одном и том же месте ловля производится через год, для того чтобы водоросли могли вновь вырасти.

Китайцы достают их со дна длинными деревянными вилами, сушат на солнце, связывают в пучки от 1 до 2 пудов, а затем везут во Владивосток, гавани Св. Ольги и Новгородскую, где продают средним числом на наши бумажные деньги по одному рублю за пуд. Покупкой морской капусты занимаются несколько иностранных купцов, живущих во Владивостоке и Новгородской гавани, откуда они отправляют ее на иностранных кораблях в Шанхай, Чу-фу и другие китайские порты.

Рядом с ловлей капусты производится и ловля трепангов (голотурий), но только в размерах, несравненно меньших. В сушеном виде они также сбываются в Хун-чун и китайские порты.

Другой промысел, ради которого к нам ежегодно приходило значительное число ки-

тайцев из Маньчжурии, состоял в собирании и сушении грибов, растущих на дубовых стволах, подверженных гниению. Этот промысел больше всего развит в западной, гористой части Ханкайского бассейна.

Для подобной цели китайцы ежегодно рубили здесь многие тысячи дубов, на которых через год, то есть на следующее лето, когда уже начнется гниение, являются слизистые наросты в виде бесформенной массы. Тогда манзы их собирают, сушат в нарочно для этой цели устроенных сушильнях, а затем отправляют в Сан-Син и Нингуту, где продают средним числом на наши деньги от 10 до 12 серебряных рублей за пуд.

Грибной промысел настолько выгоден, что им до последнего времени занималось все китайское население западной части Ханкайского бассейна как местное, так и приходящее; последнее обыкновенно нанималось в работники у богатых хозяев. Каждый владетель фанзы, истребив в течение пяти или шести лет все окрестные дубы, перекочевывал на другое, еще не тронутое место; опять рубил здесь дубовый лес и в течение нескольких лет занимался своим промыслом, после чего переходил на следующее место.

Таким образом прекрасные дубовые леса истреблялись методически, и теперь даже грустно видеть целые скаты гор оголенными и сплошь заваленными гниющими остатками прежних дубов, уничтоженных китайцами.

Местная администрация, сознав весь вред от подобного безобразного истребления лесов, пыталась несколько раз запретить этот промысел, но все запрещения оставались мертвой буквой, так как мы не имели ни средств, ни желания фактически поддерживать наши требования. Во многих, даже очень многих местах Уссурийского края китайцы знали русских только понаслышке и, конечно, смеялись над всеми нашими запрещениями, передаваемыми вдовавок через китайских старшин.

Военные действия с хунхузами в 1868 году повернули это дело в другую сторону, и местные манзы, поплатившись за свои симпатии к разбойникам разорением не одного десятка фанз, сознали наконец над собою нашу силу и начали иначе относиться к нашим требованиям.

Теперь уже нет прежнего безобразного истребления лесов ради грибов, да и едва

ли это может повториться в будущем, так как с учреждением в Южноуссурийском крае конной казачьей сотни везде будут являться разъезды и наблюдать за китайским населением.

Третий род промысла, привлекавший, и весьма недавно, в наши владения также значительное число китайцев, была промывка золота, россыпи которого находятся преимущественно в пространстве между Уссурийским заливом, реками Цыму-хэ и Сучаном. Этот промысел существовал здесь уже давно, потому что в вышеозначенном пространстве на некоторых береговых речках видны следы прежде существовавших разработок, на которых теперь растут дубы более аршина в диаметре.

2. ГОЛЬДЫ¹

Другое инородческое племя нашего Уссурийского края — гольды обитают по берегу Уссури и ее притока Дауби-хэ; сверх того, они встречаются и по Амуру от Буринских гор (Малого Хингана) до устья реки Горыни или несколько далее.

Цифра этого населения неизвестна, но во всяком случае на Уссури гольдов живет более, чем китайцев, от которых они переняли очень многое как в одежде, так и в постройке своих жилищ.

Последние есть те же самые фанзы, без изменения как во внутреннем, так и во

¹ Современное название — нанайцы. (Примеч. редактора.)

внешнем устройстве. Вся разница состоит только в том, что при них всегда находится устроенный на деревянных стойках (для защиты от крыс) амбар, в котором складываются запасы сушеной рыбы.

Фанзы гольдов расположены на берегу Уссури и Дауби-хэ обыкновенно по нескольку (три — десять) вместе, и в каждой такой фанзе живет отдельное семейство; впрочем, иногда вместе с родителями помещаются и их семейные сыновья.

Вообще добродушный от природы нрав этого народа ведет к самой тесной семейной связи: родители горячо любят своих детей, которые со своей стороны платят им такой же любовью.

Мне лично много раз случалось давать гольду хлеб, сахар и т. п., и всякий раз, получив лакомый кусок, он делил его поровну между всеми членами своего семейства, большими и малыми. Притом нужно самому видеть ту искреннюю радость всего гольдского семейства, с какой оно встречает своего брата или отца, возвратившегося с промысла или с какой-нибудь отлучки; старый и малый бросаются ему навстречу, и каждый спешит поскорее поздороваться.

Кроме того, старики гольды, не способные уже ни к какой работе, прокармливаются своими детьми, которые всегда оказывают им полное уважение.

На долю женщин у этого племени выпадают все домашние работы и ухаживание за малыми детьми. На их же попечении остается фанза со всем имуществом в то время, когда зимой мужчины уходят на соболиный промысел.

В семейном быту женщины как хозяйки фанзы пользуются правами, почти одинаковыми с мужчинами, хотя все-таки находятся в подчинении у последних. Они не участвуют в совещаниях мужчин об общих делах, например об отправлении на звериный промысел, рыбную ловлю и т. п. Словом, женщина у гольдов прежде всего мать и хозяйка дома; вне фанзы она не имеет никакого круга действий.

Каждый взрослый мужчина, в особенности если он хозяин фанзы, есть вместе с тем господин самого себя и своего семейства, так как все дела у гольдов решаются не иначе, как с общего согласия, и только гелос стариков, как людей более опытных, имеет большее значение в подобных совещаниях.

При миролюбивом характере гольдов больших преступлений у них почти не случается; даже воровство бывает очень редко.

В своих религиозных верованиях гольды преданы шаманству, но, как кажется, шаманы пользуются у них меньшим влиянием, нежели у других инородцев Амурского края.

Вообще гольды — добрый, тихий и миролюбивый народ, которому от души можно пожелать лучшей будущности, хотя, к сожалению, наше влияние на них до сих пор еще совершенно незаметно.

Хлебопашества гольды вовсе не знают; только изредка у тех, которые летом во время рыбной ловли не покидают своих фанз, можно видеть огороды, где, кроме разных овощей, более всего засеивается табак; его курят не только все мужчины, но даже женщины и малые дети.

Рыболовство летом и звериный промысел зимою составляют главное занятие этого народа.

Рыбный промысел начинается весной, лишь только вскрыется Уссури и по ней начинает идти сплошной массой перетертый лед, или так называемая шуга, от которой рыба прячется по заливам. Так как в это время вода бывает высока — следовательно, ловля неводом неудобна, то для этой цели гольды употребляют особую круглую сеть, устроенную таким образом, что она может смыкаться, если потянуть за прикрепленную к ней веревку. Бросив эту сеть на дно, рыбак тащит ее за собой, двигаясь потихоньку в лодке, и когда попавшаяся рыба начнет дергаться, то он смыкает сеть и затем вытягивает свою добычу. Говорят, что при таком способе ловли можно в счастливый день поймать сотню и даже более крупных рыб.

Осенью, когда повторяется та же самая история, то есть перед замерзанием Уссури по ней идет шуга, ловля рыбы по заливам бывает несравненно прибыльнее, так как в это время вода всегда почти мала, следовательно, в дело можно употреблять невод. Иногда такие уловы бывают баснословно удачны и вместе с тем свидетельствуют о ве-

ликом изобилии в Уссури всякой рыбы вообще.

Таким образом осенью 1867 года в заливе возле станицы Нижненикольской за одну тоню неводом в 90 сажень длины было поймано 28 тысяч рыб, более всего белой, сазанов и тайменей. Когда подвели к берегу крылья невода, который, нужно притом заметить, захватывал еще не весь залив, то не могли его вытащить и, оставив в таком положении, вычерпывали рыбу в течение двух дней. Если положить круглым числом по 20 рыб на пуд, что слишком уж много, то и тогда приблизительный вес всей этой рыбы был около 1400 пудов. Впрочем, это не единственный пример такой удачной ловли; несколько раз случалось на Уссури в прежние годы, что за одну тоню вытаскивали 7, 9 и даже 12 тысяч рыб.

Лишь только весной окончится ход льда и шуги, как вверх по Уссури идет для метания икры множество осетров и калуг, лов которых производится гольдами и немногими нашими казаками посредством так называемых снастей.

Каждая такая снасть состоит из длинной толстой веревки, к которой на расстоянии от 2 до 3 футов привязаны небольшие веревочки, длиною около аршина, с толстыми железными крючьями на свободных концах. К последнему приделаны поплавки из бересты, сосновой коры или чаще из пробки, там, где она растет.

К общей толстой веревке приделаны камни, для того чтобы она лежала на дне; концы же ее привязываются к толстым кольям, вбитым в берег или на дно реки.

Подобный снаряд ставится на местах, наиболее посещаемых рыбою.

Главная веревка лежит на дне; крючья же с поплавками поднимаются кверху на длину веревочек, за которые они привязаны.

Для того чтобы удобнее осматривать поставленную снасть, к общей веревке привязывается большой поплавок, чаще всего обрубок дерева, который держится на поверхности воды. Лов подобным снарядом производится при том расчете, что большая рыба, идущая вверх по реке, любит, как говорят местные жители, играть с встретившимися ей поплавками и задевает в это время за крючок. Почувствовав боль, она начинает биться, задевает за другие соседние крючки и окончательно запутывается. Впрочем, иногда сильная калуга отрывает даже не-

сколько крючков и уходит. Но случается также, что впоследствии, даже через несколько лет, она попадает вторично; зажившие раны на боках ясно свидетельствуют тогда, что эта рыба уже и прежде попадалась на крючья.

Небольшие осетры обыкновенно удерживаются на одном крючке, и вытащить их из воды очень легко.

Совсем другое бывает дело, когда попадает калуга пудов в двадцать, тридцать и более. Тогда нужно много ловкости и умения, чтобы совладать с подобной громадой.

В таком случае попавшую рыбу захватывают еще другими, так называемыми подъемными, крючьями и тащат на веревках к берегу.

Лов вышеописанным снарядом распространен по всему Амуру и его притокам, но все-таки способ его самый несовершенный и может быть употребляем с успехом разве только что при здешнем баснословном изобилии рыбы.

Мало того, что, конечно, одна из многих тысяч проходящих рыб попадает на крючок, необходимо, чтобы она задела за него задней частью тела, иначе ей удобно сорваться. Притом же и ловить можно только рыб, не покрытых чешуей, так как чешуйчатые виды обыкновенно оставляют только одну чешуйку, за которую задел крючок.

В продолжение всего лета гольды промышляют рыбу преимущественно острогом, которая имеет форму трезубца и усажена на древке длиной от 2 до 3 сажень и толщиной около дюйма. Самый трезубец сделан из железа и надет неплотно, так что легко может соскочить и держится в это время на длинной тонкой бечевке, которая укреплена также в начале древка. Завидев место, где рябит вода от рыбы, или самую рыбу, гольд бросает в нее свое копье, и железо, вонзившись в мясо, соскакивает с дерева; рыба, в особенности большая, метнется, как молния, но никогда не в состоянии порвать крепкую бечевку, за которую и вытаскивают ее из воды.

Гольды чрезвычайно ловко владеют подобным оружием и при благоприятных обстоятельствах очень редко дают промах.

Проводя на воде большую часть своей жизни, гольд придумал для себя и особую лодку — так называемую оморочку. Эта лодка имеет $2\frac{1}{2}$ —3 сажени длины, но не более аршина ширины, и оба носа ее высоко

загнуты над водой. Остов оморочки делается из тонких крепких палок и обтягивается берестой, так что эта лодка чрезвычайно легка и послушна мельчайшему движению весла; но нужно иметь большую сноровку, чтобы безопасно управлять ею. Под искусною рукою гольда, который одним длинным веслом гребет на обе стороны, эта лодка летит, как птица; если же нужно потише, то он бросает длинное весло и, взяв в обе руки два маленьких, сделанных наподобие лопаток, изредка гребет ими и неслышно скользит по зеркальной поверхности тихого залива.

Впрочем, гольды, с малолетства привыкшие к воде, смело ездят в этих лодках по Уссури даже и в сильный ветер.

Самая горячая пора рыбной ловли для всего уссурийского населения бывает осенью, когда в половине сентября идет здесь в верх реки красная рыба в бесчисленном множестве. Эта рыба, известная в здешних местах под именем кеты, входит в конце августа из моря в устье Амура, поднимается вверх по этой реке, проникает во все ее притоки до самых вершин и мечет икру в местах, более удобных для ее развития.

Ход красной рыбы на Уссури продолжается недели две с половиной, до конца сентября, — и в это время все спешат на берег реки с неводами, острогами и другими снарядами. Даже белохвостые орланы слетаются во множестве к реке, чтобы есть убитую или издохшую и выброшенную на берег рыбу. Гольды в это время делают весь годовой запас для себя и для своих собак, которых они держат очень много как для звериного промысла, так и для зимней езды.

Приготовлением рыбы впрок занимаются гольдские женщины, которые для этой цели разрезают каждую рыбку пополам и сушат ее на солнце. При этом вовсе не употребляют соли, так что подобная сушеная рыба, известная здесь под именем юколы, издает самый невыносимый запах.

Наши казаки хотя также занимаются ловлей красной рыбы, но далеко не с таким рвением, как гольды, и притом большая часть из них вовсе не делает себе запасов в зиму на случай голодовки.

Русские обыкновенно не сушат, но солят красную рыбу; в таком виде она очень похожа на семгу, только несколько погуще ее. Впрочем, на устье Амура, где эта рыба ловится еще не исхудавшая от даль-

него плавания, ее вкус ничуть не уступает самой лучшей европейской семге.

Обратный ход красной рыбы неизвестен. Гольды и казаки говорят, что она не возвращается, но вся погибает. В этом, вероятно, есть своя доля правды, так как уцелевает и возвращается назад, может быть, одна из многих тысяч рыб, поэтому ее обратный ход и незаметен¹.

Как ни много идет красной рыбы по Уссури, но все-таки гольды говорят, что прежде ее бывало гораздо больше. Может быть, этому причиной развивающееся по Амуру пароходство, а может быть, в этих рассказах играет общая многим людям страсть хвалить прошлое, старину.

Когда замерзает Уссури, рыбные промыслы гольдов почти прекращаются, так как все здоровые мужчины отправляются в это время в леса на соболиный промысел. Только оставшиеся старики и женщины ловят еще рыбу на удочку, делая для этого проруби по льду Уссури. На крючок для приманки привязывается кусочек красной материи или клочок козлиной шкуры.

Сидя на льду и держа удилице в руках, гольд беспрестанно дергает им вверх и вниз, чтобы приманка не стояла неподвижно.

На такую удочку попадают преимущественно сазаны и таймени. В счастливый день, говорят, можно поймать от 2 до 3 пудов, но только нужно иметь терпение и здоровье гольда, чтобы от зари до зари просидеть открыто на льду во время ветра и иногда при морозе в 20° Р.

В то время, когда гольды ловят зимой рыбу на удочку, казаки добывают ее посредством так называемых заездков. Для этой цели перегораживают какой-нибудь рукав или глубокое место на главном русле реки посредством плетня, который опускается до дна и там вколачивается. В этом плетне на расстоянии 1—2 сажень делают свободные промежутки, в которые вставляют сплетенные из тальника морды. Эти морды иногда бывают сажени две длины и около сажени высоты, так что для поднятия их из воды тут же на льду устраиваются особые рычаги, вроде тех, какими достают из колодцев воду в наших русских деревнях.

¹ Почти все лососевые рыбы, идущие для икротания в реки Дальнего Востока, погибают от истощения. (Примеч. редактора.)

Рыба, которая идет обыкновенно против течения, встречая плетень, ищет прохода и попадает в морду. Эти морды осматривают каждый день утром; и с начала зимы, когда улов бывает всего прибыльнее, на 10 или 15 морд каждый раз вынимают от 10 до 15 пудов рыбы, то есть средним числом по 1 пуду на каждую морду.

С начала зимы более всего добывают таким образом налимов, которые в это время мечут икру; потом начинают попадаться сазаны, таймени, белая рыба, и к концу зимы, то есть в феврале, улов бывает весьма незначителен, так что многие заездки в это время совсем бросаются.

Кроме рыбной ловли, другой важный промысел, обеспечивающий существование гольдов, есть звероловство, в особенности охота за соболями, которая начинается с первым снегом и продолжается почти всю зиму.

Лишь только замерзнет Уссури и земля покроется снегом, гольды оставляют свои семейства и, снарядившись как следует, отправляются в горы, лежащие между правым берегом Уссури и Японским морем, преимущественно в верховья рек Бикина, Има и ее притока Вака. Многие из них, даже большая часть, идут на места ловли еще ранее замерзания воды и поднимаются в верховьях названных рек на лодках, для того чтобы не терять времени и начать охоту с первым снегом; те же, которым идти поближе, отправляются уже зимой. Для этой цели они снаряжают особенные легкие и узкие сани, называемые *нарты*, кладут на них провизию и все необходимое и тащат эти нарты собаками, которые служат также для охоты.

Обыкновенно, добравшись до места промысла, каждая партия разделяется на несколько частей, которые расходятся по различным падам и избирают их местом своей охоты.

Прежде всего устраивается шалаш, в котором складывается провизия и который служит для ночевки. К этому шалашу каждая отдельная партия собирается всякий вечер, между тем как днем все ходят особо или только вдвоем.

При этом гольды никогда не забывают взять с собой своих богов, или бурханов, которые представляют изображения человека китайского типа, сильно размалеванные красной краской, на бумаге или на дереве.

Устроив шалаш, каждая партия вешает тут же на дереве и своего бурхана. Отправляясь на промысел, гольды молятся ему, прося хорошего лова, и в случае действительной удачи, то есть поймав хорошего соболя, убив кабана или изюбра, опять приносят своему бурхану благодарственные моления, причем брызгают на него водкой, мажут салом или вареным просом и вообще стараются всяким образом выразить свою признательность.

В начале зимы, то есть в течение ноября и декабря, когда снег еще мал, охота производится с собаками, которые отыскивают соболя и, взогнав его на дерево, начинают лаять до тех пор, пока не придет промышленник. По большей части соболь, взбежав на дерево, начинает перепрыгивать с одного на другое чрезвычайно быстро, но хорошая собака никогда не потеряет зверя из виду и, следуя за ним с лаем, всегда укажет охотнику дерево, на котором наконец он засел.

Случается, что иной соболь пускается на уход по земле и залезает в дупло дерева, в нору или под камень. В первом случае дерево обыкновенно срубается; во втором — копают нору, если только это позволяет грунт земли, и, наконец, в третьем — выкуривают зверька дымом. Охотясь за соболями, гольды бьют и других зверей, если только они попадаются. Весьма большой помехой для всех этих охот служат тигры, которых довольно много на Уссури и которые часто ловят охотничьих собак, а иногда приходят даже к самым шалашам спящих промышленников.

Ниже я сообщу подробно об этом звере и его проделках, теперь же скажу только, что гольды страшно его боятся и даже боготворят. Завидев тигра хоть издали, гольд бросается на колени и молит о пощаде; мало того, они поклоняются даже следу тигра, думая этим умилостивить своего свирепого бога.

Впрочем, с тех пор как на Уссури поселились русские и начали почти каждый год бить тигров, многие гольды, видимо, сомневаются во всемогуществе этого божества и уже менее раболепствуют перед ним. Некоторые даже совсем перестали поклоняться тигровым следам, хотя все еще не отваживаются прямо охотиться за страшным зверем.

Здесь кстати отметить, что гольды охотно заменяют свои прежние фитильные ру-

жья нашими сибирскими винтовками, которые хотя по виду не стоят и двух копеек, но в искусных руках здешних охотников без промаха бьют всякого зверя — и большого и малого.

Когда выпадут большие снега и охота с собаками делается крайне затруднительной, тогда гольды промышляют соболей иным способом. Нужно заметить, что в это время, то есть в январе, у соболей начинается течка, и каждый из них, напад на след другого, тотчас же пускается по этому следу, думая найти самку. Другой, третий делают то же самое, так что наконец протаптывается тропа, по которой уже непременно идут все случайно попавшие на нее соболи. На таких тропах гольды настораживают особые луки, устроенные таким mannerом, что когда соболь заденет за привод, то стрела бьет сверху вниз и пробивает его насквозь. Такой способ охоты гораздо добычливее и не требует особенных трудов от охотника, который только однажды в сутки обходит и осматривает свои снаряды, а остальное время сидит или спит в своем шалаше.

Кроме того, есть еще один способ добычания соболей, который также употребляется с успехом. Этот способ основан на привычке соболя бегать непременно по всем встречным колодам. Не знаю, чем объяснить такую привычку, но я сам, видевши не одну сотню соболиных следов в хвойных лесах, покрывающих главный кряж Сихотэ-Алиня, всегда замечал то же самое: соболь непременно влезет и пробежит по верху каждой встречной колоды.

Зная такое его обыкновение, в тех местах, где много соболиных следов, устраивают на колодах особенные проходные перегородки, в которых настораживают бревна, а иногда даже кладут приманку: кусочек рыбы или мяса. Соболь, взбежав на колоду и схватив приманку или просто пробегая сквозь загородь, трогает за привод бревно, которое падает и давит зверька. Такой снаряд употребляется всеми инородцами на Уссури и нашими казаками, у которых называется слопцом. Подобные слопцы употребляются также для ловли енотов и зайцев.

Между всеми соболиными промышленниками — как инородцами, так и русскими — развита чрезвычайная честность относительно добычи охоты, запасов и т. п.

Часто случается, промышленник набредет на чужой шалаш, в котором никого нет и где лежит вся провизия или добытые соболи, но он никогда ничего не украдет. Только, по существующему обычаю, он может сварить себе обед и поест сколько хочет, но ничего не смеет брать в дорогу. Примеров воровства никогда не бывает, и я, несколько раз расспрашивая об этом у казаков и гольдов, всегда получал один ответ, что если бы случайно набредший на чужой шалаш промышленник украл из него что-нибудь, то хозяин украденной вещи непременно нашел бы его по следу и убил бы из винтовки. Вероятно, такая острастка сильно действует даже и на тех охотников, которые при случае не прочь стянуть чужое.

С соболиного промысла гольды возвращаются в конце зимы, то есть в феврале и марте; другие же остаются в лесах до вскрытия рек и выезжают уже на лодках. Число соболей, добываемых каждым охотником, неодинаково каждый год и меняется от 5 до 15 и даже 20 штук. Это зависит от большего или меньшего счастья; главным же образом — от количества соболей, которых в один год бывает много, а в другой на тех же самых местах мало. Подобное явление происходит оттого, что соболи, так же как белки, хорьки, а в Уссурийском крае даже кабаны и дикие козы, предпринимают периодические переселения из одной местности в другую. Такие переселения обуславливаются различными физическими причинами. Так, например, когда снег падает на мерзлую землю, то кабанам неудобно копать ее, и они тотчас же перекочевывают на другие, более удобные места; точно так же урожай кедровых орехов в данном месте привлекает туда множество белок, за которыми следует и соболь, их главный истребитель.

Всех добытых соболей гольды отдают китайцам за порох, свинец, просо, табак, соль и другие продукты, которые они набирают наперед в долг и за это обязываются доставлять весь свой улов. Заплатив за прежде взятое, гольд снова забирает у китайца, опять несет ему на будущий год всех добытых тяжким трудом соболей и, таким образом, никогда не освобождается от кабалы. Эта кабала так велика, что гольд не смеет никому продать своих соболей даже за цену гораздо большую, а обязан всех доставить своему заимодавцу китайцу, который на-

значает цену по собственному усмотрению. Я думаю, что каждый соболь обходится китайцу гораздо менее рубля. Этих соболей китайцы, в свою очередь, отдают русским купцам большей частью за товар, взятый в долг, или свозят летом на продажу в селение Хабаровку.

Соболиным промыслом занимаются и наши казаки, но только в размерах, несравненно меньших, чем гольды.

Русские охотятся на этих зверьков только с собаками и уходят из станиц в горы по первому снегу недели на две, на три или, уже много, — на месяц.

3. ОРОЧИ, ИЛИ ТАЗЫ¹

Этот народ, по количеству, вероятно, не уступающий гольдам, обитает по береговым речкам Японского моря, начиная от устья Суйфуна до устья реки Тазуши и даже несколько далее к северу; сверх того, он встречается внутри страны по большим правым притокам Уссури: Бикину, Иму и др.

По образу своей жизни орочи разделяются на бродячих и оседлых.

Первые из них представляют в полном смысле тип дикарей-охотников и целую жизнь скитаются со своими семействами с места на место, располагаясь в шалашах, устраиваемых из бересты.

Это жалкое убежище ставится обыкновенно там, где можно добыть побольше пищи, — следовательно, на берегу реки, когда в ней много рыбы, или в лесной пади, если там много зверей. Часто случается, что ороча, убив кабана или оленя, перекочевывает сюда и живет, пока не съест свою добычу, после чего идет на другое место.

Во время странствований по Уссурийскому краю мне несколько раз случалось встречать одинокие становища этих бродяг, и я всегда с особенным любопытством заходил к ним. Обыкновенно вся семья сидит полуголая вокруг огня, разложенного посередине шалаша, до того наполненного ды-

¹ Слово «таза», как объясняли мне манзы, есть местная переделка китайского названия «юпи-да-цзы», что значит в буквальном переводе — «рыбокожие инородцы». Этим именем китайская география издавна называет обитателей Восточной Маньчжурии, употребляющих для обуви и одежды выделанные шкуры рыб. (Примеч. автора.)

Современное название удэге. В 1926—1927 годах их в СССР насчитывалось 1357 человек. (Примеч. редактора.)

мом, что с непривычки почти невозможно открыть глаза. Тут же валяются звериные шкуры, рыболовные снаряды, различная рухлядь, и рядом с малыми детьми лежат охотничьи собаки. При появлении незнакомца целое общество разом забормочет, собаки залают, но через несколько минут все успокоится: собаки и дети по-прежнему улягутся в стороне, взрослые орочи и их жены опять начнут продолжать еду или какую-нибудь работу — словом, появление неизвестного человека производит на этих людей впечатление не больше, чем и на их собак.

Другая часть орочей поднялась ступенью выше своих собратий и достигла уже некоторой степени оседлости. Хотя они, так же как и гольды, не знают земледелия, но, подобно последним, живут в фанзах, которые как по своему наружному виду, так и по внутреннему устройству ничем не отличаются от китайских. Летом орочи покидают эти фанзы и переселяются на берега рек, обильных рыбой, но с наступлением зимы снова возвращаются в них. Здесь остаются тогда жены, старики и малые дети; все же взрослые мужчины уходят в леса на обильный промысел, с которого возвращаются к началу весны. За забранные у соседнего или какого-нибудь другого манза просо, табак, водку и пр. ороча несет ему всех добытых соболей, отдает их по цене, назначенной китайцем, и затем опять в течение года берет у него в долг все необходимое для себя, так что остается в постоянной кабале.

Женщины орочей, если и не отличаются красотой, то тем не менее имеют большую претензию на щегольство, хотя, конечно, по собственному вкусу. Прежде всего у каждой из них в правой ноздре и в ушах продеты довольно толстые кольца, на которых висят медные или серебряные бляхи величиной с двугривенный. Кроме того, на всех пальцах надеты, иногда по несколько штук на одном, медные и серебряные кольца, а на кистях рук такие же или, реже, стеклянные браслеты.

Наконец, голова и все платье украшено множеством различных побрякушек: бубенчиков, медных или железных пластинок и т. п., так что при мельчайшем движении такой красавицы издаются самые негармонические звуки.

Нужно заметить, что все инородцы на-

шего Уссурийского края совершенно свободно объясняются по-китайски, так что этот язык в здешних местах в таком же ходу, как и французский в Европе.

4. КОРЕЙЦЫ

Корейские деревни состоят из фанз, расположенных на расстоянии 100—300 шагов одна от другой. Своим наружным видом и внутренним устройством эти фанзы ничем не отличаются от китайских. Только в тех из них, где находятся несколько женатых, нары разделены перегородками на части, служащие отдельными спальнями для каждой пары.

В пространствах между фанзами находятся поля, в трудолюбивой и тщательной обработке которых корейцы несколько не уступают китайцам.

Все полевые работы производятся на коровах и на быках; но плуги весьма дурного устройства, так что работа ими тяжела как для скотины, так и для человека.

Из хлебов корейцы более всего засевают просо (буды), которое составляет для них, так же как и для китайцев, главную пищу; потом бобы, фасоль и ячмень; в меньшем же количестве сеют кукурузу, картофель, гречиху, коноплю и табак, а также огородные овощи: огурцы, тыкву, редьку, салат, красный перец и пр.

Хлеб свой корейцы жнут небольшими серпами, вроде нашей косы, и затем связывают в снопы, которые молотят колотушками на особых токах, находящихся возле фанз.

Табак после сбора вешают под навес для просушки; курят все, даже женщины. Для обработки конопли они сначала варят стебель часа два в горячей воде, а потом уже руками обдирают волокно. Кроме того, корейцы, так же как и китайцы, готовят для себя масло из семян кунжута. Для этого они сначала мелют семена в жернове, потом наливают на них немного воды и варят; наконец кладут в мешок под тяжелый камень. Масло вместе с водой вытекает в подставленный сосуд. Вкусом оно похоже на подсолнечное.

Кроме хлебопашества, корейцы занимаются скотоводством, в особенности разведением рогатого скота, который служит им для работ. Коров своих они никогда не

Не раз и мне самому вместе с вьючными лошадьми случалось выжидать,
пока пронесется огненная струя.

дят и, так же как китайцы, вовсе не употребляют молока.

В своем домашнем быту корейцы, или, как они сами себя называют, каули, отличаются трудолюбием, особенной чистотой. Самое одеяние их белого цвета уже указывает на любовь к чистоте.

Обыкновенная одежда мужчин состоит из верхнего платья вроде халата с чрезвычайно широкими рукавами, белых панталон и башмаков; на голове они носят черные шляпы с широкими полями и узкой верхушкой. Шляпы эти сплетены в виде сетки из волос; ободки их сделаны из китового уса. Кроме того, старики носят постоянно, даже и дома, особый волосяной колпак.

Одежда женщин состоит из белой кофты и такой же белой юбки с разрезами по бокам.

Волосы свои корейцы не бреют, как китайцы, но собирают их в кучу наверху головы и сплетают здесь в виде столба; женщины же обвивают волосы кругом головы и тут их связывают. Вообще красота волос считается главным щегольством, так что щеголихи, обиженные в этом случае природой, носят искусственные косы, работа которых доведена у корейцев до высшей степени совершенства.

В общем, физиономии корейцев довольно приятны, хотя стан их, в особенности женщин, далеко не может назваться стройным. Здесь прежде всего бросается в глаза очень узкая, как будто сдавленная грудь. Лица у корейцев по большей части круглые, в особенности у женщин, но притом белые, и все они решительно — как мужчины, так и женщины, — брюнеты.

Мужчины носят бороды, которые, впрочем, очень невелики и редки. Роста мужчины большей частью среднего; женщины же несколько меньше. Последние носят маленьких детей не на руках, как обыкновенно это делается у нас, но привязывают их полотенцем за спину возле поясицы.

Замечательно, что женщины у корейцев не имеют имен, а называются по родне — например, мать, тетка, бабушка и пр.; у мужчин же сначала пишется и говорится фамилия, а потом имя.

Я считаю уместным поместить рассказ о посещении мной в октябре 1867 года пограничного корейского города Кыген-пу.

Этот город находится в 25 верстах от Новгородской гавани и расположен на пра-

вом берегу реки Туманги, которая имеет здесь около 100 сажень ширины.

Весь город, состоящий из трех или четырех сотен фанз, наклепленных, как гнезда ласточек под крышей, выстроен на довольно крутом южном склоне горы, которая упирается в реку отвесным утесом.

Обождав до девяти часов утра, чтобы дать как следует проспать тамошним жителям и, в особенности, их начальнику, я взял лодку, находящуюся на нашем пограничном посту, трех гребцов и поплыл вверх по реке к городу, до которого расстояние от нашего караула не более версты. Со мной был также переводчик — один из солдат, живущих на посту; хотя он весьма плохо говорил по-корейски, но все-таки с помощью пантомим мог передать обыкновенный разговор.

В то время, когда наша лодка плыла по реке, несколько раз показывались около фанз внизу и в крепости, наверху горы, белые фигуры корейцев и, пристально пострев, куда-то быстро скрывались. Но лишь только мы вышли на берег и направились к городу, как со всех сторон его начали сбегаться жители, большие и малые, так что вскоре образовалась огромная толпа, тесно окружившая нас со всех сторон. В то же время явилось несколько полицейских и двое солдат, которые спрашивали, зачем мы пришли. Когда я объяснил через переводчика, что желаю видеться с начальником города, то солдаты отвечали на это решительным отказом, говорили, что их начальник никого не принимает, потому что болен, и что даже если пойти доложить ему, то за это тотчас отрежут голову. Впрочем, все это было только одна уловка со стороны солдат, не желавших пустить нас в город; вместе с тем они требовали, чтобы мы тотчас же уходили на свою лодку и уезжали обратно.

Между тем толпа увеличивалась все более и более, так что полицейские начали уже употреблять в дело свои палочки, которыми быстро угощали самых назойливых любопытных.

Действительно, становилось уже несносным это нахальное любопытство, с которым вас рассматривают с ног до головы, щупают, берут прямо из кармана или из рук вещи и чуть не рвут их на части. Впрочем, в толпе были только одни мужчины; женщин я не видал ни одной во все время сво-

его пребывания в Кыген-пу. Не знаю, действовало ли здесь запрещение ревнивых мужей или корейки, к их чести, менее любопытны, чем европейские женщины.

Между тем солдаты опять начали повторять свое требование, чтобы мы убралась обратно, и, наконец, видя наше упорство, спросили: имею ли я какую-либо бумагу к их начальнику, без чего уж никоим образом нельзя его видеть. Хотя со мной не было никакого документа в этом роде, но, по счастью, оказалось в кармане открытое из Иркутска предписание на получение почтовых лошадей, и я решился вложить в дело эту бумагу, на которой сидела большая красная печать — самая важная вещь для корейцев.

Взяв от меня это предписание, один из солдат начал рассматривать печать и потом вдруг спросил: почему же бумага написана не по-корейски?

На это я ему отвечал, что корейского переводчика теперь нет в Новгородской гавани, что он куда-то уехал, а без него некому было писать.

Убедившись таким аргументом и помявшись еще немного, солдат решился наконец доложить обо мне начальнику города. Для этого он сделал рукой знак, чтобы следовать за ним, и повел нас в особый дом, назначенный для приема иностранцев, которые до последнего времени состояли только из пограничных китайских властей.

Между тем толпа, не отстававшая ни на минуту и все более увеличивавшаяся, опять окружила нас со всех сторон и битком набилась даже под навес.

Мальчишки начали уже шкодничать, дергали нас исподтишка за фалды или за панталоны, а сами скрывались. Взрослые же корейцы по-прежнему ощупывали, обнюхивали или стояли неподвижно, не спуская с нас глаз.

Минут через десять после ухода солдат принесли несколько плетенных из травы циновок, которые разостлали на полу и одну из них покрыли небольшим ковром; все это было знаком, что начальник города согласился на свидание.

Спустя еще немного времени в крепости вдруг раздалось пение — знак шествия начальника, которого несли четыре человека на деревянных носилках. Впереди шли несколько полицейских, которые своими длинными и узкими палочками, или, скорее, ли-

нейками, разгоняли народ; потом четыре мальчика, исполняющие должность прислужников; за ними ехал на плечах своих подчиненных сам начальник города, и, наконец, человек десять солдат заключали шествие. Все это пело или, лучше сказать, кричало во всю глотку, что, вероятно, у корейцев делается всегда, когда только куда-нибудь несут начальника. Сам он сидел сложа руки и совершенно неподвижно на деревянном кресле, приделанном к носилкам и покрытом тигровой шкурой.

Вся толпа, до сих пор шумная, лишь только увидела шествие, мигом отхлынула прочь и, образовав проход, почтительно стала по бокам дороги; несколько человек даже поверглись ниц.

Взойдя на ступеньки приемного дома, носильщики опустили свои носилки. Тогда начальник встал с них, сделал несколько шагов внутрь здания и, поклонившись мне, просил сесть на тигровую шкуру, которую сняли с кресел и разостлали на циновках.

Сам он довольно красивый пожилой человек 41 года, по фамилии Юнь Хаб, и в чине капитана — «сатти» по-корейски.

В одежде начальника не было никаких особенных знаков отличия. Как обыкновенно у корейцев, эта одежда состояла из белого верхнего платья, панталон, башмаков и шляпы с широкими полями.

Прежде чем сесть на ковер, разостланный рядом с тигровой шкурой, назначенной собственно для меня, Юнь Хаб снял свои башмаки, которые взял и поставил в стороне один из находящихся при нем мальчиков.

В то же время возле нас положили бумагу, кисточку, тушь для писания и небольшой медный ящик, в котором, как я после узнал, хранится печать. Наконец принесли ящик с табаком, чугунный горшок с горячими угольями для закуривания и две трубки, которые тотчас же были наложены и закурены. Одну из них начальник взял себе, а другую предложил мне, но когда я отказался, потому что не курю, тогда эта трубка была передана переводчику-солдату, который, по моему приказанию, уселся рядом со мной.

Все же остальные присутствующие, даже адъютант начальника и много других корейцев, вероятно самых важных обитателей города, стояли по бокам и сзади нас.

Наконец, когда мы уселись, Юнь Хаб прежде всего обратился ко мне с вопросом, зачем я приехал к нему.

Желая найти какой-нибудь предлог, я ствечал, что приехал собственно для того, чтобы узнать, спокойно ли здесь на границе и не обижают ли его наши солдаты. На это получил ответ, что все спокойно, а обиды нет никакой.

Затем он спросил, сколько мне лет и как моя фамилия. То и другое велел записать своему адъютанту, который скоро записал цифру лет, но фамилию долго не мог выговорить и наконец изобразил слово, даже не похожее на нее по звукам. Однако чтобы отделаться, я утвердительно кивнул головой и, в свою очередь, спросил о возрасте и фамилии начальника.

Этот последний сначала принял меня за американца и долго не хотел верить тому, что я русский.

Затем разговор свелся на войну, недавно бывшую у корейцев с французами, и Юнь Хаб, как истый патриот, совершенно серьезно уверял меня, что эта война теперь уже кончилась полным торжеством корейцев, которые побили несколько тысяч врагов, а сами потеряли за все время только шесть человек.

Потом принесли географический атлас корейской работы, и Юнь Хаб, желая блеснуть своей ученостью, начал показывать мне части света и различные государства, называя их по именам. Но, как видно, он имел весьма скудные географические сведения, потому что часто сбивался в названиях и справлялся в тексте, приложенном к каждой карте. Я же нарочно притворялся ничего не знающим, а потому корейский географ мог врать не смущаясь. Все карты были самой топорной работы, и хотя очертания некоторых стран нанесены довольно верно, но в то же время попадались страшно грубые ошибки. Так, например, полуостров передней Индии урезан до половины, а на месте нашей Камы показана какая-то река без истока и устья, вроде длинного, узкого озера.

Перебирая одно за другим различные государства и часто невообразимо искажая их названия, Юнь Хаб наконец добрался до Европы, где тотчас же отыскал и показал Францию с Англией. Потом, пропустив все остальное, перешел к России, где также показал Петербург, Москву и, не знаю почему

именно, Уральские горы. Показания его относительно России оказались настолько обширны, что он даже знал о сожжении Москвы французами. Когда эту фразу мой переводчик никак не мог понять и передать, то Юнь Хаб взял пепла из горшка, на котором закуривают трубки, положил на то место карты, где обозначена Москва, и сказал: «Французы».

Затем разговор перешел опять на Корею. Здесь начальник выказал большую осторожность, даже подозрительность и давал только самые уклончивые ответы. Когда я спрашивал у него, сколько в Кыген-пу жителей, далеко ли отсюда до корейской столицы, много ли у них войска, то на все это получил один и тот же ответ: «Много».

На вопрос, почему корейцы не пускают в свой город русских и не ведут с ними торговли, Юнь Хаб отвечал, что этого не хочет их царь, за нарушение приказаний которого без дальнейших рассуждений отправят на тот свет. При этом он наивно просил передать нашим властям, чтобы выдали обратно всех переселившихся к нам корейцев и он тотчас же прикажет всем им отрезать головы.

Между тем принесли для меня угощение, состоящее из больших, довольно вкусных груш, чищенных кедровых орехов и каких-то пряников.

Во время еды всего этого начальник, оказавшийся не менее любопытным, чем и его подчиненные, рассматривал бывшие со мной вещи: штуцер, револьвер и подзорную трубу. Все это он, вероятно, видел еще прежде, потому что знал, как обращаться с револьвером и подзорной трубой.

Между тем бывшие со мной солдаты беседовали в стороне, как умели, с корейцами, даже боролись с ними и показывали разные гимнастические фокусы. Все это очень нравилось окружавшей их толпе, и, наконец, когда один из солдат проплясал вприсядку, то это привело в такой восторг корейцев, что они решились даже доложить о подобной потехе своему начальнику.

Последний также пожелал видеть пляску, а потому солдат еще раз проплясал перед нами к полному удовольствию всех присутствующих и самого Юнь Хаба.

В это время привели на суд трех виновных, уличенных в покраже коровы.

Представ пред лицом своего начальника, подсудимые поверглись ниц и что-то

бормотали минут с пять. Выслушав такое, вероятно, оправдание, Юнь Хаб сказал отрывисто несколько слов, и полицейские, схватив виновных за чубы — что весьма удобно при корейской прическе, — потащили их куда-то в город.

После суда разговор продолжался недолго, и наконец когда я объявил, что желаю уйти, то Юнь Хаб тотчас же встал и вежливо раскланялся.

На прощанье он только пожелал, чтобы я выстрелил из штуцера, для чего приказал поставить небольшую доску на расстоянии около 100 шагов. Когда я выстрелил и пуля, пробив эту доску, далеко еще пошла рикошетом по полю, то вся толпа издала какой-то громкий, отрывистый звук, вероятно знак одобрения, а Юнь Хаб тонко улыбнулся и вторично раскланялся со мной.

Затем, усевшись на носилки, с прежней церемонией и пением он двинулся в крепость. Я же со своими солдатами в сопровождении всей толпы направился к берегу и, переправившись через реку, поехал обратно в Новгородскую гавань, откуда вскоре предпринял экспедицию для исследования Южноуссурийского края.

Проведя около месяца в Новгородской гавани и ее окрестностях, я предпринял выючную экспедицию в гавань Св. Ольги и оттуда на реку Уссури. Цель моей экспедиции заключалась в том, чтобы познакомиться с этой малоизвестной частью Южноуссурийского края, и, кроме того, я имел служебное поручение переписать наших крестьян, живущих на Сучане и возле гавани Св. Ольги.

На всем пространстве от залива Посыета до гавани Св. Ольги я намеревался следовать, держась морского побережья, которое здесь везде носит один и тот же характер. Горы, составляющие сначала отроги пограничного хребта, а потом Сихотэ-Алиня, обрываются в море отвесными утесами, между которыми открываются неширокие долины береговых рек. Такие долины оканчиваются у моря низменными песчаными берегами, представляющими резкий контраст с ограждающими их утесами.

Морские ветры и сильные туманы, господствующие на побережье, вредят успешному росту деревьев, поэтому береговая полоса на ширину от 10 до 20 верст вообще

бедна лесами. Правда, здесь везде растет высокая трава и густой кустарник, состоящий главным образом из леспедецы, лещины, мелкого дубняка с примесью винограда, таволги, калины, бузины и шиповника, но из деревьев почти исключительно попадает дуб. Он образует по склонам гор редкие леса и хотя достигает иногда значительных размеров, но, вероятно, вследствие неблагоприятных климатических условий обыкновенно имеет пустой внутри ствол, так что совершенно не годен для построек.

За береговой полосой, далее внутрь страны, леса становятся гуще, величественнее и самый состав их делается чрезвычайно разнообразным, так что здесь встречаются все породы деревьев, свойственные Уссурийскому краю, и даже появляются некоторые новые, как, например, граб, достигающий 10-саженной вышины при толщине 2—3 футов.

Различные кустарники достигают здесь роскошного развития и составляют густой подлесок, в котором особенно часто попадает колючая аралия, довольно редкая на самой Уссури. Это небольшое деревцо растет преимущественно по каменистым горным скатам и, будучи усажено острыми шипами, образует чащу, через которую иногда совершенно невозможно пробраться.

Быстро начали мелькать дни моего путешествия... Обыкновенно, вставши с рассветом, я приказывал выючить лошадей, которые должны были следовать вместе с солдатами по указанному направлению; сам же отправлялся вперед, иногда вместе с товарищем или чаще один. На случай встречи с каким-нибудь врагом — человеком или зверем — я имел при себе, кроме ружья, кинжала и револьвер, а неизменный друг — легавая собака всегда заранее могла предупредить об опасности.

Особенную заманчивость всегда имели для меня эти одинокие странствования по здешним первобытным лесам, в которых единственная тропинка, бывало, чуть заметно вьется среди густых зарослей кустарников и травы, иногда высотой более сажени.

Кругом не видно ни малейшего следа руки человека: все дико, пустынно, нетронуто. Только звери, которые то там, то здесь мелькают по сторонам, напоминают путнику, что и эти леса полны жизни, но жизни дикой, своеобразной...

Часто, увлекшись охотой, я заходил далеко в сторону от тропинки, так что догонял своих спутников уже на ночлеге, который избирался обыкновенно в лесу или на песчаном берегу горной речки.

Здесь живо разводился костер, лошади пускались на пастбище, а мы, покончив свои работы, ложились под великолепным пологом ясного ночного неба и засыпали крепким сном под музыкальные звуки лебединого крика или под шум буруна, если такая почевка случалась недалеко от моря.

Горные хребты сплошь покрыты дремучими, преимущественно лиственничными лесами, в которых держится множество различных зверей: диких коз, аксисов или пятнистых оленей, медведей, кабанов, енотовидных собак, барсуков; менее часто попадаются: тигр, гималайская куница и антилопа. Теперь я упомяну о способе добывания их местными инородцами и преимущественно китайцами посредством ловли в ямы.

Для этой цели на известном месте в лесу, где, по охотничьим приметам, наиболее любит бродить зверь, устраивается из срубленных деревьев и валежника засека вышиной около 2 аршин. В такой засеке на расстоянии 100—150 сажен выкапываются глубокие (10—14 футов) ямы с более широким основанием, нежели верхушкой, — следовательно, с наклонными боками. Отверстие подобной ямы закладывается тонким хворостом или сухой травой, так что предательская ловушка совершенно незаметна. Сверх того, перед ней вбивается ряд колышков, на которые кладется жердь, для того чтобы животное непременно сделало скачок и, пробив крышку ямы, ввалилось бы в нее.

Так действительно и случается. Олень, коза или какой-либо другой большой зверь, встречая в лесу засеку, направляется вдоль нее, пока не найдет отверстие, в которое прыгает через набитые колышки и попадает в ловушку.

Иногда подобные засеки устраиваются на большие расстояния. Таким образом поперек всего полуострова Муравьева-Амурского, между вершинами Амурского и Уссурийского заливов, устроена засека, которая имеет в длину 19 верст и около полутора ям. Кроме оленей и коз, в них попадают кабаны и волки. Случалось даже,

что тигр проваливался в эту западню, но всегда одним прыжком выходил на свободу.

Самый лучший лов в ямы бывает весной, когда звери идут на лето в гольцы и глухие пади. Худшее же время для этой ловли — зима, когда глубокий снег засыпает поверхность ям, так что нужно делать прочную крышку, через которую зверь иногда не проваливается.

Пойманных в ямы самцов пятнистых оленей и изюбров китайцы приводят домой живыми, помещают их здесь в особых стойлах и кормят сеном до того времени, пока у них спадут старые рога и заменятся новыми, так называемыми пантами.

Тогда оленей убивают и за молодые рога выручают хорошие деньги. Говорят, что даже старые самцы в неволе скоро ручнеют и делаются весьма смиренными.

Самую большую поеху для ловли ямами составляют медведи, которые достают оттуда попавших зверей и съедают. Иногда же мишка сам спускается в яму, часто до половины наполненную водой, и ест там козу или оленя. Замечательно, что как ни неловок кажется с первого взгляда зверь, но всегда сумеет выбраться благополучно из ямы, в которую залезет. Если последняя глубока, то, по рассказам промышленников, мишка приносит предварительно толстое бревно, по которому спускается в яму и вылезает из нее.

От поста Раздольного путь мой лежал к Владивостоку. Отвратительная тропинка вела сначала по болотам Суйфунской долины, а затем мимо вершины Амурского залива, где стоит наш пост Угловой, направилась берегом вдоль полуострова Муравьева-Амурского. Последний довольно горист и сплошь покрыт смешанным лесом, в котором многие деревья, в особенности ель, кедр и ильм, достигают огромных размеров и могут доставить прекрасный материал для кораблестроения.

Совершенно посохшая трава везде уже истреблялась пожарами, или, как их здесь называют, палами, которые весной и осенью нарочно пускаются местными жителями для облегчения охоты за зверями и вообще для уничтожения тех страшных травянистых зарослей, которые успевают вырасти за лето.

Способ распространения палов самый легкий: стоит только зажечь одну былинку засохшей травы, и пожар, в особенности во

время ветра, распространяется на большое пространство со страшной быстротой.

Черное облако дыма обозначает днем направление огня, впереди которого бегут различные звери и летят стаи птиц, спасаясь от пожирающей стихии. Не раз и мне самому вместе с вьючными лошадьми случалось выжидать, пока пронесется огненная струя, а иногда даже уходить вброд на противоположную сторону реки.

Ночью горящие палы представляют великолепную картину. Извиваясь змеею, бежит огненная струя, и вдруг, встречая массы более сухой и высокой травы, вспыхивает ярким пламенем и опять движется далее узкой лентой.

Для избежания опасности от огня местные жители в тихую погоду нарочно обжигают траву вокруг своих жилищ и таким образом обеспечивают их от пожара.

Под вечер 26 октября я добрался до Владивостока, и в ту же ночь поднялась сильная метель, которая продолжалась до полудня следующего дня, так что снегу выпало вершка на четыре. Слыша теперь завывание бури, я благодарил судьбу, что успел добраться до жилья, а то пришлось бы целую ночь мерзнуть на дворе. Замечательно, что еще накануне этой метели я нашел в лесу вторично расцветший куст рододендронов, который так отраднo было видеть среди оголенных деревьев и иссохших листьев, кучками наваленных на землю.

Почти все мои лошади сбили себе спины частью от дурной дороги, частью от неумения вьючить, поэтому я решил прожить неделю во Владивостоке, чтобы заменить сильно сбитых лошадей новыми, а другим дать немного оправиться.

Владивосток вытянут на протяжении более версты по северному берегу бухты Золотой Рог, обширной, глубокой, со всех сторон обставленной горами и потому чрезвычайно удобной для стоянки судов.

Кроме солдатских казарм, офицерского флигеля, механического заведения, различных складов провианта, запасов, в нем считается около пятидесяти казенных и частных домов да десятка два китайских фанз. Число жителей, кроме китайцев, но вместе с войсками, простирается до 500 человек. Частные дома принадлежат по большей части отставным, навсегда здесь поселившимся солдатам и четырем иностранным купцам, которые имеют лавки, но преиму-

щественно занимаются торговлей морской капустой. Главный рынок этой капусты бывает во Владивостоке в конце августа и в начале сентября, когда сюда собирается несколько сот манз, привозящих на продажу всю добычу своей летней ловли.

Высушенная капуста, как уже говорено было прежде, связывается в пучки весом от 1½ до 2 пудов и в таком виде пускается в продажу. Манзы складывают эти пучки на берегу кучами вышиной более сажени, покрывают их соломой от дождя и сами живут в палатках, разбитых возле куч.

Таким образом, в начале сентября, то есть в самый разгар капустной торговли, во Владивостоке устраивается целый базар, или, правильнее, лагерь, который продолжается до половины этого месяца.

4 ноября я выступил в дальнейший путь и, пройдя вверх по полуострову Муравьева-Амурского, в полдень 6-го числа добрался до нашего поста, лежащего возле фанзы Кызен-гу, в вершине Уссурийского залива.

Недалеко отсюда предстояла переправа через устье реки Майхэ, которая имеет здесь сажень восемьдесят ширины, хотя собственно глубокие места встречаются только на половину этого расстояния.

Снарядив на следующий день небольшую лодку, на которой сначала были перевезены на противоположную сторону реки наши вещи и вьючные принадлежности, а потом переехали мы с товарищем, всех лошадей я приказал пустить вплавь. Нужно заметить, что, к довершению трудности переправы, по реке неслись небольшие льдины, а берега были замерзшими на несколько сажень, так что сначала пришлось прорубать проход для лодки и лошадей.

Пока было мелко, дело шло хорошо. Вслед за передней лошадей, которую вели в поводу мои солдаты, бывшие в лодке, шли остальные в линию одна за другой. Но лишь только началось глубокое место и, на беду, небольшая льдина врезалась в середину лошадей, как эти последние сбились с направления и сначала стали кружиться на одном месте, а потом три из них поплыли по реке.

Солдаты в лодке, растерявшись, не знали, что делать: спасать ли тех лошадей, которые еще кружились в реке, или бросаться за уплывавшими. Действительно, положение было довольно критическое, тем более что мы с товарищем, стоя на берегу, не могли ничем пособить со своей стороны.

Наконец солдатам удалось направить четырех бывших еще в реке лошадей к нашему берегу, где, добравшись до мели, они могли встать на ноги, следовательно, были уже безопасны.

Проводив их до такого места, люди в лодке бросились за теми тремя, которые уплыли уже довольно далеко в море.

Совершенно изнеможенные, эти лошади едва болтали ногами, и наконец одна из них погрузилась на дно; две же другие с большим трудом были подтащены к отмели и выведены на берег.

Сильно озябшие, все лошади дрожали как в лихорадке, так что мы сначала водили их около часу, чтобы согреть и обсушить, а потом завьючили и к вечеру пришли на устье реки Цыму-хэ, где расположена небольшая деревня Шкотова.

От устья Цыму-хэ путь наш лежал к реке Шито-хэ, откуда тропинка, и без того весьма плохая, сделалась почти совершенно незаметной, в особенности там, где она шла по лугам или по горным падам, в которых уже лежал снег. Притом же, следуя без проводника, я всегда определял путь по компасу, карте и расспросам у местных китайцев.

Последнее средство самое лучшее, но без знания языка и без переводчика расспросить подробно о чем-либо нет никакой возможности.

Обыкновенно все расспросы такого рода начинались одним и тем же: «Тау-ю?», то есть есть ли дорога, — спрашиваешь, бывало, у манзы и, получив утвердительный ответ: «Ю» — есть, прибавишь еще: «Ига-тау?», то есть одна ли тропинка или от нее отходят боковые ветви. На вторичный вопрос китаец начнет много говорить, но из всего этого можешь понять только утвердительный или отрицательный ответ, а подробности, иногда очень важные, всегда остаются втуне.

Затем манза обыкновенно идет показать самую тропинку, которая начинается у его фанзы.

Но какова эта тропинка, в особенности там, где она вьется по густым травянистым зарослям лугов! Ей-ей, всякая межа между десятинами наших пашен вдесятеро приметнее подобной тропинки, по которой только изредка пробредет манза или какой-нибудь другой инородец, но измятая трава тотчас же опять поднимется и растет с прежней си-

лой. Положительно, можно держать какое угодно пари, что новичок не пройдет, не сбившись, и 3 верст по большей части местных тропинок — этих единственных путей сообщения в здешнем крае.

Вот идешь, бывало, по тропинке, указанной китаец. Прошел версту, другую, третью... Хотя и не особенно хорошо, но все-таки заметно вьется дорожка то между кустами, то по высоким травянистым зарослям падей и долин. Вдруг эта самая тропинка разделяется на две: одна идет направо, другая налево. Изволь идти, по какой хочешь! Помнится, китаец что-то бормотал в фанзе, может быть, и про это место; но кто его знает, о чем он говорил. Посмотришь, бывало, направление по солнцу или по компасу и идешь по той тропинке, которая, сколько кажется, направляется в нужную сторону. Так как я шел всегда за несколько верст впереди своих лошадей, то обыкновенно клал на таких перекрестках заметки, чаще всего бумажки, которые указывали товарищу и солдатам, куда нужно идти. Правда, впоследствии несколько раз случалось блуждать, даже ворочаться назад или, что еще хуже, пройдя целый день, вновь выходить на прежнее место, но в несравненно большей части случаев я угадывал истинное направление дороги.

Пройдя теперь от реки Шито-хэ верст пятнадцать по лесу, который делается все более и более густым, я вдруг наткнулся на фанзу, стоявшую среди небольшой, свободной от деревьев площадки.

Такие одинокие фанзы встречаются иногда по здешним лесам и устраиваются манзами исключительно для охотничьих целей, а потому называются зверовыми. Для обеспечения от нападения тигров они всегда обносятся высоким, толстым тыном, через который зверь не может ни перелезть, ни перескочить.

Ворота в ограде фанзы, которая теперь стояла передо мной, были снаружи приперты бревном. Отбросив его, я вошел во двор, но там не было ни одной души, хотя все указывало, что здесь жили недавно. В пустых стойлах, устраиваемых для содержания пойманных оленей, еще лежало сено; в пристройке рядом насыпаны были хлеб и бобы, а в самой фанзе стояла различная посуда, запертые ящики, даже котел с вареным, хотя уже замерзшим просом, но ни одного живого существа — ни собаки, ни

даже кошки, которых манзы держат обыкновенно по нескольку штук. Недоумевая, куда могли деться хозяева и все обитатели, я подождал здесь своих лошадей и направился далее.

От фанзы шли целых три тропинки, так что сперва нужно было угадать, по которой из них идти. Зная в общем направление своего пути и определив его по компасу, я направился по одной из этих тропинок, но она, пройдя шагов сто, уперлась в ручей и кончилась. Нечего было делать, пошел я по другой тропинке, но и та через полверсты потерялась в лесу. Тогда, вернувшись к фанзе, я направился по последней тропинке. Однако и эта оказалась не лучше всех других и также кончилась шагов через двести у нарубленных дров.

В третий раз вернулись мы к фанзе и, не зная, куда идти, остались ночевать в ней, потому что дело уже клонилось к вечеру.

Вошли во двор, развьючили лошадей и разместили их по стойлам, в которых лежало готовое сено. Затем разложили в фанзе огонь и принялись готовить ужин. Тут нашлись и ведра для воды, и котелки для нагревания ее, столы, скамейки, даже соль и просо — словом, все было к услугам, за исключением только одних хозяев. Точь-в-точь, как в сказке о заблудившемся охотнике, которую я слышал еще в детстве. Но куда же девались хозяева этой фанзы? Всего вероятнее, что они были задавлены тигром; иначе я не могу себе объяснить, каким образом китайцы могли бросить фанзу со всем имуществом. Правда, иногда манзы делают это, уходя ненадолго в лес. Но здесь замерзшее вареное просо, отсутствие собак с кошками — неперменной принадлежности каждой фанзы — ясно говорили, что довольно много дней прошло с тех пор, как эта фанза опустела.

Быть может, один или два манзы, обитавшие здесь, отправились в лес на охоту или за дровами, наткнулись там на тигра и были им разорваны, а фанза с припертой дверью с тех пор никем не была посещена, что далеко не редкость в здешних пустынных местах.

Проночевав совершенно благополучно, на другой день утром я пошел отыскивать тропинку и, сделав большой круг, действительно нашел ее. Дело в том, что эта тропинка, дойдя до ручья возле фанзы, круто поворачивала в сторону, а так как здесь ме-

сто было заросшее густым кустарником и притом еще покрытое снегом, то вчера мы и не заметили поворота.

Завьючив лошадей, отправились далее.

* * *

Из всех прибрежных долин Зауссурийского края самая замечательная по своему плодородию и красоте есть, бесспорно, долина реки Сучана, которая вытекает из главного хребта Сихотэ-Алинь и, стремясь почти в меридиональном направлении к югу, впадает в залив Америка. Имея истоки недалеко от верховьев Уссури, эта река в своих верхних и средних частях представляет характер вполне горной речки, то есть малую глубину и быстрое течение по каменистому ложу. Только в низовьях Сучан делается тихой, спокойной рекой и при значительной глубине достигает от 30 до 40 сажен ширины, так что здесь возможно плавание для речных судов всякого рода. Впрочем, такие благоприятные свойства река представляет не более как верст на двадцать от устья; далее же вверх мелководье, камни и быстрое течение делают решительно невозможным плавание даже на лодках.

Гигантский, отвесный, как стена, утес, сажен в семьдесят вышины, обозначает в заливе Америка то место, где находится устье Сучана и откуда начинается его долина, с трех сторон обставленная горами и открытая только к югу.

Эта долина, гладкая, как пол, тянется в длину верст на шестьдесят и, имея в начале не более 2 верст в поперечнике, постепенно увеличивается по мере приближения к устью реки, так что достигает здесь от 4 до 5 верст ширины.

Боковые горы, ее ограждающие, довольно высоки, круты и изрезаны глубокими падами, которые в различных направлениях сбегают к главной долине. Эти горы сплошь покрыты лесами, в которых растут все породы лиственных деревьев, свойственные Уссурийскому краю, и только на самых вершинах и в некоторых высоких падах встречаются хвойные деревья: кедр и, реже, ель.

Густой кустарник и высокая трава покрывают собой почву этих лесов, в которых растительная жизнь развивается до огромных размеров.

Почва Сучанской долины, за исключением только болот при устье реки, чрезвычайно плодородна и состоит из чернозема в смеси с суглинком. Такой слой достигает средним числом до 3 футов толщины, а в некоторых местах вдвое более и лежит на подпочве, состоящей из глины и песку.

Сучанская долина замечательна необыкновенным обилием фазанов, которых вообще множество во всем Южноуссурийском крае и в особенности на морском побережье. Любимую пищу этих птиц составляют различные зерновые хлеба, поэтому осенью фазаны держатся преимущественно возле наших деревень и китайских фанз. Здесь они немилосердно истребляют всякий хлеб и даже молодой картофель, который проглатывают целиком. Кроме того, фазаны очень любят желуды, и я часто убивал в дубовых лесах экземпляры, у которых целый зоб был набит исключительно очищенными от кожуры желудями.

Во время своего пребывания в Новгородской гавани я встретил там великое множество фазанов, но еще более нашел их в Сучанской долине, где они большими стадами бегали по китайским полям или без церемонии отправлялись к скирдам хлеба, сложившим возле фанз.

Испытав еще прежде неудобство обыкновенного, хотя и очень большого ягдташа при здешних охотах, где убитую дичь можно считать на вес, а не на число, я брал теперь с собой, идя за фазанами, солдата с большим мешком, а сам нагружался порохом и дробью.

На чистом поле фазаны довольно осторожны, в особенности в стаде, и не подпускают к себе на выстрел, но летом, а часто и зимой уходят в ближайшую густую траву.

Зная это, я проходил сначала вдоль поля и стоял с него всех фазанов, а затем отправлялся искать их с легавой собакой.

Тут начиналась уже не охота, а настоящая бойня, потому что в нешироких полосах густого чериобильника, которым обыкновенно обрастают здешние поля, собака находила фазана в буквальном смысле на каждом шагу. Пальба производилась настолько скорая, насколько можно было успевать заряжать ружье; и, несмотря на то что часто сгоряча делались промахи, да притом много подстреленных уходило и пропало, все-таки часа через три или даже иногда менее я убивал от 25 до 35 фазанов,

которые весили от 2 до 3 пудов, так что мой солдат едва доносил домой полный и тяжелый мешок.

Такой погром производил я почти ежедневно во время своего 10-дневного пребывания на Сучане, и долго будут помнить меня тамешние фазаны, так как дня через три уже можно было видеть на полях хромых, кучых и тому подобных инвалидов. Роскошь в этом случае доходила до того, что я приказывал варить себе суп только из одних фазаньих потрохов, а за неимением масла употреблял и собирал на дальнейший путь их жир, которого старый самец дает в это время почти со стакан.

Но не одним истреблением смиренных фазанов ограничились мои охотничьи деяния на Сучане — пришлось здесь поохотиться даже и на тигра, хотя, к сожалению, неудачно.

Дело происходило следующим образом.

Утром 23 ноября, лишь только стало рассветать, является ко мне один из крестьян деревни Александровки, где я тогда жил, и объявляет, что по всей деревне видны свежие следы тигра, который, вероятно, гулял здесь ночью. Наскоро одевшись, я вышел во двор и действительно увидел возле самых своих окон знакомый круглый след: четыре вершка в длину и более трех в ширину, так что, судя по такой лапке, зверек был не маленький. Направляясь далее по деревне, этот след показывал, как тигр несколько раз обходил вокруг высокой и толстой изгороди, в которой содержались мои лошади, даже лежал здесь под забором и наконец отправился в поле.

Таким образом, представлялся отличный случай выследить зверя, который, по всему вероятию, не ушел же бог знает куда от деревни. Осмотрев хорошенько свой двустольный штуцер, заткнув кинжал за пояс, я взял с собой солдата, вооруженного рогатиной в виде пики, и пустился по следу. Переходя от одной фанзы к другой, тигр наконец поймал собаку и, направившись со своей добычей в горы, зашел в густой тростник, росший на берегу небольшого озера и по окрестному болоту. Идя следом, мы также вошли в этот тростник и осторожно подвигались вперед, так как здесь каждую минуту можно было опасаться, что лютый зверь бросится из засады. Пройдя таким образом шагов триста, мы вдруг наткнулись на место, где тигр изволил завтракать соба-

кою, которую съел всю дочиста, с костями и внутренностями. Невольно приостановился я, увидав кровавую площадку, где тигр разорвал собаку. Вот-вот мог броситься он на нас, а потому, держа палец на спуске курка своего штуцера и весь превратившись в зрение, я осторожно и тихо подвигался вперед вместе с солдатом. Вообще трудно передать чувство, которое овладело мною в эту минуту. Охотничья страсть, с одной стороны, сознание опасности — с другой, — все это перемешалось и заставило сердце биться тактом, более учащенным против обыкновенного.

Однако тигра не оказалось на этом месте, и мы пустились далее. Скоро след вышел из тростника и направился в горы. Не теряя надежды догнать зверя, мы продолжали следить и раза три находили места, где он отдыхал сидя или лежа. Наконец вдруг на небольшом холме, шагов за триста впереди нас, что-то замелькало по кустам, и — увы! — это был тигр, который, заметив приближение людей, решил лучше обратиться подобру-поздорову и, пробежав крупной рысью, скрылся за горой. Напрасно, удвоив шаги, пустились мы вдогонку: зверь был далеко впереди, да притом и бежал довольно скоро, так что мы более его не видели и, пройдя еще версты две по следу, вернулись домой.

В тот же самый день у меня издохла одна лошадь, которую я приказал положить на ночь возле бани, а сам сел туда караулить тигра; но он, будучи уже напуган днем, не приходил в эту ночь, так что и здесь дело кончилось неудачно.

Подобные посещения наших деревень и китайских фанз на Сучане тигры производят зимой почти каждую ночь, так что, по рассказам крестьян, после сумерек опасно выходить из избы.

Наглость этих зверей доходит даже до того, что они несколько раз таскали собак, привязанных для безопасности в сених.

25 ноября я оставил долину Сучана и направился в гавань Св. Ольги, держась по-прежнему берега моря. На всем этом пространстве, занимающем в длину около 270 верст, путь весьма затруднителен, так как он лежит поперек боковых отрогов Сихотэ-Алиня, стоящих в направлении, перпендикулярном морскому берегу. Притом же и самая тропинка, редко посещаемая даже инородцами, то чуть заметно вьется

в дремучей тайге, то поднимается очень круто на высокие горы, то, наконец, идет вброд по морю, обходя утесы, и вообще крайне затруднительна даже для вьючной езды.

Тропинка, по которой мы шли, часто выходила на самый берег моря, где в тихих, пустынных заливах удавалось видеть китов, пускающих фонтаны. Здесь же на песчаных низменных берегах часто валялись выброшенные кости этих великанов, а иногда целые черепа, прекрасно сохранившиеся, рядом со множеством водорослей и раковин, среди которых попадались морские звезды и великолепного малинового цвета медузы. Но несравненно величественнее являлись морские берега там, где над самыми волнами угрюмо висели высокие отвесные утесы, у подошвы которых вечно бьет бурун сердитого океана. Присядешь, бывало, на вершине такого утеса, заглядишься на синюющую даль моря, и сколько различных мыслей заройтся в голове! Воображению рисуются далекие страны, с иными людьми и с иною природою, те страны, где царствует вечная весна и где волны того же самого океана омывают берега, окаймленные пальмовыми лесами. Казалось, так бы и полетел туда стрелою посмотреть на все эти чудеса, на этот храм природы, полный жизни и гармонии...

Погрузится затем мысль в туманную глубину прошедших веков, и океан является перед нею еще в большем величии.

Ведь он существовал и тогда, когда еще ни одна растительная или животная форма не появилась на нашей планете, когда и самой суши еще было немного! На его глазах и, вероятно, в его же недрах возникло первое органическое существо. Он питал его своей влагой, убаюкивал своими волнами! Он давнишний старожил земли; он лучше всякого геолога знает ее историю, и разве только немногие горные породы старше миститого океана!

Обыкновенно за час или полтора до заката солнца сильно уставшие ноги начинают громко напоминать, что время отдохнуть. Притом желудок также давно уже заявляет о своей пустоте, и все это настолько сильные побуждения, что мы начинаем выглядывать по сторонам дороги место, удобное для ночлега. Для этого обыкновенно избирается лесная лужайка на берегу какого-нибудь ручья, чтобы иметь под боком дрова,

воду и пастбище для лошадей. В здешних местностях все это очень нетрудно отыскать: ручьи текут в каждой пади, и вода в них не хуже знаменитой невской, трава растет везде и всюду, а в лесу столько сухого валежника, что нетрудно добыть сколько угодно дров.

Выпадет, бывало, такое удобное место — хочется отдохнуть, соблазнитель и греющий костер на морозе, но солнце стоит еще высоко, целый час до заката, так что можно успеть сделать версты три, — и с досадой идешь далее.

Тут мой юный спутник обыкновенно начинает ворчать: «Надо остановиться, сегодня и так уже много прошли, а тебе бы все больше да больше; другого такого места не будет, а здесь посмотри как хорошо», и т. д. в этом роде. Большею частью я оставался глух ко всем подобным просьбам и увещаниям, но иногда соблазн был так велик, что по слабости, присущей в большей или меньшей степени каждому человеку, останавливался на ночлег ранее обыкновенного времени.

И как магически действует надежда! Уставшие солдаты и лошади идут молча, шаг за шагом, повесив головы, но лишь только я скажу: «Сейчас остановимся ночевать», — все мигом ободряется, даже кони пойдут скорее, завидя огонек, который мой товарищ уже успел разложить, уйдя вперед.

Пришли на место, остановились... Солдаты развьючивают лошадей и, привязав их за деревья, чтобы дать остынуть, рубят и таскают, пока светло, дрова на костер, который необходимо держать целую ночь, иначе нет возможности хотя сколько-нибудь заснуть на морозе. Тем временем я отправляюсь нарубить кинжалом веток или сухой травы, чтобы сидеть, по крайней мере, не на голом снегу, а товарищ варит кирпичный чай, вкусом и запахом мало чем отличающийся от настоя обыкновенного сена. Однако в это время и подобный согревающий напиток кажется слаще нектара олимпийского, в особенности если в приложение к нему жарятся на палочках тонко нарезанные куски козы или оленя.

Закусив немного, я достаю дневник и сажусь писать заметки дня, разогрев предварительно на огне замерзшие чернила. Между тем солдаты уже натаскали дров, устелили на траву лошадей и варят для себя

и для нас ужин. Часа через два все готово — дневник написан, и мы ужинаем чем случится: фазаном, убитым днем, куском козы или рыбы, а иногда и просто кашей из проса.

После ужина посидишь еще немного у костра, поболтаешь или погрызешь кедровых орехов, а затем укладываешься спать, конечно не раздеваясь и только подостлав под себя побольше травы, а сверху укрывшись какой-нибудь шкурой, в которую закутаешься герметически. Но при всем том, несмотря даже на усталость, спишь далеко не спокойно, потому что со стороны, противоположной огню, ночной мороз сильно холодит бок и заставляет беспрестанно поворачиваться. Мои солдаты очень метко говорили, что в это время «с одной стороны — петровки¹, а с другой — рождество».

Наконец все уснули и кругом водворилась тишина... Только изредка трещит костер, фантастически освещая своим пламенем окрестные деревья, да звенят бубенчики пасущихся невдалеке лошадей. Широким пологом раскинулось над нами небо, усеянное звездами, а луна сквозь ветви деревьев украдкой бросает свои бледные лучи и еще более дополняет впечатление оригинальной картины...

Часа за два до рассвета встают солдаты, собирают лошадей, дают им овес или ячмень, затем варят для себя и для нас завтрак. Когда последний готов, тогда поднимаемся и мы, часто дрожа от холода как в лихорадке, но горячий чай хорошо и скоро согревает. Позавтракали, а еще только что начинает светать. Тогда я велю выючить лошадей; сам же, по обыкновению, отправляюсь вперед, и только в полдень останавливаемся мы на полчаса, чтобы немного закусить и произвести метеорологические наблюдения.

К вечеру 7 декабря мы пришли в гавань Св. Ольги, где я расположился в доме начальника поста. После ночевки под открытым небом, на снегу и морозе, невыразимо отраднo было заснуть в теплой, уютной комнате, предложенной мне радушным хозяином. Сильная усталость, в лохмотья изношенные сапоги, сбитые спины у четырех лошадей — все это красноречиво говорило в

¹ То есть Петров пост, который бывает в июне — следовательно, в период жаров. (Примеч. редактора.)

пользу того, чтобы прожить здесь хотя с педделю, отдохнуть и починиться, променять сбитых лошадей на здоровых — словом, снарядиться как следует к дальнейшему пути.

По выходе из последней фанзы на реке Тазуши мы в тот же день сделали перевал через главную ось Сихотэ-Алиня и спустились в верховья реки Лифудин. На самой высшей точке перевала стоит китайская капличка с изображением размалеванного божества.

Такие каплички ставятся манзами на всех перевалах даже через небольшие возвышенности и в достаточном количестве существуют в самых глухих местах Уссурийского края.

Хотя на имеющихся картах подобные каплички обозначаются громогласным названием кумирни, но они в сущности ничего более, как квадратные деревянные клетки вышиною около аршина. Бока их делаются глухими, и только с одной стороны находится отверстие, перед которым на противоположной стороне наклеено изображение бога в образе китайца.

Перед таким изображением стоит иногда чугунный горшок и лежат различные приношения в виде мелких монет, ленточек, полотенец, кусочков красной материи и т. п.

Всякий проходящий мимо такой каплички манза непременно сядет возле нее, покурит трубку и выбьет пепел в чугунный горшок, делая таким образом приношение по пословице: «На тебе, боже, что мне негоже».

Здесь же, на перевале через Сихотэ-Алинь, я в первый раз видел японскую лиственницу, которая изредка попадает в Зауссурийском крае и отличается от обыкновенной изогнутым стволом и курчавыми ветвями. Все нижние ветви этой лиственницы, под которою стоит капличка, были увешаны различными ленточками, пожертвованиями одиноко сидящему здесь китайскому богу.

Первая ночь захватила нас на несколько верст ниже перевала в тайге, где даже не было воды. Однако, нечего делать, надо было останавливаться ночевать. Прежде всего разгребли снег, который лежал везде на 2 фута, и развели костер, чтобы сначала немного отогреться. Потом развьючили лошадей, которых отпустить кормиться было некуда (в тайге нет и клочка травы), по-

этому я велел дать им ячменя и привязать на ночь к деревьям.

Холод был страшный (термометр показывал — 20° Р), и еще счастье, что здесь в лесу не хватал нас ветер, который дул целый день, но не стих и к вечеру. За неимением воды мы натаяли сначала снегу, а потом сварили чай и ужин. Ни до одной железной вещи нельзя было дотронуться, чтобы не пристали к ней руки, а спина, не согреваемая костром, до того мерзла, что часто приходилось поворачиваться задом к огню.

Около полуночи я улегся вместе со своим товарищем и собакою возле самого костра на нарубленных еловых ветках и велел закрыть нас сложенной палаткою. Скоро сон отогнал мрачные думы; но этот сон на морозе какой-то особенный, тяжелый и не успокаивающий человека. Беспременно просыпаешься, потому что холод со стороны, противоположной костру, сильно напоминает, что спишь не в постели. От дыхания обыкновенно намерзают сосульки на усах и бороде и часто, опять растаяв, мокрыми, страшно неприятными каплями кажутся через рубашку на тело. Иногда снится родина и все хорошее прошлое, но пробудишься... и мгновенно сладкие мечты уступают место не совсем приятной действительности...

От деревни Нота-хуза оставалось уже недалеко до устья реки Дауби-хэ, где расположена наша телеграфная станция и куда я всеми силами торопился поскорее добраться, рассчитывая прийти накануне Нового года. Однако в здешних местах более чем где-либо применима пословица «человек предполагает, а бог располагает», — и метель, бывшая 30 декабря, до того занесла тропинку, что на следующий день к вечеру мы были еще за 25 верст от желанного места.

И вот что писалось тогда в моем дневнике: «Незавидно пришлось мне встретить нынешний Новый год в грязной фанзе, не имея никакой провизии, кроме нескольких фунтов проса, так как все мои запасы и даже сухари, взятые из гавани Св. Ольги, вышли уже несколько дней тому назад, а ружьем при глубоком снеге ничего не удалось добыть».

Теперь, когда я пишу эти строки, возле меня десятка полтора манз, которые обступили кругом и смотрят, как я пишу. Между

собой они говорят, сколько можно понять, что, вероятно, я купец и записываю свои покупки или продажи.

Во многих местах вспомнят сегодня обо мне на родине, и ни одно гадание, даже самое верное, не скажет, где я теперь нахожусь.

Сам же я только мысленно могу понестись к своим друзьям, родным и матери, которая десятки раз вспомнит сегодня о том, где ее Николай.

Мир вам, мои добрые родные и друзья! Придет время, когда мы опять повеселимся вместе в этот день! Сегодня же, через полчаса, окончив свой дневник, я поем каши из последнего проса и крепким сном засну в дымной, холодной фанзе...»

Лучшими, незабвенными днями моего пребывания в Уссурийском крае были две весны — 1868 и 1869 годов, проведенные на озере Ханка при истоке из него реки Сунгачи.

Пустынное это место, где, кроме нескольких домиков, именуемых пост № 4, на сотню верст, по радиусам во все стороны, нет жилья человеческого, предоставляло полное приволье для тех бесчисленных стай птиц, которые явились здесь, лишь только пахнуло первою весною. Никогда не тревожимые человеком, они жили каждая по-своему и представляли много интересного и оригинального, что я наперед сознаю в неумении передать вполне все то, чего был счастливым наблюдателем.

Но, пытаюсь набросать хотя слабый очерк всего виденного, я возьму предметом своего описания вторую весну, здесь проведенную, именно 1869 года, так как впечатление ее полнее и свежее в моей памяти, тем более что общая картина оба раза была одинакова и разнообразилась только в немногих частностях.

...Уже конец февраля; было несколько хороших теплых дней; по выжженным с осени местам кой-где показались проталины; но еще уныло безжизненно смотрят снежные берега озера Ханка и те громадные травянистые равнины, которые раскинулись по восточную его сторону. Даже Сунгача, не замерзающая при своем истоке целую зиму и теперь уже очистившаяся ото льда верст на сто, и та безмолвно струит

в снежных берегах свои мутные воды, по которым плывет то небольшая льдинка, то обломок дерева, то пучок прошлогодней травы, принесенной ветром.

Мертвая тишина царит кругом, и только изредка покажется стая тетеревов, или раздается в береговых кустах стук дятла и писк болотной птицы, или, наконец, высоко в воздухе, сначала с громким и явственным, но потом все более и более замирающим свистом пролетят несколько уток-гоголей, зимовавших на незамерзающих частях реки.

Неоглядные равнины, раскинувшиеся по обе стороны последней, отливают желтоватым цветом иссохшей прошлогодней травы, а по береговому заливам и озерам, где летом во множестве цветет нелюбия, теперь лежит лед толщиной до 3 футов, и странно видеть, как заморожены в нем листья и цветочные стебли этого южного растения. Здесь же обыкновенно можно встретить небольшие стаи снежных стрелаток и даже белую сову, которая зимою спускается из родных тундр севера до таких низких широт.

Присоедините ко всему этому несколько зверьков: енота, барсука, лисицу, ласку, хорька, и вы получите полное перечисление тех немногих животных видов, которые держатся зимой на сунгачинских равнинах.

Но вот наступает март, и хотя холода все еще не уменьшаются, однако весна чувствуется уже недалеко. Как в первом, так и во втором году первыми вестниками ее прилета явились лебеди-кликуны и своим громким гармоническим звуком оживили безмолвие равнины. Затем появилась небольшая стая бакланов, которые, видимо, утомленные перелетом, несколько времени вились над Сунгачею и наконец опустились на поверхность воды. С тех пор эти птицы постоянно держались на Сунгаче, и часто можно было слышать хриплые, похожие на гоготанье, голоса, которые они издают как знак удовольствия, отдыхая целым обществом на низких ветвях берегового тальника или занимаясь рыбной ловлей.

В последней бакланы великие мастера, и, как известно, китайцы с давних времен употребляют их для подобной цели. Мне самому много раз случалось наблюдать, как долго может оставаться под водой нырнувший баклан, обыкновенно редко возвращающийся на поверхность без добычи. В случае, если пойманная им рыба велика, так что проглотить ее довольно трудно, то

ближайшие товарищи бросаются тотчас же отнимать добычу, начинается шум и драка, которая не всегда оканчивается в пользу правого.

Притом же иногда не даром обходится баклану и самая ловля. Случается, что проглоченная им касатка, во множестве водящаяся в Сунгаче и в озере Ханка, распускает свои колючки в горле птицы, которая не имеет возможности освободиться от такой грустной неожиданности и бывает задушена рыбой.

По своему поведению баклан весьма хитрая и осторожная птица. При виде опасности он тотчас же погружается всем телом в воду, оставляя на поверхности только длинную шею и голову, которую вертит во все стороны и зорко следит за движениями своего неприятеля. От последнего спасаются или быстрым нырянием, или чаще улетает, тяжело захлопав крыльями по воде, как лебедь, но потом летит скоро и сильно.

Валовой пролет бакланов на озере Ханка начинается с половины марта и продолжается до конца этого месяца.

Тогда они являются по Сунгаче большими стадами, но для вывода молодых здесь остаются только очень немногие.

Вслед за первыми водяными птицами стали появляться и голенастые, несмотря на то что холода продолжали стоять по-прежнему и по болотам нигде еще не было оттаявших мест. В ожидании лучшего времени, которое обыкновенно наступает здесь только в конце марта, все эти, равно как и другие птицы держались по берегу Сунгачи.

Только здесь пролетные гости могли находить для себя пищу, хотя, вероятно, случалось, особенно при большом скоплении потребителей, что многие из них иногда по долгу постничали.

Самыми нетерпеливыми выскочками из голенастых, несмотря на всю свою флегматичность, оказались журавли, которых два

вида — японский (даурский) и китайский (уссурийский) — прилетели 3 и 4 марта.

Первый из этих журавлей родиной из Японии, по своим нравам очень схож с европейским малым журавлем и, подобно последнему, весной устраивает забавные пляски для развлечения и удовольствия своих любимых подруг. С такой похвальной целью общество этих журавлей, обыкновенно от трех до пяти пар, живущих по соседству, выбирает среди болота сухое, гладкое место, позаботясь предварительно, чтобы оно находилось в почтительном расстоянии от всяких кустов, оврагов и тому подобных местностей, могущих скрывать врага.

Ранним утром и в особенности перед вечером журавли слетаются на такое условное место и, покрячав здесь немного, принимаются за пляску. Для этого они образуют круг, внутри которого находится собственно арена, предназначенная для танцев. Сюда выходят один или два присутствующих, прыгают, кивают головой, приседают, подскакивают вверх, машут крыльями и вообще всякими манерами стараются показать свою ловкость и искусство. Остальные присутствующие в это время смотрят на них, но немного погодя сменяют усталых, которые, в свою очередь, делаются зрителями.

Такая пляска продолжается иногда часа два, пока наконец с наступлением сумерек утомленные танцоры закричат хором во все горло и разлетятся на ночь по своим владениям.

Независимо от общих танцев, самец этого вида, один из самых любезных кавалеров между своими длинноногими собратьями, не упускает ни одного случая выказать любезность перед самкою и, бродя с нею по болоту, часто делает самые смешные движения, между тем как его более положительная супруга занимается в это время проглатыванием пойманных лягушек.

Хотя в период весеннего пролета японские журавли держатся в значительном количестве по сунгачинским равнинам и некоторые остаются здесь для вывода молодых, но этот вид предпочитает открытым местностям горные долины и в них охотнее гнездится.

В верхних частях Дауби-хэ, Лэфу и Сиян-хэ я видал часто этих журавлей. Обитая в таких тихих, уединенных долинах и никогда не тревожимые человеком, они становятся гораздо смелее и подпускают к себе

довольно близко, что никогда не делают на открытых сунгачинских болотах.

Привязанность названных журавлей к своим детям и между собой очень велика. Так, однажды, в долине Сиян-хэ я убил самку из пары, обитавшей недалеко от того места, где я жил несколько дней. Оставшийся самец долго летал вокруг меня, пока я нес его убитую подругу; затем держался два дня возле того места, часто и громко крича, и наконец, убедившись в бесполезности своих поисков, на третий день решил покинуть родину, в которой жил счастливо, может быть, несколько лет. Для этого он начал подниматься спиральными кругами вверх, как то обыкновенно делают осенью, перед отлетом, наши аисты, поднялся так высоко, что был замечен черной точкой, и затем полетел в направлении к озеру Ханка. Что будет делать он далее? Куда улетит? Найдет ли себе другую подругу?

Прилетающий почти одновременно с японским журавлем другой его собрат, журавль китайский, — есть самая большая птица здешних местностей, так как в стоячем положении он имеет до 5 футов вышины, $7\frac{1}{2}$ футов в размахе крыльев и весит 23 фунта. Притом же он очень красив: весь снежно-белый, за исключением черной шеи и такого же цвета малых маховых и плечевых перьев; последние достигают больших размеров и образуют при сложенных крыльях объемистый пучок, возвышающийся над хвостом и задней частью спины.

Вместе с тем этот журавль так осторожен, что не подпускает к себе на открытом месте даже на 300 шагов, и убить его весьма мудреная задача. Стрелять дробью, конечно, и думать нечего, так как эта птица очень крепка на рану, притом же никогда не даст подкрасться к себе на близкое расстояние, кроме самых редких исключений, так что для охоты надобно непременно употреблять штуцер.

Но для меткой стрельбы пулей, во-первых, необходим огромный навык, а во-вторых, даже и при таком условии далеко не всегда можно рассчитывать на успех при стрельбе с большой дистанции в сравнительно малую цель.

Самое лучшее время для охоты за этими птицами бывает, как только они появятся и за неимением растаявших мест на болотах, волей или неволей, должны держаться по берегу Сунгачи, где к ним можно иногда подкрасться из-за лозы и тростника на меткий штуцерный выстрел, то есть шагов на полтораста.

Но охотничьи экскурсии по сунгачинским равнинам, в особенности в это время года, — дело нелегкое.

Уцелевшая от осенних пожаров сухая прошлогодняя трава вышиною в 3—4 фута, притом же страшно густая и скрученная ветром да еще со снегом внизу, до того затрудняет ходьбу, что нужно пробираться вперед с большими усилиями. Ноги запутываются, часто падаешь и вообще на одной версте умаешься очень сильно.

Но вот выдалась паленина, то есть выжженное прошедшей осенью место, где снегу теперь совсем нет. Ну, думаешь, слава богу, можно будет идти удобнее, и оно действительно так, да не совсем.

Торчащие остатки сгоревшей травы вышиною около вершка, довольно толстые да притом обледенелые, до того дерут сапоги, что после двух — трех дней на них уже являются дырки, сквозь которые иногда так уколешься тою же самой травой, что сделаешь невольный скачок.

Сунешься в кусты — там... и боже упаси! Ветер, постоянно гуляющий по окрестным равнинам, сдувает сюда множество снегу, так что даже и в малоснежную зиму, какова была нынешняя, образуются саженные сугробы, в которые если провалишься, то еле-еле вылезешь и, верно, не пройдешь даже одной сотни шагов.

Но вот после подобной прогулки в несколько верст заметишь наконец вдаль пару красивых китайских журавлей, важно расхаживающих по берегу Сунгачи или стоящих неподвижно на льду залива, словно погруженных в глубокое философское раздумье.

По горькому опыту первоначальных хождений знал я, как трудно рассчитывать на оплошность этой птицы, и потому издавек начинал уже подкрадываться, прикрываясь кустами тальника или большей частью пользуясь высокой прошлогодней травой, по которой нужно двигаться ползком.

Подвинешься, бывало, таким образом сотню, другую шагов, выглянешь украдкой — журавли стоят по-прежнему неподвижно, следовательно, еще не заметили опасности, — и с радостью ползешь далее.

Еще порядочный кусок остался позади, опять тихонько посмотришь — и по-прежнему стоят журавли, так что надежда растет все более и более.

Отдохнув немного, продолжаешь ползти, как вдруг раздается громкий, отрывистый крик одного из пары — знак, что осторожные птицы заметили что-то недоброе.

Насторожившись и вытянув шею, смотрят они теперь в ту сторону, где несколько пошевелившихся от моего движения кустиков травы возбудили их подозрительное внимание.

Притаив дыхание, лежу я на земле, но что делать далее? Ползти ли вперед или стрелять наудачу отсюда, несмотря на то что до журавлей еще более 200 шагов?

С первых разов, когда я мало был знаком с нравами этой птицы, мой выбор обыкновенно склонялся на первое решение, но оно всегда приводило к неудачным результатам. Встревоженные журавли уже зорко продолжали смотреть в ту сторону, где чуяли опасность, и лишь только, обождав, я начинал ползти, как они, заметив снова шевелившуюся траву, тотчас же улетали и иногда очень далеко.

Впоследствии, убедившись в бесполезности первой меры, я всегда предпочитал в подобном случае стрелять на авось, и действительно убил одного журавля шагов на двести, но это случилось только раз, а промахов делалось много множество.

Грустно и обидно бывало видеть, как пуля взрывала снег, не долетая или перелетая через журавлей, и, таким образом, все трудности далекого ползанья, иногда через весенние лужи, пропадали совершенно даром. Но зато, когда удавалось подкрадываться в меру меткого выстрела и пронизанный пулей журавль падал, как сноп, на землю, я радовался, как ребенок, и изо всех сил пускался бежать к дорогой добыче.

Для вывода птенцов в Ханкайском бассейне китайских журавлей остается немного менее, чем японских. Они предпочитают для этой цели совершенно открытые равнины, и потому никогда не попадаются в узких горных долинах, в которых любят держаться японские журавли. Притом же они менее оказывают привязанности к детям, нежели эти последние, и хотя постоянно приводят охотника в отчаяние своей осторожностью, но все-таки служат лучшим украшением здешних обширных болот.

Вслед за первыми прилетными птицами, несмотря на постоянные холода, начинают показываться другие виды, и не проходит дня, чтобы не появился какой-нибудь новый экземпляр, так что к 9 марта, то есть ко дню, с которого собственно считается начало весны, в прилете было уже 22 вида.

Наконец, 13 марта, появилась самая значительная и редкая птица здешних стран — японский ибис.

Родной брат знаменитой священной птицы древних египтян, этот ибис чрезвычайно красив. Достигая в размахе крыльев до 4 футов, он имеет спину, верхнюю часть шеи и хохол пепельно-голубого цвета, низ тела бледно-розового, а крылья огненно-красные; передняя голая часть головы и ноги

кирпично-красные, длинный же согнутый клюв черный с ржавчинно-красным концом.

Появление этого ибиса на озере Ханка в такую раннюю весеннюю пору, когда все болота и озера еще закованы льдом, а термометр по ночам падает до -13°P , составляет весьма замечательный факт в орнитологической географии.

Даже странно сказать, что в то время, когда эта южная птица прилетает на снежные сунгачинские равнины, вместе с нею еще в продолжение почти целого месяца живет здесь белая сова, гнездящаяся, как известно, на тундрах Крайнего Севера.

Я сам онемел от удивления, когда однажды выстрелом, направленным в пролетавшего мимо меня ибиса, испугнул эту сову и пустил в нее другой заряд своего двуствольного ружья.

Прежде всего нужно заметить, что стрельба пулями в такую небольшую птицу, как ибис, не может быть годною; поэтому волею или неволею нужно употреблять дробовик, из которого выстрел действителен, конечно, только на близком расстоянии.

Но попробуйте-ка подкрасться к ибису на такую меру в то время, когда два — три их экземпляра сидят на берегу оттаявшего залива в сообществе целой сотни серых и белых цапель, не один раз приводивших меня в отчаяние своим лукавством и осторожностью.

Ведь, кажется, ползешь, бывало, по такой густой и высокой траве, что сам черт не углядит, — нет, смотришь, не приблизился еще и на сотню шагов, как тебя уже заметили эти длинноногие дьяволы, взлетели и вместе с ибисом отправились на другое место.

Идешь за ним туда, опять ползешь и опять повторяется та же самая история.

Иногда же случалось таким образом, что, подкравшись шагов на полтораста, вдруг встречаешь гладкий лед широкого залива, на противоположном конце которого ходят ибисы в сообществе своих друзей цапель, часто же и других знакомых: журавлей, бакланов, гусей, уток и прочей пернатой братии. В подобных случаях уже нечего и думать о дальнейшем подкрадывании, так что, лежа

на окраине травы и любуясь на все это общество в бинокль, я, как нельзя более, олицетворял собой басню о лисице, пришедшей за виноградом.

Однако после многих неудачных хождений мне удалось наконец убить двух ибисов; кроме того, одного убил мой товарищ и еще двух случайно во время сильной метели застрелили казаки, так что я имею в своей коллекции пять экземпляров этих прекрасных птиц. Такое число добытых ибисов очень удачно, так как они здесь вообще редки и на нижней Сунгаче держалось никак не более двух — трех десятков даже во время весеннего пролета.

С конца марта, когда начнут таять болота, ибисы откочевывают на них, но вскоре удаляются отсюда и размещаются для вывода молодых по небольшим рошам, рассыпанным, подобно островам, среди здешних недоступных болот.

Здесь они устраивают свои гнезда на деревьях, и хотя мне самому ни разу не удавалось найти такого гнезда, но местные казаки и китайцы уверяли, что прежде им случалось доставать молодых, которых они употребляли для еды.

Голос ибиса весьма неблагозвучен и очень похож на карканье вороны, только несколько громче и грубее. Такой крик он издает часто как на лету, так и сидя на земле, но в особенности сильно кричит, будучи подстрелен.

После вывода молодых ибисы скитаются небольшими партиями, вероятно выводками, по берегам озер, преимущественно же тихих,

уединенных рек и проводят таким образом целое лето до времени осеннего отлета.

Появление японского ибиса служило как бы сигналом к началу валового пролета других птиц; в тот же самый день, то есть 13 марта, несмотря на сильную метель, продолжавшуюся всю ночь и днем до полудня, показались большие стада уток клоктунов. Низко, почти над самой землей, неслись они с юга и затем, встретив Сунгачу, направлялись вверх по ней на полынью, которая стоит целую зиму при истоке этой реки из озера Ханка. Поплавав здесь немного, клоктуны усаживались на льду для отдыха. Затем каждое вновь прилетевшее стадо присоединялось к прежнему, так что вскоре образовалась стая приблизительно около 3000 штук.

Посидев несколько часов, вся эта живая громада поднялась с шумом, напоминающим бурю, и на лету то свертывалась в одну сплошную кучу, то вытягивалась фронтом в линию, то, наконец, летела углом или разбивалась на другие, меньшие стаи, которые вскоре опять соединялись с общей массой.

С этих пор в течение всего марта клоктуны держались по Сунгаче такими огромными стадами, что однажды с одного выстрела я убил 14 штук, а по 5 и 7 экземпляров за один раз случалось убивать довольно часто.

Присутствие этих уток всегда можно было слышать еще издали по непрерывному крику, который издают самцы и который совершенно похож на слог «ккло», «ккло», «ккло», отчего, конечно, произошло и русское название этой птицы.

Однако, несмотря на начавшийся 13 марта валовой пролет клоктунов и серых цапель, постоянные, несколько не уменьшавшиеся холода опять задержали на целую неделю появление в больших массах других пород птиц, хотя небольшие партии продолжали лететь по-прежнему. Вообще весна на озере Ханка, и в особенности март, характеризуется постоянными и сильными холодами, которых, по-видимому, никак нельзя ожидать при таком южном положении этого края.

Между тем здесь в иную зиму снег выпадает на 3 фута толщины, и первые разливы показываются только в последних числах марта. Даже в апреле случаются, и довольно часто, снежные метели, а термометр минимум в нынешнюю весну из 30

дней этого месяца 23 раза падал по ночам ниже нуля.

Валовой пролет малых гусей, известных здесь под именем казарок, начался в конце марта, то есть недели две спустя после того, как стали появляться стаи. Затем гуся эти держались сначала по нарастающему льду заливов или по болотам, которые начали расходиться в конце марта, а потом, с апреля, по палининам, то есть выжженным прошедшей осенью местам, где всего скорее начинают появляться молодые ростки травы, доставляющие им любимую пищу.

На этих палининах малые гуся собирались стадами иногда в несколько тысяч, и хотя сами по себе они довольно смиренны, но при таком количестве были весьма осторожны и не подпускали даже на 500 шагов.

Стоит, бывало, только одному из них или нескольким подняться и закричать своим пискливым голосом, как тотчас же взбудоражатся все остальные, заорут во все горло и поднимут такой шум, что не только утки, но даже все пернатое население болота — кулики, чибисы, цапли и пр., встревоженные этим кагалом, улетали прочь, думая, что опасность бог знает какая.

Однако весьма часто случалось, что излишняя суматоха была причиной гибели нескольких гусей.

Лишь только закричит и поднимется ближайшее стадо, я тотчас же прячусь вместе со своей собакой в сухую прошлогоднюю траву и жду, что будет далее.

Как обыкновенно, начинается полная суматоха; кричат и поднимаются целые тысячи гусей, из которых одни летят вперед, другие вправо или налево, а третьи даже назад, не видя меня и не зная, откуда опасность. Этим-то последним и нужно. Притаив дыхание, лежу я в траве и с замирающим сердцем страстного охотника вижу, как большое стадо низко и плавно летит прямо ко мне.

Вот оно все ближе и ближе, наконец не далее, как на 100 шагов. Как бы не заметили, думаю я, и еще плотнее прижимаюсь к земле, но это опасение напрасно. Мой охотничий сюртук, сделавшийся от подобных упражнений такого же цвета, как засохшая трава с грязью, не выдает меня, и начинающее успокаиваться стадо беззаботно налетает иногда шагов на пятнадцать или двадцать.

В одно мгновение вскакиваю я теперь с земли, и нужно видеть, что делается с гу-

сями, пораженными такой неожиданностью. Как будто по команде, все стадо вскрикивает громким, отчаянным голосом и вертикально бросается кверху, но уже гремит меткий выстрел, потом другой — и один или два, а иногда даже три гуся падают на землю.

Затем я не иду поднимать убитых, даже отзываю бросившуюся на них собаку, но опять ложусь в траву и как можно скорее заряжаю ружье, чтобы вновь стрелять с этого же самого места.

Действительно, гул выстрелов пугает сидящих вдаль гусей и уток, и вот с обычным криком летят ко мне новые стада. Одно из них пролетает левее, другое правее, но которое-нибудь угодит прямо через голову, так что опять раздаются выстрелы и опять падают гуся, но иногда, впрочем, и не падают от промахов.

Таким образом мне удавалось стрелять шесть — восемь раз с одного места и убивать нескольких гусей, которые, нужно заметить, все вообще весьма крепки на рану, так что часто улетают очень далеко, будучи даже смертельно ранены.

Валовой пролет этих гусей происходил всю первую половину апреля, после чего их стало гораздо меньше. Но остаются ли малые гуся на Ханке для вывода молодых или улетают для этого далее к северу, не могу сказать утвердительно, так как во время лета я не находил здесь ни молодых, ни даже старых этого вида. Всего вероятнее, что они, так же как утки-клоктуны, хотя и являются в Ханкайском бассейне во время весеннего пролета в огромном количестве, но для вывода молодых улетают далее на север.

Между тем валовой пролет уток и гусей, к которым теперь присоединились лебеди-шипуны, кроншнепы и большие крохали, усиливался с каждым днем, но особенно был велик в первых числах апреля.

Обыкновенно такой лет начинается с восходом солнца, всего сильнее бывает с шести — восьми часов утра, а затем уменьшается и наконец вовсе прекращается около одиннадцати часов дня. В это время пролетные стада садятся отдыхать где попало: на льду озера, на лужах, разливах, выжженных местах — словом, везде и всюду.

Однако, несмотря на всю усталость, эти стада не дремлют и ни в каком случае не

прозевают опасности. Редко-редко, разве как-нибудь из сухой высокой травы, можно подкрасться, в особенности к большому стаду гусей, и счастливый выстрел вознаграждает тогда за трудности хождения по весенним разливам и ползанье по густой траве.

Но вот солнце спускается к западу, и часов с четырех пополудни снова начинается лёт, который продолжается уже до поздних сумерек. Тогда утомленные путники рассыпаются по речкам и разливам, проводя там всю ночь, а утром снова пускаются в путь, спеша без оглядки к обетованным местам, в которых будут выводить детей.

Так правильно происходит пролет в теплые и не слишком ветреные дни. Если же погода холодная и в особенности если при этом дует сильный ветер, то лёта почти вовсе не бывает, разве изредка пронесется кое-где небольшое, чересчур нетерпеливое стадо.

Из тихой засады видишь лицом к лицу жизнь пернатых обитателей, полную интереса и оригинальности.

Тут разгоряченный селезень увивается около своей самки, которая сначала представляется довольно равнодушной к его объяснениям, но потом, подчиняясь всемогущему голосу природы, сама увлекается страстью. То видишь, как сокол-сапсан бросается на летящее стадо уток и хватается одну из них. Громкий предсмертный крик бедной жертвы не спасает ее от когтей хищника, который спускается тотчас же на землю и начинает терзать свою добычу. Лишь только приметят такой обед воробьи — эти воры и попрошайки, — тотчас же начнут слетаться со всех сторон, обсыдут кругом занятого едой сокола и ждут, пока он, наевшись, улетит, оставя им подачку.

Осторожный, хитрый лунь тихо и плавно носится над самой землей, часто бросаясь в траву, чтобы схватить замеченную мышь. Вот он, не подозревая присутствия человека, подлетает все ближе, пока выстрел не уложит его на месте или в случае промаха не заставит опрометью броситься в сторону.

Однако такой огромный валовой пролет уток и гусей продолжался недолго. Он окончился 8 апреля, хотя после того, до начала мая, почти ежедневно летели изредка на север небольшие, вероятно, запоздавшие стада.

Но не одними птицами кишат и оживляются сунгачинские равнины. С первых

чисел апреля или даже с конца марта начинается здесь ход диких коз, которые ежегодно осенью и весной совершают периодические переселения из бассейна Уссури далее к югу и обратно.

Возвращаясь весной, часть этих коз идет по северной стороне озера Ханка и направляется через бассейн Сунгачи к верхней Уссури и Дауби-хэ или остается для вывода молодых на сунгачинских равнинах.

Так как последние по большей части представляют одни сплошные топкие болота, по которым тянутся узкими полосами лесистые релки¹, то все козы, здесь проходящие, волею или неволею должны держать свой путь по этим релкам, переправляясь с большими трудностями через попутные болота, которых уже нельзя обойти.

Самый лучший валовой ход бывает обыкновенно около половины апреля и продолжается с неделю. Тогда-то и наступает здесь время баснословной, оригинальной охоты, когда коз можно бить целыми десятками из засадок, устраиваемых на пути следования этих зверей.

Такие засадки обыкновенно делаются в виде шалашей из хвороста или из старой травы, но нет никакой особенной надобности устраивать их очень аккуратно, так как коза своим плохим зрением не скоро разглядит даже и открыто стоящего человека. Зато непрерывным условием должно быть, чтобы ветер был не от охотника, иначе осторожный зверь почует его за несколько сот шагов и уже ни за что не пойдет в ту сторону.

Самое лучшее время для подобной охоты бывает по утрам и вечерам, в особенности же на ранней заре, так что в засадку надо приходить еще в потемках.

Как в первую, так и во вторую весну своего пребывания на озере Ханка я несколько раз искушался такими охотами и забирался для этой цели на лесистый увал, находившийся верстах в двадцати от моей бывшей резиденции, то есть от поста № 4.

Так как этот увал тянется верст на двадцать среди непроходимых болот и притом в направлении от северного берега Ханка к Сунгаче, то большая часть коз идет именно по нему. Притом же, имея только полверсты

¹ Релками на Дальнем Востоке называют невысокие незатопляемые гривы, заросшие часто лесной растительностью среди затопленных лугов. (Примеч. автора.)

или даже менее ширины, он представляет отличное место для устройки засадки, из которой штурмерный выстрел может хватать в обе стороны до самых окраин леса.

Добравшись сюда с большим трудом и устроив предварительно склад запасов как охотничьих, так и продовольственных, а потом выбрав место для засадки, с следующего же утра я приступал к самой охоте.

Бывало, еще совершенно темно, а я уже сижу в своей засадке и с нетерпением жду рассвета. Далеко впереди раздается изредка глухой, отрывистый голос козла-самца или, как в Сибири его называют, гурана, а на ближайшем болоте, не умолкая, гукает выпь; все еще спит, и кругом полная тишина. Но лишь только станет заниматься заря и мало-помалу начнут просыпаться лесные и болотные птицы, каждая по-своему приветствуя наступление дня, как показывается первая коза или, чаще, целое стадо. Шагом или тихой рысью идет оно, беспрестанно останавливаясь, прислушиваясь и пощипывая траву.

Вот уже приблизилось шагов на двести... Далеко, думаю я, и подпускаю еще ближе. Наконец раздается выстрел и громким эхом с различными перекатами гремит в тишине раннего утра.

Испуганное такой неожиданностью, не зная притом, откуда опасность, все стадо делает несколько прыжков, толпится в кучу и стоит неподвижно, так что можно иногда зарядить и выстрелить в другой раз.

Только после вторичного выстрела или разузнав наконец врага козы пускаются скакать что есть духу и вскоре исчезают из глаз охотника. Но это небольшая беда. Через полчаса, а иногда и того менее... показывается другое стадо, потом третье, четвертое... десятое, и с каждым из них, если только оно проходит возле засадки, повторяется та же самая история.

Часам к девяти или десяти утра ход оканчивается. Тогда встаешь и отправляешься собирать свои трофеи, то есть убитых коз. Последних оказывается всегда менее, нежели ожидаешь, потому что горяча иногда не рассмотришь хорошо, убил или нет. Кроме того, раненые часто уходят далеко, так что мне случалось находить их через несколько дней уже испортившимися. Наконец, несмотря на такую, по-видимому, легкую стрельбу, промахов всегда бывает множество, вероятно, от излишней ажитации.

По крайней мере, у меня всегда тряслись руки и сильно билось сердце, когда я еще издали замечал коз, которые должны были проходить мимо засадки.

Однако, несмотря на обилие промахов, мне случалось убивать за утро по три, даже по четыре козы, а один гольд, специально посвятивший себя этой охоте, убил на том же самом увале за все время хода, то есть в течение трех недель, 118 штук. Какой страстный охотник в Европе не позавидует такому обилию зверей, такой чудесной охоте за ними, о которой ему и не снилось на своей густонаселенной родине!

С половины апреля картина весенней жизни, представленная на предыдущих страницах, много изменилась.

По выжженным и мокрым местам начала показываться первая зелень, разливов почти совсем не стало, но в то же время с окончанием валового пролета водяных и голенастых птиц опустели болотистые равнины, на которых теперь не осталось и двадцатой доли прежнего обилия.

Притом многие птицы приступили уже к постройке гнезд, следовательно, были заняты весьма важным делом и, удалившись на избранные места, старались вести уединенную жизнь.

Так, белые аисты и орланы вместе с коршунами, ястребами и соколами — словом, со всей разбойничьей братией — разместились по лесистым увалам, где вдали от всяких тревожлений спокойно предались семейной жизни.

Действительно, сунгачинские увалы представляют самое обетованное место для подобных жильцов, так как летом они вовсе не посещаются человеком, а на высоких деревьях можно устроить какое угодно гнездо по собственному вкусу. Притом же эти увалы окружены болотами, где гнездится множество всяких птиц; следовательно, не нужно далеко летать за пищей, которая всегда под боком.

Из года в год различные птицы выводят здесь молодых, так что, кроме занятых гнезд, тут довольно и старых, владельцы которых, вероятно, уже не существуют.

Великим препятствием к успешному высиживанию яиц для всех вообще птиц, гнездящихся на земле по сухим лугам, и в особенности для уток, служат здесь травяные пожары, которые начинаются в октябре, продолжаются иногда даже зимой, но с пол-

ной силой появляются вновь около половины апреля, когда уже спадут весенние разливы и прошлогодняя трава совершенно обсохнет.

Затем эти палы появляются местами в течение всего мая и даже до конца июня, когда молодая трава достигает уже роста человека, но сгорает вместе со старой, лежащей на земле и уцелевшей по какой-либо причине от осенних или весенних пожаров.

На несколько верст в длину растягивается весной по сунгачинским равнинам огненная линия, которая, будучи гонима ветром, движется весьма быстро и по ночам представляет великолепный вид. Но зато по нескольку дней сряду воздух бывает наполнен удушливым дымом, а солнце при восходе и закате кажется совершенно красного цвета.

Вслед за линией огня летят обыкновенно стада ворон и коршунов, чтобы поживиться какой-нибудь обгорелой мышью или гнездом. Последние, то есть гнезда, истребляются в страшном количестве, так что наши казаки, живущие на постах, нарочно ходят на горелые места собирать яйца, которые часто совершенно выпекаются от жара или, лопнув, образуют в гнезде готовую яичницу.

Только подобным истреблением этих гнезд пожарами можно объяснить общее всему Уссурийскому краю позднее появление выводков молодых уток, которое находится в странном противоречии с ранним весенним прилетом этих птиц.

Действительно, не только в половине и в конце июня, но даже в начале июля здесь сплошь да и кряду можно найти молодых утят еще в пушке, тогда как в средней полосе России, где утки прилетают позднее, чем на озере Ханка, в это время года молодые уже летают или, по крайней мере, близки к взлету.

Гнезда других высидывающих на земле птиц, как, например, журавлей, куликов, гусей, чибисов, также подвергаются истреблению от весенних палов, но в несравненно меньшей степени, чем утиные, потому что вышеназванные птицы устраивают их на кочках болот, куда огню, конечно, трудно проникнуть, между тем как глупая утка кладет свои яйца на сухом месте и непременно в прошлогоднюю траву. Исключение составляет только одна мандаринская утка, которая делает свое гнездо в дупле дерева и таким образом сберегает его от пожара.

Пролет птиц во второй половине апреля происходил в довольно скромных размерах, и даже новые виды появлялись в ограниченном числе.

Эти виды в порядке их прилета были следующие: пуночка лапландская, прилетевшая сравнительно очень поздно; эти птицы держались по выжженным местам до начала мая, после чего улетели на север; зук-галстучник; долгохвостая крачка, которая вскоре появилась в большом числе и постоянно занималась рыбной ловлей при истоке Сунгачи, целый день надоедая своим противным криком; щеврица японская; дрозд, гнездящийся в Ханкайском бассейне в небольшом количестве; деревенская ласточка, которая гнездится здесь даже внутри жилых китайских фанз иногда так низко, что можно достать рукой; китайцы считают подобное явление хорошим знаком, берегут гнездо и даже подвешивают доски, чтобы помет молодых не падал на землю и не пачкал фанзы; со своей стороны ласточка делается до того доверчива к людям, что высидывающая самка позволяет спокойно смотреть на себя в расстоянии какого-нибудь фута и нисколько не заботится о том, что на ночь двери и окна в фанзе наглухо закрываются; земляной дрозд и альпийский жаворонок — оба чрезвычайно редкие на Ханке и только однажды здесь мною замеченные; бекас, вместе с другими своими собратьями появившийся в весьма большом количестве; щеврица полевая, в большом числе гнездящаяся на степной полосе Ханкайского бассейна; плисица серая — довольно здесь редкая; большой стриж — одна из замечательных, хотя и не редких здесь птиц; береговик серый; стренатка чернолицая, которая во множестве гнездится в Ханкайском бассейне и приятное пение которой с этого времени слышалось постоянно по лугам; улит большой, бывающий здесь только пролетом, и, наконец, 30 апреля показалось первое стадо ласточек городских, которые также не гнездятся на Ханке, но являются здесь в большом количестве во время весеннего и осеннего пролетов.

Из всех вышепоименованных птиц самая замечательная есть, бесспорно, большой стриж, который появляется на Ханке в двадцатых числах апреля и продолжает свой пролет до конца этого месяца или начала мая.

Обыкновенно пролет совершается врассыпную, невысоко над землей или по самой

ее поверхности, но притом эти стрижи беспрестанно то поднимаются кверху, описывая большие круги в воздухе, то опять опускаются до земли и летят в прежнем направлении.

Для вывода молодых в Ханкайском бассейне остается хотя не особенно много, но все-таки довольно этих птиц, которые гнездятся в дуплах высоких старых деревьев, а может быть, даже и в каменных утесах по долинам рек.

Днем они носятся по несколько вместе или парами, реже в одиночку по окрестным долинам, вероятно охотясь за насекомыми, но по утрам и вечерам собираются на те места, которые заняты для гнезд, и здесь, подобно нашим стригам, гоняются за самками, описывая большие (шагов пятьсот в диаметре) круги возле одного и того же места. При этом они издают особый тихий писк, скорее похожий на голос обыкновенной ласточки, нежели на крик европейского стрижа.

Всегда с особенным удовольствием смотрел я на чудный полет этой быстрой птицы, которая как будто не имеет тяжести, чтобы упасть на землю, и несется по воздуху в буквальном смысле как стрела. В особенности велика бывает быстрота полета во время гонки за самками, когда целое общество этих стрижей то вдруг промелькнет между деревьями над самой головой, так что даже не успеешь и ружья вскинуть к плечу, как они уже вылетели из меры выстрела, то в одно мгновение очутятся под облаками и так же быстро опустятся до земли.

Присутствие человека и даже выстрелы несколько не смущают этих птиц, продолжающих по-прежнему летать возле одного и того же места, несмотря на несколько пущенных в них зарядов, которые один за другим оказываются промахами. Даже в том случае, если свинцовый дождь sprysнет наконец которого-нибудь стрижа, то и тогда, будучи уже убит, он все еще пронесется вперед на несколько сажен — до того велика скорость первоначального движения.

Лёт за самками происходит ежедневно в течение всего мая и, начинаясь утром, когда уже порядочно обогрело солнце, продолжается часов до девяти дня; вечером же он тянется с пяти часов пополудни до сумерек. Когда отдыхает этот стриж? Неужели только ночью! Днем я ни разу не видал, чтобы он хотя на минуту прицепился к како-

му-нибудь предмету. Всегда, как легкий ветер, носится по воздуху и сколько верст пролетает ежедневно при своей быстроте! Как мало значит для этой птицы перелет с юга на север и обратно!

Водные обитатели также почуяли наступление полной весны, и лишь только Ханка очистилась ото льда, по Сунгаче начался сильный ход белой рыбы, осетров и калуг. Хотя эти породы живут в озере Ханка круглый год, но, сверх того, каждую весну они приходят сюда в огромном количестве с Амура и Уссури для метания икры.

Невольно удивляешься: какой инстинкт побуждает эту рыбу подниматься сначала по Амуру, а потом вверх по Уссури и, отыскав устье Сунгачи, которое среди других рукавов трудно заметить даже человеку, приходиться к озеру Ханка в то время, когда его поверхность только что очистится ото льда? Какой голос внушает ей, что почти за 2000 верст от устья великого Амура есть место, удобное для метания и развития икры?

Между тем пролет и прилет птиц продолжался, хотя и не особенно сильно, всю первую половину мая.

Наконец 15 мая появилась красивая китайская иволга, которая прилетела сюда из далеких стран юга, из пальмовых лесов Индо-Китая и своим громким, мелодическим свистом возвестила об окончании весеннего полета и о начале летней трудовой жизни всех пернатых гостей Ханкайского бассейна.

* * *

Последним, заключительным актом моего пребывания в Уссурийском крае была экспедиция, совершенная летом 1869 года в западной и южной частях Ханкайского бассейна для отыскания там новых путей сообщения — как водных, так и сухопутных.

Три месяца странствовал я по лесам, горам и долинам или в лодке по воде и никогда не забуду это время, проведенное среди дикой, нетронутой природы, дышавшей всей прелестью сначала весенней, а потом летней жизни. По целым неделям сряду не знал я иного крова, кроме широкого полога неба; иной обстановки, кроме свежей зелени и цветов; иных звуков, кроме пения птиц, оживлявших собою луга, болота и леса.

Это была чудная, обаятельная жизнь, полная свободы и наслаждений! Часто, очень часто теперь я вспоминаю ее и утвердительно могу сказать, что человеку, раз нюхнувшему этой дикой свободы, нет возможности позабыть о ней даже при самых лучших условиях дальнейшей жизни.

Но оставим увлечение и начнем по порядку.

Обождая до наступления совершенно теплой погоды, а вместе с нею и подножного корма для вьючных лошадей, купленных заранее на Уссури, я оставил 8 мая пост № 4 и по северному берегу озера Ханка направился на западную его сторону — в бассейн реки Сиян-хэ.

После однообразных сунгачинских болот отрадно было увидеть лесистые горы и сухие долины, одетые в самый пышный майский наряд, так как здесь благодаря более защищенному положению растительность развивается скорее, нежели на восточной стороне озера Ханка.

Уже не редкими, как бы боязливо выглядывающими экземплярами, а целыми полосами цветущих ландышей, желтых лилий, касатика, первоцвета и других весенних цветов красовалась живописная долина Сиян-хэ.

Почти весь май пробыл я в бассейне Сиян-хэ, и день за днем проходил то в экскурсиях и охотах, то в передвижениях с места на место.

Обычно порядок наших хождений был всегда один и тот же.

Поднявшись с восходом солнца и указав направление, по которому нужно идти, мы отправлялись с товарищем вперед, собирали попадавшиеся на пути растения и охотились. Между тем солдаты, завьючив лошадей, отправлялись вслед за нами и шли не торопясь, выбирая по возможности сухие и лучшие места. Впрочем, иногда какая-нибудь небольшая речонка с топкими берегами или узкий залив, которого нельзя было обойти, делали большую помеху, заставляли снимать с лошадей вьюки, переносить их на себе через неудобные места и затем уже переводить через него свободных от тяжестей лошадей. Однако такие препятствия встречались сравнительно редко, так как в большей части случаев лошади шли напрямик через речку или через болото, если только здесь не было чересчур большой топи.

Пройдя таким образом до полудня, мы останавливались, выбирая для этого удобное место на берегу реки — всего чаще лужайку среди высоких деревьев, доставлявших прекрасную тень своими густыми вершинами.

Здесь обычным порядком сначала развьючивали лошадей, которых после небольшого отдыха пускали пастись на сочной траве ближайшего луга; потом разводился костер, и один из солдат, исполнявший должность повара, принимался готовить обед из добычи нашей вчерашней или сегодняшней охоты. Между тем мы с товарищем сушили прежние и вновь собранные растения и делали чучела птиц. Последняя работа, то есть делание чучел, во время беспрестанных передвижений с места на место составляет крайне затруднительную процедуру, так как независимо от самой работы каждый день необходимо развешивать собранные экземпляры для просушки, строго наблюдать, чтобы их не смочило дождем или росой и не попортило перьев сильным ветром.

Кроме того, всякий раз необходимо, завернув в бумагу, тщательно уложить каждый экземпляр вместе с другими в особые деревянные ящики, которые сильно портят спины лошадям и очень неудобны для вьючной перевозки вообще. Одним словом, возня с деланием чучел во время самой экспедиции настолько велика и так много отнимает времени, что я препарировал обыкновенно только самые редкие экземпляры попадавшихся мне птиц.

Часов около четырех пополудни мы снова отправлялись на экскурсию или на охоту в окрестностях нашей стоянки и возвращались сюда уже с наступлением сумерек. На следующий день шли далее описанным порядком, но иногда, встретив особенно хорошее для экскурсии место или для того, чтобы дать отдых лошадям, я проводил день или два на одном и том же пункте.

К довершению всех наслаждений, день в день стояла великолепная погода, но в особенности хороши бывали ночи, в полном смысле весенние, майские.

Бывало, лишь только солнце станет приближаться к западу горизонта, как присмирившие в дневной жаре различные птички начинают петь не умолкая, и между их головами более других выдается чистый, прекрасный свист камышовки; журавли пере-

кликаются между собою; по временам крикает утка или токует фазан¹; на болоте беспрестанно раздаётся дребезжащий голос водяной курочки, и неутомимый летун — японский бекас — кружится в вышине, издавая крыльями громкий свистящий звук.

Заходит солнце, и сумерки ложатся быстро. Один за другим смолкают певуны; только долго еще раздаются голоса бекаса, курочки и камышовки, к которым присоединяется теперь однообразное постукивание японского козодоя.

Обаятельная прелесть ночи еще более увеличивается дикостью и безлюдием окрестных местностей. Действительно, далеко вокруг здесь нет души человеческой, и природа еще настолько девственна, что даже след, оставленный на береговом песке, сохраняется надолго, пока его не замоют дожди и речные волны. Густые травянистые или кустарные заросли стоят не измяты ничьей ногой, и только кое-где след на грязи или клочок сорванной травы указывает, что здесь прошел какой-либо зверь, свободный обитатель окрестных лесов.

Между тем последние лучи света погасли на западе, а полная луна, появившись с востока, льет тихий свет на окрестные горы и долины. Мертвая тишина воцарилась кругом, и только тихо журчат волны реки да изредка стукнет полуночник или гукнет дикий козел. Приближается полночь, и все спит сном тихим, спокойным.

Солдаты давно уже улеглись вокруг костра, который чуть тлеет в темноте деревьев, но сон бежит от моих глаз... Казалось, так бы все смотрел и любовался чудной ночью...

Однако дневная усталость берет свое, сон мало-помалу смыкает глаза, и только холод раннего утра заставляет вновь очнуться. На востоке уже занимается заря нового дня, и одна за другой просыпаются птицы: бекас ранее всех закурился опять в вышине, камышовка и камчатский соловей начали еще в полусвете свои песни, закуковали кукушки, журавли кричат не умолкая, задрезжала курочка, токует фазан... И все эти певцы вместе с другими мало-помалу просыпающимися птичками общим хором приветствуют восход солнца и начало весеннего, радостного дня.

¹ Токованье маньчжурского фазана похоже на крик молодого петуха, только несколько короче и отрывистее. (Примеч. автора.)

В великолепных рошах, окаймляющих берега среднего течения реки Лэфу, гнездились множество различных птиц, имевших в это время уже по большей части молодых, так что яйца случалось находить редко и то обыкновенно насиженные. Между тем если бы явиться сюда месяцем раньше, то можно было бы собрать несколько тысяч самых разнообразных яиц.

В обрывистых берегах описываемой реки гнездились множество зимородков, которые, как известно, устраивают свои гнезда в земле, выкапывая для этой цели в отвесе берега горизонтальную дыру длиною от 2 до 3 футов. В самом конце дыра эта расширяется, и здесь устроено гнездо, в котором подстилкой сначала для яиц, а потом для молодых служат мелкие косточки рыб, поедаемых этой красивой птичкой.

На такой подстилке лежат обыкновенно семь ярко-белых круглых яиц, которых высиживают самец и самка, поочередно сменяя друг друга. Как кажется, самка более по вечерам и ночью, а самец по утрам и днем.

Замечательно, как иногда непредусмотрительно эта птичка устраивает свое гнездо. Я видел некоторые норы всего фута три над низким уровнем воды, которая в период дождей поднимается здесь несравненно выше; следовательно, затопляет молодых зимородков, если только они не успели к этому времени вылететь из гнезда. Впрочем, наводнения здесь обычно случаются в июле, а к тому времени почти все молодые уже летают, следовательно, не подвергаются опасности от воды и благополучно выводятся каждый год в затопляемых берегах.

Кроме занятых нор, здесь везде множество старых пустых, но первые всегда можно отличить от последних по противному рыбьему запаху и остаткам помета у входа.

Высиживающий зимородок сидит чрезвычайно крепко, так что мне несколько раз случалось, всунув тонкую палочку в гнездо, пихать ею самую птичку, которая только после подобного заявления быстро выпархивала из норы.

Много раз я ловил зимородков, затыкая отверстие входа и откапывая нору сверху. В подобном случае птичка, видя безвыходность своего положения, старается обычно защищаться клювом, которым бьет в просунутую к ней руку.

Притом же, если только оставить нору в целости, то есть не откапывать ее, то зимо-

родок, даже выгнанный оттуда палкой, никогда не откинется от яйца; если же разорить нору, то, хотя бы в гнезде были уже молодые, старые непременно бросят их, и молодые погибают голодной смертью. В этом я лично убедился злым опытом, несколько раз разрывая норы, чтобы достать из них яйца, но встречая там уже молодых.

Другой замечательной птицей, довольно часто попадавшей на Лэфу, была китайская иволга, которая гораздо больше и красивее обыкновенной европейской.

Любимым ее местопребыванием служат высокие рощи по островам и берегам рек. В таких местах вскоре после прилета каждая пара занимает определенное место и выводит там молодых.

В период спаривания и высиживания яиц самец свистит весьма усердно, в особенности по утрам, но днем, в жар, — изредка и то лениво, с перерывами. Голос у него много похож на голос европейского вида, но только кажется громче, нежели у последнего.

Гнездо свое эта иволга устраивает так же хитро, как и европейская, — в развилине двух тонких, далеко выдающихся ветвей. В воспитании молодых и высиживании яиц принимают участие оба супруга, которые, как кажется, не терпят присутствия другой пары в своих владениях.

Много времени потратил я, отыскивая гнездо этой птицы, и только однажды нашел его в конце июня, в роще, на берегу реки Мо. Гнездо это было сделано на оконечности длинной тонкой ветви густой ивы, всего футов десять над землей, и в нем находилось два уже близких к вылету молодых.

Покараулив немного, я убил обоих старых, которые прилетели кормить своих детей. Но даже и в этом случае, то есть у гнезда, здешняя иволга весьма осторожна и редко может подвернуться под выстрел.

После вылета из гнезда, что бывает обыкновенно в первой половине июля, молодые держатся выводками вместе со старыми и скитаются с места на место до самого отлета, который происходит в конце августа. Таким образом, эта красивая птичка, прилетающая позднее всех других и рано отлетающая, является только коротким летним гостем здешних местностей.

Кроме вышеописанных птиц, в рощах и густых кустарных зарослях, окаймляющих берега Лэфу, гнездились в большом числе и другие виды, как-то: скворцы, шрикуны,

дятлы, синицы, мухоловки, реже белохвостые орланы, белые аисты и голубые сороки.

Эта последняя птица, всегдашняя обитательница береговых зарослей рек, обыкновенно устраивает свое гнездо невысоко над землей и делает его из прутьев, но без крышки сверху, как у обыкновенной сороки.

Однако на Лэфу, где мне удалось найти только одно гнездо голубой сороки, оно было устроено совершенно иначе, именно: внутри пустого, расколотого с одной стороны дуба, дупло которого имело только четверть аршина в поперечнике, так что высиживающая сорока принуждена была сидеть в нем, поднявши вертикально свой хвост. Не знаю, насколько это было удобно для самой птицы, но только другим способом она никак не могла бы уместиться в узком дупле, имевшем вход только с одной стороны.

В гнезде лежало восемь почти уже совершенно насиженных яиц на подстилке, сделанной из порядочной горсти изюбриной шерсти, которую мне случалось несколько раз находить, и в весьма изрядном количестве, также в гнездах скворцов, шрикунов и даже голубых синиц.

Долго недоумевал я, откуда все эти птицы могут набрать столько шерсти, которую изюбр, да и всякое другое животное, теряет исподволь, притом же где попало, так что собрать ее в достаточном количестве, конечно, нет никакой возможности. Однако один из здешних старых охотников разрешил мое недоумение и объяснил, что однажды весной он сам видел, как несколько сорок сидели на спине пасшейся самки изюбра и рвали из нее шерсть целыми клочками. Не зная, каким образом избавиться от таких неожиданных услуг, изюбр брыкался, мотал головой и так был занят этим делом, что охотник успел подкрасться и убить его.

Этот рассказ заслуживает большой веры, так как иначе нельзя объяснить, откуда могут все вышеназванные птицы добывать себе такое количество изюбриной или козлиной шерсти, какое часто находится в их гнездах.

После вылета молодых, что бывает в конце июня или в начале июля, голубые сороки держатся сначала выводками, а к осени соединяются в небольшие общества и ведут кочевую жизнь.

В противоположность обыкновенной сороке, этот вид не приближается к жилищам

человека, но летом и зимой встречается в самых глухих, безлюдных местах, всего чаще по береговым зарослям рек, вероятно, потому, что здесь больше различных ягод, служащих пищей для этих птиц.

С наступлением летних жаров выючные хождения сделались далеко не так заманчивы, как весной. Высокая, страшно густая трава, в рост человека, сильно затрудняет путь, в особенности там, где приходится идти напрямик. Притом же мириады насекомых, не прекращающих свои нападения круглые сутки, делают решительно невозможными переходы в продолжение большей части дня, а заставляют выбирать для этой цели раннее утро или поздний вечер.

Обыкновенно, лишь только обсохнет утренняя роса, то есть часов с девяти утра, как уже появляются оводы, число которых вскоре возрастает до того, что, без всякого преувеличения, они летают, словно самый сильный рой пчел, вокруг человека, собаки и в особенности возле лошадей. Последним быстро разъедаются в кровь преимущественно задние части тела, так что бедные животные, мучимые целыми тысячами этих кровопийц, брыкаются, мотают головою, машут хвостом, даже бросаются на землю, и все-таки не имеют возможности освободиться от своих мучителей. Ко всему этому присоединяется еще усиливающаяся жара, так что поневоле приходится останавливаться где-нибудь в тени и, развьючив лошадей, разложить вокруг них дымокуры, которые только и спасают бедных животных.

Последние даже вовсе не думают о еде, стоят целый день в дыму и только с наступлением сумерек, когда наконец уgomонятся оводы, отправляются на пастбище.

Но не подумайте, чтобы мучения от насекомых кончились. Нет! Теперь происходит смена, и часов с шести или с семи вечера, как только стихнет дневной ветер, появляются целые тучи мошек и комаров, кусающих нестерпимо часов до восьми или девяти следующего дня, то есть аккуратно до новой смены оводами. Не только спать ночью, но даже днем невозможно выкупаться спокойно, потому что в антрактах надевания рубашки целый десяток оводов успеет укусить за голое тело. Вообще, не выдавшему собственными глазами и не испытавшему на себе всех мучений от здешних насекомых, невозможно поверить, какое безмерное количество их появляется, особенно в дождли-

вое лето. Притом же и разнообразие видов довольно велико.

Оводов можно насчитать четыре или пять различных сортов, начиная от большого, величиной почти в дюйм, до маленького, ростом со слепня. Мошек два вида: один побольше, держится на открытых лугах и болотах, другой же, мелкий, как маковое зерно, населяет леса и кусает еще хуже, нежели первый. Комаров также два — три сорта, различающихся по величине и окраске. Словом, здесь можно составить из этих дьяволов целую коллекцию и без дальнейших хлопот собрать ее на себе самом.

...Минул июль, а вместе с ним кончились и мои золотые дни!

Переплыв на пароходе озеро Ханка, я вновь очутился 7 августа на истоке Сунгачи, откуда утром следующего дня должен был ехать на Уссури, Амур и далее, через Иркутск, в Россию.

С грустным настроением духа бродил я теперь возле поста № 4, зная, что завтра придется покинуть эти местности и, быть может, уже никогда не увидеть их более. Каждый куст, каждое дерево напоминало мне какой-нибудь случай из весенней охоты, и еще дороже становились эти воспоминания при мысли о скорой разлуке с любимыми местами.

Проведя под такими впечатлениями остаток дня, я отправился на закате солнца вдоль по берегу Ханки знакомой тропинкой, по которой ходил не одну сотню раз.

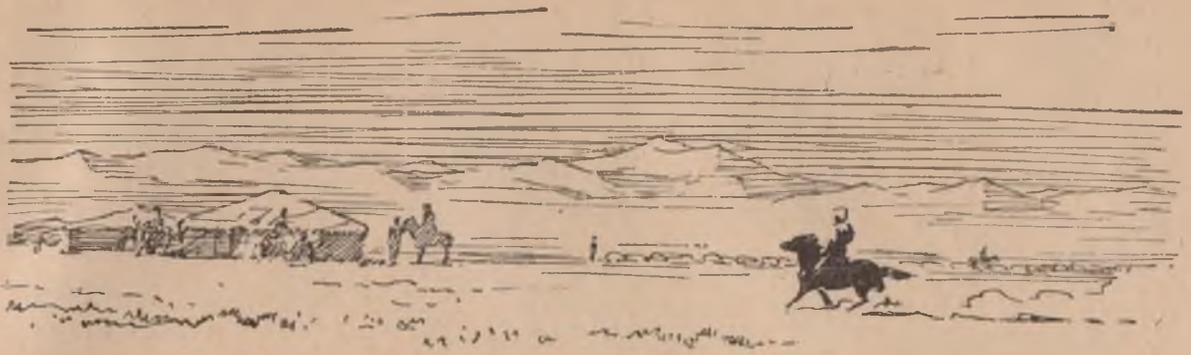
Вот передо мною раскинулись болотистые равнины и потянулся узкой лентой тальник, растущий по берегу Ханки; вот налево виднеется извилистая Сунгача, а там, далеко за болотами, синеют горы, идущие по реке Дауби-хэ.

Пройдя немного, я остановился и начал пристально смотреть на расстилавшуюся передо мною картину, стараясь как можно сильнее запечатлеть ее в своем воображении. Мысли и образы прошлого стали быстро проноситься в голове... Два года страннической жизни мелькнули, как сон, полный чудных видений. Прощай, Ханка! Прощай, весь Уссурийский край! Быть может, мне не увидеть уже более твоих бесконечных лесов, величественных вод и твоей богатой, девственной природы, но с твоим именем для меня навсегда будут соединены отрадные воспоминания о счастливых днях свободной, страннической жизни...

II

Монголия
и страна тангутов

Первое путешествие
в Центральной Азии
1870-1873

В начале ноября 1870 года, прокатив на почтовых через Сибирь, я и мой молодой спутник Михаил Александрович Пыльцов прибыли в Кяхту, откуда должно было начаться наше путешествие по Монголии и сопредельным ей странам Внутренней Азии. Близость чужих краев почуялась для нас в Кяхте с первого же раза. Вереницы верблюдов на улицах города, загорелые, скуластые лица монголов, длинноносые китайцы, чуждая, непонятная речь — все это ясно говорило нам, что мы стоим теперь накануне того шага, который должен надолго разлучить нас с родиной и всем, что только есть там дорогого. Тяжело было мириться с такой мыслью, но ее суровый гнет смягчался радостным ожиданием близкого начала путешествия, о котором я мечтал с самых ранних лет своей юности...

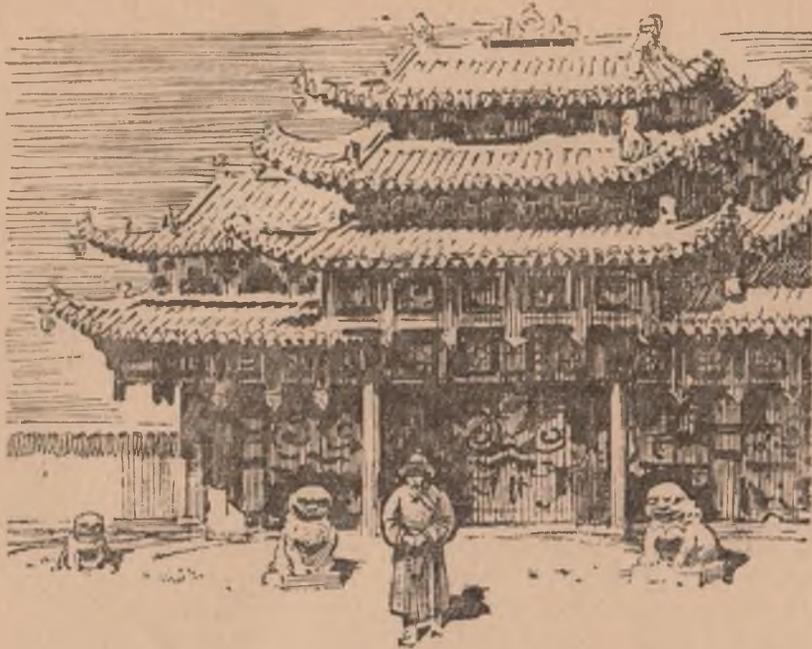
На всем протяжении от Кяхты до Урги, где расстояние около 300 верст, местность несет вполне характер лучших частей нашего Забайкалья; здесь то же обилие леса и воды, те же превосходные луга на пологих горных скатах — словом, путнику еще ничто не возвещает о близости пустыни. Абсолютная высота этого пространства, от Кяхты до реки Хара-гола, примерно около 2500 футов; затем местность повышается, и в городе Урге поднятие над уровнем моря достигает уже 4200 футов. Такой подъем составляет северную окраину обширного плоскогорья Гоби.

В общем, пространство между Кяхтой и Ургой несет гористый характер, но горы здесь достигают лишь средней высоты и

притом большей частью имеют мягкие формы. Отсутствие резко очерченных вершин и больших диких скал, невысокие перевалы и пологие скаты — вот общий топографический характер здешних горных хребтов, которые все имеют направление от запада к востоку. Из этих хребтов, по ургинской дороге, более других отличаются по величине три: один на северном берегу реки Иро, другой — Манхадай — в середине и третий — Мухур — уже возле Урги. Перевал крут и высок только через Манхадай, но его можно обойти окольным, более восточным путем.

Орошение описываемого пространства богато, и из рек наибольшие суть Иро и Хара-гол, впадающие в Орхон, приток Селенги. Почва везде черноземная или суглинистая, весьма удобная для обработки; но культура еще не коснулась этой местности, и только верстах в ста пятидесяти от Кяхты распашано несколько десятин поселившимися здесь китайцами.

Геристая полоса, залегающая между Кяхтой и Ургой, довольно богата и лесами. Впрочем, леса эти, растущие главным образом на северных склонах гор, в своих размерах, форме и смешении пород далеко не представляют того богатства, как наши сибирские. Из деревьев здесь преобладают сосна, лиственница и белая береза; в меньшем числе к ним примешиваются кедр, осина и черная береза; иногда горные скаты одеты редкими кустами дикого персика и золотарника. Затем везде, по долинам и открытым склонам гор, растет превосходная

густая трава, доставляющая пищу монгольскому скоту, который круглый год пасется на подножном корме.

В животном царстве зимой было немного разнообразия. Всего чаще встречались серые куропатки, зайцы и пищухи; зимующие жаворонки и чечетки большими стадами держались на дороге. Красивые красноносые клушницы попадались всё чаще и чаще, по мере приближения к Урге, где они гнездятся даже в доме нашего консульства. В лесах, по словам местных жителей, водятся в большом числе косули, а также изюбри, кабаны и медведи. Словом, фауна здешней местности, так же как и остальная ее природа, несет еще вполне сибирский характер.

Через неделю по выезде из Кяхты мы добрались до города Урги, где провели четыре дня в радушном семействе нашего консула Я. П. Шишмарева.

Город Урга, главный пункт Северной Монголии, лежит на реке Толе, притоке Орхона, и известен всем номадам исключительно под именем «Богдо-курень» или «Да-курень», то есть священное стойбище; именем же «Урга», происходящим от слова «урго» (дворец), окрестили его только русские.

Этот город состоит из двух частей: монгольской и китайской. Первая собственно и

называется «Богдо-курень», а вторая, лежащая от нее в 4 верстах к востоку, носит имя «Май-май-чен», то есть торговое место. В середине между обеими половинами Урги помещается на прекрасном возвышенном месте, недалеко от берега Толя, двухэтажный дом русского консульства с флигелями и другими пристройками.

Жителей во всей Урге считается до 30 тысяч. Население китайского города, выстроенного из глиняных фанз, состоит исключительно из китайцев — чиновников и торговцев. Те и другие по закону не могут иметь при себе семейств и вообще

заводиться прочной оседлостью.

В монгольском городе на первом плане являются кумирни со своими позолоченными куполами и дворец кутухты — земного представителя божества. Впрочем, этот дворец по своей наружности почти не отличается от кумирен, между которыми самая замечательная по величине и архитектуре — храм Майдари, будущего правителя мира. Это — высокое квадратное здание с плоской крышей и зубчатыми стенами, внутри его, на возвышении, помещается статуя Майдари в образе сидящего и улыбающегося человека. Эта статуя имеет до 5 сажен вышины и весит, как говорят, около 8000 пудов; она сделана из вызолоченной меди в городе Долон-нор¹, а затем по частям перевезена в Ургу.

Перед статуей Майдари находится стол с различными приношениями, в числе которых не последнее место занимает стеклянная пробка от нашего обыкновенного графина; кругом же стен здания размещено множество других мелких божков (бурханов), а также различных священных картин.

Кроме кумирен и небольшого числа китайских фанз, остальные обиталища монгольского города состоят из войлочных юрт и маленьких китайских мазанок; те и дру-

¹ Этот город лежит в юго-восточной окраине Монголии и составляет главное место фабрики всех монгольских идолов. (Примеч. автора.)

Стена извивается по гребню окраинного хребта и, спускаясь в поперечные ущелья, запирает их укреплениями.

гие помещаются всегда внутри ограды, сделанной из частокола. Подобные дворы то вытянуты в одну линию, так что образуют улицы, то разбросаны кучами без всякого порядка. В середине города находится базарная площадь, и здесь есть четыре или пять лавок наших купцов, которые занимаются мелочной продажей русских товаров, а также транспортировкой чая в Кяхту.

Население монгольской части Урги состоит главным образом из лам, то есть из лиц, принадлежащих к духовному сословию; число их в Богдо-курече простирается до 10 тысяч. Такая цифра может показаться преувеличенной, но читатель помирится с ней, когда узнает, что из всего мужского населения Монголии по крайней мере одна треть принадлежит ламскому сословию. Для обучения мальчиков, предназначенных быть ламами, в Урге находится большая школа с подразделениями на факультеты: богословский, медицинский и астрологический.

Для монголов Урга по своему религиозному значению составляет второй город после Лассы¹ в Тибете. Как там, так и здесь пребывают главные святые буддийского мира: в Лассе — далай-лама со своим помощником бань-цинъ-эрдэни, а в Урге — кутухта, третье лицо после тибетского патриарха. По ламаистскому учению, эти святые, составляя земное воплощение божества, никогда не умирают, но только обновляются смертью. Душа их по смерти тела, в котором она имела местопребывание, переходит в новорожденного мальчика и через это является людям в более свежем и юном образе. Вновь возродившийся далай-лама отыскивается в Тибете по указанию своего умершего предшественника; ургинский же кутухта находится пророчеством далай-ламы и также большей частью в Тибете. Тогда из Урги отправляется туда огромный караван, чтобы привезти в Богдо-курень новорожденного святого, за отыскание которого далай-ламе везут подарок деньгами в 30 тысяч лан, иногда и более.

С Ургою оканчивается сибирский характер местности, каковой имеет северная окраина Монголии. Проезжая реку Толу, путешественник оставляет за собой последнюю текучую воду и тут же на горе Ханула, которая считается священной, с тех

пор как на ней охотился император Кан-хи¹, путник должен распротиться с последним лесом. Далее к югу, до окраин собственно Китая, тянется та самая пустыня Гоби², которая залегла громадной полосой поперек восточно-азиатского нагорья, от западных подножий Куэн-луня до Хинганских гор, отделяющих Монголию от Маньчжурии.

Как сказано выше, сибирский характер местности, с ее горами, лесами и обильным орошением, оканчивается возле Урги, и отсюда к югу является уже чисто монгольская природа. Через день пути путешественник встречает совсем иную обстановку. Безграничная степь, то слегка волнистая, то прорезанная грядами скалистых холмов, убегает в синеющую неясную даль горизонта и нигде не нарушает своего однообразного

¹ Современник Петра Великого; лучший из императоров маньчжурского дома, энергичный, любознательный и весьма уважавший европейцев. (Примеч. автора.)

² Слово «гоби» по-монгольски означает равнину безводную и бесплодную или малотравянистую. Собственно степь называется «тала». (Примеч. автора.)

¹ Столица Тибета Ласса, то есть Лхаса. (Примеч. редактора.)

характера. То там, то здесь пасутся многочисленные стада и встречаются довольно часто юрты монголов, особенно вблизи дороги. Последняя так хороша, что по ней можно удобно ехать даже в тарантасе. Собственно Гоби еще не началась, и переходом к ней служит описываемая степная полоса, с почвою глинисто-песчаную, покрытую прекрасною травой. Эта полоса тянется от Урги к юго-западу по калганской дороге верст на двести и затем незаметно переходит в бесплодные равнины собственно Гоби.

Впрочем, и в этой последней местности несет более волнистый, нежели равнинный характер, хотя совершенно гладкие площади расстилаются иногда на целые десятки верст. Подобные места особенно часто попадаются около середины Гоби, тогда как в северной и южной ее частях встречается довольно много невысоких гор, или, правильнее, холмов, стоящих то отдельными островками, то вытянувшихся в продольные хребты. Эти горы возвышаются лишь на несколько сот футов над окрестными равнинами и изобилуют голыми скалами. Их ущелья и долины всегда заняты сухими руслами потоков, в которых вода бывает только во время сильного дождя, да и то лишь на несколько часов. По таким сухим руслам расположены колодцы, доставляющие воду местному населению. Текучей воды не встречается нигде на всем протяжении от реки Толы до окраины собственно Китая, то есть почти на 900 верст. Только летом, во время дождей, здесь образуются на глинистых площадях временные озера,

которые затем высыхают в период жаров.

Почва в собственно Гоби состоит из крупнозернистого красноватого гравия и мелкой гальки, к которой примешаны различные камни, как, например, иногда агаты. Местами встречаются полосы желтого сыпучего песка, впрочем далеко не столь обширные, как в южной части той же самой пустыни.

Население в собственно Гоби попадает несравненно реже, чем в предшествовавшей ей степной полосе. Действительно, разве только монгол да его вечный спутник верблюд могут свободно обитать в этих местностях, лишенных воды и леса, накаляемых летом до тропической жары, а зимою охлаждающихся чуть ли не до полярной стужи.

Вообще Гоби своею пустынностью и однообразием производит на путешественника тяжелое, подавляющее впечатление. По целым неделям сряду перед его глазами являются одни и те же образы: то неоглядные равнины, отливающие (зимою) желтоватым цветом иссохшей прошлогодней травы, то черноватые изборожденные гряды скал, то пологие холмы, на вершине которых иногда рисуется силуэт быстроногого дзерена. Мерно шагают тяжело навьюченные верблюды, идут десятки, сотни верст, но степь не изменяет своего характера, а остается по-прежнему угрюмой и неприветливой... Закатится солнце, ляжет темный полончи, безоблачное небо заискрится миллионами звезд, и караван, пройдя еще немного, останавливается на ночевку. Радуются верблюды, освободившись из-под тяжелых вью-

ков, и тотчас же улягутся вокруг палатки погонщиков, которые тем временем варят свой неприхотливый ужин. Прошел еще час, заснули люди и животные — и кругом опять воцарилась мертвая тишина пустыни, как будто в ней вовсе нет живого существа...

Поперек всей Гоби, из Урги в Калган, кроме почтового тракта, содержимого монголами, существует еще несколько караванных путей, где обыкновенно

следуют караваны с чаем. На почтовом тракте, через известное расстояние, выкопаны колодцы и поставлены юрты, заменяющие наши станции; по караванному же пути монгольские стойбища сообразуются с качеством и количеством подножного корма. Впрочем, на такие пути прикочевывает обыкновенно лишь бедное население, зарабатывающее от проходящих караванов то милостыней, то пастьбой верблюдов, то продажей сушеного скотского помета, так называемого аргала. Последний имеет громадную ценность как в домашнем быту номада, так и для путешественника, потому что составляет единственное топливо во всей Гоби.

Однообразно потянулись дни нашего путешествия. Направившись средним караванным путем, мы обыкновенно выходили в полдень и шли до полуночи, так что делали средним числом ежедневно 40—50 верст. Днем мы с товарищем большей частью шли пешком впереди каравана и стреляли попадавшихся птиц. Между последними вороны вскоре сделались нашими отъявленными врагами за свое нестерпимое нахальство. Еще вскоре после выезда из Кяхты я заметил, что несколько этих птиц подлетали к вьючным верблюдам, шедшим позади нашей телеги, садились на вьюк и затем что-то тащили в клюве, улетая в сторону. Подробное исследование показало, что нахальные птицы расклевали один из наших мешков с провизией и таскали оттуда сухари. Спрятав добычу в стороне, вороны снова являлись за поживой. Когда дело разъяснилось, то все воры были перестреляны, но через несколько времени явились новые похитители и подверглись той же участи. Подобная история повторялась почти каждый день во время нашего переезда из Кяхты в Калган.

Вообще нахальство воронов в Монголии превосходит всякое вероятие. Эти столь осторожные у нас птицы здесь до того смелы, что воруют у монголов провизию чуть ли не из палатки. Мало того, они садятся на спины верблюдов, пущенных пастись, и расклевают им горбы. Глупое, трусливое животное только кричит во все горло да плюет на своего мучителя, который, то взлетая, то снова опускаясь на спину верблюда, пробивает сильным клювом часто большую рану. Монголы, считающие грехом убивать птиц, не могут ничем отделяться от воронов, которые всегда сопут-

ствуют каждому каравану. Положить что-либо съедомое вне палатки невозможно: оно тотчас же будет уворовано назойливыми птицами, которые за неимением лучшей поживы обдирают даже невыделанную шкуру на ящиках с чаем.

Вороны, а затем коршуны были нашими заклятыми врагами во время экспедиции. Сколько раз они воровали у нас даже препарированные шкурки, не только что мясо, но зато и сколько же сот этих птиц поплатилось жизнью за свое нахальство!

Из других пернатых в Гоби нам встречались часто лишь пустынные и монгольские жаворонки. Оба эти вида составляют характерную принадлежность Монголии.

Пустынный, открытый и описанный в конце прошлого столетия знаменитым Палласом¹, распространяется через всю Среднюю Азию до Каспийского моря, а на юг встречается до Тибета. Эта птица, называемая монголами «больдур» и китайцами «саджи», держится исключительно в пустыне, где питается семенами нескольких видов трав (мелкой полыни, сульхира и др.). Большой или меньшей урожай этих трав обуславливает количество зимующих пустынных, которые в огромном числе скопляются зимою в пустынях Ала-шаня, будучи привлекаемы туда вкусными семенами сульхира. Летом часть этих птиц является в наше Забайкалье и выводит там детей. Яйца, числом три, кладутся прямо на землю, без всякой подстилки; самка сидит на них довольно крепко, несмотря на то что эти птицы вообще осторожны. Зимой в том случае, когда на Монгольском нагорье выпадает большой снег, пустынные, гонимые голодом, спускаются в равнины Северного Китая и держатся здесь большими стадами; но лишь только погода несколько изменится к лучшему, они тотчас же улетают в свои родные пустыни. Полет описываемой птицы замечательно быстрый, так что когда несется целая стая, то еще издали слышен особый дребезжащий звук, как бы от сильного вихря; при этом птицы издают короткий, довольно тихий звук. По земле пустынный бегаёт очень плохо, вероятно, вследствие особого устройства своих ног, пальцы которых срослись между собой, а подошва под-

¹ Паллас Петр-Симон (1741—1811) — известный натуралист, путешественник, с 1768 года работал в Российской академии наук. Изучал Поволжье, Кавказ, Сибирь. (Примеч. редактора.)

бита бородавчатой кожей, отчасти напоминающей пятку верблюда¹.

После утренней поправки пустынные всегда летят на водопой к какому-нибудь ключу, колодцу или соленому озерку. Здесь вся стая предварительно описывает несколько кругов, чтобы удостовериться в безопасности, а затем опускается к воде и, быстро напившись, улетает прочь. Места водопоев аккуратно посещаются описываемыми птицами, которые прилетают сюда иногда за несколько десятков верст, если ближе того нет воды.

Монгольский жаворонок — один из крупных представителей своего рода — держится только в тех местах Гоби, где она превращается в луговую степь. Поэтому описываемый вид встречается в пустыне лишь спорадически², но зато зимою скопляется большими стадами — в несколько сот, иногда тысяч экземпляров. Всего чаще мы видали этих жаворонков на южной окраине Гоби; в собственно Китае они также не редки, по крайней мере зимой.

Монгольский жаворонок — лучший певун центральноазиатской пустыни. В этом искусстве он почти не уступает своему европейскому собрату. Кроме того, он обладает замечательной способностью передразнивать голоса других птиц и часто вклеивает их в строфы своей собственной песни. Поет, поднимаясь вверх, подобно нашему жаворонку, а также сидя на каком-нибудь выдающемся предмете, например камне или кочке. Китайцы называют описываемого жаворонка «бай-лин», очень любят его пение и часто держат в клетках.

Подобно пустынным, весной монгольские жаворонки подвигаются на север, в Забайкалье, и выводят там детей; впрочем, большая часть их остается в Монголии. Гнездо устраивается, как у европейского вида, на земле, в небольшом углублении, и в нем бывает от трех до четырех яиц. В монгольской пустыне, где холода перемежаются всю весну, описываемые жаворонки гнездятся очень поздно, так что мы находили в юго-восточной окраине Монголии совершенно свежие яйца в начале и даже в половине июня. На зимовку описываемый вид отлетает в те части Гоби, где нет или очень

мало снега. Несмотря на холода, достигающие здесь иногда до -37° С, жаворонки удобно зимуют и держатся обыкновенно по зарослям травы дырисун, мелкие семена которой составляют в это время их главную пищу. В подобном факте, замечаемом и на некоторых других видах птиц, мы видим прямое указание на то, что многих из наших пернатых на зиму угоняет к югу не холод, а бескормица.

Монгольский жаворонок распространяется к югу до северного изгиба Желтой реки, а затем, минуя Ордос, Ала-шань и гористую область Гань-су, вновь появляется в степях озера Куку-нор.

Из млекопитающих, свойственных этой

пустыне, можно назвать пока только два характерных вида: пищуху и дзерена.

Пищуха, или, как монголы ее называют, оготона, принадлежит к тому роду грызунов, который по устройству своих зубов считается близким родственником зайца. Сам зверек достигает величины обыкновенной крысы и живет в норах, выкапываемых им в земле. Местом такого жительства пищухи выбирают исключительно луговые степи, преимущественно всхолмленные, а также долины в горах Забайкалья и северной окраины Монголии. В бесплодной пустыне этот зверек не встречается, поэтому его нет в средней и южной частях Гоби.

Оготона вообще замечательное животное. Норы свои эти зверьки обыкновенно устраивают обществом, так что где встретится одна такая нора, там, наверное, найдутся их десятки, сотни, иногда даже тысячи. Зимой, в сильные холода, оготона не показываются из своих подземных жилищ, но лишь только холод немного спадет, они вылезают из нор и, сидя у входа их, греются на солнце или торопливо перебегают из

¹ Поэтому пустынный у нас называется копыткой. (Примеч. редактора.)

² Т. е. в отдельных случаях, как исключение. (Примеч. редактора.)

одной норы в другую. В это время слышится их голос, много похожий на писк обыкновенной мыши, только гораздо громче. У бедного оготоно столько врагов, что ему постоянно приходится быть настороже. Ради этого он часто только до половины высовывается из норы и держит голову кверху, чтобы не прозевать опасность. Лисицы-корсаки, волки, а всего более сарычи, ястреба, соколы и даже орлы ежедневно уничтожают бесчисленное множество описываемых пищух. Проворство крылатых разбойников на таких охотах изумительно. Я сам много раз видел, как сарыч бросался сверху на оготоно так быстро, что зверек даже не успевал юркнуть в свою нору. Однажды на наших глазах подобную историю проделал даже орел, бросившись на пищуху, сидевшую у входа норы, с высоты по крайней мере 30 или 40 сажен. Сарычи исключительно питаются пищухами, так что даже места своей зимовки в Гоби сообразуют главным образом с количеством описываемых грызунов. При известной плодовитости этих последних только подобное истребление препятствует их чрезмерному размножению.

В характере пищухи сильно преобладает любопытство. Завидя подходящего человека или собаку, этот зверек подпускает к себе шагов на десять и затем мгновенно скрывается в норе. Но любопытство берет верх над страхом. Через несколько минут из той же самой норы снова показывается головка зверька, и если предмет страха удаляется, то оготоно тотчас же вылезает и снова занимает свое прежнее место.

Еще особенностью оготоно, свойственная и некоторым другим видам пищух, состоит в том, что они на зиму заготавливают себе запасы сена, которые складывают у входа в норы. Сено это припасается зверьками обыкновенно в конце лета, тщательно просушивается и складывается в стожки весом от 4 до 5, а иногда даже 10 фунтов. Такое сено служит пищухе как для подстилки логовища в норе, так и для пищи зимой, но очень часто труды оготоно пропадают даром, и монгольский скот поедает его запасы. В таком случае бедный зверек должен всю зиму перебиваться высушенной травой, которую находит вблизи своей норы.

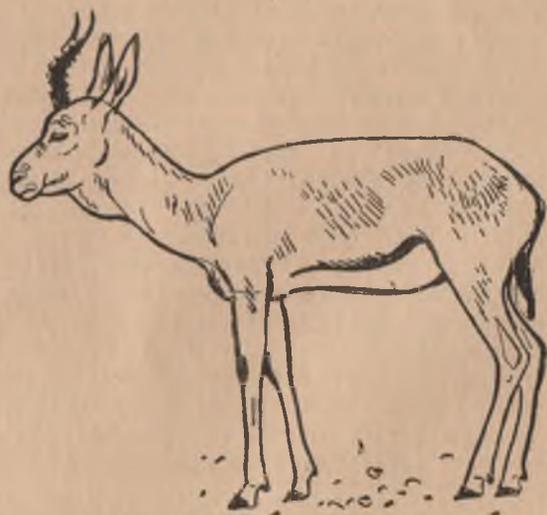
Замечательно, как долго оготоно может оставаться без воды. Положим, зимой он

довольствуется кое-когда выпадающим снегом, а летом дождем; за неимением последнего является роса, хотя, впрочем, довольно здесь редкая. Но, спрашивается, что пьет оготоно в течение всей весны и осени, когда водяных осадков на Монгольском нагорье часто не бывает по целым месяцам, а сухость воздуха достигает крайних пределов?

Распространение описываемого зверька к югу доходит до северного изгиба Хуан-хэ; далее он заменяется иными видами.

Антилопы-дзерены всегда держатся стадами, в которые собираются иногда несколько сот, даже до тысячи экземпляров. Но подобные скопления бывают лишь в местах особенно обильных кормов; всего же чаще дзерены встречаются обществами от 15 до 30 или 40 экземпляров. Избегая, по возможности, близкого соседства человека, они все-таки живут на лучших пастбищах пустыни и, подобно монголам, кочуют с одного места на другое, соображаясь с количеством подножного корма. Подобные перекочевки иногда производятся очень далеко, в особенности летом, когда засуха гонит дзеренов на привольные пастбища Северной Монголии и даже в южные части нашего Забайкалья. Зимой глубокий снег принуждает их кочевать часто за несколько верст, на места малоснежные или вовсе бесснежные.

Описываемый зверь принадлежит исключительно степной равнине и тщательно избегает гористых местностей. Впрочем, дзерены держатся и в холмистых степях, в особенности весной, когда их привлекает туда

молодая зелень, скорее развивающаяся на солнечном пригреве. Кустарников и высоких зарослей травы дырисун они тщательно избегают, и только в период рождения детей, что происходит в мае, самки являются в подобные местности, чтобы укрыть в них новорожденных. Впрочем, эти последние уже через несколько дней после появления на свет везде следуют за матерью и бегают так же быстро, как и взрослые.

Голос описываемой антилопы можно услышать очень редко; он состоит у самцов¹ из отрывистого, довольно громкого рывканья. Внешние чувства дзерена развиты превосходно. Он одарен отличным зрением, слухом и превосходным обонянием; быстрота его бега удивительная; умственные способности также стоят на значительной степени совершенства. Благодаря всем этим качествам описываемые антилопы не так легко даются своим врагам — человеку и волку.

Наконец далеко впереди на горизонте показываются неясные очертания того хребта, который служит резкой границей между высоким холодным нагорьем Монголии и теплыми равнинами собственно Китая. Этот хребет носит вполне альпийский характер. Крутые боковые скаты, глубокие ущелья и пропасти, остроконечные вершины, иногда увенчанные отвесными скалами, наконец, вид бесплодия и дикости — вот общий характер этих гор, по главному гребню которых тянется знаменитая Великая стена. В то же время описываемый хребет, подобно многим другим видам Внутренней Азии, окаймляющим с одной стороны высокое плато, а с другой — более низкие равнины, вовсе не имеет подъема со стороны нагорья. До последнего шага путешественник идет между холмами волнистого плато, а затем перед его глазами вдруг раскрывается удивительнейшая панорама. Внизу, под ногами очарованного зрителя, встают, словно в причудливом сне, целые гряды высоких гор, отвесных скал, пропастей и ущелий, прихотливо перепутанных между собой, а за ними расстилаются густонаселенные долины, по которым серебристой змеей вьются многочисленные речки.

Контраст между тем, что осталось позади, и тем, что лежит впереди, поразительный. Не менее велика и перемена

¹ Голоса самки я не слышал ни разу. (Примеч. автора.)

климата. До сих пор во все время нашего перехода через Монгольское нагорье, день в день стояли морозы, доходившие до -37° С и постоянно сопровождаемые сильными северо-западными ветрами, хотя снегу было вообще очень мало, а местами он и вовсе не покрывал землю. Теперь с каждым шагом спуска через окраинный хребет мы чувствовали, как делалось теплее, и наконец, прибыв в город Калган, встретили, несмотря на конец декабря, совершенно весеннюю погоду. Такова климатическая перемена на расстоянии всего 25 верст, лежащих между названным городом и высшей точкой спуска с нагорья. Эта последняя имеет 5400 футов абсолютной высоты, между тем как город Калган, расположенный при выходе из окраинного хребта в равнину, поднимается лишь на 2800 футов над морским уровнем.

Калган запирает собой один из проходов через Великую стену, которую мы увидели здесь в первый раз. Она сложена из больших камней, связанных известковым цементом. Впрочем, величина каждого камня не превосходит нескольких пудов, так как, по всему вероятию, работники собирали их в тех же самых горах и таскали сюда на своих руках. Сама стена в разрезе имеет пирамидальную форму, при высоте до трех сажен и около четырех в основании. На более выдающихся пунктах, иногда даже не далее версты одна от другой, выстроены квадратные башни. Они сделаны из глиняных кирпичей, наложенных попеременно по длине и ширине и проклеенных известью. Величина башен различна; наибольшие из них имеют по 6 сажен в основании боков и столько же в высоту.

Описываемая стена извивается по гребню окраинного хребта и, спускаясь в поперечные его ущелья, запирает их укреплениями. В подобных проходах только и годится к чему-либо вся эта постройка. В горах же самый характер местности делает их недоступными для неприятеля; между тем здесь так же сложена стена, и всё в одинаковых размерах. Мне случалось даже видеть, как эта постройка, примыкая к совершенно отвесной скале, не довольствовалась такой естественной преградой, но, оставляя узкий проход, обходила скалу по всей ее длине, иногда весьма значительной. И к чему творилась вся эта гигантская работа? Сколько миллионов рук работало

над ней? Сколько народных сил потрачено даром! История гласит нам, что описываемую стену выстроили за два с лишним века до нашей эры китайские владыки, с целью оградить государство от вторжения соседних кочевников.

С выходом из Калгана, а вместе с тем из окраинного хребта Монгольского нагорья перед глазами путешественника открывается широкая равнина, густо заселенная и превосходно обработанная. Деревни имеют опрятный вид, совершенно противоположный городам. Дорога сильно оживлена: по ней тянутся вереницы ослов, нагруженных каменным углем; телеги, запряженные мулами; пешеходные носильщики и, наконец, собиратели помета, который так дорого ценится в Китае.

Деревни встречаются на каждом шагу. Многочисленные рощи кипариса, древовидного можжевельника, сосны, тополя и других деревьев, указывающие обыкновенно места кладбищ, придают много разнообразия и красоты равнинному ландшафту. Климат делается еще теплее, так что здесь в период наших крещенских морозов термометр в полдень иногда поднимается в тени выше нуля. О снеге нет и помину; если он изредка и выпадет ночью, то обыкновенно стает в следующий же день. Везде встречаются зимующие птицы: дрозды, вьюрки, дубоносы, стрелки, грачи, коршуны, голуби, дрофы и утки.

С приближением к столице Небесной империи густота населения увеличивается все более и более. Сплошные деревни образуют целый город, так что путешественник совершенно незаметно подъезжает к пекинской стене и вступает в знаменитую столицу Востока.

Я решил сгруппировать рассказ о населении Монголии в одну главу, изложить в ней характерные черты быта кочевников, а затем дополнить их мелкими подробностями уже при историческом изложении путешествия.

Если начать с описания наружности, то за образец коренного монгола, бесспорно, следует взять обитателя Халхи, где всего более сохранилась чистокровная монгольская порода. Широкое, плоское лицо с выдающимися скулами, приплюснутый нос,

небольшие, узко прорезанные глаза, угловатый череп, большие оттопыренные уши, черные жесткие волосы, плотное, коренастое сложение при среднем или даже большом росте — вот характерные черты наружности каждого халхасца.

В других частях своей родины монголы далеко не везде удержали столь чистокровный тип. Внешнее, иноземное влияние всего сильнее проявилось на юго-восточной окраине Монголии, издавна соседней владениям собственно Китая. И хотя кочевая жизньномада трудно мирится с условиями культуры оседлого племени, но все-таки в течение столетий китайцы успели тем или другим путем настолько упрочить свое влияние на диких соседей, что в настоящее время эти последние наполовину уже окитаились в местностях, лежащих непосредственно за Великой стеной. Правда, кроме немногих исключений, монгол здесь все еще живет в войлочной юрте и пасет свое стадо, но как по наружности, так еще более по характеру он уже слишком резко отличается от своего северного собрата и гораздо более подходит к китайцу. Плоское лицо заменилось у него вследствие частых браков с китайками более правильной физиономией китайца, а в одежде и домашней обстановке номад считает щегольством и достоинством подделываться под китайский тон. Самый характер кочевника изменился здесь чрезвычайно сильно: его уже не так манит дикая пустыня, как города густонаселенного Китая, в которых он успел познакомиться с выгодами и наслаждениями более цивилизованной жизни.

Подобно китайцам, монголы бреют голову, оставляя только небольшой пучок волос на затылке и сплетая их в длинную косу; ламы же бреются дочиста. Усов и бороды ни те, ни другие не носят, да они и растут крайне плохо.

Монголки не бреют волос, но сплетают их в две косы, которые украшают лентами, кораллами или бисером и носят спереди, по обеим сторонам груди; замужние женщины часто носят одну косу сзади. Сверху волос накладываются серебряные бляхи с красными кораллами, которые в Монголии ценятся очень дорого; бедные заменяют кораллы простыми бусами, но сами бляхи обыкновенно делаются из серебра или, как редкое исключение, из меди. Подобный наряд надвигается на верхнюю часть лба;

кроме того, в уши вдеваются большие серебряные серьги, а на руках носят кольца и браслеты.

Одежда монголов состоит из кафтана вроде халата, сделанного обыкновенно из синей китайской дабы, китайских сапог и плоской шляпы с отвороченными вверх полями; рубашек, равно как и нижнего платья, номады большей частью не носят. Зимой они надевают теплые панталоны, бараньи шубы и теплые шапки. Для щегольства летний халат делается часто из шелковой китайской материи; сверх того, чиновники носят китайские курмы. Как халат, так и шуба всегда подвязаны поясом, за которым повешены, на спине или сбоку, неизменные принадлежности каждого монгола: кисет с табаком, трубка и огниво. Кроме того, у халхасцев за пазухой всегда имеется табакерка с нюхательным табаком, угощение которым составляет первое приветствие при встрече. Но главное щегольство номада заключается в верховой сбруе, которая часто украшается серебром.

Женщины носят халат, несколько отличный от мужского, и притом без пояса; сверху же обыкновенно надевают род фуфайки без рукавов. Впрочем, покрой платья, равно как и прическа прекрасного пола значительно изменяются в различных местностях Монголии.

Универсальное жилище монгола составляет войлочная юрта (гыр), одна и та же во всех закоулках его родины. Каждая такая юрта имеет круглую форму с конической вершиной, где находится отверстие для выхода дыма и для света.

Монгол никогда не пьет сырой, холодной воды, но всегда заменяет ее кирпичным чаем, составляющим в то же время универсальную пищу номадов.

Этот продукт монголы получают от китайцев и до того пристрастились к нему, что без чая ни один номад — ни мужчина, ни женщина — не может существовать и нескольких суток. Целый день, с утра до вечера, в каждой юрте на очаге стоит котел с чаем, который беспрестанно пьют все члены семьи; этот же чай составляет первое угощение каждого гостя.

Вода употребляется обыкновенно соленая, а если таковой нет, то в кипяток нарочно прибавляется соль. Затем крошится ножом или толчется в ступе кирпичный чай, и горсть его бросается в кипящую воду, куда прибавляется также несколько чашек молока. Для того чтобы размягчить твердый, как камень, кирпич чаю, его предварительно кладут на несколько минут в горящий аргал, что, конечно, придает еще больше аромата и вкуса всему напитку. На первый раз угощение готово. Но в таком виде оно служит только для питья, вроде нашего шоколада, или кофе, или прохладительных напитков. Для более же существенной еды монгол сыплет в свою чашку с чаем сухое жареное просо и, наконец, в довершение всей прелести, кладет туда масло или сырой курдючный жир. Выпить в течение дня 10 или 15 чашек, вместимостью равных нашему стакану, — это порция самая обыкновенная даже для монгольской девицы; взрослые же мужчины пьют вдвое более. При этом нужно заметить, что чашки, из которых едят номады, составляют исключительную собственность каждого лица. Чашки составляют известного рода щегольство, и у богатых встречаются из чистого серебра китайской работы; ламы иногда делают их из человеческих черепов, которые разрезаются пополам и оправляются в серебро.

Рядом с чаем молоко в различных видах составляет постоянную пищу монголов. Из него приготавливаются масло, пенки и кумыс.

Хотя чай и молоко составляют в течение круглого года главную пищу монголов, но весьма важным подспорьем к ней, в особенности зимой, служит баранье мясо. Это такое лакомое кушанье для каждого номада, что, желая похвалить что-либо съедомое, он всегда говорит: «Так вкусно, как баранина». Баран даже считается, как и верблюд, священным животным. Впрочем, весь домашний скот у номадов служит эмблемой достоинства, так что именами «бараний», «лошадиный» или «верблюжий» окрещиваются даже некоторые виды растительного и животного царства. Самой лакомой частью барана считается курдюк, который, как известно, состоит из чистого жира. Монгольские бараны к осени до того отъедаются иногда на самом плохом, по-видимому, корме, что кругом бывают покрыты слоем сала в дюйм толщиной. Но чем жирнее это животное, тем оно лучше для монгольского вкуса.

Кроме баранины как специального кушанья, монголы едят также козлов, лошадей, в меньшем количестве — рогатый скот и еще реже — верблюдов. Хлеба монголы не знают, хотя не отказываются есть китайские булки, а иногда дома готовят лепешки или лапшу из пшеничной муки. Вблизи нашей границы номады даже едят черный хлеб, но подальше, внутрь Монголии, его не знают, и те монголы, которым мы давали черные сухари, попробовав их, обыкновенно говорили, что «в такой еде нет ничего приятного, только зубами стучаешь».

Птиц и рыб монголы, за весьма немногими исключениями, вовсе не едят и считают такую пищу поганой. Отвращение их в этом случае до того велико, что однажды на озере Куку-нор с нашим проводником сделалась рвота в то время, когда он смотрел, как мы ели вареную утку. Этот случай показывает, до чего относительно понятия людей даже о таких предметах, которые, по-видимому, поверяются только одним чувством.

Исключительное занятие монголов и единственный источник их благосостояния составляет скотоводство; количеством домашних животных здесь мерится богатство человека. Из этих животных номады разводят всего более баранов, лошадей, верблюдов, рогатый скот и в меньшем числе держат коз. Впрочем, преобладание того или

другого вида домашних животных различно в различных местностях Монголии. Так, наилучших верблюдов и наибольшее их количество можно встретить только в Халхе; земля сахаров изобилует лошадьми; в Ала-шане разводятся преимущественно козы; на Куку-норе обыкновенная корова заменяется яком.

Получая от домашних животных все необходимое: молоко и мясо для пищи, шкуры для одежды, шерсть для войлоков и веревок, притом еще зарабатывая большие деньги как от продажи этих животных, так равно и от перевозки на верблюдах различных тяжестей по пустыне, номад живет исключительно для своего скота, оставляя на втором плане заботу о себе самом и о своем семействе. Перекочевки с места на место соображаются исключительно с выгодами стоянки для домашних животных. Если для последних хорошо, то есть корм имеется в изобилии и есть водопой, то монгол не претендует ни на что остальное. Уменьше номада обращаться со своими животными и его терпение в этом случае достойны удивления. Упрямый верблюд делается в руках этого человека покорным носильщиком, а полудикий степной конь — послушной и смирной верховой лошадью. Кроме того, номад любит и жалеет своих животных. Он ни за что на свете не заседлает верблюда или лошадь ранее известного возраста, ни за какие деньги не продаст барашка или теленка, считая грехом убивать их в детском возрасте.

Скотоводство составляет единственное и исключительное занятие монголов. Промышленность у них самая ничтожная и ограничивается только выделкой некоторых предметов, необходимых в домашнем быту, как-то: кож, войлоков, седел, узд, луков; изредка готовят огнивы и ножи.

Самые ничтожные расстояния, хотя бы только в несколько сот шагов, монгол никогда не пройдет пешком, но непременно усядется на лошадь, которая для этого постоянно привязана возле юрты. Стадо свое номад также пасет, сидя на коне, а во время путешествия с караваном разведет только в страшный холод слезет с верблюда, чтобы пройти версту, или много две, и разогреть оковеневшие члены. От постоянного пребывания на коне даже ноги номада немного выгнуты наружу, и он охватывает ими седло так крепко, как будто

прирос к лошади. Самый дикий степной конь ничего не поделает с таким наездником, каков каждый монгол. Верхом на скакуне номад действительно в своей сфере; он никогда не ездит шагом, редко даже рысью, но всегда, как ветер, мчится по пустыне. Зато монгол любит и знает своих лошадей; хороший скакун или иноходец составляет его главное щегольство, и он не продаст такого коня даже в самой крайней нужде. Пешая ходьба до того во всеобщем презрении у номадов, что каждый из них считает стыдом пройти пешком даже в юрту близкого соседа.

Одаренные от природы сильным телосложением и приученные сызмальства ко всем невзгодам своей родины, монголы пользуются вообще отличным здоровьем. Они необыкновенно выносливы ко всем трудностям пустыни. Целый месяц сряду, без отдыха, идет монгол в самую глубокую зиму с караваном верблюдов, нагруженных чаем. День в день стоят 30-градусные морозы при постоянных северо-западных ветрах, еще более увеличивающих стужу и делающих ее нестерпимой. А между тем номад, следуя из Калгана в Кяхту, постоянно имеет ветер встречу и по 15 часов в сутки сидит, не слезая со своего верблюда. Нужно быть действительно железным человеком, чтобы вынести такой переход; монгол же делает в продолжение зимы взад и вперед четыре конца, которые в общей сложности составляют 5000 верст. Но натолкните того же самого монгола на другие, несравненно меньшие, но неведомые

для него трудности и посмотрите, что будет. Этот человек с здоровьем, закаленным, как железо, не сможет пройти пешком без крайнего истомления 20—30 верст; переночуя на сырой почве, простудится, как какой-нибудь избалованный барин; лишенный два—три дня кирпичного чая, будет роптать во все горло на свою несчастную судьбу.

Но если, с одной стороны, в умственном отношении монголу нельзя отказать в сметливости, то опять-таки эта сметливость, как и другие черты характера номада, направлена в исключительную сторону. Монгол знает отлично родную пустыню и сумеет найтись здесь в самом безвыходном положении; предскажет наперед дождь, бурю и другие изменения в атмосфере; отыщет по самым ничтожным приметам своего заблудившегося коня или верблюда; чутьем угадает колодец и т. д.

Из обычаев монголов путешественнику резко бросается в глаза их обыкновение всегда ориентироваться по странам света, никогда не употребляя слов «право» или «лево», словно эти понятия не существуют для номадов. Даже в юрте монгол никогда не скажет: «с правой» или «с левой руки», а всегда «на восток» или «на запад» от него лежит какая-нибудь вещь. При этом следует заметить, что лицевой стороной у номадов считается юг, но не север, как у европейцев, так что восток приходится левой, а не правой стороной горизонта.

Все расстояния у монголов меряются временем езды на верблюдах или лошадях; о другой, более точной мере номады не

имеют понятия. При вопросе: далеко ли до такого места? — монгол всегда отвечает: столько-то суток ходу на верблюдах, столько-то на верховом коне. Но так как скорость езды, равно как и количество времени, употребляемого для нее в течение одних суток, могут быть различны, смотря по местным условиям и по личной воле ездока, то номад никогда не преминет добавить: «если хорошо будешь ехать» или «если тихо поедешь».

В домашней жизни монгол — отличный семьянин, горячо любящий своих детей. Всегда, когда нам случалось что-либо давать номаду, он делил полученное поровну между всеми членами семьи, хотя бы от такого дежега, например кусочка сахара, каждому пришлось получить лишь по небольшому зернышку. Старшие члены семьи у монголов пользуются большим уважением, в особенности старики, советы или даже приказания которых всегда свято исполняются. Рядом с этим монгол — чрезвычайно гостеприимный человек. Каждый может смело войти в любую юрту, и его наверно тотчас же угостят чаем или молоком; для хорошего же знакомого номад не откажется добыть водки или кумысу и даже заколоть барана.

Встретившись дорогой с кем бы то ни было, знакомым или незнакомым, монгол тотчас же приветствует его словами: «менду, менду-сэ-бейна», соответствующими нашему «здравствуй». Затем начинается взаимное угощение нюхательным табаком, для чего каждый подает свою табакерку другому и при этом обыкновенно спрашивает: «мал-сэ-бейна», «та-сэ-бейна», то есть здоров ли ты и твой скот? Вопрос о скоте ставится на первом плане, так что о здоровье своего гостя монгол осведомляется уже после того, когда узнает, здоровы и жирны ли его бараны, верблюды и лошади. В Ордосе и Ала-шане приветствие при встрече выражается словами «амур-сэ» (здоров ли ты?), а на Куку-норе — всего чаще тангутским «тэму», то есть здравствуй. Взаимное нюханье табаку в Южной Монголии производится гораздо реже, на Куку-норе же и вовсе не встречается.

По поводу вопроса о здоровье скота с европейцами-новичками, едущими из Кяхты в Пекин, иногда случаются забавные истории. Так, однажды какой-то юный офицер, недавно прибывший из Петербурга в Си-

бирь, ехал курьером в Пекин. На монгольской станции, где меняли лошадей, монголы тотчас же начали лезть к нему с самым почетным, по их мнению, приветствием — с вопросом о здоровье скота. Получив через переводчика-казака осведомление своих хозяев о том, жирны ли его бараны и верблюды, юный путешественник начал отрицательно трясти головой и уверять, что у него нет никакого скота. Монголы же со своей стороны ни за что не хотели верить, чтобы состоятельный человек, да еще притом чиновник, мог существовать без баранов, коров, лошадей или верблюдов. Нам лично в путешествии много раз приходилось слушать самые подробные расспросы о том: кому мы оставили свой скот, отправляясь в такую даль, сколько весит курдюк нашего барана, часто ли мы едим дома такое лакомство, сколько у нас скакунов и т. д.

В Южной Монголии для выражения взаимного расположения служат «хадаки», то есть небольшие, в виде полотенца, куски шелковой материи, которыми обмениваются гость и хозяин. Эти хадаки покупаются у китайцев и бывают различного качества, которым до известной степени определяется расположение встречающихся личностей.

Тотчас после приветствия у монголов начинается угощение чаем, причем особенной учтивостью считается подать гостю раскуренную трубку. Уходя из гостей, монголы обыкновенно не прощаются, но прямо встают и выходят из юрты. Проводить гостя до его коня, привязанного в нескольких шагах, считается особым расположением хозяина; таким почтением всегда пользуются чиновники и важные ламы.

Если затем обратимся к религиозным верованиям номадов, то увидим, что ламаистское учение пустило здесь такие глубокие корни, как, быть может, ни в одной другой стране буддийского мира. Созерцание, поставляемое монголами высшим идеалом, в сочетании с образом жизни номада, заброшенного в пустыню, и породило тот страшный аскетизм, который заставляет его отрешаться от всяческого стремления к прогрессу, а взамен того искать в туманных и отвлеченных идеях о божестве и загробной жизни конечную цель земного существования человека.

Богослужение монголов отправляется на тибетском языке; священные их книги также тибетские. Из них знаменитейшая

есть Ганчжур; она состоит из 108 томов и включает в себе, кроме предметов религиозных, историю, математику, астрономию и прочее. В кумирнях служение обыкновенно совершается три раза в течение дня: утром, в полдень и вечером. Зов к молитве производится трубением в большие морские раковины. Собравшись в кумирню, ламы садятся на полу или на лавках и читают нараспев священные книги. По временам к такому монотонному чтению присоединяются возгласы, которые делает старший из присутствующих, а за ним повторяют и все остальные. Затем при известных расстановках бьют в бубны или в медные тарелки, что еще более усиливает общий шум. Такое моление производится иногда несколько часов сряду и делается более торжественным, когда в кумирне присутствует кутухта. Последний всегда сидит на престоле в особом облачении, имея лицо, обращенное к кумирам; служащие же ламы стоят впереди святого с кадилами в руках и читают молитвы.

Употребительнейшая молитва, которая не сходит с языка каждого ламы, а часто и простого монгола, состоит всего из четырех слов: «Ом мани падме хум». Мы напрасно старались добиться перевода этого изречения. По уверению лам, в нем заключается вся буддийская мудрость.

Кроме обыкновенных кумирен, в местностях, от них удаленных, в Монголии устраиваются дугуны, то есть молельни внутри юрт. Наконец везде на перевалах и на вершинах высоких гор складываются из камней в честь духа горы иногда большие кучи, называемые «обо». К таким обо монголы питают суеверное уважение; проходя мимо,

всегда бросают в общую кучу в виде жертвоприношения камень, какую-нибудь тряпку или клочок шерсти с верблюда. При более важных из этих обо летом ламами совершаются богослужения, и народ собирается на празднества.

Сословие духовных, или так называемых лам, в Монголии весьма многочисленно. К нему принадлежит по крайней мере одна треть, если не более, всего мужского населения, избавлен-

ного по этому случаю от всяких податей и повинностей. Сделаться ламою очень нетрудно. Родители, по собственному желанию, еще в детстве назначают своего сына на подобное поприще, бреют ему всю голову и одевают в красную или желтую одежду. Это составляет внешний знак будущего назначения ребенка, которого затем отдают в кумирню, где он учится грамоте и буддийской мудрости у старых лам. В некоторых первоклассных кумирнях, как, например, в Урге и Гумбуме, устроены для этой цели особые школы с подразделением их на факультеты. По окончании курса в такой школе лама поступает в штат какой-либо кумирни или занимается лечением как доктор.

Ламское сословие составляет самую страшную язву Монголии, так как занимает лучшую часть мужского населения, живет паразитом на счет остальных собратьев, своим безграничным на них влиянием тормозит народу всякую возможность выйти из того глубокого невежества, в которое он погружен.

* * *

Пекин, или, как его называют китайцы, «Бей-цзин»¹, был исходным пунктом нашего путешествия. Здесь мы нашли самое радушное гостеприимство со стороны наших соотечественников, членов дипломатической и духовной миссий, и прожили почти два месяца, снаряжаясь в предстоящую экспеди-

¹ Слово «Бей-цзин» по-китайски означает «Северная столица». По южнокитайскому произношению оно выговаривается «Бэ-гин»; отсюда, вероятно, европейцы и переделали «Пекин». (Примеч. автора.)

цию. Знакомство мое с Пекином очень невелико. Обширность города, чуждый европейцу и оригинальный быт китайцев, наконец, незнание их языка — все это было причиной того, что я не мог познакомиться в подробности со всеми достопримечательностями столицы Небесной империи.

Не легко было нам снаряжаться в предстоящий путь. Воспользоваться чьим-либо советом в данном случае мы не могли, так как никто из наличных европейцев, пребывавших в то время в Пекине, не переступал за Великую стену в западном направлении. Мы же стремились попасть на северный изгиб Желтой реки, в Ордос и далее, к озеру Куку-нор — словом, в страны, почти совершенно неведомые для европейцев. При таких обстоятельствах пришлось угадывать чутьем всю необходимую обстановку экспедиции и самый способ путешествия.

Зимний переезд от Кяхты до Пекина, равно как дальнейшее пребывание в этом городе убедили меня, что путешествие в застенных владениях Китая может быть успешным только при полной независимости путешественника, его спутников и вьючных животных от местного населения, враждебно смотрящего на всякие попытки европейцев проникнуть во внутренние области Небесной империи.

На первый раз мы приобрели семь вьючных верблюдов и две верховые лошади. Далее следовало снарядить багаж и запасти всем необходимым хотя на один год, так как мы не надеялись попасть прямо на Куку-нор, но рассчитывали в течение первого года исследовать местности по среднему течению Желтой реки и затем возвратиться в Пекин. Заготовленный багаж состоял главным образом из оружия и охотничьих снарядов. Те и другие весили очень много, но это была статья первостепенной важности, так как, независимо от стрельбы птиц и зверей для препарирования из них чучел, охота должна была служить — и действительно служила — единственным источником нашего пропитания в местностях, опустошенных дунганями, или в тех, где китайское население не хотело продавать нам съестных припасов, думая выпроводить от себя непрощенных гостей голодом. Кроме того, оружие служило нам личной защитой от разбойников, которых, впрочем, мы ни разу не видали в течение всего первого путешествия. Весьма вероятно, это и случи-

лось именно потому, что мы были хорошо вооружены. Поговорка «если желаешь жить в мире, то будь готов к войне» и здесь нашла свое правдивое применение.

Благодаря содействию нашего посланника мы получили от китайского правительства паспорт на путешествие по всей Юго-Восточной Монголии до Гань-су и, окончив свои сборы, выступили 25 февраля из Пекина. Горячими пожеланиями счастья и успеха напутствовали нас пекинские соотечественники, среди которых нам так уютно жилось почти два месяца. Теперь обстановка круто переменялась: неотразимое настоящее сурово звало нас к себе и рисовало впереди то радостную надежду успеха, то робкое сомнение в возможности достигнуть желанной цели...

Кроме казака, привезенного из Кяхты, с нами теперь был командирован еще казак из числа состоящих при нашем пекинском посольстве. Как тот, так и другой могли оставаться при нас только временно и должны были заместиться двумя новыми казаками, назначенными в нашу экспедицию, но еще не прибывшими из Кяхты. При таких обстоятельствах мы не могли сразу пуститься в глубь Монголии, но предприняли сначала исследование тех местностей этой страны, которые лежат на север от Пекина, к городу Долон-нор. Здесь мне хотелось: во-первых, познакомиться с характером горной окраины, окаймляющей, как и у Калгана, Монгольское плато; во-вторых, наблюдать весенний пролет птиц. Для последней цели удобным пунктом могло служить озеро Далай-нор, лежащее на Монгольском нагорье в 150 верстах к северу от города Долон-нор.

Несмотря на конец февраля, в Пекинской равнине уже стояла превосходная весенняя погода. Днем бывало даже жарко, и термометр в полдень в тени поднимался до $+14^{\circ}\text{C}$. Река Бай-хэ очистилась ото льда и по ней плавали пролетные стада уток и крохалей. Эти птицы вместе с другими водными и голенастыми в конце февраля и в начале марта появляются большими стадами не только возле Пекина, но даже и возле Калгана, где климат заметно суровее. Не решаясь пуститься на север, до которого в это время еще не коснулось благодатное дыхание весны, пролетные гости держатся по заливным полям, орошаемым тогда китайскими земледельцами. В хоро-

шее, ясное утро нетерпеливые стада пробуют летать на нагорье, но, застигнутые холодом и непогодой, снова возвращаются в теплые равнины, где с каждым днем умножается число пернатых переселенцев. Наконец желанный час наступает. Согрелись немного пустыни Монголии, начали таять льды Сибири — и стадо за стадом спешит бросить тесную чужбину и понестись на родной, далекий север...

Крутые горные скаты везде покрыты густой травой, а далее, внутрь окраины, — кустарниками и лесами. Последние состоят из дуба, черной или, реже, белой березы, осины, сосны и изредка ели; по долинам растут ильмы и тополи. Среди кустарных пород чаще всего встречаются дуб с неоппадающими листьями, рододендрон, дикий персик, шиповник, изредка леспедеца и грецкий орех. Леса растут только по северную сторону реки Луан-хэ и тянутся отсюда на восток к городу Жэ-хэ, летней резиденции богдохана. Все эти леса составляют заповедные облавные места, в которых охотились прежние китайские императоры, но эти охоты прекратились с тех пор, как в 1820 году богдохан Кя-кин был убит во время облавы. В настоящее время заповедные леса сильно истребляются, несмотря на охранительную стражу. По крайней мере, в том месте, где мы проходили, лишь изредка можно было увидеть большое дерево, а множество пней свидетельствовало о недавних и сильных порубках.

Из зверей мы видели только косуль, хотя, по словам местных жителей, здесь водятся олени, изюбри и тигры. Из птиц везде множество фазанов, куропаток и каменных голубей; реже встречаются дятлы, стрнатки. Вообще в орнитологической фауне мы нашли не особенное разнообразие, но это, быть может, потому, что многие виды еще не прилетели в то время.

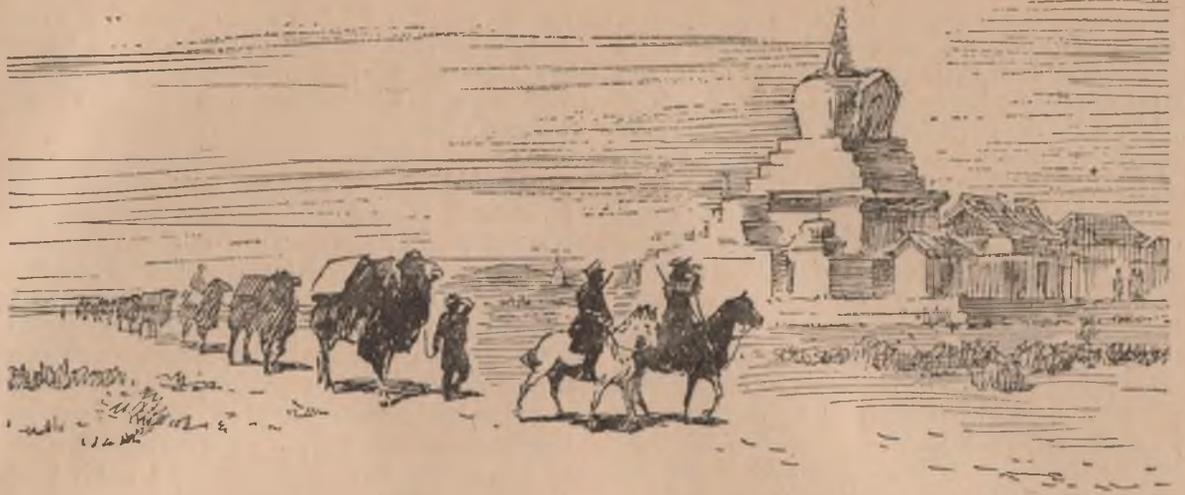
По мере удаления от равнин Китая климат делался заметно холоднее, так что на восходе солнца термометр падал иногда до -14° С. Однако днем, в тихую погоду, было довольно тепло, и снегу уже нигде не было, за исключением лишь северных склонов более высоких горных вершин.

17 марта мы пришли в город Долон-нор, который, по сделанному мной наблюдению

высоты Полярной звезды, лежит под $42^{\circ} 16'$ северной широты. Сопровожаемые толпой любопытных зевак, мы долго ходили по улицам города, отыскивая гостиницу, в которой можно было бы остановиться, однако нас нигде не пустили, отговариваясь тем, что нет свободного места. Истомленные большим переходом и промерзшие до костей, мы решились наконец воспользоваться советом одного монгола и отправились просить пристанища в монгольской кумирне. Здесь нас приняли радушно и отвели нам фанзу, в которой мы могли наконец согреться и отдохнуть.

Верстах в сорока от Долон-нора мы вступили в пределы аймака Кэшиктэн. Начиная отсюда, вплоть до озера Далай-нор, тянутся песчаные холмы, известные у монголов под именем Гучин-гурбу, то есть «тридцать три». Такое название имеет, вероятно, целью охарактеризовать бесчисленное множество холмов, которые достигают вышины футов тридцати, пятидесяти, иногда даже ста, и без всякого порядка насажены один возле другого. Описываемые холмы большей частью состоят из песка, местами совершенно оголенного, чаще же покрытого травой или тальником; изредка попадаются здесь дуб, липа, черная и белая береза. В зарослях этих деревьев водится множество лисиц и куропаток; в меньшем числе встречаются косули и волки. Местами выдаются небольшие долины, удобные для обработки, но по причине безводия этой местности монгольские кочевки попадают очень редко, хотя кое-где есть даже китайские деревни. Множество дорог, проложенных китайцами, проезжающими сюда из Долон-нора за дровами, пересекаются во всевозможных направлениях, так что без проводника очень легко сбиться с истинного пути. Это удовольствие испытали и мы в первый же день своего путешествия в холмах Гучин-гурбу. Ориентироваться здесь невозможно, так как вовсе нет резких контуров местности: взберешься на один холм, перед глазами торчат новые десятки таких же горок, сделанных как будто по одной мерке. По словам монголов, пески Гучин-гурбу начинаются у верховьев реки Шара-мурени и тянутся верст на восемьдесят западнее озера Далай-нор.

Лишь только 25 марта мы пришли на берега этого озера, как в ту же ночь перед

нами явилось великолепное зрелище травяного пожара. Хотя в горах окраины мы часто встречали подобные пожары, производимые местными жителями для очистки сухой прошлогодней травы, но та картина, которую мы видели на Далай-норе, далеко превосходила все прежние своей грандиозностью.

Еще с вечера замелькал огонек на горизонте, и спустя часа два — три он разросся громадной огненной линией, быстро подвигавшейся по широкой степной равнине. Небольшая гора, пришедшаяся как раз в середине пожара, вся залилась огнем, словно громадное освещенное здание, выдвигающееся из общей иллюминации. Затем представьте себе небо, окутанное облаками, но освещенное багровым заревом, бросающим вдоль свой красноватый полусвет. Столбы дыма, извиваясь прихотливыми зигзагами и также освещенные пожаром, высоко поднимаются кверху и теряются там в неясных очертаниях. Широкое пространство впереди горящей полосы освещено довольно полно, а далее ночной мрак кажется еще гуще и непроницаемее. На озере слышатся громкие крики птиц, встревоженных пожаром, но на горящей равнине все тихо и спокойно.

Озеро Далай-нор лежит на северной окраине холмов Гучин-гурбу и по своей величине занимает первое место среди других озер Юго-Восточной Монголии. Формой оно приближается к сплюснутому эллипсу, вытянутому большей осью от юго-запада к

северо-востоку. Западный берег имеет несколько выдающихся заливов; очертание же других берегов почти совершенно ровное. Вода описываемого озера соленая, и, по словам местных жителей, оно очень глубоко, но этому едва ли можно верить, так как на расстоянии сотни и более шагов от берега глубина не превосходит 2—3 футов.

Расположенное среди безводных степей Монголии, озеро Далай-нор служит великой станцией для пролетных птиц — водяных и голенастых. Действительно, в конце марта мы нашли здесь множество уток, гусей и лебедей. Крохали, чайки и бакланы встречались в меньшем числе, равно как журавли, цапли, колпицы и шилоклювки. Два последних вида вместе с другими голенастыми стали появляться лишь с начала апреля; хищных птиц было вообще мало, равно как и мелких пташек.

Сильные и холодные ветры, постоянно господствующие на Далай-норе, много мешали нашим охотничьим экскурсиям; однако, несмотря на это, мы столько били уток и гусей, что исключительно продовольствовались этими птицами. Иногда даже запас переполнялся через край, и мы стреляли уже из одной охотничьей жадности; лебеди давались не так легко, и мы били их почти исключительно пулями из штуцеров.

После 13-дневного пребывания на берегах Далай-нора мы направились прежним путем в город Долон-нор, чтобы следовать отсюда в Калган. Холмы Гучин-гурбу, через которые нужно было вновь переходить,

смотрели так же уныло, как и прежде, но их тишина теперь изредка нарушалась великолепным пением каменки-плясуньи. Эта птица, свойственная всей Средней Азии, не только исполняет строфы своей собственной песни, но много заимствует от других птиц и очень мило их передразнивает.

Производство глазомерной съемки вследствие однообразия местности было крайне затруднительно; впрочем, эта работа представляла немало трудностей и в течение всей экспедиции.

При исполнении съемки во время путешествия необходимо было всегда соблюдать, во-первых, точность самой работы, а во-вторых, держать это в секрете от местного населения. Оба условия были одинаково важны. Знай местный люд, в особенности китайцы, что я снимаю на карту их страну, затруднения нашего путешествия увеличились бы вдвое и едва ли бы мы могли свободно пройти по густонаселенным местностям. К великому счастью, в течение всех трех лет экспедиции я ни разу не был пойман с поличным, то есть с картой, и никто не знал, что я снимаю свой путь.

Миновав город Долон-нор, куда я заехал с одним из казаков, чтобы сделать необходимые покупки, мы пошли далее по дороге, ведущей в Калган.

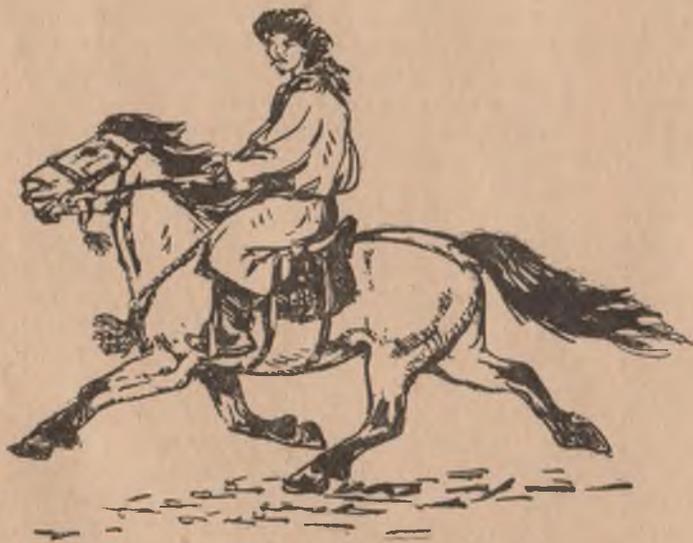
Обширные и привольные степи, по которым мы проходили от Долон-нора, служат пастбищами для табунов богдохана. Каждый такой табун, называемый у монголов

даргу, состоит из 500 лошадей и находится в заведовании особого чиновника; всеми же ими заведует один главный начальник. Из этих стад выбираются лошади для войска во время войны.

Здесь кстати сказать несколько слов о монгольских лошадях. Характерные их признаки составляют: средний или даже малый рост, толстые ноги и шея, большая голова и густая, довольно длинная шерсть, а из особых качеств — необыкновенная выносливость. На самых сильных холодах монгольские лошади остаются на подножном корму и довольствуются скудной травой; за неимением же ее едят, подобно верблюдам, бударгану и кустарники; снег зимой обыкновенно заменяет им воду. Словом, наша лошадь не прожила бы и месяца при тех условиях, при которых монгольская может существовать без горя.

Почти без всякого присмотра бродят огромные табуны лошадей на привольных пастбищах северной Халхи и земли сахаров. Эти табуны обыкновенно разбиваются на косяки, в которых бывает 10—30 кобыл под охраной жеребца. Последний ревниво блюдет своих наложниц и ни в каком случае не позволяет им отлучаться от стада; между предводителями косяков часто происходят драки, в особенности весной. Монголы, как известно, страстные любители лошадей и отличные их знатоки; по одному взгляду на лошадь номад верно оценит ее качества. Конские скачки также весьма любимы монголами и обыкновенно устраиваются летом при больших кумирнях. Самые знаменитые скачки бывают в Урге, куда соревнователи приходят за многие сотни верст. От кутухты назначаются призы, и выигравший первую награду получает значительное количество скота, одежды и денег.

Приведу рассказ о самом характерном и замечательном животном Монголии — верблюде. Он вечный спутник номада, часто главный источник его благосостояния и незаменимое животное в путешествии по пустыне. В течение целых трех лет экспедиции мы не разлучались с верблюдами, видели их во всевозможной обста-

новке, а потому имели много случаев изучать это животное.

Монголии свойственен исключительно двугорбый верблюд; одnogорбый его собрат, обыкновенный в туркестанских степях, здесь вовсе неизвестен. Монголы называют свое любимое животное общим именем «тымэ», затем самец называется «бурун», мерин — «атан», а самка — «инга». Наружные признаки хорошего верблюда составляют: плотное сложение, широкие лапы, широкий, не срезанный косо, зад и высокие, прямо стоячие горбы с большим промежутком между собой. Первые три качества рекомендуют силу животного; последнее, то есть прямо стоячие большие горбы, свидетельствует еще, что верблюд жирен и, следовательно, долго может выносить все невзгоды караванного путешествия в пустыне. Большой рост далеко не гарантирует хороших достоинств описываемого животного, и средней величины верблюд с вышеприведенными признаками гораздо лучше высокого, но узколапого и жидкого по сложению. Впрочем, при одинаковости возраста и других физических условий более крупное животное, конечно, предпочитается малорослому.

Во всей Монголии наилучшие верблюды разводятся в Халхе; здесь они велики ростом, сильны, выносливы. В Ала-шане и на Куку-норе верблюды гораздо меньше ростом и менее сильны; сверх того, на Куку-норе они имеют более короткую, тупую морду, а в Ала-шане — более темную шерсть. Эти признаки, сколько мы заметили, сохраняются постоянно, и весьма вероятно, что верблюды Южной Монголии составляют особую породу, отличную от северной.

Степь или пустыня с своим безграничным простором составляет коренное местожительство верблюда; здесь он чувствует себя вполне счастливым, подобно своему хозяину — монголу. Тот и другой бегут от оседлой жизни, как от величайшего врага, и верблюд до того любит широкую свободу, что, поставленный в загон хотя бы на самую лучшую пищу, он быстро худеет и наконец издыхает. Исключение составляют разве те верблюды, которых содержат иногда китайцы для перевозки каменного угля, хлеба и других тяжестей. Зато все эти верблюды представляются какими-то жалкими заморышами сравнительно со своими степными собратьями. Впрочем, и китайские вер-

люды не выносят круглый год неволи, а на лето всегда отсылаются для поправки в ближайшие местности Монголии.

Вообще верблюд — весьма своеобразное животное. Относительно неразборчивости пищи и умеренности он может служить образцом, но это верно только для пустыни. Приведите верблюда на хорошие пастбища, какие мы привыкли видеть в своих странах, и он, вместо того чтобы отведаться и жиреть, станет худеть с каждым днем. Это мы испытали, когда пришли с своими верблюдами на превосходные альпийские луга гор Гань-су; то же самое говорили нам кяхтинские купцы, пробовавшие завести собственных верблюдов для перевозки чая. В том и другом случае верблюды портились, будучи лишены пищи, которую они имели в пустыне. Здесь любимыми кушаньями описываемого животного служат: лук и бударгана, далее следует дырисун, низкая полынь или саксаул в Ала-шане и хармык, в особенности, когда поспеют его сладко-соленые ягоды. Вообще соль безусловно необходима для верблюдов, и они с величайшим удовольствием едят белый соляной налет, или так называемый гуджир, обильно покрывающий все солончаки и часто выступающий из почвы, даже на травяных степях Монголии. При отсутствии гуджира верблюды едят, хотя с меньшей для себя пользой, чистую соль, которую им необходимо давать раза два или три в месяц. В случае если описываемые животные долго не имели соли, то они начинают худеть, хотя бы пища была в изобилии. Тогда верблюды часто берут в рот и жуют белые камни, принимая их за куски соли. Последняя, в особенности, если верблюды долго ее не ели, действует на них как слабительное. Отсутствием гуджира и солонцеватых растений, вероятно, можно объяснить то обстоятельство, что верблюды не могут жить на хороших пастбищах горных стран. Кроме того, для них здесь нет широкого простора пустыни, по которой наше животное бродит на свободе целое лето.

Продолжая о пище верблюдов, следует сказать, что многие из них едят решительно все: старые побелевшие кости, собственные седла, набитые соломой, ремни, кожу и тому подобное. У наших казаков верблюды съели рукавицы и кожаное седло, а монголы однажды уверяли нас, что их караванные верблюды, долго голодавшие, съели тихомолком старую палатку своих хозяев. Неко-

торые верблюды едят даже мясо и рыбу; мы сами имели несколько таких экземпляров, которые воровали у нас повешенную для просушки говядину. Один из этих обжор подбирает даже ободранных для чучел птиц, воровал сушеную рыбу, доедал остатки собачьего супа; впрочем, подобный гастроном составлял редкое исключение из своих собратьев.

На пастбище верблюды наедаются вообщем скоро, часа в два — три, а затем ложатся отдыхать или бродят по степи. Без пищи монгольский верблюд может пробыть дней восемь или десять, а без питья осенью и весной дней семь; летом же, в жары, мне кажется, верблюд не выдержит без воды более трех или четырех суток. Впрочем, способность быть больше или меньше без пищи и питья зависит от личных качеств животного: чем моложе оно и жирнее, тем, конечно, выносливее. Нам лично в течение всей экспедиции только однажды, именно в ноябре 1870 года, не пришлось поить своих верблюдов шесть суток сряду, и они все шли бодро. Во время же летних переходов нам никогда не приходилось оставлять верблюдов без воды долее двух суток. Собственно их следует тогда поить каждый день, а осенью и весной можно давать воду через день или два без всякой порчи животного. Зимой верблюды довольствуются снегом, и их никогда не поят.

Нравственные качества верблюда стоят на весьма низкой ступени: это животное глупое и в высшей степени трусливое. Иногда достаточно выскочить из-под ног зайцу, и целый караван бросается в сторону, словно бог знает от какой опасности. Большой черный камень или куча костей часто также вызывает не малое смущение описываемых животных. Свалившееся седло или вьюк до того пугают верблюда, что он как сумасшедший бежит куда глаза глядят, а за ним часто следуют и остальные товарищи. При нападении волка верблюд не думает о защите, хотя одним ударом лапы мог бы убить своего врага; он только плюет на него и кричит во все горло. Даже вороны и сороки обижают глупое животное. Они садятся ему на спину и расклеивают ссадины от седла и иногда прямо клюют горбы; верблюд и в этом случае только кричит да плюет. Плевание всегда производится пережеванной пищей и составляет признак раздраженного состояния животного. Кроме того, рассер-

женный верблюд бьет лапой в землю и загибает крючком свой безобразный хвост. Впрочем, злость не в характере этого животного, вероятно, потому, что оно ко всему на свете относится апатично.

Под вьюком верблюд может ходить до глубокой старости, то есть лет до 25, а иногда и более; лучшим временем считается период от 5 до 15 лет. Живет верблюд более 30 лет, а при хороших условиях даже до 40.

Осенью, перед отправлением в караван, монголы предварительно выдерживают без пищи своих откормившихся летом верблюдов в течение десяти и более дней. Все это время верблюды стоят возле юрты привязанными за бурундуки к длинной веревке, протянутой по земле и прикрепленной к кольям, вбитым в почву. Пищи им не дают вовсе и только через два дня на третий водят на водопой. Подобное постничество перед работой необходимо для верблюда, у которого через это, по словам монголов, опадает брюхо и делается прочнее запасенный летом жир.

На летнем корме и на свободе верблюд снова жиреет к осени и обрастает шерстью. Собственно линяние начинается в марте, и к концу июня шерсть вся вылезает, так что верблюды становятся совершенно голыми. В это время они очень чувствительны к дождю, и даже небольшой вьюк скоро сбивает спину — словом, это период болезни верблюда. Затем его тело начинает покрываться мелкой, как бы мышинной, шерстью, которая окончательно вырастает лишь к концу сентября. Тогда самцы, в особенности буруны, довольно красивы со своими длинными гривами под низом шеи и на голених передних ног.

Во время пути с караваном зимой верблюдов никогда не расседлывают и по приходе на место тотчас же пускают на покормку; летом же в жары их необходимо расседлывать каждый день, иначе вспотевшая спина скоро сбивается. Такое расседлывание летом производится не тотчас, лишь снимутся вьюки, но спустя час или два, пока верблюды немного остынут. Тогда их можно уже пускать и на покормку или поить; но в сильный жар необходимо покрывать спину войлоком, иначе солнце так нажжет это место, что оно скоро собьется под вьюком. Словом, летом с верблюдами в караване множество возни и все-таки невозможно избежать, чтобы большая часть их не испортилась.

Монголы, полные знатоки своего дела, ни за какие блага не ходят летом в караване на верблюдах; мы же, преследовали другие цели, а потому портили много своих животных.

Верблюд чрезвычайно любит общество себе подобных и в караване идет до последних сил. Если он остановился от истомления и лег, то никакие побои не заставят подняться бедное животное, которое мы обыкновенно бросали на произвол судьбы. Монголы в подобных случаях едут в ближайшую юрту и поручают тамошним хозяевам своего уставшего верблюда, который через несколько месяцев обыкновенно выхаживается, если только имеет пищу и питье.

Летом верблюды целый день бродят по степи без всякого присмотра и только раз в сутки приходят к колодцу своего хозяина для водопоя. Во время же пути с караваном их укладывают на ночь возле палатки, рядом один возле другого, и привязывают бурндуками¹ ко вьюкам или к протянутой веревке. В сильные холода зимой погонщики-монголы часто сами ложатся между верблюдами, чтобы потеплее провести ночь. Во время пути в караване верблюды привязываются один к другому за бурндуки, которые не должны прикрепляться наглухо, иначе животное порвет себе нос, в случае если сильно рванется или попытается назад.

Кроме переноски вьюков, верблюд годится для верховой езды и даже может быть запряжен в телегу. Под верх верблюда садят тем же седлом, что и лошадь, затем садится всадник и заставляет животное встать. Для слезания обыкновенно кладут верблюда, хотя при поспешности можно и прямо спрыгнуть со стремени. Под верхом верблюд идет шагом или бежит рысью; галопом или вскачь он не пускается. Зато рысь у животного такова, что его догонит разве только отличный скаковой конь. В сутки на верховом верблюде можно сделать верст сто и ехать таким образом на одном и том же животном целую неделю.

Кроме пользы как от вьючного и от верхового животного, монголы получают от верблюда шерсть и молоко. Последнее густо, как сливки, но сладко, но неприятно на вкус; масло, приготовляемое из этого молока, также далеко хуже коровьего и много походит на перетопленное сало. Из верблюжьей шерсти монголы вьют веревки, но

¹ Бурндуком называется тонкая веревочка, заменяющая для верблюда повод. (Примеч. редактора.)

большой частью продают ее китайцам; для сбора шерсти животное стригут в то время, когда оно начинает линять, то есть в марте.

Несмотря на свое железное здоровье, верблюд, привыкший жить постоянно в сухом воздухе пустыни, чрезвычайно боится сырости. Когда наши верблюды пролежали несколько ночей на сырой почве гор Гань-су, то все они простудились и начали кашлять, а на теле у них стали появляться какие-то гнойные нарывы. И если бы мы через несколько месяцев не ушли на Куку-нор, то все наши животные непременно бы передохли, как то действительно случилось с верблюдами одного ламы, пришедшего в Гань-су вместе с нами.

Во время караванных хождений, в особенности по тем местам Гоби, где много мелкой гальки, верблюды часто протирают себе подошвы ног, начинают хромать и затем вовсе не могут идти. Тогда монголы связывают ноги хромому верблюду, ваяют его на землю и подшивают к протертой подошве кусок толстой шкуры. Операция эта весьма мучительна, так как для подшивки служит широкое шило, которым протыкаются дырки прямо в подошве животного; зато после починки лапы верблюд скоро перестает хромать и по-прежнему несет вьюк.

...24 апреля утром мы вновь стояли в той точке окраинного монгольского хребта, откуда начинается спуск к Калгану. Опять под нашими ногами раскинулась величественная панорама гор, за которыми виднелись зеленые, как изумруд, равнины Китая. Там царил уже полная весна, между тем как сзади, на нагорье, природа только что начинала просыпаться от зимнего оцепенения. По мере спуска по ущелью сильно ощущалось близкое влияние теплых равнин; в самом же Калгане мы нашли деревья, уже покрытые листьями, а в окрестных горах собрали до 30 видов цветущих растений.

Двухмесячное хождение в юго-восточном углу Монголии дало нам возможность ознакомиться с характером предстоящего путешествия и оценить до некоторой степени ту обстановку, которая нас ожидает в дальнейшем странствовании.

В Калгане караван наш переформировался. Сюда прибыли теперь из Кяхты два новых казака, назначенных в нашу экспе-

дицию, а бывшие мои спутники должны были возвратиться домой.

Когда все сборы были окончены, мы с товарищем написали в последний раз несколько писем на родину и 3 мая вновь поднялись на Монгольское нагорье.

В горах Сума-хада мы в первый раз

встретили самое замечательное животное высоких нагорий Средней Азии, именно горного барана, или аргали. Этот зверь, достигающий величины лани, держится в описываемых горах там, где в изобилии находятся скалы; впрочем, весной, когда молодая зелень лучше на луговых скатах гор, аргали

иногда встречаются здесь вместе с дзеренами.

Аргали держатся постоянно раз избранного места, и часто одна какая-нибудь гора служит жилищем для целого стада в течение многих лет. Конечно, это возможно только в том случае, если зверь не пресле-

дуется человеком, что действительно происходит в горах Сума-хада. Живущие здесь монголы и китайцы почти вовсе не имеют оружия и притом такие плохие охотники, что не могут убить аргали, конечно, не из сострадания к этому животному, а просто по неумению. Звери, со своей стороны, до

того привыкли к людям, что часто пасутся вместе с монгольским скотом и приходят на водопой к самым монгольским юртам. С первого раза мы не хотели верить своим глазам, когда увидели, не далее полуверсты от нашей палатки, стадо красивых животных, которые спокойно паслись по зеленому скату горы. Ясно было, что аргали еще не знают в человеке своего заклятого врага и не знакомы со страшным оружием европейца.

Проклятая буря, свирепствовавшая тогда целые сутки, не давала нам возможности тотчас же отправиться на охоту за такими чудными зверями, и с лихорадочным нетерпением мы с товарищем ожидали, пока уймется ветер. Однако на первой охоте мы не убили ничего именно потому, что еще не были знакомы с характером аргали, и притом до того горячились, видя красивого зверя, что сделали несколько промахов на близком расстоянии. Следующая охота поправила эту неудачу, мы убили двух старых самок.

Аргали превосходно видит, слышит и чувствует по ветру. Если бы это животное не было так доверчиво к человеку в горах Сума-хада, то охота за ним представляла бы великие трудности. Здесь же аргали до того привыкли к людям, что спокойно смотрят на охотника, когда тот находится в расстоянии 500 шагов.

Самое лучшее время для охоты — утро и вечер. С рассветом аргали выходят пастись на горные лужайки, всего чаще на вершинах гор, а в сильно ветреную погоду — между скалами. Обыкновенно они ходят небольшими обществами в 5—15 экземпляров и очень редко в одиночку. Во время покормки то один, то другой зверь поднимается на ближайшую скалу осмотреть окрестности; постояв там несколько минут, а иногда полчаса, сторож сходит к своим и принимается за еду. Впрочем, в Сума-хада аргали до того уверены в своей безопасности, что часто не высылают сторожей и пасутся в ложбинах между скалами, где подкрасться к ним на близкое расстояние очень легко. После утренней покормки описываемые звери ложатся отдыхать, всего чаще в скалах, и проводят здесь время до вечера.

Выстрел поражает стадо ужасом; оно со всех ног бросается в противоположную сторону, но, отбежав немного, останавливается рассмотреть — в чем опасность. Иногда аргали продолжают стоять так долго, что

спрятавшемуся охотнику можно успеть вновь зарядить даже и не огнестрельное ружье. Монголы говорили нам, что если повесить какой-нибудь предмет (например, одежду), который обратит на себя внимание аргали, то звери долго будут стоять на одном месте, рассматривая диковинку, а охотник тем временем может подкрасться к ним с удобной стороны. Сам я только однажды испытал подобный способ, повесив на воткнутый в землю шомпол свою красную рубашку и привлекая этим на четверть часа внимание убежавшего стада.

Убить наповал аргали чрезвычайно трудно, так как он удивительно крепок на рану. Случалось, что, пробитый пулей насквозь в грудь, с разорванными внутренностями, зверь еще пробегал несколько сот шагов и только там падал мертвым. Если один из стада убит и упал, то остальные его товарищи обыкновенно останавливаются, отбежав немного, и смотрят на своего собрата; в это время они делаются еще смелее относительно охотника. Голоса аргали я никогда не слышал.

Вообще аргали очень добрый зверь. Кроме человека, он подвергается преследованию со стороны волков, которые иногда ловят неопытных молодых. Впрочем, это едва ли удается часто, так как аргали даже на ровном месте бегают очень быстро, а в скалах в несколько прыжков далеко оставляют за собой своего преследователя.

Рассказы о том, что самец в случае опасности бросается в глубокие пропасти на свои рога, чтобы не разбиться, — чистой выдумка. Я лично несколько раз видел, как самец прыгал с высоты от 3 до 5 сажень, но он всегда падал на ноги и даже старался скользнуть по скале, чтобы уменьшить силу удара.

Прошел май, лучший из весенних месяцев, но далеко не таковым был он в здешних местах. Постоянные ветры, преимущественно северо-западные и юго-западные, продолжали господствовать с такой же силой, как и в апреле; утренние морозы стояли до половины описываемого месяца, а 24 и 25-го числа были еще порядочные метели. Рядом с холодами выпадали, хотя и редко, сильные жары, дававшие чувствовать, что мы находились под 41° северной широты. Притом хотя погода по большей части стояла облачная, но дожди шли редко, а это обстоятельство вместе с перемежающимися

холодами сильно задерживало развитие растительности. Даже в конце мая трава только что поднималась от земли и, рассыпанная редкими кустиками, почти вовсе не прикрывала грязно-желтого фона песчано-глинистой почвы здешних степей. Правда, кустарники, изредка растущие по горам, большей частью были в цвету, но, низкие, корявые, усаженные колючками, притом же разбросанные небольшими кучами между камнями, они мало оживляли общую картину горного ландшафта.

Поля, обрабатываемые китайцами, также еще не зеленели, так как вследствие поздних морозов хлеба здесь сеют обыкновенно в конце мая или в начале июня. Словом, на всей здешней природе виднелась печать апатии и полного отсутствия энергичной жизни; все гармонировало между собой, хотя и в отрицательную сторону. Даже певчих птиц было очень немного, да и тем некогда петь при постоянных бурях.

Идешь, бывало, по долинам или горам — и только изредка запоет чеккан, стренатка или жаворонок, закаркает ворон, отрывисто свистнет пищуха и громко закричит клушица; затем все тихо, уныло, безжизненно...

Направляясь к Желтой реке и не имея проводника, мы шли по распросам. Мы блудили почти на каждом переходе и иногда делали понапрасну десяток или более верст.

Как назло, приходилось часто идти по местности с густым китайским населением, где всякие затруднения еще более увеличивались. Обыкновенно при нашем проходе через деревню поднималась большая суматоха: все старые и малые выбегали на улицу, лезли на заборы или на крыши и смотрели на нас с тупым любопытством. Собаки лаяли целым кагалом и бросались драться к нашему Фаусту; испуганные лошади брыкались, коровы мычали, свиньи визжали, куры с криком уходили куда попало — словом, творился страшный шум и хаос. Пропустив верблюдов, один из нас оставался, чтобы расспросить дорогу. Тут подходили к нему китайцы, но вместо прямого ответа на вопрос они начинали осматривать и щупать седло или сапоги, удивляться оружию, расспрашивать, куда мы едем, откуда, зачем и т. д. Рассказ же о дороге отлагался в сторону, и только в лучших случаях китаец указывал рукой направление пути. При множестве пересекающих

ся дорог между деревнями такое указание, конечно, не могло служить достаточным руководством, так что мы шли наугад до другой деревни, где повторялась та же самая история.

Ордосом называется страна, лежащая в северном изгибе Хуан-хэ и ограниченная с трех сторон — с запада, севера и востока — названной рекой, а с юга прилегающая к провинциям Шэнь-си и Гань-су. Южная граница обозначается той же самой Великой стеной, с которой мы познакомились у Калгана. Как там, так и здесь эта стена отделяет культуру и оседлую жизнь собственно Китая от пустынь высокого нагорья, где возможно только кочевое, пастушеское состояние народа.

По своему физическому характеру Ордос представляет степную равнину, прорезанную иногда по окраинам невысокими горами. Почва везде песчаная или глинисто-соленая, неудобная для возделывания. Исключение составляет только долина Хуан-хэ, где является оседлое китайское население. Абсолютная высота описываемой страны, вероятно, заключается между 3000—3500 футов, так что Ордос составляет переходный уступ к Китаю со стороны Гоби; от последней он отделяется горами, стоящими по северную и восточную стороны Желтой реки.

Переpravившись в Ордос, мы решили двинуться далее не кратчайшим диагональным путем, но по самой долине Желтой реки. Путь этот представлял более интереса для изысканий зоологических и ботанических, нежели пустынная внутренность Ордоса; сверх того, нам хотелось разрешить вопрос о разветвлении Хуан-хэ на ее северном изгибе.

Мы прошли по берегу Желтой реки 434 версты — от переправы против города Бауту до города Дын-ху, и результатом произведенных изысканий явился тот факт, что разветвлений Хуан-хэ при северном ее изгибе не существует в том виде, как их обыкновенно изображают на картах, и река в этом месте переменяла свое течение.

Долина Хуан-хэ в описываемой части ее течения имеет ширину от 30 до 60 верст и наносную глинистую почву. На северной стороне реки эта долина весьма расширяется

западнее гор Муни-ула, тогда как на южном берегу в то же время она сильно суживается песками Кузупчи, близко подходящими к самой Хуан-хэ.

Пески Кузупчи здесь не прямо подходят к долине Хуан-хэ, но отделяются от нее песчано-глинистой окраиной, которая везде обрывается отвесной стеной футов в пятьдесят, иногда даже до ста, вышины и, по всему вероятно, некогда составляла берег самой реки.

Вышеупомянутая окраина покрыта большими (7—10 футов вышины) буграми, поросшими главным образом полевым чернобыльником (польнь полевая) и золотарником (карагана). Здесь же встречается в большом количестве одно из характерных растений Ордоса, именно лакричный корень, называемый монголами «чихирсбуя», а китайцами — «со» или «сого». Это растение принадлежит к семейству бобовых, имеет корень длиной в 4 фута или более при толщине до 2 дюймов у основания. Впрочем, таких размеров корень достигает в полном возрасте; у молодых же экземпляров он бывает не толще большого пальца руки, хотя также имеет в длину фута три и даже четыре. Для выкапывания описываемого корня употребляются железные лопаты с деревянными ручками. Работа эта весьма тяжела, так как корень почти вертикально углубляется в твердую глинистую почву, притом же он растет в местностях безводных, где приходится работать под жгучими лучами солнца.

Партии промышленников, всего чаще монголов и монголоков, нанятых китайцами, приходя на место сбора, устраивают центральное депо, куда ежедневно сносятся все добытые корни. Здесь их кладут в яму, чтобы предохранить от засыхания на солнце; затем у каждого отрезают тонкий конец и боковые отпрыски. Далее корни в виде палок связываются в пучки каждый весом в сто гиннов, грузятся на барки и отправляются вниз по Хуан-хэ. Китайцы уверяли нас, что лакричный корень идет в Южный Китай, где из него готовят особенное прохладительное питье.

Пески Кузупчи состоят из невысоких (40—50, редко 100 футов) холмов, насаженных один возле другого и образовавшихся из мелкого желтого песка. Верхний слой этого песка, будучи сдуваем ветром то на одну, то на другую сторону холмов, обра-

зует здесь рыхлые насыпи, вроде снежных сугробов.

Неприятное, подавляющее впечатление производят эти оголенные желтые холмы, когда заберешься в их середину, откуда не видно ничего, кроме неба и песка, где нет ни растения, ни животного, за исключением лишь желто-серых ящериц, которые, бродя по рыхлой почве, изукрашили ее различными узорами своих следов. Тяжело становится человеку в этом, в полном смысле, песчаном море, лишенном всякой жизни: не слышно здесь никаких звуков, ни даже трещания кузнечика — кругом тишина могильная... Недаром же местные монголы сложили несколько легенд про эти ужасные пески. Они говорят, что здесь было главное место подвигов двух героев — Гэсэр-хана и Чингис-хана, что, сражаясь с китайцами, эти богатыри убили множество людей, трупы которых по воле божьей засыпаны были песком, принесенным ветром из пустыни. До сих пор еще, говорили нам с суеверным страхом монголы, в песках Кузупчи даже днем можно слышать стоны, крики и тому подобные звуки, которые производят души покойников. До сих пор еще ветер, сдувающий песок, иногда оголяет различные драгоценные вещи, как, например, серебряные сосуды, которые стоят совершенно наружу, но взять их невозможно, так как подобно смельчака тотчас же постигнет смерть.

Другое предание гласит, что Чингисхан, теснимый своими врагами, поставил пески Кузупчи как ограду с одной стороны, а реку Хуан-хэ заворотил с прежнего ее направления к северу и таким образом оградил себя от нападения.

На реке Хурай-хунды мы пробыли три дня, посвятив все это время охоте за чернохвостыми антилопами, которые встретились нам здесь в первый раз.

Чернохвостая антилопа — джейран, или, как ее называют монголы, «хара-сульта», по своей величине и наружному виду очень много походит на дзерена, но отличается от него небольшим черным хвостом (7—8 дюймов длиной), который обыкновенно держит кверху и часто им помахивает. Эта антилопа обитает в Ордосе и в Гобийской пустыне, распространяясь к северу приблизительно до 45° северной широты; к югу хара-сульта идет через весь Ала-шань до Гань-су, а затем, минуя эту провинцию, равно как и бассейн озера Куку-нор, вновь

встречается в солоно-болотистых равнинах Цайдама.

Местом своего жительства описываемый зверь выбирает самые дикие, бесплодные части пустыни или небольшие оазисы в голых сыпучих песках. Совершенно противоположно дзерену хара-сульта избегает хороших пастбищ, но довольствуется самым скудным кормом, лишь бы только жить подалеже от человека. Для нас всегда было загадкой, что пьет в таких местах хара-сульта. Правда, судя по следам, она не отказывается приходить ночью к ключам и даже колодцам, но мы иногда встречали этого зверя в такой пустыне, где на сотню верст нет капли воды. Вероятно, описываемая антилопа может долго пробыть без питья, питаясь некоторыми сочными растениями из семейства солянковых.

Хара-сульта держатся обыкновенно в одиночку, парами или небольшими обществами — от 3 до 7 экземпляров; очень редко случается встретить, и то зимой, стадо в 15—20 голов, а большего числа вместе мы не видали ни разу. Притом стадо всегда живет своим обществом и никогда не смешивается с дзеренами, если даже бродит с ними, что случается редко, на одних и тех же пастбищах.

Вообще описываемый зверь гораздо осторожнее дзерена. Обладая превосходным зрением, слухом и обонянием, он легко избегает хитростей охотника. Притом же хара-сульта, подобно другим антилопам, очень крепка на рану, и это обстоятельство усиливает трудность охоты.

Вечером и ранним утром хара-сульта ходят на покормку, но днем обыкновенно лежат, для чего в местностях холмистых всегда выбирают подветренную сторону холмов. Лежачего зверя чрезвычайно трудно заметить, так как цвет его меха совершенно подходит под цвет песка или желтой глины. Несравненно удобнее высмотреть хара-сульту на пастбище или на вершине какого-нибудь холма, где этот зверь любит иногда стоять по целому часу. Тогда самый лучший случай охотнику, который непременно заранее должен увидеть антилопу, иначе подкрасться к ней будет невозможно.

Спугнутая хара-сульта пускается на уход скачками, но, отбежав несколько сот шагов, останавливается, поворачивается в сторону охотника, несколько минут наблюдает, в чем дело, и затем опять скачет

далее. Преследование по пятам ни к чему не ведет; можно наверное сказать, что зверь уйдет далеко и притом будет держать себя еще осторожнее прежнего.

Много потратили мы с товарищами времени и труда, чтобы убить первую хара-сульту. Целых два дня проходили мы даром, и только на третье утро мне удалось убить великолепного самца, подкравшись к нему довольно близко. По-настоящему, одиночную хара-сульту, равно как и дзерена, не следует стрелять на расстоянии более 200 шагов, — можно наверное сказать,

что из десяти выстрелов девять пропадут даром. Однако подобное правило весьма трудно исполнять на практике. В самом деле, мы ходили уже час или два, беспрепятственно взбираясь с одного песчаного холма на другой, ноги наши вязли по колено в сыпучий песок, пот льет с нас градом, и вдруг перед вами стоит желанный зверь на 200 шагов. Вы очень хорошо знаете, что ближе подойти невозможно, что при малейшей оплошности хара-сульта уйдет навсегда, что нужно дорожить каждым мгновением, наконец, в руках у вас штуцер, бьющий на отмеренное расстояние превосходно в самую малую мишень... Сообразив все это, скажите — как не соблазниться выстрелом? Поднимаете прицел, приложитесь, выцелите как можно лучше... грянул выстрел, и пуля взрывает песок, не долетая или перелетая через антилопу, которая мгновенно скрывается из глаз. Сконфуженный и огорченный такой неудачей, пойдешь, бывало, к тому месту, где стоял зверь, отмеришь расстояние и увидишь, что ошибся на 40 шагов или даже более. Ошибка грубая, но она неминуемо произойдет, когда нужно определить расстояние вдруг, часто лежа или едва высунув из-за бугра голову и не имея возможности видеть промежуточные предметы. Без сомнения, штуцер с большой настильностью полета пули в данном случае всего пригоднее, но такого ружья у нас не было в первый год экспедиции...

Минувя дабасуннорскую дорогу, мы направились по долине Хуан-хэ и через день пути встретили еще одну, разоренную дунганями, кумирню, по имени Шара-дзу. В этой кумирне, одной из обширнейших во всем Ордосе, некогда жило до 2000 лам и два или три гыгена, но теперь не было ни души человеческой. Только стада каменных голубей, клушиц и ласточек гнездились в опустошенных храмах и фанзах. Эти последние, то есть фанзы, расположены вокруг кумирни и большей частью сохранились в целости, но главный храм сожжен вместе со всеми пристройками, находившимися в общей ограде. Глиняные статуи богов разбиты или разрублены на куски и валяются на земле; некоторые из них еще сидят на своих местах, но изрублены саблями и исколоты пиками. Огромная статуя Будды, находившаяся в главном храме, стоит с пробитой грудью, в которой дунгане искали сокровищ, часто сохраняемых здесь

ламами. Листы священной книги Ганчжур везде разметаны по полу вместе с другими обломками, покрытыми толстым слоем пыли.

А между тем еще так недавно сюда стекались тысячи и тысячи народа, чтобы поклониться воображаемой святыне. Как и в других кумирнях, здесь все было рассчитано на то, чтобы завлечь и напугать детское воображение монголов. Многие боги изображены с самыми свирепыми и страшными лицами; они сидят то на львах, то на слонах, быках или лошадях, то дают чертей, змей и тому подобное. Стены кумирни, там, где они уцелели, разрисованы также картинами подобного рода.

«Как же вы веруете в глиняных богов?» — спросил я у монгола, вместе с которым ходил по развалинам кумирни. «Боги наши, — отвечал он, — только жили в этих идолах, а теперь они улетели на небо».

От кумирни Харганты далее вверх по южной стороне Хуан-хэ мы уже не встречали населения, и только раза два — три нам попадались небольшие стойбища монголов, занимавшихся добыванием лакричного корня. Причиной такого опустения было, как упомянуто выше, дунганское нашествие, которому Ордос подвергся за два года до нашего посещения. Впрочем, оседлое китайское население на южном берегу Хуан-хэ, западнее меридиана Муни-ула, и прежде было незначительно, так как долина Желтой реки здесь сильно суживается песками Кузупчи; притом почва делается солонцеватой и большей частью покрыта сплошными зарослями лозы или тамариска. В этих кустарниках мы нашли весьма замечательное явление — одичавший рогатый скот; о нем мы слышали еще ранее от монголов, которые объяснили нам и происхождение такого скота.

Прежде, до дунганского разорения, ордосские монголы имели большие стада, и иногда случалось, что быки или коровы отбивались от этих стад, бродили по степи и делались до того дикими, что изловить их было чрезвычайно трудно. Эти одичавшие животные держались там и сям по всему Ордосу. Когда же дунгане ворвались в эту сторону с юго-запада и начали все истреблять на своем пути, то многие жители, застигнутые врасплох, бросали имущество и убегали, думая только о собственном спасении. Оставленные ими стада паслись

без присмотра и вскоре так одичали, что инсургенты не могли их поймать и забрать с собой. Затем дунгане ушли из Ордоса, а одичавшие животные продолжают бродить на свободе и держатся главным образом в кустарниках долины Хуан-хэ, так как имеют здесь под боком воду и пастбища.

Одичавший рогатый скот встречается обыкновенно небольшими обществами, от 5 до 15 экземпляров; только старые быки ходят в одиночку. Замечательно, как быстро столь неуклюжие и отупевшие создания приобрели все привычки диких животных. Целый день коровы лежат в кустах, видимо скрываясь от людей, но с наступлением сумерек выходят на пастбища, где проводят ночь. Заметив человека или почуяв его по ветру, не только быки, но даже коровы тотчас же пускаются на уход и бегут далеко. Дикими свойствами и резвостью отличаются молодые экземпляры, родившиеся и выросшие уже на воле.

Охота за одичавшим скотом довольно затруднительна, и мы за все время пребывания своего в Ордосе убили только четырех быков. Монголы совсем не предпринимают подобных охот, так как боятся еще идти в Ордос, а с другой стороны, крепкое животное легко выносит удар фитильного гладкоствольного ружья, пуля которого обыкновенно состоит из кусочка чугуна или камешка, облитого свинцом. Устроив правильные облавы, в особенности зимой, в кустах, где держится одичавший скот, можно без труда перебить множество этих животных, число которых во всем Ордосе монголы полагают приблизительно до 2000 голов. Без сомнения, этот скот со временем будет истреблен или переловлен теми же самыми монголами, которые возвратятся в Ордос. Здесь нет ни обширности, ни приволья травяных равнин Южной Америки, где, как известно, расплодились громадные стада от немногих экземпляров, ушедших из испанских колоний.

По словам монголов, вскоре после разорения Ордоса в здешних степях водились также одичавшие овцы, но они теперь все истреблены волками; верблюды же еще бродят в небольшом числе, и нам удалось поймать одного, впрочем молодого.

В первый раз мы встретили одичавший скот в 30 верстах западнее кумирни Шарадзу. Так как мяса у нас в запасе не имелось, то мы решили воспользоваться столь удоб-

ным случаем, чтобы добыть себе продовольствие. Однако сначала охота наша была неудачна, именно потому, что мы слишком рассчитывали на тупоумие коров; наконец на третий день, рано утром, я подкрался очень близко к двум быкам, дравшимся между собой в кустах, и двойным выстрелом из охотничьего штуцера положил обоих бойцов на месте.

Такая удача была весьма радостным для нас событием, так как теперь мы могли засушить себе в дорогу несколько пудов мяса. Перетащив лучшие части убитых животных к своей палатке, мы принялись резать говядину тонкими пластинами для просушки ее на солнце. Такая приманка привлекла множество коршунов, так что пришлось с ружьем в руках караулить развешенное мясо; вместе с коршунами являлись орланы-долгохвосты и попадали за это в нашу коллекцию.

Пока сушилось мясо, мы занимались рыбной ловлей в пересошем рукаве Хуан-хэ, возле которого стояли. Здесь, в небольших и неглубоких ямах, где сохранилась вода, держалось множество рыбы, так что мы своим небольшим бреднем, длиной всего в 3 сажени, ловили в непродолжительное время по 2—3 пуда карпов и сомов; последний вид очень часто попадает в Хуан-хэ. Из пойманной рыбы мы выбирали для себя лучшую, а остальную отпускали обратно.

19 августа мы двинулись в путь. Пески Кузупчи по-прежнему протянулись слева, а справа наша дорога определялась течением Хуан-хэ. Местами густые кустарники весьма затрудняли следование, да, кроме того, множество комаров и мошек сильно надоедало как нам, так и нашим верблюдам. Последние в особенности не любят этих насекомых, которых нигде нет в пустынях Монгольского нагорья.

Летние жары, приутихшие было в половине августа, в последней трети этого месяца возобновились с прежней силой и опять страшно истомляли нас в пути. Хотя мы всегда вставали с рассветом, но укладку вещей и выючение верблюдов, вместе с питьем чая — без чего ни монгол, ни казаки ни за что на свете не шли в дорогу — отнимали часа два и более времени, так что мы трогались в путь, когда солнце уже порядочно поднималось на горизонте. На последнем зачастую не видно было ни одного

облачка, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка — и все это обыкновенно служило для нас нерадостным предзнаменованием жаркого дня.

Порядок наших вьючных хождений всегда был один и тот же. Мы с товарищем ехали впереди своего каравана, делали съемку, собирали растения или стреляли попадавшихся птиц; вьючные же верблюды, привязанные за бурундуки один к другому, управлялись казаками. Один из них ехал впереди и вел в поводу первого верблюда, а другой казак вместе с проводником-монголом, если таковой был у нас, замыкали шествие.

Так идешь, бывало, часа два, три по утренней прохладе; наконец солнце поднимается высоко и начинает жечь невыносимо. Раскаленная почва пустыни дышит жаром, как из печи. Становится очень тяжело: голова болит и кружится, пот ручьем льет с лица и со всего тела; чувствуешь полное расслабление и сильную усталость. Животные страдают не менее нас. Верблюды идут, разинув рты и облитые потом, словно водой; даже наш неутомимый Фауст бредет шагом, понурив голову и опустив хвост. Казаки, которые обыкновенно поют песни, теперь смолкли, и весь караван тащится молча, шаг за шагом, словно не решаясь передавать друг другу и без того тяжелые впечатления.

Если на счастье попадетса дорогой монгольская юрта или китайская фанза, то спешишь туда со всех ног, намочишь голову и фуражку, напьешься воды, а также напоишь лошадей и собаку; разгоряченным же верблюдам воды давать нельзя. Однако такая отрада продолжается недолго: через полчаса или менее все сухо по-прежнему, и опять жжет тебя палящий зной.

Наконец приближается полдень — надо подумать об остановке. «Далеко ли до воды?» — спрашиваешь у встречного монгола и с досадой услышишь, что нужно пройти еще 5—6 верст. Добравшись наконец до колодца и выбрав место для палатки, мы начинаем класть и развьючивать верблюдов. Привычные животные уже знают в чем дело и сами поскорее ложатся на землю. Затем ставится палатка и стаскиваются в нее необходимые вещи, которые раскладываются по бокам; в середине же расстилается войлок, служащий нам постелью. Далее собирается аргал и варится кирпичный чай,

который летом и зимой был нашим обычным питьем, в особенности там, где вода оказывалась плохого качества. После чая, в ожидании обеда, мы с товарищем укладываем собранные дорогой растения, делаем чучела птиц, или, улучив удобную минуту, я переносу на план сделанную сегодня съемку. Такая работа в жилых местах обыкновенно прерывается несколько раз по случаю прихода монголов из ближайших юрт; эти гости, как обыкновенно, лезут со всевозможными расспросами или просьбами и в конце концов так надоедают, что мы их прогоняем вон.

Между тем пустой желудок сильно напоминает, что время обеда уже наступило, но, несмотря на это, нужно ждать, пока сварится суп из зайцев или куропаток, убитых дорогой, или из барана, купленного у монголов. Впрочем, последнее кушанье мы имели редко, так как часто вовсе нельзя было купить барана или нужно было платить очень дорого; поэтому охота составляла главный источник нашего продовольствия.

Часа через два по приходе на место обед готов, и мы принимаемся за еду с волчьим аппетитом. Сервировка у нас самая простая, вполне гармонирующая с прочей обстановкой: крышка с котла, где варится суп, служит блюдом, деревянные чашки, из которых пьем чай, — тарелками, а собственные пальцы заменяют вилки, скатерти и салфеток вовсе не полагается. Обед оканчивается очень скоро; после него мы снова пьем кирпичный чай; затем идем на экскурсию или на охоту, а наши казаки и монгол-проводник поочередно пасут верблюдов.

Наступает вечер; потухший огонек снова разводится; на нем варятся каша и чай. Лошади и верблюды пригоняются к палатке, и первые привязываются, а последние, сверх того, укладываются возле наших вещей или неподалеку в стороне. Ночь спускается на землю; дневной жар спал и заменился вечерней прохладой. Отрадно вдыхаешь в себя освеженный воздух и, утомленный трудами дня, засыпаешь спокойным, богатырским сном.

Южная часть высокого нагорья Гоби, к западу от среднего течения Хуан-хэ, представляет собой дикую и бесплодную пустыню, населенную монголами-олютами и известную под именем «Ала-шань», или

Заордос. Страна эта наполнена голыми сыпучими песками, которые тянутся к западу до реки Эцзинэ, на юге упираются в высокие горы провинции Гань-су, а на севере сливаются с бесплодными глинистыми равнинами средней части Гобийской пустыни.

Алашаньская пустыня на многие десятки, даже сотни верст представляет одни голые сыпучие пески, всегда готовые задушить путника своим палящим жаром или засыпать песчаным ураганом. Иногда эти пески так обширны, что называются монголами «тынгери», то есть «небо». В них нигде нет капли воды; не видно ни птицы, ни зверя, и мертвое запустение наполняет невольным ужасом душу забредшего сюда человека.

Ордосские Кузупчи в сравнении с алашаньскими кажутся миниатюрой; притом же там, хоть изредка, можно встретить оазисы, покрытые свежей растительностью. Здесь нет даже и подобных оазисов; желтый песок тянется на необозримое пространство или сменяется обширными площадями соленой глины, а ближе к горам — голый гальки. Растительность, там, где она есть, крайне бедна и заключает в себе лишь несколько видов уродливых кустарников и несколько десятков пород трав. Между теми и другими на первом плане следует поставить саксаул, называемый монголами заком, и траву сульхир.

В Ала-шане саксаул является деревом от 10 до 12 футов вышины, при толщине в 0,5 фута, и растет редким насаждением всего чаще на голом песке. На поделки описываемое дерево негодно, потому что крохко и дрябло; зато оно горит превосходно. Безлистные, но сочные и торчащие, как щетка, ветви зака составляют главное питание алашаньских верблюдов. Кроме того, под защитой этих деревьев монголы ставят свои юрты и укрываются здесь лучше, нежели в голой степи, от зимних холодов; в подобных же местах, то есть там, где растет зак, говорят, можно скорей достать воду посредством колодцев.

Как бедна флора Ала-шаня, так небогата и его фауна. Крупных млекопитающих в пустыне нет никаких, кроме хара-сульты; затем здесь встречаются волк, лисица, заяц, а в зарослях зака изредка еж. Из мелких грызунов в обилии попадают только два вида песчанок; крупная из них живет исключительно в зарослях зака и до того дырявит землю своими норами, что часто совершенно

нельзя ехать верхом. Целый день слышится писк этих зверьков, столь же скучный и однообразный, как вся вообще природа Ала-шаня.

Среди птиц самой замечательной следует считать холо-джоро¹, которая величиной почти с нашу сойку, а на лету напоминает удода. Это в полном смысле птица пустыни и встречается исключительно в самых диких ее частях. Чуть только местность принимает лучший характер, холо-джоро исчезает; поэтому она вместе с хара-сультой служит для путешественника всегда нерадостным явлением. По нашему пути холо-джоро встречалась до Гань-су, а затем вновь появилась в Цайдаме; на север она распространяется в Гоби, приблизительно до 44°30' северной широты.

Пролет птиц, начавшийся в конце августа, много усилился в сентябре, так что в первой трети этого месяца считалось в пролете уже 18 видов. Но пролетные птицы следуют главным образом по долине Хуан-хэ и только в небольшом числе перелетают Алашаньскую пустыню. Жутко иногда приходится здесь этим крылатым странникам. Многие из них, истомленные жаждой или голодом, погибают в пустыне, и несколько раз находил здесь мертвых дроздов, у которых по вскрытии желудок оказывался совершенно пустым. Мой товарищ однажды встретил в сухом ущелье, почти близ самого гребня высоких Алашаньских гор, кряковую утку, до того обессиленную, что ее можно было поймать руками.

Летние жары теперь кончились, так что мы без особенного утомления делали свои переходы. Сыпучие пески, сложенные небольшими холмами, как и в Ордосе, расстилались вокруг нас безграничной желтой площадью, убегавшей за горизонт. Тропинка вилась между ними по зарослям саксаула и переходила менее узкие рукава самых песков, там, где они становились поперек дороги. Беда заблудиться, гибель тогда путнику верная, в особенности летом, когда пустыня накаляется, словно печь.

14 сентября мы пришли в город Дыньюань-ин и в первый раз за все время экспедиции встретили радушный прием от местного князя, по приказанию которого на-

¹ Это монгольское имя в переводе означает «саврасый иноходец» и дано названному виду за его быстрый бег, напоминающий рысь иноходца. (Примеч. редактора.)

встречу нам выехали трое чиновников и проводили нас в заранее приготовленную фанзу. Впрочем, еще за целый переход до города нас также встретили три чиновника, посланные князем узнать, кто мы такие. Одним из первых вопросов этих посланцев было: не миссионеры ли мы? — и когда был дан отрицательный ответ, то нам начали жать руки и объяснять, что в случае, если бы мы оказались миссионерами, князь не велел пускать нас к себе в город. Вообще в числе причин, обусловивших успех путешествия, на видном месте следует поставить то обстоятельство, что мы никому не навязывали своих религиозных воззрений.

Дынь-юань-ин состоит из крепости, глиняная стена которой имеет полторы версты в окружности. Во время нашего посещения стена эта была приведена в оборонительное положение, и на ее зубцах везде были сложены камни или бревна для отбития неприятельского штурма. Впереди главной стены, с северной стороны, устроены также из глины три небольших укрепления, обнесенные палисадом.

Внутри крепости живет сам князь; здесь также находятся китайские лавки и помещены монгольские войска. Вне главной ограды расположено было прежде несколько сот фанз, но они все сожжены дунганами, которые, однако, не могли взять самую крепость. Зато все, что находилось вне ее, подверглось разорению, в том числе и загородный дворец князя, устроенный в одной версте от города и окруженный небольшим парком. Этот парк, в котором прежде имелись даже пруды с водой, представляет

очаровательное место в сравнении с унылым видом окрестной пустыни.

Такова наружность города Дынь-юань-ин. Обратимся к описанию его обитателей. Среди них самой замечательной личностью служит, конечно, владетельный князь, или, как его называют здесь, «амбань»¹. Он состоит в разряде князей второй степени и владеет Ала-шанем на правах средневекового феодала. По своему происхождению этот князь монгол, но совершенно окитаившийся, тем более что он состоит в родственных связях с богдыханским домом, откуда получил в замужество одну из принцесс. Несколько лет тому назад эта жена умерла.

Сам князь, человек лет сорока, имеет довольно благообразную физиономию, хотя всегда бледен, так как сильно предал курению опиума. По своему характеру он взяточник и деспот самого первого разбора. Пустая прихоть, порыв страсти или гнева — словом, личная воля — заменяют всякие законы и тотчас же приводятся в исполнение без малейшего возражения с чьей бы то ни было стороны. Впрочем, такой порядок существует во всей Монголии и во всем Китае без исключений.

Завершившись внутри своей фанзы, алашаньский князь все время проводит в курении опиума и никогда не показывается на улице; в прежнее время он часто ездил в Пекин, но теперь восстание дунган прекратило подобные поездки.

Амбань имеет трех взрослых сыновей, из которых старший со временем будет его наследником.

Следует упомянуть еще об одном ламе, по имени Балдын-Сорджи, который состоит при князе и его детях в качестве доверенного лица, исполняющего разные поручения. Сорджи в ранней юности бежал в Тибет, пристроившись к каравану богомольцев; проведя в Лассе восемь лет, он изучил буддийскую мудрость и возвратился обратно в Ала-шань уже ламой. От природы хитрый и сметливый, Сорджи вскоре приобрел расположение амбана и сделался его приближенным. По поручению князя он каждый год ездит в Пекин за различными покупками и даже один раз был в Кяхте, а потому знает

¹ Имени князя узнать мы не могли, так как монголы считают грехом произносить имена своих начальников, а тем более передавать эти имена кому-либо чужому. (Примеч. автора.)

русских. Для нас Сорджи был чрезвычайно полезен своей услужливостью и тем значением, каким он пользовался в городе. Без него мы, быть может, не встретили бы столь радушного приема со стороны князя и его сыновей. Сорджи находился также в числе трех лиц, высланных князем вперед узнать, кто мы такие. Он потом объяснил алашаньскому амбаню, что мы действительно русские, а не какие-либо другие иностранцы. Впрочем, монголы всех европейцев крестят общим именем русских, так что обыкновенно говорят: русские-французы, русские-англичане, разумея под этими именами французов и англичан; притом номады везде думают, что эти народы находятся в вассальной зависимости от цаган-хана, то есть белого царя...

Через два дня по приходе в алашаньский город мы имели свидание с двумя младшими сыновьями князя — гыгеном¹ и Сия, через пять дней — со старшим их братом и только через восемь дней — с самим амбанем. Всем им необходимо было сделать подарки, о которых нас спрашивали еще высланные навстречу чиновники. Не имея с собой для подобной цели никаких особенных вещей, я подарил самому князю карманные часы и испортившийся aneroid; сыновьям — бинокль и различные мелочи, главным образом охотничьи принадлежности и порох. В ответ на это мы получили от князя и его сыновей также подарки довольно ценные: пару лошадей, мешок ревеня и голову русского сахара, которая попала в Ала-шань из Кяхты. Кроме того, наши приятели подарили нам на память о них: мне — серебряный браслет, а моему товарищу — золотое кольцо.

Вообще как сам амбань, так, в особенности, сыновья были очень расположены к нам и постоянно старались выказать это расположение. Они каждый день присылали нам из своего сада целые коробки арбузов, яблок и груш, которые мы истребляли через меру после долгих лишений в пустыне. Старый князь прислал нам однажды обед из множества различных китайских кушаний. С сыновьями мы ездили несколько раз на охоту и довольно часто бывали у них по вечерам, беседуя иногда до глубокой ночи. Хотя трудно было объяснитьсь через переводчика, но все-таки мы прово-

дили здесь время с удовольствием, тем более что освобождались от невольного ареста в своей фанзе. Молодые князья вели себя совершенно непринужденно, смеялись, шутили, и дело иногда доходило даже до разных игр и гимнастических упражнений.

В беседах с нами сыновья с лихорадочным любопытством расспрашивали о Европе, тамошней жизни, людях, машинах, железных дорогах, телеграфах и т. д. Наши рассказы казались для них сказкой и пробуждали желание видеть все это собственными глазами; князья не шутя просили нас свозить их в Россию. Иногда нам приносили на показ различные европейские вещи, купленные в Пекине и Кяхте, как, например, револьверы, трости с кинжалом, машинки с игрой, часы и даже флаконы с одеколоном.

Наконец, на восьмой день нашего пребывания в Дынь-юань-ине, мы получили приглашение на свидание с амбанем. Предварительно лама Сорджи, вероятно, по наущению самого князя, спрашивал у нас: каким образом мы будем приветствовать их повелителя — по своему ли обычаю или по монгольскому, то есть падать на колени. Получив, конечно, ответ, что мы будем кланяться князю по-европейски, Сорджи начал просить, чтобы перед амбанем стал на колени хотя бы наш казак-переводчик, но и в этом было решительно отказано.

Самое свидание происходило в восемь часов вечера в приемной фанзе амбаня. Эта фанза очень хорошо убрана; в ней даже стоит большое европейское зеркало, купленное за 150 лан в Пекине. На столах в подсвечниках горели стеариновые свечи, и было приготовлено для нас угощение из орехов, пряников, русских леденцов со стихами на обертках, яблок, груш и прочего.

Когда мы вошли и поклонились князю, то он пригласил нас сесть на приготовленные места, казак же стал у дверей. Кроме амбаня, в фанзе находился китаец — богатый пекинский купец, как я узнал впоследствии. В дверях фанзы и далее в прихожей стояли адъютанты князя и его сыновья, которые должны были присутствовать при нашем приеме.

После обычных расспросов о здоровье и благополучии пути амбань сказал, что, с тех пор как существует Ала-шань, в нем не был еще ни один русский, что он сам видит

¹ Гыген — одно из высоких званий буддийской церкви. (Примеч. редактора.)

этих иностранцев в первый раз и очень рад нашему посещению.

Затем он начал расспрашивать про Россию: какая у нас религия, как обрабатывают землю, как делают стеариновые свечи, как ездят по железным дорогам и, наконец, каким образом снимают фотографические портреты? «Правда ли, — спросил князь, — что для этого в машину кладут жидкость человеческих глаз? Для такой цели, — продолжал он, — миссионеры в Тянь-дзине выкалывали глаза детям, которых брали к себе на воспитание; за это народ возмутился и умертвил всех этих миссионеров». Получив от меня отрицательный ответ, князь начал просить привезти ему машину для снимания портретов, и я едва мог отделаться от подобного поручения, уверив, что дорогой стекла машины непременно разобьются.

Наша аудиенция продолжалась около часа; на прощанье князь подарил казаку-переводчику 20 лан и разрешил нам сходить поохотиться в соседние горы. Сюда мы отправились на следующий день и разбили свою палатку в вершине ущелья, почти близ гребня самого хребта. Верблюды наши остались на попечении приятеля Сорджи в городе, равно как и казак, который опять заболел сильнее прежнего; причиной его болезни была главным образом тоска по родине. От князя были посланы с нами провожатые и еще один лама, вероятно, в качестве надсмотрщика.

Горы, в которых мы теперь поселились, находятся, как сказано выше, в 15 верстах к востоку от города Дынь-юань-ин и составляют границу между Ала-шанем и провинцией Гань-су. Весь хребет известен под именем Алашаньского. Он поднимается от самого берега Хуан-хэ в том месте, где с противоположной стороны в нее упирается ордосский Арбус-ула, то есть верстах в восьмидесяти — девяноста южнее города Дын-ху.

Узкая, но очень высокая скалистая гряда Алашаньских гор, выдвинутая подземными силами, словно стена среди соседних равнин, представляет своим положением весьма характерную особенность. Тем более, что эти горы стоят совершенно обособленно и, сколько нам удалось узнать, не соединяются с хребтами верхней Хуан-хэ, но оканчиваются в песчаных пустынях Юго-Восточного Ала-шаня.

Интересны были наши охоты за горными баранами — куку-яманами, которые во множестве обитают в Алашаньском хребте, избирая местом жительства самые дикие скалы верхнего пояса гор. Этот зверь ростом немного более обыкновенного барана. Цвет шерсти буровато-серый или буровато-коричневый; верх морды, грудь, передняя сторона ног, полоса, ограничивающая бока от брюха, и самый кончик хвоста — черные; брюхо белое, задняя сторона ног изжелта-белая. Рога пропорционально велики, подняты от основания немного кверху, а концами загнуты назад. Самка немного меньше самца; цвет черных частей тела у нее не столь ярк; рога маленькие, плоские, почти прямостоячие.

Куку-яманы держатся в одиночку, парами или, наконец, небольшими стадами — от 5 до 15 экземпляров. Как исключение, они собираются иногда в большие стада, и мой товарищ встретил однажды общество приблизительно в сотню экземпляров. В стаде один или несколько самцов принимают на себя должность вожаков и охранителей. При опасности они тотчас дают сигнал громким и отрывистым свистом, до того похожим на свист человека, что я в первый раз принял этот голос за сигнал охотника; самки также свистят, но только гораздо реже самцов.

Испуганный баран бросается опрометью на уход по скалам, часто совершенно отвесным, так что, смотря на него, недоумеваешь, каким образом это большое животное может так ловко лазить по самым неприступным местам. Для куку-ямана достаточно самого малого выступа, чтобы удержаться на нем в равновесии на своих толстых ногах. Иногда случается, что камень оборвется под тяжестью зверя и с грохотом полетит вниз; ну, думаешь, оборвался и баран, но он как ни в чем не бывало скачет далее по скале. Заметив охотника, в особенности если тот появился неожиданно и близко, куку-яман свистнет раза два — три и, сделав несколько скачков, останавливается рассмотреть, в чем опасность. В это время он представляет отличную цель для меткой пули; нужно только не мешкать, а то зверь, постояв несколько секунд, снова свистнет и пустится скакать далее. При спокойном состоянии, то есть вне опасности, куку-яман ходит шагом или тихим галопом, причем иногда держит голову вниз.

Монголы, как известно, страстные любители лошадей и отличные их знатоки... Конские скачки также весьма любимы монголами и обыкновенно устраиваются летом при больших кумирнях.

Куку-яман вообще очень осторожен и не пропускает без внимания ничего подозрительного. Обоняние, слух и зрение развиты у него превосходно; по ветру невозможно подойти к зверю и на 200 шагов. Перед вечером он выходит на пастбище. Любимым местом пастбища служат альпийские луга. Утром, когда солнце поднимется уже довольно высоко, куку-яман снова отправляется в родные скалы. Здесь он иногда по целым часам стоит на каком-нибудь выступе неподвижно, как истукан, и только изредка повертывает головой то в одну, то в другую сторону. Мне случалось видеть, что при подобном отдыхе зверь, помещавшийся на покатости камня, имел свой зад выше головы, но такое положение, по-видимому, нисколько для него не затруднительно. В полуденные часы горные бараны ложатся отдыхать обыкновенно на выступах скал и летом чаще на северной их стороне, вероятно, потому, что здесь прохладнее; иногда куку-яман здесь засыпает и при этом ложится на бок, вытягивая ноги, как собака.

Во время пребывания в Алашаньских горах мы с товарищем по целым дням охоти-

лись за описываемыми животными. Не зная местности, я брал с собой в проводники охотника-монгола, до тонкости изучившего горы и характер куку-яманов. Ранней зарей выходили мы из палатки и поднимались на гребень хребта, лишь только солнце показывалось из-за горизонта. В ясное и тихое утро панорама, расстилавшаяся отсюда перед нами по обе стороны гор, была очаровательная. На востоке узкой лентой блестяла Хуан-хэ, и, словно алмазы, сверкали многочисленные озера, рассыпанные возле города Нин-ся. К западу широкой полосой уходили из глаз сыпучие пески пустыни, на желтом фоне которых, подобно островам, пестрели зеленеющие оазисы глинистой почвы. Вокруг нас царил полная тишина, изредка нарушаемая голосом оленя, зовущего свою самку.

Иногда целые полдня проводили мы, высматривая баранов, и все-таки не находили их. Нужно иметь соколиное зрение, чтобы отличить на большое расстояние серую шкуру куку-ямана от такого же цвета камней или, что еще хуже, разглядеть животное, лежащее в кустах. Мой проводник видел

далеко; случалось, что он на несколько сот шагов замечал одни рога животного, которые я не мог разглядеть даже в бинокль.

Затем мы начинали подкрадываться к замеченному зверю. Для этого иногда нужно было обходить очень далеко, спускаться почти в отвесные пропасти, прыгать с камня на камень или через широкие трещины, лепиться по карнизам утесов — словом, с каждым шагом быть на краю опасности. Руки царапались в кровь, сапоги и платье рвались немилосердно, но все это забывалось в надежде выстрелить по желанному зверю. Но увы! Эти надежды часто разрушались самым немилосердным образом. Случалось, что во время подкрадывания нас замечал другой куку-яман и свистом давал знать об опасности своему собрату, или оборвавшийся под ногами камень предупреждал осторожного зверя — и он в одно мгновение скрывался из глаз. Обида в подобных случаях была сильная: все труды пропали даром; и снова начинали мы прежнюю историю, то есть высматривали и выслушивали других куку-яманов.

Но когда дело поворачивало в лучшую сторону и нам удавалось подкрасться к барану шагов на двести или на сто пятьдесят, а иногда и того ближе, тогда с замирающим сердцем высовывал я свой штуцер из-за обрыва скалы, прицеливался — и через мгновение выстрел уже гремел отрывистыми перекатами по ущельям диких гор, а простреленный куку-яман падал на камень или катился вниз, оставляя широкий кровавый след. Иногда же, будучи только ранен, баран бросался на уход; тогда пускался в дело другой ствол штуцера, и вторая пуля укладывала зверя. Вообще куку-яман чрезвычайно крепок на рану и часто уходит даже смертельно раненный. Мне случилось однажды пробить самку этого зверя раз за разом тремя пулями — в бок, шею и зад, — и она все-таки еще бегала в продолжение четверти часа.

Спустившись к убитому барану, мы потрошили его, причем монгол забирал все внутренности и даже кишки, выжав из них предварительно содержимое; затем он связывал ноги зверя, забрасывал его на спину, и с этой тяжелой ношей мы шли к своей палатке.

Когда весенняя засуха выжжет всю траву на горах, тогда куку-яманы питаются листьями и не отказываются для этого даже

залезать на деревья. Конечно, такой случай может быть исключением, но я сам видел в мае 1871 года в крайнем хребте долины левого берега Хуан-хэ двух этих зверей на развесистом ильме сажени две вышиной. Заметив баранов на дереве не далее 60 шагов от себя, я сначала не поверил глазам и опомнился только тогда, когда животные соскочили на землю и пустились на уход. Один из них тут же полатился жизнью.

Вообще куку-яманы, как сказано выше, великие мастера лазанья, но и они иногда попадают в безвыходное положение. Так, однажды в горах озера Куку-нор я застал на огромной скале стадо из 12 экземпляров. Каким образом оно забралось туда, я до сих пор не могу объяснить, потому что скала с трех сторон была совершенно отвесна, а с четвертой примыкала к каменной россыпи, по которой можно было пройти разве только мыши. Параллельно вышеописанной скале тянулась в расстоянии 100 шагов от нее другая, на которую доступ был гораздо легче и откуда я вдруг увидел куку-яманов. Старый самец стоял прямо против меня на таком узком карнизе, что едва мог уместить свои копыта. Я пустил в него пулю, которая пробила зверя позади груди. Несколько мгновений стоял он, шатаясь, видя гибель неминуемую. Наконец силы изменили... скользнуло одно копыто, потом другое, и красивый зверь полетел в пропасть сажен шестьдесят глубиной. Глухими перекатами раздалось эхо грохнувшей тяжести. Испуганное стадо не знало, на что решиться, и, сделав несколько прыжков вдоль гребня скалы, опять остановилось. Раздался другой выстрел — и самка рухнула в то же самое ущелье, куда перед тем упал самец. Зрелище было потрясающее. Я сам не мог удержаться от волнения, видя, как два больших зверя, кувыркаясь, полетели в страшную глубину. Но страсть охотника превозмогла силу впечатления. Я снова зарядил свой штуцер и снова пустил две пули в куку-яманов, которые не знали, куда деваться от испуга. Так стрелял я с одного места семь раз, пока наконец звери не решились на отчаянное дело: они спустились вниз по гребню скалы и спрыгнули здесь с обрыва сажен в двенадцать вышиной.

После двухнедельного пребывания в Алашаньских горах мы вернулись в Дынь-юаньин и решили отсюда идти обратно в Пекин, чтобы запастись там деньгами и всем необ-

ходимым для нового путешествия. Действительно, как ни тяжело было отказаться от намерения идти на озеро Куку-нор, до которого оставалось только около 600 верст — следовательно, менее месяца пути, но иначе поступить было невозможно. Несмотря на бережливость, доходившую до скряжничества, у нас по приходе в Ала-шань осталось менее 100 рублей денег, так что только продажей товаров и двух ружей мы могли добыть средства на обратный путь. Кроме того, находившиеся при нас казаки оказались ненадежными и ленивыми, а с такими сподвижниками невозможно было предпринять новый путь, более трудный и опасный, нежели пройденный. Наконец, паспорт из Пекина у меня был только до Гань-су, так что, опираясь на это, нас могли и не пустить в названную провинцию.

С тяжелой грустью, понятной лишь для человека, достигшего порога своих стремлений и не имеющего возможности переступить этот порог, я должен был покориться необходимости — и повернул в обратный путь.

* * *

Утром 15 октября мы оставили город Дынь-юань-ин и направились обратно в Калган.

Теперь нам предстоял далекий, трудный путь, так как от Дынь-юань-ина до Калгана расстояние (по Монголии) около 1200 верст, которые мы должны были пройти без остановок. Между тем приближалась зима с сильными морозами и ветрами, столь обыкновенными в Монголии в это время года. Наконец, к довершению зол, мой спутник Михаил Александрович Пыльцов вскоре по выходе из Дынь-юань-ина заболел тифозной горячкой так сильно, что мы принуждены были простоять девять дней возле казана Хара-моритэ в северных пределах Ала-шаня.

Положение моего товарища становилось тем опаснее, что он вовсе был лишен медицинской помощи, и хотя мы имели с собой некоторые лекарства, но мог ли я удачно распорядиться ими, не зная медицины. К счастью, молодая натура переломила, и Михаил Александрович, все еще слабый, мог все-таки сидеть на лошади, хотя ему приходилось иногда так круто, что он падал в обморок. Тем не менее мы должны были идти день в день, от восхода до заката солнца.

В конце ноября мы оставили долину Желтой реки и поднялись через Шохоин-дабан на более высокую окраину Монгольского нагорья, где опять наступили сильные холода. Морозы на восходе солнца доходили до $-32,7^{\circ}\text{C}$; к ним присоединялись часто сильные ветры и иногда метели. Все это происходило почти на тех же самых местах, где летом нас дожимали жары до $+37^{\circ}\text{C}$. Таким образом, путешественнику в среднеазиатских пустынях приходится выносить то палящий зной, то сибирский холод, и переход от одной крайности к другой чрезвычайно крут.

Во время пути холод не так сильно чувствовался, потому что мы большею частью шли пешком. Только мой товарищ, все еще слабый и неоправившийся, должен был, закутавшись в баранью шубу, сидеть на лошади по целым дням. Зато на месте ночлега зима давала себя знать. Как теперь, помню я это багровое солнце, которое пряталось на западе, и синюю полосу ночи, заходившую с востока. В это время мы обыкновенно развьючивали верблюдов и ставили свою палатку, расчистив предварительно снег, правда не глубокий, но мелкий и сухой, как песок. Затем являлся чрезвычайно важный вопрос насчет топлива, и один из казаков ехал в ближайшую монгольскую юрту купить аргала, если он не был приобретен заранее дорогой. За аргал мы платили дорого, но это все еще было меньше зло; гораздо хуже становилось, когда нам вовсе не хотели продать аргала, как это несколько раз делали китайцы. Однажды пришлось так круто, что мы принуждены были разрубить седло, чтобы вскипятить чай и удовольствоваться этим скромным ужином после перехода в 35 верст на сильном морозе и метели.

Когда в палатке разводился огонь, то становилось довольно тепло, по крайней мере, для той части тела, которая непосредственно была обращена к очагу; только дым щипал глаза и делался в особенности несносным при ветре. Во время ужина пар из открытой чаши с супом до того наполнил нашу палатку, что она напоминала в это время баню, только, конечно, не температурой воздуха. Кусок вареного мяса почти совсем застывал во время еды, а руки и губы покрывались слоем жира, который потом приходилось соскабливать ножом. Фитиль стеариновой свечи, заживавшейся

иногда во время ужина, вгорал так глубоко, что нужно было обламывать наружные края, которые не растаивали от огня.

На ночь мы обкладывали палатку всеми вьюками и возможно плотнее закупоривали вход, но все-таки холод в нашем обиталище был немногим меньше, чем на дворе, так как огня не разводилось от ужина до утра. Спали мы все под шубами или под бараньими одеялами и обыкновенно всегда раздевались, чтобы хорошенько отдохнуть. Собственно, спать было довольно тепло, так как мы закутывались в свои покрывала вместе с головой, а иногда накрывались сверху еще войлоками; мой товарищ постоянно клал с собой Фауста, который всегда был очень рад подобному приглашению.

Редкая ночь проходила спокойно. Бродившие кругом волки часто пугали верблюдов и лошадей, а монгольские или китайские собаки иногда приходили воровать мясо и без церемонии забирались в самую палатку. Такие воры обыкновенно платились жизнью за свое нахальство. Тем не менее после всякого подобного эпизода не скоро согревался тот, кому приходилось вставать, чтобы уложить вскочивших верблюдов, выстрелить в волка или воровку-собаку.

Утром мы вскакивали разом и, дрожа от холода, поскорее варили кирпичный чай; затем складывали палатку, вьючили верблюдов и с восходом солнца по трескучему морозу отправлялись в дальнейший путь.

Казалось, что, идя по старой, знакомой дороге, мы были гарантированы от многих случайностей и могли заранее рассчитывать свои переходы, но на деле вышло противное: нам пришлось, словно на закуску, испытать еще одну невзгуду. Дело состояло в следующем.

Поздно вечером 30 ноября остановились мы ночевать возле кумирни Шыреты-дзу, лежащей в 80 верстах севернее Куку-хото на большом тракте, ведущем из этого города в Улясутай.

Утром следующего дня все наши верблюды, числом семь, за исключением одного больного, были пущены на пастьбу возле палатки, недалеко от которых ходили верблюды других караванов, шедших из Куку-хото. Так как трава в этом месте была выбита дочиста, то наши животные перешли через горку, стоящую недалеко впереди, чтобы поискать там лучшего корму и

укрыться от ветра, сильно бушевавшего пять суток сряду. Спустя немного казак и наш монгол отправились пригнать к палатке ушедших верблюдов, но их уже не было за горкой, и самый след, заметаемый ветром, потерялся в массе других верблюжьих следов. Узнав о такой пропаже, я тотчас отправил тех же самых людей на поиски; они проходили целый день и осмотрели верблюдов всех караванов, стоявших поблизости, — наших животных не находилось, словно они провалились сквозь землю.

На другой день я послал казака-переводчика в кумирню Шыреты-дзу, во владении которой случилась эта пропажа, объявить о воровстве и просить содействия для отыскания украденных верблюдов. Когда посланный пришел в кумирню, то его едва пустили туда, а потом, посмотрев наш пекинский паспорт, в котором говорилось о содействии в необходимых случаях, местные ламы преспокойно отвечали: «Мы не пастухи ваших верблюдов, ищите сами, как знаете». Такой же точно ответ был дан и монгольским чиновником, к которому мы обратились за помощью.

В то же время окрестные китайцы не хотели продавать нам соломы для корма уцелевшего больного верблюда и двух наших лошадей; трава в степи была до того выбита верблюдами проходящих караванов, что о подножном корме нечего было и думать. Наши бедные животные томилась голодом, и одна из лошадей замерзла ночью; больной верблюд издох через два дня и лежал прямо против дверей нашей палатки, к вящему украшению всей обстановки. Таким образом, мы остались с одной лошадью, да и та едва волочила ноги. Лошадь эта была спасена от голодной смерти лишь тем, что китайцы сильно разлакомились на нашего издохшего верблюда, довольно жирного, и мы променяли его на 25 снопов хорошего сена.

Между тем отправленные вновь на поиски монгол и казак вернулись через несколько дней и объявили, что они объездили большое пространство, везде расспрашивали, но ничего не могли узнать о пропавших верблюдах. Отыскать их, конечно, было невозможно без содействия местных властей, а потому я решил нанять окрестных китайцев свезти нас в Куку-хото, откуда мы надеялись достать подводы до Калгана. Однако китайцы не соблазнились предложением большой денежной оплаты и ни за что

не соглашались наняться к нам в подводчики, боясь, конечно, ответственности за это перед своими властями.

Положение наше становилось безвыходным. По счастью, у нас в это время было 200 лан денег, вырученных за проданные в Ала-шане товары и ружья, так что я решил послать казака с монголом в Кукухото, чтобы купить там новых верблюдов. Но опять-таки вопрос: на чем отправить посланных, когда у нас теперь всего одна лошадь, да и та никуда не годна? Поэтому предварительно я отправился с казаком-переводчиком по монгольским юртам искать продажной лошади; проехав целый день, мы действительно купили лошадь, на которой следующим же утром казак с монголом отправились в Кукухото. Здесь они купили лошадей, крайне плохих верблюдов; на них мы двинулись далее, простояв около кумарин Шыреты-дзу 17 суток. Таким образом, не говоря уже про потерю времени, нам пришлось понести весьма чувствительную потерю и в материальном отношении. Прежде этого у нас также погибло достаточно животных от бескормицы, безводия, жаров, морозов — словом, от трудностей пути. Всего в течение первого года экспедиции мы потеряли 12 верблюдов и 11 лошадей; впрочем, последние большей частью променялись монголам на лучшие экземпляры, конечно, с немалой придачей.

Во время долгой стоянки по случаю потери верблюдов мы почти не имели занятий, так как птиц не было никаких, кроме жа-

воронков и пустынных. Писать также ничего не приходилось, тем более что эта процедура весьма трудная на дворе зимой: нужно предварительно разогреть замерзшие чернила и часто подносить к огню обмакнутое в них перо, чтобы оно не застыло. Я же всегда предпочитал писать свои дневники чернилами и только в самом крайнем случае брал карандаш; последний скоро стирается, так что потом трудно разобрать написанное.

Получив новых верблюдов, мы пошли в Калган форсированными переходами и только простояли два дня в горах Сумахада, чтобы поохотиться на аргали; на этот раз я убил здесь двух старых самок. Дорогой опять случилась неприятная история. Лошадь моего товарища, испугавшись чего-то, бросилась в сторону и понесла; слабый еще здоровьем Михаил Александрович не мог удержаться в седле и рухнул прямо головой на мерзлую землю так сильно, что мы подняли его без памяти. Однако он вскоре пришел в себя и отделался только ушибом.

Влияние теплого Китая на эту окраину Монголии было очень заметно: в тихие дни или при слабых юго-западных ветрах днем было тепло, так что термометр однажды, именно 10 декабря, показывал $+2,5^{\circ}\text{C}$ в тени. Но лишь только задувал западный или северо-западный ветер, преобладающий в Монголии зимой, как становилось очень холодно. Ночные морозы стояли обыкновенно посредственные: термометр на восходе солнца не опускался ниже $-29,7^{\circ}\text{C}$, но зато

после облачной ночи он иногда показывал в это время только $-6,5^{\circ}\text{C}$. Погода была большей частью ясная; снег в течение всего декабря шел только три раза; местами он покрывал землю на несколько дюймов, но часто встречались пространства и вовсе бесснежные.

Вообще на монгольской окраине, прилегающей к Китаю, климат далеко не так суров, как в других, более удаленных отсюда частях Гобийского нагорья. Правда, высокое абсолютное поднятие берет свое и в описываемой полосе, но все-таки здесь гораздо реже перепадают те страшные холода, которые так постоянны в Гоби зимой. Ледяные ветры Сибири, почти всегда ясное небо, оголенная соленая почва вместе с высоким поднятием над уровнем моря — вот те причины, которые в общей, постоянной совокупности делают монгольскую пустыню одной из суровейших стран всей Азии.

День за днем уменьшалось расстояние, отделявшее нас от Калгана, а вместе с тем увеличивалось наше нетерпение поскорее попасть в этот город. Наконец желанная минута наступила, и мы, как раз накануне нового, 1872 года, поздно вечером явились к своим калганским соотечественникам, у которых по-прежнему встретили самый радушный прием.

Первый акт экспедиции был окончен. Результаты путешествия, копившиеся понемногу, теперь обрисовались яснее. Мы могли с чистой совестью сказать, что выполнили свою первую задачу, и этот успех еще более разжигал страстное желание пуститься вновь в глубь Азии, к далеким берегам озера Куку-нора.

* * *

Через несколько дней по возвращении в Калган я отправился в Пекин, чтобы запастись там деньгами и всем необходимым для нового путешествия. Мой товарищ с казаками остался в Калгане и заготавливал исподволь различные мелочные вещи, необходимые в экспедиции, а также покупал новых верблюдов, так как приобретенные в Куку-хото оказались никуда не годными.

Целых два месяца, январь и февраль, незаметно прошли в различных хлопотах, сборах, упаковке и отсылке в Кяхту собранных коллекций, наконец в писании отчетов об исследованиях прошедшего года. Как то-

гда, так и теперь мы были поставлены в крайне затруднительное положение относительно материальных средств, потому что деньги, следуемые на экспедицию 1872 года, не были сполна получены в Пекине.

Личный состав нашей экспедиции теперь переформировался. Два казака, сопутствовавшие нам в прошедшем году, оказались людьми ненадежными и, кроме того, отговаривали по родине, так что я решил отправить их домой, а взамен взять двух новых спутников из отряда, занимавшего в то время город Ургу. На этот раз выбор был чрезвычайно удачен, и вновь прибывшие казаки оказались самыми усердными и преданными людьми во все время нашего долгого путешествия. Один из них был русский, 19-летний юноша, по имени Панфил Чебаев, а другой, родом бурят, назывался Дондок Иринчинов. Мы с товарищем вскоре сблизились с этими добрыми людьми самой тесной дружбой, и это был важный залог для успеха дела. В страшной дали от родины, среди людей, чуждых нам во всем, мы жили родными братьями, вместе делили труды и опасности, горе и радости. И до гроба сохраню я благодарное воспоминание о своих спутниках, которые безграничной отвагой и преданностью делу обусловили как нельзя более весь успех экспедиции.

Кроме нашего неизменного Фауста, мы приобрели теперь для караула по ночам большую и очень злую собаку, называвшуюся Карза. Этот пес выходил с нами всю вторую экспедицию и оказал много услуг. Своих прежних хозяев, то есть монголов, он позабыл очень скоро..., что очень часто избавляло нас от назойливых посетителей. Фауст возненавидел Карзу с первого знакомства, и оба они были заклятыми врагами до самого конца экспедиции. Замечательно, что европейские собаки очень редко, почти даже никогда, не дружат ни с китайскими, ни с монгольскими псами, хотя бы жили вместе с ними долгое время.

5 марта утром мы выступили из Калгана и направились тем же самым путем, по которому в прошедшем году шли на Желтую реку и возвращались из Ала-шаня. К вечеру первого дня пути мы опять попали в суровый климат Монголии, где весна еще не начиналась, тогда как в Калгане с конца февраля сделалось уже довольно тепло, прилетели в большом количестве водяные птицы и появились насекомые. На нагорье такая

картина круто переменилась. Правда, снегу здесь уже не было, но по ручьям еще везде лежали толстые накипи зимнего льда; термометр, в особенности ночью, показывал порядочный мороз, дул сильный холодный ветер, пролетных птиц еще не было видно — словом, монгольская степь имела вполне зимний характер.

Нынешняя ранняя весна отличалась от прошлогодней тем, что теперь чаще случались метели и сравнительно реже дули северо-западные ветры, хотя опять-таки бури являлись часто и иногда продолжались по трое суток без перерыва. Сухость воздуха по-прежнему была чрезвычайно велика. Ее показывал не только психрометр, но даже губы и руки, кожа на которых растрескивалась и делалась совершенно сухой, словно отполированной...

В продолжение месяца с небольшим мы прошли из Калгана до хребта Муни-ула и решили пробыть здесь некоторое время, чтобы наблюдать пролет мелких птичек и собрать весеннюю флору названных гор. Прежде, возвращаясь из Ала-шаня, мы мечтали попасть вновь на Хуан-хэ в конце февраля и перейти эту реку по льду в Ордос, чтобы там, на озере Цайдемин-нор, наблюдать весь весенний пролет птиц; но такие расчеты не оправдались, и мы пришли на Муни-ула лишь 10 апреля, когда валовой пролет большей части видов уже окончился. Таким образом, мы должны были оставить свое прежнее намерение вторично посетить Ордос и ограничились лишь пребыванием в горах Муни-ула.

Здесь в половине апреля растительная жизнь начала пробуждаться довольно быстро, в особенности в нижнем и среднем поясах южного склона гор. Деревья и кусты дикого персика были залиты розовыми цветами и красиво пестрели на крутых скалах, еще не одетых зеленью. По горным ущельям, в особенности в местах, доступных солнечному пригреву, зеленела свежая травка и выглядывали цветки прострела, анемона, астрагала и гусиного лука. Тополь, сосна и лоза стояли в цвету; почки белой и черной березы разбухли и готовились развертываться. Вверху гор, на альпийских лугах, растительность еще не пробуждалась весенним теплом, но снегу здесь уже нигде не было, даже на самых высоких вершинах.

Казалось бы, что лесистый хребт Муни-ула, расположенный среди голых степей,

как раз на перепутье от юга к северу, должен привлекать к себе множество пролетных птичек, но, как упомянуто выше, на деле оказалось совершенно противное. За все время 11-дневного пребывания в горах мы нашли только четыре лишних вида птиц против тех, которых встретили здесь в июле прошедшего года; притом эти новые виды явились в самом ограниченном числе экземпляров, словно залетели сюда украдкой или случайно.

Видя, что нельзя рассчитывать на хорошую орнитологическую поживу, мы оставили 22 апреля Муни-ула и отправились в Ала-шань по долине левого берега Хуан-хэ, то есть тем же путем, которым шли зимой в Калган, только на этот раз мы решили не переходить за хребт Хара-нарин-ула. Мы провели три дня в местности, называемой монголами Холосун-нур, где китайские рисовые поля на большое пространство были затоплены водой, отведенной от Желтой реки. На этих разливах мы сразу встретили около 30 видов преимущественно водяных и болотных птиц, которых нынешней весной не наблюдали в сухих степях Монголии. Впрочем, количество птиц и здесь было невелико; время валового пролета уже миновало, так что теперь остались только местные или запоздавшие экземпляры. Вообще относительно орнитологических изысканий нынешняя весна для нас была еще беднее, нежели прошлогодняя, и мы могли сделать лишь то отрицательное наблюдение, что пролетные птицы бегут без оглядки от безводных пустынь Монголии.

Одновременно с охотой на птиц мы добывали себе также ружьем и рыбу. Именно теперь, то есть в конце апреля, происходил нерест у карпов, которые по утрам и вечерам в большом количестве плескались по самым мелководным местам затопленных полей. Желая полакомиться рыбой, мы брали ружья, снимали для легкости сапоги и шли туда, где замечали играющих карпов. Последние в это время так сильно заняты своим делом, что почти вовсе не замечают человека и выходят на самую поверхность воды в нескольких шагах от охотника. В это время, улучив удобный момент, можно убить рыбу, и мы каждый день добывали по нескольку крупных экземпляров.

Граница Ала-шаня ознаменовалась появлением сыпучих песков, наполняющих, как известно, весь Заордос. Бедность раститель-

ности, несмотря на лучшее время весны (половина мая), здесь была еще бóльшая. В общем, физиономия страны почти не отличалась от той, какую нашли мы здесь в прошедшем году глубокой осенью: те же неоглядные желтые пески, те же площади зака, те же глинистые бугры с корявыми кустами хармыка. Если изредка и выглядывала какая-нибудь цветущая травка: софора, турнефорция, вьюнок Аммана, гармала, чертополох, вьюнок колючий, селитранка, жузгун, то она являлась как будто чуждой пришелицей среди этой мачехи-природы.

В половине мая мы вступили в пределы Ала-шаня и вскоре встретили двух чиновников, высланных князем из Дынь-юань-ина, чтобы приветствовать нас и проводить по пустыне. Истинная же цель этой встречи заключалась в том, что князь и его сыновья желали поскорее получить наши подарки, о которых они узнали через Балдын-Сорджи. Этого ламу мы встретили в апреле возле Муни-ула возвращающимся из Пекина, куда он ездил по поручению своего повелителя. Вручив Сорджи подарок за услуги прошедшего года, мы показали ему в то же время подарки, которые везли алашаньским князьям. Этими весьма хорошими подарками мы надеялись еще более расположить в свою пользу алашаньских владельцев, от которых вполне зависело наше дальнейшее следование на озеро Куку-нор.

Встретившие теперь нас чиновники тотчас же заговорили о подарках, рассказывали, с каким нетерпением ждут их князья, и просили меня отправить эти подарки вперед. Я согласился на такое предложение и послал: старому князю — большой двусторонний плед и револьвер; старшему сыну — такой же плед и микроскоп; гыгену и Сия — по скорострельному пистолету системы Ремингтон с тысячью готовых патронов. Хотя дело было вечером, но, получив подарки, один из чиновников тотчас же уехал вперед, а другой остался с нами.

26 мая мы пришли в Дынь-юань-ин и поместились в заранее приготовленной для нас фанзе. По обыкновению, от любопытных не было ни минуты покоя, так что мы наконец привязали в дверях своего жилища нашего злого Карзу, и это оказалось очень действительным средством против нахальства зевак.

В тот же день вечером мы виделись со своими приятелями — гыгеном и Сия. Мой

мундир генерального штаба, который я теперь нарочно захватил из Пекина, произвел на молодых князей большое впечатление, и они рассматривали его до малейших подробностей. Теперь еще более подтвердилось мнение, что я, вероятно, очень важный чиновник, доверенное лицо самого государя. Об этом меня постоянно спрашивали алашаньские князья в прошедшем году, но теперь, видя на мне блестящий мундир, окончательно убедились в своих догадках. С этих пор я прослыл за «царского чиновника» и с таким титулом совершил все остальное путешествие. Я сам нисколько не старался разрушить подобное мнение о своей важности: для меня оно было отчасти на руку, так как объясняло цель нашего путешествия. С этих пор местные жители везде стали говорить, что цаган-хан прислал в их сторону своего чиновника, для того чтобы он видел здешних людей и природу собственными глазами и по возвращении на родину рассказал обо всем этом своему государю.

Между тем выпал великолепный случай пройти на озеро Куку-нор. В Дынь-юань-ине мы застали недавно пришедший из Пекина караван из 27 тангутов и монголов, которые вскоре отправлялись в кумирню Чейбсен, лежащую в провинции Гань-су, в 60 верстах к северо-северо-востоку от города Синина и в пяти днях пути от озера Куку-нор. На наше предложение следовать вместе тангуты согласились с великой радостью, надеясь найти в нас хороших защитников в случае нападения дунган. Чтобы еще более убедить будущих спутников в действительности нашего вооружения, мы устроили пальбу из штуцеров и револьверов. На это зрелище собралась большая толпа народа, и все были поражены действием скорострельного оружия; тангуты же чуть не плясали от радости, видя, каких они приобретают спутников.

Переход ко Чейбсена с тангутским караваном был чистый клад, так как без этого случая мы едва ли могли бы достать себе проводника, хотя бы через Южный Ала-шань. Наша радость еще более разжигалась рассказами тангутов, что возле их кумирни лежат высокие горы, покрытые лесами, в которых водится множество птиц и зверей. Словом, дело слагалось как нельзя лучше, нужно было только вытянуть согласие алашаньского князя на следование с

тангутами, которые не могли нас взять с собой без подобного разрешения.

Но тут и начались различные уловки со стороны князя, чтобы отклонить нас от следования на Куку-нор. Какая была тому побудительная причина, я не знаю; всего вероятнее, что князь получил на этот счет из Пекина должные наставления, а может быть, и нагоняй за радушный прием русских в прошедшем году.

Главным действующим лицом во всех дальнейших проделках амбаня явился Балдын-Сорджи, который прежде всего пошел на ту уловку, что предлагал нам гадать у местных лам о благополучии предстоящего пути. Нечего говорить, что ответ лам был бы крайне неблагоприятный и нам напророчили бы всяких бед. С подобной же хитрости началось и в прошедшем году, когда мы впервые явились в Ала-шань. Тогда нас уговаривали объяснить откровенно, кто мы такие, страдая в противном случае узнать истину через гыгенов. Но как тогда, так и теперь подобные уловки ни к чему не привели: отказ с нашей стороны был решительный.

Тогда начались рассказы о том, что тангуты будут идти очень скоро — по 50 верст в сутки, что нам не выдержать подобных переходов, тем более по ночам. На это Сорджи получил ответ, что ему нечего заботиться о нашем спокойствии в дороге и что мы сами знаем, как поступать. Видя опять неподатливость с нашей стороны, Сорджи начал рассказывать, что по дороге в Чейбсен лежат высокие горы, что верблюдам очень трудно, а быть может, и совсем нельзя будет пройти через них, что пусть мы лучше подождем месяц или два и тогда амбань даст нам проводников до Куку-нора. Между тем тот же самый лама в прошедшем году, и даже несколько дней тому назад, уверял нас, что проводника на Куку-нор в Ала-шане нельзя достать ни за какие деньги, потому что все страшно бояться дунган и не пойдут, если бы даже посылаемого страшали казнию. Кроме того, чтобы еще лучше поймать нас на удочку, один монгольский чиновник, конечно по приказанию того же Сорджи, передал нам будто по секрету, что князь велел в ямине приготовить двух проводников на Куку-нор и даже в Тибет, если мы пожелаем идти в эту страну.

Между тем день за днем откладывалось наше свидание с самим князем под предло-

гом, что он нездоров; истинная же причина таких отсрочек заключалась, вероятно, в том, что князь опасался моего настойчивого требования отправить нас с караваном тангутов. Старшего сына мы также еще не видали, а гыген и Сия после первого свидания не приглашали уже нас к себе, хотя сами несколько раз приезжали к нам. Вообще со стороны алашаньских князей мы далеко не встретили теперь того радушия, как в прошедшем году.

Но счастье и на этот раз повезло нам удивительно. Гыген согласился дать за скорострельный штуцер Спенсера шесть верблюдов, с придачей 100 лан деньгами. Правда, он ставил этих верблюдов по 50 лан за каждого, но зато и я назначил за ружье цену в 11 раз большую той, за которую его купил, так что по поговорке «клин выгнался клином». Получив еще около 120 лан за другие товары, мы уже располагали средствами, правда незначительными, но все-таки могли действовать решительнее. Я объявил Сорджи, что непременно пойду с тангутами, и требовал, чтобы амбань прислал мне деньги за взятые товары или возвратил их обратно.

Вечером 1 июня, накануне отхода тангутского каравана, Сорджи пришел к нам и объявил, что амбань приказал тангутам остаться еще на два дня в городе. В течение этих дней лама продолжал уговаривать нас остаться, уверяя, что князь очень опечален нашим скорым уходом из Ала-шаня. Для большего впечатления Сорджи твердил, что амбань очень любит не только русских, но и все их товары, а именно: стереоскопы, оружие, сукно, мыло, свечи и прочее, забавно перебирая по пальцам, считал хитрый лама. При этом он просил подарить князю и его старшему сыну по ружью или какие-нибудь другие хорошие вещи, хотя бы даже русское платье. Вообще бессовестность, до которой доходили в своем попрошайничестве как сам амбань, так и его сыновья, переходила всякие пределы. Через своих доверенных они лезли к нам со всевозможными просьбами, и дело доходило до того, что, ожидая приезда князей, мы должны были прятать многие вещи во избежание попрошайничества со стороны своих гостей.

После настоятельных требований мне принесли наконец от князя деньги за то-

вары — всего 258 лан. Присоединив этот куш к прежней выручке, мы располагали теперь 500 лан денег и 14 верблюдами.

Счастье, по-видимому, совершенно поворотило в нашу сторону. Завтрашнее выступление с тангутским караваном было решено окончательно, и хотя мы не получали от князя уведомления об этом, но нам уже не говорили, чтобы остаться. Приближенные амбаня, казалось, также были уверены, что мы завтра уйдем, и гыген прислал нам в подарок пару лошадей.

С лихорадочной радостью — тем более сильной после всех пережитых в последние дни испытаний — мы до поздней ночи увязывали свои вещи, седлали верблюдов и вообще собирались в путь. Утром, лишь только рассвело, мы уже были на ногах и начали вьючить верблюдов. Половина их была готова, как вдруг к нам прибегает один из тангутов и объявляет, что они сегодня не выходят, так как получено известие о шайке дунган, стоящей недалеко от Дынь-юань-ина. Не поверив тангуту, я отправил своего товарища с казаком разузнать, в чем дело: посланные вскоре вернулись обратно и объяснили, что тангутский караван уже совершенно готов к выступлению.

Между тем пришел Сорджи и начал также говорить о дунганах, но когда, выведенный наконец из терпения таким наглым обманом, я обругал ламу русским словом, то он стал объяснять, что тангуты сами не хотят идти с нами, что они худые люди, хотя до сих пор постоянно отзывался о них с похвалой.

В это время я получил известие, что тангутский караван выходит из города. Тогда мы завьючили остальных верблюдов и, окруженные густой толпой, вышли со двора своей фанзы с намерением идти вслед за караваном. Не успели мы сделать сотни шагов, как к нам подъехал Сия и начал говорить, что получено известие о дунганах, что хотя тангутский караван ушел, но его пошлют тотчас же вернуть; при этом молодой князь уговаривал нас остаться, пока разъяснится дело. Вместе с Сией приехал и тангутский лама, начальник каравана, — тот самый, который до сих пор так сильно желал идти вместе с нами. Теперь этот лама, конечно по приказанию князя, начал говорить то же самое, что Сия, советовал нам остаться и подождать.

Появление тангутского ламы и его крутой переход в другую сторону было для нас, конечно, важнее, нежели все прежние страдания алашаньского князя. В будущем спутнике мы видели теперь уже не друга, но врага, и могли ли мы при таких условиях сильно напирать на то, чтобы непременно идти с тангутским караваном.

Тогда я решился употребить последнее средство, хотя и знал, что едва ли оно поведет к чему-либо. Я спросил у Сия: дает ли он мне честное слово, что нас не обманывают и что тангуты не уйдут без нас? «Даю, даю охотно, ручаюсь вам в этом», — отвечал Сия, видимо обрадованный как-нибудь достигнуть цели, то есть удержать нас хотя на сегодня. Лама, начальник каравана, также стал уверять, что непременно возьмет нас с собой. Затем мы отправились в загородный сад князя и разбили там палатку в ожидании, что будет далее.

Трудно описать наше волнение, в особенности в первые минуты. Действительно, подобная история была слишком тяжела. Заветная цель давнишних стремлений, для которой понесено уже столько труда и которая, казалось, должна была быть непременно достигнутой, теперь сразу отдалялась бог знает на какое время. Пусть сначала, в первые дни нашего прихода в Дынь-юань-ин, нам отказали бы идти с тангутами, тогда горе все еще было наполовину, — мы сами не думали встретить такой благоприятный случай; теперь же подобный отказ становился вдвое тяжелее, после того как мысль об успехе уже сроднилась с нами.

В тревожном ожидании провели мы весь этот день. Сорджи и другие ламы теперь не показывались к нам на глаза, и только к вечеру приехал Сия, которого я начал страшать тем, что буду жаловаться в Пекине на подобное насилие со стороны алашаньских властей. Молодой князь, видимо конфузясь участием во всем этом деле, просил меня обождать немного и уверял, что тибетский караван ни в каком случае не уйдет без нас. Наученный прежними опытами, я плохо верил подобному обещанию и уже размышлял о том, в какую часть Монголии направиться для дальнейших исследований, как вдруг, перед вечером следующего дня, 5 июня, к нам опять приехал Сия и объявил, что тангутский караван стоит неподалеку от города и мы можем завтра идти вместе с ним, так как нарочно посланный разве-

дать о дунганах возвратился и донес, что их нет и самый слух был ложный. Конечно, все это была одна отговорка, никаких дунган не приходило, но, всего вероятнее, алашаньский князь посылал в город Нин-ся к китайскому амбану узнать, как поступить в данном случае. Скрытность местного населения относительно путешественника так велика, что ни теперь, ни после я не мог узнать, какая причина понудила князя остановить нас на два дня в самую минуту выхода. Однако теперь нам некогда было рассуждать: мы всецело предались поглощавшей нас радости; опять надежда на успех в великом предприятии не давала нам покоя ни в остаток дня, ни в течение целой ночи.

Караван, с которым мы теперь отправлялись в путь, снаряжен был в Пекине одним из важнейших монгольских кутухт, именно Джанджы-гыгеном, которому принадлежит много церквей как в Пекине, так и в Монголии, в том числе знаменитый монастырь У-тай, недалеко от города Куку-хото. Сам вышеназванный святой родился в Гань-су, в кумирне Чейбсен, куда и направлялись теперь наши будущие спутники. Состав их был самый пестрый. Всего в караване считалось, кроме нас четверых, 37 человек, из которых 10 были ламы-воины, посланные как охранители алашаньским гыгеном. Большая часть остальных людей состояла из тангутов, уроженцев кумирни Чейбсен; кроме того, здесь находились несколько монголов, отправлявшихся на богомолье в Лассу. На всю эту братию состояло в наличности 72 верблюда и около 40 лошадей или мулов вместе с нашими животными. Начальниками караванов были два ламы-донора (казначей), родом тангуты, очень хорошие и услужливые люди. Чтобы еще более расположить этих командиров в свою пользу, я подарил каждому из них по небольшому пледу.

Все участники каравана были вооружены фитильными ружьями, частью пиками и саблями. Вообще они слыли за чрезвычайно храбрых, просто отчаянных людей, решившихся в такое страшное время идти в те места, где живут и разбойничают дунганы. Однако впоследствии опыт показал, что смелость наших сотоварищей была не особенно велика, даже при опасности только воображаемой.

Ламы-воины имели гладкоствольные европейские ружья, купленные китайским

правительством у англичан и присланные в Ала-шань из Пекина. Ружья эти весьма плохого качества и еще более испорчены небрежным содержанием. В своих красных форменных блузах, с красными повязками на головах, притом верхом на верблюдах, описываемые ламы представляли оригинальный вид, хотя, конечно, по воинским достоинствам не отличались от прочих своих соотечественников.

Но самой замечательной личностью всего каравана был тангут Рандземба, отправлявшийся из Пекина в Тибет. Этот человек, лет сорока, откровенный и добродушный, вместе с тем был страшный говорун, любил помочь каждому и вмешаться во всякое дело. Словоохотливость Рандзембы, обыкновенно рассказывавшего обо всем с самыми выразительными жестами, была так велика, что мы прозвали его «многоглаголивый Аввакум». Имя это тотчас же разнеслось по всему каравану, и с этих пор Рандзембу никто уже не называл иначе, как Аввакум.

Главной страстью нового Аввакума была охота и стрельба в цель; последняя составляла любимое занятие всего каравана. Почти каждый день по приходе на место тот или другой из наших спутников, уловив свободную минуту, начинал стрелять в мишень. Являлись зрители, сначала безучастные, но потом, раззадорившись малопомалу, приносили свои ружья, и начиналась общая пальба. Рандземба всегда был главным действующим лицом подобных стрельбищ. Достаточно ему было услышать выстрел, и, несмотря ни на какое занятие, даже сон после большого перехода и сильной усталости, наш Аввакум прибежал босой, с заспанными глазами, и тотчас же начинал давать советы: как нужно поставить мишень, какой положить заряд, чем исправить ружье и т. д. Вместе с тем, сльвя хорошим стрелком, он обыкновенно пристреливал плохо бившие ружья в таком количестве зарядов, что от сильной отдачи у Рандзембы правое плечо было постоянно распухшим.

Во время пути Аввакум ехал верхом на лошади, предоставляя двум своим товарищам вести завьюченных верблюдов. Сам же беспрестанно заезжал то в ту, то в другую сторону, высматривая, нет ли где харасульта, и, заметив последних, тотчас же скакал к нам с предложением стрелять или

иногда подкрадывался сам, предварительно вырубив огонь и зажегши фитиль своего ружья. Товарищи Аввакума, на которых одних лежала дорогой вся забота о вьючных животных, видимо, не особенно были довольны подобными поисками зверей. Однажды они решились даже прибегнуть к крутой мере и заставили Рандзембу вести верблюдов. С удивлением увидели мы своего приятеля восседающим уже не на лошади и ведущего в поводу вьючных животных. Однако подобное заключение продолжалось недолго для вольнолюбивого Аввакума. На беду его спутников, в этот день, как нарочно, много встречалось антилоп. Рандземба, имевший возможность видеть с верблюда очень далеко, беспрестанно провожал и встречал далеко не равнодушными глазами этих животных, и когда наконец мы погнались за одной из хара-сульт, до того увлекся, что вовсе забыл о своих верблюдах и завел их в рытвину. Тогда товарищи Аввакума, видя, что из блудного сына проку не будет, прогнали от верблюдов Рандзембу, снова воссевшего с великой радостью на лошадь и по-прежнему принявшегося гоняться за хара-сультами.

На другой день после нашего прибытия тангутский караван выступил в путь. Дорогой мы со своими верблюдами шли в хвосте этого каравана, чтобы не задерживать остальных спутников при случайных остановках, как, например, для поправки вьюка

или чего-нибудь другого в этом роде. Хотя после продажи товаров в Дынь-юань-ине прежний багаж наш значительно уменьшился, но взамен этого мы купили 7 пудов рису и проса, которых, как мы слышали, нельзя достать в разоренной Гань-су. Другие мелочные закупки, как, например, запасные веревки, войлоки и тому подобное, до того увеличили нашу кладь, что мы по-прежнему едва уложили ее на девять верблюдов. Но теперь нам еще труднее было вчетвером управляться со всей этой обузой, так как мы должны были идти не по своей воле и ни в чем не отставать от своих спутников. Напрасно старался я нанять в работники какого-нибудь алашаньского монгола и предлагал за это красную цену — никто не соглашался идти с нами. Едва-едва, и то за плату по рублю в сутки, мы уговорили нескольких людей каравана пасти по ночам наших верблюдов вместе со своими; затем на нашу долю выпадало столько работы, что о научных исследованиях в пути нечего было и думать.

Обыкновенно мы вставали около полуночи, чтобы избежать дневного жара, и, сделав переход верст в тридцать — сорок, останавливались возле колодца или, за неимением его, сами копали яму, куда набиралась соленая вода. Наши товарищи, из которых иные ходили несколько раз взад и вперед по здешним пустыням, превосходно знали дорогу и чутьем угадывали места, где можно было достать воду, иногда на глубине не более 3 футов. В колодцах, изредка попадавшихся по пути, вода была большей частью очень дурна, да притом в эти колодцы дунгане иногда бросали убитых монголов. У меня до сих пор мутит на сердце, когда я вспомню, как однажды, напившись чаю из подобного колодца, мы стали поить верблюдов и, вычерпав воду, увидели на дне гнилой труп человека.

На местах остановок отдохнуть было невозможно. Раскаленная почва пустыни дышала жаром, как из печи, в воздухе часто не колыхал ни малейший ветерок, а тут нужно было ежедневно расседлывать и заседлывать верблюдов, у которых, в противном случае, во время жаров тотчас сбивается спина. Водопой наших животных также занимал более часа времени, так как воду приходилось таскать маленьким черпаком, да притом каждый верблюд пьет за раз два — три ведра. Поить же верблюдов

летом, в сильные жары, необходимо каждый день, конечно, если есть для этого вода. Даже ночью в течение нескольких часов, улученных для отдыха, мы спали вследствие крайнего физического истощения самым тревожным сном.

В первые дни шествия с тангутским караваном наша палатка постоянно была наполнена любопытными. Их интересовало все до мельчайших подробностей, не говоря уже об оружии; расспросам не было конца. Самая ничтожная вещица осматривалась и обнюхивалась по нескольку раз; при этом нужно было рассказывать об одном и том же то одному, то другому посетителю. Это была крайне тяжелая, но неминуемая доля, в противном случае мы не могли приобрести расположения своих спутников, от которых вполне зависели в дороге.

Собирание растений, производство метеорологических наблюдений и писание дневника возбуждали также немало любопытства, даже подозрения. Чтобы отклонить от себя последнее, я объяснил своим спутникам, что записываю в книгу то, что видел, чтобы не забыть об этом по возвращении на родину, где с меня потребуют отчета; растения собираю на лекарства, чучела птиц и зверей везу на показ, а метеорологические наблюдения произвожу для того, чтобы узнать вперед погоду. В последнем все были твердо уверены, после того как я однажды предсказал дождь вследствие понижения анероида. Титул «царского чиновника», поехавший со мной из Дынь-юаньина, много помог отклонить недоверчивость наших сотоварищей. При всем этом нельзя было производить некоторых крайне интересных наблюдений, как, например, магнитных, астрономических, измерений температуры почвы и воды в колодцах и тому подобное, — это возбудило бы неотклонимое подозрение. Жертвуя меньшим большему, я решился сделать все это на обратном пути, равно как глазомерную съемку. На этот раз я удовлетворялся маршрутом, да и то крайне неполным, так как у меня не было карманного компаса¹, да притом мы постоянно были окружены хотя несколькими из своих спутников. Неотвязчивость последних доходила до крайности. Случалось иногда, что, видя иногда настоящую необходи-

мость занести что-либо в свою карманную книжку, я умышленно отставал от каравана, как будто по нужде, и, сидя на корточках, записывал виденное. Да и в подобном случае следовало быть крайне осторожным, так как достаточно было кому-нибудь поймать меня только один раз, и тогда уже невозможно было отклонить самого сильного подозрения насчет нашего путешествия.

Собирание растений дорогой представляло также немало затруднений. Не успевали мы, бывало, сорвать какую-нибудь травку, как уже нас окружала целая толпа спутников с неизменными вопросами: «Ямур эм?» или «Цисык сейхэн бэйна?»¹ Если же случалось убивать птичку, то без преувеличения все наличные люди каравана подъезжали, каждый с одними и теми же вопросами: какая это птица? хорошо ли ее мясо? как я убил? и т. д. Волей-неволей на всю подобную назойливость нужно было смотреть сквозь пальцы, но такое притворство становилось по временам чересчур тяжело.

Миновав пески Тынгери, мы направились вдоль их южной окраины по глинистой бесплодной равнине, покрытой исключительно двумя видами солончаковых растений, и вскоре увидели впереди величественную цепь гор Гань-су. Словно стена, поднимались эти горы над равнинами Ала-шаня и далеко на горизонте, пока в неясных очертаниях выплывали снеговые гряды Кулиан и Лиан-чжу. Еще переход — и эти величественные громады предстали нам во всем блеске своей нерукотворной красоты. Пустыня кончилась также чрезвычайно резко. Всего на расстоянии 2 верст от голых песков, которые потянулись далеко к западу, расстилались обработанные поля, пестрели цветами луга и густо рассыпались китайские фанзы. Культура и пустыня, жизнь и смерть граничили здесь так близко между собой, что удивленный путник едва верил собственным глазам.

Столь резкая физическая граница, кладущая, с одной стороны, предел кочевой жизниномада, а с другой — не пропускающая за себя культуру оседлого племени, обозначается той самой Великой стеной, с которой мы познакомились возле Калгана

¹ Оба своих маленьких компаса я вынужден был подарить алашаньским князьям. (Примеч. автора.)

¹ Какое это лекарство? Цветок хорош ли? (Примеч. автора.)

и Гу-бей-коу. От этих мест описываемая стена тянется к западу по горам, окаймляющим Монгольское нагорье, обходит с юга весь Ордос и примыкает к Алашаньскому хребту, составляющему естественную преграду к стороне пустыни. Далее, от южной оконечности Алашаньских гор, Великая стена идет по северной границе провинции Гань-су, мимо городов Лан-чжеу, Гань-чжеу и Су-чжеу до крепости Цзя-юй-гуань.

Однако там, где мы теперь проходили Великую стену (если только можно употребить здесь это название), она вовсе не подходит на ту гигантскую постройку, которая воздвигнута в местностях, ближайших к Пекину. Вместо каменной громады мы увидели на границе Гань-су только глиняный вал, сильно разрушенный временем. По северную сторону этого вала (но не в нем самом) расположены на расстоянии 5 верст одна от другой сторожевые глиняные башни, каждая сажени три вышиной и столько же в квадрате у основания. Теперь эти башни совершенно заброшены, но прежде в каждой из них жило по 10 человек, обязанность которых состояла в том, чтобы передавать сигналами весть о вторжении неприятеля. Подобная сторожевая линия тянулась, как говорят, от Илийской провинции до самого Пекина, и известия по ней передавались с чрезвычайной быстротой. Сигналом служил дым, который поднимался с вершины башни, для чего здесь зажигался огонь. Монголы уверяли нас, что в подобном случае употреблялся волчий помет, смешанный с небольшим количеством бараньего; по наивным уверениям рассказчиков, дым от такого аргала всегда поднимается вертикально, хотя бы даже в сильный ветер.

В 2 верстах за Великой стеной лежит небольшой город Даджин, уцелевший от дунганского разорения. Во время нашего прохода здесь стояло 1000 человек китайского войска, солонцов, пришедших из Маньчжурии, с берегов Амура. Все они хорошо знали русских, некоторые даже говорили кое-как по-русски и, к крайнему нашему удивлению, приветствовали нас словами: «Здаластуй, како живешь?»

* * *

Утром 20 июня мы оставили Даджин и в тот же день поднялись на горы Гань-су, где сразу встретили новый климат и новую

природу. Высокое абсолютное поднятие, огромные горы, иногда достигающие пределов вечного снега, черноземная почва, наконец чрезвычайная сырость климата и, как следствие ее, обилие воды — вот что нашли мы с первым шагом на гористом плато Гань-су, отстоящем всего на 40 верст от пустынь Ала-шаня. Флора и фауна изменились также чрезвычайно резко: богатейшая травянистая растительность покрыла собой плодородные степи и долины, а густые леса осенили высокие и крутые склоны; животная жизнь явилась также в богатом разнообразии.

Подобно тому, как и в других горах Монголии, крайний хребет Гань-су разбивается вполне к равнине Ала-шаня, но на противоположной стороне спуски его коротки и пологи. Даже вечноснеговые гряды Кулиан и Лиан-чжу, которые оставались верстах в пятидесяти вправо от нашего пути, и те, сколько были видны издали, нерезко спускаются к стороне нагорья и имеют здесь, то есть на южном скате, только небольшие разбросанные пласты снега.

В долине реки Чагрын-гол ламы увидели нескольких человек, поспешно убежавших в горы. Воображая, что это дунганы, и притом обрадовавшись, что неприятелей так мало, наши спутники тотчас же начали стрелять, хотя до беглецов было очень далеко. Мы с товарищем и казаками бросились к тому месту, где началась пальба, думая, что действительно случилось нападение, но, увидав, в чем дело, остались зрителями подвигов своих спутников. Последние продолжали стрелять все более и более, хотя никого из беглецов уже не было видно. После выстрела каждый стрелявший кричал несколько секунд во все горло, а потом приступают заряжать ружье. Точно так же поступают китайские солдаты и дунганы во время боя; выстрелы у них непременно сопровождаются самыми неистовыми криками для устрашения врага.

Настрелявшись вдоволь, наши храбрые воители пустились в погоню и поймали одного человека, оказавшегося китайцем. Впрочем, быть может, он был и дунган, так как магометане-китайцы ничем не отличаются от своих собратьев конфуциева¹ учения. Пойманного решено было казнить по

¹ Конфуций — китайский философ (VI—V вв. до н. э.). Его учение оказало большое влияние на идеологию, обычаи народа. (Примеч. редактора.)

приходе на место ночлега; до тех пор он должен был идти с нашим караваном. Дорогой китаец отстал и спрятался в густой траве, но был отыскан и во избежание нового побега привязан своей косою к хвосту верблюда.

По приходе на место картина была еще лучше. Китайца привязали к вьюку и тут же, рядом с ним, начали точить саблю, которой намеревались отрубить пленнику голову. В это время между ламами шел горячий спор: одни хотели непременно казнить, другие — помиловать. Китаец, знавший по-монгольски, хорошо понимал, о чем идет речь, но сидел совершенно спокойно. Мало того, когда сварился чай и ламы начали его пить, то по привычке они начали угощать и пленного китайца, словно гостя. К крайнему нашему удивлению, китаец стал пить чай с таким аппетитом, как будто у себя дома; ламы наливали ему чашку за чашкой, а сами вели прежний разговор относительно казни. Такая история показалась нам чересчур отвратительной, и мы поскорее отправились на экскурсию в соседние горы. Возвратясь к вечеру, мы увидели китайца еще живым и узнали, что благодаря заступничеству начальника каравана несчастный был помилован и оставлен на привязи лишь до утра.

Перейдя порядочную речку Чагрын-гол, которая течет на юго-запад к городу Джунлинь, мы снова вступили в горы, не составляющие уже хребта окраины, но нагроможденные на высоком плато этой части Гань-су. Описываемый хребет сопровождается с севера течение самого большого из притоков верхней Хуан-хэ, именно Тэтунг-гола, или Да-тун-хэ; на южном берегу той же реки стоит другой, не менее громадный хребет. Теперь я буду продолжать о нашем следовании к кумирне Чейбсен.

Перейдя через перевал, который имеет весьма пологий подъем и только несколько более крутой спуск, мы остановились ночевать в горах. Здесь опять случилась история. Наши казаки, ходившие перед вечером за дровами, заметили в одном из ближайших ущелий огонь и возле него каких-то людей. Тотчас об этом было дано знать в лагерь, и здесь все зашевелилось. Предполагая, что виденные люди — дунганы, ожидающиеся ночи для нападения на нас, мы решили идти к ним, пока еще не совершенно стемнело. Из людей каравана к нам присо-

единилось восемь человек, и в том числе приятель Рандземба. Войдя в ущелье, мы начали осторожно подкрадываться к огню, но бывшие при нем люди заметили нас и пустились на уход. Тогда ламы с криком бросились за убежавшими, но погоня оказалась невозможной в густых кустах при наступивших уже сумерках с сильным дождем. Мы все собрались возле огня, на котором варилась в чугунной чаше какая-то еда; тут же лежал мешок с различными пожитками. Судя по костру, людей при нем было очень немного; полагая, что это, быть может, и не дунганы, наши товарищи стали кричать ушедшим по-монгольски, тангутски и китайски, приглашая их вернуться к костру. В ответ на это из кустов, росших по скату горы, раздался выстрел, и пуля просвистала возле нас. За такую дерзость мы решили проучить стрелявшего и пустили десятка полтора пуль по направлению дыма, склубившегося на месте выстрела с горы; ламы также принялись стрелять, и Рандземба, конечно, был главным действующим лицом. Долго после этого он не мог ничего рассказать про действие скорострельных ружей и, возвратясь в лагерь, на все вопросы своих товарищей только твердил: «Ай, лама, лама! Ай, лама, лама, лама!», тряс головой и махал руками, выражая тем удивление, переходившее границы.

Ночью решено было караулить, и мы легли спать, как обыкновенно, с ружьем под изголовьем. Не успел я еще задремать, как возле самой нашей палатки раздался выстрел и крик. Схватив штуцера и револьверы, мы выскочили на двор, но оказалось, что

это стрелял наш караульный на воздух. «Для чего ты делал это?» — спросил я у него. «А для того чтобы разбойники знали, что мы караулим», — отвечал лама. Такой способ караула нам пришлось видеть впоследствии и в китайских войсках, по крайней мере у милиции, собранной для защиты кумирни Чейбсен.

Река Тэтунг-гол, там, где мы теперь на нее вышли, то есть в среднем течении, имеет сажень двадцать ширины и быстро мчится по своему ложу, усеянному валунами всевозможной величины. Местами запертая с боков громадными отвесными скалами, эта буйная река прихотливо ломает русло, ревет и мечется между камнями. Там, где горы отодвигаются немного в сторону, Тэтунг всегда образует живописную долину; в одном таком месте приютилась под громадными скалами кумирня Чертынтон.

Ее настоятель, гыген, оказался весьма любознательным человеком. Узнав о прибытии русских, он тотчас же пригласил нас к себе пить чай и познакомиться. Мы, со своей стороны, подарили гыгену стереоскоп, которым святой остался чрезвычайно доволен, так что у нас сразу завязались хорошие отношения, даже дружба. К сожалению, этот гыген, родом тангут, не говорил по-монгольски, так что необходимо было призвать переводчика тангутского языка. Мы объяснились с помощью своего казака-буряты и этого переводчика, отправляя каждую фразу через два лица к третьему и таким же путем получая ответ. Чертынтонский гыген был даже художником и впоследствии нарисовал картину, изображавшую наше первое с ним свидание.

Невольная пятидневная остановка возле Тэтунг-гола была для нас как нельзя более приятна, так как мы могли в это время сделать несколько экскурсий в соседние горы и хотя немного познакомиться с их флорой и фауной. Богатство той и другой привели меня к решению вернуться сюда из кумирни Чейбсен и посвятить целое лето более подробному изучению гор, окрестных кумирне Чертынтон.

По словам наших спутников и местных жителей, с вьючными верблюдами невозможно было пройти через горный хребет, стоящий по правую (южную) сторону Тэтунга, а потому мы оставили своих животных на пастбище возле Чертынтонна и приуждены были нанять китайцев перевести

на мулах и ослах наш багаж в кумирню Чейбсен...

По приходе в Чейбсен мы были встречены своими дорожными приятелями — доньями — и поместились в большой пустой фанзе, которая служила складом продовольствия и идолов, получивших почему-то отставку. В этом просторном помещении мы могли разложить и просушить собранные дорогой коллекции, сильно пострадавшие от страшной сырости, какая встречается везде на нагорье Гань-су. Как обыкновенно, с первого же дня не было отбоя от любопытных, приходивших смотреть на невиданных людей и надоедавших невыносимо с раннего утра до поздней ночи. Едва мы выходили из своей фанзы, как являлась густая толпа, не отстававшая даже и в том случае, если кому-либо из нас приходилось отправиться за необходимым делом. Наши коллекции всего более возбуждали удивления и догадок. Некоторые начали подозревать, что собираемые растения, шкуры птиц и прочее — всё очень ценные вещи, но только местные жители не знают в них толку. Впрочем, моя репутация, как доктора, собирающего лекарства, несколько рассеяла подобные подозрения.

Целую неделю пробыли мы в Чейбсене, занимаясь снаряжением в горы на остальную часть лета. Прежде всего мы купили за 110 лан четырех мулов и наняли к себе в услужение монгола, знавшего тангутский язык.

Закупка других мелочей оказалась весьма затруднительной, так как по случаю разъездов восставших дунган торговля находилась в сильном застое.

Оставив всю лишнюю кладь в Чейбсене, мы завьючили необходимые вещи на купленных мулов, а также на двух своих лошадей, и 10 июля отправились обратно в горы, лежащие по среднему течению Тэтунга, вблизи кумирни Чертынтон.

1 сентября мы явились в Чейбсен, где в наше отсутствие нападения дунган усилились до крайней степени. Пешие, почти безоружные милиционеры, защищавшие кумирню и собранные теперь здесь в числе до 2000 человек, ничего не могли сделать конным повстанцам. Эти последние подъезжали к самой стене Чейбсена и, зная, что нас там нет, кричали: «Где же ваши защитники русские со своими хорошими ружьями? Мы пришли драться с ними». В ответ

Вид Куку-нора чрезвычайно красив.

на это милиционеры посылали иногда выстрелы, но пули фитильных ружей не попадали в цель. Наши приятели-донирсы, бывшие главными распорядителями в кумирне, ждали нашего возвращения, как манны небесной и, смешно даже сказать, присылали к нам в горы просить поскорее прийти в Чейбсен, защищать его от дунган.

Тем не менее положение наше было очень опасное, так как мы не могли поместиться теперь со своими верблюдами в кумирне, битком набитой народом, но должны были разбить палатку в одной версте отсюда на открытой луговой равнине. Здесь мы прежде всего организовали защиту на случай нападения. Все ящики с коллекциями, сумы с различными пожитками и запасами, равно как верблюжьи седла, были сложены квадратом, так что мы образовали каре, внутри которого должны были мы помещаться при появлении повстанцев. Здесь стояли наши штуцера с примкнутыми штывами и кучами патронов, а возле них лежало десять револьверов. На ночь все верблюды укладывались и привязывались вокруг нашего импровизированного укрепления и своими неуклюжими телами еще более затрудняли доступ, в особенности верховым людям. Наконец, чтобы не пускать пуль даром, мы отмерили со всех сторон расстояния и заметили их кучами камней.

Наступила первая ночь. Все заперлись в кумирне, а мы остались одни-одинешеньки, лицом к лицу с инсургентами, которые могли явиться сотнями, даже тысячами и задавить нас числом. Погода была ясная, и мы долго сидели при свете луны, рассуждая о прошлом, о далекой родине, о родных и друзьях, так давно покинутых. Около полуночи трое из нас легли спать, не раздеваясь, а один остался на карауле, который мы держали поочередно до утра. Совершенно спокойно прошел и следующий день. Дунгане канули словно в воду; не показывался даже и заколдованный богатырь. На третьи сутки повторилось то же самое, так что ободренные обитатели Чейбсена пригнали из кумирни свое стадо и начали пастись его возле нашей палатки. Шесть суток простояли мы у Чейбсена и далеко не нарочно подвергали себя подобной опасности: своей рискованной стоянкой мы покупали возможность пробраться на озеро Куку-нор.

Прямой путь к последнему лежит на города Сэн-гуань и Донкыр, направляясь

через которые можно достигнуть берегов озера в пять суток. Но так как Сэн-гуань в это время был занят дунганами, то нам, конечно, нечего было и думать пройти по этой дороге. Нужно было поискать другого пути, и он действительно нашелся благодаря нашему великому счастью. На третий день нашей стоянки возле Чейбсена сюда пришли с верховьев Тэтунга, из хошуна Мур-засак, три монгола, которые, пробираясь ночью по горным тропинкам, пригнали на продажу стадо баранов. Через несколько времени эти монголы должны были возвращаться обратно и могли служить для нас превосходными проводниками — нужно было только уговорить их взяться за это дело. Для вящего успеха я обратился к своему приятелю — чейбсенскому донирсу — и сделал ему хороший подарок. Подкупленный этим, донир уговорил пришедших монголов провести нас в хошун, то есть в Мур-засак с платой 30 лан за расстояние, не превышавшее 135 верст.

Главное препятствие, ставившее в тупик наших будущих вожатых, заключалось в том, что мы со своими выючными верблюдами не имели возможности идти ночью по горным тропинкам; следуя же днем, очень легко могли встретить дунган, которые постоянно ездят через горы из Сэн-гуаня в город Тэтунг. Вот тут-то и помогла рискованная стоянка возле Чейбсена. «С этими людьми вы не бойтесь дунган, — говорил донир вожатым монголам, — посмотрите, мы с двумя тысячами человек запираемся в своей кумирне, а они вчетвером стоят в поле, и никто не смеет их тронуть. Подумайте сами: разве простые люди могут это сделать? Нет, русские наперед всё знают, и их начальник непременно великий колдун или великий святой». Такая аргументация, приложенная к соблазнительной цифре 30 лан, окончательно победила нерешительность мурзасакских монголов. Они объявили, что готовы вести нас, но только просят погадать при них же о том, в какой день лучше отправиться в путь. Мне кстати нужно было сделать определение широты Чейбсена, и я достал свой универсальный инструмент, которым определил высоту солнца, а потом сделал магнитное наблюдение. Наши будущие спутники смотрели на все это с вытаращенными глазами, а затем принялись гадать по-своему.

Когда наблюдения были окончены, я объявил, что отправлением в путь следует обождать. Такая отсрочка для нас была необходима, для того чтобы свезти все коллекции в кумирню Чертынтон и оставить их там на хранение с большей безопасностью, нежели в Чейбсене, который могли взять дунгане. По гаданию монголов также выходило, что следует не торопиться выходом и, кроме того, необходимо было дать подмерзнуть горным болотам. Посоветовавшись, мы решили назначить свое выступление на 23 сентября, а до тех пор хранить все это в тайне. Получив задаток 10 лан, наши вожатые ушли в Чейбсен, а мы, не желая более торчать под носом у дунган, отправились обратно в горы и расположились в южной окраине Южного хребта. Отсюда мой товарищ съездил в кумирню Чертынтон и сдал тамошнему гыгену на хранение ящики с коллекциями, которые невозможно было тащить с собой на Куку-нор.

Наконец наступил желанный день нашего отправления, и 23 сентября, после полудня, мы вышли из Чейбсена. Как сказано выше, путь наш должен был лежать по горным тропинкам, лежащим в середине между двумя дунганскими городами: Сэн-гуань и Тэтунг. Исхудалым и полубольным верблюдам путь по горам был слишком труден, а потому мы разложили свою кладь на всех вьючных животных да, кроме того, взяли одного мула из числа приобретенных для летних экскурсий.

Первый небольшой переход прошел благополучно, но на другой день утром, невдалеке от кумирни Алтын, случилась история. Проводники заранее говорили нам, что здесь опасно, так как китайские солдаты караулят тропинку и грабят всех проходящих, будь то свои или дунгане. На это мы отвечали, что для нас решительно все равно, кто бы ни были нападающие грабители, и что мы встретим пулями китайцев так же, как и дунган. Действительно, лишь только мы показались в виду кумирни Алтын, как из ложины, в расстоянии версты от нас, выскочили человек тридцать конных, которые сделали несколько выстрелов в воздух и с криком бросились к нашему каравану. Когда всадники подскакали шагов на пятьсот, я приказал своим проводникам махать им и кричать, что мы не дунгане, но русские, и что если на нас сделают нападение, то мы станем сами стрелять. Вероятно, не расслы-

шав таких вразумлений, китайцы продолжали скакать и приблизились шагов на двести, так что мы чуть-чуть не открыли пальбу. К счастью, дело уладилось благополучно. Видя, что мы стоим с ружьями в руках и не пугаемся криков, китайцы остановились, слезли с лошадей и пришли к нам, уверяя, что они ошиблись, приняв нас за дунган. Конечно, это была одна отговорка, так как дунгане никогда не ездят на верблюдах; китайские солдаты имели в виду ограбить наш караван в случае, если бы мы струсили их криков и убежали от своих вьючных животных. Через несколько верст повторилась та же самая история от другой партии, засевавшей на тропинке, но и здесь китайцы ушли, ничем не поживившись.

На третий день пути предстоял самый опасный переход через две большие дунганские дороги из Сэн-гуаня в город Тэтунг. Первую из этих дорог мы минули благополучно, но с вершины перевала, ведущего на другой путь, мы увидели в расстоянии 2 верст от себя кучу конных дунган, быть может, человек около сотни. Впереди их гнали большое стадо баранов, и эти кавалеристы были, по всему вероятно, конвой. Заметив наш караван, конные сделали несколько выстрелов и столпились при выходе из ущелья, по которому мы шли. Нужно было видеть, что делалось в это время с нашими проводниками. Полумертвые от страха, они дрожащим голосом читали молитвы и умоляли нас уходить обратно в Чейбсен; но мы хорошо знали, что отступление только ободрит дунган, которые на лошадях все-таки легко могут догнать наш караван, и потому решили идти напролом. Маленькой кучкой из четырех человек, со штуцерами в руках, с револьверами за поясом, двинулись мы впереди наших верблюдов, которых вели проводники-монголы, чуть было не убежавшие при нашем решении идти вперед. Однако когда я объявил, что в случае бегства мы будем стрелять в них прежде, чем в дунган, то наши сотоварищи волей-неволей должны были следовать за нами. Положение наше действительно было весьма опасным, но иного исхода не предстояло — вся наша надежда заключалась в превосходном вооружении, незнакомом дунганам.

Расчет оказался верен. Видя, что мы идем вперед, дунгане сделали еще несколь-

ко выстрелов и наконец, подпустив нас не ближе как на версту (так что мы еще не начали стрелять из штуцеров), бросились на уход в обе стороны большой поперечной дороги. Тогда мы свободно вышли из ущелья, перешли большую дорогу и стали подниматься на следующий, очень крутой и высокий перевал. К довершению трудностей, наступил вечер и поднялась сильнейшая метель, так что наши верблюды едва-едва могли взобраться по тропинке. Спуск был еще хуже, сделалось совершенно темно, и мы ошупью полезли вниз, беспрестанно спотыкаясь и падая. Наконец после часа подобной ходьбы мы остановились в таком узком ущелье и густых кустарниках, что едва нашли место для палатки и только после больших усилий могли развести огонь, чтобы отогреть на нем окоченевшие члены.

Следующие пять дней пути прошли без всяких приключений, и мы благополучно достигли ставки Мур-засака, который имел свое местопребывание на берегу Тэтунг-гола, всего в 12 верстах от дунганского города Юнань-чень. Тем не менее начальник этого монгольского засака, принадлежащего в административном отношении уже к Куку-нору, жил постоянно в великой дружбе с дунганями, которые покупали у него скот и привозили на продажу свои товары.

Благодаря письму чейбсенского донира к Мур-засаку, в котором он отрекомендовал меня чуть ли не родственником самого богдохана, мы получили двух проводников до следующего тангутского стойбища, почти в самых верховьях Тэтунга. Конечно, при этом не обошлось без подарков самому Мур-засаку; проводникам же я платил каждому теперь по два цина в сутки и давал продовольствие.

Пройденный нами бассейн верхнего течения Тэтунг-гола носит вполне гористый характер, большей частью такой же дикий, как и возле кумирни Чертынтон. Как там, так и здесь два главных хребта — один с севера, другой с юга — сопровождают течение описываемой реки, пуская от себя боковые отроги, которые в Южном хребте служат разделом притоков самого Тэтунга и других речек, текущих то в Силин-гол, то в Куку-нор. Самая большая из этих речек, встреченная нами на пути, была Бугук-гол; она составляет приток Силин-гола и течет в превосходной, чрезвычайно живописной долине. На левой стороне Тэтунга Север-

ный хребет вблизи города Юнань-чень круто поворачивает к северу, к истокам реки Эцзинэ. В то же время эти горы делаются еще выше, скалистее и выдвигают из себя вечноснежную вершину Конкыр — одну из священных гор тангутской земли.

Южный хребет, в пространстве от Чейбсена до Мур-засака, везде покрыт на своих северных склонах кустарниками, к которым в долине Бугук-гола присоединяется в большом количестве еловый лес; скаты же, обращенные на юг, по-прежнему представляют превосходные пастбища. Далее, за Мур-засаком, к верховьям Тэтунга, и в особенности за невысоким перевалом через водораздел между бассейном этой реки и Куку-нором, характер гор изменяется: они мельчают в своих размерах (за исключением лишь главного хребта), мало имеют скал, везде представляют пологие скаты, обыкновенно занятые кочковатыми болотами, которые преобладают везде и по долинам. Кустарники совсем исчезают, за исключением лишь желтого курильского чая, местами сплошь покрывающего большие площади. Словом, все возвещает близость степей Куку-нора, в равнину которого мы вышли 12 октября, а через день разбили свою палатку на самом берегу озера.

Мечта моей жизни исполнилась. Заветная цель экспедиции была достигнута. То, о чем еще недавно мечталось, теперь превратилось уже в осуществленный факт. Правда, такой успех был куплен ценой многих тяжких испытаний, но теперь все пережитые невзгоды были забыты, и в полном восторге стояли мы с товарищем на берегу великого озера, любясь на его чудные, темно-голубые волны...

* * *

Тангуты, или, как их называют китайцы, «си-фань», одноплеменные тибетцам. Они занимают гористую область Гань-су, Куку-нор, восточную часть Цайдама, но всего более бассейн верхнего течения Хуан-хэ, распространяясь отсюда к югу до Голубой реки, а может быть, и далее. За исключением Куку-нора и Цайдама вышеназванные местности у тангутов носят общее имя «Амдо» и считаются их территорией, хотя описываемое племя живет большей частью смешанно с китайцами и отчасти с монголами.

По своему наружному типу тангуты резко отличаются как от тех, так и от других, но отчасти напоминают цыган. Общий рост их средний, частью даже большой, сложение коренастое, плечи широкие. Волосы, брови, усы и борода у всех, без исключения, черные; глаза черные, обыкновенно большие или средней величины, но не узко прорезанные, как у монголов. Нос прямой, иногда (не особенно редко) орлиный или вздернутый кверху; губы большие и довольно часто отвороченные. Скулы хотя отчасти и выдаются, но не резко, как у монголов; лицо вообще продолговатое, но не плоское; череп круглый; зубы отличные, белые. Общий цвет кожи и лица смуглый, у женщин иногда матовый; кроме того, женщины вообще меньше ростом, нежели мужчины.

В противоположность монголам и китайцам, у тангутов сильно растут усы и борода, но они всегда их бреют. Волосы на голове также бреют, оставляя косу на затылке; ламы же, как и у монголов, бреют всю голову.

Женщины носят длинные волосы, разделяя их посередине и сплетая по бокам головы в мелкие косички — от 15 до 20 на каждой стороне; в эти косички щеголихи вплетают бусы, ленты и тому подобные украшения. Кроме того, женщины румянят себе лицо, употребляя для этой цели китайские румяна, а летом — землянику, которая в изобилии растет по горным лесам. Впрочем, обычай румяниться мы заметили только в

Гань-су; на Куку-норе и в Цайдаме его нет, быть может, потому, что здесь трудно достать снадобья, необходимые для этой цели.

Одежда тангутов делается из сукна или из бараньих шкур, что обусловливается местным климатом: чрезвычайно сырым летом и холодной зимой. Летняя одежда как мужчин, так и женщин состоит из серого суконного халата, который достает только до колен, китайских или собственного производства сапог и войлочной, обыкновенно серой, низкой шляпы с широкими полями. Рубашек и панталон тангуты никогда не носят, так что даже зимой шубы надеваются прямо на голое тело; верхние части ног обыкновенно остаются непокрытыми исподним платьем. Богатые надевают халаты из синей китайской дабы, что уже считается щегольством, а ламы, так же как и у монголов, носят красную, реже желтую, одежду.

Вообще одеяние тангутов далеко беднее, нежели монголов, так что шелковый халат, сплошь и рядом попадающийся в Халхе, в тангутской стране можно встретить только как исключительную редкость. Но какова бы ни была одежда и время года, тангут постоянно опускает свой правый рукав, так что рука и часть груди этой стороны остаются голыми; подобная привычка не покидается даже в дороге, конечно, если тому благоприятствует состояние погоды.

Многие щеголи делают оторочку своей одежды барсовыми шкурами, получаемыми из Тибета, и, сверх того, в левом ухе носят большую серебряную серьгу с вставленным в нее красным гранатом. Затем огниво и ножик за поясом на спине, кисет и трубка на левом боку — необходимые принадлежности костюма каждого тангута. Кроме того, на Куку-норе и в Цайдаме все они, равно как и монголы, носят за поясом длинные широкие тибетские сабли. Железо на этих саблях крайне плохое, хотя цена их очень высокая; по 3—4 лана за самый простой клинок и до 15 лан за клинок с лучшей отделкой.

Женщины, как упомянуто выше, носят ту же самую одежду, что и мужчины; только при парадном одеянии они навешивают через плечи широкие полотенца, украшенные белыми кружками около дюйма в диаметре. Эти кружки делаются из раковин и насаживаются один от другого на расстоянии 2 дюймов. Кроме того, красные бусы, по-

добно тому, как и у монголов, составляют самую существенную сторону щегольства богатых женщин.

Универсальное жилище тангута составляет черная палатка, сделанная из грубой и редкой, как сито, шерстяной ткани. Палатка прикрепляется к четырем кольям по углам, а бока ее притягиваются на петлях к земле; в середине почти плоской верхушки находится продольный разрез, шириной около фута, для выхода дыма; этот прорез закрывается во время дождя и на ночь.

Только в богатой лесами гористой области Гань-су черная палатка заменяется иногда деревянной избой или фанзой, там, где тангуты живут вместе с китайцами и, подобно им, занимаются хлебопашеством. По своему наружному виду тангутские деревянные избы сильно напоминают наши курные белорусские, но постройка этих изб хуже. В них вовсе нет деревянного пола, и даже самые стены сделаны без сруба, прямо из неотесанных бревен, положенных одно на другое. Промежутки между бревнами замазываются глиной, а плоская крыша состоит из накатника, сверху которого насыпана земля; в середине такой крыши устроено, вроде окна, отверстие для выхода дыма.

Но и подобное жилище слишком комфортно в сравнении с черной палаткой. Здесь, по крайней мере, тангут защищен от непогоды, между тем как в черном шатре, его то мочит летний дождь, то морозит зимний холод.

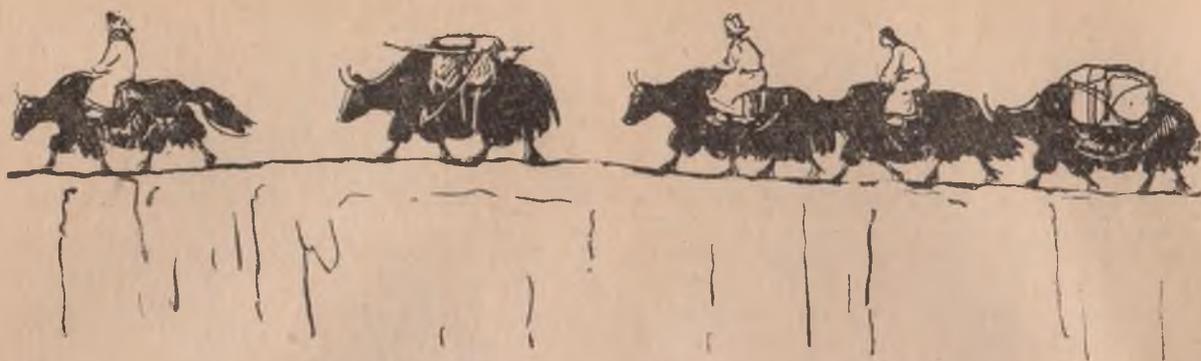
Главное занятие тангутов — скотоводство, которое доставляет все необходимое для их незатейливой жизни. Из домашнего скота тангуты разводят всего более яков и баранов (не курдючных), в меньшем числе держат лошадей и коров. Богатство скота вообще весьма велико, что, конечно, обусловливается обилием превосходных пастбищ по горам Гань-су и в степях озера Кукунор; там и здесь нам нередко случалось видеть стада сарлоков в несколько сот, а баранов даже в несколько тысяч голов, принадлежащих одному хозяину. Но владельцы подобных стад все-таки живут в грязных, черных палатках, как самые бедные из их собратьев. Много-много, если богатый тангут наденет дабовый халат вместо простого сукошного да съест лишний кусок мяса, — во всем остальном жизнь этого человека ничем не отличается от жизни его прислуги.

Характерным животным тангутской земли и неразлучным спутником тангута является длинношерстый як. Это животное разводится также в Алашаньских горах и в большом числе содержится монголами северной части Халхи, обильной горами, водой и привольными пастбищами. Все это составляет необходимое условие для яка, который живет хорошо исключительно в местностях гористых и притом значительно поднятых над уровнем моря. Вода составляет необходимую потребность для яков; они очень любят купаться и так ловко плавают, что на наших глазах не раз переплывали быстрый Тэтунг-гол, даже с вьюком на спине. По величине домашние яки равняются нашему обыкновенному рогатому скоту, а по окраске шерсти бывают черные или пестрые, то есть черные с белыми пятнами; совершенно белые яки встречаются лишь изредка.

Несмотря на свое вековое рабство, як достаточно сохранил буйный нрав дикого животного; движения его быстры и ловки; в раздраженном состоянии он делается опасным для человека своей свирепостью.

Как домашнее животное як в высшей степени полезен. Он не только доставляет шерсть, превосходное молоко и мясо, но употребляется и для перевозки тяжестей. Правда, чтобы завьючить яка, нужно большое искусство и терпение, но зато он с кладью в 5—6 пудов отлично идет по высоким и крутым горам, иногда самыми опас-

ными тропинками. Верность и твердость шага описываемого животного изумительны; як лепится иногда по таким карнизам, где едва мог бы пробраться козел или дикий баран. В тангутской земле, где мало верблюдов, яки служат почти исключительно вьючными животными, и на них отправляются большие караваны из Куку-нора в Лассу.

В горах Гань-су стада яков пасутся почти без всякого присмотра; целый день они бродят на пастбищах, а на ночь пригоняются к палаткам своих хозяев.

Молоко, доставляемое коровами яков, превосходного вкуса и густо, как сливки; масло, из него приготовляемое, всегда желтого цвета и по качеству далеко выше масла коровьего. Словом, як во всех отношениях чрезвычайно полезное создание, и нельзя не пожелать, чтобы это животное распространилось у нас в Сибири и в тех местах Европейской России, которые могут доставить ему привольную жизнь, как, например, на Уральских горах и на Кавказе, тем более что подобная акклиматизация не представит особенных затруднений.

Тангуты ездят на яках даже верхом. Для управления животным как при верховой езде, так и при вьючной яку продевают сквозь ноздри большое и толстое деревянное кольцо, за которое привязана веревка, заменяющая узду.

Яки охотно скрещиваются с домашними коровами, и быки от такой помеси, называемые монголами и тангутами «хайнык», гораздо сильнее и выносливее для вьючной езды, а потому ценятся несравненно дороже.

Небольшая часть из виденных нами тангутов, живущих вместе с китайцами в окрестностях Чейбсена, занимается земле-

делием, но оседлая жизнь, видимо, не по нутру их подвижной натуре. Оседлые тангуты всегда завидуют кочевым собратьям, которые со своими стадами бродят с пастбища на пастбище; притом пастушеская жизнь, конечно, всего менее доставляет забот ленивому характеру этого народа.

На своих кочевьях тангуты всегда располагаются по несколько юрт вместе и очень редко живут в одиночку, что сплошь и рядом делают монголы. Вообще характер и привычки обоих этих народов совершенно противоположны. В то время как монгол привязан исключительно к сухой, бесплодной пустыне и боится сырости более чем других невзгод своей родины, тангут, обитающий в стране, лежащей рядом с Монголией, но прямо противоположной ей по своему физическому характеру, сделался человеком совсем иного закала. Влажность климата, горы, роскошные пастбища — вот что манит к себе тангута, который ненавидит пустыню и боится ее как смертельного врага.

В лесных горах Гань-су некоторые тангуты, только очень немногие, занимаются точением деревянной посуды — чашек для еды и для сохранения масла; впрочем, последнее сберегается главным образом в сарлочьих или бараньих брюшинах.

Более других развитое, можно сказать даже единственное, занятие тангутов — это сучение сарлочьей (реже бараньей) шерсти для сукна, из которого делается вся местная одежда. Сучение производится как дома, так и походя, на длинной (3—4 фута) палке, к вершине которой приделана рогулька для висячего веретена. Однако тангуты сами не ткут сукна из приготовляемых ниток, но отдают эту работу китайцам. Замечательно, что в Гань-су мерение сукна

при покупке (по крайней мере, у тангутов) производится размахом рук, так что величина меры и сообразно тому плата за нее зависят от роста покупателя.

В тангутской стране, где кирпичный чай, по случаю дунганских смут, очень дорог, его заменяют сушеными головками желтого лука, в изобилии растущего по горам, и еще какой-то травой, которую сушат и прессуют наподобие табака. Главная фабрикация такого чая происходит в городе Донкыре, а потому он известен под именем «донкыр-ского». Отвратительный настой этой травы тангуты приправляют молоком и пьют в невероятном количестве. Подобно тому, как и у монголов, котел с чаем целый день не сходит с очага, и чаепитие производится, наверное, около 10 раз в день; каждый гость непременно угощается чаем.

Необходимую принадлежность чая составляет дзамба, горсть которой сыплется в чашку, до половины наполненную чаем, и затем разминается здесь руками в крутое тесто, к которому для вкуса подбавляется масло и сушеный творог (чурма). Впрочем, подобные добавления встречаются только у зажиточных; бедные же довольствуются одной дзамбой с чаем. Это составляет главную пищу тангутов, которые вообще мало едят мяса. Даже богатый тангут, владеющий несколькими тысячами голов скота, редко убьет для себя барана или сарлока.

После чая и дзамбы тангуты едят всего более тарык, то есть вскипяченное скисшее молоко, с которого предварительно сняты сливки для масла. Тарык — самая любимая молочная пища тангутов, и его можно найти в каждой палатке; сверх того, богатые приготавливают из творога с маслом особый сыр, но это уже считается великой роскошью.

Так как тангуты, за весьма малыми исключениями, сами не занимаются земледелием, то для покупки дзамбы, равно как и прочего необходимого, они ездят в город Донкыр, составляющий самое важное торговое место описываемого народа. Сюда тангуты гонят скот, везут шкуры, шерсть и меняют все это на дзамбу, табак, дабу, китайские сапоги и прочее, так что торговля в Донкыре главным образом меновая. На Куку-норе и в Цайдаме даже цена вещей определяется не деньгами, но количеством баранов, идущих в обмен.

Приветствие при встрече у тангутов состоит в том, что они вытягивают горизонтально обе руки и говорят «ака-тэму», то есть «здравствуй». Слово «ака», подобно тому, как у монголов «нохор», выражает здесь то же, что наше «господин» или «милостивый государь», и часто употребляется в разговорах. При первом знакомстве и вообще при посещении кого-либо, в особенности важного лица, тангуты всегда дарят шелковый хадак; качеством хадаков до некоторой степени определяется взаимное расположение гостя и хозяина.

Подобно монголам, тангуты чрезвычайно усердные буддисты и притом страшно суеверны. Различное колдовство и гаданье рядом с процессиями религиозного культа встречаются у описываемого народа на каждом шагу. Усердствующие богомолы ежегодно отправляются в Лассу. Ламы у тангутов во всеобщем почитании, и влияние их на народ безгранично. Только кумирни в тангутской земле встречаются реже, нежели в Монголии, так что гыгены, которых здесь также довольно много, иногда живут в черных палатках вместе с простыми смертными. Последние по окончании жизни не зарываются в землю, но выбрасываются в лес или в степь на съедение грифам и волкам.

* * *

Озеро Куку-нор, называемое тангутами «Цок-гумбум», а китайцами — «Цин-хай»¹, лежит к западу от города Синина, на высоте 10 500 футов над уровнем моря. По своей форме оно представляет эллипсис, вытянутый большой осью от запада к востоку. Окружность описываемого озера простирается от 300 до 350 верст. Точной меры узнать было невозможно, но местные жители говорили нам, что нужно две недели для обхода озера пешком и от семи до восьми дней для объезда его на верховой лошади.

Берега Куку-нора не извилисты и очень мелки; вода соленая, негодная для питья. Но эта соленость придает поверхности описываемого озера превосходный темно-голу-

¹ Монгольское имя означает «Голубое озеро», китайское — «Синее море»; перевод же тангутского названия Куку-нор мы не могли узнать достоверно. У местных и вообще у южных монголов описываемое озеро называется «Хуху-нор», то есть твердая буква «к» переделяется в более мягкий звук «х». (Примеч. автора.)

бой цвет, на который обращают внимание даже монголы и удачно сравнивают его с цветом голубого шелка. Вообще вид Куку-нора чрезвычайно красив, в особенности когда мы застали это озеро поздней осенью, и окрестные горы, уже покрытые снегом, стояли белой рамкой широких, бархатно-голубых вод, убегавших к востоку от нашей стоянки за горизонт.

С береговых гор в Куку-нор течет много небольших речек, но более значительных притоков считается восемь; из них самый большой Бухайн-гол, впадающий в юго-западный угол описываемого озера.

Как и на других больших озерах, даже слабый ветер разводит здесь сильное волнение, так что Куку-нор редко бывает спокоен и то лишь на самое короткое время. Сильные ветры, по словам жителей, господствуют здесь в период замерзания озера, что происходит около половины ноября; вскрывается же оно в конце марта; следовательно, бывает покрыто льдом 4,5 месяца.

В западной части Куку-нора, верстах в двадцати от его южного берега, лежит скалистый остров, имеющий в окружности от 8 до 10 верст. Здесь построена небольшая кумирня, в которой живут 10 лам. Летом сообщение их с берегом прервано, так как на всем Куку-норе нет ни одной лодки и никто из жителей не занимается плаванием по озеру. Зимой к отшельникам приходят по льду богомольцы и приносят в дар масло или дзамбу; в это время сами ламы также отправляются на берег собирать для себя подаяние.

Куку-нор обилен рыбой, но рыболовством занимаются здесь лишь несколько десятков монголов, которые возят свою добычу на продажу в город Донкыр. Снарядами для рыбной ловли служат небольшие сети; ими ловят преимущественно в береговых речках. Рыба, которую нам случилось видеть у монголов или ловить самим, вся принадлежала к одному только виду¹. Однако рыбаки уверяли нас, что в озере водятся несколько других пород рыб, но они редко их ловят своими жалкими снарядами.

О происхождении Куку-нора у местных жителей существует легенда, которая гла-

¹ Этот вид оказался новым и относится к семейству карповых, его назвали шизопигопсис Пржевальского. (Примеч. редактора.)

сит, что нынешнее озеро некогда находилось под землей в Тибете, там, где теперь стоит Ласса, и уже заведомо для людей перешло на свое настоящее место. Такое событие совершилось следующим образом.

Во времена очень древние, когда еще не существовало нынешней резиденции далай-ламы, один из тибетских царей вздумал построить великолепный храм в честь Будды и, выбрав для этого место, приказал начать работу. Несколько тысяч людей трудились целый год, но когда здание было почти готово, оно вдруг разрушилось само собой. Работу начали снова, и опять, лишь только довели до конца, храм рухнул от неизвестной причины; то же самое повторилось и в третий раз. Тогда удивленный и уstraшенный царь обратился к одному из гыгенов для разъяснения причины подобного явления. Однако пророк не мог дать удовлетворительного ответа, но объявил своему повелителю, что в далеких странах Востока есть святой, который один из всех смертных знает желаемую тайну, и что если удастся выпытать ее у него, тогда постройка храма будет окончена благополучно. Получив подобный ответ, тибетский царь выбрал заслуженного ламу и послал его искать вышеупомянутого святого.

В течение нескольких лет посланный лама объездил почти все буддийские земли, посетил знаменитые кумирни, виделся и говорил с различными гыгенами, но нигде не мог найти человека, указанного тибетским пророком. Огорченный неудачей своей миссии, посланник решил вернуться домой и на этом обратном пути проезжал обширные степи на границе Тибета с Китаем. Здесь однажды у него сломалась пряжка у подпруги седла, и путник, чтобы починить ее, зашел в одинокую бедную юрту, видневшуюся невдалеке. В этой юрте он увидел слепого старика, который был занят молитвой, но приветствовал своего гостя и предложил ему взять новую пряжку от собственного седла. Затем старик пригласил ламу пить чай и стал спрашивать, откуда он и куда ездил. Не желая без нужды разглашать цель своего путешествия, посланец отвечал, что он родом с востока и ездит теперь молиться по разным кумирням.

«Да, мы счастливы, — сказал старик, — что имеем много прекрасных храмов, каких нет в Тибете. Там напрасно принимаются

строить большую кумирню; это здание никогда не устоит, потому что в том месте, где хотят его воздвигнуть, находится подземное озеро, которое колеблет почву. Только ты должен хранить этот секрет в тайне, потому что если кто-нибудь из тибетских лам его узнает, тогда воды подземного озера придут сюда и погубят нас.

Лишь только старик окончил свою речь, как путник вскочил с места, объявил, что он именно есть тибетский лама, которому нужно было узнать секрет, сел на свою лошадь и ускакал. Отчаяние и страх овладели стариком. Он начал громко звать о помощи, и когда наконец пришел один из его сыновей, пасший невдалеке стадо, то старик велел ему тотчас оседлать коня, догнать ламу и отнять у него «язык». Под этим словом святой разумел свою тайну и, отдавая сыну приказание отнять ее, тем самым уполномочивал его убить путника. Но слово «хылэ» по-монгольски означает язык у человека или животных и также язычок в пряжке подпруги. Поэтому, когда посланный догнал ламу и объяснил ему, что его отец требует возвратить «хылэ», тот отстегнул взятую у старика пряжку и беспрекословно ее отдал. Получив такой «хылэ», сын возвратился к своему отцу, и когда последний узнал, что привезена пряжка от подпруги, а сам лама уехал далее, то воскликнул: «Такова, вероятно, воля божия, теперь все кончено, мы погибли!» Действительно, в ту же ночь раздался страшный подземный гул, земля раскрылась, и из нее полилась вода, которая вскоре затопила обширную равнину. Множество стад и людей погибло, в том числе и проболтавшийся старик. Наконец бог сжалился над грешниками. По его велению, явилась чудовищная птица, взяла в свои лапы огромную скалу в горах Нань-шань и бросила ее на то отверстие, откуда изливалась вода. Прибыль последней была остановлена, но затопленная равнина осталась озером; спасительная же скала явилась на нем островом, который существует и доныне.

Самым замечательным животным куку-норских степей может считаться дикий осел, или хулан, называемый тангутами «джан». Этот зверь по величине и наружности походит от мула; цвет его шерсти сверху тела светло-коричневый, снизу чисто белый. Хулан встречен был нами в первый раз на верховьях Тэтунг-гола, там, где горы

Гань-су делаются безлесными и принимают луговой характер. Начиная отсюда дикий осел распространяется через Куку-нор и Цайдам в Северный Тибет, но в самом большом количестве живет на привольных лугах озера Куку-нор.

Впрочем, степи не составляют исключительного местопребывания описываемого животного; оно не избегает и гор, если только в них имеются пастбища и хорошая вода. В Северном Тибете мы встречали иногда хуланов в высоких горах, где они паслись вместе с куку-яманами.

Хуланы обыкновенно держатся стадами от 10 до 50 голов; табуны в несколько сот экземпляров встретились нам лишь в степях Куку-нора. Впрочем, и здесь такие стада, вероятно, образуются случайно, и мы не раз видали, как они разбивались на несколько партий, уходивших в разные стороны.

Каждое отдельное стадо состоит из кобыл, которыми предводительствует жеребец. Смотря по возрасту, силе и смелости последнего, число кобыл бывает больше или меньше, так как первым условием вербовки подобного гарема, по всему вероятно, служат личные качества вожака. Старые, опытные самцы собирают в один косяк иногда до полусотни наложниц, тогда как молодые жеребцы довольствуются 5 или 10 кобылами. Очень молодые или особенно несчастливые жеребцы бродят в одиночку и только издали могут завидовать благополучию более взрослых и счастливых соперников. Последние неусыпно наблюдают за подобными подозрительными личностями и ни в каком случае не позволяют им приближаться к своим гаремам.

Внешние чувства хулана развиты превосходно: он видит и чует удивительно. Убить это животное очень трудно, в особенности в равнинной местности. Здесь самое лучшее идти прямо к стаду, которое подпускает охотника шагов на пятьсот и в редких случаях даже на четыреста. Но на такое расстояние даже из превосходного штуцера нельзя рассчитывать на верный выстрел, тем более что хулан удивительно крепок на рану. При подходе на открытой местности никогда не следует спускаться во встречные рвы или вообще в углубления почвы, так как хуланы в подобном случае тотчас подозревают засаду и пускаются на уход. Изредка на пересеченной местности удается

подкрасться к описываемому зверю шагов на двести или ближе, но и в таком случае хулан не будет убит наповал, если пуля не попадет в мозг, сердце или позвоночный столб. Даже с перебитой ногой он еще ухитрится бежать, но вскоре залегает где-нибудь во рву или в яме. Всего удобнее подкарауливать хуланов на водопое, как то и делают местные жители, которые весьма ценят мясо этого животного, в особенности осенью, когда оно бывает очень жирно.

Испуганный хулан пускается бежать всегда под ветер, подняв вверх свою большую безобразную голову и оттопырив тонкий маловолосистый хвост. Во время бега стадо следует за вожаком, обыкновенно вытянувшись в одну линию. Отбежав несколько сот шагов, оно останавливается, толпится в кучу и, повернувшись к предмету испуга, смотрит сюда в течение нескольких минут; при этом жеребец выходит вперед и старается разузнать, в чем дело. Если охотник продолжает наступать, то хуланы опять бросаются на уход и бегут на этот раз уже гораздо дальше. Но вообще описываемый зверь далеко не так осторожен, как то может казаться при первом с ним знакомстве. Голос хулана я слышал только два раза: однажды, когда жеребец загонял отбившихся от стада самок, а в другой раз, когда он дрался с другим самцом. Этот голос слышен как глухое, но довольно громкое и отрывистое рывканье, соединенное с храпением.

По выходе из гор Гань-су наши верблюды, истомленные трудной дорогой, сделались окончательно негодными к дальнейшему пути. По счастью, на Куку-норе было много верблюдов, так что мы без труда и

очень дешево променяли своих усталых животных, приплатив средним числом от 10 до 12 лан за каждого. Теперь мы снова владели 11 свежими верблюдами. Но — увы! — в кармане у нас осталось менее 100 лан денег. С такой ничтожной суммой нечего было и думать добраться до Лассы, хотя обстоятельства этому вполне благоприятствовали. Именно, через несколько дней по прибытии нашем на Куку-нор, к нам приехал тибетский посланник, который отправлен был в 1862 году далай-ламой с подарками к богдохану, но попал сюда как раз в то время, когда началось дунганское восстание в Гань-су и Синин был занят инсургентами. С тех пор, то есть целых 10 лет, этот посланник жил на Куку-норе или в городе Донкыре, не имея возможности пробраться в Пекин и не смея ворочаться назад в Лассу. Услыхав, что четверо русских прошли через ту страну, которую он не решается пройти с сотнями своих конвойных, тибетский посланник приехал «посмотреть на таких людей», как он сам выразился.

Этот посланник, по имени Камбы-нанту, оказался очень любезным, предупредительным человеком и предлагал нам свои услуги в Лассе. В то же время он уверял, что далай-лама будет очень рад видеть у себя русских и что мы встретим самый радушный прием в столице тибетского владыки. С грустью слышали мы такие рассказы, зная, что только один недостаток материальных средств мешает нам пробраться в глубь Тибета. А скоро ли выпадет такой благоприятный случай для другого путешественника? Да и сколько затрат потребуется вновь для достижения цели, которая могла бы быть теперь выполнена

сравнительно небольшими средствами! Имей мы на Куку-норе 1000 лан денег, то, наверное, дошли бы до Лассы, а оттуда могли предпринять путь на озеро Лоб-нор или в какие-либо другие местности.

Таким образом, вынужденные отказаться от намерения пройти до столицы Тибета, мы тем не менее решили идти вперед до крайней возможности, зная, насколько ценно для науки исследование каждого лишнего шага в этом неведомом уголке Азии.

Цайдамские равнины, бывшие, по всему вероятно, в недавнюю геологическую эпоху дном огромного озера, представляют сплошное болото, почва которого настолько пропитана солью, что эта соль местами лежит толстой (0,5—1 дюйма) корой наподобие льда. Затем здесь довольно часто встречаются топи, небольшие речки и озерки, а в западной части описываемой страны находится большое озеро Хара-нор. Из рек самая большая Баян-гол, которая в том месте, где мы ее переходили (по льду), имеет 230 сажен ширины, но незначительную глубину, всего фута 3, и топкое, иловатое дно.

Глинисто-соленая почва этой страны, конечно, не способна производить разнообразной растительности. За исключением лишь нескольких видов болотных трав, местами образовавших площади вроде лугов, все остальное пространство покрыто тростником вышиной от 4 до 6 футов. Сверх того, на местах, где посуше, является в изобилии хармык, найденный нами уже в Ордосе и Ала-шане, но достигающий здесь размеров саженного куста. Его сладко-соленые ягоды,

обыкновенно всегда очень урожайные, составляют, подобно алашаньскому сульхиру, главную пищу как людей, так и животных Цайдама. Местные жители — монголы и тангуты — поздней осенью собирают подсохшие на ветках ягоды хармыка и делают из них запас на целый год. Эти ягоды варят в воде и едят, смешав с дзамбой; кроме того, пьют сладко-соленый отвар.

Ягодами хармыка питаются почти все птицы и звери Цайдама, не исключая даже волков и лисиц; верблюды также очень любят подобное лакомство. Впрочем, в Цайдаме зверей мало, чему причиной, вероятно, соленая почва, которая сильно портит подошвы лап и копыта животных. Лишь изредка здесь можно встретить хара-сульту или хулана и несколько чаще — волка, лисицу или зайца. Малое количество зверей обуславливается еще тем обстоятельством, что летом болота Цайдама кишат мириадами комаров, мошек и оводов, так что даже местные жители откочевывают на это время в горы со своими стадами.

Монголы сообщали нам, что болота Цайдама тянутся к западо-северо-западу дней на пятнадцать пути от того места, по которому мы шли; далее, на протяжении нескольких дней ходу, залегает голая глина, за которой находится степное и частью холмистое место Гаст, обильное водой и пастбищами. Однако здесь никто не живет, но водится множество хуланов; за ними приезжают охотники с озера Лоб-нор, до которого от Гаста всего семь дней пути. Вообще из Восточного Цайдама, где мы были, до озера Лоб-нор, по уверению местных жителей, около месяца пути, следовательно 750—900 верст, полагая на каждый дневной

переход 25—30 верст. За хорошую плату в Цайдаме можно найти проводника по крайней мере до Гаста, откуда уже нетрудно попасть и на Лоб-нор.

Такой путь, кроме громадной важности географических исследований, представил бы возможность решить в высшей степени интересный вопрос о диких верблюдах и диких лошадях. В существовании тех и других нас единогласно уверяли монголы Цайдама и подробно описывали каждое животное.

По словам рассказчиков, дикие верблюды обитают в достаточном числе в Северо-Западном Цайдаме, где местность представляет совершенную пустыню с сухой глинистой почвой, поросшей бударганой. Вода здесь встречается чрезвычайно редко, но верблюды не стесняются этим и ходят на водопой за целую сотню верст, а зимой довольствуются снегом.

Дикие верблюды живут небольшими обществами — от 5 до 10, редко до 20 экземпляров; в большие стада никогда не соединяются. По своей наружности они мало отличаются от домашних верблюдов; только у диких туловище тоньше и морда острее; кроме того, у них шерсть имеет сероватый цвет.

Монголы Западного Цайдама охотятся за дикими верблюдами и бьют их для еды преимущественно поздней осенью, когда эти животные бывают очень жирны. Отправляясь на такую охоту, промышленники берут с собой большой запас льду, чтобы не погибнуть от безводия тех местностей, в которых водятся дикие верблюды. Последние, вероятно, не очень осторожны, если их можно бить из фитильных ружей. Монголы говорили нам, что дикий верблюд отлично обоняет и видит вдаль, но на близком расстоянии зрение его гораздо хуже. В феврале, в период течки, самцы делают чрезвычайно смелые и иногда прибегают к караванам, которые следуют из Цайдама в город Лньси-чжоу. Случается, что караванные верблюды уходят тогда вместе с дикими и уже больше не возвращаются.

Кроме Цайдама, мы и прежде слышали рассказы монголов о диких верблюдах, которые водятся в земле тургутов в пустынях от озера Лоб-нор к Тибету.

18 ноября мы достигли ставки начальника хошуна Дзун-засак, откуда, по приказанию кукупорского гыгена, должны были

дать нам проводника до Лассы. Мы всё еще скрывали, что не попадем туда, чтобы не возбудить подозрения. Хошунный князек долго затруднялся, кого с нами отправить, и дело затянулось на целых три дня. Наконец к нам явился монгол, по имени Чутун-дзамба, который девять раз ходил в Лассу проводником караванов. После долгих переговоров и обычного чаепития мы наняли этого старика очень дешево, по семи лан в месяц, при нашем продовольствии и верховом верблюде. Сверх того, мы обещали Чутун-дзамбе награду за усердное исполнение своих обязанностей и на следующий день отправились в Тибет, намереваясь пройти по этой неведомой стране хотя бы до верховьев Голубой реки.

Как осеннее, так и, в особенности, весеннее путешествие караванов через Северный Тибет никогда не обходится благополучно. Много людей, а в особенности верблюдов и яков гибнет в этих страшных пустынях. Подобные потери здесь так обыкновенны, что караваны всегда берут в запас четверть, а иногда даже треть наличного числа вьючных животных. Иногда случается, что люди бросают все вещи и думают только о собственном спасении. Так, караван, вышедший в феврале 1870 года из Лассы и состоявший из 300 человек с 1000 вьючных верблюдов и яков, потерял вследствие глубоковыпавшего снега и наступивших затем холодов всех вьючных животных и около 50 людей. Один из участников этого путешествия рассказывал нам, что когда начали ежедневно дохнуть от бескормицы целыми десятками вьючные верблюды и яки, то люди принуждены были бросить все товары и лишние вещи; потом понемногу бросали продовольственные запасы, затем сами пошли пешком и напоследок должны были нести на себе продовольствие, так как в конце концов остались живыми только три верблюда, да и то потому, что их кормили дзамбой. Весь аргал занесло глубоким снегом, так что отыскивать его было очень трудно, а для растопки путники употребляли собственную одежду, которую поочередно рвали на себе кусками. Почти каждый день кто-нибудь умирал от истощения сил, а больные, еще живыми, все были брошены на дороге и также погибли.

Но, несмотря на все свое бесплодие и неблагоприятные климатические условия, пустыни Северного Тибета чрезвычайно богаты животной жизнью. Не видавши собственными глазами, невозможно поверить, чтобы в этих обиженных природой местностях могло существовать такое громадное количество зверей, скопляющихся иногда в тысячные стада. Только бродя с места на место, эти сборища могут находить достаточно для себя корма на скудных пастбищах пустыни. Зато звери не знают здесь своего главного врага — человека — и вдали от его кровожадных преследований живут свободно и привольно.

Характерные и наиболее многочисленные млекопитающие тибетских пустынь суть: дикий як, белогрудый аргали, куку-ман, антилопы — оронго и ада, хулан и

желтовато-белый волк. Кроме того, здесь живут: медведь, манул, лисица, корсак, заяц, сурик и два вида пищухи.

Часть этих животных была уже встречена нами в Гань-су и на Куку-норе, так что здесь я расскажу подробно только о собственно тибетских видах, среди которых на первом плане, несомненно, должен стоять дикий як, или длинношерстый бык.

Это великолепное животное действительно поражает своей громадностью и красотой. Старый самец достигает почти 11 футов длины без хвоста, на который вместе с густыми волнистыми и длинными волосами, его украшающими, приходится еще 3 фута; высота животного у горба 6 футов; окружность туловища посередине 11 футов, а вес приблизительно 35—40 пудов. Голова яка украшена огромными рогами, длиной 2 фута 9 дюймов. Тело описываемого животного покрыто густой и грубой черной шерстью, которая у старых самцов принимает коричневый оттенок на спине и верх-

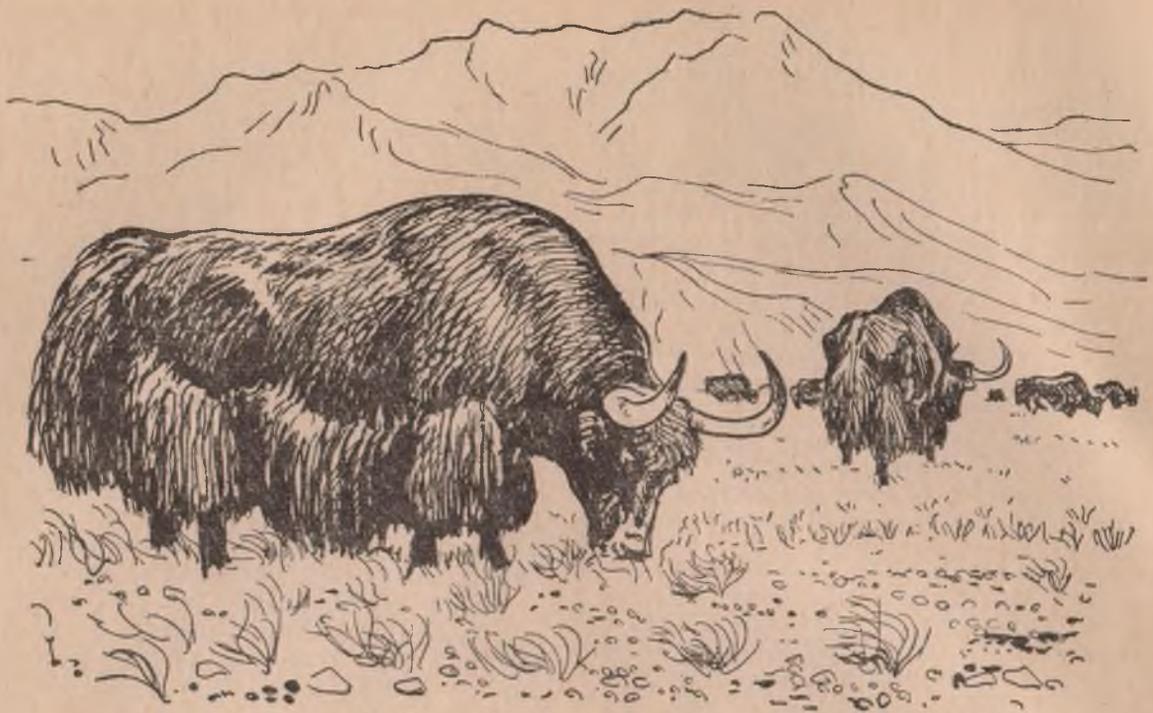
ней части боков. Низ тела, подобно хвосту, снабжен длинными черными волосами, свешивающимися в виде широкой бахромы. Шерсть на морде с проседью, которая у молодых экземпляров является на всей верхней части тела; вдоль спины у них тянется узкая серебристая полоса. Кроме того, у молодых яков шерсть гораздо мягче и не имеет коричневого оттенка, но совершенно черная. Молодые самцы, хотя уже и взрослые, много меньше старых, но зато рога у них гораздо красивее и загнываются концами назад; между тем у старых быков рога загнуты концами более внутрь, а при основании всегда покрыты морщинистым серовато-бурым наростом.

Самки несравненно меньше самцов и далеко не так красивы, как эти последние. Рога у них коротки и тонки; горб очень мал; волосы на хвосте и на боках туловища далеко не так роскошны, как у быков.

Чтобы иметь полное понятие о диком яке, нужно видеть это животное в его родных пустынях. Как сказано выше, это обширные плоскогорья, поднятые на 13—15 тысяч футов абсолютной высоты. Они прорезаны громадными хребтами гор, дикими и бесплодными, как вся вообще природа этих стран. Оголенная почва только кое-где прикрыта здесь скудной травой, да и той невозможно как следует развиваться при постоянных холодах и бурях, господствующих большую часть года. В таких негостеприимных местностях, среди самой унылой природы, но зато вдали от беспощадного человека живет на свободе знаменитый длинношерстый бык, известный еще древним под именем «позфагус».

Впрочем, этот характерный зверь Тибетского нагорья распространяется к северу далее границы Тибета. Он встречается, и, как говорят, в значительном числе, на горах Гань-су, в верховьях рек Тэтунга и Эцзинэ, где в то же время проходит северная граница географического распространения описываемого животного. Но в Гань-су дикий як из года в год уменьшается в числе, будучи сильно преследуем местными жителями.

Физические качества яка далеко не так совершенны, как у других диких животных. Правда, этот зверь обладает громадной силой и превосходным обонянием, но зато зрение и слух развиты у него довольно слабо. Даже на ровной местности и в ясный день

як едва ли отличит на 1000 шагов человека от других предметов; в сумрачную же погоду он замечает охотника лишь на половинное расстояние. Точно так же шорох шагов или какой-либо другой шум возбуждают внимание описываемого зверя лишь тогда, когда достигнут крайней степени; зато як одарен превосходным обонянием и по ветру чувствует человека за полверсты, если не более.

Умственные способности яка, подобно тому, как и других быков, стоят на весьма низкой степени; об этом можно судить по чрезвычайно малому количеству головного мозга у описываемого животного.

На покормке стадо яков обыкновенно ходит немного врасыпную, но отдыхает, лежа плотной кучей. В подобную же кучу оно собирается, заметив опасность, причем телята становятся внутри, а несколько взрослых самок и самок выходят вперед и стараются разузнать, в чем дело. Если тревога произошла даром и охотник подходит ближе, а в особенности если он делает выстрел, то вся столпившаяся громада пускается опретью на уход, частью рысью, частью же галоном. При последнем беге многие животные наклоняют головы книзу, хвосты загибают на спину и мчатся

вперед без оглядки; пыль поднимается густым столбом, топот копыт слышен очень далеко.

Впрочем, такая бешеная скачка обыкновенно продолжается недалеко — редко версту, часто же и того менее. Затем испуганное стадо начинает бежать тихой рысью и вскоре останавливается в прежнем порядке, то есть молодые внутри кучи, а взрослые по ее наружной окраине. Если охотник снова приближается, то повторяется прежняя история, и вообще однажды напуганное стадо уходит далеко.

Бег одиночного яка рысистый; вскачь он бросается только несколько шагов с места, да и то лишь тогда, когда бывает напуган. На лошади всегда легко догнать описываемого зверя, как бы он ни бежал. По горам самым высоким и скалистым як лазает превосходно; мы видели этих зверей на таких крутизнах, куда взобраться было в пору лишь куку-яману.

Большие стада яков зимой обыкновенно держатся в местах, обильных пастбищами, тогда как отдельные самцы или их небольшие общества встречаются везде и всюду. В пройденной нами северной части Тибета яки-быки начали попадаться тотчас же за

хребтом Бурхан-Будда, тогда как стада этих животных явились лишь возле Баянхара-ула, а в особенности на южном склоне этих гор и по берегам Мур-усу; до тех пор только два раза встретили небольшие стада возле реки Шуга.

Монголы говорят, что летом, когда растет молодая трава, большие стада также доходят до Бурхан-Будды, кочуя с места на место, но на зиму они всегда возвращаются к берегам Мур-усу; старые же самцы, которым не нравятся дальние переходы, остаются на прежних местах и зимой.

Самую крупную черту характера дикого яка составляет лень. Утром и перед вечером описываемый зверь идет на пастбище, а остальную часть дня проводит в ненарушительном покое, которому предается лежа или иногда даже стоя. Одно пережевывание жвачки свидетельствует в это время, что як жив; во всем остальном он походит на истукана; даже голова остается в одном и том же положении по целым часам.

Для лежбища як выбирает всего чаще северный склон горы или какой-нибудь обрыв, чтобы избегнуть солнечных лучей, так как он вообще не любит тепла. Даже в тени этот зверь всего охотнее ложится на снег,

а если его нет, то на голую землю в пыль, нарочно разрывая для этого копытами глинистую почву; впрочем, довольно часто можно видеть отдыхающих яков там же, где они и паслись.

Места пастбищ и отдыха описываемых животных всегда сплошь покрыты пометом, который составляет единственное топливо в здешних пустынях.

Одаренный громадной физической силой, як в своих родных пустынях, вдали от человека, не имеет опасных врагов, так что большая часть этих животных умирает от старости. Впрочем, дикие яки подвержены болезни, называемой монголами «хомун», которая состоит в том, что все тело зверя мало-помалу покрывается коростой и шерсть на таких местах вылезает. Не знаю, влечет ли подобная болезнь за собой смерть или як со временем выздоравливает, но только мне самому случилось убить два старых экземпляра, у которых большая часть тела была лишена волоса и покрыта чесоткой.

Охота за диким яком насколько заманчива, настолько же и опасна, так как раненый зверь, в особенности старый самец, часто бросается на охотника. И тем страшнее

становится это животное, что нельзя рассчитывать убить его наверно даже при самом полном искусстве и хладнокровии стрелка. Пуля из превосходного штуцера не пробивает кости черепа, если только не попадет прямо над мозгом, количество которого ничтожно в сравнении с громадной головой; выстрел же, направленный в туловище зверя, только в самом редком случае может убить его наповал. Понятно, что при таких условиях охотнику невозможно рассчитывать на верный выстрел, хотя бы даже в упор, а следовательно, нельзя и ручаться за благополучный исход борьбы с гигантом тибетских пустынь. Стрелка выручает только одна глупость и нерешительность яка, чувствующего, несмотря на свою свирепость, непреодолимый страх перед смелым человеком. Но будь як немного поумнее, то он был бы для охотника страшнее тигра, так как, повторяю, убить этого зверя сразу, наверняка, возможно лишь в самых редких случаях. Одним только числом выстрелов можно одолеть яка, а потому для охоты за ним необходимо иметь скорострельный штуцер. Конечно, здесь дело идет о старых самцах; коровы же и вообще стада этих животных бегут без оглядки при первом выстреле.

Впрочем, и старые яки не всегда бросаются на охотника, но часто также уходят, будучи даже ранеными. В таком случае их всего лучше преследовать собаками, которые догоняют зверя, хватают его за хвост и принуждают остановиться. Рассвирепевший як бросается тогда то на одну, то на другую собаку и не обращает внимания на охотника. Еще удобнее и безопаснее преследовать яка или даже целое стадо верхом на хорошей лошади, которая без труда догоняет тяжелого зверя. К сожалению, обе наши лошади при бескормице пустыни едва волочили ноги, а потому мы ни разу не могли испытать удовольствия верховой охоты.

Зато с каким увлечением предавались мы с товарищем пешеходным охотам за яками, в особенности сначала, когда впервые встретили этих животных! Вооруженные скорострельными штуцерами, мы выходили ранним утром из своей юрты и отправлялись на поиски за желанным зверем. Заметить его нетрудно простым глазом на расстоянии нескольких верст; в бинокль же эту черную громаду видно очень далеко, хотя иногда случается обманываться, при-

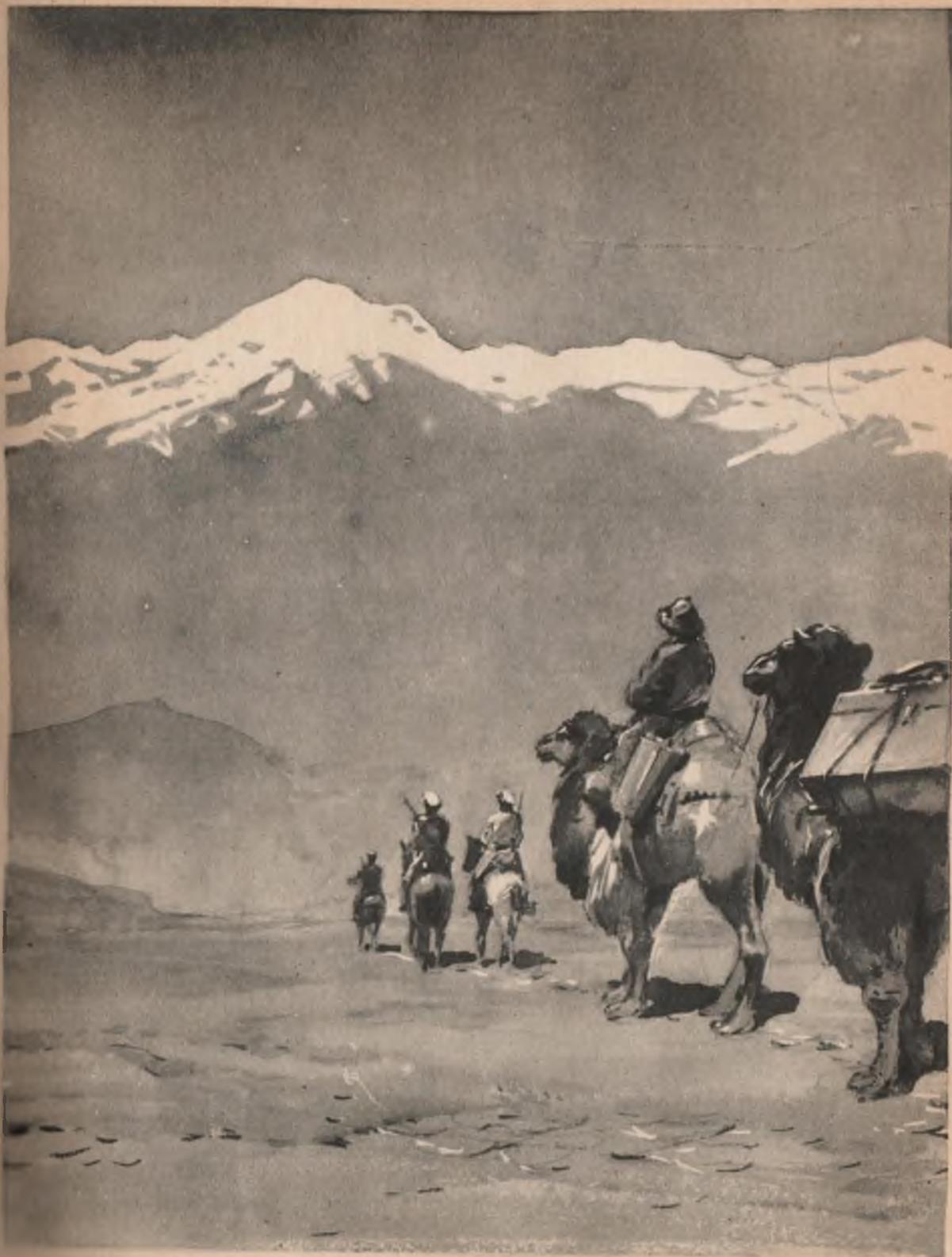
нимая большой черный камень за лежащего яка. Впрочем, начиная от реки Шуги, в особенности на Баян-хара-ула и по берегам Мур-усу, этих зверей везде было такое множество, что в окрестностях нашей юрты обыкновенно всегда виднелись пасущиеся или отдыхающие одиночки и даже целые стада.

Подкрасться к дикому яку на выстрел очень нетрудно, легче, чем ко всякому другому зверю. Благодаря плохому зрению и слуху описываемого животного к нему даже на открытом месте почти всегда можно подойти шагов на триста; на такое расстояние быки (не только стадо) подпускают к себе охотника, даже заметив его издали. Не испытав преследования со стороны человека и будучи уверен в своей силе, зверь не страшится приближающегося охотника и только пристально смотрит на него, махая по временам своим огромным хвостом или закидывая его на спину. Такое маханье хвостом у яка как домашнего, так и дикого служит признаком раздраженного состояния: зверь начинает сердиться, видя, что хотят нарушить его покой.

Когда охотник продолжает наступать все ближе и ближе, то як убегает, изредка отставливаясь и поспатривая в сторону человека; если же при этом он испуган выстрелом или ранен, то бежит много часов сряду.

В горах удается иногда подойти к яку на полсотни шагов, если только ветер не от охотника. Когда же як находился на местности открытой и я желал подойти к нему поближе, то употреблял для этой цели особый способ. Приблизившись к зверю шагов на триста, я полз далее на коленях, подняв над головой штуцер с приделанными к нему для меткости стрельбы сошками таким образом, что эти сошки образовали подобие рогов. При этом на охоте я был всегда одет в сибирскую кухлянку, сделанную из молодых оленьих шкур шерстью вверх, так что подобное одеяние также много обманывало близорукого зверя и он всегда подпускал шагов на двести или даже на сто.

Приблизившись на такое расстояние, я ставил свой штуцер на сошки, поспешно доставал патроны, клал их возле себя на снятую фуражку и, стоя на коленях, начинал стрелять. Случалось, что после первой же пули зверь пускался на уход, тогда я про-

Два с половиной месяца, проведенных нами в пустынях Северного Тибета, были одним из самых трудных периодов во время всей экспедиции.

вожал его выстрелами шагов до шестисот, иногда даже далее. Если же як был старый самец, то гораздо чаще вместо ухода он бросался в мою сторону, нагнув вперед рога и забросив хвост на спину. При подобном нападении более всего обнаруживалась глупость описываемого животного. Вместо того чтобы выбирать одно из двух: или уходить или смело нападать, як, сделав несколько шагов в сторону выстрела, останавливался в нерешимости, вертел хвостом и тотчас же получал новую пулю. Тогда он вновь бросался вперед, и снова повторялась прежняя история, так что в конце концов зверь падал мертвым, получив с десяток, иногда даже более, пуль и все-таки не добежав до меня еще целую сотню шагов. Случалось также, что после двух — трех выстрелов як пускался на уход, но, получив еще пулю вдогонку, он вновь поворачивал ко мне и опять напрашивался на выстрел. Вообще из всех убитых или раненых нами яков только двое подбежали на 40 шагов и, вероятно, подошли бы еще ближе, если бы не были убиты; но, сколько можно было заметить, чем более приближается нападающий зверь к охотнику, тем трусливее и неохотнее он наступает.

Чтобы еще более дать понятие о подобных охотах, я расскажу, каким образом был убит як, шкура которого находится в нашей коллекции.

Однажды перед вечером мы заметили трех яков, пасшихся в горной долине, недалеко от нашей юрты. Я тотчас отправился к зверям и, приблизившись шагов на двести, выстрелил в самого большого из них. После выстрела яки пустились на уход, но, отбежав с полверсты, остановились. Я опять подкрался к ним на 300 шагов и снова выстрелил в прежнего зверя. Оба его товарища бросились бежать, но дважды раненый великан остался на месте и потихоньку шел в мою сторону. Со мной был огнестрельный штуцер Бердана. Из него я пускал в яка пулю за пулей — они били, как в мишень, даже видно было, как летела пыль из того места шкуры, куда попадала пуля; но зверь все-таки то шел ко мне, то отбегал назад, получив чересчур чувствительный удар. Он находился еще шагах в ста пятидесяти, когда я расстрелял все бывшие со мной 13 пуль и, оставив одну в ружье на всякий случай, бегом пустился в свою юрту за новыми зарядами. Здесь я

пригласил своего товарища, взял одного из казаков, и мы втроем отправились добывать могучего зверя. Между тем наступили сумерки, что для нас было очень невыгодно, так как меткий выстрел был уже невозможен.

Когда мы пришли к тому месту, где остался як, то нашли его лежащим на земле; только поднятая голова с огромными рогами свидетельствовала, что зверь еще жив. Мы приблизились к нему шагов на сто и выстрелили залпом; в то же мгновение як вскочил и бросился к нам. Тогда мы начали сыпать в него пулями из трех скорострельных штуцеров, но зверь все-таки приближался к нам и наконец подошел на 40 шагов. Еще залп — и як, взмахнув хвостом, пустился на уход, но, отбежав с сотню шагов, остановился. Между тем стало совершенно темно, так что я решил прекратить пальбу, тем более что можно было ручаться, что зверь издохнет ночью от полученных ран. Действительно, назавтра утром мы нашли его уже мертвым. В туловище яка мы насчитали 15 пуль и 3 в голове; из последних ни одна не пробил толстой кости черепа, прикрытого кожей в полдюйма толщиной.

В другой раз, бродя по горам, я вдруг увидел трех лежащих яков, которые не замечали меня за крутым скатом и спокойно отдыхали. Не думая долго, я прицелился и выстрелил; тогда все три зверя вскочили, но, не зная, в чем дело, не убежали. Вторая пуля в того же самого яка попала так ловко, что убила зверя наповал; два других его товарища продолжали стоять и, по обыкновению, махали хвостами. Третий мой выстрел был также очень удачен: он перебил второму яку ногу, и тот поневоле должен был остаться на месте. Тогда я направил свой огонь в третьего зверя, но не так скоро покончил с ним, как с двумя его товарищами. После первой же пули этот як бросился ко мне, но, пробежав с десяток шагов, остановился. Еще я посадил в него пулю, и опять як немного подвинулся в мою сторону; наконец зверь приблизился уже на 40 шагов, когда после седьмой пули кровь хлынула у него ручьем из горла и великан рухнул на землю. Затем я без труда дострелил третьего яка с перебитой ногой и таким образом, в несколько минут, не сходя с места, убил трех огромных зверей. Подойдя к ним, я увидел, что у того яка, кото-

рый бросался ко мне, все семь пуль Бердана сидели в груди рядом, словно пуговицы. Нужно знать страшную силу штуцерной пули, чтобы понять, насколько был крепок зверь, который мог выдержать семь подобных ударов чуть не в упор.

После многих опытов я убедился, что всего лучше стрелять яка под лопатку, и если возможно, то в левый бок; тогда штуцерная пуля даже на 200 шагов пробивает зверя насквозь (останавливаясь всегда под кожей противоположной стороны) и всего скорее может здесь задеть сердце или легкие. Впрочем, малокалиберная пуля, какова у ружья Бердана, даже пронизав сердце, не сразу убивает старого яка, который после такой раны еще бегаёт несколько минут. Выстрел же описываемому зверю в голову, хотя бы в упор, самый неверный; если пуля даже большого калибра попадет здесь не прямо против мозга, но хотя немного наискось, то она не пробивает костей черепа. Мне всегда приходило на мысль в случае, если як бросится решительно, стрелять ему в упор в ногу, перебив которую, сразу можно обезоружить зверя.

Коровы и молодые самцы также чрезвычайно выносливы на рану, а потому убить самку яка очень трудно, так как они ходят стадом и нет возможности направить огонь в одно и то же животное. Притом стадо всегда гораздо осторожнее, и подкрасться к нему на меткий выстрел гораздо труднее, чем к одиночному самцу. В продолжение своего зимнего пребывания в Тибете мы с товарищем убили 32 яка (не считая ушедших раненых).

Монголы страшно боятся дикого яка, и нам рассказывали, что караваны богомольцев, встретив в узком ущелье лежащего зверя, останавливаются и ждут, пока он уйдет в сторону. Впрочем, цайдамские монголы довольно часто охотятся за яком. Главной приманкой такой охоты служит громадное количество мяса, получаемого с одного животного. Охотники собираются партией, человек в десять, и едут за хребет Бурхан-Будда или далее на реку Шуга. Не решаясь вступить с зверем в открытый бой, монголы стараются подкрасться к нему из-за какого-нибудь прикрытия, стреляют залпом и сами прячутся, в ожидании, что будет далее. Обыкновенно раненый як, не видя никого, уходит; тогда охотники преследуют его издали, и если пули попали хо-

рошо, то назавтра, а иногда через день или два находят зверя мертвым. При подобной охоте, конечно, убивается редкий як, так как его стреляют из фитильных ружей, пуля которых действует несравненно слабее штуцерной. Иногда случается, что раненный монголами зверь, убежав от места стрельбы, встречает стреноженных лошадей охотников и убивает их своими могучими рогами. Кроме мяса, монголы берут сердце и кровь яка, которые они считают лекарством от болезней; шкуры возят на продажу в город Донкыр, а из длинных волос хвоста и боков туловища вяжут веревки.

Мясо дикого яка, в особенности жирного молодого самца или яловой коровы, очень вкусно, но все-таки хуже, чем говядина домашнего сарлока; старые же самцы имеют очень твердое мясо.

Два с половиной месяца, проведенных нами в пустынях Северного Тибета, были одним из самых трудных периодов во всей экспедиции. Глубокая зима с сильными морозами и бурями, полное лишение всего, даже самого необходимого, наконец различные другие трудности — все это, день в день, изнуряло наши силы. Жизнь наша была в полном смысле «борьбой за существование», и только сознание научной важности предпринятого дела давало нам энергию и силы для успешного выполнения своей задачи.

Для большей защиты от зимних холодов высокого Тибетского нагорья мы запаслись юртой, которую нам подарил дядя кукунорского вана. Правда, возня с этой юртой при ее установке на месте и при укладке на выюк прибавляла немало работы, но зато в своем новом жилище мы несравненно лучше были укрыты от бурь и морозов, нежели в летней палатке.

Юрта наша имела 11 футов в диаметре основания и 9 футов до верхнего отверстия, заменявшего окно и трубу для дыма. 3-футовая дверь служила лазейкой в это жилище, остов которого обтягивался тремя войлоками с боков и двумя сверху; кроме того, для тепла мы впоследствии обкладывали боковые войлоки шкурами оронго.

Внутреннее убранство нашего обиталища не отличалось комфортом. Два походных сундука (с записными книгами, инструментами и другими необходимыми вещами), войлок и другие принадлежности для сна, оружие и прочее размещались по бокам

юрты, в середине которой устанавливался железный таган, и в нем зажигался аргал. Последний, за исключением ночи, горел постоянно как для приготовления чая или обеда, так равно и для теплоты. Мало-помалу за деревянные клетки боков и под колья крыши подсовывалось то то, то другое, так что к вечеру, в особенности после раздевания на ночь, весь потолок юрты увешивался сапогами, чулками, подвертками и тому подобными украшениями.

В таком жилище мы проводили трудные дни нашего зимнего путешествия в Тибете.

Утром, часа за два до рассвета, мы вставали, зажигали аргал и варили на нем кирпичный чай, который вместе с дзамбой служил завтраком. Для разнообразия иногда приготавливали затуран¹ или пекли в горячей аргальной, то есть навозной, золе пшеничные лепешки. Затем на рассвете начинались сборы в дальнейший путь, для чего юрта разбиралась и выючилась вместе с другими вещами на верблюдов. Все это занимало часа полтора времени, так что в дорогу мы выходили уже порядочно уставши. А между тем мороз стоит трескучий, да вдобавок к нему прямо навстречу дует сильный ветер. Сидеть на лошади невозможно от холода, идти пешком также тяжело, тем более неся на себе ружье, сумку и патронташ, что все вместе составляет выюк около 20 фунтов. На высоком же нагорье, в разреженном воздухе, каждый лишний фунт тяжести убавляет немало сил; малейший подъем кажется очень трудным, чувствуется одышка, сердце бьется очень сильно, руки и ноги трясутся; по временам начинаются головокружение и рвота.

Ко всему этому следует прибавить, что наше теплое одеяние за два года предшествовавших странствований так износилось, что все было покрыто заплатами и не могло достаточно защищать от холода. Но лучшего взять было негде, и мы волею-неволей должны были довольствоваться дырявыми полушубками или кухлянками и такими же теплыми панталонами; сапог не стало вовсе, так что мы подшивали к старым голенищам куски шкуры с убитых яков и шеголяли в подобных ботинках в самые сильные морозы.

¹ Затуран — сибирское название кирпичного чая, приготовленного с мукой, жиром, солью и молоком. (Примеч. редактора.)

Очень часто случалось, что к полудню поднималась сильная буря, которая наполняла воздух тучами пыли и песку; тогда идти уже было невозможно, и мы останавливались, сделав иногда переход верст в десять или того менее. Но даже в благоприятном случае, то есть когда погода была хороша, и тогда переход в 20 верст утомляет на высоком нагорье Тибета сильнее, нежели вдвое большее расстояние в местностях с меньшим абсолютным поднятием.

На месте остановки необходимо развьючить верблюдов и поставить юрту; эта процедура опять занимает почти час времени. Затем нужно идти собирать аргал, рубить лед для воды и усталому, голодному ждать, пока наконец сварится чай. С жадностью ешь тогда отвратительное месиво из дзамбы с маслом и рад-радехонок, что хотя подобным кушаньем можно утолить свой голод.

После такого завтрака мы с товарищем обыкновенно идем на охоту, если только позволяет состояние погоды, или я пишу свои заметки, а казаки приготавливают обед, для чего снова рубится лед и замерзшее камнем мясо. То и другое кладется в чашу, в которой предварительно залепляются дырки кусочками сырой шкуры и смоченной дзамбой. Наша единственная посуда — чаша и чайник от времени издырявились в нескольких местах, так что ежедневно приходилось заклеивать эти дырки; впоследствии мы починили их более прочным способом, употребив для такой цели несколько медных гильз от патронов Бердана.

Обед обыкновенно поспевал часам к шести или семи вечера и был самой роскошной трапезой, так как теперь мы могли есть вдоволь мяса. Правда, мяса мы столько добывали охотой, что имели возможность прокормить несколько сот людей, но для самих себя не всегда могли зажарить или сварить, так как мясо обыкновенно сильно замерзало и нужно было довольно долго таять его и лед для супа. Притом же вследствие разрежения воздуха аргал на Тибетском нагорье горит очень плохо и дает весьма мало жару; вода же закипает при 85°С, а потому мясо трудно сварить как следует.

После обеда, который вместе с тем служил и ужином, являлась новая работа. Так как все лужи и ручьи, за весьма редкими

исключениями, были промерзшими до дна, а снегу также не имелось, то приходилось ежедневно таять два ведра воды для двух наших верховых лошадей. Затем наступало самое тяжелое для нас время — долгая зимняя ночь. Казалось, что после всех дневных трудов ее можно бы было провести спокойно и хорошенько отдохнуть, но далеко не так выходило на деле. Наша усталость обыкновенно переходила границы и являлась истомлением всего организма; при таком полуболезненном состоянии спокойный отдых невозможен. Притом же вследствие сильного разрежения и сухости воздуха во время сна всегда являлось удушье, вроде тяжелого кошмара, и рот и губы очень сохли. Прибавьте к этому, что наша постель состояла из одного войлока, насквозь пропитанного пылью и посланного прямо на мерзлую землю. На таком ложе и при сильном холоде без огня в юрте мы должны были валяться по 10 часов сряду, не имея возможности спокойно заснуть и хотя на это время позабыть всю трудность своего положения.

Дни, которые посвящались охоте, проходили более отрадным образом, но, к сожалению, морозы и частые бури сильно затрудняли эти охоты, а иногда делали их совершенно невозможными. Даже в том

случае, когда ветер не превращался в бурю, но достигал лишь средней силы — а это происходило решительно каждый день, — то и тогда он служил великой помехой. Не говоря про холод, заставлявший охотиться в наушниках, рукавицах, кухлянках или полушубках, сильно затруднявших свободное движение, от действия встречного ветра глаза постоянно были полны слез, что, конечно, чрезвычайно портило меткость и быстроту выстрела. Притом руки иногда так мерзли, что даже в скорострельный штуцер трудно было вложить патрон, не отогрев предварительно оочевших пальцев. Да, наконец, на сильном морозе каморы штуцеров так сжимались, что после выстрела очень трудно было достать пустую гильзу и приходилось выбивать ее шомполом. Подобная история часто случалась у штуцеров Снейдера, но у ружья Бердана этого не было; зато у последнего от мороза и пыли, набившейся в механизм, очень часто происходили осечки, и патрон выстреливал только после вторичного удара боевой пружиной.

Другим важным обстоятельством, сильно затруднявшим наши охоты, была чрезвычайная разреженность воздуха высоких нагорий Северного Тибета, вследствие чего усталость являлась здесь очень скоро. Впрочем, зверей было такое множество, что редко приходилось далеко ходить за ними; часто мы охотились не далее 1 или 2 верст от своей юрты. Но иногда, увлекшись преследованием, мы возвращались к стоянке лишь поздно вечером, и мой товарищ во время одной из таких охот до того простудил ноги, что не мог ходить более недели.

Берега Голубой реки были пределом наших странствований во Внутренней Азии. Хотя до Лассы оставалось только 27 дней пути, то есть около 800 верст, но попасть туда нам было невозможно. Страшные трудности Тибетской пустыни до того истомили выючных животных, что из одиннадцати наших верблюдов три издохли, а остальные едва волочили ноги. Притом наши материальные средства так истощились, что за променом (на возвратном пути) в Цайдаме нескольких верблюдов у нас оставалось всего пять лан денег, а впереди лежали целые тысячи верст пути. При таких условиях невозможно было ри-

сковать уже добытыми результатами путешествия, и мы решили идти обратно на Куку-нор и в Гань-су, с тем чтобы провести здесь весну, а потом двинуться в Алашань по старой, знакомой дороге, где можно обойтись и без проводника.

Хотя такой возврат был решен ранее, но все-таки мы с грустью покинули берега Янцзы, зная, что не природа и не люди, но только один недостаток средств помешал нам пробраться до столицы Тибета.

* * *

В первой трети февраля мы окончили свои странствования по пустыням Северного Тибета и возвратились в равнины Цайдама. Контраст климата между этими равнинами и высоким Тибетским нагорьем был так велик, что, спускаясь с хребта Бурхан-Будда, мы чуть не с каждым днем чувствовали, как делалось теплее и погода становилась весенней.

Впрочем, влияние более теплых равнин Цайдама на соседние части Тибета обнаруживается даже до гор Шуга; лишь только на возвратном пути мы перешли на северную сторону этого хребта, как климат заметно смягчился. Правда, ночные морозы бывали в $-28,5^{\circ}\text{C}$, но днем солнце грело довольно сильно, так что 5 февраля появились первые насекомые еще на тибетской стороне гор Бурхан-Будда. При первоначальном следовании к Мур-усу мы также имели до гор Шуга хорошую и днем довольно теплую погоду; сильные холода и бури начались, собственно, с тех пор, как мы перешли вышеназванный хребет и поднялись на высокое плато за речкой Уянхарза.

Весна в Цайдаме наступает вообще очень рано и характеризуется в то же время своим крайне континентальным характером. Так, в половине февраля ночные морозы еще доходили до -20°C , между тем как днем термометр показывал иногда $+13^{\circ}\text{C}$ в тени. На солнечном пригреве лед везде таял. И 10 февраля явились первые прилетные птицы — турпаны; 13 числа прилетели кряковые утки, а на другой день показались крохали, краснозобые дрозды и лебеди-кликуну; по утрам слышались голоса мелких пташек и токованье фазанов — словом, весна чувствительно уже являла свои права.

Но все эти знаменья благодатного времени сильно нарушались периодически возвращавшимися холодами, иногда снегом и бурями. Последние обыкновенно являлись с запада и приносили тучи пыли, поднятой с соляных равнин; пыль эта продолжала стоять в воздухе и после бури, так что атмосфера была постоянно наполнена ею, как дымом.

В начале марта мы пришли на берега Куку-нора и встретили здесь еще меньше пробуждение природы, нежели в Цайдаме, чуть не целым месяцем ранее. Озеро было сплошь замерзшим, и даже быстрый Бухайн-гол только местами очистился ото льда, намерзшего зимой до 3 футов толщины; пролетных птиц было менее, нежели в Цайдаме.

Иную картину, нежели прошедшей осенью, представляло теперь озеро Куку-нор. Ослепительно белая ледяная поверхность заменила темно-голубой цвет его соленых вод, и, словно исполинское заркало, лежало скованное озеро в темной рамке окрестных гор и степей. Ни полыней, ни торосов не было видно на громадной ледяной площади, гладкой, как пол, и лишь немногочисленной засыпанной снегом. Там же, где лед не был накрыт такой скатертью, он блестел на солнце прихотливыми переливами и обманчиво представлял издали незамерзшую воду.

Береговые степи отливали желтоватым цветом иссохшей травы, часто совершенно выбитой хуланами, дзеренами и тангутским скотом. Монотонность общей картины здесь нарушалась только миражами, которые являлись очень часто и иногда бывали до того сильны, что на большие расстояния трудно было стрелять из штуцера дзеренов или хуланов: звери казались плавающими в воздухе и вдвое большего роста.

Во время месячной стоянки на устье Бухайн-гола мы окончательно снарядили свой караван для дальнейшего пути. Войлочная юрта, которую мы имели с прошлой осени, была променяна монголам на несколько верблюжьих седел, крайне для нас необходимых. Затем еще по возвращении в Цайдам более половины наших верблюдов не годились на дальнейший путь, и хотя мы успели променять тангутам своих усталых животных, но после такого промена у нас осталось всего пять лан денег. Между тем необходимо было приобрести

еще трех новых верблюдов взамен погибших в Тибете. Тогда мы решились прибегнуть к самому крайнему средству, именно к продаже нескольких револьверов тангутским и монгольским чиновникам. Из двенадцати бывших у нас в то время налицо револьверов мы променяли три на трех хороших верблюдов: сверх того, два револьвера были проданы за 65 лан, и этими деньгами мы обеспечили себе возможность пробыть три весенних месяца на Куку-норе и в Гань-су.

Лучший из всех месяцев в году — май — даже в Гань-су начался совершенно по-весеннему. Снега, падавшие в течение всего апреля, теперь кончились и заменились дождями, которые шли довольно часто, но были вообще непродолжительны. Хотя по ночам все еще стояли небольшие морозы, но днем солнце грело сильно и быстро вызывало растительную жизнь. К 15-му числу описываемого месяца деревья в среднем поясе гор распустились уже наполовину, а в нижнем — листья на них развернулись совершенно. Ярко блестела на солнце молодая зелень; многие кустарники покрывались цветами, которые также щедро рассыпались и среди травянистых растений. В густых зарослях по берегам горных речек теперь зацвели шиповник, вишня, смородина, крыжовник, жимолость и барбарис с красивыми желтыми кистями цветов; сюда присоединилась великолепная пахучая дафна алтайская, а по открытым горным склонам — боярка и желтая карагана. Из трав в лесах показались цветущие анемоны, фиалки, пионы и сплошными массами земляника; по горным долинам стали красоваться касатик, первоцвет, одуванчик и лапчатка, а по открытым склонам гор — камнеломка, сухоребрица, термопсис, подофилл и др.

* * *

В конце мая мы вышли из горной области Гань-су и очутились у порога Алашаньской пустыни. Безграничным морем лежали теперь перед нами сыпучие пески, и не без робости ступали мы в их могильное царство. Не имея средств нанять проводника, мы должны были идти одни и рисковать всеми случайностями трудного пути, тем более что в прошедшем году, следуя с тангутским караваном, я только укладкой

и часто наугад мог записывать приметы и направление дороги. Такой маршрут, конечно, был крайне ненадежен, но теперь он служил нашим единственным путеводителем в пустыне.

15 дней употребили мы на переход от Даджина до города Дынь-юань-ин и благополучно совершили этот трудный путь. Только однажды чуть-чуть не заблудились в пустыне. Дело это было 9 июня на переходе между озерком Серик-долон и колодецем Шангын-далай. Выйдя рано утром от Серик-долона, мы прошли сначала несколько верст сыпучими песками, а затем вышли на глинистую площадь, где явилась тропинка, вскоре разделившаяся надвое. Такого раздвоения мы не заметили в прошедшем году, так что теперь нам пришлось угадывать, по которой дорожке следует идти. Затруднение увеличивалось еще более тем обстоятельством, что обе ветви тропинки расходились под очень острым углом; следовательно, и с помощью буссоли нельзя было определить, которое направление вероятнее. Правая ветвь дорожки была гораздо торнее, поэтому я решил выбрать этот путь — и не угадал.

Несколько верст мы прошли, ничего не подозревая, но потом стали являться новые поперечные тропинки, которые совершенно сбили нас с толку; наконец наша дорожка совсем кончилась, упершись в какую-то довольно торную дорогу. Идти по этой дороге мы не могли, не зная, куда она поведет; вернуться на прежний перекресток также не рисковали, так как это место было уже довольно далеко позади; а вторых, мы не знали, насколько обеспечено следование по другой ветви первоначальной тропинки. Выбирая из всех зол меньшее, мы решили держаться своего первоначального направления, рассчитывая, что увидим издали ту небольшую группу гор, у подошвы которых должен был находиться колодец Шангын-далай.

Между тем наступил полдень, жара стояла сильная, и мы остановились отдохнуть часа два или три. Затем пустились вновь всё в прежнем направлении, следуя теперь уже напрямик по буссоли, и наконец увидели немного вправо небольшую горную группу, которую приняли за Шангын-далайскую. Так как в воздухе целый день стояла пыль от сильного ветра, то мы не могли даже в бинокль хорошенько разгля-

деть очертание появившихся горок, до которых было еще далеко. Наступил вечер, и мы остановились ночевать в уверенности, что это именно желаемые горки, и, только прокладывая на карту пройденный путь, я заметил, что мы сильно уклонились к востоку и что едва ли идем как следует. А между тем запасной воды к ночи у нас оставалось не более двух ведер, да и то мы не давали ни капли ее лошадям, которые от сильной жажды едва передвигали ноги. Вопрос, найти или не найти завтра колодец, становился вопросом жизни или смерти, и понятно, под каким впечатлением провели мы вечер. К счастью, ночью ветер стих, и пыль осела из воздуха. Утром, лишь только рассвело, я начал осматривать в бинокль окрестности, взобравшись на несколько поставленных друг на друга ящиков с коллекциями. Вчерашняя группа гор была видна совершенно ясно, но в то же время как раз прямо на север от нашего ночлега виднелась вершинка другой горки, которая также могла быть шангын-далайской. Теперь предстояло решить: на какую из этих горок направить путь? Отложив на карте засечку последней горки и сличив приблизительное ее положение с тем, что у меня было записано в прошлогоднем дневнике, я решил идти на северную горку.

В томительном сомнении завьючили мы своих верблюдов и двинулись в путь. Путеводная вершинка то выглядывала из-за пологих возвышений волнистой равнины, то опять скрывалась за ними. Напрасно мы часто смотрели на нее в бинокль, чтобы увидеть характерную приметку, записанную в моем дневнике, именно кучу камней (обо), сложенных на вершине, — расстояние еще было слишком велико, чтобы заметить такой сравнительно маленький предмет. Наконец верст через десять от места ночлега мы увидели желаемую приметку; тогда, ободренные надеждой, мы ускорили свой ход и через несколько часов стояли возле колодца, к которому с жадностью бросились наши животные, совершенно измученные жаждой.

В Алашаньских горах мы провели теперь три недели, и результатом исследования оказалось, что эти горы вообще небогаты как своей растительностью, так и фауной. Относительно растительности в Алашаньском хребте (по крайней мере, на западном, исследованном нами склоне) можно

различать три полосы: наружную окраину, полосу лесов и пояс альпийских лугов.

Казалось бы, что в безводных Алашаньских горах нам всего менее предстояло опасности от воды, но, видно, судьба хотела, чтобы мы вконец испытали все невзгоды, которые могут в здешних странах грянуть над головой путешественника, — и нежданно-негаданно в наших горах явилось такое наводнение, какого до сих пор мы еще не видели ни разу.

Дело это происходило следующим образом.

Утром 1 июля вершины гор начали кутаться облаками, служившими, как обыкновенно, предвестием дождя. Однако к полудню почти совсем разъяснило, так что мы ожидали хорошей погоды, как вдруг, часа три спустя, облака сразу начали садиться на горы, и наконец полил дождь словно из ведра. От этого ливня палатка наша быстро промокла, и мы, сидя в ней, отводили в сторону небольшими канавками попадавшую к нам воду. Так прошло около часа; ливень не унимался, хотя туча была не грозная. Огромная масса падавшей воды не могла впитаться почвой или удержаться на крутых склонах гор, так что вскоре со всех ложбин, боковых ущелий и даже с отвесных скал потекли ручьи, которые, соединившись на дне главного ущелья, то есть того, в котором мы стояли, образо-

вали поток, понесшийся вниз с ревом и страшной быстротой. Глухой шум еще издали возвестил нам приближение этого потока, масса которого увеличивалась с каждой минутой. Мигом глубокое дно нашего ущелья было полно воды, мутной, как кофе, и стремившейся по крутому скату с невообразимой быстротой. Огромные камни и целые груды меньших обломков неслись потоком, который с такой силой бил в боковые скалы, что земля дрожала как бы от вулканических ударов. Среди страшного рева воды слышно было, как сталкивались между собой и ударялись в боковые ограды огромные каменные глыбы. Из менее твердых берегов и с верхних частей ущелья вода тащила целые тучи мелких камней и громадными массами бросала их то на одну, то на другую сторону своего ложа. Лес, росший по ущелью, исчез — все деревья были выворочены с корнем, переломаны и перетерты на мелкие кусочки...

Между тем проливной дождь не унимался, и сила бушевавшей возле нас реки возрастала все более и более. Вскоре глубокое дно ущелья было завалено камнями, грязью и обломками леса, так что вода выступила из своего русла и понеслась по не затопленным еще местам. Не далее 3 сажен от нашей палатки бушевал поток, с неудержимой силой уничтожавший все на своем пути. Еще минута, еще лишний фут прибывшей воды, и наши коллекции, труды всей экспедиции, погибли бы безвозвратно... Спасти их нечего было и думать при таком быстром появлении воды; впору было только самим убраться на ближайшие скалы. Беда была так неожиданна, так близка и так велика, что на меня нашел какой-то столбняк; я не хотел верить своим глазам и, будучи лицом к лицу со страшным несчастьем, еще сомневался в его действительной возможности.

Но счастье и теперь выручило нас. Впереди нашей палатки находился небольшой обрыв, на который волны начали бросать камни и вскоре нанесли их такую грудку, что она удержала дальнейший напор воды, — и мы были спасены.

К вечеру дождь уменьшился, поток начал быстро ослабевать, и утром следующего дня только маленький ручеек катился там, где накануне бушевала целая река. Ясное солнце осветило картину вчерашнего разрушения, которое до того сильно изме-

нило прежний вид нашего ущелья, что мы сами не узнавали его. Вынесшиеся же из гор потоки пробежали до сыпучих песков и исчезли в них...

Вернувшись в Дынь-юань-ин, мы занялись снаряжением своего каравана, променяли плохих верблюдов, купили новых и утром 14 июня двинулись в путь. Благодаря пекинскому паспорту, а еще более подаркам, сделанным местному тосалакчи, который за отсутствием князя управлял всеми делами, мы получили двух проводников. Они должны были провести нас до границы Ала-шаня и там похлопотать о найме двух новых людей, о чем была дана бумага из алашаньского ямына. Такое распоряжение передавалось и далее, так что мы везде получали проводников, которые сопутствовали нам по своим хошунам. Подобное обстоятельство было чрезвычайно важно, так как путь наш лежал через самую дикую часть Гоби в меридиональном направлении, из Ала-шаня на Ургу, и пройти здесь самим, без проводника, было бы невозможно.

Теперь опять начался для нас длинный ряд трудных дней. Всего более приходилось терпеть от июльских жаров, доходивших в полдень до $+45^{\circ}\text{C}$ в тени, да и ночью иногда не падавших ниже $+23,5^{\circ}\text{C}$. Утром лишь только солнце показывалось из-за горизонта, как уже начинало жечь невыносимо. Днем жара обдавала со всех сторон: сверху от солнца, снизу от раскаленной почвы. Если поднимался ветер, то он не охлаждал атмосферу, но, наоборот, взбалтывая нижний раскаленный слой воздуха, еще более усиливал жар. На небе в такие дни не было видно ни одного облачка, да и само оно казалось какого-то грязного цвета. Почва накалялась на 63°C , а вероятно, и более в голых песках, температура которых на глубине 2 футов еще достигала $+26^{\circ}\text{C}$.

Палатка нисколько не спасала нас от жары, так как духота внутри нее, несмотря на приподнятые бока, обыкновенно стояла еще большая, чем на открытом воздухе. Напрасно обливали мы иногда водой не только палатку, но даже и землю внутри нее — через полчаса все было сухо по-прежнему, и опять не знали мы, куда деться от невыносимого зноя.

Сухость воздуха стояла страшная, росы вовсе не падало, а дождевые тучи разрежа-

лись в воздухе, посылая на землю лишь несколько капель. Это интересное явление нам случалось наблюдать несколько раз, в особенности в Южном Ала-шане, вблизи гор Гань-су; дождь, падавший из облака, выдвинутого в пустыню, не долетал до земли, но, встречая раскаленный нижний слой воздуха, снова превращался в пар. Грозы случались редко, но зато ветры дули почти постоянно днем и ночью; иногда они достигали силы бури и преобладали в двух направлениях: юго-восточном и юго-западном. В тихие дни обыкновенно кружились вихри, которые появлялись особенно часто около полудня и после него.

Чтобы избегнуть, по возможности, жаров хотя во время пути, мы вставали еще до рассвета. Однако возня с чаем и выючением верблюдов отнимала так много времени, что мы всегда выходили не ранее четырех, а иногда даже пяти часов утра. Правда, мы могли очень много облегчить свои переходы, делая их ночью, но в таком случае нужно было отказаться от съемки, составлявшей один из важных отделов наших исследований.

Путешествие наше началось теперь не совсем благополучно. На шестой день по выходе из Дынь-юань-ина мы лишились своего неизменного друга Фауста, да и сами едва не погибли в песках. Вся эта невзгода случилась при следующих обстоятельствах.

Утром 19 июля мы вышли от озера Джаратай-дабасу и направились к хребту Ханула. По словам проводника, переход предстоял верст двадцать пять, но по пути должны были встретиться два колодца верстах в восьми один от другого.

Пройдя такое расстояние, мы действительно нашли первый колодец, из которого напоили своих животных, и двинулись далее в полной надежде встретить еще через 8 верст другой колодец и остановиться возле него, так как жара делалась слишком велика, несмотря на то что было еще менее семи часов утра. Уверенность найти второй колодец была так велика, что наши казаки предлагали вылить из бочонков запасную воду, чтобы не возить ее даром, но я, по счастью, не приказал этого делать. Пройдя верст десять, мы не встретили колодца; тогда проводник объявил, что мы зашли в сторону, и поехал на ближайшие песчаные холмы осмотреть с них окрестности. Не-

много спустя монгол подал нам знак следовать туда же, и, когда мы пришли, он начал уверять, что хотя мы пропустили второй колодец, но до третьего, где первоначально предполагалась наша ночевка, не более 5—6 верст.

Мы пошли в указанном направлении. Между тем время подвигалось к полудню, и жара становилась невыносимой. Сильный ветер взбалтывал нижний раскаленный слой воздуха и обдавал нас им вместе с песком и соленой пылью. Страшно трудно было идти нашим животным, и в особенности собакам, которые должны были бежать по почве, раскаленной до $+63^{\circ}\text{C}$. Видя муки наших верных псов, мы несколько раз останавливались, поили их и мочили им и себе головы. Наконец запас воды истощился — осталось менее полуведра, и ее нужно было беречь на самый критический случай. «Далеко ли еще до колодца?» — много раз спрашивали мы у своего проводника и всегда получали ответ, что близко, за тем или другим песчаным холмиком. Так прошли мы верст десять, а воды нет как нет. Между тем наш бедный Фауст, не получая уже больше питья, начал ложиться и выть, давая тем знать, что он истомляется окончательно. Тогда я решил послать вперед к колодцу своего товарища и монгола-проводника. Вместе с ними был отправлен Фауст, который уже не мог бежать, а потому я велел монголу взять его к себе на верблюда. Проводник не переставал уверять, что до воды близко, но когда, отъехав версты две от каравана, он указал моему товарищу с вершины холма место колодца, то оказалось, что до него еще добрых 5 верст. Судьба нашего Фауста была решена; с ним начали делаться припадки, а между тем доехать скоро до колодца не было возможности и до каравана также не близко, чтобы взять хотя стакан воды. Тогда мой товарищ остановился подождать нас, а Фауста положили под куст зака, сделав покрывку из седельного войлока. Бедная собака теряла чувства с каждой минутой, наконец завывала, зевнула раза два — три и издохла.

Положив на вьюк труп несчастного Фауста, мы двинулись далее, не будучи уверены, есть ли колодец или нет в том месте, на которое указывал проводник, обманувший нас уже несколько раз сряду. Положение наше в это время было действительно страшное. Воды оставалось не более не-

скольких стаканов; мы брали в рот по одному глотку, чтобы хотя немного промочить почти засохший язык; все наше тело горело как в огне; голова кружилась чуть не до обморока.

Я ухватился за последнее средство: приказал одному казаку взять котелок и вместе с проводником скакать к колодцу; если же монгол вздумал бы дорогой бежать, то я велел казаку стрелять по нему.

Быстро скрылись в пыли, наполнявшей воздух, посланные вперед за водой, а мы брели по их следу в томительном ожидании решения своей участи. Наконец через полчаса показался казак, скачущий обратно, — но что он вез нам: весть ли о спасении или о гибели? Пришпорив своих коней, которые уже едва волокли ноги, мы поехали навстречу этому казаку и с радостью, доступной человеку, бывшему на волос от смерти, но теперь спасенному, услышали, что колодец действительно есть, и получили котелок свежей воды. Напившись и намочив головы, мы пошли в указанном направлении и вскоре достигли колодца Боро-сонджи. Дело было уже в два часа пополудни, так что по страшной жаре мы шли 9 часов сряду и сделали 34 версты.

Развьючив верблюдов, я отправил казака с монголом за брошенным по дороге вьюком, возле которого осталась другая наша монгольская собака, сопутствовавшая нам уже почти два года. Улегшись под брошенным вьюком, она осталась жива и, освежившись привезенной водой, возвратилась к стоянке вместе с посланными людьми.

Несмотря на все истомление, физическое и нравственное, мы до того были огорчены смертью Фауста, что ничего не могли есть и почти не спали целую ночь. Утром следующего дня мы выкопали небольшую могилу и похоронили в ней своего верного друга. Отдавая ему последний долг, мы с товарищем плакали, как дети. Фауст был нашим другом в полном смысле слова. Много раз в тяжелые минуты различных невзгод мы ласкали его, играли с ним и наполовину забывали свое горе. Почти три года этот верный пес служил нам, и его не сокрушили ни морозы и бури Тибета, ни дожди и снега Гань-су, ни трудности дальних хождений по целым тысячам верст. Наконец его убил палящий зной Алашаньской

пустыни и, как назло, всего за два месяца до окончания экспедиции.

Во время нашего путешествия в первой половине августа жары стояли очень большие, хотя все-таки не достигли такой крайности, как в Ала-шане. Ветры дули почти непрерывно днем и ночью и часто достигали силы бури, наполнявшей воздух тучами соленой пыли и песка. Последний иногда заносит колодцы, которые еще чаще уничтожаются во время дождей, выпадающих здесь хотя редко, но зато обыкновенно ливнями. Тогда на час или два вдруг появляются целые реки, которые заносят грязью или песком колодцы, всегда выкапываемые на более низких местах. Пройти здесь без проводника, отлично знающего местность, невозможно, — гибель грозит путнику на каждом шагу. Словом, описываемая пустыня, равно как и Алашаньская, до того ужасна, что сравнительно с ними пустыни Северного Тибета могут быть названы благодатной страной. Там по крайней мере часто можно встретить воду, а по долинам рек хорошие пастбища. Здесь нет ни того, ни другого, нет даже ни одного оазиса: всюду безжизненность, молчание — долина смерти в полном смысле слова. Столь прославленная Сахара едва ли страшнее описываемых пустынь, которые тянутся на многие сотни верст по широте и длине.

Хребет Хурху, составляющий в пройденном нами направлении северную границу наиболее дикой и пустынной части Гоби, тянется резко очерченной грядой по направлению от юго-востока к западу-северо-западу. Как далеко он простирается в ту и другую сторону, мы не могли узнать положительно, но местные монголы говорили нам, что в юго-восточном направлении Хурху продолжается до окраинных гор долины Хуан-хэ, а к западу идет с небольшими перерывами очень далеко, также до каких-то высоких гор. Если дать веру последнему сообщению, то можно предположить, что описываемый хребет простирается к западу до Тянь-шаня, образуя связь между этой системой и Инь-шанем. Факт чрезвычайно интересный, но решить его положительно могут, конечно, только будущие исследователи.

Тощие пастбища средней Гоби в описываемой полосе заменяются прекрасными лугами, которые по мере приближения

к Урге делаются все лучше и лучше. Хармык, бударгана и лук, исключительно преобладавшие в средней части Гоби, теперь исчезают, а взамен их являются различные злаки, виды бобовых, сложноцветных, гвоздичных и др. Сразу показывается в обилии и животная жизнь. Дзерены бродят по роскошным лугам, пищухи везде спуют по норам, тарбаганы греются на солнце, а из-под облаков льется знакомая песнь полевого жаворонка, которого мы не встречали от самой Гань-су.

С приближением к Урге наше нетерпеливое ожидание поскорее попасть туда росло все более и более; теперь уже не месяцами, даже не неделями, но только днями считали мы близость желанной минуты. Наконец, перейдя через невысокий хребет Гагын-дабан, мы достигли берегов Толы, первой реки, встреченной нами в Монголии. От самой Гань-су до сих мест, на протяжении 1300 верст, мы не видали ни одного ручья, ни одного озера, исключая соленых дождевых луж. С водой явились и леса, которые густо осеняли собой крутые склоны горы Хан-ула. Под таким радостным впечатлением мы сделали свой последний переход и 5 сентября явились в Ургу, где встретили самый радушный прием со стороны нашего консула.

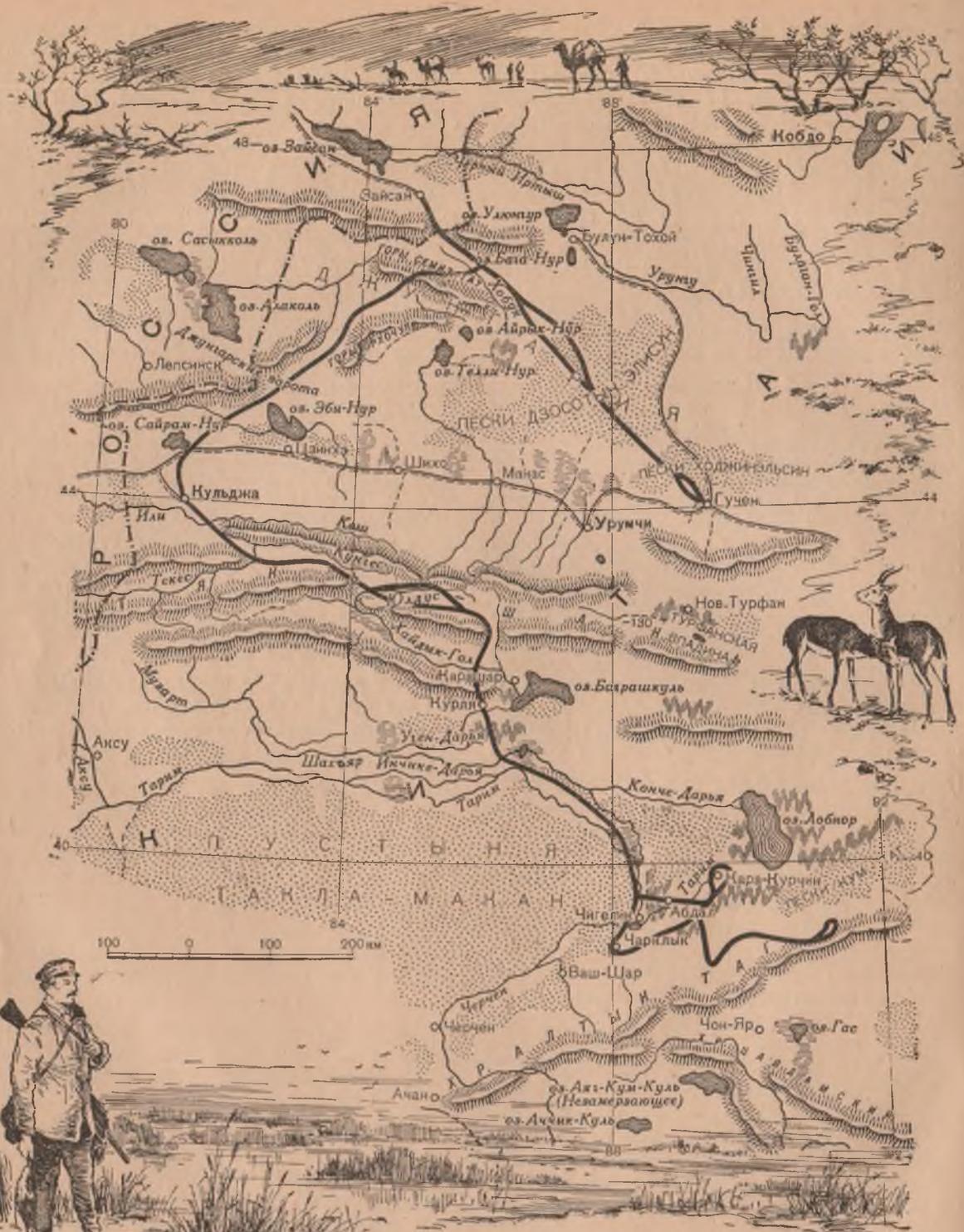
Не берусь описать впечатлений той минуты, когда мы впервые услышали родную речь, увидели родные лица и попали в ев-

ропейскую обстановку. С жадностью расспрашивали мы о том, что делается в образованном мире, читали полученные письма и, как дети, не знали границ своей радости.

Лишь через несколько дней мы стали приходить в себя и свыкаться с цивилизованной жизнью, от которой совершенно отвыкли во время долгих странствований. Контраст между тем, что было еще так недавно, и тем, что теперь нас окружало, являлся настолько резко, что все прошлое казалось каким-то страшным сном.

Отдохнув целую неделю в Урге, мы поехали отсюда в Кяхту, куда и прибыли 19 сентября 1873 года.

Путешествие наше окончилось! Его успех превзошел даже те надежды, которые мы имели, переступая первый раз границу Монголии. Тогда впереди нас лежало непредугадываемое будущее; теперь же, мысленно пробегая все пережитое прошлое, все невзгоды трудного странствования, мы невольно удивлялись тому счастью, которое везде сопутствовало нам. Будучи бедны материальными средствами, мы только рядом постоянных удач обеспечивали успех своего дела. Много раз оно висело на волоске, но счастливая судьба выручала нас и дала возможность совершить посильное исследование наименее известных и наиболее недоступных стран Внутренней Азии.

III

От Кульджи
за Тянь-шань
и на Лоб-нор

Второе путешествие
в Центральной Азии
1876-1878

Еще шаг в деле успеха исследования Внутренней Азии: Бассейн Лоб-нора, столь долго и упорно остававшийся в неведении, открылся наконец для науки...

Как предполагалось вначале, исходным пунктом моей экспедиции был город Кульджа. Сюда я прибыл в конце июля прошедшего года вместе с двумя своими спутниками: прапорщиком Повало-Швуйковским и вольноопределяющимся Эклоном. Снабженный на этот раз достаточными материальными средствами, я мог закупить в Петербурге и Москве все необходимые для долгого путешествия запасы, которые вместе с оружием и боевыми принадлежностями, отпущенными казною, весили около 130 пудов. Кладь эту пришлось тащить от Перми до Кульджи на пяти почтовых тройках и употребить на этот путь, затрудняемый сквернейшей дорогой на Урале, более месяца.

В Семипалатинске к нам присоединились спутники прошлой моей экспедиции в Монголии — забайкальские казаки Чебаев и Иринчинов, изъявившие готовность вновь разделить со мной все труды и лишения нового путешествия. Еще один казак, переводчик монгольского языка, был прислан также из Забайкалья, да трех казаков я взял в Верном из семиреченского войска. Наконец, уже в самой Кульдже был нанят крещеный киргиз, умеющий говорить

по-сартски¹. Таким образом персонал моей экспедиции сформировался, но, к сожалению, на этот раз я был далеко не так счастлив в выборе спутников, как в прошлую экспедицию.

Утром 12 августа мы выступили из Кульджи, напутствуемые добрыми пожеланиями соотечественников, проживающих в названном городе. Путь лежал первоначально вверх, почти по самому берегу Или, долина которой здесь густо заселена таранчами. Красивые, чистые деревни с садами и высокими серебристыми тополями следуют чуть не сплошь одна за другой. В промежутках раскинуты хлебные поля, орошаемые многочисленными арыками, а на лугах, по берегу самой Или, пасутся большие стада баранов, рогатого скота и лошадей. Всюду видно, что население живет зажиточно.

Переправившись возле устья реки Каша (в 50 верстах от Кульджи) на левый берег Или, мы направились по-прежнему вверх по ее долине, которая имеет здесь верст двадцать ширины и представляет степную

¹ В старой русской литературе сартами называли земледельческое население Средней и Центральной Азии. В данном случае подразумевается уйгурский язык. (Примеч. редактора.)

равнину с глинистой солонцеватой почвой, поросшей ибелеком, мелкой полынью и дырисуном; на более плодородных местах встречается астрагал, немногие виды злаков или сложноцветных и мелкие корявые кустарники; на берегу же реки густые заросли тростника, лозы и облепихи.

Ширина Или возле устья Каша около 70 сажен, течение весьма быстрое. На правом берегу описываемой реки таранчинские деревни тянутся еще вверх от устья Каша верст на двенадцать; левая же сторона Илийской долины уже не имеет оседлого населения. Здесь только кое-где встречаются временные пашни калмыков, да и то ближе к реке Текесу. Последний приходит, как известно, из Мусарта и, соединившись с Кунгесом, дает начало Или, несущей свои мутные воды в озеро Балхаш.

Переправа через Текес, имеющий при страшно быстром течении сажен пятьдесят ширины, производится, так же как и через Или, на небольших, крайне плохих паромах. На них перевезли наши вещи; лошадей и верблюдов перетаскивали вплавь, привязывая по нескольку штук за паром. Подобное плавание на быстрой реке оказалось чрезвычайно вредно для верблюдов: трое из них издохли вскоре после переправы.

За Текесом наш путь лежал все в том же направлении, долиною нижнего Кунгеса, которая не отличается от Верхнеилийской, только здесь в большем изобилии встречается ковыль. Окраинные горы, как и прежде, несут луговой характер, имеют большей частью мягкие формы и вовсе лишены лесной растительности. Так до реки Цанмы, левого притока Кунгеса. Здесь же, то есть на Цанме, виднеются последние пашни и кочевья торгоутов. Далее, вплоть до выхода в Карашарскую долину, мы не встречали жителей.

От реки Цанмы, вместе с увеличением абсолютной высоты местности, долина Кунгеса изменяет свой характер, делаясь уже и гораздо плодороднее. Взамен прежней тощей растительности волнистая степь покрывается превосходной и разнообразной травой, которая с каждым десятком верст становится все выше и гуще. Окраинные горы также принимают более суровые формы, и на них появляются еловые леса, нижний предел которых обозначает собою пояс летних дождей.

Впрочем, дожди, хотя, быть может, ме-

нее обильные, падают и в степной области, приблизительно до 4000 футов абсолютной высоты или немного ниже. Отсюда листовенные рощи начинаются и по берегу самого Кунгеса. Преобладающими в них породами являются высокие (иногда до 80 футов вышины при толщине ствола 3—5 футов) осокори и яблони; реже встречаются береза и абрикос. Боярка, черемуха, жимолость, калина и шиповник составляют густой подлесок. Острова реки густо поросли высокой лозой и облепихой, по которым часто вьется дикий хмель; на песчаных и галечных местах является тамариск. По лесным лугам, также и по скатам соседних гор, везде густейшие, переплетенные вьюнком и повиликой, заросли травы, часто в сажень вышиною. Летом в подобной гущине почти невозможно пробраться. Но теперь, когда мы пришли в леса Кунгеса, наступил уже сентябрь, трава большей частью посохла и полегла; деревья и кустарники также носили уже осенний наряд.

После однообразия степей лесные острова и берега Кунгеса производили самое отрадное впечатление, подаваясь которому мы решили пробить несколько времени в этом благодатном уголке Тянь-шаня. Притом же здесь мы могли рассчитывать и на хорошую научную добычу. Кроме того, двое казаков оказались негодными для путешествия. Пришлось отослать их обратно в Кульджу и заменить двумя солдатами, которые могли прибыть не ранее, как дней через десять.

Для своей стоянки в лесах Кунгеса мы выбрали то место, где в 1874 году в продолжение нескольких месяцев стоял наш пост из одной казачьей сотни. Здесь еще целы были сарай, в которых жили казаки, их кухня и баня. В этой бане с величайшим удовольствием помылись мы в последний раз перед отходом за Тянь-шань.

Весьма характерным явлением лесов Кунгеса, да, вероятно, и других лесных ущелий северного склона Тянь-шаня, служит обилие фруктовых деревьев — яблонь и абрикосов, дающих вкусные плоды. Абрикосы, или, как их здесь называют, урюк, успевают в июле; яблоки же — в конце августа. Величиною они бывают с небольшое куриное яйцо, цветом желтовато-зеленоватые и приятного кисло-сладкого вкуса. Мы как раз застали на Кунгесе время созревания яблок, которые густо покрывали деревья и целыми кучами валялись на земле. На охоте

Мигом глубокое дно нашего ущелья было полно воды, мутной, как кофе, и стремившейся по крутому скату с невообразимой быстротой. Огромные камни и груды обломков неслись потоком...

случалось иногда целую сотню шагов идти по яблочному помосту. Но все это пропадает непроизводительно для человека: гниет или съедается кабанами, медведями, маралями и косулями, собирающимися тогда на Кунгесе в большом количестве из окрестных гор. В особенности любят полакомиться яблоками кабаны и медведи; последние очень часто наедаются до того, что здесь же, под яблоней, подвергаются рвоте.

Наша охота за зверями на Кунгесе была довольно удачна. Мы добыли в коллекцию несколько прекрасных экземпляров, в том числе старого темно-бурого медведя, свойственного Тянь-шаню и отличающегося от обыкновенного мишки главным образом весьма длинными белыми когтями передних ног.

Наступление осени начинало уже сильно чувствоваться в горах. Не так давно мы еще страдали от жары Илийской долины, а теперь каждое утро выпадали небольшие морозы; на высоких горах везде лежал снег; листья на деревьях и кустарниках опали наполовину. Впрочем, погода стояла большей частью хорошая, ясная, и днем иногда становилось даже жарко.

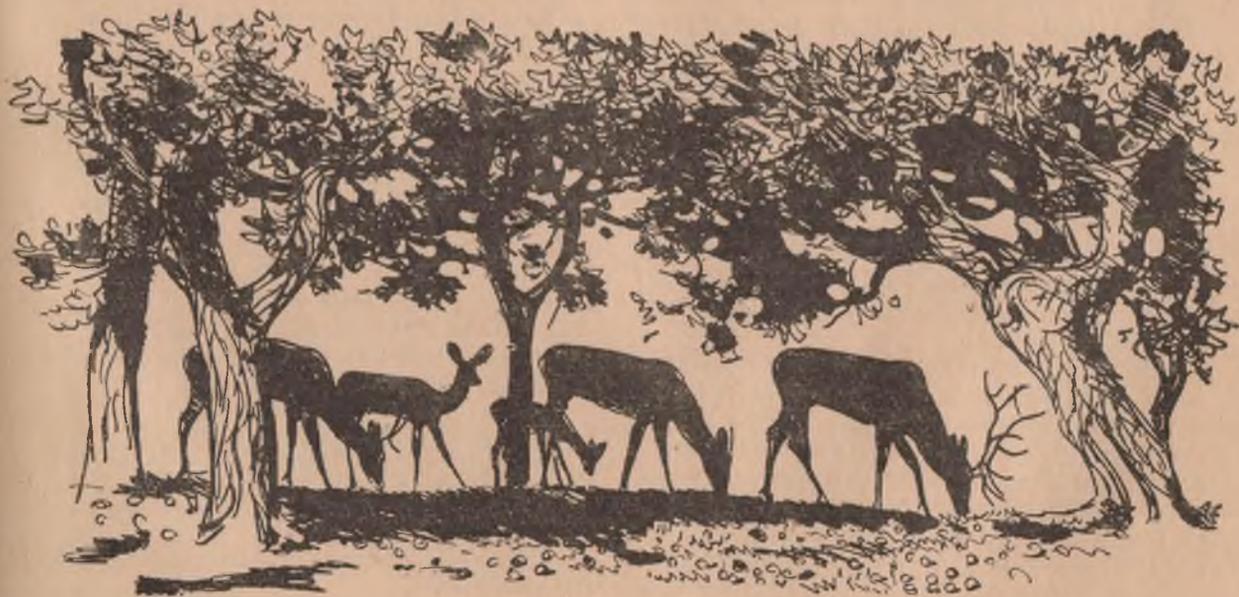
Поднявшись вверх по Кунгесу и далее по реке Цанме до самого ее истока, мы придвинулись к подножию хребта Нарат, составляющего вместе со своими западными продолжениями северную ограду обширного и высокого плато, помещенного в самом

сердце Тянь-шаня и известного под именем «Юлдус».

Название это в переводе означает «звезда» и дано описываемому плато, быть может, вследствие его высокого положения в горах. Отчасти подобное лестное название могло произойти и потому, что Юлдус для кочевников представляет обетованную страну для скотоводства. Здесь везде превосходные пастбища; притом же летом нет мошек и комаров. «Место прекрасное, прохладное, кормное; только жить господам да скотине», — говорили нам еще ранее тургуты, рассказывая про Юлдус.

Этот последний представляет собой обширную котловину, вытянутую на несколько сот верст от востока к западу. По всему вероятно, эта котловина в давнюю геологическую эпоху была дном внутреннего озера, на что, между прочим, указывает также и наносная глинистая почва.

Сам Юлдус состоит из двух частей: Большого Юлдуса, занимающего более обширную, западную половину всей котловины, и Малого, помещенного в ее меньшей, восточной части. В общем, как тот, так и другой Юлдусы имеют один и тот же характер; разница лишь в величине. Малый Юлдус, весь вдоль нами пройденный, представляет собой степную равнину, протянувшуюся на 135 верст в длину и расширенную посередине верст на тридцать.

На Юлдусе мы провели около трех недель, занимаясь главным образом охотой на зверей. Последним было добыто в коллекцию более десятка прекрасных экземпляров, в том числе два самца великолепного барана, свойственного исключительно высоким нагорьям Средней Азии; на Юлдусе он встречается часто, иногда стадами до 30—40 голов.

В таком сборище бывают самки, молодые и несколько взрослых самцов, принимающих на себя роль вожаков и охранителей стада. Очень же старые самцы держатся особняком — в одиночку или по два, по три вместе. Любимым местопребыванием архаров на Юлдусе служат предгорья высоких хребтов и пологие увалы, идущие отсюда к степной равнине. В дикие скалистые горы эти звери забираются редко; там родина горных козлов, или тэков. Последних на Юлдусе также много. Мне случилось видеть стада в сорок и более голов. Как и у архаров, стадом тэков предводительствует один или несколько взрослых самцов. Очень старые экземпляры ходят также отдельно. Убить тэка весьма трудно как по осторожности самого зверя, так и по характеру местности, в которой он живет.

Поохотившись вдоволь на Юлдусе, мы направились в долину Хайду-гол через южный склон Тянь-шаня.

На Хайду-голе мы остановились в урочище Хара-мото, где встретили первых жителей тургоутов, которые приняли нас радушно. Между тем быстро разнесшийся слух о прибытии русских всполошил все ближайшее мусульманское население. Уверяли, что идет русское войско и что на Хайду-голе появился уже передовой отряд. Подобному слуху еще более поверили, когда с первого же дня прихода начали раздаваться наши выстрелы по фазанам и другим птицам. Мусульмане, живущие по Хайду-голу, недалеко от Хара-мото, до того трусили, что побросали свои дома и убежали в Кара-шар.

На третий день нашего прихода в Хара-мото к нам явилось шесть мусульман, посланных правителем города Корла Токсобаем узнать о цели нашего прихода. Я объяснил, что иду на Лоб-нор и что про наше путешествие хорошо известно Якуб-беку. С такими вестями посланцы отправились обратно в Корла, но на противоположной стороне Хайду-гола был поставлен неболь-

шой пикет для наблюдения за нами. На следующий день к нам опять явились те же посланцы и объявили, что Токсобай отправил гонца к Якуб-беку и что до получения ответа нельзя идти далее. Отчасти я был рад подобному решению, так как лесная местность по Хайду-голу изобиловала зимующими птицами и фазанами.

Простояв семь дней в Хара-мото, мы получили наконец разрешение идти в город Корла (но не в Кашгар), через который лежит путь на Лоб-нор. От Хара-мото до Корла 62 версты. Мы прошли это расстояние в три дня, сопровождаемые теми же личностями, которые приезжали к нам в первый раз. Прежде чем достигнуть Корла, необходимо пройти через последний отрог Тянь-шаня ущельем, по которому стремится река Конче-дарья, вытекающая из Багараша в Тарим. Это ущелье имеет верст десять длины и чрезвычайно узко. При входе и выходе устроены из глины два укрепления, в которых стоят небольшие караулы.

Лишь только мы прошли в Корла и поместились в отведенном вне города доме, как к нам был приставлен караул под предлогом охранения, в сущности же для того, чтобы не допускать сюда никого из местных жителей, вообще крайне недовольных правлением Якуб-бека. В то же время и нас не пускали в город, говоря: «Вы наши гости дорогие, вам не следует беспокоиться, все, что нужно, будет доставлено». Но столь сладкие речи были только на словах. Правда, нам каждый день доставляли барана, хлеб и фрукты, но этим и ограничивалось гостеприимство. Все, что только нас интересовало, что составляло прямую задачу наших исследований, было для нас закрыто. Мы не знали ни о чем далее ворот своего двора. На все вопросы относительно города Корла, числа здешних жителей, их торговли, характера окрестной страны и прочего мы получали самые уклончивые ответы или явную ложь. Так было во время нашего шестимесячного пребывания во владениях Якуб-бека, или, как его подданные называли, «Бадуалета»¹.

На следующий день по прибытии в Корла к нам явился один из приближенных Бадуалета, некий Заман-бек, бывший русский подданный, выходец из города Нухи

¹ Имя это в переводе означает «счастливцев». (Примеч. автора.)

в Закавказье и, кажется, армянин по происхождению. Этот Заман-бек, состоявший некогда даже на русской службе, отлично говорил по-русски и с первых слов объявил, что прислан Бадуалетом сопутствовать нам на Лоб-нор. Покоробило меня при этом известии. Знал я хорошо, что Заман-бек посылается для наблюдения за нами и что присутствие официального лица будет не облегчением, но помехой для наших исследований. Так и случилось впоследствии. Впрочем, Заман-бек лично был к нам весьма расположен и, насколько было возможно, оказывал нам услуги. Глубокою благодарностью обязан я за это почтенному беку. С ним на Лоб-норе нам было гораздо лучше, нежели с кем-либо из других доверенных Якуб-бека; конечно, настолько, насколько может быть лучше в дурном вообще.

4 ноября выступили мы из Корла в направлении к Лоб-нору. Кроме людей нашего каравана, с Заман-беком ехал еще какой-то хаджи и несколько человек прислуги.

За ближайшей к горам каменной пологой, резко обозначающей, как мне кажется, берег бывшего моря, расстилаются необозримой гладью пустыни Тарима и Лоб-нора. Почва здесь состоит или из рыхлой соленой глины, или из сыпучего песка; органическая жизнь крайне бедная. В общем, Лобнорская пустыня самая дикая и бесплодная из всех виденных мною до сих пор в Азии, хуже даже Алашаньской. Но прежде чем перейти к более подробному описанию этих местностей, сделаю краткий гидрографический очерк всего нижнего течения Тарима.

На Тарим мы вышли там, где в него впадает Уген-дарья, имеющая сажен восемь — десять ширины. Сам же Тарим является здесь значительной рекой, сажен пятьдесят или шестьдесят ширины, при глубине не менее 20 футов. Вода здесь светлая, течение весьма быстрое. Река идет одним руслом и достигает здесь самого высокого поднятия к северу. В дальнейшем течении Тарим стремится к юго-востоку, а затем почти прямо к югу и, не доходя Лоб-нора, впадает сначала в озеро Кара-буран.

У местных жителей описываемая река всего реже известна под названием Тарима. Обыкновенно ее называют Яркенд-дарья, по имени Яркендской реки, наибольшей из всех, дающих начало Тариму. Последнее название, как нам объясняли, про-

исходит от слова «тара», то есть пашня, так как воды Яркендской реки в верхнем ее течении во множестве служат для орошения полей.

Верстах в пятидесяти ниже устья Уген-дарья, от Тарима слева отделяется большой (20—25 сажень шириной) рукав Кюк-ала-дарья, который течет самостоятельно около 130 верст, а затем соединяется с главной рекой. В этот рукав с севера впадает Конче-дарья.

Кроме Кюк-ала-дарья, Тарим в своем нижнем течении не имеет значительных рукавов и идет большей частью одним руслом. По берегам справа и слева рассыпались болота и озера. Те и другие всего чаще образованы искусственно местными жителями для рыбной ловли и пастбы скота, которому тростник доставляет единственный корм в этой злополучной стране. Сам Тарим помогает искусственному обводнению его долины. Именно на берега реки, обросшие лесом, кустарниками и тростником, сильные весенние бури наносят кучи пыли и песку, так что мало-помалу эти берега повышаются над окрестностью, в которой та же самая причина, то есть бури, понижает почву, выдувая верхний слой рыхлой глины. В то же время, вероятно, и уровень реки, постоянно засыпаемой пылью или песком, постепенно понемногу повышается.

При таком явлении стоит лишь прокопать берег, как вода хлынет из реки и затопит более или менее обширное пространство. Сюда вместе с водой заходит рыба, а через несколько времени здесь начинает расти тростник. Затем спускная канава засыпается, озеро мелеет, бывшая в нем рыба без труда вылавливается, и на обсохших местах пасутся бараны. Когда тростник съеден, можно повторить прежнюю историю и опять получить впоследствии рыбу и пастбище.

Переpravившись вплавь через реки Конче и Инчике, мы вышли на Тарим в том месте, где в него впадает Уген-дарья. Отсюда, сделав еще переход, добрались до деревни Ахтармы, самого большого из всех таримских и лобнорских селений. Здесь имеет местопребывание управитель Тарима — некий Азлям-ахун. Несмотря на свой громкий титул, который, как нам переводил Заман-бек, означает «наиученейший человек», этот ахун совершенно безграмотен.

В Ахтарме мы простояли восемь дней, так как лесная местность изобиловала

птицами, а по тростникам водилось много тигров. Несмотря на ревностное преследование последних, ни мне, ни моим казакам не удалось увидеть желанного зверя. Впрочем, двух тигров мы отравили ночью на приманке, но, несмотря на то что звери съели большие приемы синеродистого калия, они все-таки имели еще силы уйти в густейшие тростники, где наши поиски оказались напрасными. Впоследствии мы приобрели три хорошие тигровые шкуры от местных жителей, которые добывают этого зверя также посредством отравы.

Из Ахтармы путь наш лежал вниз по Тариму. Шли, то удаляясь, то приближаясь к названной реке, которая в своем нижнем течении не имеет долины в том смысле, как мы привыкли понимать это слово. Ни форма поверхности, ни качество почвы не изменяются даже возле самой реки: та же глинистая равнина, тот же сыпучий песок как в соседней пустыне, так и за сотню шагов от воды. Только узкая кайма деревьев, местами густые тростники да болота и озера обозначают неширокую площадь орошенного пространства. Идти с верблюдами весьма трудно, так как приходится пробираться то по лесу или густым колючим кустарником, то иногда по возвышенному тростнику, корни которого, словно железная щетка, изранивают до крови верблюжьих пятки.

Заман-бек и его свита первое время ехали неотлучно при нас, но впоследствии, убедившись, что мы ничего особенного не делаем, обыкновенно уезжали вперед на место ночлега.

Единственный человек, через которого мы могли узнать кое-что более подходящее к истине, это был Заман-бек. Но он плохо знал местный язык; притом же и самого Замана часто обманывали, подозревая его в излишнем расположении к русским.

Для продовольствия во время пути нам доставляли баранов, которые отбирались даром у местных жителей. С нас также не брали денег за этих баранов, несмотря на мои настояния. Впоследствии, чтобы отплатить за полученных баранов, я подарил беднейшим жителям Лоб-нора 100 рублей. На Тариме же было запрещено окончательно брать деньги, и местный ахун объявил нам, что у него нет бедных.

От вышеупомянутого глиняного форта на Тариме мы направились не на Лоб-нор,

до которого уже было недалеко, а прямо на юг, в деревню Чархалык, заложенную лет тридцать назад ссыльными, а частью добровольными переселенцами из Хотана. В настоящее время описываемая деревня состоит из двадцати одного двора и глиняного форта, в котором помещаются ссыльные. Они обязаны заниматься хлебопашеством на пользу казны; прочие же жители сеют для себя. Вода для орошения полей получается из реки Чархалык-дарьи, вытекающей из соседних гор. Эти горы стоят на южной стороне Лоб-нора, достигают громадных размеров и известны под именем хребта Алтын-таг.

Отдохнув неделю в Чархалыке, я оставил большую часть своего багажа и при ней трех казаков, с остальными же тремя и моим помощником Ф. Л. Эклоном отправился на другой день рождества в горы Алтын-таг на охоту за дикими верблюдами, которые, по единогласному уверению лобнорцев, водятся в названных горах и пустынях к востоку от Лоб-нора. Заман-бек со своими спутниками также остался в Чархалыке.

Опишем сначала Алтын-таг.

Хребет этот начинает виднеться еще с переправы Айрыл-ган, то есть верст за полтора, сначала узкой, неясной полосой, чуть заметной на горизонте. После утомительного однообразия долины Тарима и прилегающей к нему пустыни путник с отрадой смотрит на горный кряж, который с каждым переходом делается все более и бо-

лее ясным. Можно уже различать не только отдельные вершины, но и главные ущелья. Опытный глаз видит издали, что горы не маленьких размеров, — и не ошибается. Когда мы пришли в деревню Чархалык, то Алтын-таг явился перед нами громадной стеной, которая далее к юго-западу высилась еще более и переходила за пределы вечного снега.

Нам удалось исследовать описываемые горы, то есть собственно их северный склон, на протяжении около 300 верст, считая к востоку от Чархалыка. На всем этом пространстве Алтын-таг служит окраиной высокого плато к стороне более низкой Лобнорской пустыни.

Высокое же плато по южной стороне описываемых гор составляет, по всему вероятно, самую северную часть Тибетского нагорья. Так, по крайней мере, можно с большой вероятностью предполагать, судя по рассказам местных жителей, которые единогласно уверяли нас, что юго-западные продолжения Алтын-тага тянутся без всякого перерыва (несомненно, все также каймой более низкой пустыни) к городам Керии и Хотану. К востоку, по словам тех же рассказчиков, описываемый хребет уходит очень далеко, но где именно оканчивается — лобнорцам неизвестно.

Хотя нам и не удалось по причине глубокой зимы и недостатка времени перейти Алтын-таг и измерить абсолютную высоту местности на южной стороне этих гор, но несомненно, что там расстилается высокое

плато, поднятое над уровнем моря не менее 12 или 13 тысяч футов.

В общем, описываемые горы характеризуются своим крайним бесплодием. Только по высоким долинам и в ущельях здесь можно встретить кое-какую растительность: два — три низких уродливых солончаковых растения, преобладающих по высоким долинам; три — четыре породы сложноцветных, низкие кустики лапчатки и эфедры и др.

Обследованный нами северный склон Алтын-тага не богат животной жизнью. Зверей гораздо более встречается, как нам сообщали, на высоком плато, по южную сторону описываемых гор, в особенности под горами и в горах Чамен-таг.

В течение 40 дней мы прошли у подножия Алтын-тага и в самих горах ровно 500 верст, но за все это время встретили, и то случайно, лишь одного дикого верблюда, которого убить не удалось.

Из других зверей мы добыли только кулана и самку яка. Вообще описываемая экскурсия была весьма неудачна и притом исполнена различных невзгод. На огромной абсолютной высоте, в глубокую зиму, среди крайне бесплодной местности мы терпели всего более от безводия и морозов, доходивших до -27°C . Топлива было весьма мало, а при неудачных охотах мы не могли добыть себе хорошего мяса и принуждены были некоторое время питаться зайцами. На местах остановок рыхлая глинисто-соленая почва мигом разминалась в пыль, которая толстым слоем ложилась везде в юрте. Сами мы не умывались по целой неделе, были грязны до невозможности; наше платье было пропитано пылью насквозь; белье же от грязи приняло серовато-коричневый цвет. Словом, повторились все трудности прошлой зимней экспедиции в Северном Тибете.

Проведя неделю возле ключа Чаглык и сделав здесь определение долготы и широты, мы решили вернуться на Лоб-нор наблюдать пролет птиц, время которого уже приближалось. Двое из наших проводников должны были вернуться опять в горы и искать дикого верблюда, шкуру которого необходимо было приобрести во что бы то ни стало. Для вящей приманки я назначил за самца и самку 100 рублей — цену в 50 раз больше той, по которой местные жители

продают верблюжьи шкуры, если удастся добыть это животное.

По единогласному уверению лобнорцев, главное местожительство диких верблюдов в настоящее время находится в песках Кум-таг, к востоку от озера Лоб-нор; кроме того, этот зверь попадается изредка в песках нижнего Тарима и в горах Курук-таг. Еще реже дикие верблюды встречаются в песках по реке Черчен-дарье; далее, в направлении от города Черчена к Хотану, описываемое животное не водится.

Вблизи Лоб-нора, там, где теперь стоит деревня Чархалык, и далее к востоку под горами Алтын-таг, равно как и в самых этих горах, лет двадцать назад дикие верблюды были весьма обыкновенны. Наш проводник, охотник из Чархалыка, рассказывал, что в то время ему удавалось нередко видеть стада по нескольку десятков и однажды даже более сотни экземпляров. В течение своей жизни этот пожилой уже охотник убил из фитильного ружья более сотни диких верблюдов. По мере того как прибавлялось население в Чархалыке и увеличивалось число охотников на Лоб-норе, верблюды становились все реже и реже. В настоящее время этот зверь лишь заходит в местности, ближайšie к Лоб-нору, да и то в небольшом числе. В иной год даже не бывает ни одного верблюда; в более же удачное время местные охотники убивают пять — шесть экземпляров в течение лета и осени.

По уверению лобнорских охотников, все верблюды приходят, равно как и уходят, в пески Кум-таг, совершенно недоступные по своему безводию. По крайней мере, никто из лобнорцев там не бывал. Пробовали некоторые ездить в эти песчаные горы от ключа Чаглык, но, проплутав день или два по сыпучему песку, в котором люди и вьючные ослы вязли по колено, совершенно выбившись из сил, безуспешно возвращались обратно. Впрочем, абсолютного безводия в Кум-таге быть не может, иначе там нельзя было бы жить и верблюдам. Вероятно, где-нибудь есть ключи, служащие водопоем. Относительно же пищи описываемые животные, так же как и их прирученные собратья, крайне неприхотливы, а потому могут благополучно обитать в самой дикой и бесплодной пустыне, лишь бы подальше от человека.

В противоположность домашнему верблюду, у которого трусость, глупость и апатия составляют преобладающие черты ха-

рактера, дикий его собрат отличается сметливостью и превосходно развитыми внешними чувствами. Зрение у описываемого животного чрезвычайно острое, слух весьма тонкий, а обоняние развито до удивительного совершенства. Охотники уверяли нас, что по ветру верблюд может почуять человека за несколько верст, разглядит крадущегося охотника очень далеко, услышит малейший шорох шагов. Раз заметив опасность, зверь тотчас же убегает и уходит, не останавливаясь, за несколько десятков, иногда даже за сотни верст. Действительно, тот верблюд, в которого я стрелял, бежал без перерыва, как то можно было видеть по следу, верст двадцать; вероятно, еще и далее, но больше мы не стали следить, так как зверь свернул ущельем в сторону от нашего пути.

По-видимому, такое неуклюжее животное, как верблюд, всего менее способно лезть по горам, но в действительности выходит наоборот. Мы видали не один десяток раз верблюжьи следы и помет в самых тесных ущельях и на таких крутых склонах, по которым очень трудно взобраться даже

и охотнику. Здесь верблюжьи следы мешаются со следами куку-яманов и архаров. До того странно подобное явление, что как-то не верится собственным глазам.

Бегают дикий верблюд очень быстро, почти всегда рысью. Впрочем, в этом случае и домашний его собрат на большом расстоянии обгонит хорошего скакуна. На рану зверь весьма слаб и часто сразу падает от малокалиберной пули лобнорских охотников.

Сколько лет живет дикий верблюд, нам сказать не могли; иные достигают глубокой старости. Нашему проводнику-охотнику однажды случилось убить самца с совершенно стертými зубами; несмотря на это, животное было довольно жирно.

Лобнорцы охотятся за дикими верблюдами летом и осенью. Специально за животными не ездят, а бьют их, когда попадутся. Вообще эта охота считается самой трудной, и ею занимаются лишь три, четыре охотника на всем Лобноре. Убивают верблюдов всего чаще, подкарауливая на водопоях; реже ищут по свежим следам.

Охотники, отправленные мною на поиски

дикого верблюда, вернулись на Лоб-нор только 10 марта, но зато с добычей. В окраине Кум-тага они убили самца-верблюда и самку; притом совершенно неожиданно приобрели молодого из утробы убитой матери. Этот молодой должен был родиться на следующий день.

Шкуры всех трех экземпляров были превосходные; сняты и препарированы как следует. Этому искусству мы сами обучили посланных охотников. Черепа также были доставлены в исправности.

В первых числах февраля вернулись мы на Лоб-нор. Расскажем теперь об этом озере, равно как и о самом нижнем Тариме.

Соединившись возле переправы Айрылган со своим рукавом Кюк-ала-дарья, Тарим, как упомянуто выше, течет около 70 верст почти прямо на юг, а затем впадает или, лучше сказать, образует своим разливом мелководное озеро Кара-буран. Имя это означает «черная буря» и дано местными жителями описываемому озеру потому, что во время бури здесь разводится сильное волнение. Притом, если ветер дует с востока или северо-востока (что чаще всего случается весной), то вода Кара-бурана далеко заливают солончак на юго-западе описываемого озера, так что сообщение между Таримом и деревней Чархалык на время прекращается.

Само озеро Кара-буран имеет в длину от 30 до 35 верст при ширине верст в десять или двенадцать. Впрочем, объем озера много зависит от состояния воды в Тариме: при высоком уровне вода Кара-бурана далеко затопляет отлогие берега, при низ-

ком — здесь являются солончаки. Глубина Кара-бурана не более 3—4 футов, часто и того менее; изредка попадаются небольшие омуты в сажень и более глубиной. Чистой, не поросшей кустарником воды гораздо больше, чем на самом Лоб-норе, в особенности если принять во внимание гораздо меньшую величину описываемого озера. Тарим теряется в нем лишь на небольшое пространство; затем русло его вновь резко обозначается. При самом впадении Тарима в Кара-буран в это озеро входит с запада другая речка — Черчен-дарья, о которой уже говорилось выше.

По выходе из Кара-бурана Тарим снова является порядочной рекой, но вскоре начинает быстро уменьшаться в своих размерах. Тому причиной служат отчасти многочисленные каналы, посредством которых жители отводят в стороны (для рыбоводства) воды описываемой реки. С другой стороны ее давит соседняя пустыня, которая все более и более суживает площадь орошенного пространства, поглощает своим горячим дыханием всякую лишнюю каплю влаги и окончательно преграждает Тариму дальнейший путь к востоку. Борьба оканчивается: пустыня одолела реку, смерть поборола жизнь. Но перед своей кончиной бессильный уже Тарим образует разливом последних вод обширное тростниковое болото, известное с древних времен под именем Лоб-нора.

Название Лоб-нор неведомо местным жителям, которые зовут этим названием все нижнее течение Тарима, а озеро на устье этой реки называют вообще Чон-куль (то есть большое озеро) или, чаще, Кара-курчин, разумея под последним названием и весь окрестный административный участок. Во избежание сбивчивости я буду удерживать за описываемым озером его старинное название Лоб-нора.

Наконец после долгого странствования, миновав озеро Кара-буран, сквозь которое протекает Тарим, экспедиция достигла Лоб-нора.

По рассказам туземцев, описываемое озеро лет тридцать назад было глубже и гораздо чище. С тех пор Тарим начал приносить меньше воды, озеро мелеть, а тростники размножаться. Так про-

должалось лет двадцать, но теперь уже шестой год, как вода в Тариме снова прибывает и, не имея возможности поместиться в прежней, ныне заросшей тростником рамке озера, заливают его берега.

Вода везде светлая и пресная. Солоновата она лишь у самых берегов, по которым расстилаются солонцы, лишенные всякой растительности и взъерошенные, как волны, на своей поверхности. Эти солончаки облегают весь Лоб-нор¹. На южном берегу они достигают 8—10 верст ширины, но на восточном тянутся, по рассказам жителей, далеко, мешаясь с песками. За солончаками, по крайней мере на южном, обследованном мною берегу, идет также параллельно берегу озера узкая полоса, поросшая тамариском, а за нею расстилается равнина, покрытая галькой и много, хотя постепенно, поднимающаяся к подошве Алтын-тага. Эта равнина, вероятно, и была в давно минувшие времена окраиной самого озера Лоб-нор, которое тогда заливало своими водами все нынешние солончаковые места по берегам, следовательно, было гораздо обширнее, вероятно, глубже и чище. Какая причина произвела потом обмеление описываемого озера и периодически ли это повторяется — сказать не могу. Впрочем, факт усыхания замечается почти во всех среднеазиатских озерах.

Рыба в описываемом озере водится в изобилии, та же самая, что и в Тариме, только двух видов: маринка и другой, мне неизвестный, из семейства карповых. Первой в Лоб-норе гораздо больше, нежели второй. Маринку лобнорцы называют «балык», а другую породу, сверху пеструю, — «тазек-балык». Оба вида мечут икру в марте.

Рыболовство начинается самой ранней весной и оканчивается поздней осенью.

Из млекопитающих здесь водятся тигр, волк, лисица, кабан, заяц, джейран — все не в изобилии; даже мелких грызунов (песчанок и мышей) и тех весьма немного.

Зато весной, в особенности ранней, Лоб-нор, в буквальном смысле, кишит водяными птицами. Действительно, описываемое озеро, помещенное среди дикой, безводной пустыни, как раз на перепутье от юга к северу, служит великой станцией, в особен-

ности для водяных и голенастых птиц. Если бы не существовало таримской системы, то пути пролета в Средней Азии были бы несомненно иные. Тогда для птиц не находилось бы места отдыха на полпути от Индии до Сибири; в один же мах пернатые странники не могли бы перенестись от Гималая за Тянь-шань.

Весь февраль и первые две трети марта проведены были нами на берегу Лоб-нора. И это была шестая по счету весна, посвященная мною орнитологическим исследованиям на обширном пространстве Восточной и Средней Азии — от озера Ханка в Маньчжурии до Лоб-нора в Восточном Туркестане.

Осмотрев местность, мы поместились на берегу Тарима, как раз возле западного края самого Лоб-нора, в 1 версте от небольшой деревни Абдаллы, где пребывает лобнорский правитель Кунчикан-бек¹. Кругом нас, по той и другой стороне Тарима, раскидывались сплошные болота и озера, так что едва отыскалась сухая площадка для нашей стоянки. Зато место для орнитологических наблюдений было очень хорошее: всякая вновь появлявшаяся птица тотчас же могла быть замечена.

Ожидание обильного пролета птиц нас не обмануло. Едва лишь 3 февраля достигли мы берега Лоб-нора, как уже встретили здесь появившихся, вероятно, несколькими днями раньше чаек и лебедей; из последних, впрочем, замечен был лишь один экземпляр, да и то, быть может, здесь зимовав-

¹ Пржевальский в данном случае, видимо, не отличает солонцов от солончаков. Вокруг Лоб-нора, конечно, обширные пространства заняты солончаками. (Примеч. редактора.)

¹ В переводе этот титул означает «Бек восходящее солнце». Отец Кунчикана именовался «Джагансай-бек», то есть «Владелец вселенной». Как видно, человеческое тщеславие проникает и в самые дикие пустыни. (Примеч. автора.)

ший. Назавтра показались первые прилетные турпаны, красноноски и серые гуси, а еще через день — шилохвостки, белые и серые цапли. Вслед за этими первыми гонцами, с 8 февраля, начался огромный валовой прилет уток, собственно двух пород — шилохвостей и красноносок.

Целые дни, с утра до вечера почти без перерыва, неслись стада — все с запада-юго-запада и летели далее к востоку, вероятно, отыскивая талую воду, которой в это время было еще очень немного. Достигнув восточного края Лоб-нора и встретив здесь снова пустыню, прилетные утки поворачивали назад и размещались по многочисленным, еще закованным льдом озеркам и заводям Лоб-нора. В особенности много скоплялось птицы там, где на грязи растут низкие солянки, чего именно всего обильнее и было вблизи нашей стоянки.

Наблюдение весеннего пролета на Лоб-норе дало новые доказательства тому, что пролетные птицы часто летят не по кратчайшему меридиональному направлению, но избирают для себя более выгодные, хотя и окольные пути. Все без исключения стаи, являвшиеся на Лоб-нор, летели с запада-юго-запада, реже с юго-запада или запада; ни одной птицы не было замечено в пролет

прямо с юга, от гор Алтын-таг. Подобное явление указывает на то обстоятельство, что пролетные стаи, по крайней мере водяных птиц, не решаются пуститься из Гималаев прямо на север, через высокие и холодные Тибетские пустыни, но перелетают эту трудную местность там, где она всего уже.

С первыми днями марта, лишь только вскрылись озера, как все пернатые гости Лоб-нора сразу отхлынули на север. В два — три дня наполовину уменьшилось прежнее обилие уток. По целым ночам слышен был шум улетающих стад. Днем они отправлялись в путь лишь изредка, но ночью спешили без оглядки. К 10 или 12 марта валовой пролет уже окончился. Как быстро прилетели птицы на Лоб-нор, так же быстро и покинули его. Снова опустело озеро, по крайней мере сравнительно с массой жильцов, пребывавших здесь в феврале. Зато оставшиеся для гнездования птицы начали больше жить жизнью весенней. Чаше слышались голоса уток и гусей, крик чаек, гуканье выпи и писк лысух; в тростниках по вечерам раздавалось звонкое трещанье водяного коростеля, — но и только; других певунов в болотах Лоб-нора не имеется.

Прилет новых птиц в течение марта был вообще бедный как по числу видов, так и по количеству экземпляров.

Возвратясь 25 апреля в город Корла, мы были помещены в прежнем доме, опять содержались взаперти и под караулом. На пятый день по приходе имели свидание с бывшим владельцем Восточного Туркестана, ныне уже умершим, Якуб-беком. Последний принял нас ласково, по крайней мере наружно, и все время аудиенции, продолжавшейся около часа, не переставал уверять в своем расположении к русским вообще, а ко мне лично в особенности.

В ответ на подарки, сделанные нами Якуб-беку и некоторым из его приближенных, мы получили четыре лошади и десять

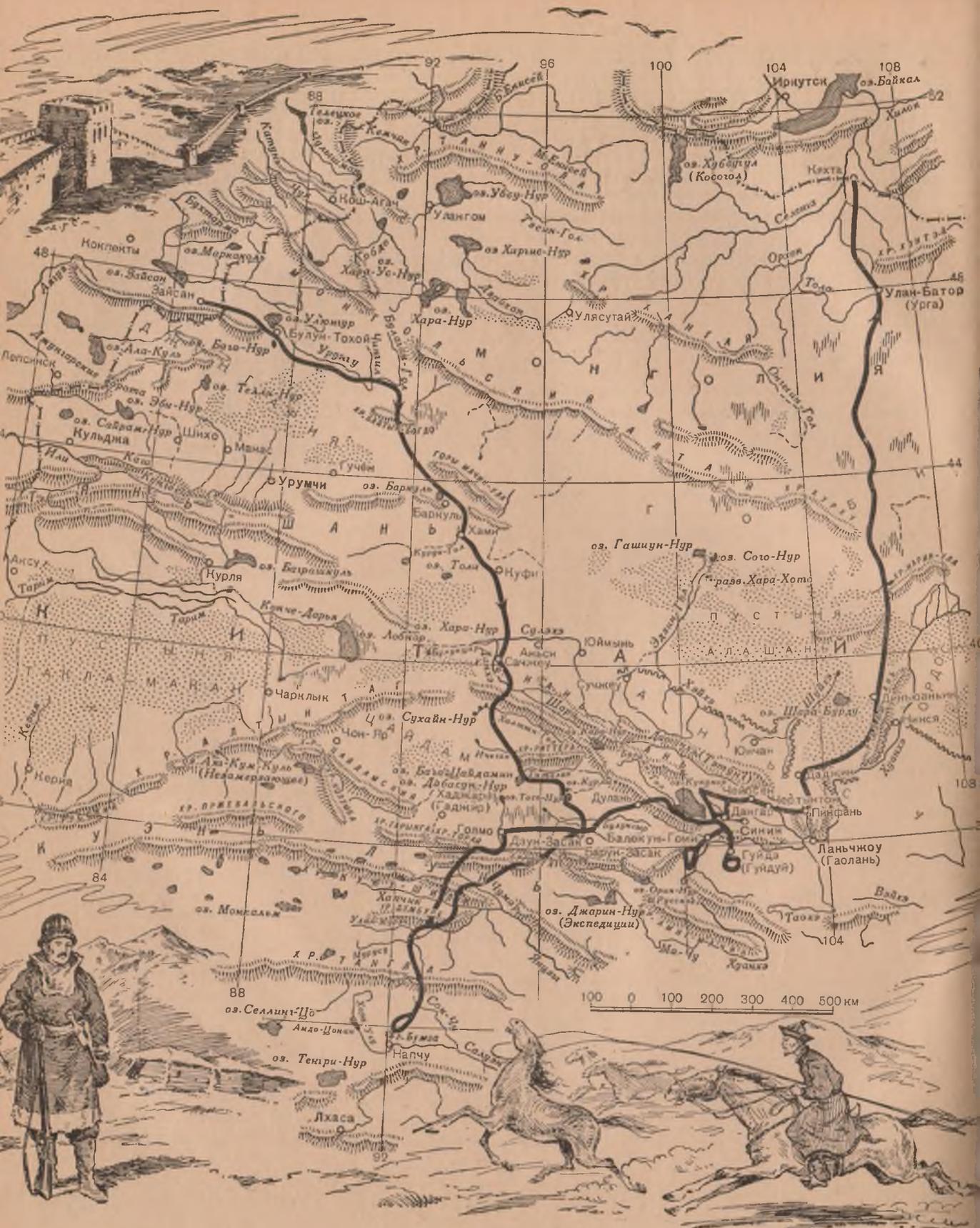

верблюдов. Последние были до крайности плохи и все издохли в два дня, лишь только мы вошли в горное ущелье Балгантай-гола. Положение наше тогда сделалось весьма трудным. Ворочаться назад нечего было и думать, а между тем у нас налицо осталось только 10 верблюдов и 6 верховых лошадей. Завьючив последних и сжегши все лишние вещи, без которых можно было обойтись, мы взошли пешком на Юл-дус. Отсюда я послал казака и переводчика в Кульджу дать знать о нашем трудном по-

ложении и просить помощи. Через три недели явились новые вьючные животные и продовольствие. В последнем мы особенно нуждались, так как наши небольшие запасы, взятые из Корла, вскоре истощились и пришлось питаться исключительно охотой.

Оглянувшись назад, нельзя не сознаться, что счастье вновь послужило мне удивительно.

С большим вероятием можно сказать, что ни годом раньше, ни годом позже исследование Лоб-нора не удалось бы.

108

104

100

96

92

оз. Байкал

Ионутск

Хубилца (Косого)

Улангом

Харин-Нур

Хара-Ус-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хамга

Хяhta

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Харин-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

Хара-Нур

IV

Из Зайсана
через Хами в Тибет
и на верховья Желтой реки

Третье путешествие
в Центральной Азии
1879-1880

Исследованием Лоб-нора и Западной Чжунгарии закончилось второе мое путешествие в Центральной Азии. Постигнутый болезнью как результатом чрезмерного напряжения сил, различных лишений и неблагоприятных климатических условий, я принужден был отказаться от намерения пройти из Кульджи в Тибет через Хами и в конце 1877 года возвратился из города Гучена в наш пограничный пост Зайсанский. Здесь в течение трех месяцев при заботливом внимании местных врачей здоровье мое достаточно восстановилось. Тогда я выступил было вновь из Зайсана в путь, как получил телеграмму из С.-Петербурга приказание отложить на время экспедицию ввиду обострившихся затруднений наших с китайцами по поводу владения Илийским краем.

По пословице «нет худа без добра» подобная, обязательная отсрочка путешествия явилась весьма кстати. Мне можно было ехать на родину и здесь в продолжение лета 1878 года, в тиши деревни, окончательно отдохнуть от многочисленных невзгод лоб-новского путешествия.

Со всегдашней горячей готовностью откликнулись Географическое общество и военное министерство на поданный мною проект о новом путешествии в глубь Азии. Целью этого путешествия намечался далекий, малоизвестный Тибет. Путем же следования было избрано направление из Зайсана через Хами, Са-чжеу и Цайдам — по

местностям, которые сами по себе представляли высокий научный интерес. Срок путешествия полагался двухлетний; личный состав экспедиции определен был в 13 человек; на расходы исчислялось 29 тысяч рублей.

Ближайшими моими помощниками, принесшими неоценимые услуги делу экспедиции, были два офицера — прапорщики Федор Леонтьевич Эклон и Всеволод Иванович Роборовский. Первый из них, еще будучи юнкером, сопутствовал мне на Лоб-нор; второй теперь впервые отправлялся в Азию. Эклону поручено было препарирование млекопитающих, птиц и пр. — словом, заведывание зоологической коллекцией; Роборовский же рисовал и собирал гербарий. Кроме того, оба названных офицера помогали мне и в других научных работах экспедиции. В составе последней находились, кроме того, трое солдат: Никифор Егоров, Михаил Румянцев и Михай Урусов. Пять забайкальских казаков: Дондок Иринчинов — мой неизменный спутник при всех трех путешествиях в Центральной Азии, Пантелей Телешов, Петр Калмынин, Джамбал Гармаев и Семен Анносов; вольнонаемный препаратор отставной унтер-офицер Андрей Коломейцев и переводчик для тюркского и китайского языков, уроженец города Кульджи, Абдул Басид Юсупов, уже бывший со мною на Лоб-норе.

Таким образом, вся наша экспедиция состояла из 13 человек — как нарочно, из

цифры, самой неблагоприятной в глазах суеверов. Однако последующий опыт путешествия доказал всю несправедливость нареканий, возводимых на так называемую «чертову дюжину».

Притом более обширный персонал экспедиции едва ли был на пользу дела. В данном случае, более чем где-либо, важно заменить количество качеством и подобрать людей, вполне годных для путешествия. Каждый лишний человек становится обузой, в особенности если он не удовлетворяет вполне всем требованиям экспедиции. В длинном же ряду этих требований далеко не на последнем месте стоят нравственные, или, вернее, сердечные, качества. Сварливый, злой человек будет неминуемо великим несчастьем в экспедиционном отряде, где должны царить дружба и братство рядом с безусловным подчинением руководителю дела.

Затем на стороне маленькой экспедиции то великое преимущество, что нужно гораздо меньше различных запасов, равно как вьючных и верховых верблюдов, которых иногда совершенно нельзя достать; легче добыть продовольствие, топливо и воду в пустыне; легче забраться в труднодоступные местности — словом, выгоднее относительно выполнения прямых задач путешествия. При этом, конечно, обязательно откинуть всякий комфорт и довольствоваться лишь самым необходимым.

Проводником на первое время взят был нами киргиз¹ Зайсанского приставства Мирзаш Аллиаров, тот самый, который осенью 1877 года водил нас из Кульджи в Гучен. Мирзаш отлично знал прилежащую к нашей границе западную часть Чжунгарии, где много лет занимался барантою, то есть воровством лошадей. Как известно, подобный промысел нисколько не презирается у киргизов; наоборот, искусный барантач считается удалцом, заслуживающим удивления и похвалы. Мирзаш своими подвигами снискал себе даже почетное прозвище батырь, то есть богатырь. Этот богатырь сам признавался нам, что в продолжение своей жизни (ему тогда было 53 года) украл более тысячи лошадей; неоднократно бывал в самом трудном положении, но обыкновенно выпутывался из беды. Впрочем, большой шрам на лбу, нанесенный топором хозяина украденной лошади, ясно свидетельствовал, что не всегда благополучно проходили нашему герою его воровские похождения. Как проводник Мирзаш был очень полезен; только необходимо было его держать, как говорится, в ежовых рукавицах.

На восходе солнца 21 марта караван наш был готов к выступлению. Длинной вереницей вытянулись завьюченные верб-

¹ В этом разделе киргизами автор называет казахов. В старой русской литературе очень часто не делали различия между ними. (Примеч. редактора.)

люды, привязанные один к другому и разделенные для удобства движения на три эшелона. Казаки восседали также на верблюдах. Остальные члены экспедиции ехали верхом на лошадях. Каждый эшелон сопровождался двумя казаками, из которых один вел передового верблюда, другой же подгонял самого заднего. Впереди всего каравана ехал я с прапорщиком Эклоном, проводником и иногда одним из казаков. Прапорщик Роборовский следовал в арьергарде, где также находился переводчик Абдул Юсупов, препаратор Коломейцев и остальные казаки. Здесь же под присмотром казака то шагом, то рысью, не забывая притом о покормке, двигалось небольшое стадо баранов, предназначенных для еды. Наконец волонтерами из Зайсана с нами отправилось несколько собак, из которых, впрочем, впоследствии оставлено было только две; одна из них вышла всю экспедицию.

Итак, мне опять пришлось идти в глубь азиатских пустынь! Опять передо мною раскрывался совершенно иной мир, ни в чем не похожий на нашу Европу! Да, природа Центральной Азии действительно нова! Оригинальная и дикая, она почти везде является враждебной для цивилизованной жизни. Но кочевник свободно

обитает в этих местах и не страшится пустыни; наоборот, она его кормилица и защитница. И, по всему вероятно, люди живут здесь с незапамятных времен, так как пастушеская жизнь, не требующая особого напряжения ни физических, ни умственных сил, конечно, была всего пригоднее для младенчествующего человечества. Притом же в зависимости от постоянного однообразия физических условий быт кочевников, конечно, не изменился со времен глубочайшей древности. Как теперь, так и тогда войлочная юрта служила жилищем; молоко и мясо стад — пищей; так же любил прежний кочевник ездить верхом; так же был ленив, как и в настоящее время. Сменились народы пустыни, вытесняя один другого; сменилась их религия, переходя от фетишизма и шаманства к буддизму, но самый быт кочевников остался неизменяемым. Консерватизм Азии достиг здесь своего апогея!

Местность по пути от Зайсана до озера Улунгур довольно рельефно обрисована. На юге высокой стеной стоит хребет Саур, достигающий в вечноснеговой группе Мус-тау 12 300 футов абсолютной высоты; на севере вдаль виден Алтай. Между этими хребтами расстилается обширная долина Черного Иртыша, изобилующая вблизи

названной реки бугристыми сыпучими песками. Пески эти поросли мелкой березой, осиной и джингилом; кроме того, здесь встречаются джужгун монгольский, курчавка, хвойник; нередок также песчаный тростник; по лощинам, между буграми, растет довольно хорошая трава, доставляющая корм стадам кочующих здесь зимою киргизов. Вне песков описываемая равнина имеет почву глинисто-солонцеватую, в лучших местах покрытую высоким чиём, или, по-монгольски, дырисуном. Ближе к горам местность начинает полого повышаться, а вместе с тем появляются галька и щебень — продукты разложения горных пород Саура. Последний коротко и круто обрывается на юг; на север же имеет длинный, изборозженный ущельями склон и непосредственно связывается здесь с другими, меньшими горными группами, из которых Кишкинэ-тау стоит возле самого Зайсана. К северо-западу от Саура ответвляется невысокий хребет Манрак, а на западе Саур соединится с Тарбагатаем. На востоке от снеговой группы Мус-тау описываемый хребет начинает быстро понижаться и с поворотом к северо-востоку, под именем Кара-адыр, небольшими возвышениями оканчивается возле западного берега озера Улюнгур.

Южный склон Саура безлесен. На северном же склоне этих гор, в которых, нужно заметить, побывать нам не удалось, в высоком поясе видны с долины довольно обширные площади лесов, состоящих, как говорят, почти исключительно из сибирской лиственницы. Другие древесные породы, как-то: осина, береза, тополь, рябина, дикая яблоня и кустарники — смородина, жимолость, малина, боярка, черемуха, шиповник, таволга и пр., запрятаны в глубине ущелий, по дну которых от вечных снегов Мус-тау бегут многочисленные ручьи.

Мы пришли на озеро Улюнгур 31 марта. Озеро еще сплошь было покрыто льдом, хотя уже непрочным; небольшие полыньи встречались только у берегов. Сверх ожидания, пролетных птиц, даже водяных, оказалось немного, хотя валовой пролет уток начался близ Зайсана еще в половине марта, и к концу этого месяца в прилете замечено было 37 видов птиц. На Улюнгуре же мы встретили в это время валовой пролет только лебедей, обыкновенно ста-

дами в несколько сот экземпляров. Стада эти летели то довольно высоко, то очень низко и присаживались отдохнуть на льду озера. Притом все лебединые стаи направлялись не прямо на север, но с западного берега Улюнгура поворачивали к востоку на озеро Зайсан, конечно, для того чтобы облететь высокий, в это время еще весьма обильный снегом Алтай.

В четырех верстах за Булун-тохоем мы вышли на берег реки Урунгу, единственного, но вместе с тем весьма значительного притока озера Улюнгур. Истоки Урунгу лежат в Южном Алтае.

Миновав низовья Урунгу, мы вступили в область ее среднего течения, где, как упомянуто выше, котловина реки сильно суживается скалами и крайними обрывами соседней пустыни. Эти скалы и обрывы оставляют по берегам Урунгу лишь узкую полосу, обыкновенно поросшую лесом, часто же совершенно стесняют течение реки и только изредка отходят от нее на несколько верст в стороны. Дорога, все время колесная, не может уже следовать, как в низовьях Урунгу, недалеко от ее берега, но большей частью идет по пустыне, где щебень и галька скоро портят подошвы лап вьючных верблюдов. Не меньше достается и сапогам путешественника, который хотя едет верхом, но все-таки нередко слезает с лошади, чтобы пройтись и размять засиженные ноги. Притом же и время перехода при таком попеременном способе движения проходит быстрее.

Однако ночлеги по-прежнему располагаются по берегу Урунгу, где караваны находят все для себя необходимое, то есть воду, топливо и корм животным. Впрочем, подножный корм на средней Урунгу не особенно обилен, да и лесная растительность гораздо беднее, нежели на низовье реки. Роши, за небольшими исключениями, более редки; лугов и тростниковых зарослей мало, так что почва в лесах зачастую голая глина, из которой при неимении другого материала наши обыкновенные муравьи строят свои жилые кучи. Кочевников по-прежнему нам не встречалось, и только в расстоянии 25—30 верст друг от друга попадались китайские пикеты, на которых жили по несколько человек тургоутов, исполнявших должность ямщиков при перевозке китайской почты.

Но незадолго перед нами в тех же самых местах, то есть на средней Урунгу,

провели целую зиму киргизы, убежавшие летом и осенью 1878 года из Усть-Каменогорского уезда, Семипалатинской области, в пределы Китая. Всего ушло тогда 1800 кибиток в числе приблизительно около 9000 душ обоего пола.

Беглецы уключали частью в Южный Алтай, частью на реку Урунгу. Впрочем, они попали сюда, попробовав сначала двинуться из Булунтохоя прямой дорогой к Гучену. Пустыня оказалась непроходимой, и партия вынуждена была возвратиться на Урунгу, где провела зиму 1878/79 года, испытав страшные бедствия от бескормицы для скота. Мы шли по средней Урунгу, как раз теми самыми местами, где зимовали киргизы, укочевавшие незадолго перед нашим приходом к верховьям описываемой реки. На этой последней, начиная верст за сто от ее устья и до самого поворота гученской дороги вправо от Урунгу, то есть всего верст на полтора, зимовые кочевья киргизов встречались чуть не на каждом шагу. На всем вышеозначенном пространстве положительно не было ни одной квадратной сажени уцелевшей травы; тростник и молодой тальник были также съедены дочиста. Мало того, киргизы обрубили сучья всех решительно тополей, растущих рощами по берегу Урунгу. Множество деревьев также было повалено; кора их шла на корм баранов, а нарубленными со стволов щепками кормились коровы и лошади.

От подобной пищи скот издыхал во множестве, в особенности бараны, которые возле стойбищ валялись целыми десятками. Даже многочисленные волки не могли поедать такого количества дохлятины — она гнила и наполняла вразую окрестный воздух. Притом помет тысячных стад чуть не сплошной массой лежал по всей долине средней Урунгу.

Грустный вид представляла эта местность, довольно унылая и сама по себе. Словно пронеслась здесь туча саранчи — даже нечто худшее, чем саранча. Та съела бы траву и листья; на Урунгу же не были повреждены даже деревья. Их

обезображенные стволы торчали по берегу реки, словно вкопанные столбы; внизу же везде валялись груды обглоданных сучьев.

Так ознаменовали свой проход и временное стойбище несколько тысяч кочевников. Что же было, невольно думалось мне, когда целые орды тех же номадов шли из Азии в Европу! Когда все эти гунны, готы и вандалы тучами валили на плодородные поля Галлии и Италии! Какой карой божьей должны были они тогда казаться для культурных местностей Западной Европы! К счастью, молодая трава к половине апреля уже начала отрастать, и корма для выючных животных нашлось достаточно, иначе мы не могли бы пройти вверх по Урунгу.

Невдалеке от вышеупомянутого сворота гученской дороги начинается верхнее течение Урунгу, которая образуется здесь из трех рек: Чингила — главной по величине, и двух, близко друг от друга в тот же Чингил впадающих, — Цаган-гола и Булугуна. От устья последнего соединенная река принимает название Урунгу и сохраняет это название до впадения в озеро Улюнгур.

Пройдя верст сорок вверх по Булугуну, мы встретили невдалеке от реки небольшое озеро Гашун-нор, имеющее версты четыре в окружности и воду немного горьковатую. Глубина этого озера невелика; из рыб в нем водятся крупные караси и окуни. На Гашун-норе мы пробывали четверо суток и отлично поохотились на кабанов.

Кабаны в обилии держались невдалеке от нашей стоянки, по зарослям лозы и тростника на берегах Булугуна. Площадь этих зарослей была здесь не обширная: версты две в длину и около версты в ширину; притом лоза и тростник сучивались небольшими островами. Тем не менее кабанов собралось множество, вероятно потому, что здесь не было кочевников; на нижнем же и на верхнем Булугуне везде жили тургуты. Самки кабанов в это время уже имели поросят, иногда довольно взрослых: ходили обыкновенно стадами по нескольку выводков вместе. Старые самцы держались в одиночку. Те и другие вообще были не пугливы, хотя довольно чутки.

Ранним утром, еще на заре, отправлялись мы с несколькими казаками в обетованные заросли и шли цепью, осторожно высматривая кабанов. Последние обыкновенно ранее замечали нас, бросались на уход и набегали на кого-нибудь из охотников. Иногда подобным образом насккивало целое стадо, так что глаза разбегались, в которого зверя стрелять. При такой суматохе немало было промахов, еще более уходило раненых; но все-таки мы добыли несколько кабанов, в том числе одного старого самца длиной в 5 футов 8 дюймов, высотой в 3 фута и весом около 10 пудов. Больших экземпляров, по словам туземцев, здесь не встречается, чему можно верить, так как азиатский кабан вообще меньше европейского.

Добытый на Булугуне старый кабан наскочил на меня очень близко, притом почти на чистом месте, так что я успел посадить в зверя четыре пули из превосходного двуствольного скорострельного штуцера Ланкастера, подаренного мне моими товарищами, офицерами генерального штаба. Этот дорогой для меня подарок сопровождал мне в двух экспедициях и немало послужил на различных охотах. Берданки же, с которыми охотились казаки, несмотря на свою меткость, весьма малоубойны именно потому, что пуля имеет малый калибр и громадную начальную скорость.

* * *

В пространстве между Алтаем на севере и Тянь-шанем на юге расстилается обширная пустыня, для которой, по общему названию этой части Центральной Азии, может быть приурочено название пустыни

Чжунгарской. На западе она также резко ограничивается Сауром и теми горными хребтами (Семиз-тау, Орхочук, Джаир и Майли), которые тянутся от Тарбагатай к Тянь-шаню. На востоке описываемая пустыня, много суженная тем же Алтаем и тем же Тянь-шанем, непосредственно соединяется со степями и пустынями Центральной Азии, известными под общим названием Гоби.

В северной и восточной частях Чжунгарской пустыни почва состоит из острого щебня и гравия — продуктов разложения местных горных пород. На западе же и в особенности на северо-западе преобладают залежи лёссовой глины; на юге раскидываются сыпучие пески, которые в окрестностях озера Аяр-нор мешаются с мелкими солеными озерами и обширными солончаками.

Вышеназванная лёссовая глина, столь распространенная во Внутренней Азии и известная китайцам под названием куангту, представляет собой серовато- или беловато-желтую массу, состоящую из мелкоземлистой глины, мельчайшего песка и углекислой извести. Вся масса лёсса проникнута, наподобие губки, множеством мельчайших, часто инкрустированных известью трубочек или пор, происшедших от истлевших травянистых растений. Эти трубочки вместе с известью настолько крепко цементируют лёсс, что последний в сухом виде хотя и представляет породу нежную, мягкую, легко растирающуюся между пальцами, но тем не менее под влиянием удобно просачивающейся внутрь воды, а также ветров и других атмосферных деятелей на готовые обнажения образует вертикальные обрывы в несколько сот футов высотой и дает правильные параллелепипедальные оползни. Такое свойство обрываться вертикальными оползнями вместе с пористым сложением и отсутствием слоистости составляет характерные особенности лёсса. Кроме того, в нем благодаря присутствию той же извести нередко образуются мергельные стяжения (конкреция)¹. Наконец, в лёссе встречаются ископаемыми лишь сухопутная и пресноводная фауны, но никогда фауна морская.

¹ Конкреция — скопление минералов либо минеральных солей в горных породах. (Примеч. редактора.)

О происхождении лёсса было высказано много мнений, но вероятнее всего, что он образовался в лишенных стока бассейнах из осадков атмосферной пыли, столь обильной и постоянной во Внутренней Азии. Местами эти воздушные осадки вымыты были из своего первоначального залегания водой и вновь отложены в озерах. Таким путем получился вторичный, озерный лёсс, который отличается от первичного, или сухопутного, более бледным цветом, отсутствием пористости, большим содержанием соли, а также включением прослоек песка и гальки.

Благодаря чрезвычайной тонкости своих составных частей, прекрасному механическому их смешению и по большей части выгодному процентному содержанию солей лёсс при орошении необыкновенно плодороден. Во всех культурных местностях Внутренней и Восточной Азии, до Китая включительно, он играет роль нашего чернозема. Из лёсса же возводятся там и все постройки, так как, будучи смоченной, эта глина делается весьма вязкой, а высыхая на солнце, твердеет как камень.

На юго-восточной окраине Центральной Азии и в западных частях собственно Китая лёссовая почва, будучи размита реками во всю свою толщину, обнажает мощные пласты, иногда до 2000 футов по вертикали. В Гобийской же пустыне при крайней бедности атмосферных осадков и отсутствии стекающих к океану вод лёссовые залежи лишь изредка и обыкновенно незначительно изоборождены. Здесь лёссовый осадок то в чистом виде, то в смеси с продуктами разложения местных горных пород, то, наконец, покрытый массами сыпучего песка, выполняет глубокие котловины, трещины и впадины горного скелета, чем придает стране своеобразный равнинный характер.

По своему климату Чжунгарская пустыня не отличается от всей Гоби вообще. Как там, так и здесь главной характеристикой климатических явлений служат огромная сухость воздуха при малом количестве атмосферных осадков в течение всего года; резкие контрасты летнего жара и зимнего холода; наконец, обилие бурь, в особенности весной.

Растительность Чжунгарской пустыни крайне бедна и в общем мало отличается от наиболее бесплодных частей всей Гоби. Как там, так и здесь на почве песчаной, в

особенности если к ней примешано немного лёссовой глины, флора все-таки разнообразнее, нежели на площадях чисто лёссовых или покрытых щебнем; солончаки еще того бесплоднее. В горных же группах, изобильных в восточной части описываемой пустыни, растительная жизнь несколько богаче.

Деревьев в Чжунгарской пустыне нигде нет. Из кустарников преобладает саксаул, маленькая эфедра, хвойник и низкорослая, издали похожая на траву, реамюрия. Последняя растет почти исключительно на лёссовой глине; саксаул и эфедра, напротив, изобилуют на песках. Здесь же обыкновенны: копеечник и джужгун, а из трав — полынь и какой-то мелкий злак.

Из всех вышепоименованных растений самые замечательные, конечно, саксаул и дырисун. Оба они свойственны всей Внутренней Азии — от пределов собственно Китая до Каспийского моря. Много раз придется еще нам встречаться с этими дарами Азиатской пустыни, поэтому расскажем теперь о них несколько подробнее.

Саксаул принадлежит, как известно, к семейству солянковых растений, имеет безлистные, похожие на хвощ и притом вертикально торчащие ветви. Само растение, называемое монголами «зак» (дзак), является в форме корявого куста или дерева, иногда до 2 сажен высотой, при толщине ствола у корня от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ фута. Впрочем, подобных размеров саксаул достигает не часто и то в самых привольных для себя местностях, как, например, в северном Алашане — там царство саксаула. Последний всегда растет на голом песке и притом врассыпную. Рядом с живущими экземплярами обыкновенно торчат или валяются экземпляры уже иссохшие, так что саксаульный лес, если только можно так его назвать, имеет самый непривлекательный вид даже в пустыне, тем более что описываемое растение почти не дает тени; песчаная же почва саксаульных зарослей лишена всякой другой растительности и почти всегда выдута бурями в виде бесконечно чередующихся ям и бугров.

Для номадов пустыни саксаул составляет драгоценное растение: дает хороший корм верблюдам и доставляет превосходный материал для топлива. Древесина описываемого растения чрезвычайно тяжелая и крепкая, но до того хрупкая, что даже боль-

шой ствол разлетается на части при ударе обухом топора. Следовательно, на постройку саксаул не годен; да и не найти в нем хотя бы двухаршинного ровного бревна. Зато горит превосходно; даже сырые ветки, которые, как у многих солянковых растений, чрезвычайно обильны соком, вероятно потому, что очень плотная наружная кожица препятствует даже в сухом климате пустыни испарению вытянутой корнями влаги. Саксаульные дрова, словно каменный уголь, горят очень жарко и, перегорев, еще надолго сохраняют огонь. Цветет саксаул в мае мелкими, чуть заметными желтыми цветочками; семена также мелкие, плоские и крылатые, серого цвета, густо усаживают ветви и поспевают в сентябре.

Саксаульные заросли дают пищу и приют для некоторых животных пустыни. В них укрываются волки и лисицы, но всего обильнее песчанки, которые выкапывают норы в песчаных буграх; питаются же влажными ветками описываемого растения, следовательно, могут обходиться без воды. Кроме того, саксаул едят антилопы харасульты, зайцы и (в Чжунгарии) дикие верблюды. Вероятно, им также пользуются при сильной засухе и другие травоядные звери пустыни.

Оседлых птиц в саксаульниках держится немного. Всего чаще здесь встречаются саксаульный воробей и саксаульная сойка. Летом по саксаулу также мало гнездится пернатых, но на пролете в саксаульных зарослях находят для себя временный отдых и кое-какую пищу многочисленные пташки. Пресмыкающиеся (ящерицы, змеи) в саксаульниках редки; земноводные не живут вовсе.

Другое, еще более важное для обитателей пустыни растение принадлежит к семейству злаков и называется монголами «дырисун», киргизами — «чий».

Подобно саксаулу, дырисун распространен по всей Внутренней Азии.

В Монголии дырисун растет всего обильнее по долине Желтой реки, там, где она огибает Ордос; встречается спорадически и всегда лишь небольшими площадями. На Тариме, в Гань-су и Северном Тибете дырисун не растет вовсе; на Куку-норе и в Цайдаме довольно редок.

Везде описываемый злак избирает для себя почву глинисто-соленую и притом хотя немного влажную, но настоящих солонча-

ков избегает. Растет дырисун отдельными кустами и достигает от 5 до 6, иногда даже от 7 до 9 футов вышины. Каждый такой куст у своего основания представляет кочкообразную массу от 1 до 3 футов в диаметре. Отсюда весной выходят новые побеги; старые же стебли, обыкновенно объеденные скотом, торчат подолгу. Пространство между отдельными кустами дырисуна — почти всегда голая глина. Собственно зелени такой куст показывает немного, так что площадь, поросшая дырисуном, имеет даже летом зелено-серый цвет. Человеку, забравшемуся в высокий дырисун, ничего не видно, кроме неба да ближайших кустов самого растения; если заросль обширна, то легко заблудиться.

В дырисуне находят для себя приют фазаны, куропатки, перепела, жаворонки, а также зайцы, лисицы, волки и барсуки. Для домашнего скота описываемое растение составляет превосходный корм. Кроме того, из чрезвычайно крепких, почти как проволока, стебельков дырисуна китайцы делают летние шляпы и метелки; киргизы же плетут прочные циновки, которыми обставляют бока своих войлочных юрт или кибиток.

Животное царство Чжунгарской пустыни так же бедно, как и его флора. Правда, фауна этой местности мало исследована. В оба раза, которые нам привелось здесь проходить, мы шли быстро и притом не могли посвящать себя, как вообще в путешествии, исключительно зоологическим занятиям. Тем не менее при однообразии физических условий пустыни, даже при сравнительно быстрых караванных передвижениях, можно сделать достаточно наблюдений над флорой и фауною, по крайней мере для общей характеристики страны.

Всего в Чжунгарии нами найдено 27 видов млекопитающих, кроме домашних. Но если исключить из этого числа виды, свойственные горам западной и северной частей той же страны, равно как долину реки Урунгу, то собственно для пустыни останется только 13 видов.

Теперь о дикой лошади и диком верблюде.

Дикая лошадь, единственный экземпляр которой находится в музее С.-Петербургской Академии наук, недавно описана нашим зоологом И. С. Поляковым и названа моим именем. Она хотя и представляет

некоторые, даже значительные, признаки (отсутствие длинных волос на верхней половине хвоста, отсутствие челки, короткая, прямостоячая грива), свойственные ослам, но по общности других, более важных зоологических отличий (по форме черепа и копыт, присутствию мозолей на задних ногах, чего не бывает у ослов, неимению спинного ремня, наконец по общему складу) весьма приближается к домашней лошади и в зоологической системе должна быть поставлена рядом с этой последней. Таким образом, новооткрытый вид представляет, по исследованию Полякова, промежуточную форму между ослом и лошадью домашней; быть может, и весьма даже вероятно, составляет уцелевшего еще родоначальника некоторых пород домашней лошади, много уклонившейся от первоначального типа под влиянием давнишнего приручения человеком.

По своей наружности лошадь Пржевальского роста небольшого. Голова сравнительно велика, с ушами, более короткими, нежели у ослов; грива короткая, прямостоячая, темно-бурого цвета, без челки; спинного ремня нет. Хвост на верхней половине мохнатый, но без длинных волос и только в нижней своей половине покрыт черными, длинными, как у лошадей, волосами. Цвет туловища чалый, на нижних частях тела почти белый; голова рыжеватая; конец морды белый. Шерсть (зимняя) довольно длинная, слегка волнистая. Ноги сравнительно толстые; передние — снаружи, в верхней половине, беловатые, над коленями рыжеватые, далее вниз черноватые и возле копыт черные; задние — беловатые, возле копыт также черные; копыта круглые и довольно широкие.

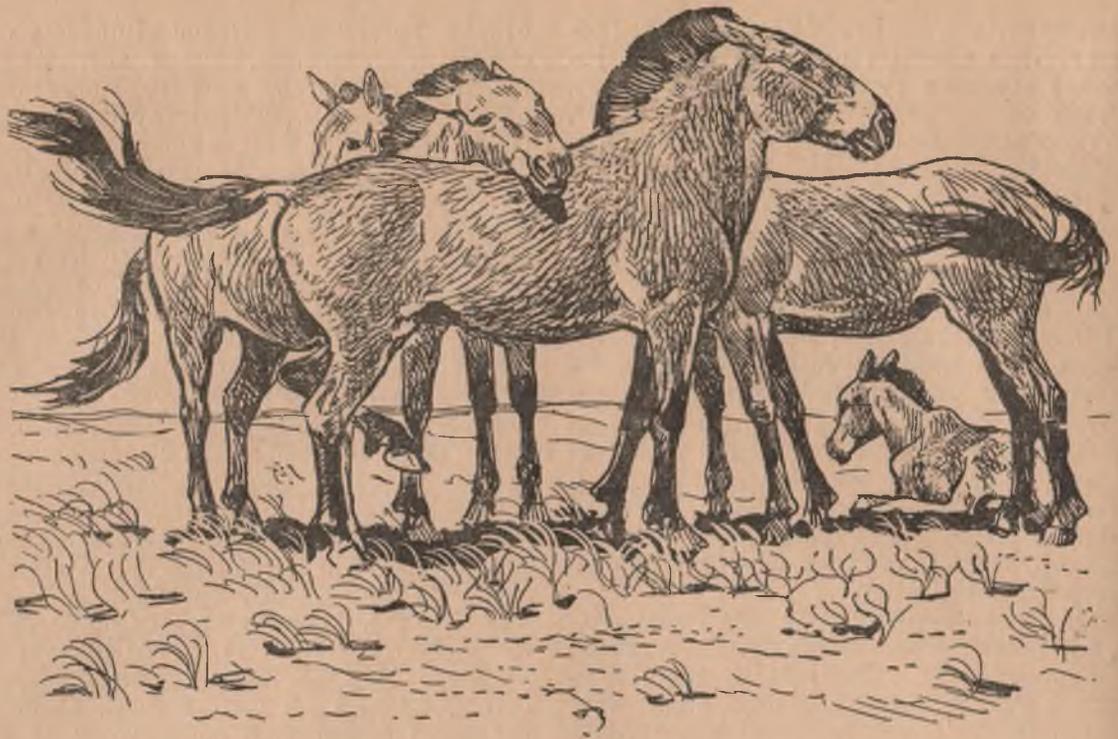
Новооткрытая лошадь, называемая киргизами «кэртаг», а монголами также «тахи», обитает лишь в самых диких частях Чжунгарской пустыни. Здесь кэртаги держатся небольшими (5—15 экземпляров) стадами, пасущимися под присмотром опытного старого жеребца. Вероятно, такие стада состоят исключительно из самок, принадлежащих предводительствующему самцу. При безопасности звери эти, как говорят, игривы. Кэртаги вообще чрезвычайно осторожны, притом одарены превосходным обонянием, слухом и зрением. Встречаются довольно редко; да притом, как сказано выше, держатся в самых диких частях пустыни,

откуда посещают водопои. Впрочем, описываемые животные, как и другие звери пустыни, вероятно, надолго могут оставаться без воды, довольствуясь сочными солончаковыми растениями.

Охота за дикими лошадьми чрезвычайно затруднительна; притом на такую охоту можно пускаться лишь зимою, когда в безводной пустыне выпадает снег. Тогда, по крайней мере, нельзя погибнуть от жажды. Зато в это время охотников будут донимать день в день сильнейшие морозы. Чтобы укрыться от них хотя ночью, необходимо взять с собой войлочную юрту; затем следует запастись продовольствием и вообще снарядить небольшой караван, так как на подобной охоте придется выехать многим сотням верст и потратить месяц времени. Мне лично удалось встретить только два стада диких лошадей. К одному из этих стад можно было подкрасться на меткий выстрел, но звери почуяли по ветру, по крайней мере за версту, моего товарища и пустились на уход. Жеребец бежал впереди, оттопырив хвост и выгнув шею, вообще с посадкою совершенно лошадиною; за ним следовали семь, вероятно, самок. По временам звери останавливались, толпились, смотрели в мою сторону и иногда лягались друг с другом; затем опять бежали рысью и наконец скрылись в пустыне. Замечательно, что в упомянутом стаде два экземпляра были какие-то пегие — хорошо нельзя было рассмотреть.

За исключением Чжунгарии кэртаг нигде более не водится. Таким образом, прежний обширный, как показывают палеонтологические изыскания, район распространения дикой лошади в Европе и Азии ныне ограничен лишь небольшим уголком Центральноазиатской пустыни. В других ее частях диких лошадей нет. Об этом я могу теперь утверждать положительно. Рассказы монголов, слышанные мною в Ала-шане еще во время первого (1870—1873 года) путешествия в Центральной Азии, о стадах диких лошадей на Лоб-норе оказались выдумкою.

Противоположно дикой лошади, о существовании которой в Центральной Азии до сих пор ничего не знали, дикий верблюд, обитающий в той же Центральноазиатской пустыне, известен был по слухам уже шесть веков тому назад, со времен Марко Поло, который первым из европейцев упо-

минает об этом животном. Еще ранее неоднократно говорится о нем в китайских летописях.

На мою долю выпало счастье отыскать дикого верблюда на его родине, в пустынях Лоб-нора, и наблюдать здесь это замечательное животное. Его нрав и образ жизни описаны были мною тогда же, в отчете о путешествии на Лоб-нор. Вместе с тем я высказался, что найденные мною верблюды суть дикие животные. Мнение это подтверждено И. С. Поляковым, сделавшим специальное зоологическое описание дикого верблюда по экземплярам и черепам, привезенным мною с Лоб-нора, а также добытым в 1878 году охотниками-киргизами в песках Южной Чжунгарии.

По исследованию Полякова, зоологические отличия дикого верблюда от домашнего (также двугорбого) невелики и заключаются главным образом в малых горбах диких экземпляров; затем в отсутствии у этих последних мозолей на коленях передних ног. Черепа диких верблюдов при сравнении их с черепами прирученных двугорбых представляют различия лишь в мелочах. Но, с другой стороны, весьма также

схожи черепа двугорбого и одногорбого верблюдов и их ископаемого собрата, недавно найденного на Волге.

Подобное явление можно объяснить лишь одинаковостью пищи, климата, местности — словом, всех тех физико-географических условий, среди которых жили и живут как домашние верблюды, так и дикие. Понятно, что при отсутствии изменяющих причин не могло произойти каких-либо значительных изменений в типе животного, — изменений, которые, по законам «соотношения развития», отразились бы и на устройстве черепа. Только спины верблюдов домашнего и дикого, как справедливо указывает Поляков, находятся уже много веков не в одинаковых условиях. Домашний верблюд целые тысячелетия таскает на себе кладь; дикий же его собрат не знает этого. Вот почему малые горбы диких верблюдов, находившиеся, быть может, в связи с меньшим развитием или даже несколько измененным положением тех отростков на спинных позвонках, которые образуют горб, составляют весьма важный зоологический признак. К сожалению, скелета дикого верблюда еще нет в музеях.

Не буду повторять здесь уже сказанного мною в вышеупомянутом отчете о путешествии на Лоб-нор относительно образа жизни и привычек дикого верблюда. Во время нынешнего путешествия в Тибет мы не охотились (по недостатку времени) за этим животным, хотя и проходили районы, им обитаемые.

Теперь можно с точностью указать местности Центральной Азии, где еще доньше живет дикий верблюд. Везде эти местности обозначаются недоступными сыпучими песками, в которых описываемое животное укрывается от человека. Вообще район распространения дикого верблюда несравненно обширнее, нежели район жительства дикой лошади. Остатки этой последней сохранились только в Чжунгарии. Дикий же верблюд занимает пустыни нижнего Тарима, Лоб-нора и Хамийскую; затем обитает в достаточном числе в песках Южной Чжунгарии, к северу от городов Гучена и Манаса; наконец на Тибетском нагорье живет в Северо-Западном Цайдаме — в песках близ урочища Сыртын и в пустынных окрестностях озера Хыйтун-нор.

Начнем снова о путешествии.

Простояв четверо суток на озере Гашун-нор, мы наняли себе проводника-тургоута и направились к югу прямым путем на город Баркуль. Киргиз Мирзаш, до сих пор проводивший нас из Зайсана, но далее не знавший дороги, был отпущен обратно и награжден за свои услуги. С новым проводником мы выступили в путь 2 мая и в тот же день оставили позади себя Южный Алтай. Его отроги, сопровождавшие до сих пор левые берега Булугуна и верхней Урунгу, резко окончились. Впереди нас раскинулась необозримая равнина, ограниченная на юге довольно высоким хребтом Байтык и его более низкими восточными продолжениями, носящими имена Хаптык и Барлык. К востоку упомянутая равнина уходила за горизонт; на западе же, то есть вправо от нашего пути, виднелись невысокие горы, составляющие, быть может, продолжение хребта Кутус, расположенного на левом берегу Урунгу, близ сворота гученской дороги.

От ключа Холусутай-булык предстоял безводный переход в 74 версты. Поэтому мы запаслись водою и тронулись с места после полудня, чтобы ночевать, пройдя

треть пути; на следующий день прошли остальные две трети и сильно усталые, уже почти ночью, разбили свой бивуак на ключе Хылытыге, в восточном подножии гор Байтык. Эти последние видны были нам совершенно ясно еще верст за пятьдесят. Казалось, вот-вот скоро доберемся до желанного места. А между тем проходили час, другой, третий в непрерывном движении — и все-таки горы не приближались заметно.

Так везде обманчивы, еще более для новичка, расстояния в пустынях Центральной Азии, конечно, если только атмосфера свободна от поднятой ветром пыли. В особенности ясно видны бывают на громадном расстоянии высокие горы. Так, например, Тянь-шань из Чжунгарской пустыни виден довольно хорошо верст за двести. Громадную же вершину того же Тянь-шаня — Богдоула, стоящую близ Гучена, мы могли заметить с высот на реке Урунгу, близ сворота гученской дороги, следовательно, за 250 верст. Причины такой дальности, а вместе с тем и обманчивости обозреваемых расстояний в равнинных местностях пустыни заключаются: во-первых, в разреженности, сухости, следовательно, и прозрачности воздуха, в особенности на больших высотах; затем в отсутствии большей частью промежуточных предметов; наконец, в контрасте равнин и гор, обыкновенно являющихся рядом, без постепенного перехода.

* * *

Как ни разнообразна, по-видимому, почти ежедневно изменяющаяся обстановка путешественника во время его движения с караваном, но все-таки, несмотря на частую новизну в том или другом отношении, на постоянную смену внешних впечатлений, общее, внутреннее так сказать, течение жизни принимает однообразный характер. Почти одинаково проводили мы свои дни как в Чжунгарской пустыне, так и близ ледников Нань-шаня, на высоком плоскогорье Тибета, на берегах Куку-нора или Желтой реки и в песках Ала-шаня. Разница если случалась, то только в мелочах.

Перенеситесь теперь, читатель, мысленно в Центральноазиатскую пустыню к нашему бивуаку и проведите с нами одни сутки, — тогда вы будете иметь полное понятие о нашей походной жизни во все время путешествия.

Ночь. Караван наш приютился возле небольшого ключа в пустыне. Две палатки стоят недалеко друг от друга; между ними помещается вьючный багаж; возле которого попарно спят казаки. Впереди уложены верблюды и привязана кучка баранов; несколько в стороне наарканены верховые лошади. Утомившись днем, все отдыхают. Только изредка всхрапнет лошадь, тяжело вздохнет верблюд или бредит сонный человек...

В сухой, прозрачной атмосфере ярко, словно алмазы, мерцают бесчисленные звезды; созвездия резко бросаются в глаза; Млечный Путь отликает фосфористым светом; там и сям промелькнет по небу падающая звезда и исчезнет бесследно... А кругом дикая, необъятная пустыня. Ни один звук не нарушает там ночной тишины. Словно в этих сыпучих песках и в этих безграничных равнинах нет ни одного живого существа.

Но вот забрезжила заря на востоке. Встает дежурный казак и прежде всего вешает в стороне на железном треножнике термометр, затем разводит огонь и варит чай. Когда последний готов, поднимаются остальные казаки; встаем и мы. В прохладной утренней атмосфере сначала немного пробирает дрожь, но чашка горячего чая хорошо и быстро согревает. Завтрак же, обыкновенно в виде оставшегося с вечера куса вареной баранины или уцелевшей лепешки, тщательно прячется в карман на дорогу; но казаки теперь наедаются дзамбы с чаем, зная, что следующая еда будет только на следующем бивуаке. Затем начинается седлание верховых лошадей и вьючение верблюдов; на кухне и у нас в палатке в это время идет уборка разбросанных вещей. Наконец наши ящики уложены, постель собрана и оружие вынесено вон из палатки; тогда эта палатка снимается и укладывается в войлочный футляр. Казаки давно уже сняли свою палатку и привязали ее поверх более легкого вьюка. Половина верблюдов уже завьючена; остальные завьючиваются еще быстрее, так как теперь и мы, то есть я и офицеры, принимаем участие в этой работе. «Готово!» — наконец восклицает один из казаков. Все они идут тогда за своими ружьями, отложенными пока в сторону; затем направляются к непотухшему огню и закуривают трубки. Тем временем мы надеваем на себя оружие и садимся на верховых лошадей; казаки, с

трубками во рту, спешат садиться на своих верблюдов. Караван выстраивается и трогается в путь.

Выходим мы с места ночлега обыкновенно на восходе солнца. Средний переход занимает около 25 верст — иногда меньше, иногда немного больше. В удобных для себя местах, то есть вообще в равнинах пустыни, верблюд с вьюком в 10 пудов идет средним числом $4\frac{1}{2}$ версты в час. Но если принять во внимание нередкие остановки, чтобы поправить искривившийся вьюк, или привязать оторвавшегося верблюда, или помедлить на дурном спуске и подъеме в каком-нибудь неожиданно встретившемся овраге, то можно положить время от шести до семи часов, необходимое на переход от одного бивуака к другому. Весь этот путь едешь шагом попеременно с пешим ходением. Нередко приходится также слезать с лошади для засечек главного пути и более важных боковых предметов бусолю, которая для простоты и удобства держится при этой работе прямо в руках, без штатива. Результаты таких засечек, как вообще вся съемка, заносятся сейчас же в небольшую записную книжечку, которая постоянно имеется в кармане и в которой отмечается все наиболее важное и необходимое в виду самого предмета. По приходе на бивуак из таких заметок составляется дневник, записывается что нужно в отделах специальных исследований, а съемка переносится на чистый планшет. Дорогою мы также собираем для коллекции растения, ловим ящериц, а иногда и змей, стреляем попадающихся зверей и птиц. Впрочем, все это делается мимоходом, так как долго медлить нельзя. Только иногда случается увлечься преследованием какой-нибудь раненой антилопы или, встретив большое стадо тех же антилоп, пустить в них залп из всех наличных берданок.

Первый десяток верст пути всегда проходит как-то незаметно; но на втором десятке, в особенности к его концу, начинает уже чувствоваться небольшая усталость, тем более что в это время обыкновенно наступает жара или поднимается буря. Разговоры в караване также смолкают; даже верблюды и лошади идут лениво, апатично. Чаще повторяется спрос у проводника: «Далеко ли до места остановки?» — и не один раз бранят того же проводника за его бестолковые ответы.

Но вот наконец показывается вдали желанное место — колодец или ключ, возле которого иногда бродит монгольское стадо, ожидая водопоя. Оживляются тогда силы всего каравана: быстрее пойдут верблюды, вскачь побегут собаки к воде, рысью еду и я туда выбирать место для бивуака. Дело это привычное, тем более что и выбирать в пустыне обыкновенно не из чего. Смотришь только, чтобы место остановки не было каменисто или не чересчур загрязнено скотом и чтобы поблизости нашлось хотя сколько-нибудь травы для наарканенных на ночь верховых лошадей.

Через несколько минут является к колодцу весь караван. В три ряда укладываются три эшелона вьючных верблюдов. Их быстро развьючивают; затем отводят немного в сторону и связывают попарно, чтобы перед покормкою дать выстояться часа полтора или два. Тем же способом связываются и верховые лошади. Затем устанавливаются две палатки: одна для нас, другая для казаков. Если жарко, то эти палатки покрываются сверху войлоками, а задняя их половина приподымается, чтобы продувал ветерок.

В нашу палатку вносятся наши ружья, револьверы, постель, а также два ящика с дневниками, инструментами и другими ценными или необходимыми вещами. Все это раскладывается известным, раз определенным образом: постельный войлок расстилается посередине палатки между двух вертикальных стоек, ее поддерживающих; к задней из этих стоек, где у нас изголовье, складываются подушки и одеяла; по другую сторону той же стойки, то есть в самой задней половине палатки, также на разостланном войлоке, укладывается оружие, патронташи, охотничьи сумки, вынутые из ящиков дневники и другие мелочи. Тут обыкновенно просушиваются и препарированные птицы; растения же для гербария сушатся на солнце, на войлоках, разостланных вне палатки. В казачью палатку также вносятся ружья и револьверы, патронташи к тем и другим и постельные войлоки, которые вместе с тем служат вальтрапами¹ под седлами верховых верблюдов. Впрочем, ле-

¹ Покрышка на лошадь из плотной ткани укладывается для украшения на седло или под седло. В данном случае войлок служит прокладкой между жестким основанием седла и телом животного. (Примеч. редактора.)

том казаки всегда предпочитали спать вне своей палатки.

Пока совершается вся вышеописанная процедура установки бивуака, казак, заведывающий кухней, наскоро разводит огонь и варит чай. Топливом, как и везде почти в пустыне, служит сухой помет домашних животных, называемый монголами «аргал». Лучшим считается аргал рогатого скота, затем верблюжий и лошадиный; при нужде употребляется и бараний. Зажигать подобное топливо нужно с умением, тогда оно горит хорошо.

Едва ли какой-либо гастроном ест с таким аппетитом разные тонкости европейской кухни, с каким мы принимаемся теперь за питье кирпичного чая и за еду дзамбы с маслом, а за неимением его — с бараньим салом. Правда, последнее, будучи растоплено, издает противный запах салных свечей, но путешественнику в азиатских пустынях необходимо оставить дома всякую брезгливость, иначе лучше не путешествовать. Цивилизованный комфорт даже при больших материальных средствах здесь невозможен: никакие деньги не переменят соленой воды пустыни на пресную, не уберегут от жаров, морозов и пыльных бурь, от грязи, а иногда и паразитов. В самом себе должен искать путешественник сил для борьбы со всеми этими невзгодами, а не стараться избавиться от них разными паллиативными мерами¹.

Во время чаепития, заменяющего завтрак, обыкновенно являются к нам ближайшие монголы, которые тотчас же заводят знакомство, а иногда и дружбу с нашими казаками. Эти последние, живя в Забайкалье, по соседству Монголии, почти все говорят по-монгольски и до тонкости знают обычаи монголов. В тех местах, где возле нашего бивуака кочевников встречалось побольше, посетители обыкновенно приходили и презжали целыми толпами и невыносимо надоедали своим нецеремонным любопытством. Нередко приходилось чуть не силою выпроваживать подобных гостей, или, как мы их называли, «зрителей», так как сами они на вопрос: «Зачем пришли?» — обыкновенно давали один и тот же ответ: «Смотреть на вас».

Окончив чаепитие и утолив голод, все принимаются за работы. Одни казаки идут собирать аргал; другие, которым сегодня

¹ То есть временные меры, не разрешающие трудностей и не ликвидирующие болезни. (Примеч. редактора.)

очередь пасти караванных животных, возьтятся около верблюдов; третьи обдирают зарезанного на обед барана. В нашей палатке также все заняты: я перевожу на чистый планшет сегодняшнюю съемку и пишу на свежую память дневник, Роборовский рисует, Эклон и Коломейцев препарируют убитых дороною птиц. В час пополудни делается третье метеорологическое наблюдение, а затем можно в ожидании обеда отдохнуть, если не слишком жарко. Тем временем казаки расседлывают, поят и пускают на покормку верблюдов и лошадей; с ними отправляются два человека с винтовками за плечами. Свободные же люди каравана теперь также отдыхают, улегшись в тени между большими багажными ящиками.

Наконец обед готов. Он всегда один и тот же: суп из баранины с рисом или просом, изредка финтязую и гуамьяном. Иногда казак-повар, желая устроить сюрприз, сделает лапшу из запасной пшеничной муки или напечет в золе лепешек из той же муки; слушается, обыкновенно на дневках, что мы делаем себе пирожков или сварим рисовую кашу. После удачной охоты обыкновенно жарится дичь или, в редких случаях рыболовства, варится уха из пойманной рыбы. Словом, мы никогда не пропускали случая полакомиться тем или иным способом. Только случаи эти в пустыне, к сожалению, представляются довольно редко; в горах же или на реке в этом отношении гораздо привольнее.

Зато баранина, которой главным образом приходится продовольствоваться путешественнику в Монголии, всегда бывает превосходного качества, а главное, никогда не надоедает, подобно другому мясу, даже дичине. Ну и поедали же мы этой баранины во время путешествия! Каждый день уничтожался целый баран, который дает средним числом 1½ пуда мяса. Нередко к такому барану еще делались приложения в виде застреленных фазанов, уток, гусей или куропаток. Теперь мне даже самому не верится, как мог быть у нас такой волчий аппетит.

Когда велено подавать обед, тогда один из прислуживающих при нас казаков приносит нам часть мяса и супа. Мы обедаем отдельно вчетвером в своей палатке; казаки же, переводчик и проводник едят обыкновенно возле огня на кухне. Там у них свое общество и свои беседы. Иногда к обедающим казакам пристраивается тот или другой

из посетителей-монголов, которые всегда рады полакомиться куском жирной баранины. Впрочем, подобное угощение казаки производили обыкновенно не даром. Смотришь — после еды обедавший монгол снаряжен таскать воду, собирать аргал или послан пригнать разбредшихся верблюдов.

Завершив всегда чаем свою обеденную трапезу, мы отправлялись на экскурсии или на охоту. Если поблизости стоянки водились звери, то на охоту отпускались также и казаки. Почти все они весьма любили это удовольствие, поэтому охотились поочередно. Впрочем, в самой пустыне зверей вообще мало, так что в подобной местности лишь изредка удавалось добыть антилопу харасульту, шкура которой поступала в коллекцию, а мясо отправлялось на кухню. Зато в привольных для дичи местах — в горах, луговых степях, по рекам или озерам — наши охоты иногда бывали баснословно удачны.

Возвратясь перед закатом соидца к своему стойбищу, мы укладывали в листы пропускной бумаги собранные растения, клали в спирт пойманных ящериц или змей и наскоро обдирали убитых птиц, если случалось добыть более редкие экземпляры.

Между тем наступают сумерки, и караванные животные пригоняются к бивуаку. Здесь их снова поят; затем лошадей привязывают на длинных арканах (для покормки) немного в стороне от бивуака; верблюдов же, расседланных днем, опять седлают и, уложив в два ряда, мордами друг к другу, привязывают бурундуками к общей веревке. На кухне разводятся потухший огонь и снова варится чай. Этим чаем с приложением джамбы и изжаренной дичины или, чаще, оставшейся от обеда баранины, мы ужинаем. Потом вывешивается для вечернего наблюдения термометр, и в ожидании его показания мы болтаем с казаками у огня. Наконец в нашей палатке зажигается стеариновая свеча, записываются по раз принятой форме метеорологические наблюдения — и тем оканчивается работа дня. Расстилаются один на другом два войлока, в изголовье кладутся кожаные подушки, и мы втроем ложимся рядом, покрывшись, если не жарко, своими одеялами. Казаки летом обыкновенно спали вне палатки, возле багажа; укладывались попарно, чтобы экономить для подстилки войлок, а в холодную погоду — для тепла. Каждую ночь наряжался дежурный казак, который спал не раздеваясь. На его

обязанности лежало: по временам осматривать бивуак, а утром вставать раньше всех и варить чай. В опасных от воров или разбойников местах, как, например, в Тибете, на Желтой реке и на озере Куку-нор, ночью поочередно дежурили на часах казаки, на две или на три смены, смотря по состоянию погоды и времени года. Но всегда, в течение всей экспедиции, мы и казаки спали, имея возле себя оружие. Так мною было заведено с самого начала путешествия по пословице, что «береженого и бог бережет». Мы же в большей части случаев не могли рассчитывать на доброжелательство местного населения.

Когда предстоял большой безводный переход, что, впрочем, случалось довольно редко, тогда мы разделяли его пополам и в середине останавливались часа на два. Иногда же, чтобы избежать от сильной жары или осенью при коротких днях, мы выступали с места после полудня и ночевали, пройдя половину пути или немного более; другая половина приходилась на следующий день. Воду брали с собою в запасных бочонках. Если же их оказывалось недостаточно, то запасали еще воду в бурдюках, сделанных из свежих шкур убитых для еды баранов.

На дневках или при более продолжительных остановках в удобных для естественно-исторических исследований местностях порядок нашей жизни несколько изменялся. Тогда, вставши с рассветом и напившись чаю, мы отправлялись на экскурсии или на охоту и проводили так время часов до десяти утра. Затем обедали; после обеда час или два отдыхали. Потом каждый принимался за свою работу до вечера, смотря, впрочем, по имевшимся материалам. На дневке обыкновенно окончательно укладывались препарированные птицы и высушенные растения, писались специальные заметки о том или о другом и вообще очищались все накопившиеся работы. Казаки на тех же дневках, помимо охоты, занимались починкою своей или нашей одежды и обуви, верблюжьих седел и вьючных принадлежностей; иногда подковывали и расковывали лошадей или подшивали кожу протершиеся пятки верблюдов. Одним словом, для казаков и для нас в течение всего путешествия вдоволь было работы.

Зимую процедура нашей походной жизни в общем оставалась та же, что и летом,

только палатка заменялась войлочною юртою, да и то не для казаков, так как другой юрты негде было достать.

С места нашей стоянки возле деревни Сянтю-хауза Баркуль был виден довольно хорошо. Расположен он под самым Тянь-шанем и весьма обширен. Состоит из двух частей: военной и торговой. Каждая из них обнесена высокою глиняною стеною; но внутри этих стен немало также пустырей и развалин. В торговом городе много лавок с товарами, привозимыми главным образом из Пекина.

На другой день после того, как наши посланные съездили в Баркуль, к нам явился проводник и шестеро солдат, назначенных провожать нас до Хами. Хотя нам и объяснили, что конвой из солдат означает почет, но для нас лично стократ покойнее и приятнее было бы следовать с одним только проводником. Солдаты составляли лишнюю обузу и невыносимо надоедали своим наглым любопытством и попрошайничеством. Притом, имея постоянно возле себя столько соглядатаев, я не мог, как до сих пор при одном вожаке, делать съемку, которую необходимо производить секретно, ибо на это дело весьма подозрительно, даже враждебно, смотрят как китайцы, так и в особенности туземцы Центральной Азии.

Тронувшись в путь, мы сделали первый переход только в 12 верст по случаю сильного дождя, падавшего по временам со снегом. Температура в полдень упала до $+8,8^{\circ}\text{C}$; на Тянь-шане снег укрыл все горы до самой их подошвы. Высокое поднятие местности давало себя чувствовать и малым развитием растительной жизни: весенние посевы хлебов только что начинали зеленеть, а листья на тополях, несмотря на 20 мая, развернулись лишь вполовину.

На следующий день необходимо было сначала обождать, пока просохнет грязь, по которой почти вовсе не могут ходить верблюды — они скользят и падают. Затем, выступив перед полуднем, мы вышли к концу дня на большую колесную дорогу, которая пролегает вдоль всей северной подошвы Тянь-шаня.

Третий переход привел нас к перевалу через Тянь-шань. Хребет этот в последние два дня нашего пути крутою стеною тянулся недалеке вправо и соблазнительно манил своими темно-зелеными лесами; но конвойные солдаты всячески старались помешать

нам завернуть в горы. Наконец теперь, когда стоянка выпала возле самых этих гор, мы не послушали проводников, свернули с дороги немного в сторону в лес и разбили там свое стойбище.

Трудно передать радостное чувство, которое мы теперь испытывали. Вокруг нас теснился густой лес из лиственниц, только что распустившихся и наполнявших воздух своим смолистым ароматом; вместо солончаков явились зеленые луга, усыпанные различными цветами, всюду пели птицы... В таком благодатном уголке решено было передневать. Это решение объявлено нашим провожатым таким тоном, что они рассудили лучше не перечить и уехали на ближайший пикет, чем, конечно, помимо своего желания, несказанно нас обрадовали. Остаток дня и весь следующий день были посвящены экскурсиям и охоте. Нового и интересного встретилось много. К сожалению, мы не могли остаться здесь подольше, но должны были спешить в Хами по приглашению тамошнего амбана (губернатора), от которого явились сюда к нам посланцы.

После дневки в один прием мы перешли через Тянь-шань: поднялись на перевал и спустились по южному склону до выхода из гор в Хамийскую пустыню.

* * *

Знаменитый с глубокой древности оазис Хами, или Комул, составляет крайний восточный пункт той группы оазисов, которые тянутся вдоль северной и южной подошвы Тянь-шаня. Такие же оазисы сопровождают западное подножие Памира и прерывчатою цепью являются вдоль Куэнь-луня, Алтын-тага и Нань-шаня — словом, вдоль всей северной ограды Тибетского нагорья. Эти разбросанные уголки намечают собою в громадной Центральноазиатской пустыне те места, где возможна оседлая земледельческая жизнь, которая действительно и воцарилась здесь с незапамятных времен.

Горные хребты, вдоль которых исключительно расположены оазисы Центральной Азии, обуславливают собою как их происхождение, так и дальнейшее существование. Со снеговых вершин этих хребтов бегут более или менее значительные речки, которые выносят к подошвам своих родных гор вымытую с них же плодородную землю и, осаждая здесь ее в течение веков, накопляют пригодную для культуры почву. Этим путем,

и также орошением уже готовых подгорных лёссовых залежей, образовались все оазисы, которые и ныне продолжают орошаться и оплодотворяться теми же горными речками. Последние обыкновенно разводятся жителями по полям на множество мелких канав, так называемых арыков, и не выходят за пределы оазиса; только более крупные реки выбегают дальше в пустыню. Но везде в оазисах, как и во всей Внутренней Азии, лишь щедрое орошение пробуждает на здешнем жгучем солнце богатую растительную жизнь. Сплошь и рядом можно видеть по одной стороне оросительного арыка прекрасное хлебное поле или фруктовый сад, а по другой, тут же рядом, оголенную почву, которая протянулась иногда на многие десятки верст.

Таким образом, центральноазиатские оазисы, площадь которых, даже вместе взятых, очень невелика сравнительно с пространством всей Гоби, являются как бы островами в обширном море пустыни. Эта пустыня непрерывно грозит им гибелью от своих сыпучих песков, от всей страшной засухи. Только заботливая рука человека бережет, да и то не всегда успешно, те плодородные зеленеющие уголки, которые, словно иной, отрадный мир, являются перед истомленным путником...

К таким счастливым уголкам пустыни принадлежит и оазис Хами. Он расположен в 40 верстах от южной оконечности Тяньшаня, с которого орошается небольшою речкою; абсолютная высота местности падает здесь до 2600 футов.

В сущности, описываемый оазис не оправдывает своей исключительной славы и ничем не лучше некоторых других оазисов Центральной Азии. В сравнении же с недавно уступленным нами китайцам Кульджинским краем оазис Хами не более как маленькое поле. Впрочем, Илийский, или Кульджинский, край — это перл в Центральной Азии, и недаром так много и долго хлопотали за него китайцы.

Собственно Хамийский оазис, то есть местность, орошенная и, следовательно, удобная для возделывания, занимает небольшое пространство — верст на двенадцать — пятнадцать с востока на запад и еще менее того с севера на юг. Почва здесь глинисто-песчаная, весьма плодородная. Хлеба (пшеница, просо, ячмень, овес, горох) рождаются очень хорошо, равно как огородные овощи, арбузы и дыни. В особенности славятся по-

следние, так что некогда их посылали в Пекин ко двору. В конце мая хлеба уже колосятся, арбузы и дыни начинали цвести.

Коренные жители Хами — потомки древних уйгуров, смешавшихся впоследствии частью с монголами, частью с выходцами из Туркестана. Все они магометане. По наружности весьма напоминают наших казанских татар. Сами себя называют, по крайней мере нам называли, таранча¹. Китайцам те же хамийцы известны под именем «чан-ту» или «хой-хой»; впрочем, последнее название общее для всех мусульман Китая.

Национальная одежда хамийцев состоит из широкого цветного халата и особенной, надеваемой на затылок, шапки, имеющей форму митры. Эта шапка шьется из сукна или из бархата, красного или зеленого, и украшается вышивными цветами; сверху нее прикрепляется черная кисть. Подобный головной убор носят как мужчины, так и женщины. Последние вместо халата надевают длинный балахон, а поверх его кофту без рукавов. Чалмы хамийцы не носят. Некоторые из них, не исключая и женщин, надевают всю вообще китайскую одежду. Мужчины бреют головы; те же, которые состоят на службе, оставляют косу, подобно китайцам. Женщины носят свои роскошные во-

¹ От слова «тара», то есть «пашня». Таранча, следовательно, означает вообще «землепашец». Под тем же названием известны в Кульдже гаджики (туркестанские иранцы), выселенные сюда в прошлом столетии из Кашгара. (Примеч. автора.)

лосы опущенными на спину и заплетенными на конце в две косы после свадьбы и в одну до нее. Замуж выходят рано, иногда лет двенадцати.

По своей наружности хамийки довольно красивы: все черноглазые, чернобровые и черноволосые, с отличными белыми зубами; роста среднего или, чаще, небольшого. К сожалению, они, по обычаю китайцев, нередко сильно румянят себе лицо. На улице ходят без покрывала и вообще пользуются большою свободою от своих мужей; поведения весьма легкого.

Управляются описываемые таранчи наследственным князем из местных ходжей. Князь этот получает от китайцев титул цзюнь-вана, то есть князя 3-й степени. Во время нашего пребывания в Хами правительницею была жена старого вана, погибшего, как нам сообщили, в войне с дунганями. Эта ванша имела 54 года от роду. Под ее ведением состояло до 8000 таранчей, значительная часть которых во время дунганской смуты разбежались из Хами в разные города Восточного Туркестана и ныне водворяются китайцами на прежние места. До дунганского восстания, в котором описываемые таранчи не принимали участия, число их много превосходило цифру нынешнюю. Влияние хамийских ванов на дела в Хами тогда было очень велико; но теперь вся власть находится в руках китайцев, к которым поступают и подати с таранчей. Сама же правительница получает из Пекина ежегодно 40 ямбов серебра «на румяны», как хитро мотивируют китайцы это содержание.

Не знаю, насколько то верно, но, по словам нашего переводчика Абдула Юсупова, уроженца Кульджи, язык хамийских таранчей почти не отличается от говора таранчей кулджинских.

Придя в Хами, мы разбили свой бивуак в полутора верстах от города на небольшой лужайке, по которой протекал мелкий ручеек. На нем тотчас была устроена запруда, чтобы иметь возможность хотя кое-как купаться, а то сильная жара, доходившая днем до $+35,8^{\circ}\text{C}$ в тени, давала сильно себя чувствовать, в особенности после прохладной, даже холодной погоды, какую мы имели еще так недавно на высокой Баркульской равнине и в Тянь-шане.

Тотчас по приходе к нам явились китайские офицеры с приветствием от командующего войсками и военного губернатора в

Хами, титулуемого чин-цаем. К этому титулу, или, правильнее, чину, китайцы прикладывали слово «да-жень», то есть «большой человек»; собственное же имя хамийского чин-цая было Мин-чун. Как обыкновенно в Китае, посланные осведомились, между прочим, о том, не имеем ли мы продажных товаров и привезли ли подарки чин-цаю.

Перед вечером того же дня, когда мы пришли в Хами, я отправился верхом в город в сопровождении переводчика и двух казаков с визитом к чин-цаю. Встреча была довольно парадная.

Во дворе губернаторского дома стояли несколько десятков солдат со знаменами; чин-цай вышел на крыльцо своей фанзы и пригласил в приемную. Здесь, как обыкновенно, подали чай; затем начались обыкновенные расспросы о здоровье и благополучии пути, о том, сколько нас, куда идем и т. д. Сам чин-цай 51 года, но на вид выглядит старше; держит себя довольно просто. Проведя у губернатора с полчаса, я уехал обратно в свой лагерь.

На другой день чин-цай явился к нам отдать визит и пригласил меня с обоими товарищами-офицерами обедать в свою загородную дачу. Эта дача находилась в 1 версте от города и представляла собою самое лучшее место, какое только мы видели в Хами. На парадный обед приглашены были также высшие местные офицеры и чиновники, так что набралось всего человек тридцать. Офицеры младших чинов прислуживали и подавали кушанья. Обед состоял из 60 блюд, все во вкусе китайском. Баранина и свинина, а также чеснок и кунжутное масло играли важную роль; кроме того, подавались и различные тонкости китайской кухни, как-то: морская капуста, трепанги, гнезда ласточки саланганы, плавники акулы, креветы и т. п. Обед начался слятями, окончился вареным рисом. Каждое кушанье необходимо было хотя отведать, да и этого было недостаточно, чтобы произвести такой винегрет, от которого даже наши ко всему привычные желудки были расстроены весь следующий день. Вина за столом не было по неимению его у китайцев; но взамен того подавалась нагретая водка двух сортов: очень крепкая и светлая (шань-дзю) и более слабая, цветом похожая на темный херес (хуань-дзю); та и другая — мерзость ужасная. Китайцы же пили ее в достаточном количестве из маленьких чашечек и, как всегда, подпив немного, играли в чет и

Вперед и по сторонам путника играет обманчивый мираж.

нечет пальцев, причем проигравший должен был пить. Наше неумение есть палочками, в особенности питье за обедом холодной воды, сильно смешили китайцев, которые, как известно, никогда не употребляли сырой воды.

На следующий день чин-цай опять приехал к нам в сопровождении своего помощника по гражданской части и целой толпы офицеров; с некоторыми из них мы познакомились накануне во время обеда. Свита эта держала себя крайне неприлично. Увидав какую-нибудь у нас вещь, офицеры тотчас же просили ее продать или подарить. Поданные для угощения сласти и даже сахар к чаю офицеры расхватывали, как школьники, пользуясь тем, что этого не видит чин-цай, помещавшийся со мною и несколькими более важными лицами в нашей палатке; тогда как остальные за дежурством места оставались на дворе. Немногим лучше оказался и сам чин-цай, наперед осведомившийся через своих адъютантов, какие у нас имеются вещи, в особенности оружие. И хотя, наученные прежними опытами, мы припрятали теперь все лишнее, но губернатор прямо просил показать ему такое-то ружье, револьвер или часы — словом, все то, что ранее видел у нас который-либо из его адъютантов. Таким образом, улика имелась налицо, отнекиваться было невозможно. Осмотр же вещи обыкновенно завершался просьбою продать ее или намеком о подарке. Кончилось тем, что когда по отъезде губернатора я послал ему в подарок револьвер с прибором в ящике, то чин-цай, «обзавившийся», как выражались наши казаки, на хорошее оружие, объявил посланному переводчику, что желает получить не револьвер, а двустольное ружье. Возвращается наш Абдул и объявляет, в чем дело. Тогда, зная, что при уступчивости с моей стороны попросительству не будет конца, я тотчас же отправил Абдула обратно с подарком к чин-цаю и приказал передать ему в резкой форме, что дареные вещи ценятся как память и что я принял двух баранов, присланных губернатором, вовсе не из нужды в них, а из вежливости. Абдул, всегда нам преданный, исполнил все как следует. Сконфуженный губернатор взял револьвер; на другой же день я послал ему еще несессер с серебряным прибором. Так наша дружба восстановилась: китаец же получил должное внушение. Чтобы сколько-нибудь замаять свой поступок, чин-цай устроил другой для нас обед, опять

на той же даче. Этот обед ничем не отличался от первого, только число кушаний было уменьшено до сорока.

На втором обеде, по просьбе чин-цай и других присутствующих, я обещал показать им стрельбу нашего экспедиционного отряда. Действительно, когда опять явился к нам со свитою чин-цай, то мы вместе с казаками произвели пальбу из берданок и револьверов. В самый короткий срок было нами выпущено около 200 пуль, мишенями для которых служили глиняные бугорки в степи. Ввиду отличного результата стрельбы чин-цай с улыбкою сказал: «Как нам с русскими воевать; эти двенадцать человек разгонят тысячу наших солдат». В ответ на такой комплимент я возразил, что нам воевать не из-за чего и что Россия еще никогда не вела войны с Китаем. Но, чтобы довершить впечатление, я взял дробовик и начал стрелять в лет стрижей и воробьев. Похвалам и просьбам пострелять еще не было конца. Когда же напуганные птички улетели, пришлось, уступая общему желанию, разбивать подброшенные куриные яйца по одному и по два разом двойным выстрелом. Жаль было попусту тратить заряды, которых здесь нигде уже нельзя достать; но репутация хорошего стрелка весьма много мне помогала во все прежние путешествия. Это искусство производит на азиатцев чарующее впечатление.

В антрактах губернаторских обедов и посещений нас чин-цаем мы осматривали, с его разрешения, город Хами. Как и везде в Китае, жители сбегались взглянуть на ян-гуйзы, то есть на «заморских дьяволов», каковым именем окрещены в Китае все вообще европейцы без различия наций. Однако же толпа вела себя довольно сдержанно благодаря присутствию с нами нескольких полицейских, которые не один раз пускали в дело свои длинные палки для уразумления наиболее назойливых из публики. Подробных сведений относительно города Хами мы, конечно, не могли собрать, как невозможно это и в каждом китайском городе для проезжего европейца.

Хами состоит из трех городов: двух китайских (старого и нового) и одного таранчинского. В пространствах между ними расположены огороды, поля и разоренные жилища. Каждый из трех городов обнесен зубчатую стеною до крайности плохого устройства. Это просто землебитная глиняная ограда квадратной формы; по углам ее и

в середине размещены башни для продольного обстреливания стен.

Внутри каждого города тесно скучены жилые глиняные фанзы, из которых многие находятся еще в разрушенном состоянии, в особенности в таранчинском городе. В обоих китайских городах довольно много лавок, где торгуют почти исключительно китайцы. Товары привозятся из Пекина. Дороговизна на все страшная; местные продукты также очень дороги. «Дешево у нас только серебро», — комично говорили нам китайские лавочники. Действительно, серебро в Хами было в изобилии, так как его много получали войска. В таранчинском городе лавок нет вовсе; только раз в неделю здесь устраивается временный торг.

На восходе солнца 1 июня мы завьючили своих верблюдов и двинулись в путь по дороге, которая ведет из Хами в город Ань-си. Этою колесною дорогою мы должны были идти четыре станции; потом свернуть вправо также по колесной дороге, направляющейся в оазис Са-чжеу.

Первые 10 верст от города Хами путь наш лежал по местности плодородной; здесь везде поля, арыки и разоренные жилища, из которых многие начинали возобновляться. Затем собственно Хамийский оазис кончился. Далее на несколько верст залегла голая галька и дресва, а потом явился песок, поросший всего более мохнатым тростником и джантаком.

На третьем и четвертом переходах от Хами пустыня явилась нам во всей своей ужасающей дикости. Местность здесь представляет слегка волнистую равнину, по которой там и сям разбросаны лёссовые обрывы в форме стен, иногда столов или башен; почва же покрыта галькою и гравием. Растительности нет вовсе. Животных также нет никаких, даже ни ящериц, ни насекомых. По дороге беспрестанно валяются кости лошадей, мулов и верблюдов. Над раскаленною днем почвою висит мутная, словно дымом наполненная, атмосфера; ветерок не колышет воздуха и не дает прохлады. Только часто пробегают горячие вихри и далеко уносят крутящиеся столбы соленой пыли. Впереди и по сторонам путника играет обманчивый мираж. Если же этого явления не видно, то и тогда сильно нагретый нижний слой воздуха волнуется и дрожит, беспрестанно изменяя очертания отдаленных предметов.

Жара днем невыносимая. Солнце жжет от самого своего восхода до заката. Оголенная почва нагревалась до $+62,5^{\circ}$ С, в тени же, в полдень, мы не наблюдали от самого прибытия в Хами меньше $+35^{\circ}$ С. Ночью также не было прохлады, так как с вечера обыкновенно поднимался восточный ветер и не давал атмосфере достаточно охладиться через лучеиспускание. Напрасно, ища прохлады днем, мы накрывали смоченными войлоками свою палатку и поливали водою внутри ее. Мера эта помогала лишь на самый короткий срок: влага быстро испарялась в страшно сухом воздухе пустыни; затем жара чувствовалась еще сильнее, и негде было укрыться от нее ни днем, ни ночью.

Чтобы избавиться от жгучих солнечных лучей, при которых решительно невозможно долго идти ни людям, ни вьючным животным, мы делали большую часть своих переходов ночью и ранним утром. Обыкновенно вставали после полуночи, выступали около двух часов ночи и часам к девяти утра приходили на следующую станцию. При таких ночных хождениях делать съемку до рассвета было невозможно; приходилось лишь приблизительно наносить направление пути, ориентируясь по звездам. Днем же съемка производилась по-прежнему секретно, так как, к великому нашему благополучию, китайский офицер и конвойные солдаты, не желая тащиться с нами, всегда вперед уезжали на станцию. Оставался только один из солдат, который обыкновенно ехал с нашим переводчиком позади каравана.

Дважды, ввиду больших переходов, мы выступали с вечера, чтобы сделать первую, меньшую половину дороги до полуночи, а затем, отдохнув часа два, снова продолжать путь. Ну и памятен же остался нам один из таких двойных переходов, именно четвертый от Хами, между станциями Ян-дун и Ку-фи! Расстояние здесь 52 версты, на которых нет ни капли воды, ни былинки растительности. Мы тронулись с места в восемь часов вечера, лишь только закатилось солнце. Несмотря на наступавшие сумерки, термометр показывал $+32,5^{\circ}$; дул сильный восточный ветер, который, однако, не приносил прохлады; наоборот, взбалтывая нижний, раскаленный днем слой воздуха, делал атмосферу удушливою.

Сначала все шло довольно бойко; в караване слышались разговоры и смех казаков. Наступившая темнота прикрыла безотрад-

ный вид местности; ветер разогнал пыль, висевшую днем в воздухе, и на безоблачном небе зажглись миллионы звезд, ярко блестящих в сухой, прозрачной атмосфере. По торно набитой колее дороги моя верховая лошадь шла, не нуждаясь в поводьях; можно было вдоволь смотреть вверх на чудные звезды, которые, мерцая и искрясь, густо унизывали весь небосклон.

Часа через три по выходе караван уже молча шел в темноте. Не слышно было ни крика верблюдов, ни говора казаков; раздавались только тяжелые шаги животных. Все устало, все хотят отдохнуть; но переход велик — необходимо сделать еще десяток верст. Чем ближе к полуночи, тем более начинает одолевать дремота; тогда слезешь с коня и идешь пешком или понюхаешь взятой у казака махорки. Чаще и чаще зажигаются спички, чтобы взглянуть на часы и узнать, скоро ли придет желанная минута остановки. Наконец наступает и она. Караван сворачивает на сотню шагов в сторону от дороги и останавливается. В несколько минут развьючены верблюды, привязаны оседланные лошади; все делается быстро, каждый дорожит минутою покоя. Через полчаса все уже спит. Но слишком короткий достается отдых: чуть свет надо вставать, снова вычить верблюдов и продолжать трудный путь.

• • •

Оазис Са-чжеу, называемый также Дунхуан, один из лучших в Центральной Азии, лежит в южной окраине Хамийской пустыни у северной подошвы громадного хребта Нань-шань, с которого орошается быстро текущая речкою Дан-хэ. До Булюнцзира эта речка не достигает, по крайней мере летом. Вся ее вода, весьма мутная, разводится по сацжеуским полям, на которых осаждаем вымытую в горах лёссовую глину и таким образом из года в год оплодотворяет почву оазиса. Этот последний лежит на абсолютной высоте 3700 футов и занимает площадь верст на двадцать пять от севера к югу и верст на двадцать с востока на запад. Все это пространство почти сплошь заселено китайцами, фанзы которых, расположенные поодиночке, укрыты в тени высоких ив, ильмов и пирамидальных тополей. По многочисленным арыкам везде растут джиды, тальник, реже — тогрук. В районе, ближайшем к самому городу Са-чжеу, расположен

ном в южной части оазиса, разведены многочисленные сады, в которых изобильны яблоки, груши и абрикосы; персиков же и винограда здесь нет.

В пространствах между отдельными фанзами помещаются поля, разбитые красивыми, тщательно обработанными квадратными площадками и обсаженные кругом деревьями по берегам орошающих арыков. На этих полях засеваются всего более пшеница, горох, ячмень и лен; реже — рис, кукуруза, чечевица, фасоль, конопля, арбузы и дыни. Возле самых фанз обыкновенно устроены небольшие огороды.

В половине июня посеянные хлеба уже выколосились и наливали зерна. Урожай, по отзывам местных жителей, всегда бывает прекрасный. Вообще оазис Са-чжеу, после Илийского края, самый плодородный из всех мною виденных в Центральной Азии; притом обилие деревьев придает местности чрезвычайно красивый вид.

Сам город Са-чжеу больше Хами. Снаружи обнесен глиняною зубчатою стеною; внутри состоит из скученных фанз и грязных тесных улиц — словом, одинаково похож на все китайские города. Торговля в нем небольшая, удовлетворяющая лишь нуждам местного населения. Этою торговлею занимаются купцы из Хами и Ань-си; в небольшом числе и местные. Все привозные товары очень дороги; некоторые даже дороже, чем в Хами. Цены на местные продукты при нас были также высоки.

Окрестности оазиса Са-чжеу представляют собою дикую, бесплодную пустыню. На южной его стороне, в расстоянии не более 4 или 5 верст от зеленеющих садов и полей, стоит высокая гряда холмов сыпучего песка. Гряда эта уходит к западу, но как далеко — мы не могли достоверно узнать от местных жителей. Быть может, эти пески тянутся до самого Лоб-нора и составляют таким образом восточный край Кум-тага, посещенного мною в январе 1877 года.

Недалеко я был тогда от Са-чжеу — менее чем за 300 верст. Но пройти это расстояние оказалось невозможным по многим причинам, а главное по неимению проводников. Пришлось возвратиться в Кульджу и отсюда предпринять обходный путь через Чжунгарию на Хами в тот же Са-чжеу, то есть сделать круговой обход по пустыням в 3000 верст. Между тем пройти из Са-чжеу на Лоб-нор все-таки возможно. Известно, что

здесь в древности пролегал караванный путь из Хотана в Китай. Тою же дорогою в 1272 году н. э. шел в Китай Марко Поло, а 150 лет спустя возвращалось из Китая в Герат посольство шаха Рока, сына Тамерлана.

В близкие к нам времена, лет десять тому назад, из Са-чжеу на Лоб-нор прошли несколько небольших партий дунган. Начальник одной из них даже ехал в двухколесной телеге, разбиравшейся и укладывавшейся на выюк в трудных местах. Конечно, необходимо только иметь проводника, хорошо знающего местность; или если пуститься самому, то выбрать для этого зиму и запастись льдом на продолжительное время.

Придя в оазис Са-чжеу, мы расположились, не доходя 6 верст до города, в урочище Сан-чю-шуй, на берегу небольшого рукава реки Дан-хэ, возле которого раскидывался обширный солонцеватый луг; на нем удобно могли пастись наши верблюды. Притом место это находилось несколько в стороне от проезжей дороги и густого населения, так что мы до известной степени избавлялись от «зрителей». Нужно на деле испытать всю назойливость этих последних в Китае, чтобы вполне оценить благополучие уединенной стоянки. Сачжеуские власти, выславшие к нам навстречу нескольких человек, предлагали остановиться в самом городе или возле него, но я решительно отклонил подобное предложение и сам выбрал место для бивуака.

Противоположно тому, как в Хами, в Сачжеу мы встретили очень холодный прием со стороны китайских властей. Нам с первого же раза отказали дать проводника не только в Тибет, но даже в соседние горы, отговариваясь неимением людей, знающих путь. При этом китайцы стращали нас рассказами о разбойниках-тангутах, о непроходимых безводных местностях, о страшных холодах в горах и т. д. На все это я поставил один категорический ответ: дадут проводника — хорошо; не дадут — мы пойдем и без него. Тогда сачжеуские власти просили дать им время подумать и, вероятно, послали запрос, как поступить в данном случае, к главнокомандующему Цзо-Цзун-тану, проживавшему в то время в городе Су-чжеу.

План моих дальнейших действий состоял в том, чтобы идти в соседние к Са-чжеу части Нань-шаня и провести там месяц или полтора. Необходимо это было для того, чтобы

подробнее обследовать самые горы, дать отдохнуть и перелинять нашим верблюдам, отдохнуть самим и, наконец, подыскать за это время проводника в Тибет или по крайней мере в Цайдам. Для того же, чтобы китайцы не распорядились послать впереди нас запрещение давать нам провожатых, я объяснил сачжеускому начальству, что иду в горы лишь на время, а затем опять вернусь в Са-чжеу; просил, чтобы нам приготовили к тому времени и проводника в Тибет. Сколько кажется, сачжеуские власти поверили тому, что мы еще вернемся к ним, и после нескольких настоятельных с моей стороны внушений согласились наконец дать нам проводников в ближайшие горы; но и тут покрывили душою, как оказалось впоследствии.

Ранним утром 21 июня мы направились с места своего бивуака к Нань-шаню. Провожатыми явились офицер и трое солдат из Са-чжеу. Мы прошли возле стены этого города, где, конечно, не обошлось без многочисленных зевак; затем, сделав еще 3 версты к востоку, достигли окраины оазиса. Здесь, как и везде в Центральной Азии, культура и пустыня резко граничили между собою: не далее 50 шагов от последнего засеянного поля и орошающего его арыка не было уже никакой растительности — пустыня являлась в полной наготе. Кайма деревьев и зелени, убегавшая вправо и влево от нас, рельефно намечала собою тот благодатный островок, который мы теперь покидали. Впереди же высокою стеною стояли сыпучие пески, а к востоку, на их продолжении, тянулась гряда бесплодных гор — передовой барьер Нань-шаня. Снеговые группы этого последнего резко белели на ярком летнем солнце и темно-голубом фоне неба. В особенности грандиозною представлялась более обширная восточная снеговая группа. К ней мы теперь и направились, с лихорадочным нетерпением ожидая той минуты, когда наконец подойдем к самому подножию нерукотворных гигантов. Заманчивость впереди была слишком велика. Перед нами стояли те самые горы, которые протянулись к востоку до Желтой реки, а к западу — мимо Лоб-нора, к Хотану и Памиру, образуя собою гигантскую ограду всего Тибетского нагорья с северной стороны. Вспомнилось мне, как впервые увидел я эту ограду в июне 1872 года из пустыни Алашаньской, а затем четыре с половиной года спустя с берегов нижнего Тарима. Теперь мы вступили в се-

редину между этими пунктами — и тем пламеннее желалось поскорее забраться в горы, взглянуть их флору и фауну...

Пройдя 12 верст от оазиса Са-чжеу к юго-востоку, мы круто повернули на юг и, войдя в ущелье, отделяющее сыпучие пески от гряды вышеупомянутых бесплодных гор, неожиданно встретили прекрасный ручей, протекавший под сенью ильмовых деревьев. Оказалось, что это весьма замечательное место, изобилующее святыми буддийскими пещерами и называемое китайцами «Чэн-фун», то есть «тысяча пещер». До сих пор нам никто единым словом не намекал об этой замечательности, которую, как оказалось впоследствии, посетил из Са-чжеу также и граф Сечени¹.

Все пещеры выкопаны людскими руками в громадных обрывах наносной почвы западного берега ущелья. Расположены они в два неправильных яруса; ближе к южному концу прибавлен третий ярус. Нижние ряды сообщаются с верхними посредством лесенок. Все это тянется на протяжении почти версты, так что здесь действительно наберется если не тысяча, то наверно несколько сот пещер больших и малых. Немногие из них сохранились в целости; остальные же более или менее разрушены дунганами, дважды здесь бушевавшими. Кроме того, разрушению помогло и время; многие карнизы и даже целые половины верхних пещер обвалились, так что помещавшиеся внутри их идола стоят теперь совсем наружу.

На южной оконечности пещер находится кумирня, где живет монах (хэшен), заведующий всей этою святыней. Он сообщил нам, что пещеры устроены весьма давно, еще при династии Хань, и что постройка их стоила очень дорого. Действительно, работы при этом было гибель. Необходимо было каждую пещеру выкопать в отвесном обрыве почвы (правда, нетвердой), а затем внутри оштукатуривать глиною. Кроме того, верхние своды и стены всех пещер покрыты, словно шапками, маленькими изображениями какого-либо божка; местами же нарисованы более крупные лица богов и различные картины.

Каждая из малых пещер имеет от 4 до 5 сажень в длину, 3—4 сажени в ширину и 4 сажени в высоту. Против входа, в углубле-

нии стены, помещен в сидячем положении крупный идол, сам Будда; по бокам его стоят несколько (обыкновенно по трое) прислужников. У этих последних лица и позы изменяются в различных пещерах. Большие пещеры вдвое обширнее только что описанных. В них идола гораздо крупнее, иногда вдвое более роста человеческого; стены же и потолок отделаны старательнее. Притом в больших пещерах главные идола поставлены посередине на особом возвышении; идола же помельче расположены сзади этого возвышения и по бокам стен.

В особом помещении находятся два самых больших идола всех пещер. Один из них, называемый «Да-фу-ян», имеет около 12—13 сажень высоты и от 6 до 7 толщины; длина ступни 3 сажени; расстояние между большими пальцами обеих ног 6 сажень. Этот идол обезображен дунганами. Другой большой идол, называемый «Джо-фу-ян», по величине почти вдвое меньше первого. Наконец в двух пещерах, вдоль задней стены, помещены в каждой по одному очень большому идолу

¹ Руководитель австро-венгерской экспедиции в Китай. (Примеч. редактора.)

в лежачем положении. Один из этих идолов изображает женщину. Другой, называемый «Ши-фу-ян», окружен своими детьми, числом 72. Голова этого идола, кисти рук, сложенных на груди, и босые ноги вызолочены, одеяние же выкрашено в красный цвет. Все идолы, как большие, так и малые, сделаны из глины с примесью тростника.

Перед входом в главные пещеры, а иногда внутри их помещены глиняные же изображения разных героев, часто с ужасными, зверскими лицами. В руках они держат мечи, змей и т. п.; в одной из пещер такой герой сидит на слоне, другой — на каком-то баснословном звере. Кроме того, в одной из пещер поставлена большая каменная плита, вся исписанная по-китайски; сверху ее и на сторонах видны какие-то крупные надписи, непонятные для китайцев, как нам сообщал провожавший хэшен. При больших пещерах, а иногда и при малых, висят большие чугунные колокола; внутри же находятся особые барабаны. Все это, конечно, употреблялось прежде при богослужении.

Таинственный мрак царствует в особенности в больших пещерах; лица идолов выглядывают какими-то особенными в этой темноте. Понятно, как сильно должна была действовать подобная обстановка на воображение простых людей, которые некогда, вероятно во множестве, стекались сюда, чтобы поклониться воображаемой святыне.

Та речка, близ устья которой расположены вышеописанные пещеры, называется Шуй-го и образуется из ключей в верхних частях ущелья, прорезывающего крайнюю гряду гор. Пройти по этому ущелью в его нижней части оказалось невозможно; мы должны были сделать трудный 6-верстный обход по сыпучим пескам, а затем опять опустились в самое ущелье. Его боковые скалы отвесны, довольно высоки и состоят из серого мелкозернистого гнейса. Ширина крайней гряды в этом месте около 12 верст; затем горы, и без того невысокие, еще более мельчают; наконец раскрывается обширная равнина, на противоположной стороне которой высится главный кряж Нань-шаня.

На упомянутую равнину мы вышли возле ключа Да-чуань, близ которого некогда стояла китайская фанза и обрабатывалось небольшое поле.

От ключа Да-чуань двое из наших провожатых, именно офицер и один из солдат, отправились обратно в Са-чжеу. С нами

остался только полицейский и его помощник. Эти вожаки объявили, что впереди лежит большой безводный переход. Поэтому мы только пообедали возле ключа Да-чуань, а затем двинулись далее. Дорогою ночевали с запасною водою; на завтра же, еще довольно рано утром, добрались до реки Дан-хэ, той самой, которая орошает оазис Са-чжеу.

Но не на радость пришли мы к этой речке. В ее крутых, часто отвесных, берегах едва отыскалась тропинка, по которой можно было спуститься к воде с вьючными верблюдами. Затем проводники, заведя нас, совершенно умышленно, как оказалось впоследствии, в столь трудное место, объявили, что далее не знают дороги. Опять-таки это была ложь, исполненная, вероятно, по приказанию сачжеуских властей, рассчитывавших, что, не имея проводников, мы не пойдем в горы и вернемся в Са-чжеу. Однако власти ошиблись в своем расчете. Проводники были прогнаны, и мы решили сами поискать пути в горы, до которых теперь уже было недалеко. С большим трудом выбрались мы со своим караваном из глубокого ущелья Дан-хэ, с тем чтобы идти равниною вверх по этой реке; но глубокие балки с отвесными боками сразу преградили нам дальнейший путь. Пришлось вернуться, спуститься опять в ущелье Дан-хэ и, переправившись через эту чрезвычайно быструю и довольно глубокую (до 3 футов на переправе) реку, остановиться на противоположном берегу ее, так как крутой подъем, спуск и переправа заняли более трех часов времени и утомили наших верблюдов. На следующий день мы направились вверх уже по левому берегу Дан-хэ, притом в некотором от нее расстоянии. Идти было гораздо удобнее, и через 17 верст мы достигли того места, где Дан-хэ выходит из высоких гор. Здесь я решил остановиться и серьезно позаботиться о дальнейшем пути.

С места нашей стоянки, при выходе реки Дан-хэ из гор, мы предприняли розыски дальнейшего пути. Для этого снаряжены были два разъезда на верховых лошадях. В один из этих разъездов послан был казак Иринчиков с препаратом Коломейцевым. Им приказано было ехать возможно далее вверх по Дан-хэ. В другой разъезд, в горы на юг, отправился я сам с унтер-офицером Урусовым.

Все мы поехали налегке, захватив с собою по небольшому котелку для варки чая и по несколько фунтов дзамбы; войлок из-под

седла должен был служить постелью, седло — изголовьем. При таком снаряжении, на привычной верховой лошади и проходя трудные места пешком, можно пробраться решительно везде, даже в самых диких горах. При больших летних днях нетрудно проехать верст пятьдесят, делая в полдень отдых часа на два—три. Следовательно, дня в три—четыре можно обследовать местность далеко и разыскать более удобный путь. Подобный способ практиковался нами много раз впоследствии и почти всегда приводил к благоприятным результатам. Главное — делаешься сам хозяином пути и не нуждаешься в проводниках, по крайней мере в тех местах, где этих проводников затруднительно или вовсе невозможно достать.

Лишь только отправившись в разъезд заехали мы в горы, как поднялась гроза, и хотя дождь был не очень велик, но тем не менее выпавшая влага не могла удержаться на оголенных глинистых скатах. Отовсюду побежали ручьи, мигом образовавшие на дне ущелья, по которому мы ехали, ручей саженей в две ширины и около фута глубиною. С шумом бежала навстречу нам по совершенно сухому перед тем руслу густая от грязи вода, которая прыгала через камни, местами же на обрывах образовывала водопады. Но лишь только окончился дождь, как через полчаса или даже того менее ручей исчез, и только полосы нанесенной грязи свидетельствовали о его непродолжительном существовании.

Отъехав еще немного и перебравшись через крутой отрог гор, мы неожиданно услышали недалеко от нас в боковом ущелье людские голоса. Минуту спустя оттуда выехали верхом двое монголов; у каждого из них была еще запасная лошадь. Испугавшись неожиданной встречи, монголы хотели было удрать назад, но мы уже стояли возле них и, поздоровавшись, начали расспрашивать, кто они такие, куда едут, знают ли дорогу в Цайдам. Всё еще не оправившись от страха, монголы объяснили сначала, что они охотятся за сурками, а потом стали утверждать, что они пастухи и ищут потерявшихся лошадей. Весьма вероятно, что то и другое было ложь и что встреченные нами монголы промышляли воровством лошадей. Но для нас в эту минуту было решительно все равно, какою профессией занимаются эти монголы. Встреча с ними в данных обстоятельствах оказалась счастливою находкою, упустить которую было невоз-

можно. Люди эти несомненно отлично знали окрестные горы и могли показать нам путь в Цайдам. Поэтому, поговорив немного, мы ласково пригласили встреченных ехать вместе с нами к нашему бивуаку. Монголы отрез отказались от этого. Напрасно обещана была хорошая плата и подарки — ничего не действовало. Тогда я объявил монголам, что поведу их насильно в свой лагерь, и велел ехать с нами; на случай же бегства предупредил, что по ним будет стрелять. Волею-неволею, дрожа от страха, монголы поехали под нашим конвоем. Дорогою, видя, что мы ничего дурного не делаем, наши пленники немного успокоились и прежде всего начали расспрашивать, кто наш начальник и какую имеет он на шляпе шишку, то есть чин, нисколько не подозревая, что сам начальник едет с ними в простой парусинной рубашке. Поздно ночью приехали мы к своему бивуаку, где монголы были напоены чаем, накормлены, но для предупреждения бегства посажены под караул. На следующий день утром эти простаки сильно удивлялись, что приведший их из гор «оросхун», то есть русский человек, был сам начальник отряда. Видя безысходность своего положения, плененные монголы, сначала отговорившиеся незнанием пути в Цайдам, объявили наконец, что покажут нам туда дорогу.

И вот после полудня того же дня мы отправились со своими новыми провожатыми в дальнейший путь. На случай, если бы нам не встретились посланные в другой, еще не вернувшийся разъезд, мы оставили записку, куда идем, и прикрепили эту записку в расщеп палки, воткнутой в землю на месте покинутого бивуака.

Оставив его, мы должны были переправиться с большим опять трудом на правую сторону Дан-хэ; затем следовали верст пять по горной долине; наконец повернули вправо на перевал через хребет, который невядалеке отсюда отделяется от главного и уходит к северо-востоку. Подъем и спуск были круты, но тропинка хорошо проложена, местами даже выбита в скалах; видно было, что по этой дороге прежде часто ездили. Спустившись опять к Дан-хэ, мы остановились ночевать. На следующий день утром, пройдя около 5 верст вверх по берегу той же Дан-хэ, мы встретили перекинутый через нее мостик, возле которого стояла заброшенная фанза, — то был некогда китайский пикет, как сообщили провожавшие нас монголы. Однако по

мостику могли проходить только люди и лошади; верблюдов опять пришлось переводить вброд через быстрю Дан-хэ, которая и здесь имеет 6—8 сажен ширины при глубине от 2 до 3 футов.

От этой последней переправы мы пошли вверх по речке Куку-усу, левому притоку Дан-хэ. Отойдя менее 3 верст, встретили довольно обширное (десятины две—три) луговое место, обильное ключами и превосходным кормом. Кроме того, по берегу Куку-усу здесь рос тамариск, годный на топливо; даже солонцы и то нашлись для верблюдов. Словом, место выпало такое, лучше которого невозможно было бы найти в здешних горах. Конечно, мы здесь остановились, благословляя судьбу, неожиданно пославшую нам столь благодатный уголок. В нем мы могли спокойно отдохнуть и поправить своих животных, а между тем исследовать окрестные горы.

Двое казаков были посланы дальше с провожатыми монголами узнать дорогу в Цайдам. Посланные возвратились на следующий день и объявили, что монголы указали им желанную тропинку, которая вела на южную сторону Нань-шаня. Там уже жили монголы Цайдама. Наши же невольные проводники, получив плату, уехали куда-то далее.

Таким образом благодаря счастливой случайности мы так легко отыскивали себе отличную стоянку в горах и узнали дальнейший путь в Цайдам. Теперь, на радостях, решено было сначала хорошенько отдохнуть, а затем уже отправиться в ближайшие снеговые горы.

Давно мы не видали такой благодати, какая была теперь вокруг нас: палатка наша стояла на зеленом лугу, мы пили ключевую воду, купались в светлой речной воде, отдыхали в прохладе ночи. Наши животные могли каждый день наедаться сочной зеленой травы; их не беспокоили ни мошки, ни оводы. Только одно печалило нас — именно то, что окрестные горы имели совершенно пустынный характер и не предвещали обильной добычи ни в растительном, ни в животном мире. Лесов, на которые мы так рассчитывали, не оказалось вовсе. Только одна альпийская область могла вознаградить бедность нижнего и среднего пояса этой части Нань-шаня; но и эта надежда исполнилась впоследствии только отчасти.

Посланные в разъезд Иринчинов и Коломейцев вернулись только на пятый день. Они

рассказали, что ездили верст за сто вверх по Дан-хэ, которая все время течет близ северной подошвы громадного снегового хребта. Хребет этот уходит еще далее к востоку-юго-востоку, но везде одинаково безлесен и бесплоден. До истоков Дан-хэ посланные не добрались, хотя до них, вероятно, оставалось уже недалеко.

Дорога, хорошо проложенная, не терялась все время. В одном месте посланные встретили трех китайцев, которые, вероятно тихомолком, промывали золото. Один из этих китайцев, говоривший по-монгольски и ранее виденный нами по пути из Са-чжеу, сообщил Иринчинову и Коломейцеву, что дорога, по которой они едут, ведет к большим рудникам золота, ныне заброшенным. По этой дороге наши посланные нередко встречали также заброшенные китайские пикеты и даже небольшие глиняные крепостцы, которым, вероятно, обеспечивалось движение к золотым рудникам из Са-чжеу.

* * *

Открытием мною в конце 1876 года громадного хребта Алтын-тага близ Лоб-нора определилась неизвестная до тех пор связь между Куэнь-лунем и Нань-шанем и выяснилось, по крайней мере в общих чертах, положение северной ограды всего Тибетского нагорья. Это последнее на меридиане Лоб-нора обогатилось приделком почти в 3° широты. Цайдам оказался замкнутою высокою котловиною, а знаменитый Куэнь-лунь, протянувшийся под различными названиями от верховьев Яркендской реки внутрь собственно Китая, только западной своей частью ограждал высокое Тибетское плато к стороне низкой Таримской пустыни. Дальнейшею оградой того же Тибетского плато служит новооткрытый Алтын-таг, соединяющийся с одной стороны посредством Тугуз-дабана с Куэнь-лунем, а с другой — как то теперь уже смело можно утверждать — примыкающий к Нань-шаню, протянувшемуся от Са-чжеу до Желтой реки.

Таким образом является непрерывная, гигантская стена гор от верхней Хуан-хэ до Памира. Эта стена огораживает собою с севера самое высокое поднятие Центральной Азии и разделяет ее на две резко между собою различающиеся части: Монгольскую пустыню — на севере и Тибетское нагорье — на юге.

Нигде более на земном шаре нельзя встретить на таком обширном пространстве столь резкого различия двух рядом лежащих стран. Горная гряда, их разделяющая, часто не превосходит нескольких десятков верст в ширину, а между тем по одну и по другую ее стороны лежат местности, совершенно различные по своему геологическому образованию и топографическому рельефу, по абсолютной высоте и климату, по флоре и фауне, наконец по происхождению и историческим судьбам народов, здесь обитающих.

* * *

Забравшись в Нань-шань, мы расположили свой бивуак в прелестном ключевом оазисе. Место это, привольное во всех отношениях, окрещено было нами прозвищем «Ключ благодатный», чего и действительно вполне заслуживало. Устроились мы здесь даже с известным комфортом. Обе палатки, наша и казачья, были поставлены на зеленой лужайке; постельные войлоки, насквозь пропитанные соленой пылью пустыни, были тщательно выколочены; выючный багаж уложен в порядке, а кухня, как притон всякой нечистоты, отведена несколько поодаль. На противоположном берегу той же протекавшей речки Куку-усу в глинистом обрыве казаки вырыли печку и в ней пекли довольно сносные булки из муки, купленной в Са-чжеу. Ели мы сытно, спали вдоволь и спокойно в прохладе ночи; далеких экскурсий по окрестным горам вначале не предпринимали — словом, отлично отдыхали и запасались новыми силами.

Спустя несколько дней переводчик Абдул и двое казаков с семьей верблюдами посланы были обратно в Са-чжеу забрать остальные запасы дзамбы, риса и пшеничной муки. Сразу мы не могли перетащить в горы всю эту кладь, имея ограниченное число верблюдов. Для нас же необходимо было запастись продовольствием по крайней мере на четыре месяца, то есть на все время пребывания в Нань-шане и на весь путь через Северный Тибет.

Посланные возвратились через неделю и привезли все в исправности. Сачжеуские власти, уже знавшие о том, что мы пришли в Нань-шань, помирились с совершившимся фактом. Вместе с тем они объявили Абдулу, что, по распоряжению главнокомандующего Цзо-Цзун-тана, нам не велено давать про-

водников в Тибет, но предлагается или совсем возвратиться, или направиться в страну далай-ламы через Са-чжеу и Синин, то есть как раз тем путем, по которому выprovожен был незадолго перед нами граф Сечени со своими спутниками. Однако такая услуга для нас со стороны китайцев немного опоздала. Имея теперь под руками открытый путь в Цайдам, а в крайнем случае через верховье Дан-хэ на Куку-нор, с запасом продовольствия на четыре месяца и даже более, мы могли располагать собою помимо желаний Цзо-Цзун-тана. Для нас важно только было, чтобы китайцы заранее не запретили давать нам проводимых в самом Цайдаме. Поэтому Абдул опять уверил китайских начальников, что через месяц мы вернемся из гор в Са-чжеу. Для вящего же отвода глаз заказано было в одной из сачжеуских лавок приготовить к нашему возвращению на пять лан дзамбы и деньги заплачены вперед.

Почти две недели провели мы на «Ключе благодатном», и мирное течение нашей жизни ничем здесь не нарушалось. Вскоре мы совершенно свыклись со своим милым уголком и понемногу изучили его окрестности. Последние бедны были как флорой, так и фауной; экскурсии мало давали научной добычи. Только однажды казак Калмынин,

хороший охотник, убил двух маралов, оказавшихся новым видом. находка была прекрасная. Но так как маралы эти были убиты перед вечером и далеко от нашего стойбища, то их пришлось оставить на месте до следующего дня. Ночью волки испортили шкуру молодого экземпляра. Другой же, взрослый самец, уцелел и красуется ныне в музее нашей Академии наук. Мясо убитых маралов, которое с большим трудом мы на себе вытаскали из ущелья и привезли к стойбищу на верховых лошадях, изрезано было на тонкие пласты, посолено и развешано для просушки на солнце. Этот запас счель пригодился впоследствии, когда были съедены бараны, взятые на Са-чжеу.

Добытый марал характерно отличается от других своих собратьев белым концом морды и всего подбородка до горла, почему может быть назван маралом беломордым.

Поотгулявшись в продолжение почти двух недель на «Ключе благодатном», мы перебрались повыше, в альпийскую область гор. Предварительно я съездил туда для рекогносцировки местности. Но поездка эта была неудачна, так как вблизи снеговых вершин нас захватил дождь со снегом и в течение ночи вымочил до костей. Продрогли мы хуже, чем зимой, и вернулись обратно к своему стойбищу, едва успев взглянуть на альпийские луга.

Новая наша стоянка была расположена в небольшой горной долине на абсолютной высоте 11 700 футов, в расстоянии 4—5 верст от вечноснеговых вершин, называемых монголами Мачан-ула и составляющих западный край хребта Гумбольдта. Здесь под рукою у нас было все, что нужно: россыпи, скалы и альпийские луга. На последние мы и набросились с жадностью. В первый же день собрали около 30 видов цветущих растений — всех недоростков или даже карликов, как обыкновенно в альпийской области. На завтра ботаническая добыча была также обильна; а затем, увы, нового почти ничего не встречалось. Напрасно В. И. Роборовский, страстный коллектор по части ботанической, лазил целые дни по россыпям и скалам; его труды лишь скудно вознаграждались какими-нибудь двумя — тремя видами невзрачных растений.

Погода в альпийской области стояла прохладная; по ночам, несмотря на июль, случались иногда морозы; по временам в воздухе появлялась пыль из соседней пустыни.

Иногда падал дождь, но лишь только проглядывало солнце, все быстро высыхало. Тем не менее наши верблюды, не привыкшие к сырости и притом облинявшие, чувствовали себя весьма неловко на этой высоте.

Охоты наши были также весьма неудачны, в особенности за крупными зверями. Последних водилось здесь мало; однако кое-где можно было увидеть в горах стадо куяманов, аркара, иногда и медведя; местами попадались следы диких яков. Все мы весьма усердствовали убить какого-нибудь зверя как для его шкуры в коллекцию, так и затем, чтобы иметь свежее мясо на еду. Бараны, взятые из Са-чжеу, в это время уже все были прикончены, и мы продовольствовались сушеною маралатиною.

Обыкновенно рано утром, иногда еще до рассвета, отправлялись мы на охоту. Я брал с собою двустольный охотничий штуцер; товарищи же, офицеры и казаки, ходили с берданками. Охоту все страстно любили, поэтому между казаками, отпускаемыми в горы, соблюдалась очередь, так как за вычетом охотников и пастухов у верблюдов половина наличного состава экспедиции всегда оставалась на стойбище — «дома», как мы обыкновенно говаривали. Впрочем, лучшим стрелкам делалось иногда исключение, и они отпускались за зверями не в очередь.

И вот на завтра утром назначена охота. С вечера приготовлены ружья и патроны; каждому приблизительно указано, куда идти. На этот счет помехи друг другу мы не делали; кругом горы были огромные, нашлось бы место и для многих десятков охотников. Дежурному казаку, назначавшемуся на каждую ночь и спавшему не раздеваясь, приказано встать в потемках, развести огонь, сварить чай и будить нас. Если таким дежурным приходилось в эту ночь быть одному из участников охоты, в особенности охотнику страстному, то он обыкновенно усердствовал и будил нас чуть не с полночи. Нехотя проглатывалась чашка горячего чая, и мы тихонько оставляли свой бивуак. Сначала шли вместе кучею, но вскоре рассыпались по ущельям. Каждый спешил не потерять дорогое для охоты время раннего утра. Но поспешность возможна была лишь до тех пор, пока не приходилось лезть на крутую гору. Тут уже начиналось иное хождение — медленное, с частыми расстановками, иногда ползком. Но здесь же и место жительства дикого зверя, который утром выходит из

своих убежищ пастись на скудных лужайках. С замирающим сердцем начинается высматривание из-за каждой скалы, с каждого обрыва, с каждой новой горки. Вот-вот, думаешь, встретится желанная добыча, но ее нет как нет. А между тем беспрестанно видишь старые следы и помет то яков, то куку-яманов. Но ведь зверь бродит долго и много, так что несколько штук способны наследить немало в большом районе. Однако это соображение не принимается тогда в расчет. Все помыслы направлены к одному: поскорее увидеть зверя и выстрелить по нему. Так проходит час, другой... Ноги начинают чувствовать усталость, разочарование в успехе понемногу закрадывается в душу.

Между тем охотник незаметно поднялся чуть не до вечных снегов. Дивная панорама гор, освещенных взошедшим солнцем, расстилается под его ногами. Забыты на время и яки и куку-яманы. Весь поглощаешься созерцанием величественной картины. Легко, свободно сердцу на этой выси, на этих ступенях, ведущих к небу, лицом к лицу с грандиозною природою, вдали от всей суеты и скверны житейской. Хотя на минуты становишься действительно духовным существом, отрываешься от обыденных мелочных помыслов и стремлений...

Солнце быстро пригревает. Необходимо снять теплую рубашку, далеко не лишнюю в прохладное, часто здесь даже морозное утро. Остаетесь в одной парусинной блузе и после отдыха снова лезешь в горы. Опять начинается осматривание скал и ущелий то простым глазом, то в бинокль; опять сотни раз делается все это даром. Но вот в соседней россыпи зашумели и покатались вниз камни... Мигом настораживаешься в ту сторону, всматриваешься, но ничего еще не видишь; камни же продолжают катиться вниз с небольшими пережками. Несомненно, их сбрасывает ногами убегающий зверь, которого не видно среди громадных гранитных обломков. Темно-серая, как раз подцвет горных пород, окрашенная шкура не выдает куку-ямана даже там, где он и открывается глазу охотника, поэтому нередко зверь уходит даже незамеченным. Только иногда, уже много спустя, заметишь далеко на вершине скалы его стройную фигуру и еще более пожалеешь о своей неудаче. В лучшем случае, если и придется выстрелить, то обыкновенно далеко. Сделанный промах обиден еще тем, что гул выстрела, с перекатами разнося-

щийся по ущельям, пугает всех окрестных зверей.

Ходьба по каменным россыпям, каковыми усеяны все горы верхнего пояса Нань-шаня, в буквальном смысле адская. Там, вверху, в соседстве вечных снегов, эти россыпи обыкновенно состоят из крупных гранитных обломков. Словно искусственно наколоты такие плиты, величиною каждая в несколько десятков кубических футов. И лежат здесь эти глыбы сотни, тысячи лет, дожидаясь своей очереди скатиться вниз, разбиться на куски, измельчать, истереться в пыль. Трудность ходьбы увеличивает еще и громадная высота. В разреженном воздухе чувствуется, в особенности с непривычки, одышка и какая-то особенная усталость. Через каждую сотню шагов останавливаешься вздохнуть на минуту-другую, иногда же и присядешь на более удобном месте. Набежит облако — обдаст сыростью; дунет ветер со снегов — станет холодно. Но не знает и не должен знать охотник простуды. Полезешь вновь по камням — и живо снова согреешься.

Между тем время близится к полудню. Залегли накормившиеся звери и смолкли улары, неумолкаемо кричавшие все утро по россыпям. Пора возвратиться к бивуаку. Присядешь еще раз, еще раз осмотришь внимательно окрестные горы и, убедившись, что ничего не видно, начнешь спускаться вниз. Теперь дело это идет гораздо скорее, в особенности когда выберешься на мелкие россыпи. Быстро, чуть не бегом, шагаешь по рыхлой осыпи все вниз и вниз; целые кучи мелких камней с дребезжащим шумом катятся вслед. Незаметно очутишься и на лугах, по которым идешь уже спокойно до самого бивуака. Другие охотники также вернулись и также с пустыми руками, как то обыкновенно случалось для нас в Наньшане.

Причина таких неудач объяснялась малым количеством зверей в тамошних горах, а затем труднодоступностью этих гор. Зверей мало водилось в них потому, что мало было скал, доставляющих надежное убежище, и мало имелось высоких альпийских лугов для пастбищ; в среднем же поясе гор отсутствовали леса.

На седьмой день нашего пребывания в альпийской области я отправился с Роборовским, препаратором Коломейцевым и одним из казаков посмотреть поближе на вечные снега и ледники. Поехали мы верхами

рано утром и, сделав верст десять к востоку от нашей стоянки, увидели вправо от себя снеговое поле. Лошади под присмотром казака были оставлены на абсолютной высоте 12 800 футов, и мы втроем отправились пешком вверх по небольшой речке, бежавшей от снегов. До последних, по-видимому, было очень недалеко, но на деле расстояние это оказалось почти в 4 версты. Подъем по ущелью был довольно пологий; только сплошные груды камней сильно затрудняли ходьбу. На высоте 13 700 футов исчезла растительность, а еще через 1000 футов вертикального поднятия мы достигли нижнего края самого ледника. Этот последний составлял лишь малую часть обширных масс вечных льдов хребта Гумбольдта и, будучи расположен в распадке между двумя горными вершинами, простирался от 2 до 2¹/₂ верст с запада на восток.

Весь ледник сверху был прикрыт снегом, слой которого внизу достигал от 1 до 3 дюймов, тогда как в верхней половине ледника снежный покров имел в толщину около 3 футов. Старый снег казался серым от осевшей на него из воздуха пыли, но верхний снежный слой, недавно выпавший, притом покрытый тонким ледяным налетом, блестел ярко белизною.

Погода во время нашего восхождения на описываемый ледник стояла отличная — теплая, тихая и ясная. Тем не менее само восхождение сопряжено было с большим трудом, так как, помимо предварительного пути на протяжении почти 4 верст по каменистому ущелью, на самом леднике, в особенности в верхней его половине, пришлось подниматься зигзагами, беспрестанно проваливаясь в глубокий снег. Для отдыха необходимо было садиться на тот же снег, отчего нижнее платье вскоре сделалось совершенно мокрым.

Хотя для облегчения мы оставили свои ружья внизу ледника и взяли с собою только барометр, но тем не менее едва-едва могли зайти на самую высшую точку горы, покрытой ледником. Барометр показал здесь 17 100 футов абсолютной высоты. В это время было пять часов пополудни; между тем от своих лошадей мы отправились в одиннадцать часов утра и больших остановок нигде не делали. Зато же поднялись в это время на 4300 футов по вертикали и сделали верст семь — восемь по направлению пройденного пути.

На самом леднике мы не видали ни птиц, ни зверей, даже не было никаких и следов; заметили только несколько торопливо пролетающих бабочек и поймали обыкновенную комнатную муху, бог весть каким образом забравшуюся в такое не подходящее для нее место.

С вершины горы, на которую мы теперь вззошли, открывался великолепный вид. Снеговой хребет, на гребне коего мы находились, громадную массу тянулся в направлении к востоку-юго-востоку верст на сто, быть может, и более. На этом хребте верстах в десяти впереди нас выдвигалась острая вершина, вся покрытая льдом и превосходившая своей высотой примерно тысячи на две футов ту гору, на которой мы стояли. Сами по себе высокие второстепенные хребты, сбегавшие в различных направлениях к северу от снеговых гор, казались перепутанными грядами холмов, а долины между ними суживались в небольшие овраги. Южный склон снегового хребта был крут и обрывист. У его подножия раскидывалась обширная равнина, замкнутая далеко на юго-востоке громадными, также вечноснеговыми горами, примыкавшими к первым почти под прямым углом. Оба этих хребта названы мною именами хребтов Гумбольдта и Риттера. Помимо них, снеговая группа виднелась далеко на горизонте к востоку-северо-востоку, а еще далее, в прямом восточном направлении, видна была одинокая вечноснеговая вершина; наконец позади, на западе, рельефно выделялась на главной оси того же Наньшаня также вечноснеговая группа Анембарула.

Приближавшийся вечер заставил нас побыть не более получаса на вершине посещенной горы. Тем не менее время это навсегда запечатлелось в моей памяти. Никогда еще до сих пор я не поднимался так высоко, никогда в жизни не оглядывал такого обширного горизонта. Притом открытие разом двух снеговых хребтов наполнило душу радостью, вполне понятной страстному путешественнику.

Обратный спуск по леднику был довольно удобен; мы только старались удерживать излишнюю скорость движения. Взрытые ногами кусочки льдистой снежной коры сотнями катились впереди нас по скользкой поверхности ледника. Незаметно очутились мы опять у его подножия, забрали здесь свои ружья и сначала в сумерках, а потом в тем-

ноте продолжали путь по каменистому ущелью. К лошадям своим вернулись в девять часов вечера. Здесь ожидал нас казак, сваривший чай и приготовивший скромный ужин. Но, сильно усталые, мы вовсе не ощущали голода, напились только чаю и крепко заснули на разостланных войлоках, с седлами в изголовьях. Назавтра, еще довольно рано утром, вернулись к своему бивуаку.

На пятый день посланные за горы люди вернулись и привезли радостную весть, что монголы приняли их хорошо, обещали дать нам проводника, продали баранов и масла. По всему видно было, что из Са-чжеу никаких внушений насчет нас еще не последовало, оттого и монголы, всегда вообще добродушные, так ласково обошлись с нашими посланцами. Узнали мы также, что обширная равнина, виденная нами с гор, называется, по крайней мере в западной своей части, Сыртын, и на ней живут пайдамские монголы, принадлежащие к хошуну князя Курлык-бэйсе.

На следующий день мы покинули свое облюбованное местечко и двинулись вверх по реке Куку-усу. Переход через главный кряж Нань-шаня сделан был по ущелью, образуемому глубоким прорывом этой речки. Самая дикая часть ущелья тянется версты на три, при ширине от 50 до 60 сажен, а иногда и того менее. По бокам здесь громадные, чуть не отвесные горы, покрытые россыпями; возле самой речки стоят небольшие гранитные скалы. Тропинка узкая, весьма трудная для верблюдов.

Тотчас за ущельем горы вдруг оборвались и раскрылась довольно широкая (4—5 верст) долина, выйдя на которую мы опять остановились возле хорошего ключа и недалеко от берега Куку-усу. Место это находилось на абсолютной высоте 10 600 футов, в 15 верстах от прежней нашей стоянки. Впереди нас, на противоположной стороне упомянутой долины, высился другой крайний, к стороне Сыртына, хребет, который примыкает к главному верстам в тридцати юго-восточнее прорыва Куку-усу, близ самого истока этой речки. К западу же крайний хребет тянется самостоятельно до снеговой группы Анембарула.

Между тем нежданно-негаданно на нас грянула беда, чуть было не окончившаяся гибелью одного из лучших людей экспедиции — унтер-офицера Егорова. Но, видно и теперь фортуна хотела мне только погро-

зить, не лишая своей постоянной благоклонности.

Вот как случилось это памятное для нас событие.

В тот самый день, когда Калмынин убил пару тибетских уларов, он встретил в горах дикого яка, по которому выстрелил из винтовки четыре раза. Сильно раненный зверь убежал, но Калмынин не стал его следить, потому что время уже близилось к вечеру. На другой день — это было 30 июля — я послал того же Калмынина и вместе с ним унтер-офицера Егорова искать раненого яка. Так как последний иногда бросается на охотника, то посланным велено было для безопасности ходить вместе.

Опираясь на рассказы Калмынина и охотившегося с ним тогда Коломейцева о лужах крови, истекавшей на следах яка, я был вполне уверен, что зверь не уйдет далеко и издохнет в течение ночи; поэтому приказал посланным охотникам ехать до ущелья на верблюдах и на них привезти часть мяса, а главное — часть яковой шкуры. Последняя необходима была на подметки всем казакам, уже сильно износившим свою обувь.

Отправившись утром с места бивуака, Калмынин и Егоров проехали верст восемь до входа в ущелье, привязали там верблюдов, а сами направились в горы. Здесь вскоре отыскали след раненого яка и пошли этим следом. Оказалось, что зверь, вопреки рассказам, был не слишком сильно ранен, поднялся на гребень крайнего к Сыртыну хребта и спустился на южную сторону этих гор.

Наши охотники, увлекшись, также пошли за ним. Сделав версты две или три от перевала, они встретили стадо аркаров, по которым выстрелили залпом. Рассчитывая, что который-нибудь из аркаров ранен, Калмынин пошел посмотреть следы; Егоров же снова отправился за яком, уверяя, что он пройдет только немного и вернется на это место.

Калмынин осмотрел аркарьи следы, убил здесь случайно подвернувшегося хулана, а затем начал криком звать Егорова, но ответа не было. Между тем солнце склонялось к закату. Рассчитывая, что Егоров пошел к верблюдам прямым путем, Калмынин поднялся снова на перевал и спустился к тому месту, где ждились привязанные верблюды. Егорова здесь также не оказалось, а уже стало темнеть. Тогда Калмынин, предполагая, что Егоров, быть может, прямо пешком пошел к бивуаку, отправился с верблюдами

туда же и приехал на наше стойбище часов в десять вечера.

Сначала я не слишком беспокоился, думая, что Егоров вернется ночью, как то не раз случалось с нашими казаками, ходившими на охоту. Но наступило утро, а Егоров не возвращался. Между тем погода стояла холодная и сильно ветреная. Егоров же отправился на охоту в одной рубашке, оставив при верблюдах свой сюртук; огня с собой у Егорова не было, так как он не курит. Нельзя было медлить ни минуты.

Тотчас же снарядил я прапорщика Эклона, препаратора Коломейцева и трех казаков (Калмынина, Телешова и Румянцева) в поиски Егорова. Все пятеро поехали верхами до ущелья, в котором вчера дожидались верблюды. Здесь Эклон и Телешов должны были искать в ближайших окрестностях; остальным же велено было идти на то место, где Егоров расстался с Калмынным, и отсюда начать поиски. Сам я остался на бивуаке.

Поздно вечером вернулись Коломейцев с Телешовым и объявили, что поиски оказались неудачными, поэтому Эклон с двумя казаками остался ночевать в горах в ожидании моих распоряжений на завтра. О поисках же нынешнего дня Коломейцев объяснил следующее.

Придя втроем на то место, где Егоров разошелся с Калмынным, посланные направились по следам яка, рядом с которыми кое-где на глине неясно были видны и следы Егорова, обутого в то время в самодельные чирки, то есть сапоги без каблучков. Версты через две встретилось место, где лежал раненый як, к которому Егоров, вероятно, неожиданно подошел близко, так как зверь огромными прыжками бросился с места лёжки. Егоров пустился за ним и начал переходить из одного ущелья в другое. Нужно заметить, что крайний хребет пускает к стороне Сыртынской равнины частые и довольно длинные гривы, каменистые и крутые; между этими отрогами лежат глубокие, узкие ущелья. Вся местность изборождена. Заблудиться здесь человеку, непривычному к горам, весьма легко, тем более что Егоров, преследуя яка по горячим следам, конечно, не обращал внимания на местность и не старался ориентироваться.

Продолжая идти далее следами яка, посланные встречали кое-где и следы Егорова, но версты через три от того места, с

которого вскочил як, эти следы пропали окончательно. Вероятно, Егоров здесь бросил преследовать зверя и решил вернуться к верблюдам или прямо к нашему бивуаку; но, видя перед собой дикие скалистые хребты, все похожие друг на друга, не попал на истинный путь, а пошел, всего вероятнее, или поперек боковых горных отрогов, или к стороне Сыртынской равнины. Между тем наступила холодная ночь. Егоров, щеголявший в одной рубашке, поневоле должен был проплутать всю эту ночь и, вероятно, зашел куда-нибудь далеко.

Потеряв след Егорова, Коломейцев, Калмынин и Румянцев до вечера лазили наудачу по ущельям, стреляли там для сигналов, но ничего не нашли. Не было даже никаких признаков, жив ли Егоров или нет, в горах ли он или на Сыртынской равнине. Уже после заката солнца все трое, сильно усталые, вернулись к ожидавшим их Эклону и Телешову, которые также ничего не нашли.

С рассветом следующего дня я сам отправился продолжать поиски. Взял с собой, кроме Телешова, Калмынина и Румянцева, свежих людей — Урусова и Гармаева. Прапорщик же Эклон, ночевавший в горах с двумя казаками, возвратился на стойбище.

Отъехав верст двенадцать к юго-востоку от нашего бивуака, мы неожиданно встретили в горах нескольких монголов, которые гнали из Цайдама в Са-чжеу стадо баранов на продажу. Разумеется, к монголам тотчас же было приступлено с расспросами, не видели ли они где-нибудь Егорова. Получился ответ отрицательный, но вместе с тем мы узнали, что верстах в двадцати или двадцати пяти от южной подошвы крайнего хребта в Сыртынской равнине кое-где встречаются монгольские стойбища. Тогда у меня мелькнула мысль: не зашел ли туда заблудившийся Егоров? Сейчас же Калмынин и Гармаев отправлены были за горы в монгольские кочевья по тропинке, указанной встреченными монголами. Я же с Телешовым и Урусовым отправился пешком продолжать поиски с того места, откуда вчера вернулись Коломейцев и казаки; Румянцев остался при лошадях.

До вечера бродили мы по горам, стреляли в каждом ущелье, но ничего не нашли. Вместе с тем убедились, что если Егоров заболел или оборвался со скалы, или, наконец, погиб каким-либо иным образом, то его невозможно отыскать в этих гигантских горах,

сплошь усеянных каменными россыпями. На расстоянии нескольких сот шагов мы сами с трудом замечали здесь друг друга даже в движении. Умаялись мы сильно и, переночевав в горах, на следующий день вернулись к своему бивуаку.

Таким образом в течение двух дней горы были обшарены насколько возможно — верст на двадцать пять к востоку от нашей стоянки до того места, где крайний хребет соединяется со снеговым. Далее Егорову, если бы даже со страху он совсем потерял голову, ни в каком случае нельзя было идти. Думалось нам одно из двух: или Егоров, выбившись из сил, погиб в горах, или ушел в Сыртыгскую равнину и, быть может, отыскал там монголов. Разъяснить последний вопрос должны были посланные казаки. В тягостном ожидании их возвращения мы провели еще трое суток на прежнем стойбище.

Между тем в горах уже наступала осень, и морозы на восходе солнца достигали $-7,0^{\circ}$ на нашей стоянке. Повыше же температура, конечно, упала градусов до -10 , а быть может, и более; днем дули северо-западные ветры, наполнявшие воздух пыльной мглой. Словом, как нарочно, климатические условия сложились теперь самым неблагоприятным образом.

Поздно ночью 4 августа посланные за горы казаки возвратились и рассказали, что они объездили верст полтора, отыскивали козевья монголов, но об Егорове нигде ничего не слыхали. Участь несчастного теперь, по видимому, была разъяснена: его гибель казалась несомненной, тем более что прошло уже пять суток с тех пор, как Егоров потерялся. Тяжелым камнем легло на сердце каждого из нас столь неожиданное горе. И еще сильнее чувствовалось оно при мысли, что погиб совершенно бесцельно и безвинно один из членов той дружной семьи, какой мог назваться наш экспедиционный отряд.

Назавтра мы покинули роковое место и

направились к западу по высской долине, которая залегла между главным и крайним хребтами. Пройдя верст двадцать пять, встретили ключ, отдохнули на нем часа два, а затем пошли опять с целью уйти в этот день как можно дальше. Караван шел в обычном порядке, все ехали молча, в самом мрачном настроении духа. Спустя около часа после того, как мы вышли с привала, казак Иринчинов, по обыкновению ехавший во главе первого эшелона, заметил своими зоркими глазами, что вдаль, вправо от нас, кто-то спускается с гор по направлению нашего каравана. Сначала мы подумали, что это какой-нибудь зверь, но вслед за тем я рассмотрел в бинокль, что то был человек и не кто иной, как наш, считавшийся уже в мертвых, Егоров. Мигом Эклон и один из казаков поскакали к нему, и через полчаса Егоров был возле нашей кучки, в которой в эту минуту почти все плакали от волнения и радости.

Страшно переменялся за эти дни наш несчастный товарищ, едва державшийся на ногах. Лицо у него было исхудалое и почти черное, глаза воспаленные, губы и нос распухшие, покрытые болячками, волосы всклокоченные, взгляд какой-то дикий... С подобной наружностью гармонировал и костюм или, вернее сказать, остатки того костюма, в котором Егоров отправился на охоту. Одна злосчастная рубашка прикрывала теперь наготу; фуражки и панталон не имелось; ноги же были обернуты в изорванные тряпки.

Тотчас мы дали Егорову немного водки для возбуждения сил, наскоро одели, обули в войлочные сапоги и, посадив на верблюда, пошли далее. Через 3 версты встретили ключ, на котором мы разбили свой бивуак. Здесь напояли Егорова чаем и покормили немного бараньим супом. Затем обмыли теплой водой израненные ноги и приложили на них корпию, намоченную в растворе арники из нашей походной аптеки; наконец больному дано было пять гран¹ хины, и он уложен спать. Немного отдохнув, Егоров вкратце рассказал нам о своей пропаже следующее.

Когда 30 июля он разошелся в горах с казачком Калмыниным и пошел по следу раненого яка, то вскоре отыскал этого зверя, выстрелил по нему и ранил еще. Як пустился на уход. Егоров за ним — и следил зверя до самой темноты; затем повернул домой, но ошибся и пошел в иную сторону. Между тем наступила холодная и ветреная ночь. Всю ночь напролет шел Егоров, и когда настало утро, то очутился далеко от гор в Сыртынской равнине. Видя, что зашел не туда, Егоров повернул обратно к горам, но, придя в них, никак не мог обознать местность, тем более что, как назло, целых трое суток в воздухе стояла густая пыль. Егоров решился идти наугад и направился к западу (вместо севера, как следовало бы) поперек южных отрогов крайнего хребта. Здесь блуждал он трое суток и все это время ничего не ел, только жевал кислые листья ревеня и часто пил воду. «Есть несколько не хотелось, — говорил Егоров, — бегал по горам легко, как зверь, и даже мало уставал».

Между тем плохие самодельные чирки износились в двое суток; Егоров остался босым. Тогда он разорвал свои парусинные панталоны, обвернул ими ноги и обвязал изрезанным на тонкие пластинки поясным ремнем. Но подобная обувь, конечно, весьма мало защищала от острых камней, и вскоре обе пятки Егорова покрылись ранами. А между тем ходить и ходить было необходимо — в этом только и заключалась возможность спасения. Застрелив из винтовки зайца, Егоров содрал с него шкуру и подложил эту шкуру вместе с клочками случайно найденной бараньей шерсти под свои израненные, обернутые в тряпки ноги. Бо-

дели они сильно, в особенности по утрам, после ночи. Невозможно даже было тогда встать, так что Егоров выбирал себе ночное логовище на скате горы, для того чтобы утром ползти сначала на четвереньках, «размять свои ноги», как он наивно выражался. Не менее муки приносили и ночные морозы, доходившие в горах, как сказано выше, по крайней мере до -10° , да еще иногда и с ветром. Забравшись где-нибудь под большой камень, Егоров с вечера разводил огонь, добывая его посредством выстрела холостым патроном, в который вкладывал вместо ваты или трута оторванный кусок фуражки. При выстреле этот кусок загорался, потом тлел, и Егоров раздувал огонь, собирая для него помет диких яков. Но поддерживать огонь всю ночь было невозможно — одолевали усталость и дремота. Вот тут-то и начинались вдобавок к страданиям израненных ног новые муки от холода. Чтобы не замерзнуть совершенно, Егоров ухитрялся туго набивать себе за пазуху и вокруг спины сухого помета диких яков и, свернувшись клубком, тревожно, страдальчески засыпал. В это время пропотевшая днем рубашка обыкновенно примерзала к наложенному помету, зато, по крайней мере, не касалась своей ледяной корой голого тела.

На четвертые сутки своего блуждания Егоров почувствовал сильную усталость и голод. Последний был еще злом наименьшим, так как в горах водились зайцы и улары. По экземпляру того и другого застрелил Егоров и съел сырой часть улара; зайца же, также сырого, носил с собой и ел по маленькому кусочку, когда сильно пересыхало горло.

В это время Егоров блуждал возле тропинки, которая ведет из Сыртына в Са-чжеу. Несколько раз пускался он в безводную степь, но, мучимый жаждой, снова возвращался в горы. Здесь на пятые сутки своего блуждания Егоров встретил небольшое стадо коров, принадлежавших, несомненно, кочевавшим где-либо поблизости монголам; но пастухов при коровах не оказалось. Вероятно, они издали заметили незнакомого странного человека и спрятались в горах. Конечно, Егорову следовало застрелить одну из коров, добыть таким образом себе мяса, а кожей обернуть израненные ноги. Однако он не решился на это; хотел только взять от коров молока, но и тут неудача — коровы оказались недойными.

¹ Старая аптекарская мера веса — 0,6 грамма. В Англии эта мера веса сохранилась и теперь. (Примеч. редактора.)

Между тем охотник незаметно поднялся чуть не до вечных снегов. Дивная панорама гор, освещенных взошедшим солнцем, расстилается под его ногами.

Оставив в покое этих соблазнительных гор, Егоров побрел опять по горам и переночевал здесь шестую по счету ночь. Между тем силы заметно убывали... Еще день-другой таких страданий — и несчастный погиб бы от истощения... Он сам уже чувствовал это, но решил ходить до последней возможности; затем собирался вымыть где-нибудь в ключе свою рубашку и в ней умереть. Но судьба судила иначе... Егоров случайно встретил наш караван и был спасен.

И как не говорить мне о своем удивительном счастье! Опоздай мы днем выхода с роковой стоянки или выступи днем позже, наконец, пройди часом ранее или позднее по той долине, где встретили Егорова, — несчастный, конечно, погиб бы наверно. Положим, каждый из нас в том был бы не повинен, но все-таки о подобной бесцельной жертве мы никогда не могли бы вспомнить без содрогания, и случай этот навсегда остался бы темным пятном в истории наших путешествий.

Невольных двое суток простояли мы опять на одном месте. Все ухаживали за Егоровым. К общей радости, у него не сделалось ни горячки, ни лихорадки; только сильно болели ноги, на которые по-прежнему прикладывалась корпия, намоченная в растворе арники. Аппетит у большого был хороший, но сначала мы кормили его понемногу. Через двое суток Егоров уже мог, хотя с трудом, сидеть на верблюде, и мы пошли далее.

В 2 верстах от нашего ключа пролегал ашочная тропа, которая, как оказалось, вела к Са-чжеу в Сыртын. По этой тропинке мы прошли на перевал через крайний хребет. Абсолютная высота этого перевала 13 200 футов. Подъем с севера весьма пологий. Спуск на южную сторону, также пологий и удобный, идет широким безводным ущельем на протяжении 15 верст. Это ущелье, равно как горы, его обставляющие, да и весь южный склон крайнего к Сыртыну хребта совершенно бесплодны. В верхнем горном поясе преобладали здесь по нашему пути россыпи; в среднем — глина, а в нижнем, ближе к наружной окраине, явились скалы из слюдосодержащего глинистого сланца.

Переночевав с запасной водой, но без корма для животных на устье вышеописанного ущелья, с выходом солнца следующего дня мы направились на юго-запад к озеру Нага-сыртын-нор, до которого оставалось около 25 верст. Шли все время по покатою от гор голой галечной равнине.

Такие покатоности, часто с большим наклоном, составляют характерную принадлежность горных хребтов центральноазиатской пустыни. Они обыкновенно сопровождаются широкой каймой подножие гор, имеют почву из глины с галькой, совершенно бесплодны и местами прорезаны глубокими руслами дождевых потоков.

Образование подобных оригинальных равнин, по всему вероятно, обуславливается разрушением тех же горных хребтов пустыни, в которой нет ни обильных водных осадков, ни текучих вод для перенесения продуктов разложения. Они осыпаются с гор возле их подножий, закрывая мало-помалу нижние каменные пласты и образуя постоянно увеличивающуюся пологую осыпь. Ее размеры и наклон зависят, конечно, от большей или меньшей разрушаемости и самого времени разрушения той каменной породы, из которой состоит хребет. В некоторых небольших хребтиках, там и сям разбросанных по Гоби, можно наблюдать, как постоянно увеличивающаяся осыпь уже замаскировала собой почти всю прежнюю площадь гор, уцелевших только небольшим островком на вершине своего куполообразного пьедестала.

Цайдамом называется страна, лежащая на передовом северном уступе Тибетского нагорья, невядалеке к западу от озера Кукур-нор. С севера ее ограждают хребты, принадлежащие к системам Нань-шаня и Алтынтага. С юга еще более рельефной границей служит громадная стена гор, которые от Бурхан-Будда на востоке тянутся под различными названиями далеко к западу. Здесь, то есть на западе, граница Цайдама неизвестна; быть может, она намечается отрогами южных и северных крайних гор. Наконец, на востоке описываемую страну окаймляют горы, служащие крайним западным продолжением некоторых хребтов верхней Хуан-хэ.

С востока на запад Цайдам тянется верст на восемьсот; ширина же его, не переходящая сотни верст в восточной части, значительно увеличивается к середине. Вся эта страна, поднятая от 9 до 11 тысяч футов над уровнем моря, состоит из двух, довольно резко между собой различающихся частей: южной — к которой собственно и приурочено монгольское название Цайдам, — несомненно

бывшей недавно дном обширного соленого озера, а потому более низкой, совершенно ровной, изобилующей ключевыми болотами, почти сплошь покрытой солончаками; и северной, более возвышенной, состоящей из местностей гористых или из бесплодных глинистых, галечных и частью солончаковых пространств, изборозженных невысокими горами.

За исключением небольшого числа тангутов, обитающих в Восточном Цайдаме, население этой страны составляют монголы, принадлежащие, подобно значительной части кукурорцев, к олютам, но ныне сильно утратившие свой родовой тип. Всего чаще здесь встречается помесь с тангутами, в особенности в Восточном и Южном Цайдаме; иногда перепедают и китайские физиономии.

Обычное занятие цайдамских монголов составляет скотоводство — разведение баранов, лошадей и рогатого скота; в меньшем количестве содержатся здесь яки и верблюды. Последние гораздо хуже верблюдов халхасских: мельче ростом и слабосильней. В Цайдаме для этих животных местность неблагоприятна как по неимению в достаточном количестве пригодного корма, так и по обилию болот, на которых летом роятся тучи мошек, комаров и оводов, весьма вредных для скота вообще, а для верблюдов в особенности. Бараны цайдамские не курдючные или с весьма маленьким продолговатым курдюком, ростом невелики. Рогатый скот довольно хорош. Лошадей здесь много, но порода малорослая, некрасивая. Все стада летом обыкновенно угоняются в горы как северные, так и южные. Здесь животным прохладнее и нет муки от насекомых, зато корм скудный. Осенью стада возвращаются в равнины на болотистые Луга и

откармливаются выросшей в течение лета травой.

Обитая вдали от культурных местностей Китая и не имея часто возможности, в особенности в период дунганского восстания, добывать себе хлеб покупкой от китайцев, цайдамские монголы сами кое-где начали заниматься земледелием. Таких местностей мы видели две: возле озера Курлык-нор и на реке Номохун-гол; кроме того, слышали, что пашни есть на верховье реки Булунгира. Способ обработки земли самый жалкий; занятие это ненавистно цайдамским монголам, как и всемномадам вообще. Притом же количество распаханной земли ничтожно; оно едва ли достигает сотни десятин во всем Цайдаме. Засеваются ячмень с голым зерном и в меньшем количестве пшеница; урожай бывает довольно хороший. Хлеб идет на приготовление дзамбы для собственного пропитания. Важной статьей в этом отношении служит хармык, ягоды которого едят свежими и сушат впрок. Затем обыденную пищу составляют чай, молоко, масло и баранина; последняя, впрочем, не редкость лишь у зажиточных.

Далеко не спокойно живут цайдамские монголы. Каждогодно они подвергаются то в одном, то в другом хошуне набегам харатангутов с верховьев Желтой реки и голыков, также тангутского племени, обитающих на реке Мур-усу в Северном Тибете. Те и другие разбойники слышат у цайдамцев под общим именованием «оронгын». В особенности страдает от них население Южного Цайдама. Грабители приезжают сюда обыкновенно поздней осенью, партиями в несколько десятков человек, разыскивают стойбища монголов, отнимают у них скот, хлеб и разное имущество. Для защиты от подобных набегов цайдамцы выстроили в каждом хошуне по небольшой квадратной загороди, обнесенной глиняными стенами. Подобная постройка — примитивный образчик наших крепостей — носит громкое название хырма, то есть крепость. Сюда складываются лишние пожитки и хлеб, а при нападении оронгын, если успеют их вовремя заметить, загоняется скот. Притом в каждой хырме живут поочередно человек двадцать или тридцать защитников-монголов, вооруженных саблями, пиками и изредка фитильными ружьями. Для оронгын подобная хырма с тонкими глиняными стенами сажени три высотой при длине сажени в тридцать каждо-

но фаса составляет преграду неодолимую. Разбойники обыкновенно и не думают заниматься штурмом или осадой, но едут далее, рассчитывая захватить где-нибудь врасплох.

Конечно, не все обитатели хошуна могут воспользоваться защитой хырмы, так как оронгыны появляются обыкновенно внезапно. Поэтому монголы, кочующие вдали от хошуна хырмы, зарывают хлеб, масло и длинные пожитки в землю. Сами же при появлении разбойников прячутся в зарослях тавариска и хармыка; сюда загоняют на время стада. Но оронгыны имеют волчье чутье и нередко разыскивают спрятанное, в особенности скот, его забирают и гонят восвояси.

Сопротивление вооруженной силой разбойники почти никогда не встречают, во-первых, вследствие трусости самих монголов, а во-вторых, потому, что за каждого убитого оронгына платится большой штраф его семейству. Такой порядок узаконен синькинскими амбанами (губернаторами), с которыми разбойники, вероятно, делятся своей добычей.

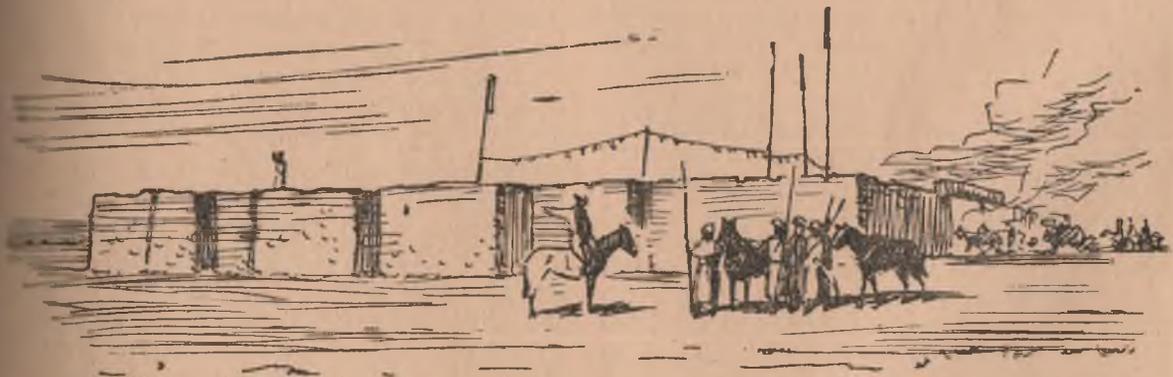
Цайдамцы страшно ненавидят оронгынов. Это слово служит здесь ругательством. Так, например, когда цайдамский монгол бранит свою лошадь, то, взамен нашего пожелания в подобном случае быть съеденной волком, он обыкновенно говорит: «Чтоб тебя оронгын украл». Про дурную местность цайдамцы говорят: «Здесь жить только оронгынам». Маленьких детей пугают также оронгынами.

Наиболее обширное из болот раскидывается в равнине Сыртынь, представляющей собой лучшее место во всем Северном Цайдаме. Строго говоря, равнина эта, носящая в своей восточной части название Куку-сай,

принадлежит Нань-шаню и составляет переход от него к Цайдаму.

Сыртынские монголы встретили нас довольно радушно; принесли молока, продали баранов и масла. Проводник на дальнейший путь также скоро отыскался, но не прямо в Тибет через Западный Цайдам, как нам того желалось, а дорогой окружной, через стойбище курлыкского князя. Вероятно, без разрешения своего властителя сыртынцы не посмели препроводить нас прямо в страну далай-ламы; да, кроме того, желали и прислужиться князю, показав ему невиданных еще здесь людей, от которых притом можно получить подарки. Так нам сразу и объявили, что в Сыртыне нет проводника, знающего прямую дорогу в Тибет; притом же путь этот, говорили нам, лежит сначала по безводным местностям, а затем по обширным болотистым солончакам, на которых в то время года еще роились тучи мошек и комаров. Общим голосом советовали идти дорогой обходной, на что мы и должны были согласиться. Впрочем, для нас даже выгодней было идти окружным путем именно потому, что через это можно было лучше познакомиться с Северным Цайдамом; затем мы рассчитывали купить у курлыкского князя несколько новых верблюдов или выменять их на более плохих из своих и оставить под надзором того же князя весь лишний багаж по возвращении из Тибета.

Около полудня 13 августа к нам явился проводник, весьма приличный монгол, по имени Тан-то. Впоследствии оказалось, что это был один из местных ловеласов, какие встречаются и между номадами. Вопреки своим собратьям, Тан-то каждый день

умывался, чистил зубы и носил опрятную одежду. Человек он был хороший и услужливый. Впоследствии мы одарили Тан-то, соображаясь с его вкусами и привычками, кусочками мыла, бусами, ножницами и тому подобными мелочами, которые, конечно, будут служить немаловажным подспорьем при атаках цайдамских красавиц.

Выступив в тот же день в дальнейший путь, мы прошли только 18 верст и остановились на ночевку. Местность представляла по-прежнему равнину, но болото кончилось. Его заменила глинисто-соленая почва, поросшая редким колосником, по которому паслись большие стада хуланов. Влево от нас расстилались голые глинистые площадки; на них играл мираж.

Явление это, весьма обыкновенное в пустынях Монголии, всего чаще случается на гладких и голых глинистых площадях или на обширных солончаках. Поэтому в Северном Тибете, где таких местностей нет, мы ни разу не наблюдали миража. Последний всего чаще бывает весной и осенью, реже летом и еще более редко зимою. Само явление, как известно, состоит в том, что перед глазами путника неожиданно появляется более или менее обширная поверхность озера или вообще воды. Обман часто до того велик, что в появившихся волнах ясно видны отражения соседних скал или холмов. Передняя рамка берега обозначается резко, но вдаль призрачная вода уходит, как бы сливаясь с горизонтом. Если мираж появится невдалеке, то ближайšie к наблюдателю предметы, иногда даже звери, кажутся подвешенными или плавающими в воздухе. С переменою угла зрения при движении каравана изменяются положения и очертания обманчивого озера: оно то убегает, то появляется сзади или с боков, то наконец вовсе исчезает. И по какому-то непонятному чувству всегда жалеешь расстаться с обманчивым видением, словно самый призрак воды отраден в пустыне...

На второй день пути от Сыртына нам предстоял безводный переход в 65 верст. Как обыкновенно в подобных случаях, мы прошли это расстояние в два приема: выступили в полдень, ночевали на половине дороги с запасною водой, а на следующий день добрались до речки Орёгын-гол. На всем пути местность была отвратительная: сначала голая глинистая, покрытая мелкою галькою равнина, полого повышавшаяся к Южно-сыртынским горам; затем эти самые горы,

также совершенно бесплодные. Они состоят из глины и темного глинистого сланца. Перевал весьма пологий, имеет 12 400 футов абсолютной высоты. Весь переход пройден был нами быстро и хорошо. Так вообще везде в Центральной Азии — в самых худших, бесплодных, но зато обыкновенно ровных местностях, за исключением сыпучих песков и влажных солончаков, идти с верблюдами легко и споро; но лишь только местность делается лучше, притом, конечно, пересеченнее — ход каравана затрудняется.

На Орёгын-голе мы дневали.

Больной Егоров теперь почти совсем поправился; не зажили только еще раны на ногах и не позволяли надеть кожаного сапога. Зато с другим из экспедиционных казаков, именно со старшим урядником Иринчиновым, ветераном всех моих экспедиций в Центральной Азии, случилось на Орёгын-голе маленькое несчастье, показывающее, насколько в путешествии подобного рода легко подвергнуться всякой случайности. Совершенно беззаботно, конечно, уже не в первую сотню, если только не тысячу раз, заколачивал Иринчинов в землю железный шорон (колышек в 1 фут длиною), к которому на общей веревке привязываются верблюды, как вдруг один из этих верблюдов, уже бывший на привязи, так сильно дернул веревку, что шорон выскочил из земли, со всего размаха ударил Иринчинова в губы и вышиб в верхней челюсти три передних зуба.

Несколько ранее того, во время ловли для привязывания на ночь экспедиционных баранов, один из них случайно прыгнул на казака Калмынина и, ударив его рогом в лоб, чуть было не вышиб глаз, а опухоль и синяк присадил на продолжительное время.

25 августа, сделав 305 верст от Сыртына, мы добрались до вождельной местности. Впрочем, местопребывание князя находилось на восточной стороне обширного озера Курлык-нор. Мы же остановились по западную сторону того же озера на впадающей в него речке Балгын-голе, где встретили большую редкость тех стран, именно поля, обрабатываемые местными монголами.

Местность по Балгын-голу весьма изобильна хармыком — кустарником, принадлежащим к семейству крушиновых и свойственным всей вообще Внутренней Азии — от Каспийского моря до собственно Китая. Впрочем, в Тибете хармык не растет вовсе;

нет также на нижнем Тариме и на Лобноре. Царство описываемого растения — это обширные солончаковые болота Южного Цайдама.

Другой кустарник, весьма изобильный в Южном Цайдаме и также свойственный всей вообще Центральной Азии — это тамариск, называемый монголами сухой-мото. Он представляет несколько видов, в Хамийской пустыне тамариск попадается спорадически; собственно Гоби и в Ала-шане его нет вовсе.

Подобно хармыку, тамариск произрастает на почве глинистой, лёссовой, только менее влажной и менее влажной. Само растение представляет стройный кустарник от 5 до 7 футов, даже до 10 футов высотой. Но в Цайдаме и по долине верхней Хуан-хэ тамариск иногда является деревом до 20 футов высотой при толщине ствола у корня от 1 до 1½ футов. Ярко-зеленые ветви описываемого растения в июне покрываются развесистыми метелками розовых цветов, скученных на вершине куста. Тогда и в пустыне подобные заросли напоминают собою сад.

Тамариск доставляет хорошее топливо. Кроме того, его ветви с охотою поедают верблюды, и эта пища весьма для них полезна, особенно при кашле.

Растет тамариск обыкновенно довольно редким насаждением, хотя на более выгодных местах (например, в долине верхней и средней Хуан-хэ) нередки и густые заросли этого кустарника. Там же, где почва, им покрытая, состоит из рыхлой лёссовой глины, ветры выдувают промежуточный слой и наваливают эту пыль вместе с песком на соседние кусты, отчего почва под ними постоянно вымывается. Мало-помалу из такого наноса и истлевших остатков самого растения образуются значительные бугры, на которых растут следующие поколения. Подобные бугры, образуемые также и хармыком, весьма изобильны в некоторых местах Центрально-азиатской пустыни — на нижнем Тариме, в Ордозе, Ала-шане и частью в Цайдаме.

Через день после нашего прибытия на реку Балгын-гол сюда приехал с противоположной стороны озера Курлык-нор местный князь бэйсе (то есть князь пятой степени), почему-то не пожелавший, чтобы мы сами пришли на его стойбище. В 1 версте от нашего бивуака была поставлена юрта, в которой приехавший князь переоделся в свое парадное одеяние и тотчас явился к нам со свитой человек в десять. Сам бэйсе — моло-

дой человек лет тридцати, немывтый и грязный. Помимо парадного красного одеяния, он надел на себя, вероятно желая хвастнуть перед нами, множество серебряных повязок на руки, которые тем не менее были грязнее самого грязного сапога. Свита князя выглядывала также под стать своему повелителю.

После обычных приветствий и расспросов о благополучии пути разговор перешел на самые интересные для нас предметы: проводников, верблюдов, баранов и т. п. Все это необходимо было нам добыть для дальнейшего пути в Тибет. Но, к крайнему нашему удивлению и огорчению, курлыкский бэйсе, вероятно уже получивший должные внушения от китайцев, сразу начал отказываться во всем, отговариваясь то своею неопытностью, то трудными для скотоводства годами, то, наконец, неимением в курлыкском хошуне людей, знающих дорогу в Тибет. Пришлось предложить князю подумать, как бы устроить нас на дальнейший путь. С тем бэйсе и уехал в свою юрту.

Немного погодя я сам отправился к нему отдать визит и возобновить переговоры. Князь вышел навстречу и ввел меня в свое временное обиталище. Это была грязная, дырявая юрта, против лазейки в которую лежал на земле красный войлок; на нем я уселся вместе с бэйсе. Перед нами тотчас поставили чашки с чаем и дзамбою; сбоку же князь положили баранью требушину, наполненную маслом. Из сосуда князь доставал своими грязнейшими пальцами масло и клал его в чай как себе, так и своим приближенным. Предложено было и мне подобное угощение, но я от него отказался.

Затем опять возобновлен был разговор о нашем дальнейшем следовании в Тибет; опять начались со стороны князя и его приближенных рассказы о трудности дороги, неимении проводников, верблюдов и т. д. Чтобы сразу покончить эту вздорную болтовню, я велел своему толмачу монгольского языка и главному дипломату при всех сношениях с монголами, уряднику Иринчинову, передать князю, что уже не в первый раз путешествую в этих местах, знаю хорошо, что в Тибет из Цайдама постоянно ходят монголы и что, опираясь на свой пекинский паспорт, я не только прошу, но даже требую от бэйсе, конечно не даром, снабдить нас проводником и всем необходимым на дальнейший путь.

Бэйсе и его приближенные несколько времени советовались и наконец объявили, что готовы исполнить наши требования, за исключением проводника прямо в Тибет, но обещали дать вожака до стойбища соседнего цайдамского князя Дзун-засака, того самого, у которого мы были в 1872 и 1873 годах при своем первом путешествии в Тибет. На такую комбинацию пришлось согласиться.

Переход привел нас от Баян-гола к хырме Дзун-засак, той самой, которая дважды была мною посещена при первом путешествии в Центральной Азии в 1871 — 1873 годах. Таким образом мы вышли на старую дорогу и сомкнули с ней линию нового пути.

Более шести лет протекло уже с тех пор, как я был в этих местах, но теперь для меня так живо воскресло все прошлое, словно после него минуло только несколько дней. Помнилось даже место, на котором тогда расположен был наш маленький бивуак; по-

мнилось ущелье, по которому вчетвером мы направились через хребет Бурхан-Будда в Тибет без гроша денег, полуголодные, оборванные — словом, нищие материально, но зато богатые силою нравственною...

Лишь только поставили мы палатки в 3 верстах восточнее хырмы Дзун-засак, к нам тотчас явился давнишний ее обитатель Камбы-лама, с которым я и Иринчинов, как старые знакомые, встретились друзьями. От Камбы-ламы узнали мы, что наш тибетский проводник Чутун-дзамба умер; также умер тибетский посланник Камбы-нансу, который виделся с нами в 1872 году на Куку-норе и предлагал свои услуги в Лхасе; наконец умер и молодой кукунорский ван, отправившийся на поклонение далай-ламе и не выдержавший трудностей пути через Северный Тибет. Молодой ван скончался почти мгновенно, вероятно от разрежения воздуха, на горах Тан-ла. С его смертью пресекался род владетельных кукунорских князей Цин-хайванов. До выбора же и утверждения нового

мана Куку-нором управлял тосалакчи, то есть бывший помощник умершего князя.

Шесть дней простояли мы возле хырмы Дзун-засак, и все это время прошло в хлопотах по дальнейшему снаряжению в Тибет. Местный князь Дзун-засак, тоже один из старых знакомцев, вопреки нашему ожиданию и, по-видимому, без всякой причины, встретился с нами далеко не радушно. Подобно Курлык-бэйсе, Дзун-засак сразу начал отговариваться неимением людей, знающих путь в столицу далай-ламы. Конечно, это была явная ложь, так как из Цайдама в Тибет и обратно každогодно ходят караваны богомольцев или торговцев, и местные монголы служат для них проводниками. Да наконец редкий из этих монголов сам не бывал в Лхасе в качестве богомольца. Дзун-засак несомненно знал все это очень хорошо, но, вероятно, получил заранее приказание всякими средствами затормозить наш путь в Тибет и пожелал отличиться перед китайцами.

Сначала я ласково уговаривал засака найти нам проводника, а затем, видя, что просьбы и вежливое обращение ни к чему не ведут, наоборот — еще более утруждают дело, назначил князю двухдневный срок для приискания проводника. Опять с этим ультиматумом был отправлен к засаку урядник Иринчинов, который, как знаток дела, приложил еще несколько собственных внушений, даже весьма крутых, в особенности относительно ближайших княжеских советников. Дзун-засак просил дать ему несколько времени на размышление и послал за своим соседом Барун-засаком. После долгого совещания словно из земли вырос проводник, которого привели нам оба князя и рекомендовали как человека, хорошо знающего путь через Тибет.

Таким образом, главное дело уладилось. Теперь нужно было кончать вопросы второстепенные и развязаться с излишним багажом. Приятель Камбы-лама много помог нам в этом отношении. Он согласился принять к себе в хырму на хранение наши коллекции и лишний багаж — всего пудов тридцать киди. Затем оба засака, после опять-таки настоятельных с моей стороны требований, взяли от нас на сохранение 20 ямбов серебра. Теперь обоз наш значительно убавился, но все-таки оставшимся багажом необходимо было завьючить 22 верблюда; зато вьюки сделались легкими, не более как по 6—7 пудов весом на каждое животное.

Счастье великое, что почти все наши верблюды, отдохнув в Нань-шане, чувствовали себя бодрыми и годились на переход через Тибет. Иначе мы не могли бы туда вовсе идти, по крайней мере теперь, так как ни у Дзун-засака, ни у Барун-засака хороших верблюдов не оказалось. Да их мало было, вероятно, и во всем Цайдаме, где, по словам монголов, уже три года сряду свирепствовал падеж на этих животных.

Как бы там ни было, но мы удачно перформировали свой караван и 12 сентября, распрощавшись с Камбы-ламой, двинулись в Тибет. Начался второй период нашего путешествия, более интересный как по самому характеру впереди лежавших местностей, так и по их совершенной неизвестности.

Если же подвести итог первому, только что законченному, периоду нашей экспедиции, то, откровенно говоря, мало у нас осталось отрядных о нем воспоминаний. Пустыня залегла сплошь от Зайсана до (хребта) Бурхан-Будда более чем на 2000 верст. На всем этом пространстве мы только однажды, именно на Тянь-шане, встретили настоящий лес, в котором провели сутки. Понятно, что при таких условиях местностей, нами пройденных, в них не слишком обильна была научная добыча как среди царства растительного, так и среди царства животного. За пять весенних и летних месяцев нами наблюдалось 43 вида млекопитающих и 201 вид птиц; тех и других собрано в коллекцию около 600 экземпляров. Пресмыкающихся добыто было довольно много, но рыбы найдены только в реках Урунгу и Баян-голе. В гербарий собрано было 406 видов растений. Кроме того, по всему пройденному пути, интересному в особенности от Хами до Бурхан-Будда, где еще ни разу не проходил кто-либо из европейцев, добыто много данных, чисто географических: глазомерная съемка пути, несколько определений широты, барометрические измерения высот и метеорологические наблюдения. Этнографические же исследования вообще были скудны, так как по пути мы встречали почти сплошь бесплодную пустыню, за исключением лишь оазисов Хамийского и Сачжеуского да немногих местностей Северного Цайдама.

* * *

Грандиозная природа Азии, проявляющаяся то в виде бесконечных лесов и тундр Сибири, то безводных пустынь Гоби, то

громадных горных хребтов внутри материка и тысячеверстных рек, стекающих отсюда во все стороны, — ознаменовала себя тем же духом подавляющей массивности и в обширном нагорье, наполняющем южную половину центральной части этого континента и известном под названием Тибета. Резко ограниченная со всех сторон первостепенными горными хребтами, названная страна представляет собою в форме неправильной трапеции грандиозную, нигде более на земном шаре в таких размерах не повторяющуюся, столовидную массу, поднятую над уровнем моря, за исключением лишь немногих окраин, на страшную высоту от 13 до 15 тысяч футов. И на этом гигантском пьедестале громоздятся, сверх того, обширные горные хребты, правда относительно невысокие внутри страны, но зато на ее окраинах развивающиеся самыми могучими формами диких альпов. Словно стерегут здесь эти великаны труднодоступный мир заоблачных нагорий, неприветливых для человека по своей природе и климату и в большей части еще совершенно неведомых для науки...

Действительно, если исключить Ладак и Балтистан на верхнем Инде, то весь собственно Тибет, к которому в обширном смысле, по сходству физического характера, следует отнести также северный придаток, ограниченный Алтын-тагом и Нань-шанем, равно как бассейн озера Куку-нор и страну си-фаней (тангутов) к югу от него, представляет собою столь обширную неведомую площадь, равной которой еще не найдется в Азии, да и с трудом отыщется даже на Африканском материке. Лишь южные, лежащие в бассейне Брамалутры и более населенные части Тибета, равно как провинция Нгари-корсум на юго-западе этой страны, кое-где урывками исследованы европейскими путешественниками...

Громадная площадь этой страны остается почти совершенно неведомою и настоятельно ждет своих исследователей.

Но рядом с столь высокою и заманчивою задачей много, даже очень много, различных невзгод поджидают здесь европейского путешественника. Против него встанут и люди и природа. Огромная абсолютная высота и вследствие того разреженный воздух, в котором мускулы человека и вьючных животных отказываются служить как следует; крайности климата, то слишком сухого, то (летом) слишком влажного; холода и бури,

отсутствие топлива, скудный подножный корм, наконец гигантские ущелья и горы в восточной части страны — вот те препоны, бороться с которыми придется на каждом шагу. С другой стороны, в местах обитаемых туземное население подозрительно или даже враждебно будет смотреть на неведомого пришельца и, несомненно, постарается если не уничтожить его открытой силою, то всякими способами затруднить дальнейший путь. Совокупность всех этих причин и сделала Тибет столь неведомым до наших дней. Но, по всему вероятно, подобный мрак продолжится лишь немного, и та могучая сила, которая называется энергией духа, сломит все преграды и проведет европейских путешественников вдоль и поперек по загадочной стране буддизма...

В общем весь Тибет по различию своего топографического характера, равно как и органической природы, может быть разделен на три резко между собою различающиеся части: южную, к которой относятся высокие долины верховьев Инда, верхнего Сетледжа и Брамалутры; северную, представляющую сплошное столовидное плато; и восточную, заключающую в себе альпийскую страну переходных уступов, далеко вдающуюся внутрь собственно Китая. Дальнейшее наше изложение всецело будет относиться к Северно-Тибетскому плато.

* * *

На восходе солнца 12 сентября 1879 года бивуак наш возле хырмы Дзуи-засак в Южном Цайдаме был снят, и мы направились в Тибет. Караван состоял из 34 верблюдов и 5 верховых лошадей; участники экспедиции были те же, что и прежде, переменялся только проводник.

Немало различных бед насулили нам впереди цайдамские монголы. Нас пугали и глубоким снегом, который, по местным приметам, должен был выпасть в Тибете нынешнею зимою, и болезнями от непривычной высоты, и разбойниками, поджидающими караван в горных ущельях; наконец впервые мы услышали теперь о том, что тибетцы выставили отряд войск с целью не пускать чужеземцев в свою столицу. Словом, напутствия нам были самые неблагоприятные; но, по обыкновению, мы мало придавали цены подобным страданиям и пошли вперед с самыми лучшими надеждами на успех.

Чтобы избавиться от высокого перевала через хребет Бурхан-Будда, мы решили обойти его по ущелью реки Номохун-гола. К этой реке теперь и направились, следуя вдоль бесплодной хрящевой и галечной равнины, которая, подобно тому как и во многих других центральноазиатских хребтах, широкою, с пологим скатом полосую окаймляет подножие Бурхан-Будда и его западных продолжений. Местность же, по которой мы шли, представляла по-прежнему солончакую, кое-где болотистую равнину, поросшую в большей своей части хармыком и тамариском. Последний на самом Номохун-голе принимает размеры небольшого дерева, так что местные монголы, от роду не выдавшие чего-либо лучшего, с восхищением рассказывали нам про этот «огромный», по их словам, лес.

Последняя попытка отклонить нас от следования туда сделана была на Номохун-голе. Дзун-засак прислал нам с нарочным предложение идти в Западный Цайдам, то есть в Тайджинерский хошун, где, по уверению князя, можно было найти другого, еще лучшего проводника. Кроме того, Дзун-засак ни с того ни с сего вдруг предложил устроить облаву на медведей, которых в это время действительно много шаталось по хармыку на Баян-голе. Но все эти услуги, конечно, были только уловкою, о чем мы сразу и смекнули. Как оказалось впоследствии, князю важно было задержать нас до тех пор, пока получится распоряжение от сининского губернатора, к которому еще от Курлык-бэйсе послан был гонец с извещением о нашем прибытии. К великому, вероятно, огорчению Дзун-засака, мы не искусились ни Тайджинерским хошуном, ни интересными медведями и, передневав на Номохун-голе, направились вверх по названной реке в горы Бурхан-Будда.

18 сентября мы оставили позади себя хребет Бурхан-Будда и пришли в урочище Дынсы-обо, лежащее на абсолютной высоте 13 100 футов. Таким образом мы попали теперь на Тибетское плато, или, вернее, на последнюю к нему ступень со стороны Цайдама. Характер местности и всей природы круто изменился. Мы вступали словно в иной мир, в котором прежде всего поражало обилие крупных зверей, мало или почти вовсе не страшившихся человека. Невдалеке от нашего стойбища паслись табуны хуланов, лежали и в одиночку расхаживали дикие яки, в грациозной позе стояли самцы оронго; быст-

ро, словно резиновые мячики, скакали маленькие антилопы ады. Не было конца удивлению и восторгу моих спутников, впервые увидевших такое количество диких животных.

Появились также и новые птицы: тибетский большедурак и земляные вьюрки; кроме того, летало много воронов и грифов, разыскивавших себе добычу.

Последней для них нашлось вдоволь на следующий же день когда мы вшестером отправившись на охоту и в короткий срок убили 13 зверей, в том числе 2 яков. Некоторые шкуры поступили в коллекцию; часть мяса была взята для еды, остальное брошено. Тут-то и начался пир волков, воронов и грифов. Мигом на убитом звере собиралась куча этих хищников, и в течение нескольких часов уничтожалось даже большое животное, как, например, хулан.

В помощь хищным птицам и зверям вслед за ними тихомолком приехал из Цайдама какой-то монгол, сообразивший по опыту прошлого моего путешествия, что мы набьем много зверей в окрестностях Дынсы-обо, и рассчитывавший поживиться даровой добычей. На глаза к нам этот монгол не показывался, но, забравшись в горы, подобно грифу, следил за нашей охотой. Лишь только зверь был убит и, сняв с него шкуру или взяв часть мяса, мы отправлялись дальше, монгол тотчас являлся вместе с волками и грифами к добыче, резал мясо и таскал его в ближайшие ущелья, где прятал под большие камни; кроме того, брал бедренные кости, чтобы впоследствии полакомиться из них мозгом. В таком приятном занятии монгол провел целое утро совершенно инкогнито. Затем, наевшись вдоволь мяса, лег отдохнуть в ущелье неподалеку от нашего стойбища. Случайно один из запоздавших на охоте казаков возвращался именно этим ущельем и неожиданно набрел на монгола. Предполагая, что это какой-нибудь вор, казак притащил до смерти перепугавшегося цайдамца к нашему стойбищу, где разъяснилась вся суть дела.

В Дынсы-обо мы впервые заменили свою палатку войлочной юртой, той самой, которая была куплена у князя Курлык-бэйсе. Правда, юрта эта оказалась весьма плохой, но мы ее починили и все время своего пребывания на плоскогорье Северного Тибета, то есть в продолжение четырех месяцев, кое-как укрывались от бурь и холодов. Для казаков же достать юрты было невозможно, так

что наши спутники провели осень и большую половину холодной зимы Тибета — словом, все время нашего здесь путешествия — в той же самой палатке, в которой укрывались от палящего солнца Хамийской пустыни. Впрочем, мы делились своей юртой со спутниками, и в ней спали, кроме нас, препарат, переводчик и двое казаков. Последние, однако, всегда предпочитали помещаться в своем обществе в палатке и по возможности уклонялись от приглашения ночевать в юрте.

Незаметно поднимаясь пологими долинами, мы достигли перевала через хребет Шуга. По барометрическому измерению этот перевал имеет 15 200 футов абсолютной высоты. Спуск на противоположную сторону в долину реки Шуги несколько круче, но все-таки удобен для движения каравана.

Хребет Шуга, уже описанный в первом моем путешествии по Центральной Азии, тянется параллельно Бурхан-Будде и составляет в этом месте вторую, со стороны Цайдама, ограду высокого Северо-Тибетского плато. На восток описываемый хребет про-

должается (по расспросным сведениям) до гор Урундуши; на западе же упирается в среднее течение реки Шуги, за которой являются новые, также параллельные наружной ограде, хребты.

От Бурхан-Будды хребет Шуга отличается тем, что, во-первых, в своей середине и на западной окраине имеет по нескольку снеговых вершин, а во-вторых, будучи расположен на самом плато, развивает на обоих своих склонах менее дикие формы гор. Впрочем, близ гребня хребта Шуга, как уже сказано при первом его описании, громоздятся огромнейшие скалы известняка и эпидозита. Затем весь хребет, подобно Бурхан-Будде, крайне бесплоден.

Несмотря на раннюю осень, северный склон гор Шуга был покрыт снегом, который доходил почти до самого перевала. Такого снега мы не видали здесь даже в декабре и январе 1872—1873 годов. В нынешнем же году снег на горах Северо-Тибетского плато выпал рано, что, по приметам цайдамских монголов, предвещало суровую и снежную

зиму. К счастью нашему, такое предсказание исполнилось далеко не вполне.

При переходе через хребет Шуга я убил молодую яловую корову дикого яка. Мясо оказалось прекрасным и очень жирным, так что мы почти всё забрали с собой. Шкура же, отлично вылинявшая, поступила в коллекцию. Но, чтобы не таскать эту шкуру понапрасну, мы закопали ее вместе со шкурой убитого накануне хулана в каменную осыпь на берегу реки Шуги, рассчитывая взять спрятанную кладь при обратном следовании из Тибета. Однако предположение это не сбылось, так как мы вышли впоследствии в Цайдам более западным путем. Шкуры же обоих зверей, как следует препарированные, до сих пор, вероятно, покоятся на том месте, где мы их положили.

Хорошие пастбища по долине среднего течения реки Шуги привлекают сюда массу травоядных зверей. По нашему пути вдоль реки беспрестанно встречались хулан, яки и антилопы. С удивлением и любопытством смотрели доверчивые животные на караван, почти не пугаясь его. Табуны хуланов отходили только немного в сторону и, повернувшись всей кучей, пропускали нас мимо себя, а иногда даже некоторое время следовали сзади верблюдов. Антилопы оронго и ада спокойно паслись и резвились по сторонам или перебегали дорогу перед нашими верховыми лошадьми; лежавшие же после покормки дикие яки даже не трудились вставать, если караван проходил мимо них на расстоянии $\frac{1}{4}$ версты. Казалось, что мы попали в первобытный рай, где человек и животные еще не знали зла и греха...

Лишь только вырастет на них трава, тотчас являются стада травоядных зверей, которые живут здесь до тех пор, пока съедят весь корм; затем отправляются на другое пастбище и, таким образом, кочуя с места на место, прокармливаются круглый год.

В крайних горах долины левого берега реки Шуги звери водятся также в большом числе, в особенности куку-яманы, нередки и аркары; из птиц изобильны улары.

На правом берегу той же реки хребет Шуга в этой своей части еще более бесплоден; тем не менее, по словам цайдамцев, здесь, как и во всем названном хребте, да, вероятно, и в других ему соседних, встречаются, хотя изредка, маралы, которые, быть может, заходят сюда из лесистых гор на верховьях Желтой реки.

Мирная картина животной жизни, встреченная нами в долине реки Шуги, нарушилась вскоре по нашем туда прибытии. Сделав двойной переход вниз по реке, мы выбрали удобное место и стались здесь дневать с исключительной целью добыть шкур для коллекций; излишняя бойня, ради одной охотничьей потехи, не дозволялась. Да притом, откровенно говоря, при подобном обилии и непугливости диких животных охота за ними теряет свой интерес и очень скоро надоедает даже страстному охотнику. Я сам испытал это в Северном Тибете. Здесь только сначала заришься на зверей, а потом, убивши десяток-другой, делаешься почти совершенно равнодушным, в особенности к хуланам и антилопам; дикие яки еще прельщают отчасти тем, что зверь этот иногда бросается на охотника, следовательно, здесь является интерес борьбы. Но охота за более редкими животными, как, например, аркарами и медведями, по-прежнему сохраняет всю свою заманчивость.

В продолжение не более как трех часов, посвященных охоте утром нашей дневки, мы вчетвером убили 15 зверей, а именно: 4 оронго, 3 хулана и 8 куку-яманов. Последних всех до одного пришлось убить мне, притом в продолжение нескольких минут и не сходя с одного и того же места. Случай этот был один из самых удачных во всей моей долголетней и многообразной охотничьей практике.

В ночь на 26 сентября, то есть накануне нашей дневки в долине среднего течения реки Шуги, выпал небольшой снег, совершенно, впрочем, покрывший землю белой пеленой. Подобное обстоятельство явилось весьма важной подмогой при охоте в наших странах, так как «по пороше» удобно выследить зверя; но в Тибете, где все иначе, чем у нас, выпавший снег служил большой помехой, именно потому, что при ясном солнце блескел нестерпимо. Выслеживать же зверей здесь нет никакой надобности, так как обыкновенно с самого бивуака видишь целые стада желаемой добычи.

Неприветливо встретило нас могучее нагорье! Как теперь, помню я пронизывающую до костей бурю с запада и грозные снеговые тучи, низко висевшие над обширным горизонтом, расстилавшимся с перевала Чюм-чюм; как теперь вижу плаксивую физиономию нашего проводника, бормотавшего, стоя ря-

дом со мною, молитвы и сулившего нам всякие беды. Кто знает, думалось мне тогда, что ожидает нас впереди: лавровый ли венок успеха или гибель в борьбе с дикою природою и враждебными людьми...

Мрачные предзнаменования не замедлили явиться. После небольшого перехода от перевала Чюм-чюм проводник наш объяснил, что дальше он плохо знает дорогу, так как ходил по ней 15 лет тому назад. «Худо впереди будет, все мы погибнем, лучше теперь назад вернуться», — не переставал твердить монгол, конечно получивший при отправлении с нами различные внушения от князя Дзун-засака. Но так как тот же монгол многократно уверял нас до сих пор, что отлично знает путь в Лхасу, то, подозревая обман, я приказал наказать проводника. Кроме того, к нему приставлен был караул для предупреждения возможного бегства и вновь подтверждено, что если он вздумает умышленно завести нас куда-нибудь, то будет расстрелян. От страха монгол совсем потерял голову, да притом, кажется, и действительно не знал местности, так что следующий, правда небольшой, переход мы сделали наугад и вышли на какую-то речку, которая, по соображениям, должна была впадать в Напчитай-улан-мурень (Чумар), приток Мур-усу. Следуя вниз по незнакомой речке, мы встретили следы прощлой ночевки каравана на верблюдах. Последнее обстоятельство несомненно указывало, что то была партия богомольцев, так как торговые караваны ходят через Северный Тибет только на вьючных яках. Богомольцы, конечно, шли в Лхасу или возвращались оттуда; следовательно, мы не сблизись с настоящего пути.

Но тут пришла новая беда. Снег, падавший каждый день с последних чисел сентября, но в малом количестве и обыкновенно тотчас растаивавший на солнце, в ночь на 3 октября выпал на $\frac{1}{3}$ фута, а на следующий день подбавил вдвое более; притом мороз стал в -9°C . Наши караванные животные почти совсем не могли отыскать себе корма, так что голодные верблюды съели друг на друге несколько вьючных седел, набитых соломой. Лошадям же дано было по две пригоршни ячменя, который необходимо было беречь, как драгоценность. Весь аргал покрыло снегом, так что трудно было его отыскать, да притом, отсыревши, он горел крайне плохо. Приходилось сидеть или в дыму, или в холодной юрте без огня. С великим

трудом сварили чай и мясо для еды. Идти вперед нечего было думать, в особенности с нашим проводником, так что целых двое суток мы провели на одном месте в ожидании лучшей погоды. На третий день немного разъяснило, но лишь только мы двинулись вперед, как снова поднялась метель — и мы принуждены были остановиться, сделав 8 верст от прежнего своего бивуака. По счастью, новое место оказалось обильнее травою, так что мы, по крайней мере, перестали сильно тревожиться за участь своих караванных животных. Тем не менее положение наше становилось весьма серьезным. Выпавший снег не таял, а ночной мороз вдруг хватил на -23°C . Трудно было надеяться, что все это скоро кончится; наоборот, следовало ожидать еще худшего в будущем, тем более что ежедневно мимо нашего стойбища проходили большие стада зверей, в особенности яков, которые направлялись на юго-восток, в более низкую и теплую долину Мур-усу. «Звери предчувствуют тяжелую зиму и уходят отсюда», — говорил наш проводник. «Худо нам будет, погибнем мы», — твердил он, вместо того чтобы посоветовать что-либо в данном случае. Впрочем, он по-прежнему постоянно давал один совет — возвратиться в Цайдам, но об этом я не хотел и слышать. «Что будет, то будет, а мы пойдем далее», — говорил я спутникам, и, к величайшей их чести, все, как один человек, рвались вперед. С такими товарищами можно было сделать многое!

Совсем иное изображал из себя наш монгол-проводник. От страха за свою будущую участь и от холода он сделался чуть живым — целый день не выходил из палатки, не переставая бормотать молитвы, охал и ныл. Немудрено, что подобные люди десятками гибнут в караванах богомольцев, следующих через Северный Тибет в Лхасу.

Еще двое суток провели мы в невольной стоянке на одном и том же месте, ожидая лучшей погоды; но морозы не прекращались и снег не таял. Между тем наши верблюды и лошади стали видимо худеть от бескормицы. Нужно было двигаться вперед, хотя наугад, так как теперь невозможно было рассчитывать на занесенные снегом старые пастбища караванов и на кое-какие другие признаки истинного пути. Сначала, соблазняясь примером зверей, продолжавших по-прежнему идти к юго-востоку, я хотел направиться туда же, выйти на устье реки Напчитай-улан-

мурень; но так как этим окружным путем пришлось бы сделать лишнюю сотню верст и, быть может, ничего не выиграть относительно удобства движения, то мы направились по-прежнему на юго-запад, к горам Куку-шили, которые длинным белым валом виднелись на горизонте впереди нас.

День был ясный, и снег блестел нестерпимо. От этого блеска сразу заболели глаза не только у всех нас, но даже у верблюдов и нескольких баранов, которых мы гнали с собою из Цайдама. Один из этих баранов вскоре совершенно ослеп, так что мы принуждены были его зарезать без нужды в мясе. Воспаленные глаза верблюдов пришлось промыть крепким настоем чая и спринцевать свицовой примочкою. Те же лекарства служили и для нас. Синие очки, которые я надевал, мало помогали, так как отраженный снегом свет попадал в глаза с боков; необходимы были очки с боковыми сетками, но их не имелось. Казаки вместо очков завязали свои глаза синими тряпками, а монгол прядью волос из черного хвоста дикого яка. Последний способ, употребляемый монголами и тангутами, весьма практичен, хотя, конечно, необходима привычка к подобной волосяной повязке.

Небольшими переходами в три дня добрались мы до гор Куку-шили. В равнине Напчитай-улан-мурень, по которой теперь переходили, лежал везде снег глубиною в $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ фута; на горах же, даже небольших, этот снег был вдвое глубже. Погода стояла ясная, по ночам морозы переходили на -20°C ; но днем, когда стихал ветер, солнце грело довольно сильно, так что во время движения с караваном передо мной, обращенному к югу, нередко было жарко, тогда как спине в это же время чувствовался холод.

От действия солнечных лучей кое-где начали показываться проталины. Были, кроме того, и другие утешительные предзнаменования. Что вдруг выпавший снег и наступившие холода составляли явление исключительное и ненормальное для этих стран в столь раннюю еще пору года. Так, на одной из проталин мы поймали с десятка маленьких ящериц; медведи, несмотря на холод, не ложились в зимнюю спячку; наконец, встречались еще и пролетные птицы: турпаны, горные гуси, даже песчаники и горихвостки. Ведствовали они так же, как и мы. Несом-

ненно, в это время в Северном Тибете погибло много пролетных пернатых.

Но дожимали нас не столько холода, сколько трудность непривычным верблюдам добывать себе корм из-под снега, хотя и мелко; затем невыносимый блеск этого самого снега, все сильнее портивший наши глаза; наконец, неимение для топлива хорошего, сухого аргала. Последний с каждым днем более сырел, так что нужны были долгие и необычайные усилия для разведения огня, в особенности при разреженном и, следовательно, бедном кислородом воздухе этой высоты. Часа по два обыкновенно возились мы с кипячением воды на чай, а для сварения мяса к обеду требовалось чуть не полдня времени. Для того же, чтобы хотя немного посидеть вечером без сильного дыма, но при огне в юрте, мы собирали сухие стволыки реамюрии, более похожие на ломаные баранки, чем на материал для топлива, и этими «дровами» согревали и освещали себя в течение какого-нибудь получаса.

Из всех зверей и птиц драгоценною для нас добычею был новый вид медведя, которого можно назвать «медведь-пищуход». Впрочем, для описываемого зверя годится название и «медведь заоблачный», так как он обитает на плоскогорьях не ниже 14 тысяч футов абсолютной высоты. По величине новооткрытый медведь — с нашего обыкновенного; отличается от него главным образом качеством меха и цветорасположением. У самца задняя половина туловища темно-бурая, с чалого цвета налетом, более резким на боках. Передние пахи рыжеватые, холка почти черная. Грудь рыжегато-белая, от нее через плечи на загривок, наполовину обхватывая с передней стороны холку, проходит

широкая белая полоса. Голова светло-рыжая, морда еще светлее, подбородок бурый, уши темно-бурые. Верхняя часть и бока шеи почти одноцветны с боками туловища, горло одноцветно с грудью. Ноги почти черные, когти белые. Окраска медведицы гораздо светлее, так как концы волос на ее туловище имеют более длинные почти белые концы. Шерсть у самца, а еще более у самки мягкая и густая, длиной до 4 дюймов; мех вообще превосходный. Общая длина добытого самца 6 футов 5 дюймов, высота у загривка 3 фута 7 дюймов; медведица имеет 5 футов 6 дюймов длины и почти 3 фута высоты.

Описываемый медведь обитает на всем пройденном нами плоскогорье Северного Тибета и, вероятно, распространяется отсюда далеко по тому же плоскогорью к западу. Быть может, вид этот живет также в Наньшане и на верховьях Желтой реки. В Северном Тибете, где местность совершенно безлесна, новооткрытый медведь избирает своим местопребыванием горные хребты, то дикие и труднодоступные, как, например, Бурхан-Будда, Шуга, и др., то более мягкие и невысокие, каковы многие горные группы, расположенные на самом плоскогорье. В особенности много медведей за Тан-ла, где, как сообщали нам туземцы, летом звери эти иногда ходят по десятку экземпляров вместе, а в зимнюю спячку залегают целыми обществами...

Обыденную пищу описываемого медведя составляют некоторые альпийские травы, вероятно иногда и звери, которых удается захватить врасплох, но всего более пищу; последних мишка выкапывает из нор. Любопытно, что при подобных копаниях медведя нередко сопровождают кясы, которые поживают от трудов неповоротливого зверя и ранее его успевают хватать выскакивающих из нор пищух. Подобную картину мы сами видели в горах на верховьях реки Уян-харзы. Медведь весьма усердно раскапывал на скате горы пищувы норы, а четыре кясы хватили зверьков, выбегавших наружу. Медведь видел это, сердился, даже бросался на вертлявых кясы, но не мог отвязаться от их назойливости; по мере того как зверь переходил на другое место, кясы следовали за ним.

Медведи, живущие в местностях Северного Тибета, ближних к Цайдаму, спускаются в августе на тамошние солончаковые равнины и проводят здесь два осенних месяца, питаются ягодами хармыка. Интересно, каким

образом медведи проведать про эти ягоды и как аккуратно знают время их созревания!

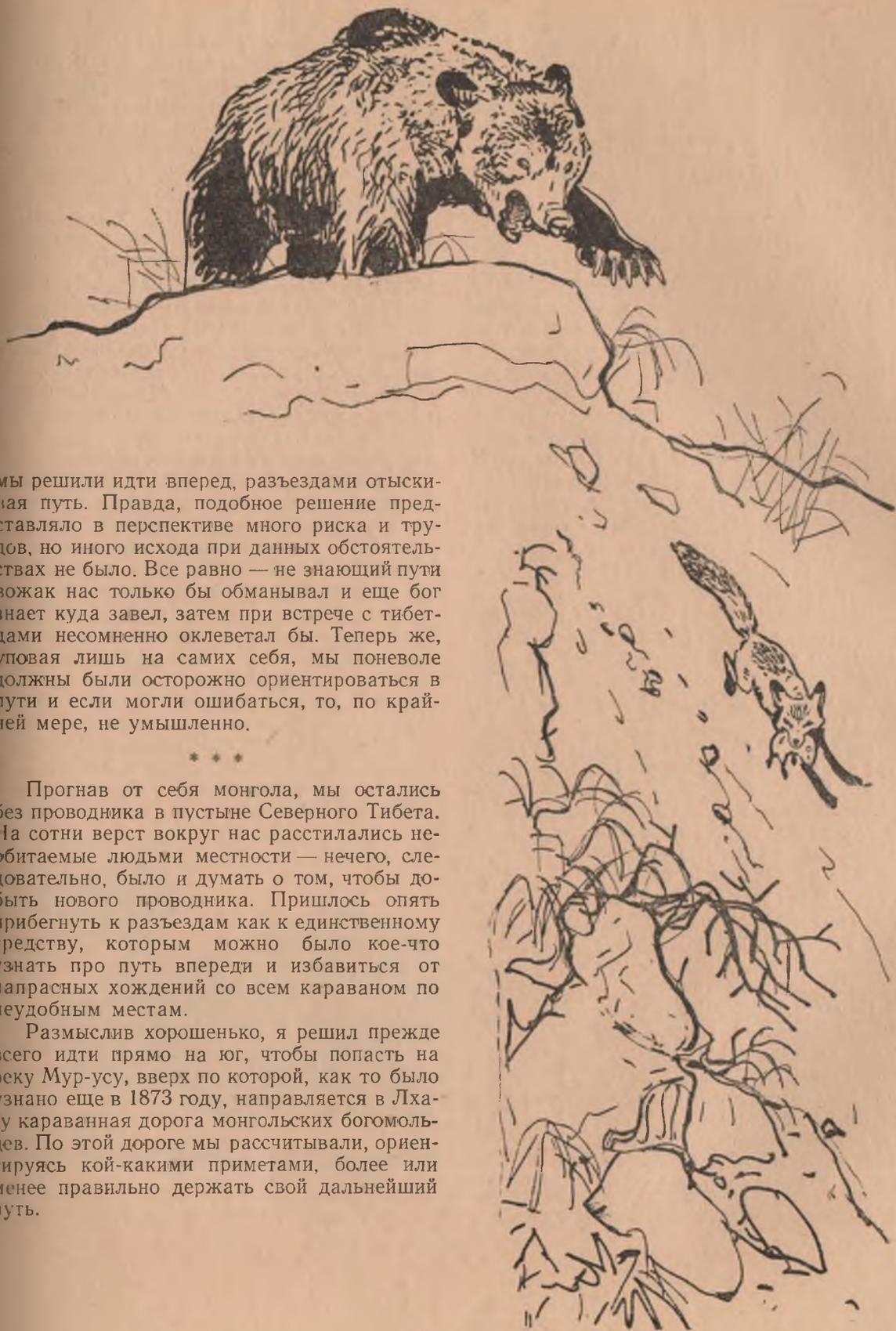
К зиме новооткрытый медведь, подобно нашему, сильно жиреет; в спячку ложится в начале ноября; встает в феврале. Логовищем выбирает пещеры или навесы под скалами, обыкновенно обращенные к югу. Если грунт не слишком твердый, то выкапывает для себя небольшое углубление, в которое настилает корешков травы. Спит не крепко и в тихие ясные дни вылезает погреться, на солнце.

В горах Куку-шили нас ожидали еще большие, чем до сих пор, невзгоды. Забрались мы в окраину этих гор, но не знали, где их переваливать. Сплошной снег покрывал северный склон хребта и маскировал всякие приметы (следы тропинок, верблюжий помет, прежние ночевки караванов), по которым можно было бы хотя сколько-нибудь ориентироваться.

Проводник послан был на поиски перевала, но, как оказалось впоследствии, повел нас наугад трудным ущельем, по которому верблюды едва-едва взобрались на гребень Куку-шили. Здесь, к великому огорчению, мы увидели впереди себя лишь неширокую болотисто-кочковатую долину, а за нею опять сплошные горы.

Серьезно допрошенный вожак объяснил, божившись всеми богами, что с пути мы не сбились, что он узнал теперь местность и что нам нужно будет только немного пройти встреченную долиною для окончательного выхода из гор. Сомнительными казались подобные рассказы, но поневоле им нужно было хотя отчасти верить. Назавтра мы пошли, по указанию того же проводника, вдоль упомянутой долины, где пришлось следовать то по кочковатым болотам, то для избежания их беспрестанно подниматься и спускаться по боковым горным скатам. Верблюды и лошади спотыкались, падали и черепашьим шагом ползли 14 верст по этой мучительной для них местности. Затем долина вновь замкнулась горами. Монгол же стал уверять, что он «немного» ошибся и что необходимо вернуться ко вчерашнему стойбищу, а оттуда поискать выхода из гор в другом месте.

Тогда я решил окончательно прогнать никуда не годного жоака, который своими обманами уже немало наделал нам хлопот. Монголу дано было немного продовольствия и приказано убираться куда знает. Сами же

мы решили идти вперед, разъездами отыскивая путь. Правда, подобное решение представляло в перспективе много риска и трудов, но иного исхода при данных обстоятельствах не было. Все равно — не знающий пути вожак нас только бы обманывал и еще бог знает куда завел, затем при встрече с тибетцами несомненно оклеветал бы. Теперь же, уповая лишь на самих себя, мы поневоле должны были осторожно ориентироваться в пути и если могли ошибаться, то, по крайней мере, не умышленно.

Прогнав от себя монгола, мы остались без проводника в пустыне Северного Тибета. На сотни верст вокруг нас расстилались необитаемые людьми местности — нечего, следовательно, было и думать о том, чтобы добыть нового проводника. Пришлось опять прибегнуть к разъездам как к единственному средству, которым можно было кое-что узнать про путь впереди и избавиться от напрасных хождений со всем караваном по неудобным местам.

Размыслив хорошенько, я решил прежде всего идти прямо на юг, чтобы попасть на реку Мур-усу, вверх по которой, как то было узнано еще в 1873 году, направляется в Лхасу караванная дорога монгольских богомольцев. По этой дороге мы рассчитывали, ориентируясь кой-какими приметам, более или менее правильно держать свой дальнейший путь.

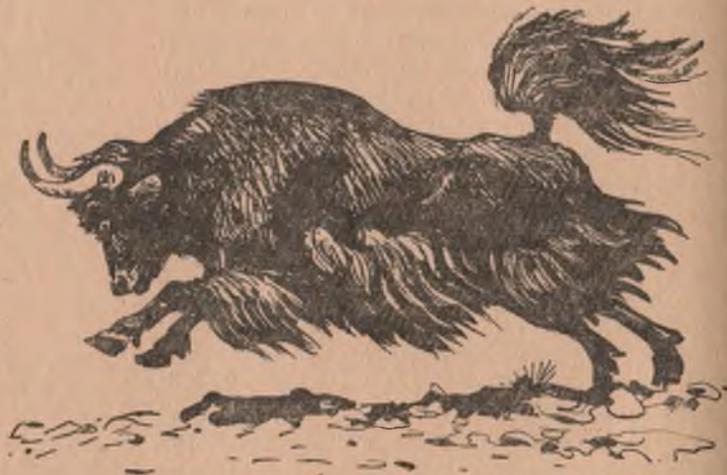
Но прежде всего необходимо было вы-браться из гор Куку-шили, в которые завел нас прогнанный вожак. К общей радости, беда эта разрешилась скоро и удачно. На следующий же день мы угадали направиться одним из поперечных ущелий хребта и без всякого труда вышли в его южную окраину. Здесь перед нами раскинулась широкая равнина, за которою стояли новые горы. Как оказалось впоследствии, то был хребет Думбуре. Через него должен был лежать наш дальнейший путь, направление которого теперь нужно было угадать; поэтому двое казаков посланы были в разъезд на один переход вперед. Сами же мы остались дневать, во-первых, для того, чтобы дожидаться результатов разъезда, во-вторых, чтобы познакомиться с характером южного склона гор Куку-шили и, наконец, чтобы просушить звериные шкуры, собранные за последнее время для коллекции. Погода тому благоприятствовала. После сильных холодов и снега, выпавшего в первой трети октября, теперь стало вновь довольно тепло. Снег на равнинах и южных склонах гор почти весь стаял, но северные горные склоны по-прежнему были покрыты снежною пеленою.

Вернувшиеся из разъезда казаки объяснили, что они ездили верст за двадцать вперед и что везде местность удобна для движения каравана. С большим вероятием можно было рассчитывать на таковой же характер равнины и по всему ее поперечнику; поэтому мы решили идти прямо к горам Думбуре и там уже поискать перевала через этот хребет. Переход совершен был в два дня совершенно благополучно. Небольшая задержка случилась только на речке Хапчик-улан-мурень, на которой лед еще не держал верблюдов. Тогда казаки и солдаты прорубили и проломали, стоя выше колена в воде, поперечную канаву, по которой провели вброд всех вьючных животных.

Переход через Думбуре совершился не так удобно, как выход из Куку-шили. Из двух разъездов, посланных мною для осмотра местности, один привез известие, что по пути, им обследованному, пройти с караваном вовсе нельзя; другой же разъезд отыскал переход через горы, но переход

трудный. Кроме перевала через главную ось хребта, пришлось еще дважды переходить боковые его гряды и все остальное пространство двигаться по замерзшим, притом большею частью покрытым снегом кочковатым болотам. Наши животные и мы сами очень устали. Но еще сильнее мы были огорчены, когда с последнего перевала увидели впереди себя вместо ожидаемой долины Мур-усу новую поперечную цепь гор. Никто из нас, конечно, не знал, какие это горы и каков будет через них переход. Опять посланы были три разъезда; в один из них отправился я сам, чтобы лично удостовериться в характере местности. Ездили мы до поздней ночи и отыскивали довольно порядочную реку, как оказалось впоследствии, Думбуре-гол, которая направлялась прямо к югу — следовательно, вполне по нашему пути. Назавтра мы передвинулись на эту речку, и новые разъезды, отсюда посланные, привезли наконец радостную весть, что за горами впереди нас течет река Мур-усу и что самый переход поперек гор ущельем Думбуре-гола весьма удобен. На следующий день рано утром мы двинулись в путь и вскоре очутились в долине желанной Мур-усу.

Река Мур-усу, берегов которой достиг теперь наш караван, составляет, как известно, верховья знаменитого Янцзы-цзяня, или Голубой реки, орошающей и оплодотворяющей своим средним и нижним течением лучшую половину собственно Китая. Ее истоки лежат на северном склоне гор Тан-ла, в 100 верстах западнее перевала через тот же хребет караванного пути монгольских богомольцев. По собранным сведениям, Мур-усу образует

на Тан-ла из многих ключей и небольших речек, текущих, вероятно, от вечных снегов.

По этим пастбищам бродят многочисленные звери, оронго, а́да, хулань и яки. Последние встречались нам нередко стадами, в которые скучивались десятки, иногда сотни молодых самцов и самок с телятами. Старые же самцы бродили в одиночку или по нескольку штук вместе. Вот за этими-то старыми яками, иногда после раны бросающимися на стрелка, мы и охотились с постоянным увлечением. Интерес борьбы и до известной степени опасность невольно разжигали охотничью страсть и манили прибавить еще несколько сильных ощущений к тем многообразным впечатлениям, которыми так богата жизнь каждого путешественника вообще, а странствования по пустыням Центральной Азии в особенности. Помимо охоты в одиночку, с похода, практиковавшихся на дневках или по приходе на место бивуака, во время самого пути с караваном мы частенько охотились за яками обыкновенно с помощью двух наших собак, тех самых, которые отправились с нами из Зайсана и до сих пор путешествовали благополучно. Несмотря на свою непородистость, собаки эти отлично практиковались для охоты за зверями. Тонкость понимания дела у наших псов доходила даже до того, что они умели различать по звуку выстрел дробового ружья по птице и винтовки по зверю. В первом случае собаки, всегда следовавшие в хвосте каравана, настораживали уши и спокойно шли далее. Но лишь только раздавался отрывистый, словно щелкнувший орех, выстрел берданки или начиналась учащенная пальба из тех же берданок, псы в одно мгновение выносились вперед и во весь дух пускались за убегающими зверями, из которых нередко ловили зайцев, в особенности антилоп. Хуланов преследовать далеко не любили, так как по

опыту знали, что зверь этот весьма вынослив на рану и если только не убит наповал, то уходит далеко. Зато, когда встречались старые самцы яки, собаки усердствовали, сколько было сил и умения.

Наши верблюды, истомленные огромною высотой, холодами, иногда бескормицею, начали сильно портиться; четверо из них уже издохли или так устали, что были брошены на произвол судьбы. Из пяти верховых лошадей одна также издохла; остальные едва волокли ноги. Решено было оставить четыре вьюка со звериными шкурами, собранными на пути от Цайдама. Шкуры эти, упакованные в мешки, спрятаны теперь были в одной из пещер гор Цаган-обо и благополучно пролежали там до нашего возвращения.

Трудности пути начали отзываться и на всех нас. Не говоря уже про обыденные явления огромных высот: слабосилие, головокружение, одышку, иногда сердцебиение и общую усталость, то тот, то другой из казаков заболели, всего чаще простудою или головною болью. По счастью, болезнь сильно не развивалась и обыкновенно проходила после нескольких приемов хины. Один только переводчик Абдул Юсупов, как более других слабосильный, чувствовал себя почти постоянно нездоровым и истреблял изрядное количество лекарств. Грязны все мы были до крайности; на сильных холодах часто невозможно было умыть хотя бы лицо и руки; притом постели наши состояли из войлоков, насквозь пропитанных соленою пылью. На этих войлоках мы валялись в холодной юрте по 11 часов в сутки — иным способом невозможно было коротать длинные зимние ночи. Днем, когда зажигали в юрте аргал, то она почти всегда была полна дыму, в особенности в облачную погоду или при ветре, хотя бы слабом. Казакам приходилось еще хуже, так как они помещались в летней палатке и не могли достаточно защититься от бури. На каждом переходе, даже небольшом, все мы сильно уставали, ибо, помимо выюченья и развьюченья верблюдов, дорого несли на себе ружья, патронташи и пр., всего чуть не по полпуду клади. Притом на самых переходах часто приходилось идти пешком, так как на холоде, и в особенности при буре, ехать долго шагом на верховой лошади или верблюде невозможно. На-

конец, мы не имели возможности хотя бы изредка подкрепить себя рюмкою водки, потому что в наличности имелось всего четыре бутылки коньяку, который берегся на крайний случай.

Тибет давал себя чувствовать не только различными невзгодами, но и осязательными результатами негостеприимства своей дикой природы. Помимо изредка валявшихся людских черепов и костей караванных животных, на одном из переходов близ Мур-усу мы встретили труп монгола-богомольца, вероятно пешком пробиравшегося в Лхасу или, быть может, покинутого караваном по случаю болезни. Возле этого трупа, отчасти уже обеденного волками, грифами и воронами, лежали посох, дорожная сума, глиняная чашка и небольшой мешок с чаем. Пройдет немного времени — ветры пустыни заметут песком и пылью остатки умершего, или их стащут волки и грифы, и ничего не будет напоминать новым богомольцам о злосчастной судьбе одного из их собратий!

На правом берегу верхнего течения Мур-усу местность начинает полого возвышаться к югу и образует здесь обширное плато, быть может одно из самых высоких в Северном Тибете. По гребню этого плато тянется в прямом восточно-западном направлении вечноснеговой хребет, известный под названием Тан-ла. Название это может быть приурочено и ко всему плато, на котором там и сям разбросаны отдельные, иногда вечноснеговые, группы гор. В промежутках их залегают местности всхолмленные, так что, в общем, плато Тан-ла представляет волнистую поверхность. Подъем здесь как с северной стороны, так и спуск с южной весьма пологи, хотя самый перевал караванного монгольского пути имеет 16 700 футов абсолютной высоты.

Как ни невыгодно, по-видимому, плато Тан-ла для жительства человека, тем не менее здесь впервые мы встретили людей от самого Цайдама. То были ёграи, принадлежащие вместе со своими братьями голыками к тангутской породе. Притом обе эти орды, вероятно, представляют собою часть тех севернотибетских кочевников, которые известны под общим названием «сок-па». Ёграи постоянно кочуют на Тан-ла, передвигаясь, смотря по обилию корма, с востока на запад и наоборот; кочевья же голыков находятся на Голубой реке, много ниже устья Напчитай-улун-мурени. Голыков мы не видали вовсе; но ёграев встретили при подъеме на Тан-ла, а затем даже воевали с ними за перевалом через этот хребет.

Сколько можно бегло судить по нескольким десяткам виденных нами ёграев, эти последние почти не отличаются от тибетцев, кочующих южнее Тан-ла. Впрочем, между теми и другими, несомненно близко сродными племенами, вероятно, существуют некоторые мелкие отличия, неуловимые для мимолетного наблюдателя, тем более при той обстановке, в которой мы находились. Так, один из виденных нами ёграев несколько разнился по физиономии от своих собратий. Было ли то случайное, индивидуальное отклонение или подобные экземпляры встречаются между описываемым племенем более часто, узнать мы не могли.

Ниже будет рассказано о виденных нами кочевых тибетцах, об их наружности, нравственных качествах, семейном быте, одежде, жилище, занятиях и пр. Все это почти целиком относится к ёграм. Длинные, косматые, на плечи падающие черные волосы, плохо растущие на усах и бороде, угловатая физиономия и голова, темно-смуглый цвет кожи, грязная одежда, сабля за поясом, фитильное ружье за плечами, пика в руках и вечный верховой конь — вот что прежде всего бросилось нам в глаза при встрече с ёграями. Живут ёграи, как тибетцы, в черных палатках, сделанных из грубой шерстяной ткани. На стойбищах эти палатки не скучиваются, но обыкновенно располагаются попарно или по несколько вместе, невдалеке друг от друга. Грабежи караванов, следующих в Лхасу с севера и обратно, в особенности монгольских богомольцев, составляют специальное и весьма выгодное занятие ёграев. Они караулят дорогу и перевал через Тан-ла, так что ни один караван не минует здесь их рук. Раз-

бойники отбирают у путешественников часть денег и вещей, а затем отпускают подорожную далее. Если же караван многочислен и хорошо охраняется, то ёграи или отказываются от лакомой добычи или сообщая с гольками собираются большою массою для нападения. Так, в 1874 году эти разбойники, в числе 800 человек, напали на караван китайского резидента, возвращавшегося из Лхасы в Пекин и везшего с собою, помимо разных вещей, около 30 пудов золота. В охране при резиденте находилось 200 солдат, но ёграи и гольки их разогнали и нескольких убили. Затем забрали золото и более ценные вещи, а в наказание за сопротивление уничтожили носилки резидента, так что этот последний, почти не умеющий ездить верхом, много намучился при дальнейшем следовании в Синин через Северный Тибет.

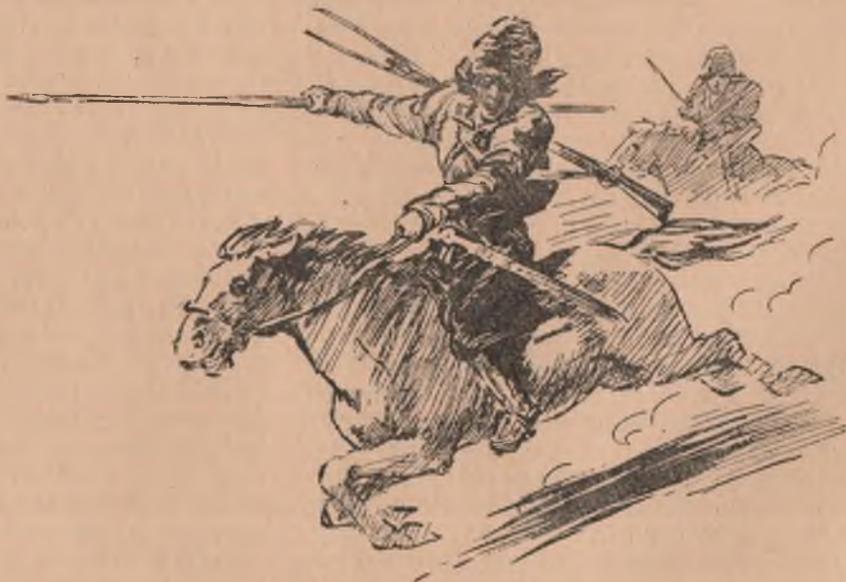
Кроме грабежей, ёграи занимаются охотою и скотоводством. Последнее, несмотря на плохие пастбища и ужасный климат, идет у них успешно. Из скота содержатся яки, бараны и в меньшем числе лошади, неизменно выносливые и весьма привычные лазить по крутым горам.

Всех ёграев считается до 400 палаток. Если положить средним числом по пять душ обоего пола на каждую из них, то получится общее число мужчин и женщин до двух тысяч. Составляя один аймак, описываемое племя подчиняется начальнику гольков, которому платит ежегодно небольшую подать — по два гина масла и по одной бараньей мерлушке с палатки.

Гольки более многочисленны. Всего их три аймака, в которых до 1500 палаток, следовательно, около 7500 душ обоего пола. Живут они, как сказано выше, на Голубой реке, гораздо ниже устья Напчитай — улан-мурени; занимаются скотоводством, охотою и частью добычей золота, для чего иногда заходят далеко вверх по Мурусу. Грабежи — та-

кой же промысел, как и у ёграев, только гольки нередко снаряжаются с подобной целью подальше, как, например, в Цайдам. Не отказываются при случае также грабить монгольских богомольцев и тибетских торговцев, следующих с товарами из Лхасы в города Донкыр и Синин или обратно. Эти торговцы даже чаще попадают голькам, чем ёграям, так как более ходят прямою дорогою, отворачивающей к востоку от караванного пути у южной подошвы Тан-ла. Как гольки, так и ёграи исповедуют буддизм, но не признают над собою ни далай-ламской, ни китайской власти. Тем не менее нередко посещают Лхасу, куда также ездит и нынешний начальник племен Арчюм-бум. Он возит подарки далай-ламе, дает также взятки и сининским властям.

После переправы через Мур-усу тотчас начался наш подъем на Тан-ла, продолжавшийся восемь суток. Шли так медленно потому, что наши животные, и без того уже сильно усталые, чувствовали себя еще хуже на этой огромной высоте. Притом нужно было двигаться по обледенелой большею частью тропинке и местами, при переходах через голый лед, посыпать песок или глину для вьючных верблюдов, иначе они вовсе не могли идти. К этому присоединились бескормица, сильные ночные морозы и встречные ветры, иногда превращавшиеся в бурю. В результате издохли еще 4 верблюда — всего 8 из 34, отправившихся в Тибет. Немало доставля-

лось и лично всем нам. Случалось, например, что мы не могли отыскать на занесенной снегом почве несколько десятков квадратных сажен ровного пространства и принуждены были разбивать свой бивуак на кочках мотоприборов или, в лучшем случае, на выдутых бурями и изрытых пищухами площадках. Затем морозы, бури и прочие невзгоды дожимали нас так же, как и прежде, пожалуй даже сугубо. В особенности трудно было делать съемку, ради которой у меня поморозились концы нескольких пальцев.

На третий день своего подъема мы встретили небольшую партию ёграев, перекочевавших с Тан-ла в бесснежную и более обильную кормом долину Мур-усу. Заметив издали наш караван и, вероятно, предполагая, что это монгольские богомольцы, несколько ёграев прискакали к нам и сильно были удивлены, увидев совершенно иных людей, которые притом несколько их не боялись. Объясниться мы не могли, так как не говорили по-тибетски; ёграи же не понимали по-монгольски. Кончилось тем, что с помощью пантомим кое-как мы расспросили про дорогу, от казаков ёграи получили несколько шепоток табаку, до которого они великие охотники.

В следующие дни мы опять встречали ёграев, иногда по несколько раз в сутки; все они шли на Мур-усу. Эти встречные, вероятно, уже получили извещение о нашем проходе, так как менее нам дивились, наоборот, вели себя довольно нахально, за что, конечно, иногда получали внушения. Однако до серьезных ссор не доходило; мы даже купили у одной партии, ночевавшей вблизи от нас, пять баранов и несколько гинов масла. Одно только казалось нам подозрительным, что приезжавшие ёграи всякий раз просили нас показать наши ружья и при этом горячо о чем-то спорили между собою.

Двигаясь ежедневно средним числом верст по пятнадцати, но поднимаясь при этом лишь на две или на три тысячи футов по отвесу, мы разбились наконец на восьмые сутки свой бивуак близ перевала через Тан-ла. Справа и слева от нас стояли громадные горы, поднимавшиеся приблизительно тысячи на две или на три футов над перевалом, следовательно, имевшие от 19 до 20 тысяч футов абсолютной высоты. Обширные ледники, в особенности к западу от нашего бивуака, укрывали собою ущелья и частью северные склоны этих гор, спускаясь по ним

почти на горизонталь перевала. До ближайшего из этих ледников расстояние было менее версты, но сильная буря и наша усталость не давали возможности сходить туда и сделать барометрическое определение.

Тощая трава, прозябающая на северном склоне Тан-ла, всего более тибетская осока, поднялась на самый перевал, но южные склоны гор здесь оголены и покрыты мелкими россыпями глинистого сланца; скал вовсе не имелось. Самый перевал весьма пологий, едва заметный. Здесь стоит буддийское «обо», изукрашенное небольшими тряпочками, исписанными молитвами и повешенными на протянутых нитках, прикрепленных к воткнутым в землю жердям; в кучах же камней, лежащих внизу, валяются головы диких и домашних яков. Как обыкновенно, в подобных местах каждый проезжий буддист кладет свое приношение, всего чаще камень или кость; если же ни того, ни другого в запасе нет, то бросает на «обо» хотя бы прядь волос со своего коня или верблюда. Мы положили на «обо» Тап-ла пустую бутылку, но ее не оказалось там, при обратном нашем следовании. Перевал, как уже было сказано ранее, имеет по барометрическому определению 16 700 футов абсолютной высоты; вечною снега здесь нет. Сначала версты на четыре раскидывается равнина, покрытая мотоприбором, а затем начинается также весьма пологий спуск на южную сторону описываемого плато.

На перевале мы сделали залп из берданок и трижды прокричали «ура». Звук этот впервые разбудил здесь эхо пустынных гор. Действительно, нам можно было радоваться своему успеху. Семь с лишком месяцев минуло с тех пор, как мы вышли из Зайсана, и за все это время не имели сряду нескольких отрадных дней. Против нас постоянно были то безводная пустыня с ее невыносимыми жарамы, то гигантские горы, то морозы и бури, то, наконец, вражда людская. Мы удачно поборол все это. Нам не давали проводников — мы шли без них, наугад, разъездами отыскивая путь, и почти не сделали шага лишнего благодаря удивительному счастью. Последнее было нашим постоянным спутником, как и в прежние мои путешествия. Счастье дало нам возможность случайно встретить вожаков-монголов в Нань-шане и выбраться оттуда в Цайдам; счастье послало нам в том же Нань-шане «Ключ благодатный», где так

хорошо отдохнули наши верблюды, иначе не прошедшие бы через Тибет; счастье привело нас от Куку-шили за Тан-ла; счастье нередко помогало и в других, более мелких случаях нашей страннической жизни...

На Сан-чю мы встретили впервые кочевья тибетцев, черные палатки которых виднелись в рассыпную там и сям по долине; между ними паслись многочисленные стада яков и баранов. Впоследствии оказалось, что здешние тибетцы, равно как и их собратья, кочующие далеко вниз по реке Тан-чю и на юг до границы далай-ламских владений, подведомственны не Тибету, а сининским, следовательно китайским, властям.

На втором переходе от Сан-чю нас встретили трое монголов, из которых один, по имени Дадай, оказался старинным знакомцем из Цайдама; двое же других были ламы из хошуна Карчин. Как Дадай, так и один из карчинских лам отлично говорили по-тибетски, чему мы несказанно обрадовались, ибо до сих пор шли без языка и объяснялись с местными жителями пантомимами.

Однако встречные монголы привезли нам перестрашенные вести. Они сообщали, что тибетцы решили не пускать нас к себе, так как еще задолго до нашего прибытия разнесся слух, что мы идем с целью похитить далай-ламу. Этому слуху все охотно поверили, и возбуждение народа в Лхасе было крайнее. По словам монголов, стар и мал в столице далай-ламы кричали: «Русские идут сюда затем, чтобы уничтожить нашу веру; мы их ни за что не пустим; пусть они сначала перебьют всех нас, а затем войдут в наш город». Для того же, чтобы подальше удержать непрошенных гостей, все нынешнее лето были выставлены тибетские пикеты от ближайшей к границе деревни Напчу до перевала Тан-ла; к зиме эти пикеты были сняты, так как в Лхасе думали, что мы отложили свое путешествие. Теперь же ввиду нашего неожиданного появления, о чем дано было знать с первых тибетских стойбищ на Сан-чю, вскоре собраны были на границе далай-ламских владений солдаты и милиция, а местным жителям воспрещено под страхом смертной казни продавать нам что-либо и вообще вступать с нами в какие-нибудь сношения. Кроме того, из той же Напчу посланы были к нам двое чиновников с конвоем в 10 солдат узнать подробно, кто мы такие, и сейчас донести об этом в Лхасу. Встреченные нами монголы отправлены бы-

ли также с этим отрядом в качестве переводчиков, но наши новые знакомцы признали за лучшее ехать вперед и обо всем предупредить нас.

В сопровождении монголов, которых, конечно, засыпали вопросами, мы сделали свой переход и уже перед остановкою встретили тибетских чиновников с их конвоем. Эти посланцы держали себя весьма вежливо и вошли в нашу юрту только по приглашению. Здесь прибывшие чиновники обратились к нам с расспросами о том, кто мы такие и зачем идем в Тибет. Я объяснил, что мы все русские и идем в Тибет затем, чтобы посмотреть эту неизвестную для нас страну, узнать, какие живут в ней люди, какие водятся звери и птицы, какая здесь растительность и т. д., — словом, цель наша исключительно научная. На это тибетцы отвечали, что русские еще никогда не были в Лхасе, что сюда с севера приходят только монголы, тангуты да сининские торговцы и что правительство тибетское решило не пускать нас далее. Я показал свой пекинский паспорт и заявил, что самовольно мы никогда не пошли бы в Тибет, если бы не имели на то дозволения китайского государя, что, следовательно, не пускать нас далее не имеют никакого права и что мы ни за что не вернемся без окончательного разъяснения этого дела. Тогда чиновники, вероятно заранее получившие приказание, как поступать в случае нашего упорства, просили нас обождать на этом месте до получения ответа из Лхасы, куда тотчас же будет послан нарочный с изложением обстоятельств дела. Ответ, как нас уверяли, мог получиться через 12 дней. На подобную комбинацию, как наиболее в данном случае подходящую, я согласился. Тогда тибетцы записали наши фамилии и число казаков, а также откуда выдан нам паспорт, и успешно уехали в Напчу. Переводчики жемонголы еще на некоторое время остались с нами.

Через день после отъезда тибетских чиновников и монголов-переводчиков к нам прибыло пятеро тибетских солдат из Напчу с предложением перенести нашу стоянку на другое, более удобное место. Мы охотно согласились на это и, продвинувшись 5 верст дорогею, ведущую в Напчу, свернули вправо версты на две — на ключевой ручей Ниерчунгу, вытекающий из подошвы горы Бумзэ. Невольная остановка эта отчасти была нам к стати и, во всяком случае, неизбежна. Как мы, так и все наши животные сильно устали,

в особенности после того, как в продолжение 13 суток, от самой Мур-усу, шли без дневок. Двое казаков простудились, а один из них, именно Телешов, даже потерял голос, так что почти не мог говорить более месяца. Отдых, следовательно, для всех нас был необходим. Затем, даже при решении идти далее, нам крайне трудно было бы это исполнить, так как от деревни Напчу до Лхасы дорога для верблюдов весьма затруднительна; с такою же громоздкою кладью, какова была наша, совершенно невозможна. В Напчу караваны богомольцев оставляют своих верблюдов и следуют далее на яках, которых нанимают у местных жителей. Для нас подобных наемщиков, вероятно, не нашлось бы вовсе.

Наконец, в-третьих, совершенно бесполезно было бы ломить вперед, наперекор фанатизму целого народа. Положим, если бы достать вьючных яков или, в крайнем случае, бросив часть кладя, взять наших усталых верблюдов, то можно было продвинуться еще немного вперед, но какую цель мог иметь подобный поход? Все мы должны бы были держаться в куче, постоянно сторожить и, быть может, не один раз пускать в дело свои берданки. Научные исследования при подобных условиях были бы невозможны. Притом мы, конечно, сильно рисковали бы собою и во всяком случае надолго оставили бы по себе недобрую память. Лучшим исходом при подобных обстоятельствах было остановиться и ждать ответа из Лхасы. Так мы и сделали.

* * *

Гора Бумза, близ восточной подошвы которой, на абсолютной высоте 15 500 футов, мы расположили свой бивуак, приобрела неожиданную известность, сделавшись крайним южным пунктом нашего путешествия по Тибету. Сама эта гора почти не выдается перед другими вершинами, рассыпанными на соседнем плато, и отличается лишь столбовидною формою.

В окрестностях нашей стоянки везде кочевали тибетцы, с которыми мы теперь и познакомились. К сожалению, знакомство было самое поверхностное, так как мы не имели в большей половине своего пребывания между этими тибетцами переводчика, услугами которого могли бы пользоваться. Выходило, что, живя среди малоизвестного населения, мы должны были ограничиться лишь наблюдениями, которые сами броса-

лись в глаза, и сведениями, которые случайно до нас доходили.

По своему наружному типу тибетцы, нами виденные, много походят на своих сородичей тангутов. В общем как те, так и другие не похожи ни на монголов, ни на китайцев, но отчасти напоминают наших цыган. Впрочем, если сделать более правильное, хотя и грубое описание физиономии описываемого народа, то следует предложить хорошенько смешать монгола с цыганом и эту смесь разделить пополам — в результате получится как раз тибетец. Более же детальный портрет будет следующий: рост мужчин средний, лишь изредка высокий; грудь впаляя; сложение вообще не сильное; цвет кожи темно-смуглый или даже светло-кофейный; череп продолговатый, сжатый с боков, поэтому лицо вытянутое; лоб плоский, переносица вдавлена; нос всего чаще прямой и тонкий; скулы немного выдающиеся; глаза большие черные, не косые и не глубоко посаженные; уши средней величины, не оттопыренные; губы иногда толстые; подбородок выдающийся; передние зубы широкие, редкие, посаженные у многих спереди десен и потому выдающиеся вперед; усы и борода растут плохо, да притом еще обыкновенно выдергиваются. Волосы на голове черные, длинные, сбитые клочковатыми прядями, словно хвосты у яков. Эти волосы никогда не стригутся, не чешутся и в беспорядке падают на плечи; сзади же заплетаются в косу, которой, впрочем, иногда и не бывает. Ламы бреют всю голову. Коса обыкновенно надставляется шелковыми нитками и украшается костяными кольцами, красными кораллами, бирюзою или медными и костяными бляхами. Кроме того, описываемые тибетцы нередко носят, обыкновенно в левом ухе, серебряные, иногда очень большие серьги; на пальцы надевают серебряные перстни...

Зимняя одежда тибетцев как у мужчин, так и у женщин состоит из длинной бараньей шубы, покрытой у более зажиточных далембой или красной шерстяной материей. Шуба эта подпоясывается таким образом, что образует на поясице мешок; правый рукав у мужчин обыкновенно спущен, и рука остается голою, иногда даже в холод. Рубашек и панталон не носят; вместо последних надевают овчинные наколенники. Салоги шьются из грубой шерстяной материи, украшенной красными и зелеными продольными полосами; голенища до колен, подошвы ко-

жаны, чулков не знают. На голове оба пола носят бараньи или лисьи шапки, иногда же повязки из красной материи; часто, несмотря на мороз, голова остается непокрытой.

За поясом, впереди живота, у мужчин всегда надета сабля с весьма плохим клинком, но часто снаружи богато отделанная серебром, бирюзой и крупными красными кораллами; кроме того, за поясом же торчит длинная трубка, а с левого бока висит ножик и мешочек с разными мелочами. За плечу, или, вернее, в мешок, образуемый подпоясанною шубой, кладутся чашка, кисть с табаком и изредка даже платок, в которых сморкаются. У женщин за поясом также висит ножик и мешок с мелочами; иногда здесь привешиваются ключи и связка китайских медных монет.

Жилище тибетца, как зимнее, так и летнее, составляет черная палатка, сделанная из грубой, сотканной из волос яка, материи. Форма этой палатки почти квадратная; высота в большой рост человека; площадь внутреннего пространства бывает различна, смотря по величине семьи и зажиточности хозяина. Подпорками внутри служат три деревянных кола, поставленных один посередине, два же других — по бокам крыши, почти плоской. От наружных верхних углов и от середины каждого бока протянуты веревки, прикрепленные к земле также кольями. Вверху, почти посередине крыши, сделано продолбое отверстие для света и выхода дыма. На земле под этой щелью, в середине жилья, устроен квадратный глиняный очаг, в котором днем, по крайней мере зимою, постоянно горит аргал; здесь же в плоском железном котле варится чай и еда. Возле очага разостланы для сидения бараньи, иногда волчьи шкуры, на которых, вероятно, и спят ночью. По внутренним бокам описываемой палатки складывается в виде фундамента сухой аргал, покрытый иногда в заднем углу грубою шерстяною материей. На таких подмостках лежит платье, запасы провизии и домашняя утварь. Последняя, впрочем, весьма незатейлива и состоит, кроме горшков и чашек, предназначенных отдельно для каждого члена семьи, из небольших деревянных кадок, где держат кислое молоко, а также из глиняных кувшинов или, чаще, из пустых яковых рогов, в которых сохраняется свежее молоко. С наружной стороны почти каждой палатки устраивается из аргала загон для ночевки баранов.

Несколько палаток, иногда с десятков и более, чаще же менее, соединяются в одно стойбище. Места таких стойбищ, равно как и продолжительность пребывания на них, соотносятся с временами года и достаточностью корма для скота.

Главною пищей описываемых кочевников служит баранье или, реже, яковое мясо, которое они едят довольно часто сырым.

Подспорьем к мясной пище служит чай с сушеным творогом, называемым чурою; кроме того, в чай добавляется молоко и масло. Наконец, весьма любимым блюдом служит тарык, то есть вскипяченное и потом скисшее молоко.

Исключительное занятие виденных нами тибетцев составляет скотоводство. Земледельческий район отодвигается далее, в местности, ближайšie к Лхасе и вниз по реке Тан-чю, где верстах в ста ниже устья Сан-чю скучено, как нам сообщали, довольно густое население тех же подведомственных Синину тибетцев, занимающихся земледелием. Из скота всего более содержатся яки и бараны; в меньшем числе лошади и козлы; обыкновенных коров здесь нет вовсе.

Яки, разводимые тибетцами, встречаются также в Северной Монголии и в горах Алашаньских, но лишь в Тибете имеют свою настоящую родину. Здесь, на необозримых высоких плоскогорьях, изрезанных горными хребтами, животное это находит все любимые условия своего существования: обилие воды, прохладу в разреженном воздухе и обширные пастбища. Однако последние доставляют лишь скудный корм, главным образом жесткую тибетскую осоку на мотышиках¹; помимо этих болот, если и выдается где-нибудь подобие луга, то трава здесь, мелкая, едва поднимающаяся от земли, до того иссушивается бурями, что пасущиеся яки принуждены бывают не щипать, но лизать эту траву своим грубым языком. Несмотря на подобную пищу, тибетские яки дают такое же превосходное молоко, как и яки, пасущиеся на роскошных альпийских лугах Восточного Нань-шаня. Помимо этого молока, из которого приготавливаются отличное масло, тарык и чура, яки доставляют своим хозяевам мясо, кости и грубую шерсть, обстригаемую обыкновенно в фев-

¹ Мото-ширики — кочковатые болота, поросшие жесткой осоковой растительностью. (Примеч. редактора.)

рале; кроме того, животные эти во всем Тибете служат, подобно монгольским верблюдам, для перевозки тяжестей и отчасти для верховой езды. По крутым горам и по самым опасным тропинкам выючный или верховой як идет уверенною поступью и никогда не оплошает. Даже по льду он ходит и бегаёт хорошо; там, где очень скользко, катится на своих копытах, словно на коньках. Преобладающий цвет домашнего яка черный, иногда светло-коричневый или пегий; гораздо реже встречаются совершенно белые экземпляры или черные с белыми хвостами. Такие хвосты, как известно, дорого ценятся в Индии и Китае. Нрав описываемого яка дикий, свирепый; охотно они слушаются лишь своих пастухов. В нас же яки всегда узнавали чужих людей и иногда даже бросались к нашему каравану, так что во избежание свалки мы принуждены были стрелять дробью в наиболее злых быков. В караване выючные яки, у которых обыкновенно продето сквозь нос деревянное кольцо для веревки, заменяющей узду, не привязываются один к другому, подобно верблюдам, но идут свободно, кучею и даже кормятся по пути. На каждое животное кладется выюк пудов в пять. Но для того чтобы завьючить яка, необходимо уметь туземца, да и то иногда наиболее злые или еще непривычные экземпляры бодают своих вожakov и сбрасывают выюк.

Сравнительно с домашним яком Северной Монголии, тибетский его собрат отличается меньшим обилием или даже отсутствием длинных волос на спине и верхних боках туловища, чем весьма походит на живущего рядом яка дикого, несомненно прародителя домашней породы.

Бараны, содержимые тибетцами в меньшем обилии, чем и яки, отличаются от баранов монгольских измененными рогами и отсутствием курдюка. Рост их большой, нрав дикий, окраска преимущественно белая; голова же черная или, реже, коричневая; нередки и пегие экземпляры; шерсть очень длинная, но грубая. Мясо вкуса незavidного; да и жирны описываемые бараны никогда не бывают, конечно, вследствие плохих пастбищ. Баранье мясо для тибетцев, как и для всех nomадов Азии, составляет любимое кушанье; молоко тех же баранов употребляется, как коровье, для еды и на масло; шерсть и шкура доставляют предметы одежды. Наконец, баран в Тибете служит выючным животным и с кладью в 25 фунтов

проходит целые тысячи верст. Вместе с баранами тибетцы держат и коз, но в небольшом сравнительно количестве.

Лошади тибетские небольшого роста, с грубыми статями и длинною шерстью, но весьма сильные и выносливые; нрава смирного. Они довольствуются самым скудным кормом; кроме того, взамен зернового хлеба едят сушеный творог (чуру), а иногда даже сырое мясо. Тем и другим туземцы кормят своих коней, когда пастбища станут уже чересчур плохи, а также во время сильных зимних морозов. От твердой травы на мото-шириках зубы здешних лошадей рано стираются.

Родившись и выросши на громадной абсолютной высоте, тибетские лошади не чувствуют усталости в здешнем разреженном воздухе и с седоком на спине быстро взбираются даже по крутым горам. К такому лазанью применены и вполне ступковидные, не знающие подков копыта описываемых лошадей.

Вообще скотоводство у тибетцев идет очень хорошо, чему трудно даже поверить, зная скудость здешних пастбищ и неблагоприятный климат. Но в Тибете, как и во всех пустынях Центральной Азии, существуют три великих блага для скота: обилие соли в почве, отсутствие летом кусающих насекомых и простор выгонов, по которым животные гуляют круглый год, не зная зимней неволи наших стран.

Из обычаев тибетцев узнали также многое. При визитах здесь меняются друг с другом, взамен наших карточек, так называемыми хадаками — небольшими, в виде платка или, чаще, полотенца, отрезками белой или зеленоватой шелковой материи различного качества, смотря по состоянию и взаимному отношению знакомящихся лиц. Обычай этот, существующий во всем Тибете, проник также к тангутам и частью к монголам, в особенности южным. Кроме того, при встрече и прощанье, в особенности младшего со старшим, первый снимает шапку и наклоняет немного голову, высывая при этом язык. В знак удивления те же тибетцы дергают себя за щеку. В разговорах с равными, подобно китайцам и монголам, нередко жестикулируют пальцами рук, показывая их лицу, с которым ведется речь: большой из пальцев означает одобрение или вообще хорошее качество; мизинец — наоборот; средние пальцы выражают и среднее качество вещи. Все мужчины, нередко и женщины, курят табак, но водки не пьют. Впрочем, пьянство в

Центральной Азии — порок почти неизвестный. Каждый тибетец имеет свой особый горшок и чашку, из которых пьет и ест отдельно от других членов семьи. Принимать пищу или питье из чужой посуды, в особенности от иностранца, считается осквернением и большим грехом. Чашки обыкновенно носят за пазухой и, как у монголов, считаются предметом щегольства; поэтому нередко их вытачивают из дорогого дерева и отделывают серебром.

Обычай хоронить мертвых состоит в том, что их прямо выбрасывают в поле на съедение волкам, вбронам и грифам; но ламы, насколько кажется, закапываются в землю. В самой Лхасе, как нам сообщали и как известно от прежних путешественников, судьба жертвенца решается ламами, которые по гаданию определяют, каким образом должен быть погребен труп: сожжен ли, брошен ли в реку, закопан в землю или отдан на съедение птицам и зверям. В последнем случае жертвенца отвозят в степь и здесь во время чтения молитв режут тело на куски, которые бросают собравшимся грифам. Птицы эти хорошо знакомы с подобною добычей и мигом слетаются на нее, не боясь вовсе людей; когда скелета разламывают и бросают тем же грифам. Память умерших свято почитается.

На бивуаке близ горы Бумза нам суждено было провести 18 суток в тревожном ожидании ответа из Лхасы. От этого ответа зависела участь дальнейшего нашего путешествия. Верилось и не верилось насчет получения дозволения посетить столицу далай-ламы, откуда, быть может, мы сходили бы и в другие части Тибета. На случай отказа в пропуске я решил тотчас же идти назад в Цайдам и посвятить предстоящую весну, а если будет возможно, то и лето, исследованию верховьев Желтой реки, где, как известно, не бывали еще европейцы.

Теперь же наше положение оказывалось двойное неблагоприятным: во-первых, по неизвестности дальнейшей судьбы нашей, а во-вторых, потому, что мы были заперты и впереди и позади.

На Тан-ла, как с большим вероятием можно было предполагать, нас ожидали ёграи; впереди стояли тибетские войска, которых вместе с милицией собрано было в деревне Нипчу до 1000 человек. От этого отряда человек двести расположены были авангардом на границе далай-ламских владений.

Первые дни невольной нашей остановки

посвящены были экскурсиям по окрестностям и писанию различных заметок; казаки тем временем заняты были починкою износившейся одежды и вьючных принадлежностей. Вскоре все это было покончено, и мы не знали, куда деваться от скуки, проводя целые дни и ночи в дымной, холодной юрте. Температурное бездействие тяготило, пожалуй, хуже, чем все труды предшествовавшего перехода по Тибету, тем более что и нравственное наше состояние нельзя было назвать удовлетворительным ввиду неизвестности дальнейшей судьбы нашей экспедиции. Выходило, что вместо желанного отдыха мы нашли себе чуть не заточение, которое притом отзвучивалось и на здоровье всех нас, несмотря на то что даже ночные караулы для казаков были отменены. Возможно было это сделать потому, что местные жители достаточно ознакомились с нашим оружием; притом по ночам светила полная луна, и обе наши зайсанские собаки чутко бодрствовали.

Единственным нашим развлечением была охота за ягнятниками и снежными грифами, которые беспрестанно прилетали к нашему бивуаку в надежде поживиться куском бараньего мяса. Никогда не преследуемые в Тибете человеком, наоборот — постоянно получающие от него подачки в виде мертвых тел, эти громадные и осторожные птицы вели себя крайне доверчиво.

Грифы были еще несколько осмотрительнее, но ягнятники садились прямо возле нашей кухни, иногда не далее 20 или 30 шагов от занятых варкою пищи казаков. Странно было даже с непривычки видеть, как громадная птица, имеющая около 9 футов в размахе крыльев, пролетала всего на несколько шагов над нашею юртою или над нашими головами и тут же опускалась на землю. Стрелять дробью в такую машину казалось как-то стыдно да, пожалуй, часто и бесполезно; поэтому все ягнятники убивались пулями из берданок. Вскоре мы настреляли десятка два этих птиц, из которых шесть наилучших экземпляров взяты были для коллекции.

Снежные грифы, как сказано выше, вели себя осторожнее ягнятников. Они постоянно только парили над нашим бивуаком, а затем усаживались, иногда кучею, на скате горы, шагах в пятистах от нашего стойбища. Тогда все мы, 12 человек, посылали в них залп из берданок, но, к удивлению, большею частью безуспешно. Пробовал я стрелять в лет этих громадных птиц, но опять-таки мало

выходило толку. Правда, пуля почти всегда громко шелкала в маховые перья могучих крыльев, но в самое туловище не попадала, хотя расстояние не превосходило 200 или 300 шагов и гриф, как обыкновенно, летел совершенно плавно. Впрочем, туловище самой птицы сравнительно невелико, немного больше гусиного, и попасть пулею в такую малую, притом движущуюся цель на значительную дистанцию, конечно, очень трудно. Выпустив несколько десятков патронов, я убил в лёт только двух ягнятников и ни одного снежного грифа. Тогда решено было добыть этих птиц посредством отравленного мяса. Посылав кишки и прочие внутренности зарезанного для еды барана синеродистым калием, мы выложили их на то место, где обыкновенно садились снежные грифы. Последние, конечно, тотчас заметили приманку, но сразу заподозрили что-то недоброе. Долго, пожалуй, часа два или три, кружились терпеливые птицы над соблазнительною едою, садились возле нее на землю, затем опять поднимались, но все-таки не трогали. Тем временем успели стравиться два ягнятника, которых мы тотчас же убрали. Обстоятельство это еще более усилило подозрительность снежных грифов. Их собралось уже штук тридцать или сорок, круживших над местом приманки целою стаею, красиво пестревшюю на темно-голубом фоне ясного неба. Наконец вдруг один из грифов, быть может еще неопытный или наиболее жадный, стремглав наискось полетел к приманке, сел возле нее и принялся за кишки. Это было сигналом для остальных птиц, которые все сразу бросились к своему товарищу. Но не успели еще опуститься задние экземпляры, как стая снова поднялась и испуганно полетела прочь. Оказалось, грифы уже успели схватить отравленное мясо, и яд подействовал так быстро, что шестеро из них мгновенно упали мертвыми. За ними тотчас же были посланы казаки, которые и принесли добычу к нашему бивуаку.

Тибетцы, кочевавшие в окрестностях нашей стоянки, сначала сильно чуждались нас, так что лишь под угрозю грабежа продавали нам баранов. Но затем, освоившись с нашим здесь пребыванием, притом видя, что мы никому и ничего дурного не делаем, местные кочевники ежедневно стали являться к нам то в качестве зрителей, то принесли продавать масло и чуру или приводили на продажу баранов и лошадей. За все это

запрашивали цены непомерные и вообще старались надуть всяческим образом. Вместе с мужчинами иногда являлись и женщины, которых влекло главным образом любопытство.

К сожалению, незнание языка чрезвычайно мешало нам. Объяснялись мы большею частью пантомимами или с помощью нескольких монгольских слов, которые понимали некоторые из тибетцев.

Типы приходивших к нам как мужчин, так и женщин втихомолку срисовывал В. И. Роборовский, всегда искусно умевший пользоваться для этого удобными минутами. Когда, в свою очередь, нам или, чаще, нашим казакам случалось заходить в палатки соседних тибетцев, то эти последние, видимо, старались поскорее выпроводить непрошенных гостей; ни разу не предлагали чаю или молока, что всегда делается в каждой монгольской юрте; словом, не выказывали гостеприимства — лучшего обычая всех азиатских кочевников.

Проход наш без проводника через Северный Тибет, наше скорострельное оружие и умение стрелять — все это производило на туземцев необычайное впечатление, еще более усиливавшееся теми нелепыми слухами, которые распускала про нас народная молва. Так, везде уверяли, что мы трехглазые, чему поводом служили кокарды наших фуражек; что наши ружья убивают на расстоянии необычайном и стреляют без перерыва сколько угодно раз, но сами мы неуязвимы; что мы знаем все наперед и настолько сильны в волшебстве, что даже наше серебро есть заколдованное железо, которое со временем примет свой настоящий вид. Ради этой последней нелепости тибетцы сначала не хотели продавать нам что-либо и лишь впоследствии разуверились в мнимой опасности, хотя все-таки не вполне.

На шестнадцатый день нашего стояния близ горы Бумза, именно 30 ноября, к нам наконец приехали двое чиновников из Лхасы в сопровождении начальника деревни Напчу и объявили, что в ту же Напчу прибыл со свитою посланник (гуцав) от правителя Тибета номун-хана, но что этот посланник лично побывать у нас не может, так как сделался нездоров после дороги. Вместе с тем приехавшие объяснили, что, по решению номун-хана и других важных сановников Тибета, нас не велено пускать в Лхасу.

Я велел своим переводчикам передать приехавшим чиновникам, что так как не они

же уполномочены тибетским номун-ханом объявить мне мотивы и решение не пускать нас далее, то я желаю непременно видаться и переговорить с главным посланцем; затем прошу, чтобы о нашем прибытии тотчас было дано знать китайскому резиденту и от него привезено дозволение или недозволение идти нам в Лхасу, а равно присланы письма и бумаги, которые непременно должны быть получены из Пекина тем же амбассадом на наше имя. Наконец, я заявил, что если через два — три дня тибетский посланник к нам не приедет, то я сам пойду к нему в Напчу для переговоров.

Чиновники обещали исполнить мои желания, но при этом умоляли, чтобы мы не двигались вперед, так как в подобном случае им не избежать сильной кары по возвращении в Лхасу.

Действительно, подобное наше движение, вероятно, было для тибетцев крайне нежелательно, так как через день после отъезда первых вестовщиков к нам явился сам посланник со свитой. Немного ранее его приезда недалеко от нашего стойбища были приготовлены две палатки, в которых прибывшие переоделись и затем пришли к нам. Главный посланец, как еще ранее рекомендовали его нам прибывшие чиновники, был один из важных сановников Тибета, быть может, один из четырех калунов, то есть помощников номун-хана. Имя этого сановника было Чжигмед-Чойчжор. Вместе с ним прибыли наместники трех важных кумирен и представители тринадцати аймаков собственно далай-ламских владений.

Главный посланник был одет в богатую соболью курму мехом наружу; слутники же его имели платье попроще.

После обычного вопроса о здоровье и благополучии пути посланник обратился к нам с вопросом: русские ли мы или англичане?

Получив утвердительный ответ на первое, тибетец повел длинную речь о том, что русские никогда еще не были в Лхасе, что северным путем сюда ходят только три народа: монголы, тангуты и китайцы, что мы иной веры, что, наконец, весь тибетский народ, тибетский правитель номун-хан и сам далай-лама не желают пустить нас к себе. На это я отвечал, что хотя мы и разной веры, но бог один для всех людей; что по закону божескому странников, кто бы они ни были, следует радушно принимать, а не прогонять; что мы идем без всяких дурных намерений, собственно посмотреть Тибет и изучить его научно; что, наконец, нас всего 13 человек, следовательно, мы никоим образом не можем быть опасны. На все это получился тот же самый ответ: о разной вере, о трех народах, приходивших с севера, и т. д. При этом как сам посланник, так и вся его свита, сидевшие в нашей юрте, складывали свои руки впереди груди и самым униженным образом умоляли нас исполнить их просьбу — не ходить далее. О каких-либо угрозах не было и помину; наоборот, через наших переводчиков прибывшие тибетцы предлагали оплатить нам все расходы путешествия, если мы только согласимся повернуть назад. Даже не верилось собственным глазам, чтобы представители могущественного далай-ламы могли вести себя столь униженно и так испугаться горсти европейцев. Тем не менее это было фактом, и фактом знаменательным для бу-

дущих попыток путешественников проникнуть в Тибет.

Хотя мы уже достаточно сроднились с мыслью о возможности возврата, не дойдя до Лхасы, но в окончательную минуту такого решения крайне тяжело мне было сказать последнее слово: оно опять отодвигало заветную цель надолго, быть может навсегда, и завершало неудачей все удачи нашего путешествия. Но идти наперекор фанатизму целого народа для нас было бесцельно и невозможно — следовало по-

кориться необходимости.

Оставив в стороне вопрос об уплате издержек как недостойный чести нашей, я объявил тибетскому посланнику, что ввиду всеобщего нежелания тибетцев пустить нас к себе, я соглашаюсь возвратиться; только просил, чтобы посланники выдали мне от себя бумагу с объяснением, почему не пустили в столицу далай-ламы. Тогда тибетцы попросили дать им несколько времени на обсуждение подобного заявления и, выйдя из нашей юрты, уселись невдалеке на землю в кружок, где советовались с четверть часа. Затем опять возвратились к нам, и главный посланник сказал, что требуемой бумаги он дать не может, так как не уполномочен на то ни далай-ламой, ни номун-ханом. Желая на всякий случай иметь подобный документ, я объявил в ответ на отказ тибетцев: завтра утром мы выступаем со своего бивуака; если будет доставлена требуемая бумага, то пойдем назад, если же нет, то двинемся к Лхасе.

Опять начался совет между посланцами, и наконец главный из них передал через нашего переводчика, что он и его спутники согласны дать упомянутую бумагу, но для составления ее всем им необходимо вернуться к своему стойбищу, расположенному верстах в десяти от нас, на границе далай-ламских владений. «Там, — добавил посланник, — мы будем вместе редактировать объяснения насчет отказа о пропуске вас в Лхасу,

и если за это впоследствии будут рубить нам головы, то пусть уже рубят всем». В ответ я сказал посланнику, что путешествую много лет, но нигде еще не встречал таких дурных и негостеприимных людей, каковы тибетцы; что об этом я напишу и узнает целый свет; что рано или поздно к ним все-таки придут европейцы; что наконец пусть обо всем этом посланник передаст далай-ламе и номун-хану. Ответа на подобное нравоучение не последовало. Видимо, тибетцам всего важнее теперь было выпроводить нас от себя; об остальном же, в особенности о мнении цивилизованного мира, они слишком мало заботились.

Утром следующего дня, лишь только начало всходить солнце, тибетские посланцы снова приехали к нам и привезли требуемую бумагу. Началось чтение ее и перевод с тибетского языка на монгольский, а с монгольского, через казака Иринчинова, на русский.

По прочтении бумага за печатью посланника была передана мне. Тогда скрепя сердце я объявил, что возвращаюсь назад, и велел снимать наш бивуак. Пока казаки разбирали юрту и выючили верблюдов, мы показывали тибетцам свое оружие и опять уверяли, что приходили к ним без всяких дурных намерений; наоборот, с самыми дружескими чувствами. Поверили ли посланцы этому или нет, но только под влиянием успеха своей миссии они весьма любезно распрощались с нами. Потом, стоя кучею, долго смотрели вслед нашему каравану, до тех пор пока он не скрылся за ближайшими горами. Конечно, в Лхасе, да и во всем Тибете, возвращение наше будет представлено народу как результат непреодолимого действия ламских заклинаний и всемогущества самого далай-ламы.

Итак, нам не удалось дойти до Лхасы: людское невежество и варварство поставило тому непреодолимые преграды! Невыносимо тяжело было мириться с подобною мыслью и именно в то время, когда все трудности далекого пути были счастливо поборены, а вероятность достижения цели превратилась уже в уверенность успеха. Тем более, что это была четвертая с моей стороны попытка пробраться в резиденцию далай-ламы: в 1873 году я должен был по случаю падежа верблюдов и окончательного истощения денежных средств вернуться от верховья Голубой реки; в 1877 году по неимению проводников и вследствие препятствий со стороны Якуб-бе-

ка кашгарского вернулся из гор Алтын-таг за Лобнором; в конце того же 1877 года принужден был по болезни возвратиться из Гучена в Зайсан; наконец теперь, когда всего дальше удалось проникнуть в глубь Центральной Азии, мы должны были вернуться, не дойдя лишь 250 верст до столицы Тибета.

Необычайно скучными показались нам, в особенности первые, дни нашего обратного движения в Цайдам. Помимо недостижения Лхасы как главной причины, вызывавшей общее уныние, невесело было подумать и о будущем. Здесь перед нами опять лежали многие сотни верст трудного пути по Северному Тибету, на морозах и бурях глубокой зимы, которая теперь наступила. Наконец, самое снаряжение нашего каравана теперь далеко нельзя было назвать удовлетворительным. Несмотря на все старания, во время стоянки на ключе Ниер-чунгу мы могли купить и променять только 10 лошадей; верблюдов, годных для пути, осталось лишь 26; из них почти половина были слабы, ненадежны. Затем для собственного продовольствия помимо баранов и масла мы добыли только 5 пудов дзамбы и $\frac{1}{2}$ пуда сквернейшего кирпичного чая, который монголы совершенно верно называли «мото-цай», то есть чай деревянный, так как его распаренные листья вполне походили на листья старого венника. В видах необходимой экономии чай этот, один и тот же, варился по нескольку раз, а дзамба выдавалась по небольшой чашке в день на человека. К довершению огорчений, мы даже не получили писем, присланных в Лхасу через наше посольство из Пекина. Тибетские посланцы категорически отказались от передачи нам этих писем, объясняя, что если они присланы китайскому резиденту, то последний по нашему уходе отошлет всю корреспонденцию обратно в Пекин, что действительно потом и случилось.

Здоровье наше, в общем, также нельзя было похвалить, несмотря на долгий отдых, который все мы только что имели. Между тем необходимо было держаться настороже, ради чего по ночам казаки дежурили попарно в три смены, мы же спали не раздеваясь; в караване все ехали, как и прежде, вполне вооруженные.

Вместе с нами теперь отправлялись и приятели монголы, оказавшие нам немало

услуг, в особенности в последние дни пребывания на ключе Ниер-чунгу. Как говорилось выше, двое из этих монголов были ламы из хошуна Карчин, а третий — цайдамец, по имени Дадай; он приходился племянником тому самому Чутун-дзамбе, который служил нам проводником во время первого путешествия по Северному Тибету в конце 1872 и в начале 1873 года. Подобно своему дяде, Дадай отлично знал путь, так как уже восемь раз ходил из Цайдама в Лхасу проводником караванов — то богомольческих, то торговых. Хотя новый вожак взял с нас высокую цену, но зато мы могли пользоваться от него необходимыми расспросами и пройти более 500 верст по новым местностям.

Услуги Дадая сказались на первых же порах: с его помощью мы закупили свое скудное продовольствие, а на реке Сан-чю приобрели еще четырех верховых лошадей, которые для нас были крайне необходимы; затем Дадай секретно разведаль, что вслед за нами на один переход поедут 30 тибетских солдат, обязанных ежедневно доносить в деревню Налчу, что мы делаем; все же тибетские посланцы будут жить в той же Налчу, пока мы не перевалим за Тан-ла.

При перевале через Тан-ла проводник сообщил нам две легенды, трактующие об этой местности. В первой из легенд говорится, что в давние времена на горе, близ перевала, жил злой дух, напускавший всякие беды на проходившие караваны. Умилостивить его невозможно было никакими жертвами. Тогда один из тибетских святых, ехавший из Лхасы в Пекин, поднявшись на Тан-ла, специально занялся искоренением опасного дьявола и так донял его своими молитвами да заклинаниями, что тот обратился в веру буддийскую и сделался добрым бурханом (божком), который теперь покровительствует путникам. С тех пор, уверенно добавил монгол, проходить здесь стало гораздо легче.

Вторая легенда гласит, что много лет тому назад, когда еще все буддийские святые пребывали в Тибете, халхаский хан Галдзу-Абуте направился сюда с войском, чтобы похитить далай-ламу и перевезти его на жительство в свои владения. Тибетцы не могли силою остановить монголов, но с помощью своих святых напустили на них каменный град, который побил множество неприятельских воинов; сверх того, часть их истребили дикие яки. Однако Галдзу-Абуте с уцелевшими 16 человеками дошел до Лхасы, за-

владел одним из важных хубилганов, то есть святых, и с его согласия перевел этого святого на жительство в Ургу. С тех пор там пребывает великий кутухта. Каменный же град, сыпавшийся с неба на монголов, до сих пор еще лежит на северном склоне Тан-ла в верховьях реки Тан-чю. Действительно, там, недалеко влево от нашего пути, верстах в десяти от перевала, на одной из речек, притекающих с западных гор, проводник указал нам большие кучи каменных шариков величиною от обыкновенного до грецкого ореха. Шарик эти оказались обыденными известковыми конкрециями (стяжениями), вымытыми, по-видимому, из лёсса и нанесенными в кучи тою же речкою при большой воде. Пройдохи монгольские ламы набирают с собой целые вьюки этой святости в Халху и, конечно, дома не остаются в убытке.

На последнем переходе с Тан-ла нам удалось на дневке в горной группе Джола отлично поохотиться за альпийскими куропатками, или уларами.

В Центральной Азии известны три вида этой замечательной птицы, а именно: улар тибетский, свойственный исключительно всему Тибету; улар гималайский, обитающий на Гималае, Тянь-шане, Сауре и, спорадически, в Западном Нань-шане; наконец улар алтайский, живущий в Алтае и Хангае. Образ жизни, голос и привычки всех этих видов почти одинаковы.

Везде улар является жителем высоких диких гор и притом самого верхнего, альпийского их пояса. В глубине Центральной Азии я нигде не находил эту птицу ниже 10 тысяч футов абсолютной высоты; иногда же, как, например, на Тан-ла и в других хребтах Северного Тибета, улары поднимаются до

16 тысяч футов над уровнем моря. На подобных высотах зимой и летом господствуют почти постоянные холода и непогода, пища здесь самая скудная, везде дикие скалы или безжизненные россыпи, но улары все-таки не покидают своей родины и не переходят в более низкий горный пояс. Разве зимой, когда выпадает снег, описываемые птицы спускаются из своих заоблачных высот пониже или, чаще, перекочевывают на южные, малоснежные склоны гор. Холода улары не боятся и проводят долгие зимние ночи на морозах в -30°C . Густое оперение птицы достаточно защищает ее в данном случае; притом к вечеру улар всегда позаботится набить полнехонький зоб корешками или травой, так что переваривающаяся до утра пища также способствует обогреванию птицы.

Питается улар исключительно растительностью альпийских лугов: корнями трав и их снежными листьями; чеснок и лук составляют любимейшее кушанье, так что в тех горах, где подобной пищи много, мясо улара, вообще весьма вкусное, напоминающее мясо индейки, пропитывается неприятным чесночным запахом.

Весной, более или менее ранней, смотря по климату местности, улары разбиваются на пары, и с тех пор до выхода молодых самцов усердно кричит, в особенности по утрам. Оплодотворенная самка устраивает гнездо на земле или в расселине скалы. Вылупившиеся цыплята, числом от 5 до 10, держатся с матерью и отцом, которые их очень любят и усердно охраняют. При опасности выводок спасается лѐтом, или если цыплята еще малы, то они залегают между камнями; старики же в это время стараются отвлечь на себя внимание врага. Затем, когда опасность миновала, выводок скликивается и иногда переходит на другое место. Притаившегося улара, даже взрослого, чрезвычайно трудно заметить, в особенности в каменной россыпи.

Поздней осенью несколько выводков соединяются в одно стадо, которое живет дружно до весны и имеет общий ночлег в одном и том же месте. С такого ночлега улары поднимаются самым ранним утром, чуть забрезжит заря, и улетают на покормку на целый день, часто довольно далеко. При подъеме с места и во время полета птицы эти всегда громко кричат.

Главными врагами уларов являются орлы, в особенности хищный беркут; филин

также, вероятно, истребляет этих птиц. Зато в глубине Центральной Азии они не преследуются человеком; тем не менее улары и здесь достаточно осторожны, за исключением разве Тибета.

Охота на уларов вообще весьма заманчива, хотя и сопряжена с большими трудностями по самому характеру местности, в которой обитает описываемая птица. Я всегда предавался этой охоте с увлечением и никогда не упускал удобного к тому случая. Всего лучше идти вдвоем за уларами, предварительно высмотрев и определив место, где находятся эти птицы. Последние, заметив охотника, обыкновенно пускаются бегом в гору; если же человек покажется сверху, то улары не бегут в низ горы, но тотчас же слетают и перемещаются на другую сторону ущелья. Там их встречает товарищ первого охотника и, пользуясь местностью, или подкрадывается к птицам, или, чаще, поджидает их, спрятавшись между камнями, так как севшие внизу улары непременно отправятся пешком в верх горы, иногда далеко. Вообще эта сильная птица отлично бегает по горам и, будучи подстреленной, почти всегда уходит от охотника. Притом улар чрезвычайно вынослив на рану; стрелять его нужно самой крупной дробью из отличного ружья, да и то редко когда убьешь наповал далее 50 шагов. Если улары в большом стаде и притом не напуганы, то охотники вдвоем или втроем могут вдоволь пострелять, подгоняя птиц от одного стрелка к другому. Весной охотиться на уларов можно, подкрадываясь к самцам, которые, сидя на скалах или прогуливаясь по россыпям, кричат, не умолкая, целое утро.

Но всего интересней бывает охота за описываемыми птицами, если подкарауливать их на месте ночлега. Правда, приходится, как, например, в Тибете, сидеть нередко на высоте, превосходящей вершину Монблана, на сильном морозе, иногда еще с ветром, зато интерес верной добычи искупает все эти невзгоды.

Местом своего ночлега улары выбирают обыкновенно одинокие скалы на высоких, труднодоступных горных вершинах. Под этими скалами, на земле, в защите от ветра, залегают на ночь плотной кучей. Подобные излюбленные уголки служат для ночевки описываемых птиц много лет сряду, судя по обилию помета, которого иногда можно собрать несколько десятков возов. Непуганые улары прилетают на ночлег тотчас по закате

солнца; но там, где эти птицы испытали преследование человека, они являются только в поздние сумерки к месту своей ночевки. Тут-то и караулит охотник. Забраться в засадку следует раньше солнечного заката и хорошенько спрятаться; не худо также одеться потеплей.

Сидишь, бывало, в такой засадке и с нетерпением смотришь на солнце, которое как-то лениво прячется на западе горизонта. Нижние долины уже в тени, а между тем вершины гор все еще освещены. Наконец солнце заходит, и зимняя багровая заря разливается на месте заката. Нетерпение и охотничья ажитация увеличиваются — прислушиваешься к каждому звуку, к каждому шороху... Вот стадо клушиц уселось ночевать на ближайшей скале; вот сокол-пустельга прилетел туда же; но уларов все еще нет. Наконец раздается вдаль знакомый крик желанных птиц, и большое их стадо, обогнув дальние скалы, быстро несется вверх, затем опускается за две — три сотни шагов от места ночлега. Усевшись на землю, улары тотчас же бегут к своему знакомому уютному уголку. Еще несколько мгновений — и все стадо длинной вереницею подбегает к охотнику в меру близкого выстрела. Желанная минута! В темноте сумерек блеснут раз за разом два огонька, и загремит по ущельям эхо двух выстрелов. Улары поражены неожиданностью... однако, не желая расстаться с ночлегом, не улетают, но лишь отбегают в сторону. Тем временем охотник спешит зарядить свое ружье, не показываясь из засадки. Проходит минут пять — десять, и улары, не замечая никого, снова бегут к ночевке, иногда только с противоположной стороны. Теперь уже довольно темно, и птиц издали не видно, слышен лишь голос вожака. С замирающим сердцем всматриваешься в темноту и наконец различаешь близко бегущее стадо. Опять гремят два выстрела, и опять улары убегают прочь; но спустя немного снова возвращаются и снова попадают под выстрелы. Между тем уже совершенно стемнело — верно прицелиться невозможно. Тогда охотник выходит из засадки, собирает добычу и отправляется к своему бивуаку, огонь которого, словно маяк, блестит внизу, в ближайшей долине. Спуск с крутой горы, по каменной россыпи, притом с тяжелой ношей на плечах, весьма труден; часто скользишь, спотыкаешься и падаешь. Но когда вернешься к стойбищу и обогреешься при огне в юрте,

тогда позабываешь все перенесенные невзгоды; остается только отградное воспоминание об оригинальной охоте, испытать которую возможно лишь в далеких пустынях Центральной Азии.

Целые дни проводили мы в горах Цаган-обо на охоте за уларами и куку-яманами. Сверх того, мне удалось убить новооткрытого в Тибете медведя.

Случилось это таким образом.

Хотясь за уларами в ближайших к нашей стоянке скалах, Ф. Л. Эклон случайно вспугнул с зимней лежки медведя, но стрелять его не мог, так как ходил с дробовиком. На следующее утро мы вчетвером (я, Эклон, Коломейцев и Урусов) отправились на поиски за тем же медведем. На прежнем месте его не оказалось. Тогда мы решили рассыпаться по окрестным горам и искать медведя, того или другого, наудачу. Для себя я выбрал лучший район и полез вверх по россыпи. Подъем был чрезвычайно крутой, так что приходилось отдыхать через каждые 10—20 шагов; холодный ветер и мороз довершали трудности. Местами на скудных лужайках кормились улары, как нарочно подпускавшие к себе очень близко, но теперь на эту мелочь не обращалось внимания — все помыслы устремлены были на отыскание медведя. Однако зверя нигде не оказывалось, несмотря на то что я лазил во все встречавшиеся по пути пещерки и прилежно осматривал в бинокль дальние скалы. Так прошло часа два или три, пока наконец я поднялся на самый гребень гор. Здесь выскочило стадо куку-яманов, в которых я и пустил из своего штуцера две пули; одна из них перебила ногу самке. Та сначала было залегла, затем снова вскочила и отлично взобралась на скалы, лежавшие еще выше. Туда же убежало все стадо, а за ним полез и я. Поднявшись опять сотни на две шагов, я начал осматривать новое, открывшееся передо мною ущелье и сразу заметил шагах в пятистах ниже, вправо от себя, лежавшего под скалой зверя, которого вследствие его светлой окраски принял сначала за тибетского волка. Затем в бинокль разглядел, что это был медведь, вылезший со своей зимней лежки в пещере погреться на солнце. Радостно забилося мое сердце при таком открытии. Но вместе с тем явилось и опасение, чтобы зверь не ушел ранее того, как я подойду к нему в меру меткого выстрела. Местность же не позволяла сделать обход;

Ежедневно мимо нашего стойбища проходили большие стада зверей, в особенности яков...
„Звери предчувствуют тяжелую зиму и уходят отсюда“, — говорил наш проводник.

необходимо было спускаться по россыпи на склонах медведя. Так я и сделал. Держа наготове свой штуцер, чтобы стрелять хотя наудачу, если зверь вздумает уходить, я полез снизу по противоположной стороне ущелья. Камни осыпи с шумом катились при каждом моем шаге; но медведь, никем не пуганный, быть может, никогда еще не видавший человека, продолжал спокойно лежать, изредка только поворачивая голову в мою сторону. Наконец я спустился до того места, откуда мог направиться к зверю незамеченным, пользуясь скалой, стоявшей между мной и медведем. Добравшись до этой скалы, я осторожно выглянул из-за нее и увидел, что медведь лежит на прежнем месте, в расстоянии, однако, еще более 200 шагов, но ближе подкрасться было невозможно; я решил стрелять отсюда. Положив штуцер на выступ скалы и хорошенько прицелившись, я спустил курок. Грянул выстрел, затем другой — и медведь, убитый наповал, успел лишь немного вдвинуться в свою пещеру; между тем я вложил в штуцер новые патроны и послал еще два выстрела. Затем, видя, что зверь не шевелится, направился к нему все по той же россыпи, по которой при всем нетерпении спешно идти было невозможно; наконец я добрался до пещеры, у входа в которую лежал убитый медведь, оказавшийся великолепным экземпляром. Полюбовавшись зверем, я приступил к обдиранию шкуры, но явился Эклон, ходивший невдалеке, и мы вдвоем живо сняли кожу, не забыли также взять сало, которого, впрочем, оказалось немного; затем с тяжелой ношей стали спускаться вниз опять по россыпям, которыми почти сплошь усеян весь верхний пояс скалистых гор. При выходе из них встретили возвращавшегося с пустыми руками солдата Урусова, передали ему свою добычу и втроих вернулись к бивуаку, где, конечно, еще много рассказывались подробности удачной охоты.

В южной окраине гор Думбуре мне удалось убить отличного яка, вполне годного для коллекции. Так как дело это было на закате солнца и притом довольно далеко от нашего бивуака, то я оставил зверя на месте до завтра, с тем чтобы ранним утром снять шкуру. Последняя была для нас необходима, ибо до сих пор мы еще не взяли в свою коллекцию ни одного яка — то не хотелось понапрасну таскать подобную тяжесть, то выбирали все лучшие и лучшие экземпляры. К большому

огорчению, и на этот раз мы не попользовались добычей, так как ночью волки совершенно испортили шкуру. Вообще в Тибете охотнику почти невозможно уберечь свою добычу от пернатых и четвероногих хищников. Не только убитый и оставленный в поле, но даже спрятанный зверь будет живо разыскан и съеден. Тут прежде всего помогают вороны, которые обыкновенно следят за охотником; за ними являются грифы и волки. Притом эти хищники не дают спуска и друг другу: ворон ест мертвого ворона, гриф — мертвого грифа. Во всем Северном Тибете, несмотря на баснословное обилие зверей, лишь случайно, в редкость, можно встретить труп животного или уцелевший скелет. Валяются только во множестве рога антилоп, черепа хуланов да головы или копыта диких яков, которых не могут одолеть ни волчьи, ни медвежьи зубы.

В тех же горах Думбуре казак Калмынин убил отличный экземпляр аркара, или белогрудого аргали.

* * *

Продолжая по раз принятому хронологическому порядку повествовать о ходе экспедиции, следует прежде всего сказать, что возвращением из Тибета закончился второй период нашего путешествия. Намечавшийся район будущих исследований должен был обнимать местности уж не столь дикие, хотя все-таки весьма малоизвестные и лежащие большей частью вне культурных районов китайского государства. Впрочем, теперь, в третий период путешествия, нам приходилось более, чем до сих пор, сталкиваться с местным населением — китайским и инородческим. Но, как и прежде, главным предметом наших занятий оставались исследования физико-географические и естественно-исторические с уделением этнографическому отделу настолько, насколько возможно то было при исключительности нашего положения и при обширности других научных работ.

Двухдневная стоянка возле хырмы Дзун-засак посвящена была просушке и окончательной укладке собранных в Тибете звериных шкур, закупке баранов для продовольствия, найму вьючных верблюдов на дальнейший путь; наконец, получению серебра и вещей, оставленных прошлой осенью на хранение у Камбы-ламы и князей Барун-засака и Дзун-засака. Как серебро, так и вещи наши сохранились в целости, за что

Камбы-лама и оба князя получили подарки. При этом Дзун-засак уверял нас, что нынешней зимой, как некогда в зиму 1872/73 года, разбойники-оронгыны не грабили в его хошуне из опасения украсть вещи, оставленные русскими. Относительно же проводника, прогнанного нами из гор Кукушили и возвратившегося в Цайдам, князь говорил, что он никогда не ожидал подобного поведения от этого монгола и тогда же велел его наказать. Конечно, такое объяснение было выдумкой, но для нас теперь это явилось безразличным. Гораздо неприятней была история с письмами, которые перед уходом в Тибет прошлой осенью я передал Дзун-засаку с просьбой отослать их на Куку-нор и далее, в Синин, для отправления в Пекин нашему посольству. В письмах этих излагалось о пройденном нами пути от оазиса Са-чжеу в Южный Цайдам и о будущих моих предположениях. Для большей вероятности дальнейшей отправки своих писем я послал вместе с ними револьвер в подарок кукунорскому правителю (тосолакчи) и был вполне убежден, что месяца через два, или даже скорей, о нас будут знать в Пекине, а затем и в России. Но вышло совсем не так. Были или не были отправлены письма из Куку-нора в Синин и кто виноват в дальнейшей их задержке, мы достоверно не узнали. Только теперь Дзун-засак передал обратно мои писания с уверением, что они возвращены из Синина по приказанию тамошнего амбана (губернатора), не пожелавшего направить эту корреспонденцию в Пекин. Там о нас долго не имели никаких сведений, и это обстоятельство породило ложные слухи о нашей гибели в пустынях Тибета.

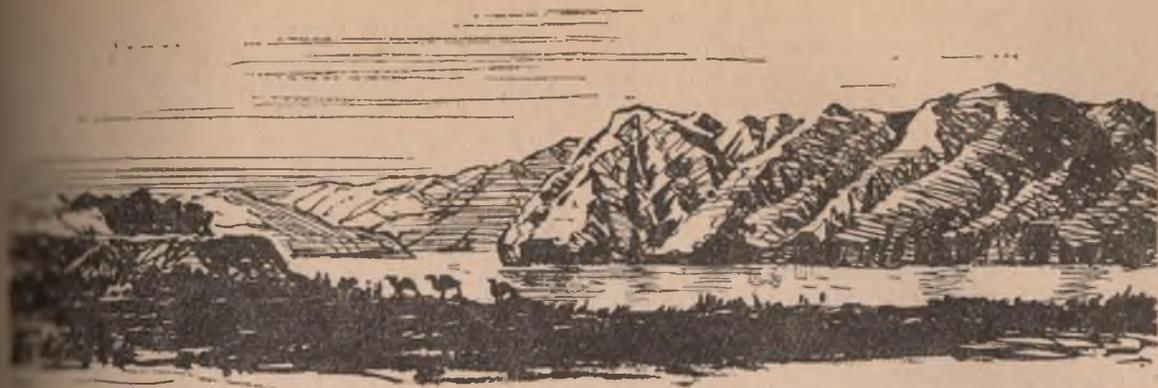
Быстро справились мы у Дзун-засака. Теперь никакой помехи нам не делали; наоборот, все спешили доставить что было нужно, лишь бы поскорей от себя выпроводить. Восемь вьючных верблюдов в подмогу к нашим тотчас были пригнаны из стад самого князя. Верблюды эти за плату в 15 лан должны были идти под нашим вьюком до Дулан-кита — ставки кукунорского правителя. Кроме двух погонщиков, прислан был и проводник, оказавшийся чуть не полным идиотом. Дзун-засак, вероятно, боялся, чтобы у более толкового человека мы не выпытали каких-либо особенных секретов, и снабдил нас таким олухом, от которого трудно было добиться нескольких

слов. Впрочем, вожак этот знал дорогу и безмолвно ехал впереди нашего каравана. Двинулись мы теперь тем самым путем, по которому следовали при первом (в ноябре 1872 и феврале 1873 года) здесь путешествии; только через реку Баян-гол перешли верстах в семи или восьми ниже тогдашней переправы. Ширина реки по льду оказалась в 30 сажен; замерзших осенних разливов и зимних напелей льда не было.

От Баян-гола верст на двадцать пять местность имела солончаковый и болотистый характер; там, где соли в почве было меньше, а ключей больше, росла хорошая кормовая трава и кочевали монголы. Затем появились сыпучие пески, сложенные ветрами, как обыкновенно, в более или менее высокие гряды или холмики и местами поросшие саксаулом.

На Цайза-голе к нам явились неожиданные посетители, именно двое китайцев, присланных из Синина тамошним амбанем, получившим от цайдамских властей донесение о нашем возвращении из Тибета. Вероятно, опасаясь, чтобы мы не направились куда-нибудь помимо Синина, амбань выслал двух своих доверенных, из которых один, повидавшись с нами, должен был ехать обратно, а другой безотлучно следовать при нас под предлогом проводов; в сущности же, конечно, для более детальных наблюдений за тем, что мы делаем. На первых порах, не зная для чего, этот китаец старался отклонить нас от следования по южному берегу Куку-нора, уверяя вместе с подговоренными монголами, что этим путем мы сделаем большой круг, притом будем идти по местностям безводным и бескормным. Все это впоследствии оказалось выдумкой. Для нас весьма важно было сделать съемку южного берега Куку-нора, так как западный берег того же озера и часть северного уже были сняты в 1873 году. Поэтому, несмотря на уверения о трудностях пути, я объявил, что пойду южным берегом и силой заставлю идти с собой погонщиков, нанятых с вьючными верблюдами в Дуланките. Как обыкновенно в Азии, подобное решение подействовало лучше всяких других убеждений.

Озеро Куку-нор, замкнутое со всех сторон горами и лежащее словно в чаше, на абсолютной высоте 10 800 футов, представляет форму груши, обращенной тупым концом к северо-западу, а суженным — к юго-

истоку. Длина озера в таком направлении занимает ровно 100 верст; наибольшая его ширина, от устья реки Галдын-хари до устья реки Улан-хошун, равняется 59 верстам; окружность, если измерять, пересекая по хорде заливы и полуострова, простирается до 250 верст. Берега, за исключением северного, более глубокого, довольно извилисты и местами образуют обширные, но преимущественно мелководные заливы. На озере много островов; из них два, скалистые, лежат в его западной части; три же другие, глинистые и песчаные, находятся невдалеке от северо-восточного берега.

Глубина всего Куку-нора, вероятно, не особенно велика. Промер, сделанный мной на льду с южного берега, в 6 верстах восточнее устья реки Галдын-хари, дал следующие результаты: в одной версте от берега — 10 футов, в двух верстах 52 фута, а в трех — 100 футов. Западная, более широкая половина описываемого озера в то же время, вероятно, и наиболее глубокая; восточная же часть гораздо мельче. Здесь, недалеко от берега, лежат три песчаных острова; да и самый берег изобилует сыпучим песком, принесенным, вероятно, западными ветрами, которые господствуют большую часть года, особенно зимой и весной. Эти-то ветры, подувая постоянно пыль и песок, обмеляют восточную часть Куку-нора. Лежащее здесь, невдалеке от большого озера, и отделенное от него песчаной грядой озеро Хара-нор некогда было некогда частью самого Куку-нора. Подобной же песчаной грядой со временем, вероятно, отделятся два больших озера; острова, здесь образовавшиеся, ныне уже намечают границу будущих песков.

Вообще Куку-нор, судя по его берегам, где местами даже недавние наносы залегают на нескольких десятках сажен от воды, уменьшается в своих размерах и вследствие того, вероятно, солонее. В давнее время озеро это занимало, быть может, всю площадь своих низменных берегов, вплоть до передовых скатов крайних гор. Причины такого обмеления заключаются, вероятно, в постоянном засыпании песком и пылью, затем в малом количестве приточной воды, не возмещающей вполне убыль, производимую летним испарением на обширной площади всего озера. Вода Куку-нора в 1000 частях содержит 11 частей минеральных солей; из этой суммы наибольшее количество, а именно 6 частей, приходится на долю поваренной соли, которая, таким образом, является преобладающей.

В ясную, солнечную погоду кукунорская вода отликает великолепным темно-голубым цветом. Поэтому монголы называют описываемое озеро «голубым»; тангуты зовут его «Цок-гумбум», а китайцы — «Цинхай». Летом, в конце июня, вода Куку-нора близ берегов нагревается на 18—20°; средняя же ее летняя температура, конечно, меньше. Замерзает описываемое озеро в половине ноября, вскрывается в конце марта; лед достигает 2 футов толщины и обыкновенно бывает гладкий, без торосов; в конце февраля мы наблюдали на этом льду узкие (1—2 фута в поперечнике), но длинные трещины, обнажавшие воду.

О происхождении Куку-нора у местных жителей сложена легенда, повествующая, что озеро это некогда было под землей в Тибете, там, где ныне стоит Лхаса, и лишь впоследствии перешло на свое нынешнее

место. Скалистые же острова принесены были сюда из Нань-шаня: большой остров — птицей, для того чтобы заткнуть отверстие, через которое изливалась наружу вода, иначе бы затопившая весь мир; малый остров — злым духом, бросившим скалу в вышеупомянутую каменную замычку с целью вновь пустить воду, но, по счастью, не попавшим в цель. Этот последний остров состоит всего из нескольких белеющих издали небольших скал; он не обитаем людьми. На большом же острове, лежащем на самой середине Куку-нора и имеющем, как нам сообщали, от 8 до 10 верст в окружности, выстроена небольшая кумирня, возле которой живет в пещерах с десяток буддийских монахов. Они питаются молоком коз, пасущихся здесь же на острове, и приношениями богомольцев, посещающих этот остров зимой по льду. Летом отшельники совершенно отрезаны от остального мира, так как на всем Куку-норе нет ни одной лодки. Вот поистине подходящее место для монастыря и для подвижнической уединенной жизни!

По своему положению, несмотря на величину, Куку-нор вполне может быть назван горным, альпийским озером. Как обыкновенно у таких озер, его бассейн весьма мал сравнительно с площадью самого озера, принимающего лишь две более значительные речки — Бухайн-гол и Балема, или Харгын-гол. Остальные притоки Куку-нора, числом 23, в особенности текущие с южных гор, — все маленькие речки или даже такие, в которых вода бывает только летом, в период дождей.

Климат Куку-нора, то есть самого озера и окружающих его степей, значительно разнится от климата крайних гор. Там — обилие летней влаги и поэтому сырость; здесь — хотя летом дожди падают нередко, но далеко в меньшем количестве, и самый период их не так продолжителен. В прочие же времена года на Куку-норе большая сухость атмосферы, западные бури, в особенности весной, и сильные холода во время почти бесснежной зимы.

Такие условия, помимо солончаковой почвы, конечно, невыгодны для лесной и даже кустарной растительности; поэтому в равнинах Куку-нора ни той, ни другой нет. Лишь на Бухайн-голе, да и то вдали от берега озера, растет балга-мого, а в песках восточной части встречаются ель и низкий

тополь. Затем, помимо кочковатых болот, на которых, между прочим, попадается тибетская осока, равнины Куку-нора порастают степной травой, превосходной для корма скота.

На этих равнинах появляется и степная фауна, в которой преобладают северные тибетские виды, хотя встречаются также и виды, свойственные Гоби. Так, из крупных зверей на Куку-норе много хуланов и дэренгов; изобильны волки, лисицы и ярсмы, пищухи, живущие в норах, водятся здесь в бесчисленном множестве.

Проведя двое суток на устье реки Цайза-гола, мы направились к городу Синину по южному берегу Куку-нора. Здесь проложена торная дорога между берегом озера и его крайними, то есть Южно-Кукунорскими, горами. Эти последние против середины Куку-нора несколько понижаются, но затем вновь крупнеют и с прежней высотой тянутся к востоку; немного же далее юго-восточного угла озера его южный хребет мельчает в своих размерах и поворачивается на юго-восток к Желтой реке. Многочисленные речки, текущие летом из каждого ущелья южных гор, теперь почти все были высохшими, за исключением лишь более значительных, каковы с этой стороны Куку-нора: Хара-морите-гол и Галдын-хари. По самым горам не вытравленные зимой пастбища для лучшего роста новой травы сжигались теперь тангутами, так что мы нередко любовались по ночам даровой и прелестной иллюминацией.

Извилистый южный берег Куку-нора то близко подходит к крайним горам, то значительно от них удаляется. Впрочем, ширина здесь степного, между озером и горами залегающего, пространства нигде не превосходит 10 верст; большей же частью гораздо меньше. Притом степная равнина между устьями двух вышеозначенных рек и несколько далее к востоку сильно поката от крайних гор до самого берега Куку-нора.

На этом последнем, несмотря на конец февраля, еще не было растаявших заберегов или польней, почему нам почти не встречались и пролетные водяные птицы. Впрочем, в последние дни февраля погода наступила довольно теплая, настоящая весенняя. На солнечном пригреве появились пауки и мухи, а по утрам, если было тихо, слышалось громкое пенье тибетских жапонков или пискливые голоса столь обиль-

ных на Куку-норе земляных вьюрков. Но только этими скудными проявлениями пробуждающейся животной жизни и отметила себя ранняя весна на Куку-норе.

После дневки, проведенной на бивуаке близ пикета Шала-хото, я оставил свой караван под надзором прапорщика Эклона и налегке отправился в Синин. Со мной поехали прапорщик Роборовский, переводчик Абдул Юсупов и трое казаков. Китайские солдаты пешком провожали нас с двумя желтыми знаменами, которые были распущены при входе в город Донкыр. Здесь подобное шествие мигом привлекло несметную толпу зрителей. Стар и мал, мужчины и женщины выбегали на улицы и стояли шпалерами или бежали сзади нас, толкались и давили друг друга. Со всех сторон слышались крики, шум, брань, писк — словом, суматоха стояла невообразимая. Наконец мы вошли во двор своей квартиры и заперли ворота; но на улице все время продолжала стоять толпа, и лишь только показывался который-либо из нас — повторялась прежняя история.

В Донкыре мы остались ночевать. Город этот по своему наружному виду ничем не отличается от прочих городов китайских и даже обнесен глиняной зубчатой стеной. Число жителей, как нам передавали, простирается от 15 до 20 тысяч человек, помимо богомольцев и торговцев, временно здесь пребывающих. Вместе с Синином описываемый город представляет важное место для торговли Китая с Тибетом.

Утром следующего дня мы выехали далее к Синину в сопровождении новой смены китайских солдат и по-прежнему со знаменами. Вскоре конвой этот увеличился многочисленными добровольцами, которыми делались все попутно с нами ехавшие. Наконец вокруг нас составила такая свита, что пришлось на минуту остановиться и прогнать всех излишних глазельщиков. Взамен них во второй половине пути начали являться различные посланцы сининского амбана, каждый также с небольшой свитой. Лишь в сумерки добрались мы до Синина и расположились здесь в отведенной нам квартире — той самой, где месяцев семь — восемь тому назад помещался со своими спутниками венгерский путешественник граф Сечени.

Всего от пикета Шала-хото до Синина около 70 верст. Большую половину этого

пространства дорога идет по горам; меньшую — по равнине реки Синин-хэ, протекающей возле Синина и впадающей в реку Тэтунг-гол (Датун-гол). Окрайний к Куку-нору хребет, весьма невысокий к стороне этого озера, развивается к востоку, к Донкыру, в грандиозные альпийские формы. Такой же характер несут горы, лежащие северней Донкыра, а равно и хребет Амасургу, восточное продолжение которого наполняет все пространство между реками Синин-хэ и Хуан-хэ. Словом, здесь со стороны Кукунорского плато к Синину являются те же развивающиеся лишь в одну сторону хребты окраины, какие вообще нередки в Центральной Азии.

Теперь о самом Синине. Город этот лежит в долине того же названия на абсолютной высоте 7560 футов и в настоящее время имеет около 60 тысяч населения из китайцев и, в малом числе, дунган.

Фабричного производства здесь почти не существует, но зато весьма развита торговля с Тибетом. В Синин, а также и в Донкыр тибетские купцы привозят свои товары и покупают товары китайские, которые приходят главным образом из Пекина; до последнего от Синина считается 48 станций. Привозимые в Синин товары вообще дороги, но местные продукты довольно дешевы.

Стены описываемого города очень толсты и высоки. В них при начале магометанской инсurreкции¹ китайские войска два года выдерживали осаду дунган, наконец были выморены голодом и поголовно истреблены. Затем восемь лет Синином владели дунганы; в конце же 1872 года китайцы вновь заняли этот город и, в свою очередь, истребили дунган.

* * *

Знаменитая Желтая река, или Хуан-хэ, исследование истоков которой еще в глубокой древности составляло предмет заботливости правителей Китая, до сих пор скрывает эти истоки от любознательности европейцев. Тому причинами, во-первых, общая малоизвестность этой части Центральной Азии, а затем труднодоступность местности на верховьях описываемой реки. Местность эта лежит к югу от озера Кукунор, в северо-восточном углу Тибетского

¹ Инсurreкция — восстание, мятеж. (Примеч. редактора.)

нагорья, там, где под влиянием геологических и климатических условий мощное Тибетское плато обнажает свой горный скелет и превращается в дикую альпийскую страну. Впрочем, самые истоки Хуан-хэ находятся еще на плато Тибета; но вслед за тем новорожденная река вступает в область исполинских гор и здесь, стесняемая или преграждаемая этими горами, часто и прихотливо ломает направление русла на всем протяжении своего верхнего течения. Мы могли исследовать это течение на 250 верст вверх от города Гуй-дуня; на самом же истоке Желтой реки побывать нам не удалось.

В вышеуказанном районе верхней Хуан-хэ местность резко представляет собой тройной характер: высокие, труднодоступные горы, степные плато между ними и лабиринт глубоких ущелий, изрезающих эти плато.

По возвращении моем из Синина на бивуак близ пикета Шала-хото два дня (15 и 16 марта) посвящены были переформировке нашего каравана. Все коллекции и кое-какие лишние вещи отправлялись теперь на 10 нанятых верблюдах под присмотром казака Гармаева в Ала-шань до нашего туда прибытия. С собой мы оставили лишь самое необходимое, да и то с запасом продовольствия набралось 14 вьюков, ко-

торые были возложены на вновь купленных мулов. С ними впервые пришлось нам теперь поближе познакомиться.

Мул, составляющий ублюдка от кобылы и осла, служит, как известно, вместо лошади, верховым, вьючным и упряжным животным во всем Китае. Здесь он действительно весьма полезное животное. Но при путешествии в местностях некультурных мул далеко не может заменить верблюда, во-первых, потому, что слабосильнее его, а во-вторых, не способен обойтись без хлебного (горох) корма, хорошей травы и воды. Кроме того, уход за мулами в караване требует гораздо больших хлопот, нежели за верблюдами: при малейшем недосмотре мулы сбивают себе вьюками спины, а ночью на бивуаке, когда верблюды лежат спокойно, мулы нередко дерутся между собой и часто, в особенности при непогоде, отрываются с привязей; необходим, следовательно, постоянный надзор, тогда как усталым в пути людям дорог ночной отдых.

Для вьюченья на мула надевается деревянное седло; под него, во избежание надавливания спины, подшивается толстый войлок. Самый вьюк привязывается на особую, также деревянную лесенку, которая потом накладывается на седло. К этому седлу лесенка должна быть пригнана плотно, а багаж расположен таким образом, чтобы каждая сторона имела одинаковый вес; иначе вьюк склонится на более тяжелую сторону и будет затруднять мула или совсем свалится на землю. Средний вес клади, которую может везти на себе хороший мул, составляет 8 пудов; при дальней же дороге должно класть не более 6 пудов. Во время пути вьючные мулы не привязываются друг к другу, как верблюды, но идут свободно. Капризные животные часто забегают в стороны, а когда вьюк довольно тяжел, то ложатся на землю. Вообще, если при 20 верблюдах достаточно трех или четырех погонщиков, то при стольких же мулах людей требуется вдвое больше. Правда, по горам мул ходит гораздо лучше верблюда, но если вьюк громоздкий, то, не будучи плотно прикрепленным к седлу, он может ежеминутно свалиться вместе с лесенкой в пропасть. В пустынях же, в особенности по песку, мулы идут несравненно хуже верблюдов; скверно также ходить мулам и по степям, изрытым норами пищух, так как узкие копыта животного постоянно

попадают в эти норы; наконец, при переправах через реки мулы гораздо хуже верблюдов переходят броды, в особенности по илистому дну. Словом, при путешествиях в Центральной Азии из десяти раз на девять лучше формировать караван из верблюдов, нежели из мулов, даже в местностях гористых. С верблюдами переходили мы высокие горные перевалы в Тянь-шане, Нань-шане и Алтын-таге; с верблюдами прошли взад и вперед гигантское плоскогорье Северного Тибета; с верблюдами же проходили благополучно болота Цайдама и пески Алашаня. Вообще очень мало найдется в Центральной Азии местностей, где совершенно нельзя было бы пройти на «кораблях пустыни»; притом подобные места всегда можно обойти. К тому же верблюд — животное спокойное, не требующее почти никакого за собой ухода. Он везет свободно выюк в 10 или 12 пудов, без долгой процедуры привязывания этого выюка на лесенки и аптекарского уравнивания обеих сторон. Опасно ходить с верблюдами лишь в тех горных странах, где слишком сыро или где изобильно растет ядовитый злак, который неразборчиво едят верблюды и потом издыхают. Эти-то две причины, помимо невозможности достать свежих верблюдов, понудили нас сформировать к верховьям Желтой реки караван на выючных мулах. Но, будучи еще неопытными относительно мулов, мы сделали ту ошибку, что купили в числе их нескольких жеребцов, которые по причинам неудобоописываемым совершенно не годятся для похода. Кобылицы же мулов и их мерины гораздо спокойнее; только своим отвратительным ржаньем, которое, впрочем, всего чаще слышится от жеребцов, они немало досаждают нервам путешественника.

Оставшиеся от тибетского путешествия верблюды наши, числом девять, после двухнедельного отдыха возле пикета Шала-хото сделались еще хуже; вскоре двое из них издохли; остальные отданы были впоследствии на пастьбу в урочище Балекун-гоми. С великой радостью направлялись мы теперь сюда, заранее предвкушая вею прелесть весеннего пребывания в лесных, обильных водой горах на верховьях Желтой реки. Юрта была уничтожена и заменена палаткой; излишнее теплое одеяние отправлено в Ала-шань — словом, перед вы-

ступлением в путь мы перешли совсем на летнее положение.

От места нашего долгого бивуака до желанной Хуан-хэ расстояние оказалось только в 57 верст. Сначала мы поднялись на юго-восточную окраину Кукунорского плато, а затем перевалили два хребта: Южно-Кукунорский и Балекун. Последний невелик по длине и тянется сначала параллельно Южно-Кукунорским горам, а затем, соединившись с ними, упирается в левый берег Желтой реки. Оба хребта уступают по своей величине средней или западной части тех же Южно-Кукунорских гор и несут одинаковый мягкий характер; скал здесь мало, а лесов нет вовсе, только кое-где кустарники; северные скаты — луговые. Южный склон Балекуна в нижней своей половине состоит из наносов и голой лёссовой глины, сильно изборожденной рытвинами и ямами. Недалеко к северу от западной окраины того же хребта лежит, как нам сообщали, довольно порядочное (более 10 верст в окружности) соленое озеро, из которого добывается соль в города Донкыр и Синин. Мимо этого озера идет, как говорят, колесная дорога из тех же городов в урочище Балекун-гоми.

С южного склона гор Балекун мы увидели Желтую реку, широкой лентой извивавшуюся в темной кайме кустарных зарослей и обставленную гигантскими обрывами на противоположном берегу; там же мрачной трещиной извивалось ущелье реки Ша-кугу. Сама Хуан-хэ, сопровождаемая с востока высокой стеной обрывов, а с запада — горами желтого сыпучего песка, открывала далеко на юг свою глубокую котловину, врезанную в обширное степное плато.

Придя в Балекун-гоми, мы разбили свой бивуак в кустарных зарослях долины Хуан-хэ. Спустились мы теперь на 8600 футов абсолютной высоты — так низко не были еще ни разу от самого Нань-шаня, то есть в течение восьми месяцев. Притом, за исключением лишь беспокойной остановки возле пикета Шала-хото, с самого начала декабря мы не останавливались нигде более трех суток; следовательно, не только можно, но даже должно было воспользоваться хотя непродолжительным отдыхом в удобном для этого месте. Последнее как раз теперь имелось налицо. Не говоря уже про широкую

хольную¹ реку, каковой мы не видали от самой Урунгу, лесные и кустарные заросли по долине Хуан-хэ казались теперь особенно привлекательными после однообразия пустынь Тибета, Цайдама и Куку-нора. Тамошние холода заменились теплой, по временам даже жаркой, весенней погодой. Каждое утро мы отправлялись на охотничьи экскурсии и иногда ловили рыбу в рукавах Желтой реки; другие работы экспедиции шли так же своим чередом. Переводчик и двое казаков вновь были посланы в Донкыр купить еще вьючного мула и трех верховых лошадей; кроме того, привезти вдобавок к имевшемуся продовольствию муки, дзамбы и гороху для мулов, чего, вопреки ожиданиям, не нашлось в Балекун-гоми.

Несмотря на раннюю еще пору года, именно на последнюю треть марта, погода в описываемой части Хуан-хэ вследствие значительного понижения местности и голых глинистых или песчаных окрестностей, сильно нагреваемых в ясные дни, стояла теплая, по временам даже жаркая. Термометр в один час полудни поднимался до $+25,3^{\circ}\text{C}$; Желтая река уже давно очистилась ото льда, и температура ее воды доходила до $+8^{\circ}\text{C}$, в мелких же заливах и рукавах до $+14^{\circ}\text{C}$; 23 марта шел первый дождь; 24-го гремел первый гром; 25-го найден цветок одуванчика; тремя днями ранее того прилетели ласточки. К концу описываемого месяца листья на кустарниках — облепихе, барбарисе и лозе — начали распускаться; на мокрых лужайках трава к этому времени уже порядочно зеленела. Но рядом с такими проявлениями дружной весны нередко перепадали холода и шел снег, в особенности на горах, а утренние морозы доходили до $-7,8^{\circ}\text{C}$. Сухость воздуха вообще была очень велика даже на самом берегу Желтой реки. Притом как днем, так и ночью часто случались бури, обыкновенно являвшиеся вдруг, порывами, и иногда быстро изменявшие свое направление с восточного на западное. Бури эти всегда приносили гучи пыли, которая густо наполняла атмосферу, так что всходившее или заходившее солнце то вовсе не было видно, то являлось бледным диском, как луна; небо же казалось серым, сумрачным. Тяжело дышалось подобным воздухом; грустно ста-

новилося на сердце при виде такого безобразия природы; тем более что кипучей весенней жизни нигде заметно не было; даже пенья птиц почти не слышалось. Только в кустарных зарослях голубые сороки своим трещаньем, а хыйла-по громким свистом немного оживляли тишину раннего утра; да кое-где, на ключевых болотах, изредка кричали гнездящиеся черношейные журавли, гоготали серые гуси и заунывно голосили турпаны.

Все время, проведенное возле Балекун-гоми, мы неуспешно хлопотали, чтобы достать проводника на дальнейший путь. Многие из местных тангутов, несомненно, бывали на верховьях Хуан-хэ, но ни один из них не заикнулся об этом и полусловом. Их, видимо, страшила загадочная цель нашего путешествия, да кроме того, почти одновременно с нами приехал в то же Балекун-гоми доверенный сининского амбана под предлогом заготовить для нас проводника, но, в сущности, для того, чтобы запретить туземцам наниматься в вожаки или сообщать нам какие-либо сведения. Пришлось хорошенько припугнуть местного старшину, и тогда только явился проводник, почти слепой. Вожак этот, по имени Лаоцан, полутангут, полумонгол, знал местность верст на сто вверх по Хуан-хэ — не далее. Но мы теперь рады были и такому спутнику, рассчитывая впоследствии разъездами отыскивать себе дальнейший путь. Новому вожаку назначено было по 10 лан в месяц за его труды, но вместе с тем объявлено, что за каждый умышленный обман он будет неминуемо наказан.

30 марта мы двинулись вверх по Хуан-хэ. В тот же день вечером на вершинах береговых обрывов зажжены были костры — несомненно условный знак туземцев. Действительно, последние куда-то исчезли с долины Желтой реки, где мы находили лишь свежие, только что покинутые стойбища. Вероятно, здешние хара-тангуты, опасаясь нас, или переправились на противоположную сторону Хуан-хэ, или ушли в пески левого берега той же реки. Эти обширные пески придвигаются сюда с соседнего плато в недалеком расстоянии к югу от Балекун-гоми и тянутся верст на сорок вверх по Хуан-хэ; затем, после небольшого перегиба, появляются снова, но уже на площадке менее обширной. Как обыкновенно, описываемые пески представляют собой ла-

¹ Хольная река — то есть полноводная, вольная, свободная. (Примеч. редактора.)

биринт холмов, гряд и впадин, образовавшихся действием ветров.

На небольшой речке Дзурге-гол, возле которой мы разбили свой бивуак, миновав благополучно безводное плато, впервые от Балекун-гоми встретились нам хара-тангуты, кочевавшие здесь в числе около 60 палаток. Эти тангуты несомненно заранее были предуведомлены насчет нас, но ни один из них не явился к нам на бивуак.

Следующий небольшой переход привел нас в горы Сянь-си-бей, или по-тангутски Кучу-дзорген. Этот хребет, нигде не достигающий снеговой линии, там, где мы его видели, в общем имеет довольно мягкие формы и луговые скаты, покрытые отличной травой.

С ближайшей к перевалу через Сянь-си-бей горной вершины, куда я взобрался, хотяюсь на уларов, открывалась обширная панорама впереди нас лежавшей местности. Справа, на западе, виднелась вечноснеговая группа Угугу; слева, к востоку, убегала опять степная равнина, по которой черной змеей вился глубокий коридор Желтой реки и менее рельефно извивались подобные же траншеи ее боковых притоков; далее к югу вновь поднимались высокие горы, нагроможденные и перепутанные в диком хаосе. Можно было только заметить, что главные хребты стояли перпендикулярно Хуан-хэ; второстепенные боковые ветви исчезали в общей панораме. Там и сям виднелись по горным скатам темные площади кустарников и белели пятна еще не растаявших ледяных накипей возле ключей; на более высоких вершинах кое-где лежал зимний снег, но вечноснеговых гор, за исключением Угугу, заметно не было.

Переход в 27 верст привел нас от гор Сянь-си-бей на реку Бага-горги, или по-тангутски Шань-чю, — первый от Балекун-гоми значительный левый приток верхней Хуан-хэ.

В продолжение восьми суток, проведенных на Бага-горги, мы усердно охотились за птицами для своей коллекции, но всего более преследовали ушастых фазанов. Эта великолепная птица, известная тангутам под названием шярама и впервые описанная знаменитым Палласом, ростом бывает с обыкновенного петуха, но кажется более крупной вследствие своего длинного, широкого хвоста и рыхлого оперения. Последнее все однообразного голубовато-серого цвета;

бока головы покрыты ярко-красной бородавчатой голой кожей; клюв желтовато-роговой. Подбородок и верхняя часть горла белые; таковой же окраски длинные ушные перья, по своей форме и положению отчасти напоминающие рога. Хвост на вершине синевато-стального цвета, частью с зеленоватым отливом; боковые перья того же хвоста в числе от четырех до семи с каждой стороны имеют у основания широкую белую полосу; четыре средних хвостовых пера приподняты выше прочих, удлинены, рассучены и изогнуты на своих вершинах. В общем, хвост, чрезвычайно красящий птицу, представляет крышеобразную форму. Ноги красного цвета, сильные, у самцов со шпорами.

Пища ушастого фазана исключительно растительная; корни трав, почки деревьев, цветы барбариса, всякие ягоды, а зимой главным образом джума, то есть корешки лапчатки гусиной, которые описываемая птица выкапывает своими сильными ногами. Вода, сколько кажется, составляет необходимость для шярама, хотя в горах Алашаньских мы находили эту птицу в совершенно безводных ущельях. Держится ушастый фазан обыкновенно на земле и ходит здесь мерной поступью, с хвостом, поднятым кверху, как у нашего петуха; на деревья взлетает для ночевки или для покормки. Бегаёт чрезвычайно быстро и при опасности больше надеется на свои ноги, нежели на крылья. Летает вообще плохо, поднимается тихо, без шума и на лету весьма напоминает нашего глухаря.

Зимой ушастые фазаны встречаются всего чаще небольшими стайками, вероятно выводками; к весне же разбиваются на пары, из которых каждая занимает определенную область. В это время изредка слышится ранним утром или днем в дождливую погоду крик самца, громкий, но какой-то дребезжащий. Этот крик приблизительно можно передать слогами: кá, кá, тэ-гэ-ды, тэ-гэ-ды... — повторяемыми три или четыре раза за один прием. Голос же самки, тихий и глухой, составляет что-то среднее между кохтаньем полевой тетерки и буканьем удода. В период спаривания самцы иногда заводят между собой драки, но обыкновенно незадорные и непродолжительные. Гнездо устраивается на земле, и в нем бывает от пяти до семи яиц величиной с куриные, серовато-оливкового цвета.

При выводке, обыкновенно позднем, держатся оба старика; но при опасности они не выказывают горячей привязанности к своим детям.

Охота за ушастыми фазанами весьма затруднительна по самому характеру местности, в которой они держатся, тем более что здесь не может помочь собака и весьма мало помогает товарищ охотника. Следует просто бродить по лесу, высматривая птицу. Заметить ее в густых зарослях весьма трудно и еще трудней подкрасться в меру выстрела. При этом ушастый фазан благодаря своему густому рыхлому оперению весьма вынослив на рану и часто пропадает для охотника. Наконец, во время самой охоты приходится постоянно лазить по густым зарослям иногда колючих кустарников, то взбираться на отвесные скалы или на крутые горные скаты и зачастую не окупать своих трудностей даже единым выстрелом по желанной птице. Впрочем, на верхней Хуан-хэ, где ушастых фазанов вообще много, охота за ними была гораздо добычливее и сравнительно легче, нежели в Восточном Нань-шане весной 1873 года.

Всего заманчивей и успешней были теперь для нас охоты ранней зарей, подкарауливая ушастых фазанов на лесных лужайках. В особенности сильно запечатлелась в моей памяти одна из подобных охот на той же Бага-горги. Мы отправились перед вечером четвером (я, Роборовский, Телешов и Коломейцев) верхами версты за четыре от своего стойбища, взяли с собой войлоки и одеяла для ночевки, чайник для варки чая и кусок баранины на жаркое — словом, снарядились с известным комфортом. Перед закатом солнца добрались до места охоты и, оставив лошадей с казаком Телешовым на полянке, недалеко от ручья, пошли в ближайшие кустарники караулить ушастых фазанов на их ночевках. Выбрали для этого большие, врассыпную стоящие ели, под которыми имелись несомненные признаки частого здесь пребывания описываемых птиц. Уселись и ждем. Солнце опустилось за горы, и мало-помалу птицы начали думать о ночлеге. Стая голубых сорок прилетела к ключику близ наших елей, покопшилась несколько минут на земле и со своим обычным трещаньем отправилась в густой кустарник. Большие дрозды один за другим начали прилетать с разных сторон на те же ели, гонялись здесь друг за дру-

гом, с чоканьем и трещаньем перелетали с одного дерева на другое или лазили по густым веткам; между тем один из тех же дроздов громко пел на вершине дерева. Голос этого дрозда много походит на голос нашего дрозда певчего. Невольно припомнились мне теперь наши весенние вечера, в которые, бывало, на родине, я слушал пенье птиц, стоя на тяге вальдшнепов в лесу. И мысль моя далеко унеслась по пространству и по времени... Чем более надвигались сумерки, тем неугомоннее становились дрозды, наконец стихли все разом; смолкли и мелкие пташки (синички, пеночки), пищанье которых мешалось с криками дроздов; стало все тихо кругом, словно в лесу не было ни одного живого существа... Луна поднялась на востоке горизонта; вечерняя заря догорала на западе, и мы, не дождавшись фазанов, которые, вероятно, остались ночевать в другом месте, спустились к своему бивуаку. Здесь горел огонь, казак сварил чай и зажарил на вертеле баранину. Мы поужинали с прекрасным аппетитом; затем на мшистой почве разостлали войлоки, седла положили в изголовья и легли спать. Но не спалось мне. Великолепна, хороша была тихая весенняя ночь! Луна светила так ярко, что можно было читать; вокруг чернел лес; впереди и позади нас, словно гигантские стены, высились отвесные обрывы ущелья, по дну которого с шумом бежал ручей. Редко выпадали нам во время путешествия подобные ночевки — и тем сильнее чувствовалось наслаждение в данную минуту. То была радость тихая, успокаивающая, какую можно встретить только среди матери-природы...

Наконец дремота одолела, и я заснул, но в течение ночи просыпался несколько раз. Все так же было тихо и спокойно кругом; лишь журчал внизу ручей да изредка фыркали привязанные лошади. Взглянешь на луну, та стоит еще высоко — следовательно, до утра не близко; перевернешься на другой бок, плотней закутаешься в меховое одеяло и опять забудешься сладким сном. К утру похолодело; луна ушла за горы; и наконец чуть заметная полоска света забелела на востоке. Пора вставать и идти в засадки. Казак встал еще раньше и опять вскипятил чай. Быстро сброшены теплые одеяла, надето охотничье платье и замерзшие, но у огня теперь отогретые сапоги. Затем мы проглотили по чашке горячего чая

и отправились в засадки, боясь не упустить дорогое время. Но оно еще не наступило, еще все спало в лесу — и мы не опоздали, заняв свои места; пришлось даже подождать с четверть часа или около того. Но вот хрипло прокричала сифаньская куропатка, и послышалось трещанье голубых сорок, ночевавших в ближайших кустах. Вслед за тем раздался громкий крик ушастого фазана, в ответ которому закричали другие пары из разных уголков лесных ущелий... Радостно забилось сердце охотника. Надежда на желанную добычу заменила все другие помыслы и мечты: только минуты ожидания казались теперь слишком долгими.

Между тем уже порядочно рассвело, и голоса проснувшихся птиц быстро огласили лес: слышался громкий свист хый-ла-по, чоканье дроздов, писк синиц и завирушек; но ушастые фазаны кричали лишь изредка, тихо подвигаясь из леса на поляны. Наконец вдаль от меня мелькнули эти птицы — то два самца дрались между собой. Затем прокричала и выбежала на дальний обрыв новая пара — опять-таки вне моего выстрела. Досада и чуть не отчаяние начали овладевать мной, тем более что со стороны товарищей уже раздался выстрел, конечно, по ушастому фазану. Несколько раз меня подзадоривало встать из засадки и идти искать фазанов наудачу по лесу; но я решил выдержать искушение до конца, несмотря на то что достаточно продрог на утреннем морозе. Настойчивость эта была наконец вознаграждена. После того как уже взошло солнце, пара ушастых фазанов показалась из кустов шагах в сорока от моей засадки. Красивые птицы шли мерным шагом, не подозревая вовсе опасности. Первым выстрелом я убил самца, вторым ранил самку, которая, однако, успела убежать и скрыться в ближайшем лесу. Затем со своей добычей я отправился к месту ночлега, где товарищи, убившие также одного фазана, уже дожидались меня с оседланными лошадьми. Впоследствии охоты наши за ушастыми фазанами были еще удачней, так что мы в течение трех недель добыли для своей коллекции 26 экземпляров этой великолепной птицы.

На Хуан-хэ мы провели четверо суток в тщетных поисках переправы через эту реку. Брода на ней нигде не оказалось. Необходимо, следовательно, было выстроить плот,

но для него, помимо большой потери времени и труда, не имелось достаточно материалов; да притом весьма сомнительной была безопасность подобной переправы с багажом и мулами при быстром течении и обилии здесь громадных камней в русле Желтой реки. Наконец местность на противоположной ее стороне не обещала ничего для нас хорошего, так как вся была изрезана ущельями, а с юга загромождена по-прежнему высокими горами.

Таким образом со всех сторон явились препятствия неодолимые — дальнейший путь в прежнем направлении был невозможен. Исход из подобного положения представлялся двояким: или попытаться обойти с запада снеговую группу Угугу и мимо озера Тосо-нор пройти на истоки Хуан-хэ; или, отказавшись от этих истоков, направиться старым путем через Балекун-гоми в оазис Гуй-дуй, переправиться здесь через Желтую реку и заняться исследованием ближайших снеговых гор.

Первая попытка при всей ее желательности ставила неминуемо вопросы: возможно ли нам без проводника пробраться через несколько кряжей высоких гор и вынесут ли наши усталые мулы эту трудную дорогу? Откровенные ответы на подобные вопросы, в особенности на последний, могли быть только отрицательными. При таких же условиях слишком опрометчиво бы было рисковать временем, трудом и собранными уже коллекциями для цели, почти недостижимой. Правда, на те же истоки Хуан-хэ без особенного труда можно сходить из Цайдама по Тибетскому плато, но теперь для нас и это было невозможно по неимению верблюдов.

Так пришлось с горестью отказаться от заманчивого выполнения намеченной цели и посвятить наступавшее лето исследованию окрестностей оазиса Гуй-дуй, озера Куку-нор и Восточного Нань-шаня. В этих местностях мы нашли богатую естественно-историческую, в особенности ботаническую, добычу, которая хотя отчасти вознаградила нас за неудачную попытку пробраться на истоки Хуан-хэ.

* * *

Порешив возврат от устья реки Чурмын в Балекун-гоми, мы завьючили после полудня 11 мая своих мулов и поднялись к ве-

черу из глубокой ямины Хуан-хэ на соседнее плато, где прошли еще немного и остановились ночевать; воду, которой нет в здешней степи, привезли с собой. Каким-то просторным казался теперь бивуак в широкой, степной равнине после долгого пребывания на дне узких, сумрачных ущелий. Зато там было тепло; здесь же, на высокой степи, мороз почью грянул в $-12,5^{\circ}$. Между тем в это время уже насчиталось, правда, почти исключительно в ущельях, 117 видов цветущих растений. Однако и те цветы, которые кое-где встречались по степи, не погибли от подобного холода. Замороженные касатики ломались в руках, словно стружки, но лишь только взошло и обогрело солнце — они цвели и красовались как ни в чем не бывало; не погибли также крупноцветная карагана и прелестно пахучая жимолость, растущая по здешним степям ползучим кустиком в 2—3 дюйма высотой, в ущельях же достигающая роста в 2 фута. Эту жимолость мы взяли теперь в свой гербарий. Для последнего на нынешнее лето оказалось у нас всего лишь около 500 листов пропускной бумаги, привезенной еще из Петербурга; китайская же, купленная в Синине, была вся плохого качества. Поэтому для экономии мы укладывали теперь собираемые растения не только в отдельные листы, но и в промежутки этих листов. При таком способе гербаризации выигрывается много относительно излишнего расходования бумаги и объема собранных пачек; следует только в промежутки листов класть растения, уже высушенные предварительно в листах цельных.

Спустившись в ущелье Бога-горги не вдалеке от устья этой речки, там, где некогда стоял китайский пикет, теперь заброшенный, мы нашли здесь прелестное местечко с ключевой водой и отличным кормом. Громадные тополи, футов 70—80 высотой, при диаметре ствола от 4 до 5 и даже до 6 футов, образовали здесь небольшую рощу, по которой местами густым подлеском росли облепиха и лоза. Весенней негой веяло в этом милом уголке; прохладный воздух дышал ароматом свежей зелени; всюду пели птицы, красовались цветы... Словом, было так хорошо, в особенности при контрасте с соседней местностью, что мы остались на дневку без особенной в том нужды. Но нам и дальше посчастливилось. Сделав небольшой переход вверх по той же

Бага-горги, мы вновь встретили здесь местечко, еще более обильное лесом и кустарниками, которые теперь цвели и красиво пестрили собой крутые боковые скаты ущелий. В тех же кустарниках попадались цветущая земляника и кардамина, а также начинали быстро развиваться могучие листья и цветочные стебли лекарственного ревеня. Их с жадностью пожирали медведи, которых, однако, добыть нам не удалось.

Между тем для здешних местностей наступил период дождей, продолжающийся все лето, в высоких же горах захватывающий частью и осень. Собственно атмосферные осадки начали перепадать с половины апреля, но со второй половины мая дожди или, выше 11 тысяч футов абсолютной высоты, снег падал в горах почти каждый день; часто также случались и грозы, хотя вообще несильные. Так продолжалось в течение июня, июля и первой трети августа, словом до выхода нашего с Тибетского нагорья в Ала-шань. В 1872 году в продолжение лета, проведенного нами в Восточном Нань-шане, шли также почти непрерывные дожди, заменившиеся осенью частым снегом. Вместе с тем мы наблюдали тогда, что при полном отсутствии летних бурь атмосферные осадки приносились главным образом слабыми юго-восточными ветрами или падали во время частых затиший. Ныне для Восточного Нань-шаня подтвердилось то же самое; на верхней же Хуан-хэ и на озере Куку-нор почти все дождливые тучи приносились несильными западными, или, вернее, западно-юго-западными, ветрами, даже в тех нередких случаях, когда внизу дул ветер восточный.

Дурная, дождливая погода принудила нас провести трое суток возле Балекун-гоми, на одном из островов, образуемых рукавами Хуан-хэ. Вода в последней прибыла за это время на несколько футов и еще более окружила наш остров; однако нашелся брод, по которому мы перевели вьючных мулов. В подмогу к ним теперь явились пять верблюдов, оставленных нами для поправки при следовании в передний путь. Однако верблюды эти, вероятно вследствие дурного присмотра, несколько не поправились, так что двое из них вскоре были брошены; зато трое остальных выходили до конца экспедиции.

Одновременно с выступлением из Балеун-гоми в оазис Гуй-дуй, где, как было решено еще на Чурмыне, мы должны были переправиться на южную сторону Хуан-хэ, переводчик Абдул Юсупов с одним из казаков отправлены были в Синин за получением присланных из Пекина бумаг. Сами же мы поплелись сначала прежним путем, а затем с перевала через хребет Балекун свернули вправо и перешли Южно-Кукурский хребет восточней, нежели в марте при следовании на Хуан-хэ.

Немного ниже Доро-гоми Хуан-хэ подводит к обрывам своего левого берега. Необходимо подняться вверх на громадные (футов 600—700) лёссовые толщи, а затем спуститься вновь к реке, миновав ее недостаточную излучину. Тропинка идет сначала на расстоянии полуверсты глубоким коридором с совершенно отвесными боками; местами этот коридор до того узок, что те из наших мулов, которые были завьючены большими ящиками, пройти не могли. Пришлось делать выбоины в глиняных стенах, дабы расширить путь. Затем нужно было подниматься по чрезвычайно крутому скату одного из боков того же ущелья и наконец взобравшись наверх тотчас снова спускаться, но уже по более открытому ущелью. Здесь кстати сказать, что все обрывы состояли исключительно из лёссовой глины без примеси слоев гальки.

Местный тангутский старшина, вероятно по приказанию сининского амбана, в свою очередь получившего внушение из Пекина благодаря хлопотам там нашего посольства, выслал для проводов нашего каравана через вышеописанное трудное ущелье целую сотню рабочих — мужчин и женщин.

В тот же день вернулись наши посланцы из Синина и привезли с собой пекинскую посылку. В ней были письма, полученные в разное время посольством на наше имя, и газета «Неделя» за весь минувший год. Ровно 14 месяцев, то есть от самого выхода из Зайсана, мы не имели никаких вестей с родины и не знали, что творится на свете. Понятно, с какой лихорадочной радостью принялись мы теперь за чтение и каков праздником был для нас этот день.

Через Желтую реку мы переправились в два приема на большой барке, посредством которой производится немного ниже порога Гуй-дуя сообщение между обоими берегами Хуан-хэ. Ширина ее здесь при

средней воде 60 сажень; абсолютная высота 7300 футов; течение очень быстрое. Вниз по реке незначительное плавание производится на особых оригинальных плотках, состоящих

из нескольких надутых воздухом бараньих шкур, сверху скрепленных тонкими жердями, настланными тростником. На таком маленьком плоту помещается небольшая кладь и человек, который только правит своей посудинкой, быстро несущейся по волнам.

Оазис Гуй-дуй (Гуй-дэ), на котором мы теперь очутились, лежит, как уже было говорено ранее, в 65 верстах ниже Балекунгоми и образуется двумя небольшими, впадающими справа в Хуан-хэ, речками: Муджик-хэ и Дун-хо-цзян. Весь этот оазис состоит из небольшого областного города Гуй-дуй, или Гуй-дэ-тин, и нескольких сот фанз, рассыпанных вверх по двум названным речкам, из которых получается вода для орошения полей. Общее число жителей

простирается, как нам говорили, от 6000 до 7000 душ обоего пола — наполовину китайцев, наполовину хара-тангутов рода дунцу.

Пройдя от города Гуй-дуя верст сорок вверх по реке Муджик-хэ, на нижнем течении которой почти сплошь расположены пашни и фанзы оседлых хара-тангутов рода дунцу, мы достигли лесных гор Муджик. Из этих гор китайцы и тангуты сплавают в Гуй-дуй лес вниз по той же Муджик-хэ, весьма быстрой и мелкой. Бревна пускаются в речку поодиночке, и хотя они беспрестанно застревают в камнях, но рабочие, идущие пешком по берегу, вновь их освобождают и, таким образом, с большой потерей времени и труда доставляют к месту назначения. Помимо Гуй-дуя лес этот отправляется и далее вниз по Хуан-хэ.

Большее разнообразие растительности нашлось с переходом нашим в альпийскую область гор Джахар. Здесь мы расположились сначала пониже, а затем перекочевали на 12 400 футов абсолютной высоты на реку Джахар-чю, впадающую в Муджик-хэ. Бивуак наш теперь находился недалеко от снеговых гор, среди альпийских лугов, покрытых пестрым ковром различных цветов, но проклятые непогоды сильно мешали экскурсиям. Дожди, падавшие очень часто и в лесной области гор, здесь шли решительно каждые сутки, нередко мешаясь со снегом; по временам поднимались даже метели, как бы в глубокую зиму; по ночам перепали морозы (до -2°). Сырость стояла ужасная; холод принуждал нас надевать полушубки. Однако, несмотря на все это, многие десятки видов альпийских трав цвели совершенно по-летнему. Случалось, что ночью снег сыпал сплошь эти цветы и холод их замораживал, так что ранним утром альпийские луга похожи были на наши равнины при первопути зимой. Но вот поднималось солнце — снег быстро растаивал, нагнутые и замороженные головки цветов, как, например, мака, астры, курослепника, буквицы и др., вновь выпрямлялись, оживали и к полудню красовались как ни в чем не бывало...

На отличных пастбищах гор Джахар и Муджик кочуют хара-тангуты рода ваншуташу. Общее их число простирается, как нам сообщали, до тысячи палаток. На нас смотрели недоверчиво и подозрительно; даже в стойбищах, ближайших к нашему

Видя, ни разу не хотели пустить к себе в палатки, хитро отговариваясь тем, что при своей бедности они не могут принять столь высоких гостей.

Кроме сбора растений, мы не забывали и охотничьих экскурсий, как только позволяла погода. Отправлялись обыкновенно в ближайшие скалы и там охотились главным образом за голубыми чекканами. Эта великолепная птичка, ростом с певчего дрозда, открыта впервые Гульдом на Гималае, затем найдена миссионером Давидом в Западной Сы-чуани, а мной — в Восточном Нань-шане и в горах верхней Хуан-хэ. Оперение самца хотя скромное, но чрезвычайно красивое: крылья и хвост черные, все же остальные перья прекрасного ярко-голубого цвета, точь-в-точь цвет голубого шелка; самка имеет пеструю, невзрачную окраску.

Везде чекканы держатся только в высочайших горах и притом в самом верхнем их поясе, обыкновенно в скалах вблизи снеговой линии. Отсюда описываемые птички летают на соседние скудные луга, где ловят насекомых, составляющих, сколько кажется, их единственную пищу. Живут обыкновенно обществами в несколько десятков экземпляров; гнездятся, вероятно, также по соседству друг с другом.

Охота за голубыми чекканами несколько заманчива для орнитолога, настолько же и трудна: необходимо забраться в высокий пояс гор, где вечная непогода, неприступные скалы, громадные россыпи... Ходьба адская даже по лугам, которые везде здесь чрезвычайно круты. Притом чекканы хотя вообще мало осторожны, так как никогда не преследуются человеком, но часто бывают недоступны для охотника, сидя на высоких скалах; убитые же птицы нередко пропадают, заваливаясь между крупными камнями россыпей или в глубокие трещины. Случается, что, пролазавши целый день и сильно уставши, возвращаешься ни с чем к своему бивуаку.

Но иногда выпадает и удачная охота, обыкновенно в том случае, когда застанешь голубых чекканов во время их покормки на лугах между скалами; здесь описываемых птичек бить нетрудно в лёте и сидячих. Если луг любим голубыми чекканами, то они посещают его аккуратно во время жировки и возвращаются вскоре даже после выстрелов; нужно засесть и ждать — сами прилетят к охотнику. Так мы и охотились

в горах Джахар, где в продолжение трех дней убили 25 экземпляров чекканов — добыча дорогая для орнитологической коллекции. Чарующее впечатление производит эта красивая птичка, сидящая, словно цветок, на лугу или порхающая по скалам. Иногда даже жалко стрелять в милое, доверчивое создание. И всякий раз, убив голубого чеккана, сначала несколько минут полюбуешься им, а потом уже спрячешь в свою сумку.

Немало оригинальности придает подобной охоте сама местность. Приходится лазить или сидеть на высоте в 13—14 тысяч футов, нередко в облаках, иногда даже выше их. Во все стороны раскрывается далекий, необъятный горизонт, смотришь вдаль и не насмотришься вдоволь... Вокруг над самой головой с особенным дребезжащим шумом крыльев плавно пролетит громадный гриф, или ягнятник; невольно провожаешь глазами эту могучую птицу. То раздается громкий голос улара или прекрасное пенье непальской завирушки и красного выюрка, сожителей голубого чеккана; с окрестных скал нередко валяются камни и с шумом летят далеко вниз в пропасти; то вдруг станет совершенно тихо, словно в горах нет ни одного живого существа... Но вот набежит облако и обдаст сыростью, или осыплет снежной крупой, или наконец разразится недолгим бураном... Однако непогода мало страшит горных птиц; иногда даже во время сильной метели слышится их пенье; впрочем, сам голубой чеккан поет довольно плохо.

В Гуй-дуге нас опять встретил посланный сининского амбана с предложением идти, не заходя на Куку-нор, прямо через Синин в Ала-шань. Вероятно, наше присутствие чересчур беспокоило подозрительного амбана, поэтому он и старался так усердно поскорей нас от себя выпроводить. Со своей стороны мы также не церемонились с назойливым правителем Синина и, не слушая его увещаний, отправлялись туда, куда нам было нужно. Так и теперь сининский посланец был отправлен обратно, сами же мы пошли на Куку-нор. Через Хуан-хэ переправились опять в два приема на прежнем месте и в прежней барке. Вода Желтой реки в это время стояла на гораздо низшем уровне, чем три недели тому назад, вероятно, потому, что несколько дней сряду не было сильных дождей. Однако в ту же

ночь разразилась гроза с проливным дождем, и на другой день вода в Хуан-хэ сильно поднялась, притом от растворенной лёссовой глины сделалась совершенно мутной, почти желтого цвета. Тот же самый ливень наделал и нам немало хлопот, затопив неожиданно наш бивуак. Пришлось ночью в совершенной темноте прокапывать канавы, чтобы спустить воду, а затем спать на измокших войлоках.

На другой день взошедшее солнце быстро высушило почву, и мы благополучно, хотя с большим трудом, перебрались через лёссовые обрывы, упирающиеся в Хуан-хэ. Как и в первый раз, для помощи нам было собрано около сотни тангутов и тангуток, опять-таки весьма мало помогавших и оставшихся только зрителями нашего перехода. На дне ущелья лёссовая глина, растворенная дождем, представляла собой густой сироп, в котором вьючные мулы и мы сами вязли по колено. Выбравшись из этой несносной грязи, мы разбили свой бивуак в последний раз на берегу Хуан-хэ. В ее глубокой долине жара теперь доходила до $+33,7^{\circ}\text{C}$ и чувствовалась особенно сильно после недавних морозов и метелей гор Джахар. Впрочем, температура опять быстро понизилась, лишь только, пройдя ущельем реки Тагалына, мы вошли на Кукунорское плато. Этим подъемом и закончилось трехмесячное наше исследование бассейна верхней Хуан-хэ, то есть тех местностей северо-восточного угла Тибетского нагорья, которые прилегают к собственно Китаю и несут частью тибетский, частью китайский характер без исключительного преобладания одного над другим.

* * *

Выбравшись 23 июня из глубоких ущелий Хуан-хэ на плато Куку-нора, мы продолжали свой путь к названному озеру степной, довольно широкой равниной, которая залегает по реке Ара-голу и продолжается в том же юго-восточном направлении до отрывистых спусков к самой Желтой реке. С юга эту высокую долину окаймляет, как было уже ранее говорено, хребет Южно-Кукунорский; с севера — хребет Амасургу, на продолжении которого в северо-западном направлении стоят новые горы, отделяющие плато Куку-нора от бассейна Сининской реки.

Но не спалось мне. Великолепна, хороша была тихая весенняя ночь!

Дожди, немного было утихшие после гор Джахар, теперь начались по-прежнему, сопровождались обыкновенно грозами и нередко падали ливнями. Эти ливни, смывая лёссовую глину, затопляли более низкие места и до крайности мутили воду в речках; невозможно было напиться или сварить чай, не дав почерпнутой воде хотя немного отстояться. Затем измокший аргал вовсе не горел, деревьев же или кустарников нигде не было; пришлось разрубить для топлива палки от верблюжьих седел и довольствоваться полусваренной бараниной. Те же самые ливни уничтожили бесчисленное множество пищух, столь обильных на Куку-норе. Теперь эти пищухи беспрестанно валялись мертвыми возле своих нор; многие были залиты в тех же норах. Везде по степи летали коршуны, вороны и орланы, собирая легкую добычу. Вероятно, подобные истории случаются нередко как здесь, так и во всем Северном Тибете, чем до известной степени приостанавливается необычайное размножение плодливой зверьки.

Устье реки Ара-гола пересыпано, должно быть недавно, песком, так что ныне река эта не впадает в Куку-нор, но образует недалеко от его берега три небольших пресноводных озера. Возле северного из этих озер мы разбили свой бивуак. Место для стоянки здесь было хорошее, и мы пробыли на нем четверо суток, то есть все последние дни июня, занимались рыбной ловлей, охотой и сборанием довольно скудной степной флоры. При ясной погоде купались в Куку-норе, берег которого отстоял от нашего бивуака лишь на одну версту. Купанье было превосходное: вода имела от 18 до 20° тепла; дно же, при небольшой глубине, состояло из мелкого песка, сбито волнами в твердую массу, словно асфальт.

На озерах, образуемых рекой Ара-голом, в небольшом количестве держались со своими молодыми турпаны и горные гуси; кроме того, здесь встречалось много гагар, которые еще высиживали яйца на своих плавучих, из травы сделанных гнездах. Найдена была также большая редкость, именно яйца черношейного журавля, впервые открытого мной на том же Куку-норе в 1873 году. Нынешней весной мы добыли в свою коллекцию шесть экземпляров этих редких журавлей и нашли два их гнезда. Вообще на Куку-норе, сколько можно было теперь видеть, не только прилетные, но и

местные птицы большей частью гнездятся поздно, вероятно, вследствие продолжительных весенних холодов. Кроме того, несмотря на обилие воды и болот, многие пролетные голенастые и водяные вовсе не остаются здесь для вывода молодых.

Несмотря на высокое положение местности и на дождливую, весьма прохладную погоду, летом на болотах Куку-нора множество мошек и комаров, которые в тихие дни изрядно донимали как нас, так и наших животных. Жертвой этих кровопийц сделался знаменитый наш баран, по прозвищу Еграй, который куплен был еще в Тибете и с тех пор ходил при караване вожакom вновь приобретаемых баранов. Теперь этот Еграй ослеп от укусов мошек и был оставлен на месте нашей стоянки — убить старого спутника рука не поднималась. Другой такой же баран из Цайдама прошел с нами взад и вперед по Северному Тибету, выхаживал три месяца на верховьях Желтой реки и теперь еще здравствовал, исполняя должность вожака при новых своих собратьях. Впоследствии этот самый баран дошел от Куку-нора до середины Гоби и здесь, на пятой тысяче верст своего пути, был оставлен монголам, так как сильно подбил копыта на гальке пустыни.

На Куку-норе, как и во всей тангутской стране, растет джума (гусятая лапчатка) — небольшое травянистое растение, принадлежащее к семейству розоцветных. Трава эта весьма обыкновенна также в Европе и известна у нас под названием гусятая лапка, бедренца, столбистника и др. В тангутской стране, то есть в Северо-Восточном Тибете, джума встречается всего чаще на старых, покинутых стойбищах и по лужайкам в горных лесах; не чуждается также открытых безлесных гор, растет там в долинах, где побольше влаги и почва перегнойная; в открытых сухих степях джумы нет.

Описываемое растение доставляет маленькие, удлиненной формы съедобные клубни, которых при одном корне обыкновенно бывает несколько. Вкусом своим эти клубни в сыром виде отчасти напоминают свежие орехи; сваренные же, весьма походят на фасоль или молодой картофель и, будучи приправлены маслом с солью, составляют весьма питательную, вкусную пищу. Копают джуму ранней весной и осенью, то есть в то время, когда жизнедеятельность растения приостановлена. Этой

кропотливой работой занимаются тангутские женщины; добытые клубни моют и просушивают на солнце.

У всех тангутов джума составляет любимую еду и служит лакомством. Ею же питаются слепыши, весьма обильные в здешних местах, и ушастые фазаны. Первые добывают клубни описываемого растения под землей, последние выкапывают их своими сильными ногами. Мы сами всегда старались добыть джуму от тангутов и обыкновенно ели ее с большим удовольствием.

Прибытием нашим на устье реки Балемы завершилась съемка озера Куку-нор. Не снятой оставалась лишь часть береговой полосы на протяжении 25 верст от нынешней нашей стоянки до устья реки Улан-хошуна, где заканчивалась съемка 1873 года. Но здесь берег Куку-нора тянулся почти в прямом северо-западном направлении, которое можно было нанести на карту одной засечкой от устья реки Балемы, не предпринимая обхода вверх по этой реке для переправы на другую ее сторону.

Гораздо важней для нас было решить вопрос, каким путем возвращаться домой: тем ли, которым ныне мы сюда пришли, то есть через Са-чжеу, Хами и по Чжунгарии в Зайсан; или выбрать направление через Ала-шань на Ургу, по которому мы возвращались с Куку-нора в 1873 году. Первый путь был сравнительно легче и притом представлял возможность сделать по местам повторные наблюдения, что вообще весьма важно при путешествии в диких, малоизвестных странах. Но и при направлении через Ала-шань, а затем серединой Гоби мы также дополняли свои прежние здесь исследования; тем более что некоторые из них производились при первом путешествии грубыми инструментами. Наконец, как для того, так и для другого из возвратных путей необходимы были верблюды, которых мы нигде не могли достать теперь на Куку-норе. При следовании же на Са-чжеу и Хами верблюды нашлись бы только в чайдамском Сыртыне, но еще вопрос: продали ли бы нам их там или нет? Со своими же наличными мулами и тремя уцелевшими верблюдами мы, наверное, могли дойти до Ала-шаня и там, также наверное, достать выючных верблюдов. Таким образом, шансы расчета сильно склонялись на сторону ала-

шаньского пути, и он был избран окончательно.

6 июля покинули мы свой бивуак на берегу Куку-нора, а на другой день совсем распрощались с этим озером. Его бассейн отделялся теперь по нашему пути от притоков Сининской реки лишь невысокой седловиной, которая в то же время служит связью между крайним хребтом восточного берега Куку-нора и мощными горами на северной стороне того же озера.

Перейдя по каменному мосту, близ небольшого города Шин-чен, реку Бугук-гол и сделав еще один переход, мы достигли кумирни Чейбсен (Чойбзен), возле которой расположились бивуаком. Все здесь живо помнилось, несмотря на то что минуло более семи лет после нашего пребывания в этих местах. Нашлись старые знакомые: донир (настоятель), нираба (эконом) и еще один лама в кумирне, с которыми некогда мы шли сюда из Ала-шаня, а также монгол Джигджит, ходивший с нами в качестве проводника и переводчика по горам Северо- и Южно-Тэтунским. Все эти люди с непритворным радушием, даже большой радостью встречали теперь нас.

Новостью в Чейбсене было теперь для нас несколько водяных молелен — хурдэ, как их называют монголы, устроенных на ближайшей речке. Эти молельни, весьма обыкновенные в Тибете, частью и в других странах буддийского мира, состоят из большого железного цилиндра, укрепленного на деревянном столбе фута три высотой. Такой столб утверждён вертикально в обыкновенном мельничном колесе небольших размеров, горизонтально положением. Струя воды, направленная на упомянутое колесо, приводит его в быстрое вращательное движение, которое помощью столба сообщается и железному цилиндру. Последний снаружи выкрашен почти всегда в красный цвет и испещрен какими-то надписями, вероятно священными. Внутри цилиндра кладутся верующими написанные на листочках бумаги или на тряпках молитвы, которые, находясь без перерыва в движении, тем самым как бы постоянно взывают к богу. Подобная машина в верхней своей части помещается в деревянном ящике, поддерживаемом на углах четырьмя столбиками. Один из боков этого ящика делается решетчатым, три остальные сплошь набираются досками; сверху устраивается крыша, покатая на две стороны.

С приходом в Чейбсен окончилась маршрутно-глазомерная съемка, которую я вел от самой реки Урунгу; предстоявший теперь путь через Ала-шань до Урги был снят еще в 1873 году. Всего в течение нынешней экспедиции снято было мной 3850 верст. Если приложить сюда 5300 верст, снятых при первом путешествии по Монголии и Северному Тибету, да 2320 верст моей же съемки на Лоб-норе и в Чжунгарии, то в общем получится 11470 верст, проложенных вновь на карту Центральной Азии. При этом следует сказать, что как ни проста сама по себе глазомерная съемка буссолью, но она достаточно утомляет дорогой, в особенности при жаре, так как для засечек часто приходится слезать с лошади; да и по приходе на место переноска снятого на чистый планшет всегда отнимает час или два времени. Притом сама съемка является лишь небольшой частью различных научных работ во время путешествия.

* * *

Предстоявший нам путь от города Даджина до Урги, ранее пройденный мной в 1873 году, лежал как раз поперек самого широкого места всей Гоби. На 10° от юга к северу залегла здесь Великая Азиатская пустыня, раскинувшаяся с запада на восток, от Памира до Хингана, на 50° долготы, или на 4000 верст.

Абсолютная высота Гоби неравномерна. Наиболее низкие ее части лежат в бассейне реки Тарима в Чжунгарии и в середине кяхтинско-калганского пути. Затем крайние пределы, в которых варьируется поднятие остальной пустыни над уровнем океана, заключаются между 3500 и 5000 футов; изредка подъем доходит до 5200 и даже 5500 футов.

Но как в более низких, так и в более высоких частях Гоби орошение ее крайне бедное, за исключением разве северной и восточной окраин. Из больших рек пустыне принадлежит сполна лишь Тарим, образующий своим конечным разливом озеро Лоб-нор; затем более других значительны Урунгу в Чжунгарии и Керулен на северо-востоке Гоби; в юго-восточном ее углу является на время Хуан-хэ, с трех сторон огибающая Ордо. Другие речки, стекающие с окраин гор или с Восточного Тянь-шаня, за исключением немногих, обыкновенно пропадают, лишь только покажутся в пустыне.

Ключи редки в пустыне, в особенности там, где залегают сыпучие пески; притом вода этих ключей иногда бывает соленой или с примесью каких-либо других минеральных частиц. Наконец колодцы, доставляющие главным образом воду для обитателей Гоби, во многих ее местах также не обильны, можно даже сказать — редки. Все они неглубоки, воду имеют большей частью соленую, иногда известковую, нередко весьма противную на вкус.

Почва Гоби состоит из щебня или гальки, иногда с гравием, из сыпучего песка, наконец, из лёссовой глины. Однако в различных частях пустыни тот или другой род почвы преобладает неодинаково. Так, сыпучие пески, вероятные остатки прежних мелей и дюн внутреннего моря, залегают всего более в Южной Гоби — от бассейна Тарима через Ала-шань в Ордос, а также в Чжунгарии; спорадически, сравнительно небольшими площадями, встречаются и в других местах пустыни. Щебень или галька — продукты разложения и выветривания местных горных пород, — а также гравий, иногда с примесью гольшей халцедона, агата и кварца, наполняют собой среднюю, самую бесплодную часть Гоби, простираясь отсюда и в Чжунгарии. Лёссовая глина составляет почти везде подпочву сыпучих песков, примешивается к щебню и гравиям, наконец залегают сама по себе в чистом виде или в виде солончаков, разбросанных спорадически, но опять-таки всего более в южной, средней и западной частях пустыни.

Климат Гоби характеризуется своей крайней континентальностью и, за исключением южных частей пустыни, весьма большой суровостью. Даже в Юго-Восточной Монголии, под 42° северной широты, мы наблюдали в конце ноября морозы до $-32,7^{\circ}$, тогда как в Северной Гоби и в Чжунгарии охлаждение воздуха зимой иногда переходит точку замерзания ртути. Притом сильные ночные морозы продолжают день в день через всю зиму; нередко выпадают и весной. Но в тех же самых местах летом наступает чуть не тропическая жара, в особенности чувствительная при отсутствии лесной тени и при крайней сухости атмосферы. Оголенная почва пустыни нагревается в это время обыкновенно от 50 до 60°C , иногда даже более; между тем как зимой та же почва охлаждается до $-26,5^{\circ}\text{C}$, вероятно и более. Переходы от холода к

теплу весной и наоборот осенью обыкновенно бывают весьма круты.

Рядом с весьма низкой температурой зимой и весьма высокой летом в Гоби является постоянно крайняя сухость воздуха, в особенности в центральной и южной частях пустыни; северная же и восточная ее окраины пользуются летом сравнительно достаточным количеством атмосферных осадков. Эти осадки приносятся на северную окраину Гоби северными и северо-восточными ветрами, которые, пройдя от Полярного моря через Сибирь, осаждают свою влагу на северных склонах пограничных гор и лишь небольшой остаток этой влаги проливают на соседнюю пустыню, но этого довольно, чтобы превратить ее в степь. В Восточной же и юго-восточной Гоби летние дожди приносятся из Китайского моря юго-восточным муссоном, достигающим здесь своей крайней западной границы. Остальные части описываемой пустыни, в особенности бассейн Тарима, получают дождь или снег, как большую редкость. Впрочем, в средней Гоби иногда, но не каждое лето, случаются единичные ливни, образующие кратковременные потоки и более продолжительные озера на ровных глинистых площадях. Зимой снег вообще редок в Гоби; в южных же ее частях снега почти вовсе не бывает.

Наконец, последнюю характерную черту климата описываемой пустыни составляют сильные бури, которые всего чаще случаются весной и зимой; реже появляются летом и осенью. Их направление почти исключительно северо-западное; только на Лоб-норе, где, как, вероятно, и во всем бассейне Тарима, зимой вовсе не бывает бурь, весной эти бури приходят от северо-востока, то есть со снегов Тянь-шаня и из более холодных частей средней Гоби. Причины собственно гобийских бурь и их постоянное северо-западное, изредка западное, направление объясняются близким соседством более низкого и теплого Китая, куда стремится холодный воздух с нагорья, а затем значительной в ясные дни разницей температуры воздуха в той же пустыне на обращенной к солнцу стороне всех выдающихся предметов и на их стороне теневой. Оба эти фактора всего напряженнее действуют весной, оттого и бури в это время года в Гоби случаются всего чаще. Те же бури почти всегда наполняют атмосферу тучами мельчайшего

песка и пыли, которые, оседая в замкнутых котловинах, образуют в течение веков лесовые толщи.

Все вышеизложенные условия почвы и климата Гобийской пустыни крайне неблагоприятны для здешней растительности. Самые злейшие ее враги — засуха, жары, морозы, бури и соль в почве, — действуя в большей или меньшей совокупности, обуславливают, с одной стороны, бедность, а с другой — своеобразность растительных форм пустыни; притом воспитанные в такой среде здешние растения отличаются крайней неприхотливостью и живучестью вообще.

Наиболее плодородные части Гоби лежат в ее степных окраинах — северной, восточной и юго-восточной; там местами являются превосходные луга. В самой пустыне сравнительно большее количество растений можно встретить на лёссовой глине по влажным окраинам солончаков и возле редких ключей; затем по окраинам сыпучих песков и на лёссовых площадях внутри их; настоящие же солончаки и щебенные степи самые бесплодные.

Но общую характеристику флоры пустыни, как и степных окраин Гоби, составляет отсутствие деревьев и лугового дерна. Первые не могут, вероятно, вынести засухи и крайностей здешнего климата, а также устоять против сильных бурь; дерновый же покров, как продукт влажности и перегнивания предшествовавших травянистых поколений, не может образоваться на лёссовой почве и в сухом климате пустыни. Поэтому вся растительность Гоби, даже в лучших ее частях, рассажена кустиками, почти вовсе не прикрывающими желтоватого и буровато-красноватого фона почвы. Притом, несмотря на видимое однообразие физических условий, различные части описываемой пустыни все-таки сохраняют специальные, к данной местности приуроченные виды. Так, например, джингил и кендырь, столь обильные на Тариме, не встречаются в восточной половине Гоби; сульхир, изобильный в Алашане, не растет на нижнем Тариме; нет здесь также хармыка, дырисуна и саксаула, хотя три этих растения свойственны всей Внутренней Азии — от Каспийского моря до собственно Китая; дикая редька двух видов встречается исключительно на песках Ордоса и Ала-шаня; тамариск не растет в Алашане, Средней и Северной Гоби, но преобладает на Тариме и в Ордосе, по долине

Хуан-хэ, и т. д. Конечно, в данном случае весьма важны почвенные и климатические условия, но и помимо их, вероятно, существуют какие-либо иные причины, которые приковывают растительную жизнь к той или другой местности пустыни.

Относительно своей фауны Гоби представляет отдельную зоологическую область, которая, в общем, не может похвалиться богатством животного царства. Правда, в некоторых здесь местностях — в степных полосах, в горах, по рекам и озерам — животные скопляются, нередко в обилии, но в пустыне они встречаются сравнительно редко; здесь только множество ящерид, беспрестанно снующих под ногами путника. Притом не только некоторые птицы, но даже ящери Гоби ведут кочевую жизнь в зависимости главным образом от большего или меньшего достатка корма. Относительно этого последнего животные пустыни вообще весьма неприхотливы и еще более воздержливы относительно питья; некоторые из мелких млекопитающих — песчанки и пищухи, — вероятно, не пьют во всю свою жизнь, довольствуясь сочными солянковыми растениями или свежей травой в степях, а зимой — изредка выпадающим снегом.

Всего в собственно Гоби с Ордосом и Ала-шанем нами найдено как в настоящее, так и в прежние здесь путешествия 46 видов диких млекопитающих: в Чжунгарии с долиной реки Урунгу — 21 вид; на Лобноре с нижним Таримом — 20 видов. Из них исключительно Чжунгарии свойственны от 8 до 10 видов, а Лобнору с Таримом — от 8 до 12 видов. Следовательно, во всей Гоби найдено нами 62—68 видов диких млекопитающих; кроме того, 11 видов домашних.

Истинное же богатство Гоби составляют домашние животные, во множестве разводимые здешними кочевниками. На просторе пустыни при обилии соли и отсутствии летом мучащих насекомых, а зимой глубокого снега стада у номадов живут привольно и плодятся обильно. Правда, иногда слишком суровая зима или чересчур жаркое, совершенно бездождное лето, наконец повальные болезни производят страшные опустошения среди скота, но эти потери впоследствии быстро и пополняются. Из домашних животных в Гоби всего более баранов (курдючных), рогатого скота, верблюдов и лошадей; в горах Алашаньских и в окрестностях

Урги разводятся яки; козы встречаются также повсюду, равно как и собаки, при юртах кочевников.

Из царства пернатых в Гоби с приложением сюда пустынь Таримской и Чжунгарской нами найден 291 вид.

Число оседлых птиц в Гоби весьма невелико; притом значительно большая их часть не принадлежит самой пустыне. Также и гнездящиеся птицы избирают здесь для себя преимущественно горы, реки, озера, степные площади — словом, лучшие места. На них главным образом останавливаются и пролетные виды, большая часть которых спешит без оглядки перенестись через пустыню. Впрочем, в восточной половине Гоби пролет птиц, как показали мои последние наблюдения, весьма значительный, тогда как западная половина той же Гоби, в особенности Таримская и Чжунгарская пустыни, тщательно избегаются пролетными птицами.

Из класса пресмыкающихся Гоби, как было упомянуто выше, обильна ящерицами, которых здесь известно до сих пор 25 видов, принадлежащих почти исключительно двум родам: круглоголовки и ящурки. Местами эти ящерицы чрезвычайно многочисленны; наибольшее их разнообразие встречается в Ала-шане и вообще в Южной Гоби. Змеи в пустыне довольно редки. Нами найдено всего восемь видов, из которых более обыкновенны спиннополосатый полоз и подкаменщик. Черепахи водятся лишь на Хуан-хэ, в Ордосе. Здесь встречаются также местами в большом количестве обыкновенная и зеленая лягушки, не найденные в других частях Гоби. Зато жабы попадаются нередко по ключевым болотцам пустыни.

Ихтиологическая фауна Гоби распределена главным образом по ее окраинам там, где являются более значительные реки и озера. Но и здесь царство рыб не богато. Характеризуется оно, как в Тибете, преобладанием двух семейств: карповых и вьюнковых.

Теперь более подробно об Ала-шане, через который должен был лежать наш дальнейший путь.

Спустившись к подножию Восточного Нань-шаня, путешественник, направляющийся к северу, тотчас же попадает в пустыню Алашаньскую. Взамен прежних обильно орошенных гор, одетых луговой и лесной зеленью, перед глазами путника является необозримая волнистая равнина, без-

водная и в большей своей части покрытая сыпучим песком. Желтовато-серая пыльная атмосфера висит над этим песчаным морем, раскинувшимся с востока на запад от Алашаньского хребта до реки Эцзинэ, а с юга на север — от узкой культурной полосы вдоль подножия Нань-шаня до абсолютно почти бесплодной Галбын-гоби. В северо-восточном Ала-шане те же сыпучие пески, суженные хребтами Алашаньским и Хан-ула, прорываются еще далее к северо-востоку, сначала по левому берегу Хуан-хэ, а затем, перейдя в Ордос, принимают восточное направление и тянутся по правому берегу Желтой реки дальше меридиана города Бауту. Таким образом, площадь описываемых песков залегает от запада к востоку верст на девятьсот, при наибольшей ширине в своей середине верст на триста или около того. Однако пространство это не сплошь покрыто сыпучим песком. Последний расположен полосами более или менее широкими; в промежутке же этих полос являются то солончаки, то площади лёссовой глины. Сам песок очень мелкий, красновато-желтого цвета, всюду насыпан в твердой лёссовой подпочве тысячами тысяч мелких (от 40 до 60, иногда до 100 футов высотой) холмиков и увалов с выдутыми в промежутках их впадинами — издали точь-в-точь сильно взволнованное и вдруг застывшее море. Конечно, каждая буря изменяет очертания этих песчаных волн, но общий вид песков остается одинаковым. И подобно тому, как на море проплывший корабль не оставляет следа, так и в песках пустыни след человека, животного или даже целого каравана замечается ветром и исчезает навсегда. Во время бури тучи того же песка поднимаются в воздух и грозят гибелью заблудившемуся путнику.

Кроме лёссовых и солончаковых площадей, среди песчаной пустыни Ала-шаня кое-где поднимаются невысокие группы холмов или отдельные горки, обыкновенно также глинистые и совершенно бесплодные. Только два хребта: Алашаньский и Хан-ула — первый на востоке, второй на севере описываемой страны, — нарушают однообразие здешней местности...

Тяжелое, подавляющее впечатление производит Алашаньская пустыня, как и все другие, на душу путника. Бредет он со своим караваном по сыпучим пескам или по обширным глинисто-солончаковым площа-

дям и день за днем встречает одни и те же пейзажи, одну и ту же мертвенность и запустение. Лишь изредка пробежит вдали робкая хара-сульта, юркнет в нору испуганный тушканчик, глухо просвистит песчанка, затрещит саксаульная сойка или со своим обычным криком пролетит стадо большедуровок... Затем нередко по целым часам сряду не слышно никаких звуков, не видно ни одного живого существа, кроме бесчисленных ящериц... А между тем летнее солнце печет невыносимо и негде укрыться от жары: нет здесь ни леса, ни тени; разве случайно набежит кучевое облако и на минуту прикроет путника от палящих лучей. В мутной желтовато-серой атмосфере обыкновенно не колыхнет ветерок; являются только частые вихри и крутят горячий песок или соленую пыль...

Вплоть до заката жжет неумолимое солнце пустыни. Но и ночью здесь нет прохлады. Раскаленная днем почва дышит жаром до следующего утра, а там опять багровым диском показывается дневное светило и быстро накаляет все, что хотя немного успело остынуть в течение ночи...

Зимой картина пустыни изменяется, но только не внешним видом все той же унылой природы, а главным образом относительно климатических условий. Взамен невыносимых жаров теперь наступают столь же невыносимые холода, от которых трудно спастись человеку при неимении прочного жилья и древесного топлива. Частые бури еще более усиливают леденящую стужу. Там, где несколько месяцев ранее стояли тропические жары, теперь наступают чуть не полярные холода — и много нужно жизненной энергии, в особенности для растений, чтобы не погибнуть при подобных крайностях климата, не говоря уже о других невзгодах здешней мачехи-природы...

Начнем снова о путешествии.

Передневав возле города Даджина, окрестности которого, некогда разоренные дунганами, стояли и теперь в том же запустении, какими мы их видели семь лет тому назад, мы пошли в Ала-шань прежним своим путем. Только на этот раз имели двух проводников, довольно хорошо знавших дорогу. По пути, по крайней мере на первых трех переходах до границы Ала-шаня, не было прежнего безлюдья, но довольно часто попадались китайцы, которые пасли казенных лошадей. За неимением лучшего корма

эти лошади довольствовались бударганой и другими солянковыми травами пустыни.

Перейдя Великую стену, которая тянется в 4 верстах северней Даджина и представляет здесь собой не что иное, как сильно разрушенный глиняный вал сажени три высоты, мы ночевали в первый день возле китайской фанзы Ян-джонза, где и прежде останавливались два раза.

От фанзы Ян-джонза наш путь лежал к востоку-северо-востоку вдоль сыпучих песков, которые необъятной массой уходили на север. Мы же шли по глинисто-солончаковой бесплодной и безводной равнине, кое-где всхолмленной невысокими горками.

Те пески, в которых мы теперь находились, известны монголам под названием Тынгери, то есть «небо», за свою необычайную обширность. Они представляют собой тип всех вообще сыпучих песков Центральной Азии, да, по всему вероятию, и нашего Туркестана, где эти песчаные массы известны под названием барханов. Правильной определенной формы барханы не имеют, так как их архитектура зависит от силы и направления ветра, неровностей почвы, качества самого песка и т. д. В общем же описываемые пески представляют запутанную сеть невысоких (от 40 до 60, редко 100 футов) холмов и валообразных гряд между этими холмами. На наветренной стороне песок от давления ветра сложен довольно твердо, так что нога вязнет в песке не глубоко; притом скат здесь обыкновенно гораздо положе. На стороне же подветренной, в особенности у холмов, скат весьма крутой, и песок здесь очень рыхлый, вполне сыпучий.

Между песчаными холмами образуются воронкообразные ямы или почти продольные ложбины, часто достигающие в глубину до самой подпочвы. Последняя в песках Тынгери, как и в большей части других песков, состоит из солончаковой глины, утрамбованной, словно выметенный ток. Воды нигде нет, за исключением лишь редких ключей; в некоторых, правда также весьма редких, местах, плохую соленую воду можно достать на глубине 3—4 футов, копая глинистую подпочву песков.

Последние в главной своей массе вовсе лишены растительности, появляющейся, как было говорено выше, лишь на окраинах песчаных площадей да изредка на дне ложбин и воронкообразных ям. Впрочем, в указы-

ваемых местах флора пустыни довольно разнообразна, и мы собрали в песках Тынгери 17 видов растений, еще не бывших в гербарии нынешнего года. Из этих растений наиболее замечательными и характерными для Ала-шаня служат сульхир и пугиониум.

Сульхир, принадлежащий к семейству солянковых растений, распространен по всей Центральной Азии до 48° северной широты и растет исключительно на голом песке. Представляет собой два вида. Первый преобладает в Ала-шане, Ордосе, вообще в южных и восточных частях Гоби; последний занимает район более западный и распространяется через наш Туркестан до Каспийского моря. Кроме того, мы встречали сульхир на верхней Хуан-хэ и в Цайдаме; в Северном Тибете этого растения нет.

Как выше сказано, сульхир растет исключительно на голом песке. Просачивающаяся внутрь такого песка дождевая вода, затем, по мере испарения в наружном песчаном слое, вновь поднимающаяся вверх, служит для питания как описываемого растения, так и других, здесь произрастающих. Недаром почти все эти растения имеют чрезвычайно длинные корни, которыми вытягивают влагу со значительной глубины. И чем сравнительно более падает водяных осадков, тем, конечно, растительность в песках лучше. Сам сульхир — растение однолетнее, достигающее в Ала-шане при благоприятных условиях до 3 футов высоты, при толщине стебля в $\frac{1}{2}$ дюйма; впрочем, гораздо чаще попадаются вдвое меньшие экземпляры.

Сульхир дает не только прекрасный корм монгольскому скоту, но своими мелкими, как мак, семенами доставляет важный продукт питания алашаньским монголам. Вопреки поговорке «не посеешь — не пожнешь», алашаньцы, в особенности в более дождливое лето, собирают в конце сентября обильную жатву на своих песках. Затем тут же, на готовых токовищах, каковыми служат все оголенные места лёссовой подпочвы, обмолачивают собранный сульхир. Семена его сначала поджаривают, а потом мелют ручными жерновами и получают вкусную муку, которой питаются в течение круглого года. Кроме того, сульхир служит во время зимы главной пищей бесчисленных стад большеруков, прилетающих в Ала-шань на зимовку из более северных частей Гоби; теми же се-

менами, вероятно, питаются и зерноядные птицы при осеннем перелете через пустыню.

Другое замечательное, хотя далеко не столь полезное для туземцев растение песков Ала-шаня — это пугиониум, называемое монголами «дзерлик-лобын», то есть «дикая редька». Действительно, его сырые плоды имеют редечный или горчичный вкус и запах; китайцы же собирают молодые первогодные экземпляры самого растения, солят их и едят как овощ. Пугиониум до последнего времени составлял большую редкость, так как известен был лишь по двум веточкам, добытым в прошлом веке естествоиспытателем Гмелином, вероятно, от богомольцев, возвратившихся из Тибета в Северную Монголию.

По сообщению монголов, в песках Тынгери до сих пор еще живут одичавшие лошади, ушедшие в пустыню при разорении Ала-шаня дунганами в 1869 году. С тех пор эти лошади бродят и плодятся на воле, весьма осторожны и на водопой ходят лишь по ночам или на те ключи, возле которых нет людей. Однако в последние годы местные монголы частью перестреляли описываемых лошадей, подкарауливая их на водопоях, частью переловили там же в петли. Осталось лишь несколько десятков экземпляров, большая часть которых живет в местности Ган-хай-цзы, лежащей верстах в сорока к северо-северо-западу от ключа Баян-булык. В названном урочище есть небольшое соленое озеро и два ключа, из которых пьют одичавшие лошади. Со временем они, вероятно, также будут переловлены монголами.

Перед самым переходом через поперечную гряду песков Тынгери к нам приехали высланные алашаньским князем навстречу трое монголов и в том числе старый приятель наш Мукдой. С этими посланцами мы и дневали возле ключа Баян-булук.

На другой день нашего прибытия в Дын-юань-ин к нам явился прежний знакомый и приятель лама Балдын Сорджи, только что возвратившийся из Пекина и привезший нам письма и газеты, обязательно высланные из посольства. Балдын Сорджи по-прежнему состоит доверенным лицом у местных князей; он немного постарел, по все-таки энергичен, как и в былое время. Между прочим, Сорджи сообщил нам, что несколько лет тому назад в северо-восточном углу Ала-шаня, в местности Чаджин-

тохой, на левом берегу Желтой реки, поселились трое миссионеров. Двое из них приезжали в Дын-юань-ин и жили здесь около года. Зная хорошо китайский язык, они часто беседовали с Балдын Сорджи об истинах религии; но, сколько мы могли заметить, лама не вынес из этих бесед даже смутных понятий о сущности христианства. Охотников креститься в алашаньском городе также не нашлось; между тем в Чаджин-тохое число прозелитов¹, по словам того же Сорджи, доходит до 300 человек, хотя крестятся почти исключительно из-за материальных выгод.

По смерти старого алашаньского вана, последовавшей в 1877 году, его место занял старший сын — Ария; средний, Сия, пожалован гуном, то есть князем шестой степени; младший по-прежнему остался гыгеном. Все эти три князя были воспитаны своим отцом на китайский лад, так что гораздо более походят на китайцев, нежели на монголов. Старший сын, нынешний ван Ала-шаня, по наружности толстый и косой; Сия роста среднего, также толстый и пухлый, словно из теста сделанный; гыген, наоборот, худощавый, слабого сложения и, несмотря на то что имеет уже лет под тридцать, выглядит совершенным мальчиком.

Ван правит Ала-шанем; братья ему помогают. Вернее, однако, что ни один из князей ничего не делает; жизнь ведут праздную и только часто ссорятся друг с другом. Впрочем, общая забота алашаньских князей заключается в том, чтобы, правдой и неправдой, возможно больше вытянуть со своих подданных. Ради этого, помимо податей, в казну вана поступают различные сборы как деньгами, так и скотом; нередко князья прямо отнимают у монголов хороших верблюдов и лошадей, возвращая взамен плохих животных. Притом ван открыл значительный для себя источник дохода, раздавая за деньги своим подданным мелкие чины, которыми нередко украшаются даже пастухи и слуги княжеские. За малейшую вину эти новоиспеченные чиновники опять разжалываются; затем им вновь возвращается прежний чин, а ван получает новое приношение.

Оба других князя устраивают театральные представления, в которых участвуют

¹ То есть обращенные в какую-либо новую религию, в данном случае, принявшие христианство. (Примеч. редактора.)

сами, исполняя и женские роли; даже гыген не стыдится наряжаться женщиной и плясать перед своими верующими. В такой театр приглашаются жители Дынь-юань-ина, а также приезжие зажиточные монголы; каждый гость обязан сделать подарок деньгами, а за неимением их — продуктами или скотом.

Вообще все три алашаньских князя — выжиги и проходимцы самой первой руки. Несмотря на сделанные нами им хорошие подарки, князья, и в особенности ван, не стыдились выпрашивать через своих приближенных подарить то то, то другое. Со своими подчиненными князья обращаются грубо, деспотично, притом постоянно прибегают к шпионству. Одним словом, в этот раз нашего пребывания в городе Дынь-юань-ине алашаньские князья произвели на меня неприятное, отталкивающее впечатление. Прежде, восемь лет тому назад, они были еще юношами, хотя также испорченными. Теперь же, получив в свои руки власть, эти юноши преобразились в самодуров-деспотов, каковыми являются весьма многие азиатские правители.

Девять суток, проведенных нами в Дынь-юань-ине, посвящены были снаряжению на дальнейшее следование в Ургу. Путь предстоял не близкий, более чем в 1000 верст, и притом дикой серединой Гоби. По счастью, время наступало осеннее — наилучшее для переходов в пустыне. Во всяком случае, необходимо было приобрести надежных животных, и мы, продав вану своих мулов, наняли у того же вана 22 вьючных верблюда, с платой по 12 лан за каждого до Урги. Уставшие лошади также были сбыты и заменены новыми; только три верблюда-ветерана, остаток зайсанского каравана, опять поплелись с нами.

Утром 2 сентября мы выступили из Дынь-юань-ина и на четвертом переходе ночевали возле соленого озера Джаратайдабасу, отстоящего на сотню верст от алашаньского города. Местность по пути была, как и прежде: волнистые площади солончакковой глины или сыпучие пески, местами поросшие саксаулом. В нынешнее лето в северном Ала-шане вовсе не падало дождей; поэтому погибла и скудная травянистая растительность пустыни. Погода, несмотря на сентябрь, стояла теперь жаркая; не холодно было и по ночам.

Хребет Хурху, открытый мной в 1873 году, составляет, как оказывается, благодаря недавним исследованиям подполковника Певцова¹, крайний восточный угол Южного Алтая, который, не прерываясь, тянется сюда из Чжунгарии. Этот Юго-Восточный Алтай, сравнительно невысокий и, по всему вероятно, довольно узкий, вздымается, как свидетельствует Певцов, до пределов вечного снега в горах Ихэ-богдо и Цасату-богдо, лежащих на 45° северной широты и под 70° и 71° восточной долготы от Пулково. Изменяя, немного восточнее названных вершин, свое прежнее восточно-юго-восточное направление на юго-восточное, тот же Алтай еще более мельчает, но потом снова повышается в группе Горбун-сэйхын, юго-восточное продолжение которой, как сообщали нам еще в 1873 году местные монголы, и есть хребет Хурху. По сведениям, тогда же нами добытым, этот хребет тянется на юго-восток до крайних гор долины Хуан-хэ; но, по распросам Певцова, юго-восточное продолжение Горбун-сэйхына оканчивается в Галбын-гоби.

Таким образом, связуя данные и сведения, добытые Певцовым и мной, получаем тот в высшей степени интересный факт, что Южный Алтай не оканчивается, как до сих пор полагали, в Северо-Западной Гоби, но тянется в диагональном направлении поперек этой пустыни чуть не до самого Инь-шаня.

Хребет Хурху в направлении, нами пройденном, имел не более 10 верст в поперечнике и едва ли возвышался более чем на 1000 футов над своим подножием, так что абсолютная его высота, по всему вероятно, не превосходит 6000 футов. С такими же размерами горы уходили к юго-востоку и на северо-запад от нашего пути. Весь хребет изборожден частыми ущельями; гребни гор между ними узки и коротки; всюду высятся сравнительно небольшие, но сильно выветрившиеся скалы из сланцев и сиенитового гранита. Продукты разложения этих пород усыпают горные склоны и чрезвычайно затрудняют ходьбу по ним.

Перейдя почтовую дорогу, которая ведет из Калгана в Улясутай, мы вступили в

¹ Певцов Михаил Васильевич — известный русский путешественник, исследователь Центральной Азии. Современник Пржевальского, заменил его на посту начальника экспедиции в пятой центральноазиатской экспедиции в 1889 году. (Примеч. редактора.)

степную полосу Северной Гоби. Взамен прежних волнистых и бесплодных равнин местность представляла теперь перепутанную сеть невысоких увалов и холмов, принадлежащих, по всему вероятно, расплывшейся восточной части Хангая. Далее же к северу появились выровненные, хотя и невысокие хребты, которые составляют крайние юго-западные отроги Кэнтая. Абсолютная высота по нашему пути не превосходила 5200 футов и не опускалась ниже 4200 футов; на последнем уровне лежит сама Урга. Галечная почва Средней Гоби заменилась теперь почвой песчано-глинистой, покрытой прекрасной для корма скота травой. И чем далее подвигались мы к северу, тем лучше и лучше становились пастбища, по которым везде паслись многочисленные стада местных монголов. Эти последние, коренные халхасцы, выглядели гораздо бодрее своих собратий, виденных нами в Средней Гоби. Точно так же умножилась и животная жизнь: появились, местами в обилии, дзерены, всюду виднелись норы тарбаганов, находившихся теперь в зимней спячке; весьма многочисленны были полевки и пищухи-оготоны; зимние запасы сена у нор последних местами, словно частые кочки, пестрили степь. Гнездившиеся птицы теперь уже улетели, а из оседлых чаще других попадались рогатые жаворонки и земляные выюрки.

Однако текучей воды по-прежнему не имелось, лишь чаще стали попадаться ключи; колодцы также были нередки и вода в них встречалась большей частью хорошая. Несмотря на обилие пастбищ, местами корм был уже выеден дочи́ста, в особенности в ближайших окрестностях почтовой улясунтайской дороги. От нее до Урги мы шли 12 суток с одной в том числе дневкой.

Следующий за Гангы-дабаном наш бивуак был на Бугук-голе, первой речке, встреченной нами от самого Нань-шаня. Один только переход отделял теперь нас от Урги, и под влиянием столь радостной мысли путь 19 октября длился невыносимо долго, в особенности в первой своей половине. Как нарочно, местность здесь холмистая, не открывающая далекого горизонта. Наконец с последнего перевала перед нами раскрылась широкая долина реки Толы, а в глубине этой долины, на белом фоне недавно выпавшего снега, чернелся грязной, безобразной кучей священный мон-

гольский город Урга. Еще два часа черепашьей ходьбы — и вдали замелькало красное здание нашего консульства. Тут же и быстрая Тола струила свою светлую, еще не замерзшую воду: справа, на горе Ханула, чернел густой, нетронутый лес. Обстановка пустыни круто изменялась. Попадали мы словно в иной мир. Близился конец 19-месячным трудам и многообразным невздам. Родное, европейское чувствовалось уже недалеко. Нетерпение наше росло с каждым шагом; ежеминутно подгонялись усталые лошади и верблюды... Но вот мы наконец и в воротах знакомого дома, видим родные лица, слышим родную речь... Радужная встреча соотечественников, обоюдные расспросы, письма от друзей и родных, теплая комната взамен грязной, холодной юрты, разнообразные яства, чистое белье и платье — все это сразу настолько обновило нас, что прошлое, даже весьма недавнее, казалось грезами обманчивого сна...

Так закончилось вышеописанное, третье для меня по счету, путешествие в Центральной Азии. Подобно двум первым, оно представляет собой научную рекогносцировку посещенных местностей. Иного результата наши странствия иметь и не могли как по многим пробелам личной нашей подготовки, так и по самому характеру пройденных стран, где против путешественника нередко встают и люди и природа, где иногда с винтовкой в руках приходится прокладывать себе путь, а сплошь и рядом сначала заботиться, чтобы не погибнуть от жажды или голода, и затем уже справлять научные работы. Но утешительно для меня подумать, что эти быстролетные исследования в будущем послужат руководящими нитями, которые поведут в глубь Азии более подготовленных, более специальных наблюдателей. Тогда, конечно, землеведение и естествознание в своих различных путепроходах обогатятся сторицей против того, что им дали нынешние наши шествия. Пока же сведем итоги сделанного нами в Центральной Азии.

За все три здесь путешествия нами пройдено по местностям, большей частью малоизвестным, а нередко и вовсе неизвестным, 22 260 верст, из которых 11 470 верст (весь передний путь) сняты глазомерно. Астрономически определена широта 48 пунктов; посредством барометра Паррота, а при первом путешествии — anerоида и гипсометра

определена абсолютная высота 212 точек. Ежедневно три раза в продолжение всех путешествий производились метеорологические наблюдения; иногда измерялась температура почвы и воды; психрометром по временам определялась влажность воздуха. Постоянно велся общий дневник и, по мере возможности, производились этнографические исследования.

В области естествознания, относительно которого пройденные нами местности Центральной Азии были до сих пор почти вполне неизвестны, производились специальные исследования над птицами и млекопитающими, а затем составлялись коллекции, в которые собрано:

	Видов	Экземпляров
Млекопитающих	около 90	около 408
Птиц	» 400	» 3425
Пресмыкающихся и земноводных	» 50	» 976
Рыб	» 53	» 423
Насекомых	» ?	» 6000
Растений	» 1500	» 12000

Кроме того, собирались образчики горных пород во всех попутных хребтах.

Зоологический сбор передан в музей С.-Петербургской Академии наук; гербарий — в Ботанический сад; небольшая минералогическая коллекция — в геологический кабинет С.-Петербургского университета. Часть собранных коллекций, в которых оказалось много новых для науки видов, как животных, так и растительных, описана академиками Максимовичем и Штраухом, покойным профессором Кесслером и мною; несравненно же большее количество добытого материала остается пока еще не обработанным.

Но если мне и выпала счастливая доля совершить удачно три путешествия в Центральной Азии, то успех этих путешествий — я обязан громко признать — обусловливался в весьма высокой степени смелостью, энергией и беззаветной преданностью своему делу моих спутников. Их не пугали ни страшные жары и бури пустыни, ни тысячеверстные переходы, ни громадные, уходящие за облака, горы Тибета, ни ледящие

там холода, ни орды дикарей, готовые растерзать нас... Отчужденные на целые годы от своей родины, от всего близкого и дорогого, среди многообразных невзгод и опасностей, являвшихся непрерывной чредой, — мои спутники свято исполняли свой долг, никогда не падали духом и вели себя поистине героями. Пусть же эти немногие строки будут хотя слабым указанием на заслуги, оказанные русскими людьми делу науки, как равно и ничтожным выражением той глубокой признательности, которую я навсегда сохраню о своих бывших сотоварищах...

В заключение да позволено мне будет еще раз вернуться к своим личным впечатлениям.

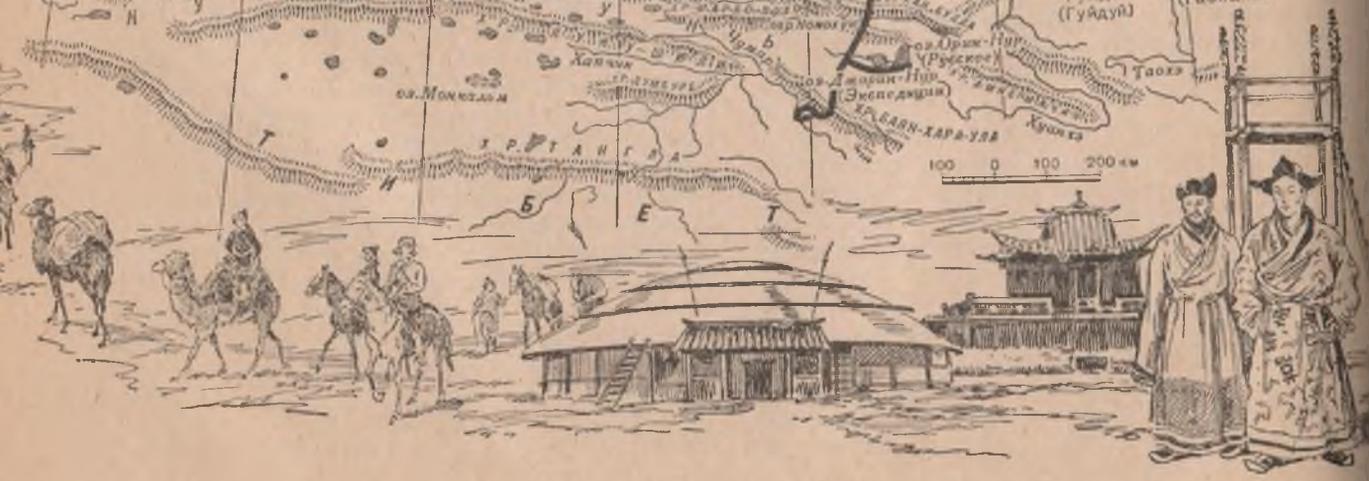
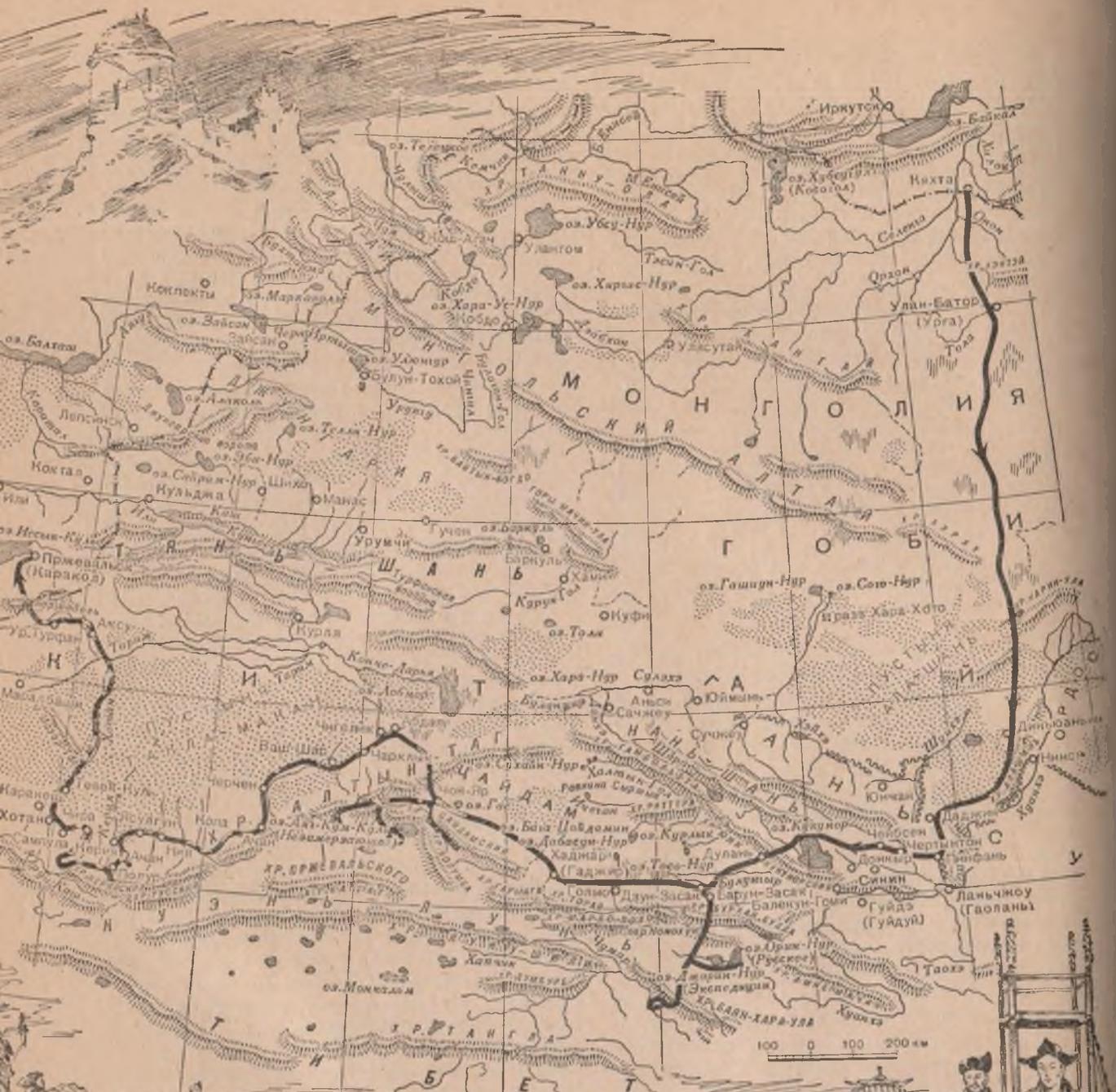
Грустное, тоскливое чувство всегда овладевает мной, лишь только пройдут первые порывы радостей по возвращении на родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет эта тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе. Да, в тех пустынях действительно имеется исключительное благо — свобода, правда дикая, но зато ничем не стесняемая, чуть не абсолютная. Путешественник становится там цивилизованным дикарем и пользуется лучшими сторонами крайних стадий человеческого развития: простотой и широким привольем жизни дикой, наукой и знанием из жизни цивилизованной. Притом самое дело путешествия для человека, искренне ему преданного, представляет величайшую заманчивость ежедневной сменой впечатлений, обилием новизны, сознанием пользы для науки. Трудности же физические, раз они миновали, легко забываются и только еще сильней оттеняют в воспоминаниях радостные минуты удач и счастья. Вот почему истому путешественнику невозможно позабыть о своих странствованиях даже при самых лучших условиях дальнейшего существования. День и ночь неминуемо будут ему грезиться картины счастливого прошлого и манить: поменять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временам неприветливую, но зато свободную и славную странническую жизнь...

V

От Качеты
на истоки Шенной реки

Четвертое путешествие
в Центральной Азии

1883-1885

V

От Кяхты
на истоки Желтой реки

Четвертое путешествие
в Центральной Азии

1883-1885

Успех трех предшествовавших моих путешествий по Центральной Азии, обширные, оставшиеся там еще неизвестными площади, стремление продолжать, насколько хватит сил, свою заветную задачу, наконец заманчивость вольной страннической жизни — все это толкало меня, кончив отчет своей третьей экспедиции, пуститься в новое путешествие.

Грустные минуты расставания с людьми близкими при отъезде из Москвы скользнули темной тучкой по ясному небу нашего радостного настроения; впереди на целых два года или даже более предстояла нам жизнь, полная тревог, новизны, свободы, служения славному делу... На следующий день мы сели в Нижнем Новгороде на пароход и через четверо суток были в Перми. Затем перевалили по железной дороге за Урал, проехали на шести почтовых тройках от Екатеринбурга¹ до Тюмени и, за мелководьем реки Туры, еще на 130 верст далее, до деревни Иевлевой, где 21 августа снова поместились на пароход. Этот последний, имея баржу с 500 ссыльных на буксире, повез нас вниз по реке Тоболу. Невдалеке от Тобольска мы пересели на другой, более сильный пароход и, буксируя все ту же арестантскую баржу, поплыли вниз по Иртышу до его устья, а затем вверх по мутной, довольно быстрой Оби. Следуя днем и ночью, мы

вошли на десятые сутки своего пароходного от деревни Иевлевой плавания в устье реки Томи, за мелководьем которой еще раз переменили пароход и вскоре прибыли в Томск. Здесь трое суток употреблены были на покупку экипажей (два тарантаса и четверо ходов), зимнего для нас и казаков одеяния, как равно и некоторых мелочей экспедиционного заготовления. Затем на шести почтовых тройках, следовавших попарно на расстоянии нескольких часов пути, мы выехали к Иркутску. Лошадь по станциям были для нас заготовлены. Тем не менее правильное следование эшелонами вскоре нарушилось по причине сквернейшей дороги. Погода стояла отвратительная — постоянные дожди, иногда со снегом. Ехать по ночам оказалось решительно невозможным. Да и днем тяжело нагруженные экипажи нередко ломались или увязали в грязи. Ради всего этого 13 суток употреблено было на проезд 1500 верст между Томском и Иркутском. Проведя в этом последнем пятеро суток опять в различных хлопотах, мы двинулись, на почтовых же, далее; благополучно и скоро переправились на пароходе через Байкал, снова сели на почтовых и 26 сентября прибыли в Кяхту, чем закончились наши переезды в пределах отечества.

Девять суток употреблено было нами на переход от Кяхты до Урги, где расстояние верст триста с небольшим. Местность эта несет тот же характер, как и в приле-

¹ Ныне Свердловск. (Примеч. редактора.)

жащей части Забайкалья, начиная от самого Хамар-дабана, который ограничивает собою область сибирской тайги. Далее к югу, тотчас за прорывом реки Селенги, путник впервые встречает лёссовую почву, характерную для всей Внутренней Азии, и прекрасные степи, залегающие между горными хребтами. Эти последние местами довольно высоки, имеют в общем восточно-западное направление и покрыты лесами (преимущественно хвойными), главным образом на северных склонах, частью и на склонах южных верхнего своего пояса. В нижней же горной области залегают прекрасные луга.

Погода во все время нашего пребывания в Кяхте, да и в первой половине пути к Урге, стояла отличная, постоянно ясная и теплая. В последних же числах октября выпал небольшой снег, и сразу начались сильные морозы.

В Урге мы получили паспорт и утром 8 ноября двинулись в путь. В караване состояло 40 завьюченных верблюдов, 14 под верхом казаков, 3 запасных и 7 верховых лошадей. Багажа набралось более 300 пудов. Все вьючные верблюды были разделены на шесть эшелонов, сопровождаемых каждый двумя казаками. Остальные казаки ехали частью в середине каравана вместе с вольноопределяющимся Козловым, частью в арьергарде, где постоянно следовал поручик Роборовский. Сам я ехал немного впереди каравана с вожаком-монголом и урядником Телешовым. Старший урядник Иринчинов, назначенный мною вахмистром экспедиционного отряда, вел головной эшелон и соразмерял ход всего каравана. Наконец позади завьюченных верблюдов, то есть в арьергарде нашей колонны, один из казаков на верховой лошади гнал кучку баранов для продовольствия. Таков был обычный порядок нашего движения по пустыням Центральной Азии. Сначала, конечно, многое не ладилось, в особенности относительно вьюченья верблюдов; но скоро казаки привыкли к этой немудреной работе, и дело пошло как следует.

Мы направились теперь поперек Гоби тем самым путем через Ала-шань, где я проходил уже дважды: в 1873 году при возвращении из первого путешествия и в 1880 году, возвращаясь из третьей своей экспедиции. Да и далее из Ала-шаня, вплоть до Тибета, наш путь должен был

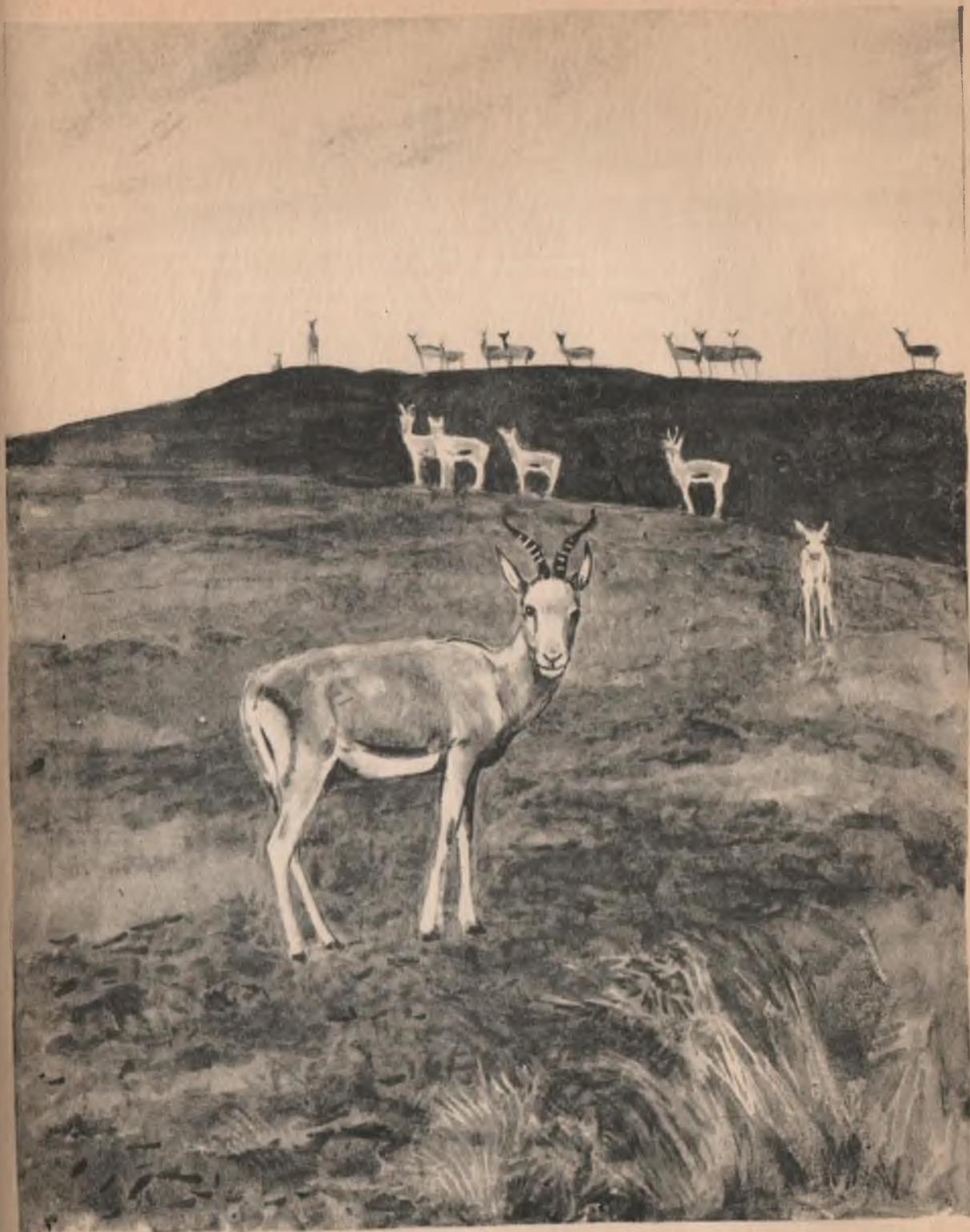
лежать по местам, трижды нами пройденным при прежних путешествиях. Вот почему нынешний рассказ о пути через Гоби и далее в Цайдам в настоящей книге будет носить весьма сжатый характер; лишь вскользь будет упоминаться о том, о чем уже говорено было в описаниях моего первого и третьего путешествий.

С выступлением нашим из Урги начались сильные морозы, доходившие до замерзания ртути. Снег же лишь тонким ($\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ фута) слоем покрывал землю, да и то местами не сплошь. Верст через сто пятьдесят от Урги снеговой покров начал чаще прерываться и еще через полсотню верст исчез окончательно. Вместе с тем стало гораздо теплее, ибо днем почва все-таки нагревалась солнцем при постоянно почти ясной погоде.

Короткие зимние дни вынуждали нас идти от восхода до заката солнца. Дневков сначала мы вовсе не делали, да и в дальнейшем движении через Гоби дневали изредка, ибо при следовании по пройденному уже дважды пути, притом зимой, научной работы по части географических и естественно-исторических изысканий было мало. Из крупных зверей нам попадались лишь антилопы-дзерены, по которым мы много раз пускали свои неудачные выстрелы.

Через 18 дней по выходе из Урги мы оставили позади себя степной район Северной Гоби и вступили близ колодца Дыбидобо в настоящую пустыню — ту самую, которая залегает с востока на запад через всю Центральную Азию, а по нашему пути протянулась без перерыва до крайних гор Гань-су. Южная, большая часть этой пустыни изобилует сыпучими песками, наполняющими то спорадически, то чаще громадными сплошными массами обширные пространства от западных пределов Таримского бассейна до восточной части Ордоса. Меньшая, то есть центральная, часть Гоби, еще более бесплодная, покрыта щебнем и галькой; местами встречаются здесь солончаки и небольшие площади лёссовой глины, песчаные же наносы попадают лишь кое-где и притом необширные.

Почти целый месяц тащились мы поперек Центральной Гоби до северной границы Ала-шаня. Помню холодов и иногда бурь, пустыня давала постоянно себя чувствовать своим бесплодием и безводием. Степные пастбища исчезли, и лишь местами,

Лишь в изобилии бродили на более открытых местах антилопы.

В распадках холмов или по руслу бывших дождевых потоков, наконец по окраинам солончаков и сыпучего песка росли несорочьи травы и корявые кустарники; между последними, тотчас за хребтом Хурху, встретился саксаул. Обширные, совершенно оголенные площади иногда распадались на десятки верст. Ни ручьев, ни рек, ни даже ключей по нашему пути не встречалось. Зато нередко были колодцы, всегда неглубокие (от 3 до 7 футов) и обыкновенно с дурной водой. Однако, привычные к подобным невзгодам, наши верблюды шли хорошо, и только лошади немного уставали. Животная жизнь также обеднела до крайности, хотя и появились новые, исключительно пустыне свойственные виды млекопитающих и птиц. По пути всюду попадались кочующие вразброд монголы, и их стада, по-видимому, чувствовали себя хорошо, несмотря на скудость пастбищ. Простор этих последних, обилие соли в почве, сухой климат, отсутствие летом дождевых насекомых и подножный корм в течение круглого года — вот те факторы, которые делают возможным существование скота кочевников даже в самой дикой пустыне. Впрочем, здешние стада были немногочисленны, и сами монголы жили гораздо беднее, чем их собратья в Северной Гоби.

Из научных работ мы производили теперь лишь метеорологические наблюдения, проверяли барометром абсолютные высоты местности, собирали образчики горных пород и почвы да кое-какие семена; кроме того, препарировали изредка попадавших птиц. Из зверей добыли пока только одного диерепа. Специально устроенные нами охоты: в горах Хурху за горными козлами, а немного южнее этих гор — за баранами Дарвина, оказались неудачными главным образом вследствие сильных холодов.

Проводников мы брали от самой Урги из местных монголов. Пройти без вожака в этих пустынях, где нет резко очерченных рельефов местности, а следовательно, и прочной ориентировки, почти невозможно, в особенности летом, в период сильной жары.

По южную сторону гор Хурху пустыня несколько изменила свой характер, именно тем, что сделалась более песчаной. В песках же появились иногда довольно обширные заросли саксаула, а по сухим руслу дождевых потоков местами стали появ-

ляться ильмовые деревья, которые чаще растут в западном углу уротов, прилегающей к северному Ала-шаню.

Погода во время нашего следования как по Средней, так и по Северной Гоби стояла почти постоянно ясная. Сильные морозы, встретившие нас близ Урги, вскоре полегчали, хотя ночное охлаждение атмосферы все-таки почти постоянно было велико. В тихую же погоду днем становилось довольно тепло, но при ветре и днем всегда чувствовался холод. Снег, как уже было говорено, лежал лишь в окрестностях Урги да в северной половине степной Гоби. Далее к югу пустыня была совершенно свободна от зимнего покрова. Только близ гор Хурху и в самых этих горах небольшие снежные бураны вновь побелили почву. Вслед затем ветер сдул этот снег с открытых мест и наметал лишь небольшие сугробики возле кустов и камней. В южной же части земли уротов, по саксаульным зарослям, да и в других здесь местах мы встретили сплошной снег глубиной до $\frac{1}{2}$ фута, а в сугробах от 1 до 2 футов. Затишья нередко выпадали в ноябре; в декабре бури случались чаще. Вообще осень — наиболее спокойное относительно ветров время для Гоби и для всей Центральной Азии. Весной же здесь бури бывают всего сильнее и чаще.

Эти бури, обыкновенно западные или северо-западные, являются могучими деятелями в геологических образованиях и в изменениях рельефа поверхности пустыни — словом, производят здесь ту же активную работу, какую творит текучая вода наших стран.

Нужно видеть воочию всю силу разгулявшегося в пустыне ветра, чтобы оценить вполне его разрушающее действие. Не только пыль и песок густо наполняют в это время атмосферу, но в воздухе иногда полнится мелкая галька, а более крупные камешки катятся по поверхности почвы. Нам случалось даже наблюдать, как камни, величиною с кулак, попадали в углубления довольно крупных горных обломков и, вращаемые там бурей, производили глубокие выбоины или даже протирали насквозь двухфуттовую каменную толщу.

Те же бури являются главной причиной образования столь характерной для всей Внутренней Азии лёссовой почвы. Продукт этого лёсса получается частью из выдуваемых прежних водяных осадков, не менее

же вырабатывается бурями из разрушающихся горных пород. Такое разрушение при большой интенсивности климатических влияний идет в пустыне сравнительно быстро. Громадные каменные глыбы дробятся сначала на крупные, потом на более мелкие куски, наконец на кусочки, образующие щебень и гальку на поверхности почвы. Тут-то и начинается наиболее активная работа ветров. Неустанной, живой силой действуют они из года в год на инертную массу камня и дробят гальку пустыни, постоянно ударяя в нее песком или хрящом, или сталкивая мелкие камешки друг с другом, или, наконец, перекатывая их с места на место. Крайности холода и тепла, нередко являющиеся в пустыне крупными скачками, также помогают разрушающей силе ветров. В результате получается дробление горных пород на самые мелкие частицы. Бури поднимают их в воздух, перетирают здесь еще более в смеси с готовым песком и осаждают наконец полученный мельчайший порошок в лёссовые толщи. Таким образом постепенно сглаживается рельеф пустыни, с одной стороны, разрушением здешних горных хребтов, а с другой — засыпанием долин, ущелий, котловин и вообще неровностей горного скелета как крупными продуктами разрушения, так и лёссовой пылью.

Те же бури постоянно работают и над песчаными массами, залегающими в Южной Гоби. Только здесь работа ветров менее, так сказать, продуктивна, ибо, помимо образования материала для лёсса провеиванием песка и выдуванием разрыхлений почвы, она выражается в непродолжительном взбалтывании песчаных залежей, которые только по своим окраинам оказывают незначительное поступательное движение. На высоком нагорье Тибета активная работа бурь также всюду выражается весьма резко, тем более что здесь в подспорье к атмосферическим деятелям сухой Гоби присоединяются во многих местах постоянные летние дожди.

Во время движения через Северную и Среднюю Гоби и по Северному Алашаню — словом, в ноябре и декабре 1883 года мы бывали почти ежедневно свидетелями великолепной вечерней и утренней зари. В прежние свои путешествия по Центральной Азии я ни разу не наблюдал здесь такого явления. По всему вероятно,

оно обуславливалось теми самыми причинами, которые породили подобные же, быть может только менее интенсивные, зори, наблюдавшиеся одновременно с нашими в других частях земного шара. Вот как происходило это явление в Гобийской пустыне.

После ясного, как обыкновенно здесь зимой, дня, перед закатом солнца, чаще же тотчас после его захода, на западе появлялись мелкие перистые или перисто-слоистые облака. Вероятно, эти облака в разреженном состоянии висели и днем в самых верхних слоях атмосферы, но теперь делались заметными вследствие более удобного для глаза своего освещения скрывшимся за горизонт солнцем. Вслед затем весь запад освещался ярко-бланжевым светом, который вскоре становился фиолетовым, изредка испещренным темными полосами. В это время с востока поднималась полоса ночи — внизу темно-лиловая, сверху фиолетовая. Между тем на западе фиолетовый цвет исчезал, вблизи же горизонта появлялся здесь, на общем светло-бланжевом фоне, в виде растянутого сегмента круга, цвет ярко-оранжевый, иногда переходивший затем в светло-багровый, иногда в темно-багровый или почти кроваво-красный. На востоке тем временем фиолетовый цвет пропал и все небо становилось мутно-лиловым.

Среди изменяющихся переливов света на западе ярко, словно бриллиант, блестела Венера, скрывавшаяся за горизонт почти одновременно с исчезанием зари, длившейся от захода солнца до своего померкания целых полтора часа. Почти все это время дивная зоря отбрасывала тень и особенным, каким-то фантастическим светом освещала все предметы пустыни. Утренняя зоря часто бывала не менее великолепна, но только переливы цветов шли тогда в обратном порядке; иногда же эта зоря начиналась прямо багровым светом. При полной луне описанное явление было менее резко. В пыльной атмосфере Северного Алашаня оно наблюдалось нами реже, чем в Центральной и Северной Гоби.

На предпоследнем к городу Дынь-юаньшину переходе нас встретили с приветствием посланцы от алашаньского князя (вана) и двух его братьев. За день перед тем совершенно неожиданно дорогою повстречался нам старый приятель монгол Мыргын-булыт, с которым в 1871 году, при

первом посещении Ала-шаня, мы охотились в здешних горах. С тех пор прошло уже более 12 лет, но старик первый узнал меня и чрезвычайно обрадовался, хотя, к сожалению, был изрядно пьян по случаю какой-то выгодной торговой сделки. На бивуаке я хорошенько угостил своего приятеля и сделал ему небольшие подарки. Затем Мыргын-булыт отправился в Чаджин-тохой, где ныне постоянно живет и куда теперь следовал с караваном.

На третий день нового, 1884 года, мы достигли наконец города Дынь-юань-ина и в 1½ верстах от него разбили свой бивуак. От Урги пройдено было средним числом 1050 верст.

На другой день после прибытия в Дынь-юань-ин мы имели свидание с владетельным князем и двумя его братьями. Встретились как старые знакомые, хотя, конечно, не малую долю дружеского приема со стороны алашаньских князей обусловили наши хорошие им подарки. Впрочем, младший и лучший из этих князей — гыген, как кажется, был рад непритворно. Он даже угостил нас, к немалому нашему удивлению, шампанским. Оказывается, что алашаньские князья, воспитанные вполне на китайский лад, познали в одну из своих поездок в Пекин веселящее действие названного вина и с тех пор получают его, ровно как и коньяк, из Тянь-дзина. Старший же князь (ван) вошел во вкус до того, что, как говорят по секрету, нередко напивается до пьяна.

Покончив со своими сборами в Дынь-юань-ине, мы выступили отсюда 10 января и направились прежним путем через Южный Ала-шань к пределам Гань-су. Дорога, удобная и для колесного движения, была отлично наезжена, благодаря тому что по ней часто ходят теперь караваны монгольских богомольцев из Халхи и других частей Монголии в кумирню Гумбум и обратно; реже следуют здесь караваны торговые. Сыпучие пески, отошедшие на время к западу, снова придвинулись к самой дороге и местами пускали через нее неширокие рукава. Слева высокой стеной тянулся Алашаньский хребет. Местность же, по которой мы теперь шли, представляла равнину, кое-где волнистую и полого поднимающуюся к названным горам. По этой равнине, на лёссовой солончаковой почве, как и в других подобных местах Южного Ала-

шаня, мы встретили теперь довольно хороший для здешней местности подножный корм. Монголы объясняли, что причиной такой для них благодати были частые, сравнительно с другими годами, дожди, падавшие минувшим летом в Южном Ала-шане.

Погода как теперь, так и во время нашего пребывания в Дынь-юань-ине — словом, в течение всей первой половины января стояла отличная, чисто весенняя. Хотя ночные морозы доходили до -22° , но днем, даже в тени, термометр поднимался до $+5,9^{\circ}$; в полдень на солнечном пригреве показывались пауки и мухи; в незамерзающих близ Дынь-юань-ина ключах плавали кресты и зеленела трава; по утрам слышалось весеннее пенье пустынного жаворонка. Все это обуславливалось затишьями при ясной, хотя и постоянно пыльной атмосфере; со второй же половины января опять задули ветры и наступили холода.

Верстах в двадцати к северу от фанзы Ян-джонза, среди голых песков, лежит довольно плодородная для здешних местностей лёссовая площадь, выгодная для пастьбы скота, но вовсе лишенная воды. Лет пятьдесят тому назад один богатый монгол вздумал выкопать здесь колодец и нанял для этой цели китайских рабочих. Последние приступили к делу и рыли усердно. Почва состояла из слоев лёссовой глины и чистого песка; камней или гальки не было вовсе. Когда прорыли землю до глубины 50 ручных сажен, то рабочие неожиданно наткнулись на очаг, сложенный из трех камней, по древнемонгольскому обычаю, практикуемому при случае и донныне. Под очагом лежала зола, и земля была красноватого цвета — знак, что огонь на этом месте клали довольно долгое время. Испугавшись подобной находки, китайцы прекратили работу, так что колодец остался неоконченным и ныне, вероятно, опять уже засыпался. Положим, что цифра в 50 сажен преувеличена. Тогда возьмем среднюю величину из трех измеренных нами соседних колодцев. Получится 130 футов, и это будет, вероятно, глубина, на которой найден был очаг. Теперь спрашивается: сколько времени нужно было для наслоения этой толщи, принимая даже в расчет сравнительно быстрый ветровой нанос песка и лёсса? Когда жили люди, раскладывавшие найденный очаг, и кто они такие были?

Южной границей песчаной пустыни Алашань служит хребет Нань-шань, образующий восточную часть громадной, нигде не прерывающейся горной стены, которая ограждает собой все нагорье Тибета к стороне Южной Гоби и котловины Таримского бассейна. Эта гигантская ограда, принадлежащая системе Куэнь-луня, несет по местностям различные названия и имеет различный физико-географический характер. Но общий топографический ее склад одинаков на всем протяжении и представляет, подобно тому как для некоторых других хребтов Центральной Азии, только в большем масштабе, полное развитие дикого горного рельефа к стороне низкого подножия; наоборот, несравненно меньшее распространение тех же горных форм в противоположном склоне на высокое плато.

Подъем от Даджина через крайний хребет весьма пологий; он идет ущельем небольшой речки; дорога колесная.

Оставив позади себя крайний хребет, мы вышли на довольно обширное холмистое степное плато, которое приходит с востока и залегает по левому берегу среднего течения реки Чагрын-гол — одного из левых притоков верхней Хуан-хэ.

Сама степь Чагрынская всюду порастает отличной кормной травой, которая при нашем теперь проходе стояла почти нетронутой. Домашнего скота нигде не было видно. Лишь в изобилии бродили на более открытых местах антилопы да нередко попадались волки и лисицы. Чтобы поохотиться за этими зверями, кстати же дать покормиться и отдохнуть караванным животным, мы провели трое суток в описываемой степи. За это время убито было девять антилоп, в том числе один превосходный старый самец.

Мы вышли в Северо-Тэтунгский хребет ущельем реки Яртын-гол и провели пять суток в среднем поясе гор, там, где появляются прекрасные леса, свойственные этой части Гань-су. Место нашего бивуака было отличное; охоты и экскурсии по окрестным горам ежедневно доставляли много ценных экземпляров для коллекции. Впервые от самой Урги встретили мы теперь благодатный уголок и радовались этому, как дети. Погода днем стояла довольно теплая. Однако все северные склоны гор были засыпаны снегом, в верхнем поясе от 2 до 3 футов глу-

биной. Склоны же южные всюду были бесснежны, и почва здесь на солнечном пригреве не замерзала. Такое обстоятельство, то есть бесснежие в течение всей зимы южных горных склонов, весьма выгодно как для местных зверей, так и в особенности для птиц. Те и другие находят достаточно для себя пищи в суровое время года; да притом на солнечном пригреве, несмотря на ночные морозы, днем довольно тепло.

Мы вышли 13 февраля на реку Тэтунг-гол, которая серединой своего русла уже очистилась в это время ото льда. По счастью, в двух местах лед еще уцелел, и наш караван переправился по нему на другую сторону названной реки. Там мы расположили свой бивуак как раз напротив кумирни Чертыштон, в прекрасном живописном месте, о котором мечтали еще от самой Урги. Действительно, как в короткое предыдущее время путешествия, так и во все последующее мы ни разу не имели такой отличной стоянки и даже нигде во всей Центральной Азии не встречали столь очаровательной местности, как по среднему течению Тэтунг-гола. Здесь прекрасные обширные леса с быстро текущими по ним в глубоких ущельях ручьями; роскошные альпийские луга, устланные летом пестрым ковром цветов, рядом с дикими, недоступными скалами и голыми каменными осыпями самого верхнего горного пояса, внизу же быстрый, извилистый Тэтунг, который шумно бурлит среди отвесных каменных громад, — все это сочетается в таких дивных, ласкающих взор формах, какие нелегко поддаются описанию. И еще сильнее чувствуется обаятельная прелесть этой чудной природы для путешественника, только что покинувшего утомительно-однообразные, безжизненные равнины Гоби...

Стойбище наше устроено было теперь на абсолютной высоте 7600 футов, на ровной сухой площадке возле ильмовой рощи, за которой тотчас протекал красавец Тэтунг. С другой же стороны нашего бивуака тянулся в горы вековой хвойный и смешанный лес, в котором по случаю близости кумирни охота для туземцев запрещена. На продовольствие мы покупали у тангутов домашних яков, мясо которых превосходное; соседние китайцы доставляли нам яйца и булки — словом, выгодно было для нас во всех отношениях. Только для верблюдов не имелось подножного корма, и мы взамен его

покупали солому в ближайших китайских фанзах; кроме того, давали своим животным соль, предусмотрительно привезенную из Ала-шаня. Но все-таки верблюды много похудели в продолжение двухнедельной стоянки на описываемом месте. Все это время посвящено было охоте в соседних лесах, на что мы получили согласие донира (управителя) кумирни Чертынтон, прежнего нашего знакомого. Помимо охотничьих экскурсий в одиночку, мы устраивали и небольшие облавы.

Загонщиками служили поочередно казачки. Убито было таким способом несколько косуль, лисиц и две кабарги. Но маралов, из которыми главным образом мы охотились, добыть не могли, несмотря на то что зверь этот здесь не редок. Ходить по горным лесам теперь было крайне трудно; подкрасться к осторожному зверю почти невозможно. На северных склонах ущелий почва была засыпана снегом или обледенела; в листовых же лесах сухой, наваленный на землю лист немилосердно шумел под ногами охотника; к этому еще прибавлялся даже при малейшем ветре громкий шелест отвислой коры красной березы. Когда же выпадал снег, то скользота всюду на крутых склонах не давала возможности пройти как следует несколько десятков шагов.

Гораздо удачнее были наши экскурсии за птицами, ибо последних всюду по лесам встречалось во множестве, и они держались в более доступных местах. Помимо мелких птичек, ежедневно десятками попадавших в коллекцию, мы добывали по временам и осторожных ушастых фазанов. Однажды казак Телешов случайно наткнулся на стадо красивых сермунов и убил их 11 штук.

Покинув 27 февраля свою прекрасную стоянку в долине Тэтунга, мы направились вверх по ущелью реки Рангхты на перевал через хребет Южно-Тэтунгский. Узкая, местами каменная тропа для верблюдов была довольно затруднительна, тем более что нередко попадались накали льда, а взвзд и вперед сновали китайцы с вьючными ослами, на которых они возят отсюда лес в ближайшие города. Деревянные избы тангуты и, еще чаще, их черные палатки всюду были рассыпаны по ущелью, в середине которого мы провели двое суток для экскурсий на границе лесной области. Приблизительно эта граница проходит здесь на абсолютной высоте 10—10½ тысяч футов; лишь

можжевеловое дерево поднимается вверх по южным горным склонам до 12 тысяч футов абсолютной высоты. Здесь предел альпийских кустарников; выше их тысячи на полторы футов следуют альпийские луга, которые в верхнем своем районе мешаются с каменными россыпями и наконец вполне уступают место как каменным осыпям, так и голым скалам, венчающим высшие части гор.

Забыл я еще сказать, что перед выходом из Южно-Тэтунгских гор нас посетил мой старинный приятель тангут Рандземба, тот самый, с которым в 1872 году впервые мы шли из Ала-шаня в Чейбсен. Этот прекрасный человек живет по-прежнему в Тэтунгских горах, но охотой уже не занимается, ибо получил довольно высокий духовный сан.

Придя к Чейбсену, мы расположили свой бивуак в расстоянии около версты от кумирни на знакомом лугу, где и прежде много раз бивуакировали. Абсолютная здесь высота местности 9300 футов. Старые знакомцы, и в том числе монгол Джигджит, встретили нас очень радушно. В самой кумирне, помимо прежних своих приятелей, мы посетили нового гыгена, который оказался большим тупицей. Другой гыген, из кумирни Ян-гуань-сы, лежащей недалеко от Чертынтонга, человек нам вовсе незнакомый, но умный и энергичный, нарочно приехал в Чейбсен, чтобы повидаться с нами.

Кумирня Чейбсен стоит по-прежнему — ни лучше, ни хуже; прилегающие же к ней постройки, некогда разоренные дунганями, теперь большей частью возобновлены. Число лам более двухсот, и они живут, как во всех кумирнях, словно трутни в пчелиных ульях. Жаль только, что отношения рабочих пчел к своим дармоедам гораздо умнее, нежели отношения людей к подобным же субъектам. Как обыкновенно в кумирнях, в Чейбсене ежедневно совершаются моления и очень часто религиозные процессии...

Простояв четверо суток возле Чейбсена, мы направились отсюда на Куку-нор тем путем, которым шли в июле 1880 года.

Лишь только мы вышли в кукунорскую степь, здесь установилась на трое суток прекрасная теплая и сухая погода, какой мы давно уже не видали. Соблазнившись такой погодой, как равно обилием антилоп и хуланов, мы устроили дневку, специально посвященную охоте за названными зверями. Последние были, однако, достаточно напу-

ганы, а степь слишком открыта; поэтому, как обыкновенно в подобных случаях, стрельбы оказалось много, добычи же сравнительно мало. Затем в один переход мы вышли к самому берегу Куку-нора на устье реки Балемы. К немалому нашему удивлению, русло названной реки оказалось совершенно без воды, тогда как в начале июля 1880 года, когда мы провели несколько дней на устье той же Балемы, река эта имела, по случаю летних дождей, от 15 до 20 сажен ширины и при быстром течении была почти непроходима вброд.

Одним из характерных обитателей степей Куку-нора, как равно и высокого нагорья Северного Тибета от верховьев Желтой реки Ладака, служит пищуха — небольшой грызун, ростом с обыкновенную крысу, только куций. Другой, не менее замечательный грызун — слепыш, величиной равный с предыдущим, подземный житель, как наш крот, обитает в соседней Куку-нору гористой области Гань-су, распространяясь отсюда на верховья Желтой реки и далее в Сы-чуань — словом, по всей тангутской стране. Оба названных зверька водятся в чрезвычайном обилии, только районы их распространения строго разграничены. Лишь местами — на западной стороне Куку-нора: по долинам Бухайн-гола и Цайца-гола, да на высоких луговых степях верховья Жел-

той реки — нам приходилось встречать пищуху и слепыша, живущих совместно. В других сопредельных местностях они исключают один другого, или, вернее, требуют различных условий для своего существования.

Местожительством слепыша, которого монголы называют «номын-цохор», а тангуты — «псюлун», служат луговые горные

склоны и горные долины с мягкой, не каменной почвой. В таких местах описываемые зверьки выкапывают весной (начиная с февраля) бесчисленное множество кучек земли. Часто эти кучки в буквальном смысле стоят одна возле другой, так что луговая местность совершенно обезображивается: раз — по внешнему виду, а затем потому, что трава растет гораздо хуже, иногда и вовсе пропадает; кроме того, поверхность почвы делается шероховатой. В такое безобразное состояние приведена, например, большая луговая равнина возле кумирни Чейбсен и многие другие луга по южному склону Южно-Тэтунгских гор. Слепыш заходит также в альпийскую, отчасти даже в лесную горную область и здесь творит по лугам то же самое, что в междугорных долинах. Одна только культура успешно борется с вредным зверьком и вытесняет его с местностей обрабатываемых.

Живет слепыш, как выше упомянуто, подобно кроту, под землей и только изредка показывается на поверхности почвы — ночью или в сумрачную погоду. Случалось не раз, что этот зверек во время ночи вскапывал землю в нашей палатке. Однако поймать его очень трудно, разве попадется случайно.

Лишь только оканчивается гористая область Гань-су и начинаются высокие степи Куку-нора, как тотчас же исчезает слепыш, а взамен него появляется, едва ли еще не в большем изобилии, вышеупомянутая пищуха, называемая монголами «ама-цаган», или «оготоно». Этот зверек поселяется в норах, не слишком глубоких и всего чаще расположенных на покатых луговых склонах; менее охотно, но все-таки в значительном числе обитает на совершенных равнинах, вероятно потому, что здесь сильные дожди иногда заливают норы и губят множество их жильцов. В Северном Тибете описываемая пищуха держится как по луговым, преимущественно северным склонам гор, так и по кочковатым здесь болотам (мото-ширикам), только не чересчур водянистым; восходит, например на Тан-ла, до 17 тысяч футов абсолютной высоты. Ниже 9000 футов кукунорская пищуха нигде не встречается.

В местах, привольных для обитания этого зверька, его норы сплошь дырявят землю. Иногда на площади нескольких квадратных верст приходится по меньшей мере две-три норы на каждую квадратную са-

жень поверхности почвы. Ехать рысью верхом по таким залежам решительно невозможно, ибо лошадь постоянно спотыкается, проваливаясь в норки. Сами зверьки беспрепятственно спуют перед путешественником, перебегая из одной норы в другую, или сидят неподвижно у отверстия тех же нор. Впрочем, пищуха довольно осторожна и выходит из своего убежища, лишь убедившись в безопасности. Для этого зверек обыкновенно высовывает из норы сначала одну головку и, подняв ее вверх, долго осматривается вокруг; уверившись, что все спокойно, вылезает совсем и кормится или греется на солнце; в бурю или непогоду вовсе не показывается из норы. Голос кукунорской пищухи — протяжный, довольно громкий, но тонкий диск, варьируемый на несколько тонов.

Несмотря на достаточно хитрый нрав описываемого зверька, его во множестве истребляют как четвероногие, так и крылатые хищники. Тибетские медведи, волки, лисицы, кярсы и даже барсуки добывают пищух, выкапывая их из нор; орлы, сарычи и соколы ловят тех же зверьков с налета. Названные птицы, специально ради обилия пищух, держатся во множестве во время перелетов по степям Куку-нора, частью остаются здесь и на зимовку. Однако плодливость зверька быстро вознаграждает опустошения, причиняемые вышеназванными хищниками, а по временам и сильными летними дождями. При крайней мокроте пищухи иногда переселяются целыми стаями на более сухие места.

Там, где появляются пищухи, они выедают дочиста траву и все ее корни, выкапывая их из земли, так что обширные луговые площади как на Куку-норе, так и в Северном Тибете нередко становятся совершенно голыми. Тогда зверьки переселяются по соседству, выеденная же ими поверхность понемногу вновь зарастает и со временем, вероятно, опять будет занята пищухами. Замечательно, что эти последние всегда живут вместе с двумя или даже тремя видами земляных выюрков, которые ночуют, спасаются при опасности, да и гнездятся в норах описываемых зверьков.

Как ни ничтожна кукунорская пищуха сама по себе, но в массе эти зверьки оказывают немаловажное влияние на переработку и видоизменение местностей своего обитания. Так, оголенные площади глинистой почвы, равно как и глина, выкапываемая

миллионами пищух из своих нор, доставляют обильный материал для лёссовой пыли, которая уносится бурями со степей Куку-нора в соседний Китай или понемногу засыпает самое озеро. В Северном Тибете копательная работа тех же пищух является причиной всегдашней изборозженности луговых горных склонов, откуда бури и летние дожди выносят разрыхленную зверьками почву. Большая часть ее оседает в междугорных долинах и таким образом, в связи с другими факторами, способствует быстрейшему засыпанию этих долин.

Перейдя поперек широкой долины Бухайн-гола, мы вошли в горы Южно-Кукунорские и здесь остались дневать на берегу реки Цайца-гола под высокими отвесными скалами. На этих скалах несколько пар горных гусей устроили свои гнезда и уже высиживали яйца. Возле самки, занятой этим делом, обыкновенно находился и самец. Соседние пары иногда прилетали в гости друг к другу. Присутствием нашим гуси почти вовсе не стеснялись. Зато им приходилось зорко оберегать свои гнезда от воронов. Однажды на наших глазах двое этих нахалов, пользуясь тем, что гусыня на минуту слетела с гнезда, мигом бросились к нему, схватили в клювы по яйцу и пустились на уход. Заметившие покражу гуси погнались за своими грабителями. Тогда вороны поспешно спрятали уворованные яйца в расщелинах скал, а сами улетели в сторону.

На той же Цайца-голе мы заметили вечером 10 апреля первую летучую мышь и впервые слышали голос лягушки. Вообще даже с небольшим удалением от ледяной площади Куку-нора стало заметно теплее. Начали появляться и летние птицы — степной конек, горихвостка-чернушка, трясогузка.

В Дулан-Ките мы встретили несколько старых знакомых и между ними прежнего помощника, который все еще правил восточной частью кукунорской земли, ибо новый ван (князь), ныне выбранный на место умершего несколько лет тому назад, до сих пор не получал своего утверждения из Пекина.

Переночевав, мы прибыли наконец утром 1 мая к хырме князя Дзун-засака, бывшей уже дважды (в 1872 и 1879 годах) базисом наших путешествий по Северному Тибету. Отсюда и ныне, по заранее составленному плану, должно было начаться исследование неведомых местностей того же Тибета не-

продолжительными экскурсиями в стороны от опорных складочных пунктов. Такой способ наиболее здесь удобный при неминуемой грузности всего экспедиционного каравана и при необходимости давать по временам продолжительный отдых вычным верблюдам.

* * *

Поставив целью предстоящей нашейлетней экскурсии исследование истоков Желтой реки и местности далее к югу, насколько окажется возможным, мы устроили свой складочный пункт в хырме князя Барун-засака. Резиденция эта, как и у Дзун-засака, представляет десятка два небольших глиняных конур, обнесенных невысокой глиняной же стеной. Внутри имеется колодец, но воды в нем мало; хороший ключ лежит версты за три. Там же в обилии и корм для верблюдов.

Весь оставленный багаж наш поместился в двух наиболее просторных конурах. Для караула назначены были семь казаков под начальством старшего урядника Иринчинова. Двое из этих казаков ежедневно пасли верблюдов, остальные находились на складе. Для развлечения от крайней скуки казакам даны были народные книжки для чтения и семена кое-каких овощей на посев. Впрочем, казаки оказались плохими огородниками. Читать же книжки большей частью любили как теперь, так и во всякое свободное время путешествия. Несколько человек безграмотных, бывших в нашем экспедиционном отряде, даже выучились во время похода читать, а некоторые и писать.

С конца мая или начала июня, когда на цайдамских болотах появляется уже чересчур много оводов, комаров и мошек, оставленные при складе верблюды должны были откочевать на один переход — в северную окраину гор Бурхан-Будда, где гораздо прохладнее, нет мучащих насекомых и подножный корм в устьях больших ущелий местами очень хороший. Для караула и пастбы при верблюдах имели следовать пятеро казаков; двое же, со сменой через 20 дней, находились в карауле на складочном пункте. Такова была инструкция, данная мною остающимся казакам.

Другие участники экспедиции, числом 14 человек, в сопровождении вожака-монгола и одного из сининских переводчиков-китайцев, знавшего тангутский язык, должны были отправиться в предстоящую экскурсию, срок для которой определялся от трех

до четырех месяцев. Снарядились мы налегке, да не совсем. Имея все данные рассчитывать на недружелюбную и даже враждебную встречу со стороны независимых тангутских племен, мы должны были запастись продовольствием (кроме мяса) на четырехмесячный срок и достаточным количеством боевых патронов; затем различные препараты для коллекций, ящики для их помещений, охотничьи принадлежности, инструменты и пр. представляли собой немалое количество багажа. Между тем в разреженном воздухе высоких нагорий Тибета выюк даже для сильного верблюда не должен превышать 6—7 пудов.

В новый наш караван поступило 26 завьюченных верблюдов, 2 запасных, 1 верховой (для вожака переднего эшелона) и 15 верховых лошадей. Тронулись мы в путь 10 мая.

Мы вышли в восточную окраину котловины Одонь-талы, которая называется тангутами «Гарматын» и протягивается в направлении от юго-востока к северо-западу верст на семьдесят; в ширину же имеет около 20 верст. Вся эта площадь, некогда бывшая дном обширного озера, ныне покрыта множеством кочковатых болот (мотошириков), ключей и маленьких озерков. В общем, Одонь-тала представляет, только в увеличенных размерах, то же самое, что и бесчисленные мотоширики, разбросанные по всему Северо-Восточному Тибету в высоких горных долинах и на северных склонах гор. Абсолютная высота местности по нашему барометрическому определению равняется для Одонь-талы 14 тысячам футов. Вся котловина, за исключением лишь выхода в ее северо-восточном углу, окружена невысокими горами, составляющими с южной стороны отроги водораздельного к бассейну Ды-чю хребта, вероятно Баян-хара-ула или более восточных его продолжений; на севере к той же Одонь-тале близко подходит хребет Актá, а на западе и востоке ее замыкают невысокие горные группы, в беспорядке разбросанные по соседнему плато.

Вечноснеговых гор в области истоков Желтой реки нет вовсе, они являются (по расспросным сведениям) только далее вниз по верхнему течению этой реки, вскоре по выходе ее из больших озер. Кроме озерков и мотошириков, по Одонь-тале выются небольшие речки, образующиеся частью из тех же ключей, частью сбегаящие с край-

них гор. Все эти речки сливаются в два главных потока, из которых один приходит с северо-запада, другой — от юго-юго-запада. Оба эти потока, названия которых мы узнать не могли, по величине равны. Первый из них вытекает, по расспросным сведениям, двумя ветвями из гор Хара-дзагын и Уджай-махлацы — вероятно, небольших хребтиков на водораздельном вздутии плато; второй, по всему вероятию, вытекает из водораздельного к стороне Ды-чю хребта и, быть может, есть Алтан-гол китайских описаний. Но только ни в каком случае он не больше северной ветви, с которой соединяется в северо-восточном углу Одонь-талы у подошвы горного отрога, вдающегося клином с юго-востока. Отсюда, то есть собственно от слияния всей воды Одонь-талы, и зарождается знаменитая Желтая река, получающая у своей колыбели монгольское название «Салома». Здесь же высится только что упомянутая гора, на которой ежегодно китайцы совершают жертвоприношения духу истоков Желтой реки, о чем будет рассказано немного далее. Географическая широта, определенная мною по полуденной высоте солнца и по высоте Полярной звезды на бивуаке, в 3 верстах ниже слияния истоков Желтой реки, равняется $34^{\circ}55'3''$, а долгота, полученная прокладкой нашего маршрута, найдена равной $96^{\circ}52'$ к востоку от гринвичского меридиана.

По выходе из Одонь-талы Желтая река тотчас принимает с севера небольшую речку и, направляясь к востоку, верст через двадцать пять впадает в большое озеро, рядом с которым, далее к востоку, лежит другое обширное озеро; через него также проходит описываемая река. Об этих озерах будет подробно рассказано в следующей главе. Теперь же будем продолжать о новорожденной Хуан-хэ.

На коротком протяжении самого верхнего своего течения, то есть от истока из Одонь-талы до впадения в западное озеро, Желтая река разделяется на несколько рукавов, которые быстро бегут недалеко друг от друга и нередко между собой соединяются. Таких рукавов поблизости нашей переправы было два — три, местами четыре. Каждый из них весной имел от 10 до 13 сажен ширины при глубине $1-1\frac{1}{2}$ футов; кое-где встречались омутки фута три — четыре глубиной. Ширина всего русла, покрытого галькой, простиралась до полуверсты; однако

такая площадь сполна никогда не заливается. Вода весной весьма светлая, но мутится после выпавшего и растаявшего снега; летом же, в период дождей, вода в реке Саломе постоянно очень мутная от размываемой лёссовой глины. Тогда число рукавов реки и глубина их увеличиваются, так что переправа вброд часто невозможна.

Долина, сопровождающая описываемое течение Хуан-хэ, имеет от 5 до 10 верст ширины и представляет степную равнину, в изобилии покрытую на южной стороне реки мото-шириками и маленькими озерками, так что в сущности она является восточным продолжением той же Одонь-талы. Подножный корм здесь весьма хороший, но жителей нигде нет.

На северо-восточной окраине Одонь-талы, там, где из слияния двух главных истоков родится Желтая река, стоит, как выше сказано, невысокая (на глаз футов семьсот — восемьсот над окрестностью) гора, составляющая угол незначительного хребта, протянувшегося сюда с востока от большого озера. На вершине этой горы сложен из камня маленький обо, и здесь ежегодно приносятся жертвы духам, питающим истоки великой китайской реки. Для этой цели наряжается из города Сицина, по распоряжению тамошнего амбана, чиновник в ранге генерала с несколькими меньшими чинами. Они приезжают в Цайдам, забирают с собой хошунных цайдамских князей или их поверенных и в седьмом месяце, то есть в конце нашего июля или в начале августа, отправляются на Одонь-талу. Сюда же, к жертвенной горе, стекаются в это время монголы Цайдама и еще более тангуты из ближайших местностей.

Оправившись немного с дороги, посольство восходит на священную гору, становится возле обо и читает присланную из Пекина на желтой бумаге за подписью богдохана молитву, в которой духи Одонь-талы упрашиваются давать воду Желтой реке, питающей около сотни миллионов населения Китая. Затем приносится жертва — из одной белой лошади, белой коровы, девяти белых баранов, трех свиней (их привозят тушами) и нескольких белых же куриц. Все это закалывается, мясо разделяется между богомольцами и съедается. Тем оканчивается вся церемония. На Одонь-тале посольство проводит двое или трое суток и возвращается обратно. На путевые его издержки высы-

лается из Пекина 1300 лан серебра. Кстати сказать, что одновременно подобное же моление производится и на озере Куку-нор по следующему, как гласит предание, случаю.

В начале прошлого столетия китайский император Кан-си послал своего дядю с конвоем солдат в Тибет, чтобы описать эту страну. Посланец успешно выполнил поручение и вышел из Тибета в Сы-чуань, но здесь был убит тангутами. В ту же самую ночь Кан-си увидел во сне убитого дядю, который объяснил императору, что исполнил свое дело, но погиб от разбойников. Кан-си опечалился этим сном, однако немного. Тогда правая половина его трона вдруг потемнела и оставалась такой в течение трех суток. Приняв подобное знамение за гнев божий о малой печали по убитом дяде, император приказал ежегодно два раза, в третьем и седьмом месяцах, производить моление за покойника на озере Куку-нор. Так исполнялось при жизни самого Кан-си. Ныне же богослужебный обряд в третьем месяце делается только в Синине, возле западных ворот. Но в седьмом месяце моление, более торжественное, устраивается в кумирне Хойтин-цза, лежащей в горах, недалеко от западного берега Куку-нора. В названную кумирню приезжает тогда сининский амбань со своим штабом и собираются монгольские князья как с Куку-нора, так и из пяти куку-норских же хошунов, кочующих по южную сторону Желтой реки; кроме того, стекаются в большом числе богомольцы-монголы и тангуты. Для угощения этих молельщиков и на другие расходы из Пекина отпускается 1000 лан серебра. Из Пекина же высылается желтое с драконом знамя и написанная на желтой канфе, скрепленная подписью богдохана молитва; в ней бог воды Хэлун-ван упрасивается помогать убитому дяде Кан-си. Канфа эта по прочтении молитвы сжигается. Затем приносятся в жертву 2 белые коровы, 4 свиньи и 12 белых баранов. Кроме того, монгольские князья делают разные жертвы, каждый по своему состоянию. Тем же князьям выдаются здесь и награды от богдохана.

Еще не поздним утром 17 мая перешли мы вброд несколько мелких рукавов новорожденной Хуан-хэ и разбили свой бивуак на правом ее берегу, в 3 верстах ниже выхода из Одонь-галы. Таким образом, давнишние наши стремления увенчались наконец успехом: мы видели теперь воочию таин-

ственную колыбель великой китайской реки и пили воду из ее истоков. Радости нашей не имелось конца. К довершению наслаждения, и погода выдалась как нарочито довольно хорошая, хотя по ночам по-прежнему продолжали стоять порядочные (до $-9,6^{\circ}$) морозы. Сама Хуан-хэ была свободна от зимнего льда и замерзала лишь ночью на мелких рукавах; притом ранним утром по реке обыкновенно шла небольшая шуга; недалеко же вверх от нашего бивуака еще лежал зимний лед в 2—3 фута толщиной.

Рыбы в реке, как выше упомянуто, битком было набито. Сейчас, конечно, устроилось и рыболовство, поистине баснословное обилием улова. Небольшим бреднем, всего в 13 сажен, притом в омутках не длиннее 15—25 шагов, мы вытаскивали сразу пудов шесть, восемь и даже десять рыбы, каждая от 1 до $1\frac{1}{2}$, изредка до 2 футов величиной. Так можно было ловить по всей реке, переходя от одного омутка к другому. Во время протягивания бредня куча метавшейся рыбы чуть не сбивала с ног вошедших в воду казаков. Без особенного труда мы могли бы наловить в течение дня несколько сот пудов рыбы. Сколько же ее в соседних больших озерах, в которых от самого их создания никто из людей не ловил, да притом и нет хищных рыб! Но такое богатство пропадает пока задаром, ибо китайцы сюда не показываются, а монголы и тангуты рыбы вовсе не едят.

Ради обилия той же рыбы возле нашего бивуака во множестве держались орланы и обыкновенные чайки. Последние, как весьма искусные рыболовы, без труда находили себе добычу, но ее сейчас же отнимали у них орланы, которые только таким способом и продовольствовались. Впрочем, при обилии рыбы ее хватало вдосыть как для названных птиц, так и для крохалей, которых также здесь было не мало. Даже медведи, весьма изобильные в Северо-Восточном Тибете, искушались неподходящим для них промыслом рыболовства и нередко с этой целью бродили по берегу реки.

Эксперсии вверх и вниз по ней помещали нам побывать в день прихода на вершине жертвенной горы. Туда ходил только наш проводник и, возвратившись, уверял, что ничего вдаль не видно. На следующий день перед вечером я взошел на эту гору вместе с В. И. Роборовским. Широкий горный

зонт раскинулся тогда перед нами. К западу, как на ладони, видна была Одонь-тала, усеянная ключевыми озерами, ярко блестящими под лучами заходившего солнца; к востоку широкой гладью уходила болотистая долина Желтой реки, а за ней величаво лежала громадная зеркальная поверхность западного озера. Около часа провели мы на вершине жертвенной горы, наслаждаясь открывшимися перед нами панорамами и стараясь запечатлеть в своей памяти их мельчайшие детали. Затем по приходе на бивуак мы призвали к допросу проводника, но последний, как ловкий плут, начал клятвенно уверять, что на больших высотах у него «застывает глаза» и потому вдаль видеть он ничего не может.

Двое лишних суток провели мы на Одонь-тале в ожидании пока немного растает столь некстати выпавший снег и вьючным верблюдам можно будет двигаться хотя с горем пополам. Действительно трудно, и очень, приходилось нашим караванным животным по выходе из долины Хуан-хэ. Корм был крайне плохой — только прошлогодняя, ошипанная дикими яками и твердая, как проволока, тибетская осока по мото-ширикам; затем ледяная кора, покрывавшая ночью во многих местах еще уцелевший снег, резала в кровь ноги лошадям и в особенности верблюдам. Не лучше было этим последним шагать с вьюками по обледенелым кочкам мото-шириков или вязнуть на растаявшей днем рыхой почве бестравных площадей. Ползти нам приходилось по-черепаши, беспрестанно исправляя вьюки или поднимая падавших животных. Двое из них — верблюд и лошадь — вскоре были брошены окончательно. Огромная абсолютная высота и холодная дурная погода отражались на нашем здоровье головной болью и легкой простудой. Вероятно, от последней у нескольких казаков на лице, преимущественно же на губах и ушах, появилась сыпь, которую мы прижигали раствором карболовой кислоты; внутрь давалась хина. Ходить много пешком было весьма трудно, ибо одышка и усталость чувствовались очень скоро.

Проводник наш хотя в общем знал направление пути, но решительно не сообщал, отговариваясь своим неведением, имен ни гор, ни рек, ни каких-либо попутных урочищ. Едва-едва могли мы добиться от него названия (да и то исковерканного, как ока-

залось впоследствии) наибольшей из встреченных теперь нами рек, именно Джагын-гола. Дорогой всюду попадалось множество зверей, в особенности диких яков, но мы без нужды их не стреляли. Птиц для коллекций добывалось мало, как равно и растений. Последних до конца мая собрано было на Тибетском плато лишь 16 видов.

На седьмые сутки по выходе из Одонь-талы мы перешли через водораздел области истоков Хуан-хэ к бассейну верхнего течения Ян-цзы-цзяна или Ды-чю, как называют здесь эту реку тангуты. Восточное продолжение хребта Баян-хара служит таким водоразделом. На месте же нашего перехода значительных гор не было, так что перевал со стороны плато вовсе незаметен. Абсолютная высота этого перевала, как выше сказано, 14 700 футов.

Погода, как и прежде, продолжала стоять отвратительная. Вообще в течение двух последних третей мая, проведенных нами на плато Северо-Восточного Тибета, лишь урывками перепадало весеннее тепло. Обыкновенно же стояли холода не только ночью, но и днем при ветре или облачности. Из записанных тогда нами метеорологических наблюдений видно, что, помимо безобразного для этого времени года мороза в -23° , термометр до конца мая ни разу не показывал на восходе солнца выше нуля, да и в один час пополудни только однажды поднялся до $+17^{\circ}$; случилось же, что в это время температура не превышала $+0,7^{\circ}$. Солнце, стоявшее близко к зениту, если выглядывало из-за облаков, жгло очень сильно, но его лучи, вероятно вследствие разрежения воздуха, являлись весьма бледными, много похожими на свет полной луны; притом и ясное небо казалось голубовато-серым. Однако ясных дней мы наблюдали только один, да семь дней были ясны наполовину. По ночам же небо более очищалось от облаков.

Драгоценной зоологической добычей, которую мы приобрели при проходе через плато Северо-Восточного Тибета, были прекрасные, почти ежедневно в нашу коллекцию поступавшие шкуры тибетского медведя, открытого мною в 1879 году и отчасти уже описанного в моем «Третьем путешествии». Теперь добавлю некоторые новые данные об этом животном.

Во всем Северо-Восточном Тибете, не исключая и горной области Ды-чю, названный медведь встречается часто, иногда даже и очень. Держится как в горах, так и в открытых долинах высокого плато, в местностях совершенно безлесных, хотя не избегает и лесов в бассейне верхней Хуан-хэ и по реке Ды-чю, вообще в тангутской стране. Распространен, вероятно, во всем Северном Тибете, где нами был найден к западу до окранных гор Лоб-нора, а к югу — за Тан-ла. Туземцами не преследуется. Наоборот, монголы Цайдама называют медведя «тынгери-нохой», то есть «божья собака», и считают его священным животным; то же мнение отчасти разделяют и тангуты. У тех и других, равно как у китайцев, сердце и желчь описываемого зверя почитаются очень хорошим лекарством, вылечивающим даже от слепоты.

Нрав тибетского медведя трусливый. Только медведица от детей иногда бросается па охотника; самец же, будучи даже раненым, всегда удирает. Притом описываемый медведь и не кровожаден. Нам иногда случалось видеть этого зверя возле самого стада пасущихся хуланов, которые не обращали даже внимания на опасного соседа.

Главную пищу тибетского медведя составляют пищухи, которых он добывает из нор; затем копает и ест разные коренья; весной любит касатик, летом крапиву, не брезгует и рыбой, если удастся ее поймать. Крупных зверей не трогает, по крайней мере до тех пор, пока не представится удобный случай полакомиться большим или издохшим животным. Не давит также в местах, обитаемых тангутами, домашний скот, хотя бы баранов.

Цвет шерсти описываемого медведя весьма изменчив. В общем преобладает темно-бурый у самца и более светлый, белесый у самки; притом у последней шерсть всегда длиннее, мягче и гуще. Случилось мне видеть также почти черного самца и совсем сивую самку. Линяют тибетские медведи очень поздно; даже в середине лета мы убивали экземпляры еще с хорошей зимней шерстью. Новая шерсть отрастает вполне также поздно — не ближе октября. К этому времени медведи, как и у нас, делаются очень жирны; затем залегают в зимнюю спячку по скалам и пещерам в горах. Из местностей Северного Тибета, ближайших к Восточному Цайдаму, медведи приходят

сюда осенью есть сладко-соленые ягоды хармыка; объедаются ими до полного расстройства желудка.

При самке ходят обыкновенно два, реже один или трое молодых — нынешних или прошлогодних. Однажды осенью нами была встречена медведица с пятью медвежатами, часть которых, вероятно, она приняла к себе из сострадания. Самцы в качестве пестунов при медвежатах в Тибете не состоят. Ров описываемого зверя я слышал только от раненых экземпляров, да и то не громкий.

Не преследуемый человеком, тибетский медведь вовсе не осторожен; притом же он плохо видит, зато отлично чует по ветру. Заметив что-либо подозрительное, обыкновенно становится на дыбки. Ходит неуклюже, как и наш косолапый; при нужде бегаёт в галоп довольно быстро, но непродолжительно. Случайно разрознившаяся пара, или медведица от молодых, отыскивают друг друга по следу чутьем, как собаки. На рану этот зверь, как и у нас, весьма вынослив, и особенности от малокалиберных пуль Бердана. Тем не менее при обилии медведей в Тибете их можно настрелять вдоволь. Так, однажды, именно в юго-восточной части Одонь-галы, с полудня до вечера, я убил трех старых медведей и трех медвежат, да еще трех медведей убили в то же время мои помощники. Случались и незабвенные для охотника выстрелы: дуплетом из штуцера я убил однажды на 150 шагов большого медведя и такую же медведицу; или таким же дуплетом свалил на 200 шагов пару старых аргалей; или раз за разом, не сходя с места, убил медведицу и трех бывших с нею медвежат и пр. Притом охоты за более редкими зверями, как медведи или аргалей, даже в Тибете весьма заманчивы, между тем на других здесь зверей, встречающихся на каждом шагу, почти не обращаешь внимания. Но что сильно мешает охотам в Тибете — это огромное поднятие страны над уровнем моря, вследствие чего в разреженном воздухе вскоре появляются у охотника при пешей ходьбе одышка и усталость, сплошь и кряду устраняющие меткость выстрела.

Как теперь, так и при обратном следовании по плато Северо-Восточного Тибета мы лишь изредка отправлялись специально на охоту за медведями; обыкновенно же были их, встречая ежедневно во время пути с караваном. Всего убито было нами и некоторыми из казаков около 60 медведей. Поло-

вина лучших из этих шкур поступила в нашу коллекцию.

Почти вовсе незаметный по нашему пути со стороны Тибетского плато водораздел истоков Желтой реки и верховья Ян-цзы резко разграничивал собою характер прилежащих местностей: к северу от этого водораздела залегает плато, общее для всего Северного Тибета; к югу тотчас же является горная альпийская страна. Здесь горы сразу становятся высоки, круты и труднодоступны, хотя все-таки сначала не достигают снеговой линии, которая проходит в этих местах на абсолютной высоте, близкой 17 тысячам футов. Впрочем, дикий характер описываемых гор растет с каждым десятком верст вниз по реке Ды-чю; там вскоре является и снеговая вершина Гаты-джу. Вместе с тем хребты, сбегавшие от водораздела, принимают меридиональное направление и становятся богаче как своей флорой, так и фауной. Однако скалы в поясе, ближайшем к плато, сравнительно немного, да и горные породы по-прежнему состоят почти исключительно из сланцев. Быстрые речки текут в каждом ущелье; все они впадают в Ды-чю; летом весьма многоводны. Такой характер, по всему вероятно, несут горы и на противоположном, то есть левом берегу той же Ды-чю. Вверх по этой реке горная область исподволь становится более мягкой в своих рельефах и постепенно переходит к однообразию Тибетского плато.

Миновав водораздел двух великих китайских рек, мы вошли через 20 верст пути в настоящую альпийскую область гор, там, где река Дяо-чю прорывает высокий поперечный хребет, по всему вероятно отделяющийся от водораздельного. Круто теперь изменился характер местности и природы: взамен утомительного, однообразного плато встали горы с их изборозженным рельефом, мото-ширики исчезли, на смену им явились зеленеющие по дну ущелий лужайки, показались цветы, насекомые, иные птицы. От самых Южно-Кукунорских гор мы ничего подобного не видали. В гербарий сразу прибавилось более 30 видов цветов, тогда как до сих пор, то есть за апрель и май, мы нашли лишь 45 видов цветущих растений. Притом хотя мы спустились теперь только на 1000 футов против высоты Тибетского плато, но все чувствовали себя гораздо лучше, быть может, также и вследствие перемены местности. Однако, несмотря на на-

ступавший уже июнь, по горным речкам встречались толстые (до 2 футов) пласты зимнего льда, альпийские кустарники еще не трогали своих почек, снег падал по-прежнему почти ежедневно и нередко толстым слоем устилал верхний горный пояс.

После дневки на берегу реки Дяо-чю, вода которой в это время стояла довольно высоко и была совершенно красного цвета от размываемой в верховье красной глины, мы пошли вниз по названной речке наугад, ибо проводник вовсе не знал здешней местности. Встречавшиеся теперь нередко недавние стойбища тангутов подавали надежду, что вскоре мы доберемся до этих кочевников. Однако через 14 верст пути пришлось остановиться, ибо наша речка впала в другую, гораздо большую, через которую мы едва переправились; впереди же виднелись скалы и теснины — следовательно, местность предстояла еще худшая для верблюдов. Решено было послать обоих проводников, Абдула и китайца, разыскать тангутов, чтобы взять от них вожака. Посланные возвратились на следующий день и привели тангутского старшину (бей-ху) со свитой около 20 человек.

Отношения наши с тангутами вскоре улучшились настолько, что они продали нам несколько лошадей, десятка два баранов и довольно много сарлочьего масла; притом же их старшина вызвался быть нашим проводником. Небольшие подарки и угощение русским спиртом окончательно упрочили нашу дружбу с этим старшиной. Однако на расспросы про окрестную страну он отвечал уклончиво или отговаривался незнанием; уверял только, что через Ды-чю переправиться с верблюдами при настоящей большой воде нам будет невозможно. Эту горькую истину мы и сами предугадывали, видя, как затруднительно переходить теперь с верблюжьим караваном даже небольшие горные речки. Никто и никогда на верблюдах здесь еще не ходил. Многие из тангутов вовсе не видали этих животных и даже брали их помет на показ своим домочадцам.

Большие услуги при сношениях с тангутами оказал нам сининский китаец-переводчик, проведенный в молодости девять лет в плену у тех же тангутов и отлично знавший их язык. Цайдамский проводник, также говоривший по-тангутски, оказался как переводчик никуда не годным и был теперь от нас рассчитан. Он отправился сначала к

тангутам, где имел знакомых, а затем пробрался обратно в Цайдам.

Провожавший нас тангутский старшина вскоре возвратился обратно, оставив проводником своего родственника — управителя соседнего хошуна. На прощанье тот же приятель по секрету сообщил нам быть осторожными на всякий случай. Новый вожак оказался также хорошим и услужливым. Вскоре мы узнали, что в молодости это был славный воин между тангутами; одно его имя наводило страх на неприятелей. «Удалой я был без конца, — говорил нам этот теперь уже хилый старик, — бывало, один кидался на сотни врагов». Любил он страстно также и охоту за зверями. Однажды на такой охоте раненый дикий як бросился на смельчака и своими рогами пробил ему живот. «Я схватил, — говорил нам тот же старик, — этого яка за другой рог и саблей перерезал ему горло; затем лишился чувств». Товарищи подняли раненого и отвезли домой. Здесь страшную рану зашили шерстяными нитками, и больной выздоровел, но с тех пор сильно ослабел и почти не владеет ногами, хотя все-таки ездит верхом.

Для бивуака нашего выбрано было прекрасное местечко под скалами в расстоянии полуверсты от берега Ды-чю. К ней тотчас же я и отправился вместе с В. И. Роборовским. Полюбовавшись красивым видом низлежащего ущелья, мы определили засечками буссоли ширину реки, измерили температуру в ней воды и затем спокойно уселись на камень. Вдруг со скал противоположного берега раздался выстрел, и пуля ударила в песок возле нас. Сначала мы не знали, в чем дело, но вскоре последовали еще два выстрела, и пули опять прилетели к нам. Теперь не оставалось сомнения, что тангуты предательски стреляют именно в нас; сами же разбойники спрятались в скалах. Лишь спустя немного показались несколько человек, перебежавших от одной скалы к другой, и я пустил в них с десятка пуль из бывшей с нами берданки. Были ли убиты или нет — не знаю.

Случай этот ясно показал, что кругом нас теперь враги и что, следовательно, необходимо быть настороже. Поэтому прежде всего мы перенесли свой бивуак из-под скал, откуда тангуты могли задавить нас камнями, на открытое место; ночной караул был усилен, да притом все спали не раздеваясь и с оружием наготове; увеличено также было

число казаков, ежедневно наряжаемых пасти верблюдов. С такими предосторожностями мы могли считать себя почти в безопасности.

Обычным чередом потекли наши занятия на новом бивуаке, где проведена была целая неделя. Ежедневно мы производили экскурсии по ближайшим окрестностям, собирали здесь растения, стреляли птиц, иногда охотились за зверями и ловили рыбу в Ды-чю. Сравнительно с Тибетским плато, научная добыча теперь была многократно лучшая, хотя сама по себе не особенно богатая. Вновь цветущих растений собрано было 73 вида, птиц настреляно с полсотни экземпляров, а из зверей убит был казаками прекрасный экземпляр беломордого марала; в спиртовую коллекцию попало несколько ящериц и десятка два рыб из Ды-чю. Только рыболовство в этой реке оказалось весьма затруднительным вследствие большой глубины, быстрого течения и отсутствия заливов или рукавов. Корм в окрестностях нашей стоянки был превосходный, так что верблюды и лошади наедались досыта и отлично отдыхали. Погода теперь хотя стояла довольно теплая (до $+21,3^{\circ}$ в один час дня), но дождь, иногда сопровождаемый грозой, лил по нескольку раз в течение суток. Все дождевые тучи приносились с запада. Постоянная сырость много мешала просушиванию наших коллекций, да и багаж трудно было уберечь от непогоды. Пастухи днем и караульные ночью также постоянно мокли, но молодцы-казаки не обращали на это внимания.

В продолжение двух суток после перестрелки с тангутами никого из местных жителей мы не видали. Даже черные палатки, стоявшие на противоположном берегу Ды-чю, укочевали куда-то. Наконец к нам приехал лама из недалекой тангутской кумирни Джоу-дзун. Этот лама объяснил нашему китайцу-переводчику, что тангуты стреляли в нас по ошибке, приняв за разбойников, нередко приезжающих сюда для грабежа. Конечно, подобное объяснение было чистый вздор, и я велел передать ламе, что если стреляние повторится, то оно недешево обойдется нападающим. Некоторое вразумление, вероятно, уже получилось и при ответной нашей стрельбе, иначе тангуты не преминули бы вновь побеспокоить нас хотя ночью.

На следующий день из той же кумирни пришли несколько лам. По нашей просьбе

они доставили местную лодку, чтобы попробовать возможность переправы через Ды-чю. Лодка эта внешним своим видом сильно напоминала большой кузов простых саней и была сделана из деревянных, скрепленных между собой обручей, обтянутых невыделанными шкурами домашних яков. В таких ладьях переправляются через здешние реки люди и мелкий скот; лошади же и яки обыкновенно следуют вплавь. Переправить подобным образом верблюдов через быстротекущую, глубокую Ды-чю нечего было и думать. Да притом уставшие наши животные даже после (почти невозможной) благополучной переправы не в состоянии были пройти далеко по труднодоступной горной стране. Потеряв же своих верблюдов, мы могли очутиться в положении почти безвыходном. Двинуться вниз до Ды-чю ее берегом было также нельзя, ибо путь этот не далее версты от нашего бивуака преграждали высокие скалы. Следование вверх по той же реке, хотя, быть может, и удалось бы, только несомненно с большим трудом, но для нас подобное направление являлось бесперспективным, ибо приводило к ранее нами обследованной части Тибетского плато.

Ввиду всех этих данных я решил отложить попытку переправы через Ды-чю или движения вверх по ней. Взамен этого намечено было вернуться прежним путем к истокам Желтой реки и заняться исследованием больших озер ее верхнего течения.

* * *

Порешив возвратом к истокам Желтой реки, мы покинули 18 июня берега Ды-чю и направились прежним путем вверх по ущелью реки Кон-чюн-чю. Однако на первый раз продвинулись только семь верст и остались дневать ради экскурсий по окрестным горам. К удивлению, погода четверо суток сряду стояла хорошая, ясная. Богатый ботанический сбор добыли мы теперь по кустам и лугам альпийской горной области. Птиц же по-прежнему встречали сравнительно немного. Удачно поохотились только за уларами и даже нашли гнездо этой интересной птицы. В нем лежало шесть сильно уже насиженных яиц. Само гнездо помещалось на мелкой горной осыпи, под небольшим камнем, где выгребена была маленькая ямка и дно ее усыпано несколькими перьями того же улара. Самка сидела на яйцах так крепко,

что В. И. Роборовский схватил ее руками, но сильная птица вырвалась и улетела.

На перевал Кон-чюн-чю взойшли мы благополучно; только здесь нас угостила сильная метель. По речкам близ перевала еще встречались остатки зимнего льда, а на окрестных горах лежал снег, значительно, впрочем, меньший, чем две недели тому назад, когда мы впервые этими местами проходили. Альпийские луга вблизи того же перевала, следовательно в самом верхнем поясе, являлись уже крайне тощими. Из цветущих трав по ним теперь преобладали мыкер и мытник, оба немного более дюйма высотой; на голых же глинистых скалах, несколько, впрочем, пониже, местами в изобилии цвела яснотка с грубыми, напоминающими ревеня листьями.

Подвигаясь по-прежнему весьма медленно вследствие постоянно почти дурной погоды и трудности вычным верблюдам ходить в диких горах, мы перешли еще один высокий перевал и спустились на реке Бы-чю. По обоим склонам этого перевала теперь во множестве цвели в верхнем поясе альпийских лугов и на соседних россыпях маленькая буковица, желтая хохлатка и желтый мытник; между ними рассыпаны были белые пятна твердочашечника. Вообще растительность в горах теперь находилась в полном летнем развитии, и подножный корм благодаря также отсутствию тангутских стад, укочевавших на другие места, всюду был превосходный.

Вверх по Бы-чю мы прошли также очень удобно, ибо вода в этой реке, вероятно временно, стояла теперь значительно ниже, чем в начале июня. Донимали нас только постоянные дожди, падавшие всего чаще после полудня и ночью. Все дождевые тучи приносились с запада и нередко были грозowymi; в самом верхнем поясе гор дождь заменялся снегом. Температура вообще была низка не только ночью, но и днем при облачной погоде. Зато мы вовсе не видели комаров, мошек или мух — словом, каких-либо мучащих насекомых.

На реке Бы-чю мы опять дневали на том самом месте, где почти месяц назад впервые встретили нас тангуты. Здесь высится большая, состоящая из сланца, мергеля и конгломерата гора, на которой водится множество горных баранов.

Назавтра утром мы снарядились опять на ту же гору за куку-яманами. Подзадори-

вала нас также и надежда встретить виденного накануне барса, но отыскать его не удалось. Опять несколько охотников зашли наперед вверх на скалы; другие полезли снизу. Стрелять велено было лишь крупных самцов, самок даром не бить.

Я взял винтовку Бердана и отправился в засадку невдалеке от вчерашнего места. Здесь высилась громадная скала конгломерата, и по ее лишь слегка наклонному боку, там, где разве можно пробраться мыши, вчера пробежало благополучно целое стадо куку-яманов. Несомненно, звери знали эту дорогу и после выстрелов наших охотников должны были опять здесь спастись. Ожидать пришлось довольно долго. Тихо и спокойно было вокруг; лишь по временам накрапывал дождик из пробежавших туч. Ягнятники и грифы, чувявшие добычу, то высоко парили в облаках, то спускались ниже скал и налетали на меня совершенно близко. Я следил за полетом этих могучих птиц и любовался ими. Наконец отрывисто раздался гул одиночного выстрела... Довольно заниматься грифами, нужно пристально сторожить ближайшие скалы. Высоко на них вскоре показалась стройная фигура куку-ямана и быстро исчезла. Еще напряженнее сосредоточилось мое внимание, еще сильнее забилося сердце страстного охотника. Вот-вот, думалось, явятся желанные звери, и руки невольно сжимали приготовленную винтовку... Но куку-яманов нет как нет. Видно, бросились они на другую сторону горы и не подойдут к засадке. Сомнение начинало брать верх над надеждой, радостное настроение заменялось унынием, ажиотация проходила... Вдруг как ошпаренный выскочил впереди меня большой самец куку-яман, постоял несколько секунд и пустился легкой рысью поперек отвеса конгломератовой стены, повыше ее середины. За вожакom показалось целое стадо и тем же невероятным путем бежало в недалеком от меня расстоянии. Несколько мгновений я смотрел совсем озадаченный на такое необычайное искусство куку-яманов; мне казалось, что это двигались тени, а не животные, и только жалобное блеянье барашков разрушило иллюзию. Передовые звери миновали уже середину каменной стены, когда я наконец опомнился и выстрелил в рогатого вожака. Словно оторванный от скалы камень, громыхнул он вниз, сделав два — три рикошета по стене, и, кувыр-

каясь, покатился далеко по крутому луговому скату. Стадо на мгновение приостановилось. Я послал второй выстрел — и другой самец еще с большим грохотом полетел с высоты, но, попавши внизу на камни, вскоре остановился. Между тем стадо частью продолжало бежать вперед, частью повернуло по той же стене вверх и взобралось по такой отвесной каменной круче, что у меня, глядя снизу, мороз драл по коже. Я даже не стал более стрелять, соображая, что упавший с подобной высоты зверь едва ли будет годен для коллекции. Вернувшись назад куку-ямань вскоре опять попали под выстрелы наших охотников, пока наконец не залегли в неприступных скалах.

Всего в этот день убито было с десятка зверей, но некоторых из них достать мы не могли. Шерсть на шкурах, несмотря на конец июня, была еще хорошая, зимняя. Мяса взяли немного, остальное пошло на добычу грифам, которые еще во время нашей охоты слетелись сюда во множестве и устроили пир горой, лишь только мы возвратились на свой бивуак.

После охотничьей дневки мы проползли в продолжение четырех суток только 23 версты. Постоянные сильные дожди крайне затрудняли движение каравана, да притом воды в речках прибыло так много, что о переправах вброд, по собственному желанию, нечего было и думать. Пришлось местами обходить броды по горам или ожидать временного спада той же воды. Тогда наудалую мы лезли в быстрину и кое-как переправлялись. Однако на одной из подобных переправ чуть было не приключилось великое для нас несчастье — В. И. Роборовский едва не утонул в реке Дяо-чю.

Вода в названной речке в этот памятный нам день к утру немного сбыла, и верховые казаки отыскали брод глубиной более 3 футов при ширине русла около 15 сажен. Течение было очень быстрое; дно усыпано крупными валунами. Однако караван прошел благополучно; остались на той стороне реки лишь наши бараны, которых казаки вскоре также вогнали в воду, но здесь их понесло вниз по течению. Тогда В. И. Роборовский и несколько казаков бросились в реку, чтобы перехватить уплывавших баранов. Двое из них с размаху ударились в лошадь Роборовского, и та вместе с седоком повалилась в воду. Быстрое течение подхватило и понесло. По счастью, Роборовский

успел высвободить свои ноги из стремян, иначе он захлебнулся бы наверное. Лошадь вскоре справилась и вышла на берег. Роборовский же, барахтаясь из всех сил, никак не мог овладеть с быстринной; тем более что винтовка, висевшая у него через плечо, сползла ремнем на руки и мешала плыть. Раза два — три Роборовский прятался с головой в мутную воду реки и срывался с валунов, за которые хотел уцепиться. Все это было делом одной — двух минут. Казаки, находившиеся на той и на этой стороне реки, бросились на помощь, но испуганные лошади не лезли теперь в воду, веревки же или чего другого на первых порах ни у кого не оказалось. Между тем Роборовский значительно приблизился к берегу, где глубина поменьше; тогда один из казаков вбежал в воду и вытащил Всеволода Ивановича. Последний сначала немного отдохнул, затем переехал прежним бродом на нашу сторону, переоделся здесь и, отделавшись лишь ушибом колена, как ни в чем не бывало продолжал путь с караваном.

Так в путешествии, подобном нашему, беда может грянуть во всякую минуту неожиданно-негаданно...

Утром 3 июля мы поднялись прежним путем на водораздел Желтой и Голубой рек и взйоли опять на плато Тибета. Здесь мало что напоминало летнюю пору года: трава на мото-шириках едва отросла на 1 дюйм, дожди нередко заменялись снегом, по ночам порядочно морозило. Притом обилие атмосферных осадков было до крайности велико, ради чего болота, топи, разлившиеся речки встречались чуть не на каждом шагу и сильно тормозили движение каравана. В особенности труден был для нас первый переход — от названного водораздела до реки Джагын-гола. Расстояние здесь только 15 верст, но мы шли их семь часов и измучились ужасно. Все попутные мото-ширики сплошь были залиты водой, а оголенные площади рыхлой глины с щебнем размочены в топкую грязь — словом, пришлось идти по сплошному почти болоту. Затем лишь только мы тронулись с места, как пошел снег, который при сильном северо-западном ветре вскоре превратился в метель, залеплявшую глаза. Холод пронизывал до костей не только нас, но и облинявших теперь верблюдов. Последние беспрестанно спотыкались, падали и вязли в грязи. Приходилось их развьючивать и вытаскивать; намокшие седла

и вьюки делались значительно тяжелее; верблюды выбивались из сил. Едва-едва добрались мы перед вечером до Джагын-гола. Здесь должны были удовольствоваться самым скромным, даже для экспедиции, ужином, ибо намокший аргал вовсе не горел. Ночью небо разъяснело, и к утру мороз в -4° не только закрепил выпавший накануне снег, но даже покрыл стоячую воду довольно прочной ледяной корой.

Нелегко теперь было и всем нам. Помимо громадной абсолютной высоты и неминуемого ослабления здесь организма, нас дожимали постоянные дожди, нередко заменявшиеся снегом; изредка перепадавшие ясные ночи, несмотря на июль, сопровождались морозами (до -5°), по утрам тогда падал иней, стоячая вода покрывалась льдом. Сырость всюду была ужасная. Спали мы на мокрых войлоках, носили мокрое платье. Оружие наше постоянно ржавело; собираемые в гербарий растения невозможно было просушить; вьюки и войлочные седла верблюдов также почти не переставали мокнуть и значительно прибавляли своей тяжести.

Еще сильнее отзывались все эти невзгоды на казаках. На бивуаке двое из них ежедневно пасли караванных животных нередко под проливным дождем или сильной метелью. Дежурный и повар на таком же дожде или снеге варили чай и обед. Наконец после всех дневных трудов измокшие, озябшие и усталые казаки становились поочередно, обыкновенно также при непогоде, на две смены ночного караула.

Достаточно мучений приносила казакам и возня с единственным топливом здешней местности — аргалом диких яков или хуланов. Смачиваемый постоянными дождями, этот аргал вовсе не горел. Приходилось разламывать его на кусочки и урывками просушивать на солнце, которое, изредка проглядывая, жгло довольно сильно. Такой полусухой аргал собирался потом в мешки и сохранялся как драгоценность. Его подбавляли в аргал сырой и раздували огонь кожаным мехом. Обыкновенно при подобной процедуре требовалось более часа времени, чтобы вскипятить чай. Когда же падал снег или дождь, то приходилось иногда делать из войлока навес над очагом и возиться вдвое дольше с раздуванием того же аргала. Случалось, что на такую работу ночные караульные употребляли почти целую ночь. Словом, служба казаков теперь была до

крайности тяжелая, но они, как и прежде, честно исполняли свой долг.

Теперь о больших озерах верхней Хуан-хэ.

Желтая река, образовавшись из ключей и речек Одонь-талы, вскоре затем проходит через два больших озера. В них скопляются воды значительной площади верховья новорожденной реки и сразу увеличивают ее размеры. Оба эти озера издревле известны китайцам под именами: западное — «Цзярын-нор» и восточное — «Норин-нор». Но так как положение тех же озер на географических картах правильно установлено не было и никем из европейцев они не посещались, то, по праву первого исследователя, я назвал на месте восточное озеро Русским, а западное — озером Экспедиции.

Оба они лежат на абсолютной высоте 14 тысяч футов рядом друг с другом и разделяются лишь горным перешейком шириною верст на десять, местами, быть может, и менее. По величине как то, так и другое озеро имеет около 130 верст в окружности. Формой своей каждое из них образует неправильную, напоминающую эллипсис фигуру, с той разницей, что озеро Экспедиции вытянуто по направлению от запада к востоку, Русское же — от юга к северу. Берега обоих озер почти сплошь гористы и значительно изрезаны, в особенности в южной части озера Русское. Здесь же лежат три маленьких островка; два других, несколько больших, находятся близ западного берега озера Экспедиции. Береговые горы не поднимаются, сколько можно судить на глаз, выше 400—600 футов над уровнем обоих озер. Эти горы то подходят к самому берегу и образуют здесь небольшие скалистые (сланец) массы, то отступают немного в сторону, окаймляя котловины некогда бывших заливов тех же озер, ныне обыкновенно занятые небольшими высыхающими озерами. Там, где горы не придвигаются к самым озерам, по их берегам тянется наносный увал от 7 до 10, местами же от 15 до 20 футов высотой. Глубина описываемых озер, вероятно, не особенно велика; измерить ее, хотя бы недалеко от берега, мы не могли без лодки. Вода совершенно пресная. Ее температура во второй половине июля колебалась (у берегов) между $+10,5^{\circ}$ и $+17,8^{\circ}$.

В озеро Экспедиции впадают с севера, кажется, две, быть может, порядочные

речки; с запада в него вливается река Салома, то есть новорожденная Хуан-хэ. Эта последняя вытекает вновь из восточной заливообразной части того же озера и, прорвав гористый перешеек, впадает в северную часть озера Русское. Последнее принимает, сверх того, на юго-западе реку Джагын-гол и рядом другую, пока безыменную, приходящую с юга. Обе эти реки, равно как и Хуан-хэ в озере Экспедиции, окрашивают летом своей мутной, почти желтой водой широкую (5—6 верст в поперечнике) полосу вдоль южных берегов обоих озер; остальная же их вода светлая, темно-зеленого цвета.

Однако, несмотря на обилие воды, протекающей в особенности летом в описываемые озера, оба они, подобно многим другим озерам Внутренней Азии, уменьшаются в своих размерах; другими словами — усыхают. Наглядно об этом свидетельствуют постепенно высыхающие озера в береговых котловинах, некогда также бывших заливами, обширные болота по реке Саломе, в низовьях Джагын-гола и соседней при устье ему речки, наконец береговые увалы — как нынешний, так и прежние; следы последних местами можно заметить в некотором расстоянии от настоящей береговой черты.

Желтая река окончательно выходит из озер в северо-восточной части озера Русское. Далее эта река называется тангутами Ма-чю; стремясь к востоку, она делает крутую дугу (вероятно, не столь большую, как обыкновенно изображают на картах) для обхода вечного снежного хребта Амне-мачин, прорывает поперечные гряды Куэнь-луня и направляется в пределы собственно Китая. Неизвестные ныне части описываемой реки лежат от выхода ее из озера Русское до устья реки Чурмына, где мы были в 1880 году. На этом протяжении, занимающем (не считая мелких извилин течения), вероятно, около 400 верст, Хуан-хэ спадает на 4800 футов. Большая часть такого падения несомненно приходится на прорывы горных хребтов, где течение Желтой реки, сколько нам приходилось видеть при третьем путешествии, чрезвычайно стремительное.

Окрестности описываемых озер, как выше было сказано, гористы, но ближайшие горы невысоки, имеют мягкие формы, луговые скаты и почву глинисто-песчаную; подножный корм отличный, в особенности на озере Русское. Здесь по горам в изобилии

растут злаки: птилагростис, овсюг, пырей гребенчатый, мятлики, колосник; два последние встречаются кустиками по берегу самого озера; там же и кустарниковый чернобыльник, а по небольшим скалам — ломонос, очиток и лук. По горным склонам в половине июля цвели: синяя и палевая генцианы, альпийская астра, темно-розовый и желтый мытники, палевый окситропис, синий лук, зеленоцветный прикрит, два вида чернобыльника, сосюра; местами обилён был также мышьяк¹, уже отцветший.

Из водяных птиц много гнездится индийских гусей и частью больших крохалей; обильны также речные крачки и обыкновенные чайки; нередки чайка-рыболов, чайка серебристая, бакланы и турпаны; но уток летом нет вовсе. По береговым болотам много куликов-красноножек, а по степным местам — тибетских жавороночков. Вообще орнитологическая фауна здесь бедная, как и во всем Тибете. Из насекомых в половине июля мы встретили по берегам описываемых озер множество каких-то некусающихся мошек; на мото-шириках, так же как по Джагын-голу, местами чрезвычайно обильны были черные гусеницы, обыкновенно дочиста поедавшие тибетскую осоку.

Покинув озеро Экспедиции, мы в тот же день перешли через реку Салому, немного ниже места прежней нашей переправы; здесь больше рукавов, следовательно, брод удобнее. По счастью, никогда нас не покидавшему, названная река незадолго перед тем порядочно сбыла, да и то в одном месте пришлось переходить на 4-футовой глубине. Вода была совершенно мутная от размываемой красной глины, которая при высоком уровне реки осаждается на низких ее берегах. Прежнего обилия орланов и чаек здесь теперь не нашлось, вероятно, потому, что в мутной воде для птиц нелегко ловить рыбу. Кроме того, орланы большей частью улетели гнездиться на север. Впрочем, немногие из них еще остались, но промышляли другим способом — именно сопровождали иногда медведей, копавших пищу, и ловили этих зверьков, когда те выскакивали из своих нор.

Спустившись по Номохун-голу до выхода из гор, мы перекочевали в соседнее ущелье реки Хату-гола, где в это время паслись

¹ Мышьком Пржевальский называет термопсис альпийский. (Примеч. редактора.)

оставленные на складе наши верблюды. Место здесь было довольно прохладное (11 тысяч футов абсолютной высоты) и кормное; вода и топливо имелись в изобилии. Ради всего этого мы решили сами там устроиться, чтобы немного отдохнуть и обождать до второй половины или до конца августа, пока уменьшатся жары, а главное пропадут мушкетерские насекомые, которые летом кишат по цайдамским болотам.

На складе нашем все оказалось благополучно. Целое лето казаки поочередно вдвоем караулили багаж в хырме Барун-засака, остальные пять человек жили с верблюдами в северной окраине Бурхан-Будды. Разбойники тангуты ни разу не осмелились напасть ни на склад, ни на наших верблюдов, хотя в окрестностях грабили монголов и даже убили несколько человек. Оставленные при складе верблюды отлично отдохнули и откормились. Таких имелось пятьдесят, остальные же шестнадцать из числа пришедших теперь с нами были утомленные и исхудалые. Требовалось приобрести еще хотя десяток хороших верблюдов, и с этой целью был командирован в Дабасун и в ставку кукунорского вана урядник Иринчинов с тремя казаками. С ними же отправился обратно в Синин и китаец-переводчик, хорошо вообще служивший нам в Тибете. С этим китайцем мы послали теперь письма на родину через Синин и Пекин.

На новом стойбище мы провели две недели. Сначала занимались просушиванием собранных в Тибете коллекций и пополнением заготовок о пройденном пути; казаки тем временем починяли износившиеся выючные принадлежности, как равно одежду и обувь. Вскоре все это было кончено; затем мы отдыхали и благоденствовали, запасаясь силами на дальнейший путь. Великим наслаждением было теперь для нас чтение литературных книг, несколько которых привезли нам со склада. Казаки также читали народные книжки; вечером же утешались гармонией, песнями и даже иногда пляской. По утрам мы обыкновенно ходили на охоту в окрестностях бивуака за горными куропатками или подкарауливали грифов на издохшем недавно верблюде; кроме того, стреляли для коллекции пролетных жавороночков и щеврищ. Ботанические экскурсии также очень мало доставляли добычи: раз — по бедности окрестной флоры вообще, а затем потому, что большая часть растительных

видов уже окончила период своего цветения. Помимо балга-мото, в изобилии росшего по реке, и вообще растений, поименованных для нижней части ущелья Номохун-гола, теперь здесь были найдены мышьяк, пижма, несколько видов полыни, подорожник, гвоздика, цапельник, кохия.

Жителей вблизи нас не было, за исключением одного ламы, прикочевавшего к нашему бивуаку, чтобы без опаски пасти своих баранов и пользоваться остатками нашей кухни. У этого ламы мы купили, в добавление к двум своим караульным собакам, нового пса, который сразу заявил свои способности к путешествию. Именно отправился вместе с посланными покупать верблюдов казаками и прошел с ними в Даба-сун-гоби — следовательно, за 200 верст от нашего бивуака. Там на бедного Дырму, так звали нового пса, напали злые собаки и порядком его погрызли. Во избежание новой трепки, Дырма махнул один назад, нигде не сбился с пути, сделал даже безводный переход в 50 верст и на другие сутки явился благополучно к нашей стоянке. Впрочем, как оказывается, не одни псы предаются здесь столь дальнему бегству по диким пустыням. То же самое случается и с лицами прекрасного пола. Так, недавно владетель западно-цайдамского Тайджинерского хошуна ездил в Пекин и оставил часть своей свиты в Ала-шане. Прельстившись тамошними красавицами, многие оставшиеся монголы женились и повезли потом новых жен в свой Цайдам. Здесь одна из алашанок, соскучившись по родине, тихомолком оседлала лошадь своего супруга и без всякого вожака махнула обратно. Беглянка была поймана лишь за 300 верст от места своего побега.

Иногда к нам приезжали монголы, которые караулят перевалы через Бурхан-Будду от разбойников тангутов, или, как их здесь называют, оронгын. Лишь только завидят этих последних, караульные тотчас дают знать в Цайдам; там все прячутся куда могут. Подобные караулы содержатся летом в главных ущельях Бурхан-Будды от обоих прилегающих к этим горам хошунов — Дзун-засака и Барун-засака. Кроме того, цайдамские монголы стараются кочевать в топких болотах, куда конным оронгынам трудно пробраться. Однако разбойники ежегодно грабят и убивают тех же монголов. Эти постоянные грабежи довели несчастных

цайдамцев до того, что они при нас собирались подавать через сининского амбана богдохану просьбу о дозволении переселиться на Алтай.

* * *

Исследованием северо-восточного угла Тибета закончился первый акт нынешнего нашего путешествия. Дальнейший путь намечался теперь к западу, в таинственное урочище Гас, о котором мы часто слышали в прежние свои странствования. Минувшей весной добавились новые сведения от дунган деревни Бамбы, сообщивших нам, что до последнего магометанского восстания их торговцы нередко ездили из Синина на Лобнор и далее. Часть предстоящего пути, именно по Южному Цайдаму от хырмы Дзун-засак до реки Найджин-гола, мы прошли в 1880 году при возвращении из Тибета. Теперь решено было дойти до Гаса, устроить там новый склад и в течение зимы заняться исследованием окрестных местностей, к весне же перекочевать на Лобнор.

Покинув долгую стоянку на реке Хатуголе, мы перешли к хырме Барун-засак и верстах в четырех от нее раскинули свой бивуак на хорошем, кормном для верблюдов месте, обильном ключевой водой. Сюда перевезен был весь остававшийся летом на складе багаж, и мы занялись новой его сортировкой по вьюкам. Работа эта продолжалась несколько дней. В особенности много было возни с разными мелочами и с окончательной укладкой собранных коллекций. Теперь нам приходилось таскать эти коллекции с собой до самого окончания путешествия.

Вскоре возвратился урядник Иринчинов и привел 13 верблюдов, купленных им с большим трудом, местами чуть не силою, ибо монголы боялись продавать. Теперь, за исключением издохших и брошенных верблюдов, налицо у нас имелось 75 этих животных; из них 64 были очень хорошими, вполне надежными для дальнего пути.

Относительно продовольствия мы также были обеспечены по крайней мере на полгода, за исключением лишь мяса, которое в жилых местах можно было добыть покупкой баранов, в безлюдных же — охотой.

Общее восточно-западное направление нашего пути изменилось с Найджин-гола на

северо-западное, или, правильнее, западо-северо-западное. Крайние горы с юга по-прежнему стояли высокой крутой стеной; только расстояние для этих гор теперь несколько увеличилось. На этой расширенной площади ближе к реке Уту-мурень высилась небольшая горная группа Хоргоин-ула, с запада много занесенная песком.

1 октября мы заменили свою палатку войлочной юртой, уцелевшей еще от прошлой зимы. В юрте гораздо теплее и удобнее во время холодов; несомненно только ежедневно ставить и разбирать это жилье во время пути. Для казаков на Уту-мурени была куплена также юрта, но весьма плохая; притом в ней могла помещаться лишь половина экспедиционного отряда; остальные казаки провели зиму в палатке.

Урочище Улан-гаджире лежит на левом берегу той же Уту-мурени и протягивается от юго-востока к северо-западу верст на пятьдесят.

Из Улан-гаджира ведут два пути: один путь в урочище Гас, другой в урочище Сыртын. Этот последний, о котором было упомянуто выше, направляется, как говорили нам монголы, вниз по Уту-мурени до ее устья, затем обходит озеро Дабасун-нор и пересекает урочище Махай.

В Улан-гаджире мы провели пять суток. Местные монголы, сведав о скором прибытии к ним нашей экспедиции, откочевали в стороны и попрятались со своими стадами, так что их едва можно было разыскать. Однако, видя, что мы дурного не делаем, вскоре возвратились на прежние свои места. С помощью сининского переводчика мы купили у тех же монголов 60 баранов, юрту для казаков, немного масла и променяли трех усталых лошадей на свежих. Гораздо затруднительнее было отыскать проводника на дальнейший путь в Гас. Однако и это самое важное для нас дело уладилось после настоятельных с нашей стороны требований и при содействии того же сининского переводчика. Последний был вознагражден за свои услуги и отправлен обратно.

Урочище Гас, куда мы теперь пришли и о котором часто слышали в прежние путешествия на Лоб-норе и в Цайдаме, лежит в северо-западном углу этого последнего, там, где северные и южные крайние горы, то есть Алтын-таг и главный кряж среднего Куэнь-луня, значительно сближены между собой. Гас представляет солончаковую рав-

нину или, вернее, впадину с абсолютной высотой около 9 тысяч футов. Только площадь, занимаемая солончаками, здесь обширнее. Она протягивается верст на семьдесят с востока на запад при ширине верст в двадцать или около того. В северной части и почти в середине общего протяжения этих солончаков лежит озеро Гас, имеющее до 45 верст в окружности и своей формой напоминающее зерно фасоли. Это озеро очень мелко, так что у берега, по крайней мере южного, где мы проходили, на расстоянии нескольких сажен глубина не превосходит 2—3 дюймов. Притом вода чрезвычайно соленая, ради чего не замерзает и зимой. Большие отложения соли находятся на дне самого озера и разбросаны по его берегам.

Перекочевав из восточной окраины урочища Гас ближе к большому озеру на ключ Ихын-дырисун-намык, где в изобилии встречались подножный корм, хорошая вода и хармык для топлива, я послал урядника Иринчинова, переводчика Абдула и вожака монгола вдоль по тому же Гасу разыскать кого-либо из людей, если таковые здесь имелись. Сам же с двумя казаками поехал в крайние, к югу лежащие горы, до подошвы которых от нас теперь было лишь около 20 верст. На этом хребте, названном мною впоследствии Цайдамским, высилась в том же южном направлении вечноснеговая группа, известная монголам под именем «Ихын-гасын-хоргу», то есть «вершина Гаса сальная». Такое имя дано потому, что речка, сбегаящая с этих снеговых гор, доставляет подземным путем свою воду в урочище Гас; ледники же, по мнению монголов, издали блестят, как застывшее сало. Другая снеговая вершина того же хребта, называемая «Ихын-гансын-хоргу» («вершина Гансы сальная»), лежит восточнее и подземной водой питает урочище Гансы.

Пройдя затем по южному берегу озера Гас, мы остановились верстах в пяти от юго-западной оконечности этого озера, на ключах Айхын. Название это в переводе означает «страшный», но чем страшны описываемые ключи, проводник объяснить нам не мог, хотя уверял, что их боятся даже звери и никогда здесь не пьют воды.

От ключей Айхын мы пошли далее к западу, в урочище Балгын-баши, откуда, сделав еще 9 верст, добрались в урочище Чон-яр, лежащее на ключевом истоке речки Ногын-гола. Место это отличное — обильно

кормом, водой и хармыком для топлива; в окрестностях много антилоп хара-сульт, которых можно бить на продовольствие, — словом, удобно во всех отношениях для продолжительной стоянки. Здесь и решено было устроить новый наш склад на время зимней экскурсии к Тибету.

До предварительного отправления на такую экскурсию необходимо было разведать дорогу к Лоб-нору. До него, судя по проложенному на карте новому нашему пути, оставалось сравнительно недалеко, по крайней мере до тех местностей Алтын-тага, которые посещены были мною в 1877 году. Во всяком случае, разъезд предстоял гигантский, ибо необходимо было ощупью разыскать удобный для вычюных верблюдов переход через Алтын-таг — словом, тот заброшенный калмыцкий путь в Тибет, о котором я слышал во время лобнорского путешествия. Верный мой сподвижник урядник Иринчинов и казак Хлебников назначены были на такое важное для нашей экспедиции дело; к ним придан был улан-гаджирский вожак-монгол, который хотя и искусился хорошей платой, но, как потом оказалось, служил только лишней обузой. Посланные отправились на верблюдах и взяли с собой продовольствия на две недели; ночевать должны были под открытым небом.

Одновременно урядник Телешов и еще один казак посланы были в другой разъезд — к западу, в направлении предстоящего нам пути. Им велено было проехать на два-три перехода вперед и настрелять для еды антилоп, ибо теперь мы должны были экономить своих баранов на предстоящую зимнюю экскурсию. Этот разъезд вернулся через трое суток. Посланные осмотрели местность верст на семьдесят от нашей стоянки, убили семь антилоп оронго, часть мяса которых и четыре отличные для коллекции шкуры привезли с собой. Только с одним из казаков, именно Телешовым, чуть было не приключилась беда: на него неожиданно бросился смертельно раненный самец оронго и пробил своими острыми рогами шубу на высоте ляжки левой ноги, так что даже эта нога застряла между рог. Ударь зверь немного повыше — в живот, и Телешов был бы ранен смертельно.

На двенадцатые сутки после отправления вернулись люди из дальнего разъезда и принесли радостную весть, что путь к Лоб-нору

найден. Большим трудом был куплен такой успех. На протяжении около 50 верст по гребню Алтын-тага казаки лазили во все ущелья, нередко спускались по ним на другую сторону хребта и, встретив здесь непроходимую местность, возвращались обратно, пока наконец не попали на истинный путь. По нему посланные проехали верст шестьдесят до выхода из Алтын-тага. Судя по приметам, этот путь лежал ущельем реки Курган-сай, где я проходил в 1877 году, что и действительно подтвердилось впоследствии.

Таким образом, счастье вновь послужило нам как нельзя лучше. Случайно найденная тропа через Алтын-таг отворяла теперь для нас двери в бассейн Тарима, да притом в ту его часть, где еще не бывали европейцы от времени знаменитого Марко Поло.

* * *

По возвращении разъезда, отыскивавшего дорогу на Лоб-нор, оба улангаджирских проводника были отправлены обратно с приличным вознаграждением за свои услуги. Мы остались одни среди дикой пустыни и на предстоящей зимней экскурсии должны были сами разыскивать для себя путь. Впрочем, дело это было привычное, а зимой, когда можно возить запас льда, даже не особенно трудное.

На складе в урочище Чон-яр оставлены были под заведыванием урядника Иринчинова шесть казаков и переводчик Абдул Юсупов; затем верблюды, лошади, продовольственные бараны и багаж. Казаки поочередно должны были пасти экспедиционных животных и держать по ночам караул; в свободное же время занимались кое-какими работами, грамотой и охотились за хара-сультами. Но все-таки, несмотря на относительно большее спокойствие, оставляемые казаки сильно завидовали своим товарищам, которые шли теперь в поход. Там предстояла ежедневная новизна и разные приключения — словом, более активная жизнь; на складе же изо дня в день все шло раз заведенным порядком, и скука, особенно в зимнее время, иногда являлась непрощеной гостьей.

Караван на предстоящую экскурсию был сформирован небольшой. Мы брали с собой лишь 25 верблюдов, 4 верховые лошади и десятка полтора баранов для еды; багаж

был также уменьшен до крайности, и все запасы рассчитаны только на два месяца.

19 ноября мы тронулись в путь, определив первоначально пройти к западу по обширной, из глаз уходящей долине, названной впоследствии мною ради постоянных здесь ветров и бурь Долиною ветров.

На южной стороне той же восточной половины Долины ветров и Северо-Западного Цайдама стоит другой обширный хребет, названный мною, как уже было говорено, Цайдамским. Он тянется от востока к западу на 320 верст параллельно хребтам Колумба и Гарынга, отделяясь от них неширокой долиной. На востоке описываемый хребет теряется узким рукавом в цайдамской равнине, недалеко от урочища Улан-гаджир; на западе же примыкает к хребту Московскому, от которого отделяется ущельем реки Зайсан-сайту, или, вернее, поперечной продушиной, лежащей верстах в пяти восточнее этого ущелья.

Параллельно Цайдамскому хребту стоит в стороне Тибетского плато новый громадный хребет, названный мною именем великого человека, открывшего Новый Свет. Это хребет Колумба.

Общий характер хребта Колумба одинаков с другими цепями западной половины главного кряжа среднего Куэнь-луня; здесь преобладают те же горные породы; так же сравнительно мало скал, в особенности на южном склоне; то же бесплодие и, вероятно, то же обилие золота.

Третий хребет, стоящий на продолжении двух вышеописанных и ограждающий с юга Долину ветров, получил название Московского. Как выше было сказано, он тянется в восточно-западном направлении верст на сто или немного более, до соединения с Токуз-дабаном. За исключением небольшой восточной части, новый хребет сплошь покрыт ледниками, еще более обширными в его середине, где поднимается и высший здесь пик — гора Кремль. Она имеет, если смотреть с востока, правильную форму тупого конуса и по своей высоте, пожалуй, не ниже Джинри. Громадные ледники покрывают как северный, так и южный скаты этой горы, а на восточной ее стороне лежит обширное ледяное поле.

Южный склон хребта Московского, сколько кажется расширенного близ соединения с Токуз-дабаном, крут и обрывист, по крайней мере, в своей восточной части;

склон же северный хотя и крутой, но довольно ровный, в особенности против najwyżшей середины этих гор. Здесь частые бури Долины ветров засыпали многие ущелья, уничтожили скалы и вообще сгладили горный рельеф. Впрочем, и на южном склоне Московского хребта скал сравнительно немного, что составляет так же его характерную черту, как в двух соседних хребтах — Цайдамском и Колумба, да и во многих других на плато Тибета. Каменная порода, встреченная в восточной и западной частях описываемого хребта, одна и та же — кремнистый сланец.

Жителей в тех же горах и прилежащих к ним местностях нет вовсе. Но везде в ущельях мы находили следы недавних стойбищ туркестанцев, которые летом приходят сюда, украдкой от китайцев, из ближайших оазисов Таримской котловины и занимаются добычей золота.

Через два маленьких перехода, к югу от ущелья реки Зайсан-сайту, мы взобрались на плато Тибета. Высшая точка этого подъема, окаймленного небольшими горами, имела 13 800 футов абсолютной высоты; между тем как пологий взъем, лежащий немного отсюда севернее и которым мы возвращались обратно, оказался на 700 футов ниже.

Обширная широкая равнина раскинулась теперь перед нами и уходила к востоку за горизонт. С севера ее резко окаймлял хребет Колумба, который в этой западной своей части стоит в стороне Тибета, хотя обрывистой, но сравнительно невысокой стеной. На юго-востоке и юге виднелись в беспорядке набросанные холмы и гряды невысоких гор; за ними выглядывал своими снеговыми вершинами громадный хребет, впоследствии названный моим именем. Наконец, среди упомянутой равнины, вдоль по ней, раскидывалось большое озеро, к удивлению нашему еще не покрытое льдом. Озеро это я тут же назвал Незамерзающим. К нему мы и направились по бесплодной полого-покатой равнине. Впрочем, сначала на протяжении верст около десяти серединой этой равнины, там, где пролегает сухое русло речки и почва песчаная, встречались порядочные площадки мелкой осоки, еще не съеденной зверями; затем мы шли по голой гальке. До озера все время казалось вот-вот рукой подать, а между тем мы ночевали, не дойдя еще 18 верст до него, среди небольшой, случайно попавшейся площадки ку-

старникового чернобыльника. Голодные верблюды и лошади обрадовались даже такому корму, который вместе с тем служил нам и дровами; воду добыли из привезенного с собой льда. Назавтра мы продолжали свой путь к тому же озеру, еще не зная, найдем или нет годную для питья воду; запасный же лед почти весь вышел. К нашему благополучию, близ западного берега новооткрытого озера, которое оказалось весьма соленым, нашли среди солончаков несколько замерзших ключей, на которых лед был совершенно пресный; его натаяли мы для себя, дали по ведру воды и лошадям. Последние уже много исхудали от бескормицы и холодов, но верблюды шли молодцами.

Переночевав близ озера Незамерзающего, мы пошли к юго-востоку, в направлении еще с перевала виденной речки. Однако на деле оказалось, что то было сухое русло, местами покрытое солончаками, которые издали походили на лед. Пришлось остановиться в окраине совершенно бесплодных лёссовых холмов. Опять наши животные принуждены были довольствоваться ничем. Несмотря еще на уцелевших баранов до того проголодались, что рвали клочьями и жадно ели шерсть с уложенных на ночь верблюдов.

Осмотрев тщательно в подзорную трубу все окрестности, мы пришли к убеждению, что дальше идти нам нельзя. Бесплодные лёссовые холмы залегали к югу далеко; за ними виднелись горы, а там вставал снеговой хребет; словом, местность, по всему вероятно, представляла большие, иногда, быть может, непреодолимые трудности, в особенности для наших значительно истомленных животных. Затем, в другом направлении — к востоку, вдоль по южному берегу озера Незамерзающего, хотя заметны были кое-где площадки травы, а также лед на ключах и, по-видимому, не представлялось препятствий для движения каравана, но идти сюда нам было не к чему, ибо крайняя гряда хребта Колумба без того видна была верст на сто; пройти же далее этого, во всяком случае, мы не могли. Да, наконец, необходимо было спешить, пока еще не устали верблюды, осмотром западной половины Долины ветров и окрестных ей гор. Ввиду всего этого решено было вернуться с плато Тибета и продолжать путь к западу от реки Зайсан-сайту. На следующий день мы опять бивуакировали на берегу озера Незамерзающего.

Это озеро лежит при абсолютной высоте 11 700 футов, на обширной высокой равнине, раскинувшейся у южного подножия хребта Колумба. Своей формой оно походит, сколько это можно видеть издали, на рукав, вытянутый от востока к западу. Длина в сказанном направлении более 50 верст, ширина же, по крайней мере в западной части, довольно равномерная, всего лишь около 10 верст.

Вблизи юго-западного своего берега озеро Незамерзающее очень мелко; вероятно, и все оно неглубоко; притом значительно уменьшается в размерах, насколько об этом можно судить по обширным, некогда покрытым водой солончакам, прослеженным нами к югу, вплоть до гряды бесплодных лёссовых холмов. Западная часть того же озера не имеет притоков; но в восточную его половину, вероятно, впадают некоторые речки, вытекающие со снеговой части хребта Колумба и с хребта моего имени; кроме того, подземная вода является здесь в виде ключей.

Этот хребет назван мною первоначально «Загадочный», потому что мы видели его лишь издали и нанесли на свою съемку только приблизительно. Нам удалось отметить, да и то лишь одной засечкой, здесь гору, как кажется, самую высокую, которая по своей форме, напоминающей большую меховую шапку, названа мною «Шапка Мономаха». К востоку от нее виднелось еще несколько снеговых вершин; крайняя из них лежала, как казалось, не далее 40 верст от города Джин-ри; следовательно, можно было предположить, что описываемый хребет примыкает к этой горе, чего в действительности не оказалось. Затем верстах в семидесяти к югу от озера Незамерзающего мы ясно видели ряд снеговых вершин, опять-таки, всего вернее, того же самого хребта, промежуточная часть которого, к горе Шапка Мономаха, была от нас закрыта ближайшими, сравнительно невысокими, горами. Далее к западу об описываемом хребте ничего положительного неизвестно. Лишь от реки Зайсан-сайту и потом с перевала на плато Тибета мы видели далеко в юго-западном направлении высокий, острый по своей форме снеговой пик, который, быть может, принадлежит тому же хребту в его крайней западной части. В таком случае, судя по аналогии с другими ветвями главного кряжа среднего Куэнь-луня, можно предполагать, что хребет

моего имени протягивается к западу до соединения с Русским хребтом или с Токуз-дабаном.

Таким образом, хребет, о котором идет теперь речь, составляет южную ветвь западной части главного кряжа среднего Куэнь-луня, или, быть может, именно и есть главная здесь его цепь. Косвенным подтверждением последнего предположения служит то обстоятельство, что местность, окрестная к озеру Незамерзающее, несет не вполне тибетский характер, но частью и западноаидамский; да и само названное озеро образовалось в обширной выемке между двумя хребтами. К собственно Тибетскому плато, вероятно, прилегает самый южный из них, то есть хребет моего имени, который, во всяком случае, не ниже, если только не выше хребтов Колумба и Московского.

На возвратном пути от озера Незамерзающее мы несколько сократили свою дорогу и напрямик вышли на реку Зайсан-сайту; затем, спустившись вниз по ее ущелью, свернули к западу в Долину ветров. На два-три перехода местность здесь была еще ранее с гор осмотрена, так что явилась возможность двигаться без разъезда; тем более, что подножный корм на песчаных площадках возле ключей встречался пока довольно сносный, да и сами эти ключи, иногда с большим ледяным наплывом, попадались нередко; топливом же служили корявые кустики белозника и стелющейся мирикарии.

Дневки мы давно уже не делали, но каждый день подвигались небольшими переходами. Походным жилищем нашим была войлочная юрта; казаки же, кроме тех, которые при нас находились, помещались в палатке. Ежедневные дежурства, пастьба верблюдов с лошадьми и ночные караулы шли у казаков обыденным чередом. Молодцами они держали себя по-прежнему, несмотря на все трудности и лишения. Те и другие увеличивались для нас с каждым днем, ибо, с одной стороны, взятые лишь в обрез запасы заставляли экономить такие предметы нашего довольствия, как кирпичный чай и дзамба, а с другой сильные холода и бури доносили нас теперь почти без перерыва.

Уже в первой половине декабря ночные морозы четыре раза переходили за -30° ; вскоре затем усилились до замерзания ртуты. Притом леденящий ветер, исключительно западный, постоянно дул нам навстречу; выпадавший иногда небольшой снег еще бо-

лее усиливал стужу. Бури также случались нередко.

Повернув от перевала с Долины ветров в обратный путь, мы зашли прежде всего на ближайшую часть Московского хребта, чтобы измерить здесь нижний предел ледников. Забравшись всем караваном в окраину гор, я и Роборовский отправились пешком к ледникам, до которых казалось совершенно близко. Между тем пришлось лезть 4 версты в кручу, большей частью по голой россыпи, на сильном морозе с ветром. После двухчасового пути мы достигли нижнего края одного из ледников. Барометр показал здесь 15 500 футов абсолютной высоты. Нужно только заметить, что ледник этот лежал в ущелье северного склона гор.

Идти вниз по Долине ветров было гораздо легче уже потому, что постоянный западный ветер дул в спину, а солнце хотя сколько-нибудь грело навстречу, да и не требовалось делать съемки обратной дорогой. Однако короткие зимние дни и усталость наших лошадей не позволяли двигаться большими переходами. Погода по-прежнему стояла очень холодная; но 25 и 26 декабря атмосфера наполнилась густой пылью, принесенной, вероятно, бурей, разразившейся в котловине Тарима, и эта пыль, нагретая солнцем, быстро нагрела воздух, так что 27 декабря даже при облачном небе термометр в один час дня показывал $+7,8^{\circ}$. Затем вскоре опять наступил холод, но менее сильный, чем был до сих пор. Зависело это счастье и от того, что мы спустились Долиной ветров более чем на 2000 футов по вертикали до ключевых истоков нижнего течения реки Зайсан-сайту. Здесь устроена была надвое суток дневка, чтобы отдохнуть, а главное настрелять антилоп оронго для продовольствия как в дальнейшем пути, так и по приходе на склад. На первой же охоте убиты были 23 названные антилопы; больше стрелять не стали, ибо некуда было вычистить мясо. Через два затем перехода вниз по реке Зайсан-сайту мы встретили новый, 1885 год, правда при обстановке более чем скромной, зато с радостным сердцем ввиду уже исполненного за год истекший и с лучшими надеждами на успехи в году наступающем.

На другой день Нового года я отправил двух казаков с несколькими вьючными верблюдами на складочный пункт, в урочище Чон-яр. Сами же мы предприняли непродолжительную экскурсию по реке Хатын-зану,

чтобы выяснить окончательное расположение окрестных ей хребтов и проследить названную реку.

Сделали мы три перехода обратно вниз по Хатын-зану, а отсюда в два приема перешли безводной местностью до урочища Чон-яр, где радостно встретились с оставшимися людьми нашего отряда. Это было 11 января 1885 года. В отсутствие, то есть на зимней экскурсии, мы провели 54 суток, обошли 784 версты и обследовали один из самых неведомых уголков Центральной Азии.

На складе нашем все оказалось благополучно. Оставшиеся казаки были живы и здоровы. Верблюды совершенно отдохнули и поправились на хорошем подножном корме, что весьма важно было для дальнейшего пути, ибо рассчитывать достать свежих верблюдов в бассейне Тарима мы не могли, как то и подтвердилось впоследствии. Относительно же лошадей вышло не так удачно. Те, которые ходили с нами, совершенно истомились, да и оставшиеся на отдыхе далеко не поправились как следует: четырех из них пришлось бросить.

По приходе на склад, где и погода сделалась теплее, тотчас же началась стрижка, умывание и пр. — словом, приведение себя в образ человеческий; после этого мы воспользовались лучшими продуктами из своих запасов. Все минувшие невзгоды теперь стуживались, и лишь в отрадном образе являлся в воспоминании успех совершенного путешествия.

Трое суток употреблено было на переустройство багажа, просушивание собранных зоологических коллекций, дополнительные писания и пр. Затем мы покинули свою прекрасную стоянку и направились к северу на Лоб-нор по пути, отысканному развоздом еще в ноябре прошлого года.

Хребет Алтын-таг, о котором не раз упоминалось выше и возле которого мы теперь находились, был открыт мною в конце 1876 года, во время лобнорского путешествия. Его название в переводе означает «золотой хребет» и дано, вероятно, вследствие обилия здесь золота. При общем направлении от запада-юго-запада к востоку-северо-востоку описываемый хребет тянется на 700 верст от верховья реки Черченской до снеговой группы Анембар-ула, близ Са-чжеу. Здесь Алтын-таг соединяется непосредственно с Наньшанем, на западе же примыкает к Токуз-дабану с его дальнейшими продолжениями.

Таким образом, является непрерывная, ограживающая с севера высокое нагорье Тибета цепь гор от верхней Хуан-хэ до Памира. Алтын-таг лежит как раз в середине этой громадной цепи и, подобно другим окрайным горам Центральной Азии, пускает на высокое плато лишь незначительный скат, но вполне развивается к стороне своего низкого подножия, то есть к Лобнорской пустыне. За снеговую линию тот же хребет переходит лишь в крайней западной части, близ истока Черченской реки, но тем не менее на всем своем протяжении весьма высок, дик и труднодоступен.

Характеристикой Алтын-тага могут также служить его высокие, обыкновенно продольные общему направлению хребта долины с лёссовой почвой, но безводные, а потому чрезвычайно бедные растительностью. Вообще описываемый хребет очень беден водой.

В направлении, нами пройденном, южный склон Алтын-тага имеет всего лишь несколько верст в ширину, и подъем здесь со стороны плато Тибета на перевал к Лоб-нору совершенно незаметен.

Через 26 верст от вершины спуска, понизившись почти на 3000 футов, мы пришли на ключевой исток реки Курган-булак, или Курган-сай, в то самое место, через которое пролегал наш путь в январе 1877 года.

По выходе из ущелья Курган-сай дальнейший путь наш лежал к западу-северо-западу поперек обширной, покатою от подножия Алтын-тага к Лоб-нору, равнины. Двойным переходом с ночевкой посередине прошли мы здесь 52 безводные версты до ключа Ащи-булак. Вначале, верст на восемь от Курган-сай, тянулись глиняные холмы; в их окраине мы встретили место своего здесь бивуака зимой 1877 года. Несмотря на то что с тех пор минуло уже восемь лет, еще хорошо сохранились следы нашей юрты и лежбищ верблюдов; целы были уголья нашего костра и даже оставшиеся тогда дрова.

Почва равнины, по которой мы затем шли, состоит из гальки, лёсса и песка, рыхло насыпанных; местами валяются камни, обделанные бурями в разные причудливые формы, как, например, седел, башмаков, блюдец и т. п. Иногда встречаются протянувшиеся от гор русла, обозначающие собой направление редких дождевых потоков. Сама равнина бесплодна; лишь в районе, ближайшем к горам, враспынную растут корявые кусты

саксаула, джужгун, реамюрия и хвойник. Тропинка хорошо наезжена и притом часто обозначена сложенными из камней кучами (обо), иногда весьма большими.

На ключе Ащи-булак, вода которого горько-соленая, мы спустились уже до уровня Лоб-нора, то есть на 2600 футов абсолютной высоты. Так низко не были от самой Кяхты. Нечего говорить, что теперь стало теплее, хотя в нынешнем году зима на Лобноре стояла холодная и даже на несколько дней выпадал снег. До сих пор еще лежали в укрытых от солнца местах занесенные лесовой пылью снежные сугробики.

От Ащи-булака мы прошли сначала 10 верст до южного берега Лоб-нора, а затем 27 верст вдоль по этому берегу. Местность здесь отвратительная — голый солончак, взъерошенный на своей поверхности, словно застывшие волны. Такая полоса, бывшее дно озера, облегает верст на десять в ширину южный берег Лоб-нора в местности, нами пройденной; к востоку же, вероятно, значительно расширяется. На самом Лобноре еще лежал теперь сплошной лед более фута толщиной. Замерзшая полоса чистой, не поросшей тростником воды, протянувшаяся вдоль южного берега названного озера и имевшая в 1877 году от 1 до 3 верст в ширину, ныне стала более чем на половину уже вследствие общего уменьшения воды в Лобноре.

Здесь мы теперь радостно увидели первых вестников ранней весны — небольшое стадо уток и две стайки лебедей. Люди же еще не показывались, хотя по временам из тростников озера поднимался дым, обозначавший присутствие жилья человеческого. Как оказалось потом, лобнорцы вскоре нас заметили, но, не зная, кто идет к ним, попрятались в тростниках. Подозревая это, я послал с последней ночевки вперед переводчика Абдула и урядника Иринчинова (бывших со мной в 1877 году на Лобноре) в деревню Абдал, резиденцию лобнорского правителя Кунчикан-бека. Посланные нашли названную деревню совершенно пустой; только после громких приглашений нашего переводчика жители вылезли из тростников. Узнав, в чем дело, они весьма нам обрадовались, поспешно поехали навстречу и даже вынесли только что испеченный хлеб. В сопровождении этой свиты мы сделали еще несколько верст и около полудня 28 января 1885 года раскинули свою стоянку возле де-

ревни Новый Абдал, лежащей в 4 верстах западнее старого Абдала, где мы бивуакировали всю весну 1877 года.

* * *

Немного более 10 лет тому назад местности, о которых ниже пойдет речь, представляли собой один из самых неведомых уголков Центральной Азии.

Хотя по китайским описаниям известно было, что река Тарим собирает в себя воды главнейших рек обширной котловины Восточного Туркестана и впадает в озеро Лобнор, но положение этого озера и направление к нему нижнего Тарима показывались на китайской карте, а с нее скопированы были и на карты европейские совершенно неверно. Мало того, даже громадный Алтынтаг, стоящий вблизи южного берега Лобнора и протянувшийся на восток к городу Са-чжеу, а на запад, в связи с другими хребтами, к городам Кэрии и Хотану, был совершенно неизвестен, несмотря на то что вдоль всех этих гор еще в глубокой древности пролегал оживленный караванный путь в Китай. Относительно природы рассматриваемой местности, то есть о ее климате, флоре и фауне, также не имелось почти никаких сведений. Мне лично выпала счастливая доля быть первым после венецианца Марко Поло европейцем — очевидцем и исследователем таинственного Лоб-нора с нижним Таримом, как равно неведомых местностей, лежащих отсюда к юго-западу до Хотана. Последний путь пройден в нынешнее наше путешествие. На Лобноре же и Тариме я был впервые в конце 1876 года и в первой трети 1877 года во время своего второго путешествия по Центральной Азии.

Перейдем к описанию самого Лоб-нора.

Это озеро представляет собой обширное тростниковое болото, образовавшееся разливом последней воды Тарима. Такому обстоятельству много способствуют боковые каналы, прорываемые от берегов реки местными жителями для удобства рыбной ловли. Многие из этих каналов выкопаны недавно; другие же существуют от старых времен. Таким образом, почти вся западная половина Лоб-нора образована более или менее искусственно рукой человека. Иначе, весьма вероятно, Тарим не расплывался бы еще некоторое время и на своем устье образовал бы озеро менее обширное.

Нынешний Лоб-нор протягивается от юго-

запада к северо-востоку (по распросным сведениям) верст на сто или немного менее. В западной половине Лоб-нора, постоянно освежаемой из Тарима, вода совершенно пресная; лишь немного солоновата она возле отмелей берегов — следовательно, также на месте застоя.

Постепенно беднея водой, восточная половина Лоб-нора от меридиана поселения Кара-курчин начинает суживаться; наконец верст через сорок (как нам говорили) вода совсем пропадает. Лет восемь — десять тому назад, когда воды в описываемом озере было больше, восточный его край протягивался, по сообщению туземцев, нешироким (5—7 верст в поперечнике) клином значительно далее к северо-востоку. Ныне воды здесь нет, тростник высох и поломан бурями. Свободные от тростника водные пространства, обыкновенно необширные, разбросаны по этим зарослям, притом скученные к западному краю описываемого озера. Вдоль южного его берега протягивается здесь неширокая (ныне от $\frac{1}{2}$ до 1 версты в поперечнике) полоса чистой воды.

Глубина по всему Лоб-нору незначительная — обыкновенно от 3 до 5, иногда до 7 футов, изредка футов до 15; в отмелях южного берега всего на 1—2 фута. Вода, как и в Тариме, светлая. Вообще воды в Лоб-норе при нынешнем нашем посещении этого озера было значительно меньше, чем восемь лет тому назад. Убыль эта, по словам туземцев, началась лет через пять после нашего ухода и зависит, конечно, от уменьшения количества воды, приносимой Таримом. Периодическая прибыль и убыль воды как в Тариме, так и в Лоб-норе замечена здешними стариками-туземцами. Да кроме того, описываемое озеро постоянно, хотя и медленно, уменьшается в своих размерах, другими сло-

вами — усыхает. Об этом явлении наглядно свидетельствуют большие солончаки, облегающие тот же Лоб-нор. В особенности обширны, по словам туземцев, эти солончаки на северо-востоке озера, где они уходят от последних тростников за горизонт. Здесь местами соль лежит, как говорят, большими кучами. Воды пресной нет, нет также и подножного корма; следовательно, обойти вокруг Лоб-нора, хотя бы на верблюдах, очень трудно.

Вот список найденных нами на Лоб-норе растений: в самом озере — тростник, наиболее здесь обильный; ситовник, который часто растет по неглубоким озеркам; куга, также довольно обыкновенная; водяная сосенка, частуха и ряска, встречающиеся лишь изредка; по берегам и ближайшим окрестностям — солянка, нередко сплошными площадями; ситник, затем кустарники — кендырь, из волокон которого туземцы ткнут холст для своей одежды, тамариск. Всего, следовательно, девять видов трав и три или четыре вида кустарников.

Фауна Лоб-нора, как и во всей таримской котловине, много сходствует, по крайней мере, относительно млекопитающих и птиц с фауной Западного Туркестана, несмотря на то что обе эти страны разделяются громадным Тянь-шанем. Отчасти та же фауна включает в себе виды общие для всей Гоби, но существенно разнится от соседней фауны Тибетского нагорья. Затем имеет немногие виды специально ей свойственные: как, например, степная крыса, песчанка, таримская саксаульная сойка, фазан и др. При этом нужно заметить, что зоологические изыскания в Восточном Туркестане произведены до сих пор лишь урывками, следовательно не могут считаться достаточно полными, хотя, с другой стороны, образные физические условия всей равнинной части Таримского бассейна не сулит значительных добавлений к тому, что уже здесь найдено среди позвоночных животных.

Относительно млекопитающих озеро Лоб-нор, да и весь внегорный бассейн Тарима весьма бедны как числом видов, так большей частью и по количеству экземпляров. Главная тому причина — крайнее однообразие и пустыньность страны. Вот список диких млекопитающих Лоб-нора: летучая мышь, еж, кутора¹, ласка, выдра, нами не добытая, но которую хорошо знают туземцы, волк, лисица, тигр, два вида дикой кошки, степная крыса, два вида песчанок, мышь, заяц, кабан, дикий верблюд, марал, хара-

сульта. Всего, следовательно, 19 видов. Для других частей восточной половины Таримского бассейна сюда пока прибавятся только: летучая мышь, тушканчик, песчанка и, быть может, новый вид зайца, найденного нами на Хотан-дарье. Из домашних млекопитающих частью на Лоб-норе и всюду по оазисам Восточного Туркестана встречаются: собака, кошка, лошадь, осел, мул, верблюд (изредка), рогатый скот, коза и овца; кроме того, китайцы завели ныне свиней.

Орнитологическая фауна Лоб-нора сравнительно богаче, чем по другим классам млекопитающих; но опять-таки она та же самая, что и для всей восточной части таримской впадины. Здесь за оба путешествия нами найдено 134 вида птиц, располагающихся следующим образом по отрядам: хищные — 21, воробьиные — 50, кричащие — 2, голубиные — 4, куриные — 3, голенастые — 26, водяные — 28. Из этого общего числа лишь 25 видов оседлы; более 10 видов являются на зимовку; до 60 видов остаются большим или меньшим количеством особей гнездиться; остальные бывают только на пролете. Из числа зимующих пернатых обильнее на Тариме лишь черногорлый дрозд; ос-

тальные попадают в незначительном количестве. Причина этому — недостаток корма. В оазисах зимовых птиц больше, но все-таки мало сравнительно с тем, на что, по-видимому, можно рассчитывать при бесснежье и теплой здешней зиме.

По количеству — рыбы в Лоб-норе, и в Тариме вообще много. Однако лобнорцы жалуются на ее постепенное уменьшение, причиной чего считают обмеление их озера. По словам тех же лобнорцев, местная рыба ежегодно совершает периодические переходы:

лобнорская направляется вверх по Тариму, таримская же идет в Лоб-нор; последняя всегда бывает менее жирна, нежели первая.

От животного мира Лоб-нора перейдем к его обитателям.

Нынешнее незначительное население Лоб-нора, как равно и нижнего Тарима, мало имеет достоверных преданий о своем прошлом даже в ближайшую к нам эпоху. О древних же здесь временах скудные сведения почерпаются лишь из китайских источников. По ним известно, что еще за столетие до нашей эры, при открытии Китаем сношений с бассейном Тарима, на Лоб-норе существовало небольшое государство Лэу-лань, позднее называвшееся Шань-шань. Через него пролегал потом главная дорога из Китая в Хотан, Кашгар и далее в западные страны. С заменой в VII или VIII веке н. э. этого пути более северным вдоль Тянь-шаня о Лоб-норе почти забыли. Лишь в конце XIII века здесь проходил Марко Поло, который повествует о большом городе Лоб, населенном магометанами и принадлежавшем великому хану. В этом городе караваны, следовавшие к востоку, отдыхали и запасались всем необходимым на целый месяц пути страшной пустыней до города Са-чжеу.

В первой четверти XV столетия через Лоб-нор проехало обратно из Китая в Ге-

¹ К у т о р а (то есть землеройка) — мышевидный грызун. (Примеч. редактора.)

рат посольство шаха Рока, сына знаменитого Тимура. Затем о Лоб-норе опять нет сведений. Со второй же половины XVIII столетия, после завоевания Западного края китайцами, появились китайские описания Восточного Туркестана, а вместе с тем и Лоб-нора. В главнейшем из этих описаний, именно в книге Си-юй-вынь-цзянь-лу, о жителях Лоб-нора говорится: «При этом озере (то есть Лоб-норе) лежат только два селения, каждое в 500 дворов. Жители не занимаются ни земледелием, ни скотоводством, а лишь одним рыболовством; кроме того, они делают шубы из лебяжьего пуха, ткнут холсты из дикой конопли и привозят пойманную ими рыбу на продажу в город Курлю. Они не могут есть ни хлеба, ни мяса, подобно другим людям, потому что желудок их извергает эту пищу. Хотя они говорят тюркским языком, но магометанского закона не держатся».

Местные предания нынешних лобнорцев об их происхождении сбивчивы и неопределенны. Одни из них считают своими предками монголов, отделившихся от некоего Ал-батая и пришедших на Лоб-нор с Или; другие говорят, что их предки-монголы были одноплеменны с калмыками и принадлежали четверем родам: Тымет, Емет, Аиннас и Гайнас; наконец, по третьему сказанию, пришельцы-монголы встретили на Лоб-норе племя мачин, с которыми вскоре и смешались. Жили лобнорцы первоначально в городе Лоб, назывались кеврия, исповедовали буддизм. Затем были силой обращены в магометанство имамом Джафер-Садыком, впоследствии ими же убитым. Новообразованные магометане-лобцы принадлежали к секте суннитов¹, но в делах веры оказались нетверды. Зато на них ополчился маулана Юсуп Секкаки и подступил с войсками к городу. Испуганные жители хотели откупиться данью, но маулана ее не принял и разорил город Лоб. Случилось это, по местному преданию, за три года перед тем, как Туглук-Тимур-хан принял магометанство, — следовательно, в 1373 году н. э. Из небольшого числа уцелевших жителей города Лоб 15 семейств маулана увел в Аксу и поселил их близ этого города, в деревне Яр-баши; немногие ушли в Кэрию, где водворились в деревне Кагалык, а также в Хотане, где обра-

¹ Мусульмане разделяются на две основные секты: сунниты и шииты, враждующие друг с другом. (Примеч. редактора.)

зовали поселение Лоб; наконец, еще часть перебралась в тростники Лоб-нора, и потомки этих беглецов живут там донныне. По другому сказанию, уже после разорения города Лоб на Лоб-норе существовало небольшое самостоятельное государство, из правителей которого прославился Оттогуш-хан, имевший свою столицу на месте нынешнего поселения Чархалык. На сына и наследника названного хана напал из Гаса монгольский (олютский?) князь Хун-тайджи, победил лобнорского владетеля и разорил его город. Из уцелевших жителей одна часть убежала тогда в Хотан, другая в тростники Лоб-нора, где и теперь живет в седьмом уже поколении.

Трудно сказать, какое из двух преданий достовернее. Скорее всего, что при обеих выше изложенных катастрофах часть побежденных скрывалась на Лоб-норе, а также по болотам нижнего Тарима и оставалась там на жительство. Позднее, когда китайцы, уничтожив чжунгар, завладели Восточным Туркестаном, они ссылали в те же местности преступников, которые нередко женились на туземках; частью приходили сюда и беглые. Таким образом сложилось небольшое, но весьма разнородное по своему типу нынешнее население Лоб-нора и нижнего Тарима. Обе эти местности составляют одно целое и называются туземцами общим именем «Лоб».

По собранным сведениям, еще в половине нынешнего столетия жителей здесь было гораздо больше, чем теперь. Тогда на самом Лоб-норе считалось, как говорят, с лишком 500 семейств; но вскоре оспа уничтожила значительную часть этого населения. Немного ранее такого бедствия близ Лоб-нора была основана деревня Чархалык выходцами из Хотана. Под их цивилизующим влиянием лобнорцы научились сеять хлеб и вообще начали понемногу выходить из состояния полной дикости. Ныне лишь внутри самого Лоб-нора осталось немного семейств, живущих по-старинному. На Тариме таких дикарей почти нет, ибо здешнее население более подвергалось наплыву, а следовательно, и влиянию беглых и ссыльных из оазисов Восточного Туркестана.

По своему наружному типу лобнорцы и таримцы представляют пеструю смесь физиономий. В общем, однако, преобладает тюркский тип с большой примесью монгольского. Последний выражается всего резче в выдающихся скулах и малом количестве волос на лице.

Рост описываемого населения средний и ниже; высокие редки. Сложение вообще неплотное, грудь впалая; тем не менее руки сильные, вероятно, вследствие постоянной гребли в лодках; кожа тела белая, или, вернее, грязно-белая. Череп формы эллиптической по наклонной оси, так как затылок у большинства сильно выдается назад; лоб низкий; брови правильные; глаза большие, черные, реже карие; нос высокий, прямой, иногда горбчатый; скулы большей частью выдающиеся, но менее, чем у кровных монголов; губы толстые, зубы мелкие и белые, уши средней величины; баки почти вовсе не растут, борода и усы также плохие. Волосы на голове черные, нередко с более светлым, кофейным оттенком, в особенности у женщин; у мужчин борода иногда бывает еще светлее. Мужчины бреют свою голову, усы и бороду оставляют. Женщины — девушки разделяют волосы на голове пополам и заплетают их сзади в мелкие косички, концы которых связывают на спине в пучок. Замужние женщины носят две косы. Каракурчинцы, обитающие внутри Лоб-нора, представляют тот же тип, только они мельче ростом и слабосильнее; кроме того, цвет кожи у них темнее, быть может, от постоянной грязи.

Несмотря на невыгодные физические условия своего существования, обитатели Лоб-нора и Тарима пользуются хорошим здоровьем. Мы видели здесь стариков более 70 и даже в 90 с лишком лет, которые были еще очень бодры. Только женщины на Лоб-норе нередко умирают при родах, а девочки — в детском возрасте; оттого женщин по числу меньше, нежели мужчин. Но вообще детей достаточно как в деревне Абдал, так и в ближайших к ней поселениях Лоб-нора. Из местных болезней самый страшный здесь бич — оспа; обыкновенные — воспаление глаз и язвы на теле, преимущественно на голове; лихорадки и горячки лобнорцы не знают. Язвы на теле лечат ртутью, принимая ее внутрь; от той же болезни и от некоторых других пьют отвар какого-то иерусалимского корня, привозимого в Восточный Туркестан из России. Лечения оспы не знают; заболевшего бросают на произвол судьбы, вся же деревня перебирается на другое место.

Главным материалом для одежды всех лобнорцев служит кендыревый холст собственного приготовления. Из него шьются панталоны и рубашки, которые всегда носят как

мужчины, так и женщины. Из того же холста делают армяки или халаты, составляющие верхнее одеяние для обоих полов. У более цивилизованных лобнорцев — жителей деревни Абдал и ближайших к ней — халаты иногда шьются из дабы или маты синего, коричневого, реже красного цвета; кроме того, абдалины готовят для халатов грубую ткань из бараньей шерсти или из шерсти диких верблюдов. Зимой абдалины надевают бараньи шубы, составляющие редкость в Кара-курчине. Там для теплоты кендыревый холст подбивается лишь утиными шкурками. Немногие же старухи каракурчинки, придерживаясь старины и по крайней бедности, всю свою одежду, не исключая рубашек и панталон, шьют из утиных шкур, предварительно выделывая их рыбьим жиром или солью. На голову каракурчинцы надевают зимой шапку из лисьего меха, летом — матерчатую или войлочную тюбетейку. Женщины Кара-курчина зимой носят шапочки из утиных (реже лебединых) шкурок перьями наружу; летом повязывают голову платком из кендыря. В Абдалах мужчины носят зимой бараньи, реже лисьи, шапки, летом — тюбетейки; женщины повязывают головы платками на манер наших деревенских баб. Даже платки теперь здесь обыкновенно московских фабрик, полученные от китайцев в обмен на баранов. Обувью в Кара-курчине служат у мужчин и женщин чирки (вроде калош или лаптей) из звериной шкуры; голень обматывается, как у наших крестьян, носящих лапти, большой онучей из кендыря и окучивается сверху веревкой. Абдалины носят ичиги, даже самодельные сапоги с каблуками; у женщин, которые и здесь не прочь щегольнуть, каблуки делают выше. Летом жители Лоб-нора большей частью ходят босыми, не исключая и самого Кунчикан-бека.

Все обитатели Лоб-нора и нижнего Тарима живут в тростниковых помещениях, называемых по-местному «сатма». Такое жилье представляет квадратную загородку длиной в 5—6 сажень больших фасов, обращенных обыкновенно к северу и югу, и сажени три — четыре по длине фасов меньших, расположенных на восточную и западную стороны горизонта. По углам и в самых фасах на некотором расстоянии вкопаны корявые, часто не очищенные от коры, стволы туграка, поддерживающие всю постройку. В Кара-курчине вместо туграковых столбов,

за неимением этого дерева, ставятся плотно связанные снопы тростника. Стены описываемого жилья обставляются тростником высотой в сажень или немного более. Вместо потолка настилается тот же тростник; в середине оставляется небольшое (фута полтора в поперечнике) отверстие для света и выхода дыма от огня. В одном из фасов, обыкновенно южном, делается вход, прикрываемый тростниковой же дверью. Внутренность всего жилища разделяется тростниковыми перегородками на три или четыре отделения, смотря по зажиточности хозяина. Первое от входа, самое большое отделение, на середине которого в ямке расположен очаг, предназначается для обыденного пребывания семьи и для приема посетителей. Из других, меньших отделений одно служит спальней; другое — кухней, где находится глиняный очаг для приготовления пищи; третье — кладовой; нередко кухня делается особо от жилого помещения. Вместо полок на внутренних стенах сатма подвешиваются обломки старых лодок. Вокруг очага большой комнаты постлан для сиденья тростник; он же служит взамен подушек и постелей в спальне; изредка, впрочем, для постели собираются метелки тростника и утиные перья.

У более зажиточных близ сатма делаются глиняные загоны для скота с тростниковой покрывкой. Впрочем, такие загоны мы видели лишь в деревне Абдале, которая считается столицей Лоб-нора. Здесь тростниковые жилища просторнее и чище, нежели в Каракурчине. Там иногда сатма стоят даже на болоте за неимением сухого места; в таком случае в жилом помещении тростник настилается толстым слоем на сырую почву.

Как на Тариме, так и на Лоб-норе вышеописанные сатма скучиваются в деревни, обыкновенно небольшие. Места таких деревень непостоянны — они находятся в зависимости от удобства рыбной ловли и пастбы скота. Сами жилища защищают своих обитателей лишь от летнего зноя, но не спасают от холода и бурь. При небольшом ремонте служат три — четыре года. Часто подвержены пожарам от малейшей оплошности в обращении с огнем.

Из предметов домашнего обихода мы встречали в обиталище лобнорца: чугунную чашу для варки пищи, медный чайник (кунган) для кипячения воды, чугунок в виде сковороды для печення хлеба, волосяные сита для просеивания муки, топор, деревянные

ведра, такие же блюда, чашки и ложки, циновки из стеблей куги, служащие вместо скатерти во время еды, и в редкость — войлоки; быть может, имеются еще кое-какие хозяйственные мелочи, но их, во всяком случае, немного. У каракурчинцев даже подобный инвентарь обыкновенно бывает неполный, так что взамен чугунной чаши иногда употребляется большой черепок от чаши разбитой, а медного чайника или сковороды часто нет вовсе.

Исключительной собственностью женщин, кроме их платья, служат веретена, прялки, иногда грубый ткацкий станок, немного иголок и других мелочей. Мужчины, почти все, имеют огнива, бритвы и ножи; последние носят за поясом в кожаных ножнах, а за пазухой жестяную, деревянную или кожаную коробочку с табаком, который не курят, но жуют. Необходимую принадлежность каждого семейства составляют еще лодки, выдолбленные из стволов туграка, сети и удочки для рыболовства; также связки сухой рыбы и холстины из кендыря; затем нередки капканы для ловли хара-сульт, лисиц и волков. Ружья имеются на всем Лоб-норе лишь у семи человек — фитильные, с мелкими прямыми нарезками. Каракурчинцы обыкновенно носят все свое платье на себе; в нем и спят, не раздеваясь. Абдалины, помимо обыденного платья, почти все имеют праздничную одежду. Денег, вероятно, ни у тех, ни у других нет. Притом лучшие свои вещи лобнорцы не держат дома, во избежание случайности от пожара или грабежа от китайцев, но зарывают эти вещи в песок в местах, известных лишь самим хозяевам.

Противоположно монголам и тангутам, абдалины опрятны и чистоплотны. Летом купаются часто, зимой постоянно умываются. Посуду содержат в чистоте; пищу также чисто готовят; перед едой и после нее моют руки. Одежда у них хотя простая, но, сколько возможно, чистая, праздничное же одеяние весьма опрятное. Каракурчинцы — те грязны и оборваны, притом сильно пахнут рыбой, как и все вообще обитатели Лоб-нора и Тарима. От их деревень рыбный запах слышен по ветру довольно далеко.

Действительно, рыба составляет здесь главный продукт питания. Исключая зимнего времени, она ловится ежедневно; на зиму заготавливается в сухом виде. Свежую рыбу обыкновенно варят; сушеную нередко поджаривают, предварительно смочив ее соле-

Однажды на такой охоте раненый дикий як бросился на смельчака...

пой водой. Рыбий отвар пьют вместо чая. Из рыбы также добывают жир, который употребляется взамен масла. Подспорьем к рыбной пище служат весной и осенью утки, а зимой отчасти мясо зверей: хара-сульт, диких верблюдов и др.; кабанов здешние жители, как магометане, не едят. Абдалиинцы ко всему этому добавляют баранье мясо (изредка) и пшеничный хлеб, который все более и более входит здесь в употребление. Зерно имеют со своих пашен и мелют его на своих же крошечных водяных мельницах. Каракурчинцы хлеба не знают; некоторые из них вовсе не могут его есть, равно как и баранье мясо. Зато они едят, как и все, впрочем, лобнорцы, мясо пеликанов и выпей; последнее считается полезным от кашля и боли живота; вкусом, как говорят, походит на фазанье. Накопец, на Лоб-норе и Тариме все жители употребляют в пищу поджаренные корни кендыря, а весной — молодые побеги тростника, которые считаются даже лакомством. Из метелок тростника летом изредка вываривают темную тягучую массу, сладкую на вкус. Следует также упомянуть, что лобнорцы и таримцы, противоположно монголам, охотно пьют сырую воду.

Как выше сказано, рыба служит главной пищей описываемого населения; поэтому рыболовство составляет специальное здесь занятие в течение весны, лета и осени. Ловят рыбу сетями и на удочку. Сети небольшие, собственного приготовления из ниток кендыря, устраиваются таким образом, что рыба сама в них запутывается; удочки грубой работы делаются, сколько кажется, в Чархалыке. Ежедневно утром и вечером мужчины осматривают свои снасти и собирают попавшую рыбу. При обилии ее редко кто возвращается без добычи. Для удобства рыбной ловли устраиваются (как было уже упомянуто) на Тариме, частью и на Лоб-норе, искусственные озера в тех местах, где уровень Тарима, вследствие оседания на берегах и в самом ложе реки приносимой ветром пыли, как равно выдувания почвы по соседству, выше окрестной местности. Тогда стоит лишь прокопать в берегу небольшую канаву, и вода, сюда хлынувшая, затопит большую или меньшую площадь. Обыкновенно это делается весной; затем спускная канава засыпается. Вместе с водой в новообразованное озеро заплывает и рыба, которая проводит здесь лето, отъедается и жиреет. Между тем площадь озера, подвергнутая силь-

ному испарению в течение лета, значительно уменьшается, рыбе становится тесно и душно. Тогда спускная канава вновь открывается, и здесь ставят сети, в которые курами лезет рыба, почуявшая свежую воду. Подобная операция повторяется в одном месте несколько лет сряду. Впоследствии на таких озерах вырастает тростник, который служит здесь главным кормом для скота. Большая часть нижнетаримских озер образовалась подобным образом.

Для рыболовства, конечно, необходимы лодки, которые все здесь малых размеров (12—14 футов в длину, фута полтора, иногда и того менее, в ширину), вроде наших душегубок; выдалбливаются они из стволов туграка; на зиму, во избежание растрескивания от сухости воздуха, закапываются в песок. Лобнорцы управляют своими лодками в высшей степени искусно; ездят в них как сидя, так и стоя.

Ловля уток нитяными петлями, в особенности при весеннем и осеннем пролете, составляет также обыденное занятие лобнорцев. Зимой или, чаще, осенью некоторые из них ездят на охоту в Алтын-таг за дикими верблюдами и яками; дома же промышляют зверей капканами, в особенности каракурчинцы. Они скотоводством вовсе не занимаются. Но абдалиинцы держат значительное количество баранов, затем рогатый скот, немного лошадей и ослов. Еще больше развито скотоводство на Тариме, главным образом разведение баранов. Последние на Лоб-норе курдючные, большого роста, очень жирны и дают превосходное мясо; таковые же, вероятно, и на Тариме.

С каждым годом абдалиинцы усиленно начинают заниматься хлебопашеством. Удобных для этого мест на самом Лоб-норе нет. Поэтому обрабатывают землю в Чархалыке и на реке Джухансай, недалеко от развалин города Лоб. Сеют всего более пшеницу, затем ячмень, кукурузу и хлопск; сажают также в небольшом количестве овощи: арбузы, дыни, лук и морковь.

Все сообщения и перекочевки производятся главным образом на лодках; зимой — по льду Тарима. Тогда под лодки подделываются небольшие салазки. На таких салазках абдалиинцы возят по льду и дрова (тамариск) для топлива; в Кара-курчине топливом служит тростник.

Вообще среди описываемого населения мужчины исполняют все работы вне дома.

Женщины же ведают домашними занятиями: ухаживают за детьми, варят пищу, прядут нитки и ткут холст из кендыревого волокна, шьют одежду и пр.; иногда собирают поблизости дрова и осматривают сети в отсутствие мужчин. Притом женщины постоянно сидят дома и ни в какие общественные дела не вмешиваются.

Многоженство, как вообще у магометан, дозволяется, но на Лоб-норе, сколько кажется, не практикуется, быть может, по отсутствию достатка. В брак мужчины вступают с шестнадцати, а женщины — с пятнадцати, не ранее; при этом требуется лишь согласие родителей обеих сторон. Жених лет за пять до свадьбы, следовательно еще мальчиком, поступает в дом невесты к ее отцу для различных работ. С ним в виде калыма дают лодку, сети, плетенки для ловли уток, сушеную рыбу, рыбий жир и связки кендыревого волокна; у абдалинцев к этому присоединяются еще корова, лошадь или осел. Накануне свадьбы жених подносит своей невесте две лисьи шкуры, немного хлеба печеного или в зерне и при этом в виде хадака — пучок связанных косичек серой пакли, называемый кош.

Свадьба совершается в жилище невесты. Молодые садятся против входа у задней стенки. Справа от жениха помещаются мужчины, а слева от невесты — женщины и девушки. Отец невесты угощает гостей рыбой и утками, а также бараниной и хлебом, если имеются эти продукты. После трапезы тот же отец невесты закрывает молодых двумя халатами, и ахун или лицо, его заступающее, читает молитву; молодые и гости в это время стоят. По совершении молитвы венчание считается оконченным; гости расходятся, кроме двух женщин, которые провожают новобрачных на противоположную сторону Тарима, где ставится небольшая кендыревая палатка. В ней молодые остаются ночевать. Утром те же женщины приносят им для мытья воду. Затем новобрачные отправляются с визитами по домам своей деревни. Здесь им дарят, смотря по достатку, рыбу, кендырь, холст, деревянную посуду и пр. После визитов молодые отправляются в свое жилище, где новая жена подносит мужу 12 рубах из кендыревого холста и 12 таких же панталон; вместе с тем отец бывшей невесты дарит своему зятю лодку, сети, домашнюю утварь и пр.; абдалинцы, кроме того, дают скот. Празднуется

свадьба только один день. В это время устраиваются гонки на лодках, а в Абдалах — скачки на лошадах и ослах. Молодые также принимают участие в этих увеселениях.

Из детей мальчики находятя преимущественно на попечении отца, девочки же — на попечении матери. Тех и других учат молиться, затем правилам вежливости и уважения к старшим. В Абдалах мы застали теперь даже школу, которой заведовал ахун из Хотана, вскоре, впрочем, опять покинувший Лоб-нор. Мальчики с отроческого возраста пасут баранов, помогают своим отцам ловить рыбу и уток; сделавшись постарше, ходят также на охоту. Девочки прислуживают матерям и обучаются ими домашнему хозяйству.

При похоронах у тех же лобнорцев покойника прежде всего моют, затем одевают в пять белых рубах из маты; первая такая рубаха достигает лишь до пояса, остальные постепенно удлиняются, так что пятая закрывает босые ноги. В Кара-курчине, за именем маты, рубахи делаются из кендыря. Голова у мертвого мужчины окружается белой повязкой, у женщины покрывается лишь платком спереди. Потом покойника несут на носилках к ахуну или к лицу, его заменяющему, и тот читает молитвы. В головах носилок приделывается шест, на который у мужчин надевается чалма, а у женщин платок. Хоронят в день смерти или же на следующий.

Для могилы выкапывают на кладбище яму, приблизительно равную кубической сажени. В этой яме с западной стороны делается ниша, в которую кладут покойника (на тростниковой подстилке) на бок, лицом к западу, головой к югу; потом ниша заделывается и яму засыпают. Прежде могилы не засыпали, но обставляли внутри тростником и делали тростниковую покрывку.

В Кара-курчине умершего кладут в лодку, покрывают ее другой лодкой, и этот гроб ставят в густом тростнике; кругом обтягивают сети. Поминки по усопшем совершаются на 1-й, 3-й, 7-й и 40-й дни после смерти. Тогда ходят на могилу; в доме же покойника его родственники и близкие знакомые получают угощение. На кладбищах втыкаются шесты с привязанными к ним хвостами диких яков, цветными тряпками и тому подобными украшениями. Наследство получается лишь после смерти обоих родителей, ибо если один из них умрет, то домом управляет дру-

гой, будет ли то отец или мать — все равно. При дележе наследства сыновья получают поровну, но от каждой их части отделяется $\frac{1}{9}$ доля для дочерей. Впрочем, все это применимо лишь к более зажиточным абдалинцам.

Приветствуют лобнорцы друг друга при встрече, как и другие мусульмане, словами «ассалю-маликэм», на что получается ответ «валикем-ассалам»; при этом делают руками жест, словно гладят бороду, затем складывают руки внизу груди и наклоняют туловище немного вперед, как у нас при легком поклоне. Обращаясь один к другому, те же лобнорцы говорят: «доакль» («сделай одолжение»). Когда женщина обращается с какой-нибудь просьбой к мужчине, то считается вежливостью, если она слегка ударит кавалера рукой по спине или между плеч и приговаривает: «чик, чик, чик, чирак-як», что собственно смысла не имеет, а в переводе означает «выходи и зажги свечильник». Если же мужчина обращается к женщине, то, кроме обычного «доакль», вежливый кавалер говорит: «джиним санга» (в переводе «я жертвую собой для тебя»).

В свободное от обыденных занятий время лобнорцы ходят один к другому в гости, всего чаще мужчины к мужчинам, женщины к женщинам. При особых торжествах те и другие сходятся вместе. Во время угощения гостей хозяин сидит с ними, но сам не ест; хозяйка прислуживает. Игр и плясок здесь нет, также нет и музыкальных инструментов. Песни поются редко, обыкновенно при езде в лодке; мотив их заунывный. Абдалинцы, сколько мы заметили, любят шутить друг над другом. Женщины нередко ссорятся, как и у нас, причем попрекают одна другую разными сплетнями, бедность, как и при ссорах наших простолюдинов, служит не малым укором при руготне.

Суд на Лоб-норе производится выборочными старшинами под председательством Кунчикан-бека. Обычай заменяют незнание шариата. Забавно было видеть, как на одном из судебных разбирательств все судьи кричали: «Магомет сказал, Магомет сказал», но ни один из них не знал, что именно сказал Магомет.

Язык обитателей Лоб-нора и нижнего Тарима тот же тюркский, как и во всем Восточном Туркестане; отличается лишь значительной примесью монгольских слов. Впрочем, слова эти теперь понемногу выводятся

и заменяются словами хотанских поселенцев, живущих в Чархалыке. Ныне лобнорцы нас уверяли, что лучше понимают говор жителей Курли, нежели хотанцев. Со своей стороны могу заметить, что наш переводчик, родом таранчинец из Кульджи, свободно объяснялся как на Лоб-норе, так и в Хотане. Кроме того, у лобнорцев есть собственный язык, которым они объясняются между собой и которого не понимал наш переводчик. Мы слышали, что этот язык тот же тюркский, но только исковерканный, как бывает искаженный русский говор у наших офеней¹. Всегда лобнорцы говорят громко и скоро, притом нередко сразу несколько человек, в особенности если желают сообщить что-либо интересное.

Относительно своей религии обитатели Лоб-нора и Тарима — магометане суннитского толка, господствующего во всем Восточном Туркестане. Религиозным фанатизмом не отличаются. Ежедневный намаз² совершается лишь в Абдалах. Посты соблюдаются только стариками. Есть и пить с нами лобнорцы также не гнушались. Суеверий у них, как кажется, немного; в злого духа не верят.

Высокопочтимую святость всего Лоб-нора составляет небольшой мазар³, находящийся близ деревни Старый Абдал, в одной от нее версте вверх по Тариму. Здесь, шагах в пятидесяти от левого берега реки, на небольшом глинисто-песчаном бугре, верхушка которого выровнена площадкой, сделана из тростника с туграковыми столбами по фасам квадратная загородка, имеющая сажени три в стороне каждого фаса и около одной сажени высоты; плоская крыша также тростниковая. С южной стороны оставлен вход, запираемый тростниковой дверью, а с запада приделана другая небольшая загородка, отделенная от главной тростниковой стеной западного фаса. В этой-то небольшой загородке закопана в землю главная святость — медная чашка и, кроме того, лежит небольшой красный флаг, также святой. К стенке западного фаса, отделяющего большее помещение от малого, приделаны на

¹ О ф е н я — коробейник, мелкий торговец в царской России. Коробейники говорили между собой на особом жаргоне. (Примеч. редактора.)

² Н а м а з — ежедневная мусульманская молитва. (Примеч. редактора.)

³ М а з а р — собственно означает «гробница» или «кладбище». (Примеч. автора.)

высоте футов трех от земли небольшие туграковые подмости, на которых в порядке разложены: несколько десятков маральных рогов, головы хара-султ и домашних баранов, а также несколько хвостов яков и пара их рогов. В маленькой загородке также находятся подобные приношения; снаружи же ее, на туграковых подмостках, набросана куча маральных рогов. Наконец, кое-где по сторонам всей постройки торчат невысокие шести с привязанными к ним яковыми хвостами.

По местному преданию, в давние времена проходили из Хотана через Лоб-нор шестеро магометанских святых с одной при них собакой. Эти святые и подарили за какую-то услугу одному из предков Кунчикан-бека вышеупомянутую медную чашку, а затем прислали из Турфана красный флаг и бумагу на владение обеими подаренными драгоценностями. Бумага эта завернута в шелковую материю и положена в небольшой весьма грубой работы туграковый ящик, поставленный между маральими рогами в стенке западного фаса большого помещения. Сами святые, как гласит легенда, ушли в пещеру недалеко к северу от Турфана, сказав, что «мы еще вернемся»; собака лежит окаменелой у входа в эту пещеру. По тому же преданию, во время пути святых в Турфан их преследовали с целью убить монголы. Разбойники эти искали намеченные жертвы по следу собаки. Тогда у нее были отрублены ноги, но собака все-таки не отстала от своих хозяев. Лобнорцы весьма чтят эту святость и уверяли нас, что только она одна удерживает их жить в таком худом месте, как Лоб-нор. Каракурчинцы же почти не имеют понятия, за что именно почитается вышеописанный мазар. «Знаем только, что святое, а в чем эта святость заключается — не понимаем», — говорили они нам.

Не полон будет сделанный выше очерк лобнорцев, если не привести здесь характеристику их правителя Кунчикан-бека — человека редкой нравственности и доброго до бесконечности. Этот бек из рода Джахан имел в 1885 году уже 73 года от роду, но еще находился в полной силе и обладал отличным здоровьем. Своими подчиненными он любим как отец родной, да и сам смотрит на них как на собственных детей — никаких поборов не требует, кроме поставки дров и подмоги во время посева или собирания хлеба; при всякой же нужде пособляет неот-

ложно. Ради этого живет сам в большой бедности. Прежде, во времена Якуб-бека, достояние лобнорского правителя заключалось в шести ямбах серебра, тысячном стаде баранов и 12 лошадях. Ныне все это власти отобрали разными вымогательствами частью от самого Кунчикан-бека, частью за неисправную уплату податей его подчиненными. В особенности много пришлось заплатить за отмену приказа носить косы. Такое украшение до того не понравилось лобнорцам, что сам Кунчикан-бек, у которого коса выросла уже в $\frac{1}{4}$ аршина, нарочно ездил в город Курлю, отдал тамошним властям последние деньги и едва добыл разрешение снова брить головы...

Характерную черту Кунчикан-бека составляет еще то, что он терпеть не может городов и страшно боится всякого начальства. Как говорят, за всю свою жизнь правитель Лоб-нора лишь два раза — три был в городе Курле, дальше Чархалыка не ездил, и ни один крупный начальник его в глаза не видал. В случае требования явиться, например, в Турфан Кунчикан-бек обыкновенно спешно собирается в путь и уезжает с посланным за ним человеком. Станции три — четыре едет как ни в чем не бывало. Затем тихомолком выпивает слабый раствор табаку, после чего подвергается рвоте и даже обмороку. Болезнь, следовательно, налицо, и Кунчикан-бек возвращается обратно, начальству же высылается взятка.

Двое сыновей Кунчикан-бека умерли, двое других при нем находятся. Старший из них, Тохта, исполняет должность ахуна на Лоб-норе, младший, Джахан, будет наследовать своему родителю. О том же Кунчикан-беке лобнорцами сложена песня, в которой восхваляется его доброта рядом с небывалым богатством и доблестями. Нам удалось записать лишь первую половину этой песни. Вот она:

«Кунчикан-бек, восходящее солнце, солнце наш господин! Облаготетельствовал ты весь мир; как голос ласточки, ты лелеешь слух всех: запер ты в своем загоне тридцать лошадей-меринов (налицо всего одна кляча); не отказываешься, видя нужду, помогать сиротам. Прежде один ты был наш князь, нынче их много (подразумеваются китайцы). Тохта-ахуна и Джахана (сын-новья) бог тебе дал. Твои приятели китайцы посылают тебе дары, за которые берут деньги. Шэхиняз и Абдурахман (умер-

шие сыновья) похожи были на ястребов. Во дворе твои бараны — что может сравниться с ними. Постели хорошую постель, укутайся хорошей шубой. Когда работники пахут твои пашни, никто проехать не может (смысл — так обширны пашни, в которых всего несколько десятин). Тридцать батманов хлеба выдал ты на посев, завьючите ими скот. Надень на себя латы, иди восвать в Рум. Просейте муку, напеките хлеба в дорогу. Живешь ты в большом богатстве, о тебе сплетничают в народе, иные ненавидят твое доброе сердце. Сидишь ты на ковре (это тростниковая циновка), халат на тебе цвета полной луны (из кендырного холста, окрашенного в желтый цвет корою джиды)» и т. д. Песня продолжается еще столько же.

* * *

Полным контрастом зимнего запустения Лоб-нора является кипучая здесь суматоха перелетных птиц в период ранней весны. Там, где за неделю или две перед тем почти в редкость можно было встретить живое существо, теперь, словно по мановению волшебника, вдруг появляются целые тучи пернатых созданий. Их гонит сюда из теплых стран юга тот всемогущий голос природы, который пробуждает в каждой перелетной птице неудержимое стремление поскорее покинуть с места зимовки на свою северную родину, на радость брачной там жизни и трудную пору вывода детей, а также собственного линяния. И вот лишь только солнце заметно начнет пригревать охолодевшие пустыни Лоб-нора, как уже сюда являются пернатые гонцы из Индустана. Быстро снуют они вдоль замерзшего еще озера и опять большей частью на время исчезают затем,

как говорят туземцы, чтобы снова вернуться за Гималаи и поведать своим братьям о результатах осмотра.

Как бы там ни было, но уже 27 и 28 января мы встретили на Лоб-норе небольшие стайки лебедей и уток-шилохвостей. Сплошной лед еще покрывал тогда всю воду, так что прилетным гостям решительно негде было присесть, разве только в незамерзающих, как говорят, местами тростниках Каракурчина. Туда и направлялись замеченные стайки, но вскоре летели обратно спешно и суетливо, видимо отыскивая талую воду. Вслед затем появившиеся птицы исчезли до 7 февраля, когда опять появились уже значительные стада тех же шилохвостей. Они хотя и не гнездятся на Лоб-норе, но на весеннем прилете составляют решительно преобладающий вид над всеми другими породами уток.

Лебедей же здесь вообще немного; в течение как настоящей весны, так и весны 1877 года мы видели их лишь изредка и в малом числе. Однако туземцы говорят, что тех же прилетных лебедей бывает гораздо больше в Каракурчине и на озере Карабуран.

Хотя еще 6 и 7 февраля выпала довольно теплая погода, но вслед затем опять заглодело почти на целую неделю. Наконец с 12-го числа тепло начало прибывать постепенно, изредка, впрочем, также нарушаясь холодами и бурями; вместе с тем и лед стал сильно таять. С этого времени, то есть с 12 февраля, ныне начался валовой прилет водяных птиц на Лоб-норе. Как весной 1877 года, так и теперь главную массу составляли шилохвосты, затем красноноски и серые гуси; несколько позднее значительно умножились бакланы, а также утки-полухи, утки-свищи и отчасти белоглазые нырки. Другие же виды уток как-то терялись в громадной массе преобладавших пород. Затем чайки и белые цапли хотя были весьма заметны, но числом своим незначительны, как равно и некоторые голенастые, прилетевшие на Лоб-нор в феврале.

Но как прежде, так и теперь прилетные стаи появлялись на Лоб-нор исключительно с запада-юго-запада, а не с юга, как, по-видимому, следовало бы ожидать. Причина этому, конечно, та, что птицы, зимующие в Индии, не решаются ранней весной лететь из-за Гималаев прямо на север к Лоб-нору через высокое и холодное нагорье всего Тибета, но пересекают эту трудную местность, вероятно, там, где она наиболее сужена, именно к Хотану и Кэри, минуя притом громадные ледники Кара-корума. Спустившись в теплую котловину Тарима и встретив здесь с одной стороны убегающую за горизонт пустыню, а с другой — громадный хребет, высокой стеной ее окаймляющий, — словом, местность совершенно для себя непригодную, пролетные стаи, руководимые, быть может, бывальыми товарищами летят вдоль крайних гор к Лоб-нору и являются сюда с запада-юго-запада. Осенью же, как говорили нам туземцы, гуси нередко направляются с Лоб-нора прямо на юг за Алтын-таг, следовательно, через Тибет, где в это время достаточно тепло и вода еще не замерзшая.

Валовой прилет водяных птиц на Лоб-норе продолжается весной недели две или около того. В этот период утки и гуси появляются здесь в таком громадном количестве, какое мне приходилось видеть при весеннем же пролете только на озере Ханка в Уссурийском крае. Но там страна совсем иная, поэтому и иная картина весенней жизни пернатых. В общем на Ханке им несравненно привольнее, чем на пустынном

Лоб-норе. Здесь только по нужде, за неимением чего лучшего, табуняются пернатые странники, выжидая, пока начнут хотя немного таять льды и снега нашей Сибири. Тогда чуть не мигом отхлынет вся масса водяных птиц с Лоб-нора на север. Но во всяком случае как Лоб-нор, так и Тарим служат великой станцией для перелетных птиц, которые, если бы не существовало таримской системы, конечно, не могли бы за один мах переноситься в этом направлении от Гималаев за Тянь-шань и обратно.

С началом валового прилета уток начались и наши каждодневные охоты за ними. Они были так же баснословно удачны, как и весной 1877 года, нынче, пожалуй, даже удачнее, ибо теперь, при меньшей воде в Лоб-норе, уменьшились площади чистого льда, так что к птицам легче было подкрадываться из тростника; затем, по случаю более поздней весны, лед на озерах дольше не трогался, ради чего гуси и утки держались скученнее по оттаявшим закрайкам тех же озер.

На охоту мы отправлялись обыкновенно часов с десяти утра, когда в окрестностях нашего бивуака начинали собираться утиные стаи на покормку. Притом в эту пору дня уже достаточно тепло, что особенно важно для охотника, если случится, как и бывало нередко, провалиться сквозь лед иногда до пояса. Облекались мы в самое худое одеяние, так как приходилось часто ползать по тростнику, по льду и грязи. Серое же запачканное платье всего пригоднее в этом случае еще и потому, что мало приметно издали; притом как обувь, так и одежда пачкались и рвались на подобных охотах без конца.

Заметив, где сидит утиное стадо, к которому обыкновенно прилетают все новые и новые кучи тех же уток, идешь, бывало, туда и, приблизившись на несколько сот шагов, начинаешь подкрадываться, сначала согнувшись, а потом ползком из-за тростника. Если приходится ползти по чистому льду, поверхность которого от действия пыли и солнца здесь обыкновенно ноздреватая, то рукам и в особенности коленам достается немало. В ветреную погоду подход всего лучше, ибо шелест тростника мешает уткам услышать шорох охотника. Впрочем, занятые едой, утиные стаи вообще мало осторожны. В течение нескольких дней мы изучили излюбленные места этих стай, как равно и подходы к ним, так что действовали

наверняка. Кроме того, у нас устроены были засадки, но в них убивалось сравнительно немного, да и сидеть там скука одолевала, в особенности когда над головой беспрестанно пролетают утки. Последние обыкновенно спуют во всех направлениях над тростниками Лоб-нора и отчасти напоминают издали летние рои комаров на наших болотах.

Присутствие большого утиног стада слышится за несколько сот шагов по глухому бормотанью, а поближе — по щеко-танью клювов и шлепанью самих птиц в грязи. Подобравшись к такому стаду шагов на сотню или около того, украдкой посмотришь сквозь тростники и сообразишь, отсюда ли стрелять или можно подкрасться поближе; в последнем случае ползешь дальше еще осторожнее. Сердце замирает от опасения, как бы птицы не улетели; но они по-прежнему спокойно шлепают в грязи, пощипывая солянки... Вот наконец до стаи не больше 60—70 шагов, нужно стрелять отсюда. Опять осторожно посмотришь, где птицы сидят кучнее и наконец посылаешь один выстрел в сидячих, а другой в поднимающееся с шумом бури стадо. С убитыми и ранеными, часть которых удастся изловить, добыча обыкновенно бывает от 8 до 14 уток; однажды, впрочем, двойным выстрелом я убил 18 шилохвостей. Притом многие, даже тяжело раненные, сгоряча разлетаются в стороны и достаются орлам или воронам; последние нередко следят издали за стрелком.

К концу охоты, обыкновенно часов около трех пополудни или немного позднее, приходит с бивуака казак с мешком и забирает добычу. Иногда же и сам на обратном пути до того обвешаешься утками, что насилу домой добредешь. Впрочем, такая бойня скоро надоедает, так что после нескольких подобных охот мы сделались довольно равнодушны к тем массам птиц, которые ежедневно можно было видеть возле нашего бивуака. С другой стороны, в последней трети февраля утиные стаи более рассыпались по талой воде, а лед днем мало держал чело-века, так что охота стала труднее и менее добычлива; да, наконец, набивать через край мы по возможности остерегались. Однако в период валового пролета, то есть с 12 февраля по 1 марта, нами было принесено на бивуак 655 уток и 34 гуся. Весь наш отряд продовольствовался этими птицами; излишнее отдавалось лобнорцам.

Эти последние добывают уток в нитяные петли, которые ставят по залитым водой солянкам, где птицы исключительно кормятся с прилета. Устройство подобной ловушки до крайности просто. Именно, на данной местности к земле прикрепляют на высоте груди сидячей утки две тростничины в одну поперечную линию, оставляя в середине между их концами проход, куда ставится петля. Эта петля привязывается к небольшому тамарисковому прутику; одним концом его крепко втыкают в почву, а другим настораживают вместе с петлей. На покормке утка, идя по земле, встречает положенные тростничинки, не может перелезть через них и направляется в проход, где залезает в петлю, которая тотчас же задерживается настороженным прутиком. Попадаетея птица обыкновенно своей шеей, реже — лапкой или даже за большие маховые перья. В первом случае утка бывает задавлена; при двух же других нередко отрывается и летает с ниткой на ноге. Подобных ловушек на Лоб-норе весной ставится множество. Ежедневно туземцы их осматривают и выбирают попавших уток. Последних ловят в течение весны обыкновенно по сотне, а прежде лавливали и по две сотни на человека. Попадаются в те же петли иногда кулики, турпаны, гуси и даже бакланы, только сильные птицы переадают нитку или прямо отрываются и улетают.

На гусей ставят петли из более крепких ниток и с сильным тамарисковым прутом, так чтобы пойманная птица сразу была задавлена или приведена в невозможность перекусить петлю. Много мешают подобной ловле вороны, орлы, даже кабаны, которые съедают попавшихся птиц. Кроме весны, туземцы Лоб-нора ловят в петли на осеннем пролете, а также летом молодых уток и гусей. Тех и других иногда откармливают к зиме; особенно хорошо привыкают серые гуси. Случается также добывать в петли экземпляры с зажившими дробовыми ранами. «Через это мы давно знали, что птицы улетают в ваши страны и там их стреляют дробью», — говорили нам лобнорцы.

С конца февраля, когда Тарим вскрылся и озера уже значительно оттаяли, прежняя наша охота-бойня прекратилась. Взамен ее мы пользовались хотя не особенно добычливой, но весьма заманчивой охотой за утками на вечерних стойках. Лучшее место для таких стоек — промежутки среди двух или нескольких озерков, на которых утки

привыкли кормиться; притом необходимо выбрать место посуше и с тростником, где бы можно было спрятаться; наконец, стойка не должна быть возле самой воды, ибо упавших туда птиц без собаки трудно будет достать. Такие удобные места находились невдалеке от нашего бивуака.

На закате солнца мы отправлялись вдвоем или втроем, каждый к своему местечку, и рассаживались в тростнике. Пока еще светло, утки довольно осторожны, а потому спрятаться нужно получше; даже фуражку с головы следует снять, чтобы меньше быть заметным. Ждать перелета обыкновенно приходится недолго. Смотришь — то там, то здесь промелькнут утки-одиночки, пара или небольшая стайка, но все еще стороной или высоко. С лихорадочным волнением следишь за этими утками; ждешь не дождешься, пока которая-нибудь налетит в меру выстрела. И вот наконец прямо на охотника летит пара шилохвостей или несколько селезней-полух гонят самку. Мигом ружье наготове; сам же еще более притаишься в засадке. Но напрасна такая осторожность — птицы не подозревают опасности и плавно налетают на несколько десятков шагов. Блеснет огонь выстрела, и одна из уток, свернувшись клубком, упадет на землю. Быстро вложишь в ружье новый патрон и ждешь новых уток, спугнутых тем же выстрелом. Если они не налетят, то поднимаешь убитую птицу и снова спрячешься в засадке. Опять напряженно смотришь впереди себя и по сторонам. Вот мелькнул длинной струей огонь из ружья соседа, и загредел выстрел... Опять суматоха между утками, успевшими было снова усесться на озерах. Между тем все больше и больше надвигаются сумерки; утки начинают летать тише и ниже; все чаще и чаще раздаются по ним выстрелы... На соседних болотах тем временем идет пир горой, в особенности у гусей, громкое гоготанье которых не умолкает ни на минуту; кроме того, свистят полухи и шилохвости, крикают утиные самки, по временам гукает выпь... Все хлопочет, радуется, суетится для одной и той же великой цели природы — размножения.

Незаметно проходит более часа времени; вечерняя заря погасает, звезды одна за другой зажигаются на небосклоне. Стрелять теперь уже нельзя в темноте. Тогда выходишь из засадки и, забрав убитых уток,

отправляешься вместе с товарищами на бивуак; по пути передаются друг другу рассказы об удачах или неудачах минувшей охоты.

При хорошем лете мне приходилось убивать за вечер по восьми уток. Случайно, но только редко, налетают на засадку гуси и также попадают под выстрел. Пораженные неожиданностью, эти осторожные птицы, как шальные, бросаются в сторону, и еще долго после того слышится в вечерней тишине тревожный крик улетающего стада...

Для нас в особенности заманчивы были теперь, кроме вечерних охот на стойках, такие же охоты на ранней утренней заре. Предпринимались они специально за гусями, цаплями и другими осторожными птицами, которые держатся обыкновенно вдали от берегов; поэтому и засадки устраивались возможно подальше в тростнике. Добычей своей мы часто не могли похвалиться, но в высшей степени оригинальна и интересна была сама обстановка такой охоты.

...С вечера приготовлены ружья, патроны и охотничье одеяние. Дежурному на последней смене казаку приказано разбудить, чуть забрезжит заря. Быстро промелькнет ночь, и живо откликнешься на будящий зов дежурного. Оденешься и тихомолком выйдешь из юрты, в которой крепким сном спят товарищи. Едва заметная полоска света начинает отливаться на востоке, но еще не слышно голосов птиц; только изредка гогочут гуси да гукает выпь. Поспешно отправляешься к своей засадке. Тропинки туда хотя нет, но местность хорошо знакома, так что в темноте знаешь, где перейти поперечную канаву или пролезть сквозь тростник. Несколько уток и гусей, вспугнутых по пути, шумно захлопали крыльями и отлетели в сторону. Но вот и засадка — маленький клочок полусырой земли среди разливов и тростника; последним заранее огорожено то место, где нужно спрятаться. Снимаешь фуражку, чтобы лучше укрыться, и садишься на тростниковую подстилку. Ждать приходится недолго. На востоке побелела уже порядочная полоса неба, и одна за другой начинают просыпаться птицы. Громче и усерднее загоготали гуси, запищали в тростнике лысухи, учащенное раздается гуканье выпи и звонкий голос водяного коростеля, свистят, кри-

кают и кыркают разные утки; затем, когда еще посветлеет, запоют жавороночки, камышовые стренатки и сорокопуть; по временам раздается отвратительное карканье вороны и крик лениво летящей чайки или серой цапли... Не разнообразна и не богата серия лобнорских певунов, но и таким радуешься в здешних пустынях; все-таки это жизнь, а не могильное молчание бесплодных равнин, где только завывание бури нарушает вековую тишину...

Однако наслаждение природой не совершенно поглощает внимание охотника. Он прислушивается и напряженно осматривается по сторонам, выжидая добычи. Несколько раз утки пролетали через засадку, даже садились возле на чистую воду, но на них не обращается внимания. Гуси то парами, то небольшими стайками перелетают с места на место; передовые самцы гогочут в знак успокоения товарищей. Но ошибся один из таких вожаков и навел стадо на роковое место. Охотник издали заметил добычу и еще более притаился в своем уголке. Когда же птицы налетели почти на голову, быстро вскинута ружье, и выстрел или два загрели в тишине раннего утра. Тяжело шлепнулся на воду убитый гусь, с громким криком начали улепетывать остальные. Грохот выстрела переполошил и других птиц поблизости. Бросились они, которая куда, сами не зная, в чем дело и где опасность. По всем направлениям засновали утки; лысуха низко перелетела из одного тростника в другой; ближайшие гуси также поднялись и полетели в стороны... Охотник тем временем вложил в свое ружье новый патрон и ждет новой добычи. В суматохе нередко вновь налетают гуси, и опять раздаются по ним выстрелы. Затем понемногу все успокаивается и начинает веселиться по-прежнему.

Между тем восходит солнце, но не яркое, как у нас, а каким-то мутным диском, сначала чуть заметным сквозь нижние слои пыльной атмосферы; сверху же небо довольно чисто, и лишь кое-где по нем рассыпаны легкие перистые облака. Теплота, несмотря на раннее утро, довольно значительная; росы нет, хотя кругом вода и болота. С восходом солнца начинается лёт уток вдоль Лоб-нора — это запоздавшие пролетные стаи направляются к северу, а некоторые из них только что сюда прилетели. Такие стада обыкновенно идут вне

выстрела; шум их крыльев напоминает порывы сильного ветра. Местные же птицы летают низко, не торопясь и не в одном направлении, но как попало. Уток по-прежнему не стреляешь, разве изредка пустишь заряд в стайку красноносок; ожидаешь белую цаплю или большую чайку, которые нужны для коллекции. Но эти птицы редки на Лоб-норе, так что, прождав иногда напрасно часов до семи утра, выходишь из засадки и со скудной добычей возвращаешься на бивуак.

* * *

Продолжительное, 50-дневное, пребывание на Лоб-норе среди добрых, приветливых туземцев отлично подкрепило наши силы на дальнейший путь. Пришлось это как нельзя более кстати после всех трудов зимнего путешествия в Тибете и перед началом исследований в местностях совершенно иного, чем до сих пор, характера. Теперь открывался третий период нашего странствования, обнимавший собой движение по Восточному Туркестану до самого конца экспедиции.

Выступление с Лоб-нора первоначально назначено было ранее половины марта. Требовалось только сделать повторительное астрономическое наблюдение и съездить в лодке вниз по Тариму. Первое сразу удалось, но поездку пришлось на время отложить вследствие сильной бури, дувшей целую неделю почти без перерыва. Наконец буря эта стихла; тогда я и Роборовский в сопровождении переводчика, казака и Кунчикан-бека со свитой отправились в нескольких лодках в деревню Уйтун, куда были вызваны каракуртинцы, чтобы снять с них фотографии. Проехать в самый Каракуртин мы не могли, ибо спешили своим отходом, да и пробраться туда теперь трудно по случаю засорения Тарима. Сделав небольшой денежный подарок фотографовавшимся и переночевав в Уйтуне, где целую ночь вокруг нас гукали выпи и пищали лысухи, мы на другой день вернулись на свой бивуак. Здесь почти все уже было готово к выступлению, и наши верблюды, числом 64, пришли с реки Джыхансай. Несмотря на довольно хороший там корм, эти верблюды несколько не поправились телом, разве только отдохнули.

Еще одни сутки употреблены были на последние сборы, наконец 20 марта

1885 года, в день моего ухода отсюда же в 1877 году, мы двинулись с Лоб-нора. Грустно было расставаться с обсиженным местечком, где так хорошо охотились мы всю весну да притом пользовались искренностью и доброжелательством со стороны туземцев. Эти последние чуть не поголовно пришли из ближайших деревень прощаться с нами; Кунчикан-бек вызвался даже быть провожатым на несколько дней.

В 60 верстах к западу от урочища Вашшари мы вышли на среднее течение Черченской реки, к которому можно отнести все ее протяжение на прорыве через сыпучие пески. Здесь названная река, несмотря на свою быстроту, все-таки не может, подобно нижнему Тариму, провести для себя глубокую борозду в песчаной почве пустыни; взамен того идет широким плёсом по зыбучему песчаному дну. Главное русло, обозначенное струей более быстрой воды, извиляется от одного берега к другому; в промежутках этих изворотов (по крайней мере, при невысокой воде) то текут узкие рукава, то спокойно стоят небольшие заливы, то всего чаще залегает мокрый песок, покрытый тонким слоем липкой глины. Ширина главного русла Черчён-дарьи в описываемой части ее течения 30—35 сажен при глубине от двух до нескольких футов; местами, в особенности на заворотах реки, встречаются омуты в сажень или около того глубиной; всего же с незанятыми водой плёсами расстояние одного берега до другого от 100 до 150, иногда до 200 сажен. Вода совершенно грязная вследствие примеси глины и мелкого песку. Дно, как сказано выше, зыбучее, так что ноги человека быстро увязают даже в более твердых местах; в заводях же, где течение тихо или его вовсе нет, пробраться совсем нельзя. Главное русло реки часто перемещается и при более высоком летнем стоянии воды отмывает на излучинах значительные площади берегов, как то можно видеть по прерванному направлению прежних тропинок.

Несмотря на все безобразие Черчен-дарьи (грязная вода, мелководье, зыбучее дно), в ней водится довольно много рыбы.

Мы двигались небольшими переходами, иногда дневали, чтобы лучше обследовать местность. Но — увы! — слишком бедна была научная добыча как среди растений, так и среди животных. От самого Лоб-нора

до Черчена и далее до гор — словом, почти за весь апрель, мы собрали в свой гербарий только шесть цветущих видов растений, а именно: туграк, два вида тамариска, облепиху, одуванчик и пузырчатку; последняя добыта со дна небольшого заливного от Черчен-дарьи озера.

Немногом лучше стояло дело и по части зоологических изысканий. Крупных зверей, кроме хара-сульт, весьма здесь мало, да притом линявшие теперь их шкуры не годились для коллекции; среди же птиц попадались все прежние виды и лишь изредка прокидывались пролетные; пресмыкающихся и земноводных почти не встречалось; насекомых также было очень мало по числу видов. Одно только рыболовство в Черчен-дарье несколько пополнило наш скудный сбор. Между прочими мелкими рыбами пойман нами здесь в небольшом и неглубоком заливе экземпляр тазек-балык длиной в 4 фута и весом в 33 фунта.

На рыболовство мы отправлялись прямо с бивуака в одних рубашках и босыми, дабы легче ходить по вязкому и мягкому, как бархат, глинисто-песчаному грунту речного плёса. Тащить бредень против быстрой воды почти совсем нельзя было; поэтому мы пускали его вниз по течению, едва успевая следовать, иногда бегом, за своей сетью, которую затем поворачивали к отмелому берегу и вытаскивали. Ловить же в более тихих заводях часто оказывалось невозможным по причине крайне топкого здесь грунта дна. Вместе с рыболовством происходило и купанье, правда не особенно хорошее, в мутной воде Черченской реки, но весьма подходящее при сильных жарах, которые теперь стояли.

Оазис Черчен лежит на абсолютной высоте 4100 футов по обе стороны Черчен-дарьи, верстах в шестидесяти по выходе ее из гор на небольшой лёссовой площади, окруженной сыпучими песками. Эти пески на правом берегу Черченской реки прилегают к ней почти вплоть и так идут к горам; на левой стороне той же реки главные песчаные массы лежат несколько поодаль, хотя наносы от них подходят к самому оазису и превращают его окрестности в совершенную пустыню. В ней погребены остатки некогда процветавшей здесь обширной культурной площади; но об этом будет речь впереди.

Нынешнее черченское поселение заключает в себе около 600 дворов и от 3000 до 3500 жителей. Основано оно 90 лет тому назад колонистами из Кэрии, Хотана, Кашгара и Аксу.

Всего обработанной земли в Черчене, мне кажется, едва ли наберется 1000 десятин. Здесь, как и во многих других оазисах Центральной Азии, поля скорее могут быть названы огородами по их миниатюрности и тщательности обработки. Вместе с тем при скученности населения, в зависимости от тесной площади орошенного пространства, каждая семья производит лишь столько, сколько нужно для собственного пропитания; в лучшем случае избыток невелик, гораздо же чаще бывает недостаток.

На другой день нашего прихода в Черчен поднялась сильная буря и продолжалась с небольшими перерывами целую неделю; первые двое суток от северо-востока, затем двое суток от юго-запада и, наконец, еще трое суток опять от северо-востока. В особенности напряженна была эта буря на третьи сутки, когда после отрывистого часового затишья ветер вновь подул со страшной силой в противоположном, чем до сих пор, направлении, то есть от юго-запада. Тучи песка и пыли густо наполнили атмосферу, которая на восходе солнца несколько времени была окрашена как бы мутным заревом пожара; затем на целый день наступила полная мгла. Палатки наши едва держались, несмотря на все прикрепы; против ветра невозможно было ни двигаться, ни дышать, ни открыть глаза; пыль и песок засыпали довольно толстым слоем наш бивуак, не исключая и верблюдов, которые лежали целые сутки привязанными на месте.

Рядом с обитаемым ныне черченским оазисом, среди совершенной пустыни, отчасти покрытой лёссовыми песчаными буграми, видны следы древней культурной площади. Здесь на протяжении семи—восьми верст от севера к югу и около двух или более от востока к западу встречаются остатки башен, саклей и места прежних арыков.

Нынешние жители Черчена производят иногда раскопки на месте городов; гораздо же чаще ходят туда на поиски после сильной бури, местами выдувающей песок на значительную глубину. Случается находить медные и золотые монеты, серебряные

слитки, золотые украшения одежды, драгоценные камни (алмазы и бирюзу), бусы, железные вещи, кузнечный шлак, медную посуду и, что замечательно, битое стекло в самом древнем городе; в более же новом черченцы добывают для своих надобностей жженный кирпич. Затем при раскопках встречаются склепы и отдельные деревянные гробы. В тех и других трупы (небальзамированные) обыкновенно сохранились очень хорошо благодаря, конечно, чрезвычайной сухости почвы и воздуха. Мужчины весьма большого роста и с длинными волосами, женщины же с одной или двумя косами. Однажды открыт был склеп с 12 мужскими трупами в сидячем положении. В другой раз найдена была в гробу молодая девушка. У нее глаза были закрыты золотыми кружками, а голова связана от подбородка через темя золотой пластинкой; на теле надета длинная, но узкая шерстяная одежда (совершенно истлевшая), украшенная на груди несколькими тонкими золотыми звездочками, около дюйма в диаметре; ноги оставлены босыми. Даже дерево гробов, как нам говорили, иногда так хорошо сохранялось, что черченцы употребляют его на кое-какие поделки. Вместе с человеческими трупами в могилах попадаются кости лошадей и баранов.

Туземцы уверяли нас, что следы древних поселений и городов встречаются также по всему среднему течению Черчен-дарьи. Эти остатки все лежат на западной стороне названной реки, в расстоянии 5—15 верст от нынешнего ее русла, отодвинувшегося, следовательно, к востоку. Старое русло Черчен-дарьи местами также видно между упомянутыми развалинами, ныне большей частью засыпанными песком пустыни. По преданию, здесь некогда жило племя мачин, как и далее вплоть до Лоб-нора.

Тот хребет, у подножия которого лежал на значительном протяжении наш путь из Черчена в Кэрию, принадлежит западному Куэнь-луню и составляет непосредственное продолжение гигантских хребтов главного кряжа средней части этой системы.

Пользуясь правом первого исследователя, я назвал вновь открытую цепь гор Русским хребтом.

На всем своем протяжении этот хребет служит оградой высокого Тибетского плато к стороне котловины Тарима и, как обыкновенно для азиатских гор в подобных слу-

чаях, развивается вполне лишь к стороне более низкого своего подножия. Здесь, то есть на северном склоне Русского хребта, общий его характер составляют дикость, грандиозность форм и труднодоступность, тогда как южный тибетский склон несомненно короче и мягче в своем рельефе.

Жители в Русском хребте — племя махин. Их мало в восточной части гор до реки Бостан-туграк; гораздо более от названной реки к западу и в особенности западнее реки Ния-дарья. Занимаются скотоводством, преимущественно разведением баранов; засевают также ячмень (черный с голым зерном); жилища свои выкапывают в лёссе, и только в редких подгорных деревнях, да и то не везде, можно видеть настоящую глиняную саклю.

Из Черчена в оазис Ния ведут две дороги: нижняя и верхняя, обе выючные. Первая, более короткая, направляется к западу-юго-западу вдоль сыпучих песков; вторая, окружная, достигает того же оазиса, следуя у подножия Русского хребта.

Перед выступлением нашим из Черчена переводчик Абдул Юсупов сильно заболел, так что мы принуждены были оставить его на попечение местного хакима. Затем выход задержался еще на сутки, ибо накануне ночью оба проводника удрали неизвестно куда. Взамен доставлены были два новых вожака. Один из них, родом афганец, по имени Айсакан, оказался довольно сметливым человеком. К сожалению, без переводчика, который лишь через месяц присоединился к нам, нельзя было выведать многого, объясняясь лишь пантомимами да несколькими десятками известных нам тюркских слов.

25 апреля мы наконец тронулись в путь по верхней дороге.

Оазис Ния расположен на абсолютной высоте 4600 футов, по обе стороны реки того же имени, верстах в пятидесяти по выходе ее из хребта Русского. Там эта река называется Улуксай и берет свое начало в обширных ледниках. Оросив оазис Ния, она пробегает еще верст семьдесят в сыпучих песках и наконец теряется в почве. За исключением летнего периода, Ния-дарья бедна водой. Во второй половине мая русло ее в описываемом оазисе было почти сухое; лишь местами имелись искусственные запруды, где, однако, воды было скоплено сравнительно немного. Жители глав-

ным образом пользовались водой из колодезцев, которые выкопаны здесь почти при каждой сакле; кроме того, во многих садах имеются небольшие пруды (бостан). Летом, в период дождей в горах и усиленного таяния ледников, Ния-дарья, по словам туземцев, представляет собой реку в 25—30 сажен шириной при глубине местами до 4—5 футов.

По расспросным сведениям, в оазисе Ния считается от 1000 до 1200 дворов, следовательно, можно положить число жителей от 5000 до 6000 душ обоого пола. Все это махинцы, но испорченные как физически, так и еще более нравственно главным образом отхожим промыслом на золотые прииски. Кроме того, жители Нии вообще мелки ростом и слабого сложения. Обыденное платье, по крайней мере летнее, носят почти все из белой, местного производства, дабы; между тем как в Черчине мы встретили более пестрое одеяние. Предметы же одежды там и здесь одинаковы: длинная рубашка и панталоны, сверху халат, подпоясанный кушаком, на ногах чирки или сапоги (с каблуками и железными подковками), на голове барашковая (черная или белая) шапка.

Как и в других оазисах, главное занятие жителей Нии составляет земледелие. Сорта хлеба и других посевов те же, что и в Черчине; прибавился здесь только рис. В садах те же фрукты. Из них в половине мая шелковица (белая и черная) уже поспела; абрикосы вполне сформировались, но еще были зелены; персики достигали величины мелкого грецкого ореха; виноград, джида и юуба цвели. Полевые посевы, за неимением воды для орошения полей, были плохи: только люцерна поднималась в это время на $\frac{1}{2}$ фута; пшеница и ячмень лишь кое-где достигали 1 фута высоты; арбузы и дыни только что засевались. По словам туземцев, так бывает почти каждый год, вследствие позднего появления воды в реке Ния-дарье. Помимо земледелия, здесь развито и скотоводство. На окрестных оазису болотах много пасется баранов, ослов, коров и частью лошадей. Отхожий промысел обитателей Нии, как выше упомянуто, составляют работы на золотых приисках, всего более на ближайшем из них — Соргаке, который лежит на реке Ния-дарье при выходе ее из гор. На этом прииске, как говорят, скопляется от 700 до

1000 рабочих, иногда больше, иногда меньше, смотря по времени года.

Постоянной торговли в оазисе Ния нет. Только однажды в 10 дней здесь бывает базар, на который приезжают торговцы из Кэрии. Торг производится ограниченный — предметами, необходимыми для обихода местных жителей; достаточно привозят русских красных товаров (ситцы, кумач, платки и пр.), бывает также наш сахар, зажигательные спички и т. п. Сам оазис ничего для вывоза не производит; лишь на золотой прииск Соргак доставляется отсюда скот и часть хлеба.

В оазисе Ния мы провели целую неделю. Стоянка была отличная возле одной из запруд на реке Ния-дарье. Здесь мы купались и ловили рыбу. Корм для караванных животных также имелся в обилии. Местные жители весьма к нам были расположены и при всяком удобном случае выражали такое расположение. У них мы покупали продукты и продовольствовались отлично. Мальчишки постоянно таскали на продажу ягоды шелковицы — белые и черные. Сначала они нам не нравились, но потом мы «вошли во вкус» и объедались этими ягодами за неимением чего лучшего.

Вышеописанный оазис Ния начинается собой на юго-востоке Таримского бассейна длинный ряд таких же оазисов, которые с большими или меньшими промежутками тянутся здесь вдоль подошвы Куэн-луня, Памира и Тянь-шаня. Таким образом, все они лежат по окраине таримской котловины, там, где притекающая с гор вода доставляет необходимую влагу для орошения (частью и для выщелачивания) весьма плодородной лёссовой почвы. Поэтому величина каждого оазиса зависит прежде всего от местного количества воды: на главных реках Восточного Туркестана расположены и наиболее обширные здесь оазисы; на малых же речках или ручьях лежат оазисы небольшие. Первые состоят из центрального места — города и большого или меньшего количества деревень, то скученных, то разбросанных иногда на значительном пространстве; в последних усадьбы всего чаще стоят отдельными фермами.

Общий вид и характер тех и других оазисов одинаковы. Главное занятие жителей — земледелие и садоводство. Благодаря обилию рабочих рук, теплоте климата и необыкновенному плодородию лёссовой

почвы при достаточном ее орошении земледельческая культура достигла здесь еще в глубокой древности высокой степени совершенства. Неутомимая нужда заставила туземцев до крайности изощриться в проведении оросительных канав (арыков), которые, разветвляясь, словно вены и артерии в животном организме, оплодотворяют каждый клочок обрабатываемой земли. Удивительным для непривычного глаза образом перекрещиваются и распределяются эти арыки по оазису: они то текут рядом, только на разной высоте, то пробегают по деревянным желобам один над другим, то наконец струятся по тем же желобам через плоские крыши саклей. Всюду вода приносит здесь с собой жизнь — она не только поит почву, но и оплодотворяет ее лёссовым илом. Главные арыки, от которых отделяются меньшие, нередко приводятся в оазис издалека, за много верст от реки, которая, если затем течет по оазису, то уже на гораздо низшем уровне, чем поля и сады, орошаемые ее водой. Самая обработка полей, не говоря про сады и огороды, превосходная. Земля разрыхлена так, что в ней нет ни малейшего комочка; притом все поле выделано небольшими грядками, на которых сеется зерно, а бороздки наполняются водой. Когда напустить эту воду, когда запереть ее — зависит от усмотрения хозяина, до тонкости знающего свое дело.

Поля, обыкновенно небольшие, нередко расположены террасами одно под другим для удобства поливки. Очередь пользования водой соблюдается строгая; за этим наблюдает в каждом оазисе особый старшина (мираб). Рисовые посевы делаются на самых низких местах и почти постоянно находятся под водой, как того требует возделываемое зерно.

В каждую саклю, в каждый садик и огород — мало того, к каждому большому дереву, если только оно стоит в стороне, — всюду проведены арыки, то запирающиеся, то отворяющиеся для воды, смотря по надобности. Берега арыков обыкновенно обсажены тополями, ивой, джидой и шелковицей. Эти деревья доставляют тень и служат для топлива. Обращаются с ними самым ласковым, если так можно выразиться, образом. Зато деревья растут быстро и хольно. В течение 7—8 лет тополь дает строевое бревно, а через 30—35 лет

достигает двух обхватов в толщину при высоте около 100 футов. Для топлива дерево (ива, тополь) срубают сажени на две от земли и самый сруб замазывают глиной, чтобы предотвратить высыхание. Такой ствол вскоре пускает новые побеги, которые быстро разрастаются густой, красивой шапкой, в особенности у ивы. Оди только засохшие деревья срубаются под корень.

Во всех оазисах засевают: на полях — пшеницу, ячмень, кукурузу, рис, горох, просо, клевер, арбузы, дыни, табак и хлопок; в огородах — лук, редис, редьку, морковь, огурцы, тыкву и зелень для кухни. В садах растут абрикосы, персики, виноград, яблоки, груши, сливы, гранаты, грецкие орехи, ююба (жужуба) и шелковица; здесь же нередко имеются небольшие пруды, а также цветники, в которых разводятся розы, астры, бархатцы, бальзамины и другие цветы. Огороды возле саклей обыкновенно весьма миниатюрны, да и овощи, в них произрастающие, плохи. Несравненно лучше и обширнее в тех же оазисах сады. В них уход за деревьями самый заботливый, растут эти деревья превосходно и дают отличные плоды. Жаль только, что туземцы начинают рвать их еще сырыми, да и со зрелыми обращаются небрежно. Абрикосы, персики и виноград сушат. В таком виде эти плоды составляют неизменную принадлежность всякого дастар-хана (угощения). Яблоки, дыни и виноград сохраняются свежими всю зиму. Вообще свежие плоды летом, а сушеные зимой служат большим подспорьем в пище местного населения.

Однако как ни очаровательны с виду все вообще оазисы, в особенности при резком контрасте с соседней пустыней, но в большей части из них бедность и нужда царят на каждом шагу. Теснота вследствие многолюдства служит тому главной причиной. Так, по крайней мере, в Хотане, Чире, Кэрии и других меньших оазисах по соседству. Здесь на семью в пять — шесть душ едва ли придется $1\frac{1}{2}$ —2 десятины земли; обыкновенно земельный надел еще меньше. Правда, недостаток этот отчасти поправляется отличным урожаем хлебов и двойным посевом в течение одного лета, а также умеренностью туземцев относительно пищи. Но все-таки множество семейств нуждаются бываю перебиваться изо дня в

день с весны до новой жатвы. Не говоря про то, что даже сырые абрикосы с добавкой ягод шелковицы составляют тогда обыденную пищу для многих обитателей оазисов, мы видали, как хозяева задолго до жатвы собирают на своих крошечных полях более зрелые колосья ячменя и, набрав их горсть или две, несут на продовольствие семьи. В тех же оазисах можно часто видеть привязанными под шелковичными деревьями ослов или коз, которые целый день подбирают изредка падающие на землю ягоды; сплошь и рядом встречаются также наарканенные на самой малой площадке чуть заметного корма ослы и одиночные бараны; нередко туземец держит в руках такой аркан и целый день переводит свое животное с места на место; или иногда встречается хозяин, который сбивает палкой листья с ивы, переходя от одного дерева к другому, а сзади следуют несколько его баранов и осел, поедая эти листья.

К столь незавидной доле многих туземцев следует еще прибавить полную деспотию всех власть имущих, огромные подати, эксплуатацию кулаков, чтобы понять, как не сладко существование большей части жителей оазисов даже среди сплошных садов их родного уголка. И еще нужно удивляться, как при подобной обстановке, лишь немного видоизменяемой в течение долгих веков, не привились к населению крупные пороки: например, воровство, убийство и т. п. Или уже загнанный характер сделался пассивным к требованиям жизни и заменил безусловной покорностью всякие активные порывы.

От Нии до Кэрии, где расстояние 93 версты, дорога по-прежнему выючная, хотя с трудом, пожалуй, можно проехать здесь и на двухколесной арбе.

* * *

Оазис Кэрия лежит при абсолютной высоте 4700 футов на левом берегу реки Кэрия-дарья, верстах в пятидесяти по выходе ее из гор, там, где временно отделяющийся от названной реки рукав помогает обводнению значительной площади земли. От севера к югу описываемый оазис простирается верст на четырнадцать при наибольшей ширине около 8 верст; к западу же по хотанской дороге неширокая культурная

полоса тянется еще верст на тринадцать или около того.

Река, питающая своей водой Кэрийский оазис, притекает сюда с плато Тибета. По размерам она превосходит реки, которые мы пересекли у северного подножия Русского хребта, но меньше реки Черченской. На переправе дороги в оазис Ния Кэрия-дарья имела в начале июня при средней воде от 10 до 15 сажен ширины и глубину брода в 2 фута; когда же вода с гор прибывала, что обыкновенно случалось часов с девяти утра до трех или четырех пополудни, тогда размеры и глубина той же реки значительно увеличивались. Течение у нее весьма быстрое; вода летом грязная. Тотчас за Кэрийским оазисом описываемая река вступает в сыпучие пески и при большой летней воде пробегает по ним в прямом северном направлении более 150 верст — до параллели упирающегося в левый берег соседней, Хотанской реки небольшого хребта Мазар-таг. На этом протяжении берега Кэрия-дарья поросли туграком и джангалом; зимой кое-где живут здесь пастухи со скотом. Далее широты Мазартага русло Кэрийской реки, ныне совершенно безводное, заметно, как мы слышали, тянется по сыпучим пескам почти до самого Тарима. По преданию, в давние времена сюда добегала вода той же Кэрия-дарья и лежал прямой путь из Аксуйского оазиса в Кэрийский. В 120 верстах ниже этого последнего еще поныне, как говорят, сохраняются остатки старого парома, на котором переправлялись через Кэрийскую реку в большую воду.

В Кэрии мы провели шесть суток, и все это время ушло на суетливые хлопоты по снаряжению в дальнейший путь. Цель наша заключалась теперь в том, чтобы пробраться на два — три месяца на соседнее плато Тибета; в случае же неудачи решено было заняться в течение лета обследованием ближайших гор. Как для той, так и для другой местности равно непригодны были наши истомленные верблюды. Поэтому мы оставляли их на пастбу в окрестностях Кэрии, где имел быть устроен новый наш склад. Для предстоящей же экскурсии необходимо было нанять 30 лошадей и снарядиться налегке.

Провозившись еще несколько дней со снаряжением на предстоящую летнюю экскурсию, мы наконец кое-как устроились.

Наняты были 30 вьючных и верховых лошадей с платой по 120 теньге в месяц за каждую и закуплена часть продовольствия. Все наши коллекции, помещавшиеся в 14 больших ящиках и нескольких мешках, сложены были в сакле, отведенной местным хакимом, и сданы ему на хранение. Остальной багаж, за исключением того, который шел с нами, должен был находиться на руках у казаков, оставляемых с верблюдами.

16 июня мы двинулись в путь с новым своим караваном, в котором состояло 15 верховых лошадей, 22 вьючных и 5 ослов у погонщиков. Сначала все не ладилось, да и впоследствии мало было порядка при хождении с непривычными ко вьюкам лошадьми, так что не один раз приходилось вспоминать нам про своих верблюдов.

Кэрийская река, на которую мы теперь вышли при устье реки Лю-ши, течет здесь на абсолютной высоте 8300 футов в глубоком ущелье, местами вырытом узкой траншеей иногда в два — три яруса. Вытекает описываемая река, как уже было говорено, с плато Тибета и прорывает крайние к таримской котловине горы, сколько кажется, в прямом южном направлении; при устье же Лю-ши делает кругую излучину к западу, а затем снова стремится на юг. Ширина Кэрийской реки, там, где мы теперь через нее перешли, благодаря случайно уменьшившейся летней воде была от 10 до 12 сажен при глубине в 3 фута; дно усыпано крупными валунами. Местами береговые гранитные скалы сжимают речное ложе на 5—6 сажен; там вода бурлит и клокочет. Во время высокой воды, каковая стоит в течение целого лета, переправы вброд почти не бывает, и уровень той же реки повышается иногда, как говорят, на целую сажень. Туземцы переправляются тогда по канату, высоко натянутому с одного берега на другой. На этом канате скользит кольцо, к которому прикрепляется пассажир, и его перетягивают веревками. Накануне нашего перехода через Кэрийскую реку, когда вода в ней еще была высока, нам также предлагали подобный способ переправы. При этом туземцы наивно показывали приготовленный запасный канат на тот случай, если ранее протянутый оборвется.

Ущелье горного течения Кэрийской реки недоступно; но по реке Лю-ши, недалеко вверх от ее устья, тянется небольшая деревня мачинцев. Здесь мы дневали.

Воспользовавшись, как выше упомянуто, случайной большой убылью воды в Кэрийской реке, мы переправились через нее вброд и пошли вниз по левому берегу той же реки. Здесь она вышла из высоких гор и течет уже в предгорьях, совершенным коридором сажен десять — пятнадцать, иногда того менее, шириной. Отвесы боков этой траншеи, пробитой в наносной почве, местами и в горных породах, высятся на 30—40 сажен; выше еще поднимается горная круча, по которой лепится тропинка. Так на протяжении 18 верст до устья реки Курабо, в ущелье которой мы и свернули.

В области своего горного течения Кэрийская река замечательна обилием нефрита, который у многих восточных народов считается талисманом и весьма дорого ценится в Китае. Известно, что еще в глубокой древности этот камень играл большую роль в торговых и даже политических сношениях названного государства с Хотаном. Горы к югу и юго-западу от этого оазиса по рекам Юрун-каша и Кара-каша славились с незапамятных времен обилием нефрита, настоящая родина которого действительно находится в Западном Куэнь-луне. Однако известия о месторождении этого камня ограничивались до сих пор лишь вышеупомянутыми Хотанскими горами да отчасти нахождением нефритовых валунов в реке Яркендской. Ныне мы можем засвидетельствовать более обширный район распространения того же нефрита. По сведениям, добытым в настоящее наше путешествие, обильные местонахождения описываемого камня встречаются в Западном Алтын-таге, всего более по рекам Ваш-дарье и Черченской; затем во всем хребте Русском, в особенности на реках Карамуране и Мольдже, наконец в горах Кэрийских. По словам туземцев, описываемый камень встречается в вышеназванных местностях прослойками или жилами, изредка даже значительными глыбами в скалах среднего, еще же чаще верхнего пояса гор, иногда вблизи вечных снегов; случайно попадает и в виде валунов по руслу горных речек. Промышленники добывают нефрит в горах только летом. Сначала отыскивают жилу этого камня, а затем выламывают большие или меньшие его куски самыми первобытными инструментами. Для облегчения труда иногда накаливают огнем обрабатываемое место скалы. Добытые куски перетаскивают

на вьючных ослах или на собственных плечах.

Китайцы называют нефрит «юй» или «юй-ши», а туркестанцы — «каш», или «каш-таш». Различаются три сорта: юй-ши (яшил-каш) — зеленый, зэ-ши (ак-каш) — молочно-белый, и юй-тап-ши — желтовато-маслянистого цвета; последний — самый дорогой. Высоко ценится и молочно-белый нефрит; зеленый же самый обыденный, хотя цена его в Китае также значительна. Кроме разницы в цвете, лучшим считается нефрит без трещин и заметных жилок. Незадолго до нашего прихода в горы на Кэрийской реке там был найден в жиле зеленого юй-ши кусок зэ-ши, имевший, как нам говорили, пять четвертей в длину, две четверти в ширину и столько же в толщину. Китайцы ценили такую находку в 100 ямбов серебра, то есть в 10 тысяч наших металлических рублей. Лучший нефрит отправляется, как и прежде, из Хотана в Китай; остальной расходуется по городам Таримского бассейна и вывозится в другие страны. Помимо различных поделок из этого камня (табакерки, серьги, блюдца, чашечки, ларчики, мундштуки, кольца и пр.), браслет из него, надетый на руку покойника, предохраняет, по верованию туркестанцев, труп от гниения. Богатые туземцы делают иногда, как нам сообщали, подушку в гробу из того же нефрита, рассчитывая, что чудодейственная его сила станет тогда еще больше.

Повернув с Кэрийской реки вверх по ее левому притоку — Кураб, мы встретили в 5 верстах отсюда небольшую колонию магометан Полу. Всего их 50 семейств, живущих в одной деревне. По своему происхождению это полутибетцы и попали на нынешнее место, как гласит предание, следующим образом.

В давние времена в Западном Тибете существовал обычай выбирать царя и по истечении 10 лет правления умерщвлять его, будь он хороший или дурной правитель — все равно. Один из таких царей, по имени Хатам, незадолго до ожидавшей его горькой участи, убежал с 300 своих приверженцев и основал колонию на верховье Кэрийской реки. Но вскоре монголы напали на это поселение, разорили его и перебили жителей. Спасся только сам Хатам с женой, сыном и двумя дочерьми. Эти беглецы ушли вниз по Кэрийской реке за крайние Тибетские горы и, вступив в браки с мест-

Тучи песка и пыли густо наполнили атмосферу... Палатки наши едва держались; несмотря на все прикрепы, против ветра невозможно было ни двигаться, ни дышать, ни открыть глаза.

ными мачинками, основали нынешнюю колонию Полу. Ее обитатели живут здесь уже в восьмом колене.

По своему наружному типу нынешние полусцы представляют, как и другие восточнотуркестанцы, пеструю смесь физиономий, среди которых преобладает мачинский тип; лишь немногие напоминают собой тибетцев; женщины нередко ходят на киргизок.

Мужчины носят рубашку, панталоны и халат, подпоясанный кушаком; на голове баранья шапка, на ногах сапоги. Женщины имеют такое же одеяние и обувь; только халат обыкновенно цветной (бумажный или шелковый), не подпоясывается; кроме того, голова у женщин или повязана белым покрывалом, или покрывало это спущено на спину; поверх же его надета на голову шапка из белого или черного барашка, у богатых — иногда из меха выдры. Волосы свои замужние женщины (как и все мачинки) заплетают в две косы сзади; девушки носят четыре или шесть кос: две сзади головы, по одной или по две спереди на висках. Как женщины, так и девушки украшают свои головы и шеи ожерельями из камней и другими драгоценностями. Замечательно, что полуски очень долго кормят грудью своих детей: до двух-, даже до трехлетнего, как нам говорили, возраста; поэтому случается, что два младенца сосут одну и ту же мать. По образу жизни и обычаям полусцы почти не отличаются от мачинцев; их же языком и говорят; тибетскую речь совсем забыли. Однако в браки ныне вступают только между собой. Характер описываемого племени веселый; песни, музыка и пляска составляют любимые удовольствия.

В Полу проведены были нами пять суток.

Подобно тому как некогда в Ясулгуне, так и здесь мы вскоре подружились с туземцами.

Дружба наша с жителями Полу вскоре возросла до того, что они дважды устроили для казаков танцевальный вечер с музыкой и скоморохами. На одном из таких балов присутствовал и я со своими помощниками. Местом для залы избран был просторный двор сакли и устан войлоками. Музыка состояла из инструмента вроде гитары, бубна и простого русского подноса, в который колотили по временам. Все гости

сидели по бокам помещения; для нас были отведены почетные места. На середину выходили танцующие — мужчина и женщина. Последняя приглашается кавалером вежливо, с поклоном. Пляска состоит из довольно вялых движений руками и ногами в такт музыки. Зрители выражают свое одобрение криком во все горло; иногда же вдобавок к музыке поют песни. В награду музыкантам собираются деньги на подносе, который, по обычаю, проносят над головами танцующих. Наши казаки также принимали участие в общем веселье и лихо отплясывали по-своему под звуки гармонии; инструмент этот приводил слушающих в восторг. В антрактах танцев появлялись скоморохи: один, наряженный обезьяной; другой — козлом; третий, изображавший женщину, верхом на лошади; выделявали они очень искусные штуки.

Простояв пять суток в колонии Полу и убедившись, что пройти отсюда в Тибет ущельем реки Кураба невозможно, мы двинулись вдоль северного подножия Кэрийского хребта. Без малого целый месяц употреблен был на эту экскурсию, но ее результаты далеко не оправдали наших ожиданий.

Весь путь наш лежал в верхнем поясе предгорий на средней абсолютной высоте от 10 до 11, местами до 12 тысяч футов — словом, возле самой подошвы главного хребта, который высился громадной недоступной стеной. Местность же нашего следования представляла собой холмы или горы, увалы, пади, лога и глубоко врезанные в почву речные ущелья. Последние, в особенности на более значительных речках, сильно затрудняли движение нашего каравана. Притом почти непрерывные дожди многократно увеличивали трудности пути, ибо, кроме постоянной мокроты и сырости, в которой мы пребывали, выюки становились более тяжелыми, крутые спуски скользкими, вода в речках сильно прибывала, единственное же здешнее топливо — аргал, будучи изможенным, не горел. Те же дожди постоянно мешали экскурсиям и съемке, а иногда удерживали нас на одном месте по нескольку суток.

Вообще описываемый эпизод нашего путешествия был настолько затруднителен и неблагоприятен во всех отношениях, что в течение 28 суток мы прошли только 135 верст.

Под стать ко всем невзгодам со стороны трудного характера местности и отвратительной погоды, оказались и наши караванные животные, то есть лошади, нанятые в Кэрии. Никогда не ходившие под вьюком, эти кони то брыкались во время завьючивания, то ложились со вьюком на землю, то во время пути бегали в стороны щипать траву, то наконец, не привыкши лазить по горам, нередко обрывались с кручи. Нескольким лучше шли только те кони, которых вели под уздцы, но для всего каравана набрать вожakov было невозможно. И без того казаки большей частью шли теперь пешком; их же верховые лошади для облегчения собственно вьючных были также завьючены. Притом несколько человек туземцев, отправившихся из Кэрии вместе с нанятыми лошадьми, вскоре совсем раскисли от холода и непогоды; пришлось отпустить их назад и заменить новыми рабочими, но и эти, пробыв несколько дней на дожде, оказались не лучше прежних. Еще счастье наше, что местные жители доставляли нам из подгорных деревень в небольшом количестве дрова, так что можно было сварить чай и пищу, иначе пришлось бы вовсе отказаться от намеченного пути за неимением топлива.

Всего более трудны были, как выше упомянуто, переходы ущелий, которые сопровождают здесь течение каждой горной речки, а при наиболее значительных из этих речек достигают страшной глубины — футов на тысячу или около того. Правда, боковые скаты таких ущелий вне высоких гор большей частью луговые, но они везде очень круты и весьма часто совершенно недоступны; там же, где эти бока принимают несколько пологий откос, спуск и подъем по тропинкам, вьющимся зигзагами, нередко весьма опасны, в особенности для навьюченных животных. Не один раз наши лошади скатывались с крутизны, и одна из них при таком падении убила до смерти. На дне описываемых ущелий также далеко не все обстояло благополучно. Здесь обыкновенно мчится горный поток, переход через который вброд, даже при убылой воде, небезопасен, ибо дно завалено большими, местами огромными валунами и течение крайне быстрое. Если же вода на прибыли, что обыкновенно происходит при не сильном сильном дожде часов с трех пополудни и до утра следующего дня, тогда переправа

совершенно невозможна. Нередко такая высокая вода приходит с гор вдруг валом, и случается, что уносит целыми десятками застигнутый врасплох скот туземцев. Дикую, грандиозную картину представляет в это время подобный поток. Грязные желтовато-серые волны с грохотом бешено мчатся вниз, наскакивают одна на другую и на берег, рассыпаются брызгами или пеной, растирают в песок мелкую гальку и катят громадные валуны. Нам случилось видеть вынесенные из гор в ущелья, вероятно при исключительной прибыли воды, каменные глыбы, страшно сказать, до 10 кубических сажен по объему. По грудам всюду наметанных крупных валунов можно заключить, какое гигантское разрушение творит здесь вода, та самая, которая, пробежав несколько десятков верст вниз, мирно орошает хлебное поле или фруктовый сад туземца.

Все невзгоды нашего трудного теперь пути не окупались хотя бы посредственной научной добычей. Птиц в горах было мало, и они большей частью уже линяли, следовательно, не годились для чучел; немногие звери днем держались в недоступном верхнем поясе гор; цветущих растений, несмотря на лучшую для них пору года, встречалось также очень мало. Притом, как было упомянуто, непрерывные дожди без конца мешали нашим экскурсиям; даже скудную добычу местной флоры и кое-каких птиц невозможно было просушить хотя бы немного. В палатках наших стояла постоянная мокрота; одежда, багаж, вьюки также не просыхали; часовые по ночам промокали до костей; по утрам же приходилось кутаться в шубы, ибо выше 12 до 13 тысяч футов взамен дождя постоянно выпадал снег. Крайне трудно было делать и съемку даже в том случае, когда дождь стихал на короткий срок. В это время со стороны пустыни обыкновенно являлась довольно густая пыль; высокие же горы оставались по-прежнему закутанными в облаках. Если случайно открывались эти горы, то со dna глубоких ущелий иногда нельзя было видеть и засечь нужные вершины или, раз засекши их, приходилось тотчас терять из виду; через несколько же дней, когда снова урывком разъяснявало, обыкновенно невозможно было узнать прежние засечки, ибо панорама гор изменялась с каждым нашим переходом. Более успешным занятием могло

бы быть изучение местных жителей, которые притом были к нам достаточно расположены, но этому также явились помехи: раз — по неимению толкового переводчика, затем вследствие скрытности самих туземцев, а главное потому, что параллельно нашему пути в подгорных деревнях ехали два китайских чиновника, посланные специально для соглядатайства за нами. Эти китайцы приказывали туземцам возможно больше сторониться нас. Тем не менее почти все, что написано выше о горных машинцах, разведано было при настоящей летней экскурсии.

23 июля мы достигли урочища Улук-ачик, которое сделалось крайним западным пунктом нашего движения вдоль Кэрийских гор.

Передневав в урочище Улук-ачик на абсолютной высоте 11200 футов, мы пошли отсюда в оазис Чира.

На первом переходе, вниз по реке Караташу, встретились разработки золота, которые тянутся верст на восемь — десять, как то видно было по старым и новым шахтам. Рабочих летом остается здесь менее сотни человек; осенью же после уборки хлеба в соседних оазисах число этих рабочих возрастает, как говорят, до нескольких сот. На одном из приисков, по имени «Капсалан», мы видели самый способ работы. Золотоносная почва выкапывается в береговых обрывах реки неглубокими (от 2 до 3 сажен) вертикальными или наклонными и недлинными (также лишь в несколько сажен) горизонтальными шахтами. Почву эту таскают даже дети лет десяти в небольших кожаных мешках к реке, где производится промывка. Для этого от быстро текущей воды отводится маленькая канавка, куда воду можно пускать по произволу. На дно такой канавки насыпают сначала тонкий слой лёссовой глины и сверх нее от 5 до 10 пудов золотоносной почвы, затем пускают воду и деревянными граблями, а также чекменем взмешивают насыпанную почву так, чтобы вода уносила крупную гальку и щебень; мелкие же камешки, песок и золото остаются на дне канавки. Спустя немного эту последнюю плотно закладывают в вершине — и вода сразу пропадает. Тогда собирают со дна в большую деревянную конической формы чашку уцелевший остаток почвы и легонько промывают его в реке. Земля и щебень уно-

сятся водой; крупинки же золота остаются в воронкообразном углублении на дне чашки; самородков, как говорят, не бывает. Вообще описываемый прииск считается более бедным, чем Соргак и Копá, лежащие в Русском хребте.

По приходе в Чира мы устроили свой бивуак в западной части оазиса, в тени абрикосовых деревьев. Летняя наша экскурсия теперь была окончена. В продолжение ее, то есть в июне и июле, мы обошли 450 верст. За наемных лошадей пришлось заплатить около 900 рублей на наши деньги.

После одних суток отдыха Роборовский и Козлов с переводчиком и двумя казаками отправлены были в Кэрию за нашим там складом и верблюдами. Я же остался с прочими казаками в Чира и занялся пополнением краткого отчета о путешествии нынешнего года.

Жара, которую мы встретили вскоре по выходе из гор, теперь еще увеличилась, хотя все-таки в самом оазисе не было наблюдаемо более $+35,3^{\circ}$ в тени и $+68,5^{\circ}$ в песчаной почве. Утомительно действовала на организм высокая температура еще потому, что она стояла день в день, да и ночи не давали прохлады. Притом купаться было негде, ибо вся вода из Аши-дарьи расходилась по арыкам; случалось даже, что ее не хватало местным жителям. Последние, несмотря на свой кроткий характер, иногда вступали из-за той же воды между собой в драку; только драки эти, по выражению казаков, были «не настоящие».

Теперь, то есть в начале августа, персики в Чира большей частью поспели, дыни также; винограда и арбузов было еще мало. Дешевизна фруктов здесь поразительная. Так, на одну теньге, то есть на наш гривенник, мы покупали 220 отличных персиков, и одну также теньге платили за чарык ($18\frac{3}{4}$ фунтов) винограда; дыни и в особенности арбузы продавались несколько дороже.

Через восемь суток вернулись наши посланцы, ездившие в Кэрию. С ними прибыли в исправности верблюды, казаки и остававшийся на лето багаж. Компасная съемка пройденного пути была сделана Роборовским. Расстояние от Чира до Кэрии оказалось 85 верст. Специально колесного

пути здесь нет; но на колесах можно проехать довольно удобно; изредка проходят туземные арбы.

* * *

С прибытием в оазис Чира верблюдов, багажа и казаков, остававшихся летом на складе, экспедиция наша опять собралась воедино. Близился самый конец путешествия, так как, согласно давнишнему плану, мы должны были теперь идти в Хотан, затем вниз по Хотанской реке на Аксу и далее за Тянь-шань в родные пределы.

Пересортировка вьюков и разные мелочи по снаряжению задержали нас в Чира еще на несколько дней. Да и спешить особенно не следовало, ибо по Хотанской реке, как туземцы единогласно уверяли, идти почти невозможно ранее сентября, когда спадет окончательно летняя вода, полегчают жары и уменьшатся тучи комаров. Наконец 16 августа мы тронулись в путь. Почти все верблюды шли под вьюком; для казаков же наняты были до Хотана верховые лошади.

Ввиду сильных жаров, которые еще день в день стояли, и невозможности при такой погоде идти вниз по Хотанской реке, мы решили провести целую неделю в восточной окраине оазиса Сампула на болотистом урочище Кутас, где можно было с удобством наблюдать усилившийся теперь осенний пролет птиц. Вышеназванное урочище лежит недалеко к югу от большой кэрийско-хотанской дороги и представляет собой довольно обширную солончаковую площадь, обильно поросшую тростником, местами же покрытую болотами, образующими, как и при всех почти оазисах, сток воды, их орошающей. Только болота этого рода совершенно не походят на наши, ибо перегноя в них нет вовсе; взамен его лежит тонкий слой размокшей и липкой лёссовой почвы. Водяным и голенатым птицам здесь мало поживы; но они при своих перелетах поневоле временно останавливаются на таких местах, за неимением лучших. Кроме тростника, который всюду теперь жали туземцы для зимнего корма скота, на том же урочище росли стелющийся по влажной солончаковой глине ситовник, жабик, сизозеленка, одуванчик — словом, обыкновенные представители здешней болотной флоры.

Река Хотанская неудобна для осеннего по ней пролета птиц: раз — потому, что в большей части своего течения в это время совершенно безводна; затем не имеет по берегам озер или болот; наконец, в туграковых здесь лесах и в джангалах нет ягод и очень мало насекомых (кроме комаров, а летом оводов) для пищи мелких птичек. На Яркендской же реке, обильной водой и более подходящей по своему направлению для пролетных из котловины Тарима птиц, мы застали еще 7 октября валовой пролет серых гусей, частью уток и бакланов; встречались еще в это время здесь и чайки. Пролетают ли осенью в достаточном числе вверх по той же реке мелкие птички — не знаю. Вернее, что главный их путь лежит еще западнее.

Проведя неделю в урочище Кутас, мы направились отсюда в Хотан, до которого осталось только 20 верст. Весь этот путь лежал сплошными оазисами — сначала Сампула, а потом Юрун-каш. Наружный их вид был тот же, что и для всех здешних оазисов, — глиняные сакли, мало заметные в сплошной зелени; глиняные же возле них заборы; арыки, обсаженные деревьями; сады, огороды; наконец миниатюрные поля, засеянные теперь исключительно кукурузой, изредка хлопком. Ячмень и пшеница сжаты были еще в середине лета. На месте первого вторично засеивается кукуруза; на пшеничном же поле сеют просо или редьку. Задержкой весенних посевов служит здесь неимение воды, которая в достаточном количестве является лишь с половины мая. Урожай, по словам туземцев, бывает двенадцать и ячменя сам-десять — шестнадцать, для кукурузы сам-двадцать — тридцать. Однако цифры эти, вероятно, уменьшены против действительности. Возле жилых саклей нередко устроены небольшие цветники, иногда же беседки из тыквы; кроме того, цветы (бархатцы, астры) сажают на крышах саклей, по заборам, над воротами, даже на глиняных стойках мелочных лавок. Благодатный лёсс всюду доставляет пригодную для того почву. Невысокие глиняные заборы обыкновенно огораживают лишь сакли и сады; поля же, хотя бы возле больших проезжих дорог, остаются открытыми. Помимо кукурузы, на них местами мы видели теперь зрелые арбузы и дыни, которых, однако, никто здесь не ворует. Но изредка попадались нам сакли, где глиня-

ный забор сверху был густо убран колючими ветками джиды. На вопрос: «К чему это?» — туземцы объясняли, что подобную защиту делают хозяева, имеющие красивых молодых жен, на верность которых особенно не могут полагаться.

Перейдя реку Кара-усу, мы вступили в пределы Хотанского округа, именно в оазис Юрун-каш, лежащий, как и Сампула, на правой стороне реки того же имени. Юрун-каш считается городом, и здесь имеется довольно большой базар, через который нам пришлось проходить. Тянется этот базар почти на версту вдоль большой кэрийско-хотанской дороги; устройство его одинаково, как и в других здешних оазисах. Именно, по обе стороны дороги, или улицы, шириной не более как $1\frac{1}{2}$ —2, реже 3 сажени, тянутся два ряда тесно скученных маленьких глиняных саклей, или, вернее, конур, — это лавки. Впереди каждой из них под небольшим навесом возвышается из лёссовой же глины небольшой прилавок, на котором собственно и продаются товары. Иногда базары бывают осенены деревьями; там же, где деревьев нет, делается на всю ширину продольной улицы покрывка из тростниковых рогож, положенных на поперечные жерди; кроме того, в жаркое время базар поливается водой.

Торговля на таких базарах, даже больших, как, например, в Хотане (в магометанском городе), до крайности мелочная: в одной лавчонке сидит продавец с десятком дынь и арбузов, маленькой кучкой персиков или каких-либо овощей; в другой высыпано на мешках по пуду, или того менее, пшеницы, риса, кукурузы, несколько пригоршней каких-то семян, связка чеснока, сушеные абрикосы, шептала¹ и изюм; в третьей продаются пирожки, пельмени, суп, жареное мясо, — все это тут же и стряпают; в четвертой выставлено несколько фунтов белого сахара, рядом с которым лежат — стручковый перец, табак и зажигательные спички; в пятой разложена кучка железного хлама, и при нем работает кузнец; в шестой продают и тут же шьют сапоги; в седьмой висит баранья туша; в восьмой торгуют меховыми шапками, халатами и другой одеждой — как мужской, так и женской; в девятой разложены русские красные товары — ситцы, кумач, плис, тесемки

и т. п.; в десятой продаются серебряные браслеты, серьги, кольца, гребенки, зеркала, румяна, пудра и другие принадлежности женского туалета; в одиннадцатой сидит цирюльник, совершающий публично свои операции — подстригание усов и бороды, а также бритье головы или волос в ноздрях и ушах; в двенадцатой продают глиняную посуду и сухие тыквы для воды; словом, до последней лавчонки все в том же роде. Кроме того, по базару снуют разносчики с разными мелочами (булki, фрукты, спички и т. п.) и выкрикивают о своих товарах; другие же предлагают за 2—3 пула¹ покурить готовый кальян. Торгуют в Восточном Туркестане не одни мужчины, но нередко и женщины. Цен больших здесь не запрашивают. Толкотня всегда на базарах невообразимая. Для туземцев они представляют настоящий клуб, где передаются все новости. Многие приходят даже издалека исключительно затем, чтобы поболтать и узнать что-нибудь новенькое.

Река Юрун-каш, которая отделяет оазис того же имени от собственно Хотана, или Ильчи, и через которую нам пришлось теперь (29 августа) перейти, была уже при малой воде. Поперечник всего русла, занятого галькой и булыжником, здесь около версты. Сама река имела сажен пятнадцать в ширину, глубину брода в 2 фута, воду светлую и течение быстрое; местами та же река суживалась еще вдвое, местами обрзовывала довольно глубокие омуты.

Теперь о Хотане.

Этот обширный оазис, знаменитый еще в глубокой древности по своему торговому и политическому значению, лежит на абсолютной высоте 4400 футов и орошается водой двух рек: Юрун-каша и Кара-каша, соединяющихся верст за сотню ниже в одну реку, называемую Хотан-дарья. Кроме деревенских поселений, тот же оазис состоит из трех городов: собственно Хотана, или Ильчи, Юрун-каша и Кара-каша. Первый из них, наиболее обширный, служащий местопребыванием администрации всего округа, лежит на левом берегу реки Юрун-каша; второй, наименьший, расположен насупротив его, на правом берегу той же реки; наконец, третий находится в западной части описываемого оазиса на левом

¹ То есть персики. (Примеч. редактора.)

¹ Пул — единица денежного обращения в Кашгарии. (Примеч. редактора.)

берегу реки Кара-каша. Во всех трех городах туземцы считают до 15 тысяч дворов — цифра, мне кажется, значительно преувеличенная. Невозможно было также добыть достоверных сведений и относительно числа всего населения Хотанского оазиса. Нас уверяли, что количество этого населения ныне достигает 650 тысяч душ обоого пола. Другие же туземцы говорили, что при переписи во времена Якуб-бека в Хотанском оазисе было насчитано 237 тысяч человек. Последняя цифра, вероятно, ближе к истине, но меньше действительности. Мне кажется, что нынешнее население всего Хотанского оазиса можно определить около 300 тысяч душ обоого пола.

Земледелие в Хотанском оазисе весьма развито. Сеют здесь всего более кукурузу, в меньшем количестве рис, пшеницу, ячмень и другие хлеба. Однако местной жатвы не хватает для годового продовольствия населения, так что хлеб доставляется еще из других оазисов, всего более рис из Аксу и Куча. Частью поэтому, частью вследствие спекуляций кулаков как хлеб, так и вообще жизненные продукты в Хотане гораздо дороже, чем, например, в Чире или даже в соседнем Сампуле. Хлопка в том же Хотане сеют немного; притом здешний хлопок, как нам говорили, не отличается добротой — волокно у него мелкое, грубое и синеватого цвета; объясняют это действием воды. Привозный хлопок доставляется из Куча, Аксу и Кашгара.

В садах описываемого оазиса фрукты растут хорошо. Помимо абрикосов, персиков и пр., здесь достаточно гранатов и много хорошего винограда, которого различают пять сортов. Его едят в свежем виде, несравненно же более сушат; делают также изредка вино, но плохого, как мы слышали, качества. Шелководство в Хотане процветает более, нежели в других местностях Восточного Туркестана, не исключая и Яркенда. Из шелка готовят здесь разные ткани: шаи, дарая, машруп (полушелковые), ковры и др. Кроме того, в Хотане развито шерстяное производство (войлоки, ковры, дака и пр.), а также выделка медной посуды и туземных музыкальных инструментов. Однако обрабатывающая промышленность только кустарная; лишь для тканья шелка некоторые держат рабочих, иногда десятка два или более. Горная промышленность незначи-

тельна и ограничивается небольшими работками золота да нефрита в Карагатаге.

Утром 5 сентября мы двинулись в путь. Хотанский амбань выехал нас проводить, но в воротах Янги-шара его верховая лошадь испугалась салютных выстрелов и сбросила седока; амбань ушиб себе ногу и должен был вернуться; вместо него проводжатыми были несколько китайских чиновников.

Во время следования вниз по Юрункушу нам часто встречались небольшие партии вьючных ослов, которые возят верст за семьдесят в Хотан на продажу дрова, а также тростник и пух растения куга, или палочника. Этот пух употребляется в смеси с известью для штукатурки, как говорят, очень прочной.

Течет Юрун-каш в своем низовье весьма извилисто, поэтому дорога, обходящая излучины реки, также извилиста; местами она размыта водой, так что приходится идти без тропы по кустарным и туграковым зарослям. Зимой, когда вода и зыбучий песок замерзают, можно проходить напрямик как по плесу Юрун-каша, так и Хотан-дарьи. Тогда путь от Аксу до Хотана сокращается на пять суток. Караваны ходят здесь часто.

Хотанская река получает свое название после соединения между собой рек Юрун-каша и Кара-каша при урочище Кош-лаш. Западная ветвь, то есть Кара-каш, приходит в таримскую котловину также с Тибетского плато, орошает соименный оазис, находящийся в непосредственной связи с оазисом хотанским, и затем, до вышеупомянутого слияния, пробегает сыпучими песками. Здесь новая река имеет тот же характер и тот же почти размер, как Юрун-каш, по которому мы теперь шли. Длина всей Хотан-дарьи 260 верст; направление к северу почти меридиональное; средний наклон русла немного более 3 футов на версту; окрестности — песчаная пустыня. Главную характеристику реки, по крайней мере большей ее части, составляет, странно сказать, безводие, за исключением только летних месяцев.

По соединении Кара-каша с Юрун-кашем новая река не увеличивается против последнего в своих размерах и по-прежнему держит плес от $\frac{1}{4}$ до 1 версты в поперечнике. По этому песчаному, часто зы-

бучему плесу русло Хотан-дарьи во время малой воды, каковая была здесь при нас, извивалось узкой речкой — от 5 до 6, местами до 10 сажен шириной при глубине в $\frac{1}{2}$ фута, иногда и того менее, кое-где под невысокими берегами плеса стояли вырытые еще летней водой небольшие, но изредка глубокие омуты. Так было на протяжении 52 верст до Мазар-тага — невысокого и узкого горного хребта, упирающегося в левый берег той же Хотан-дарьи. Ниже этих гор описываемая река еще более уменьшилась и наконец верст через двадцать пять совершенно иссякла.

Болот или озер по всей долине Хотан-дарьи нигде нет, хотя бы самых небольших.

От южного края урочища Беделик-утак заметное русло Хотан-дарьи теряется в песчаном плесе. Притом река образует своими прежними плесами довольно частые, иногда большие лесистые острова. Вследствие этого поперечник между крайними песками долины становится шире. Впрочем, на Хотанской реке кайма сыпучих песков не так резко обозначена, как на Черчен-дарье, и туграковые деревья иногда довольно далеко заходят в те же пески. Направление Хотан-дарьи в районе ее низовья по-прежнему северное. Вода бывает здесь лишь в течение трех летних месяцев. С Таримом наша река соединяется при урочище Торлык, верстах в двадцати ниже слияния рек Яркендской и Аксуйской.

Оседлых жителей по Хотан-дарье нигде нет; не видали мы здесь даже и пастухов со стадами. Хотано-аксуйский путь, как выше было говорено, направляется осенью, зимой, да, вероятно, и весной, по сухому плесу описываемой реки, летом же — по береговой тропинке. Однако в летний период здесь почти не ходят, ибо тогда жара в этой местности нестерпимая и леса кишат мошками, комарами, оводами, клещами, скорпионами и тарантулами — ад для путника настоящий. Говорят, что даже звери в это время укрываются в пески, чтобы избавиться от невыносимых насекомых.

Животная жизнь на Хотанской реке (как и во всей котловине Тарима) бедна разнообразием видов. Из млекопитающих здесь держатся марал, тигр, дикая кошка, кабан, лисица, волк, хара-сульта (редко), заяц, степная крыса, песчанка и мышь. Из оседлых птиц найдены фазан, саксаульная

сойка, саксаульный воробей, дятел и черная ворона; из птиц пролетных несколько чаще встречались нам лишь славка, черногорлый чеккан и черногорлый дрозд. Из пресмыкающихся найдены были два вида ящериц и один вид змеи. Рыбы вовсе не было даже по уцелевшим от летней воды омуткам.

Окрестности той же Хотанской реки представляют собой песчаную пустыню, протянувшуюся к западу до реки Яркендской, а к востоку — до Лоб-нора и нижнего Тарима.

Выйдя на Хотан-дарью, мы направились вниз по ней береговой тропинкой, то довольно наезженной, то чуть заметной — где эта тропинка вновь проложена для обхода береговых размывов при высокой летней воде. То же самое встречалось и на Юрункаше вниз от Тавек-кэля. Вообще от названного оазиса до восточного мыса гор Мазар-таг или немного далее идти с караваном было затруднительно; раз — по самому характеру местности, а во-вторых, по случаю непрекращавшихся дневных жаров. Последние, несмотря на вторую половину сентября, день в день стояли около $+25^{\circ}\text{C}$ и выше в тени; при ясном теперь небе солнце жгло, как огонь, в здешнем крайне сухом воздухе. Ради такой жары множество еще было комаров, невыносимо все время нас донимавших, и клещей, которые кучами впивались в голые пахи верблюдов. Можно себе представить, каково бывает здесь летом для проходящих путников. Недаром один из них излил свою скорбь в надписи, виденной нами на обтесанном стволе туграка. Эта надпись категорически гласила: «Кто пойдет здесь летом в первый раз — сделает это по незнанию; если вторично отправится — будет дурак; если же в третий раз захочет идти — то должен быть назван кафиром¹ и свиньей». К счастью, перепавшие уже теперь небольшие ночные морозы давали возможность хорошо отдохнуть ночью, хотя, с другой стороны, слишком резкие переходы к высокой дневной температуре могли невыгодно отзываться на здоровье.

В последних числах сентября неотступная дневная жара, длившаяся в продолжение почти всего этого месяца, прекратилась; после небольшой бури атмосфера сделалась облачной и наполнилась густой

¹ Кафир — неверный, немусульманин. (Примеч. редактора.)

пылью. Идти теперь было прохладно, но уже недалеко оставалось и до Тарима. Незадолго до сворота хотанской дороги к переправе через эту реку нас встретил торговый аксакал из Аксу и с ним двое киргизов, вожатых от новых верблюдов, высланных для нашего каравана к названному городу из пределов Семиреченской области.

Расставаясь теперь с Хотанской рекой, а вскоре и со всем бассейном Тарима, не лишним будет подробнее рассказать о самом замечательном звере здешней местности, о котором вскользь упоминалось на предыдущих страницах. Речь идет о тигре.

Эта «царственная кошка» в районе наших путешествий по Центральной Азии найдена была лишь в Чжунгарии и Восточном Туркестане. В первой тигры довольно обыкновенны по долине реки Или; затем спорадически попадаются в тростниковых зарослях к северу от Тянь-шаня, как, например, возле города Шихо, или на болоте Мукуртай и в других местах; но вообще в Чжунгарии тигров немного. Несравненно обильнее этот зверь в Восточном Туркестане, где обширные джангалы представляют ему надежное убежище; теплый же климат, обилие кабанов и домашнего скота обеспечивают привольную жизнь. Возле больших оазисов, как, например, Хотан, Чира, Кэрия и другие, в окрестностях которых густые заросли большей частью истреблены, описываемый зверь почти не встречается. Всего же более тигров в таримской котловине по самому Тариму, затем в Лоб-норе, а также по рекам: Хотанской, Яркендской и Кашгарской. Ростом здешний тигр, называемый туземцами джувльбарс, не уступает своему индийскому собрату. мех же зверя представляет середину между короткой шерстью тигра тропических стран и довольно длинным густым волосом экземпляров из Амурского края.

Подобно большей части хищных зверей, тигр, как известно, избирает ночь для своей деятельности. Днем он лежит в джангале и только в исключительных случаях, при сильном голоде или в удаленности от жилья человеческого, выходит на добычу. Обыкновенно же отправляется на свои поиски при закате солнца и рыщет всю ночь до утра. Ходит весьма осторожно — прутика не ломает, в густом тростнике пробирается, как змея, голову держит вниз, об-

нюхивает почву и лишь изредка настораживается, осматриваясь по сторонам. Заметив добычу, артистически подкрадывается к ней и делает огромный (до 7 сажен, по уверению туземцев) прыжок, иногда другой поменьше и третий еще короче; более трех прыжков не бывает, ибо зверь устает, по объяснению лобнорцев. Не пойманную сразу добычу, что, впрочем, случается редко, тигр не преследует. Не знаю, насколько верно, но лобнорские охотники уверяли нас, что тигр иногда подражает голосу марала, зовущего свою самку, и таким образом старается обмануть осторожного зверя.

Любимую пищу того же тигра составляют кабаны, затем коровы и бараны местных жителей. Если скот загнан на ночь в глиняную или тростниковую загородь, то описываемый зверь нередко забирается туда и вытаскивает свою добычу. Кроме того, тигр изредка ловит маралов, а при голоде — зайцев, даже молодых гусей и уток. Слышали мы также, что в желудке экземпляров, убиваемых летом, случалось находить рыбы кости. С пойманной добычей тигр нередко сначала играет, подбрасывая ее вверх и в стороны, как то делают домашние кошки. Если добыча слишком велика, например лошадь или бык, то зверь оставляет ее на месте излова; в противном случае утаскивает и прячет в гущине. За исключением сильного голода, тигр не приступает тотчас же к еде, но дает трупу остынуть. Приходит его есть или на закате солнца (вдали от жилья), или, гораздо чаще, ночью; к остаткам возвращается и в следующие ночи, если их не успеют дочиста съесть волки; падали вовсе не трогает.

По общим отзывам туземцев Восточного Туркестана, на людей тигр здесь не нападает даже при голоде; встретив же человека, обыкновенно делает вид, будто его не замечает, и потихоньку отходит в сторону. Будучи раненым, зверь бросается на стрелка, схватывает его за что попало зубами и тербит лапами. Лобнорские охотники говорят, что тигр вообще мало вынослив на рану и иногда бывает убит одной пулей их малокалиберных фитильных ружей. Однако эти охотники лишь в исключительных случаях стреляют описываемого зверя, да и то обыкновенно из безопасной засадки или если случится загнать его в воду. Всего же чаще здесь отравляют тиг-

ра (челебухой) на задавленной им скотине.

Голос царственного зверя — отрывистый, довольно громкий, неприятный звук, иногда повторяемый несколько раз сряду. Впрочем, тигр издает свой голос редко, обыкновенно рассердившись, например, когда ушла добыча. Ранней весной тигрица щенит от двух до четырех, реже — до шести котят; в последнем случае, как замечают туземцы, сама мать съедает двух своих детенышей. Молодые остаются при матери, пока порядочно подрастут и научатся сами ловить добычу.

Мне лично при многократных охотах за тиграми как в Восточном Туркестане, так и в Уссурийском крае ни разу не удалось даже выстрелить по этому зверю. Отыскать его днем без большой облавы — дело редкого случая. Тем более, что тигр, о котором, как известно, без числа рассказываются всякие страхи, в действительности весьма боится охотника и обыкновенно старается уйти незамеченным. Приходилось мне также несколько раз караулить описываемого зверя ночью, но опять-таки безуспешно. Хотя подобный способ охоты более верный, но и более опасный, ибо даже в лунную ночь невозможно быть уверенным в меткости выстрела.

Вот несколько случаев, сообщенных нам лобнорскими охотниками об их охотах за тигром.

Однажды этот зверь задавил на Лобноре корову. Возле нее тотчас были насторожены четыре лука со стрелами. Ночью, когда тигр пришел к своей добыче, одна из стрел попала в переднюю часть его тела и увязла там. Зверь убежал. Утром следующего дня местный охотник случайно набрел на след раненого тигра и отправился его отыскивать. Пройдя немного, он увидел зверя, лежавшего в тростнике. Не успел еще стрелок поставить свое фитильное ружье на сошки, как тигр бросился к нему и схватил за левую руку. По счастью, стрела, сидевшая в ране, случайно уперлась в грудь несчастного своим свободным концом и через это,

вероятно, причинила зверю столь сильную боль, что он тотчас оставил охотника, даже не переломив ему руки. Большой пролежал с полмесяца и выздоровел.

Несколько лет тому назад в деревне Ахтарма на Тариме тигр повадился каждую ночь таскать баранов из загона. Наглость зверя дошла до того, что однажды он забрался в загон уже утром, когда скот еще не был выпущен, задавил барана и, вероятно, от голода принялся тотчас его есть. Двое таримцев с ружьями прибежали к загону. Тигр, увидав людей, кинулся на них, схватил одного за голову и оторвал ее. Другой охотник тем временем успел скрыться.

Однажды таримцы положили отраву в задавленную тигром корову. Зверь ночью съел отравленное мясо и ушел. Двое охотников — отец с сыном — пошли утром его следить. Близко набрали они на одуревшего, однако еще живого тигра, но не успели выстрелить, ибо он бросился на охотников, схватил ближайшего, именно отца, зубами и обнял лапами. Видя неминуемую гибель своего родителя, сын со всего размаха ударил зверя по спине длинным и увесистым ружьем. Получив сильный удар и ранее того ошеломленный отравой, тигр оставил жертву и скрылся в тростнике, где вскоре издох. Измятый же охотник, несмотря на сильные раны, выздоровел, хотя и болел довольно долго.

Иногда лобнорцы устраивают на тигра

облавы. Однажды при такой облазе шесть человек стрелков разместились на узкой прогалине между тростником. Сначала все храбрились, но когда дело стало близиться к развязке, то, по собственному потом признанию, сильно трусили. Один из тех же стрелков убоился до того, что, несмотря на холод (дело было зимой), снял халат и повесил его повиднее на тростник, рассчитывая, что тигр бросится на этот халат вместо человека. Несколько загонщиков были посланы кричать с противоположной стороны тростниковой площадки. Спугнутый тигр неслышно (был ветер) подошел к самым охотникам, как раз к тому месту, где висел халат, и в один мах перепрыгнул прогалину, занятую стрелками. Никто из них стрелять, конечно, не успел; халат же во время прыжка зверя свалился на землю. Увидев это, фланговые охотники, не знавшие о подобном ухищрении своего товарища, думали, что тигр смял его под себя и с испугом прибежали на помощь. Окончилась эта история общим хохотом, тигр же ушел благополучно.

Однажды лобнорцы застали тигра в тростнике, окруженном со всех сторон водой, так что зверю, куда бы он ни направился, приходилось плыть. Несколько охотников засели на противоположной стороне воды; другие пугнули тигра, который, нужно заметить, очень хорошо плавает. Зверь как раз поплыл на стрелков. Последние, увидав это, до того испугались, что вовсе не думали стрелять; один же спрятался в воду вместе со своим ружьем. Тигр переплыл пролив и ушел в тростник. В другой раз осенью лобнорцы загнали тигра в холодную воду, изморили его там на лодках и убили.

По словам тех же лобнорцев, весной и осенью, когда проваливается лед, тигр весьма боится по нему ходить, держится где-либо в одном месте, питаясь кабанами, если они есть, а то и голодая до полного замерзания или вскрытия воды.

7 октября мы вышли на берег Тарима и тотчас же переправились в несколько приемов на другую его сторону на плашкоуте, выстроенном еще при Якуб-беке. Переправа эта находится как раз возле того места, где реки Яркендская и Аксуйская сливаются между собой. Первая притекает от юго-запада, с ледников Мус-тага; вторая — от северо-запада, с ледников Тянь-шаня. Хотя

Аксуйская река гораздо короче Яркендской, но при устье многоводней и идет двумя рукавами по плесу в полверсты или более шириной. Яркендская же река здесь не имеет такого широкого плеса, зато, как говорят, глубже.

Сам Тарим не идет здесь корытообразным руслом, как в нижнем своем течении. Высота берегов этой реки в окрестностях переправы не более, чаще менее, 1 сажени над малой водой; притом берега беспрепятственно обваливаются и подмываются.

Проведя двое суток возле таримской переправы, мы пошли в оазис Аксу. Дорога, возможная, хотя с трудом, и для колесной езды, направляется вверх по левому берегу Аксуйской реки на расстоянии от нее нескольких верст. В немного большем отдалении справа от нас, то есть с востока, виднелись сыпучие пески, которые тянутся довольно далеко к северо-западу вдоль культурной полосы Аксуйского оазиса, а также и вниз по Тариму.

Город Аксу, куда мы пришли 16 октября и устроились бивуаком на уч-турфанской дороге, расположен при абсолютной высоте 3300 футов. Вода сюда доставляется речкой; быть может, даже арыком Танакак-су; Аксу-дарья (главное ее русло) лежит верстах в пятнадцати западнее. Кроме старинного мусульманского города, в Аксу находятся еще два небольших, обнесенных высокими стенами города китайских: Арсук, или Янгишар, и Китай-шари.

Выступив из Аксу, мы сделали небольшой переход по местности, по-прежнему просторно населенной, и остановились дневать на берегу Аксу-дарьи, где в густых зарослях облелихи встретилось много фазанов, а также зимующих горихвосток; здесь же впервые был найден обыкновенный в нашем Туркестане испанский воробей; кроме того, попадались зимующие черные дрозды, корольки, кряковые утки и другие птицы.

Аксуйская река была пройдена нами вброд, имевший теперь, при самой малой воде, около 3½ футов глубины; ширина главного русла простиралась до 25 сажени; течение очень быстрое, вода светлая. Летом река, как говорят, заливают весь свой плес, усеянный мелкой галькой и имеющий здесь около версты в поперечнике; переправа тогда производится на пароме.

На западной стороне Аксу-дарьи опять

потянулись деревни, сначала по обе стороны уч-турфанской колесной дороги, затем лишь слева от нее; справа же раскинулся пустырь. Так продолжалось до реки Таушкан-дарьи, которую мы перешли вброд. Глубина его была 3 фута, ширина речного русла около 25 сажен, течение быстрое, вода светлая; летом перевозят здесь на пароме. За Таушкан-дарьей население появилось опять по обе стороны дороги, пройдя по которой 7 верст мы вступили при деревне Танагач в пределы оазиса Уч-турфан.

Справа и слева Таушкан-дарьи горы теперь значительно к ней придвинулись. Перейдя названную реку, мы направились в ущелье Уй-тал, по которому лежит дорога на перевал Бедель. Местность до этого ущелья на протяжении около 30 верст нашего пути представляла безводную и бесплодную, довольно круто от гор покатую галечную равнину.

Переходом через Бедель, где, как известно, пролегает теперь пограничная черта России с Китаем, закончилось нынешнее наше путешествие в Центральной Азии.

В тот же день я отдал по своему маленькому отряду следующий прощальный приказ:

«Сегодня для нас знаменательный день: мы перешли китайскую границу и вступили на родную землю. Более двух лет минуло с тех пор, как мы начали из Кяхты свое путешествие. Мы пускались тогда в глубь азиатских пустынь, имея с собой лишь одного союзника — отвагу; все остальное стояло против нас: и природа и люди. Вспомните — мы ходили то по сыпучим пескам Ала-шаня и Тарима, то по болотам Цайдама и Тибета, то по громадным горным хребтам, перевалы через которые лежат на заоблачной высоте... Мы выполнили свою задачу до конца — прошли и исследовали те местности Центральной Азии, в большей части которых еще не ступала нога европейца. Честь и слава вам, товарищи! О ваших подвигах я поведаю всему свету. Теперь же обнимаю каждого из вас и благодарю за службу верную — от имени науки, которой мы служили, и от имени родины, которую мы прославили...»

Версты в километрах
1 верста = 1,0668 километра

Версты		1	2	3	4	5	6	7	8	9
		1,067	2,134	3,200	4,267	5,334	6,401	7,468	8,534	9,601
10	10,668	11,735	12,802	13,868	14,935	16,002	17,069	18,136	19,202	20,269
20	21,336	22,403	23,470	24,536	25,603	26,670	27,737	28,804	29,870	30,937
30	32,004	33,071	34,138	35,204	36,271	37,338	38,405	39,472	40,538	41,605
40	42,672	43,739	44,806	45,872	46,939	48,006	49,073	50,140	51,206	52,273
50	53,340	54,407	55,474	56,540	57,607	58,674	59,741	60,808	61,874	62,941
60	64,008	65,075	66,142	67,208	68,275	69,342	70,409	71,476	72,542	73,609
70	74,676	75,743	76,810	77,876	78,943	80,010	81,077	82,144	83,210	84,277
80	85,344	86,411	87,478	88,544	89,611	90,678	91,745	92,812	93,878	94,945
90	96,012	97,079	98,146	99,212	100,279	101,346	102,413	103,480	104,546	105,613
100	106,680	107,747	108,814	109,880	110,947	112,014	113,081	114,148	115,214	116,281

Сажени в метрах
1 сажень = 2,1336 метра

Сажени		1	2	3	4	5	6	7	8	9
		2,13	4,27	6,40	8,53	10,67	12,80	14,94	17,07	19,20
10	21,34	23,47	25,60	27,74	29,87	32,00	34,14	36,27	38,40	40,54
20	42,67	44,81	46,94	49,07	51,21	53,34	55,47	57,61	59,74	61,87
30	64,01	66,14	68,28	70,41	72,54	74,68	76,81	78,94	81,08	83,21
40	85,34	87,48	89,61	91,74	93,88	96,01	98,15	100,28	102,41	104,55
50	106,68	108,81	110,95	113,08	115,21	117,35	119,48	121,62	123,75	125,88
60	128,02	130,15	132,28	134,42	136,55	138,68	140,82	142,95	145,08	147,22
70	149,35	151,49	153,62	155,75	157,89	160,02	162,15	164,29	166,42	168,55
80	170,69	172,82	174,96	177,09	179,22	181,36	183,49	185,62	187,76	189,89
90	192,02	194,16	196,29	198,42	200,56	202,69	204,83	206,96	209,09	211,23
100	213,36	215,49	217,63	219,76	221,89	224,03	226,16	228,30	230,43	232,56

Фу́ты в метрах
1 фут = 0,3048 метра

Фу́ты		1	2	3	4	5	6	7	8	9
		0,30	0,61	0,91	1,22	1,52	1,83	2,13	2,44	2,74
10	3,05	3,35	3,66	3,96	4,27	4,57	4,88	5,18	5,49	5,79
20	6,10	6,40	6,71	7,01	7,32	7,62	7,92	8,23	8,53	8,84
30	9,14	9,45	9,75	10,06	10,36	10,67	10,97	11,28	11,58	11,89
40	12,19	12,50	12,80	13,11	13,41	13,72	14,02	14,33	14,63	14,94
50	15,24	15,54	15,85	16,15	16,46	16,76	17,07	17,37	17,68	17,98
60	18,29	18,59	18,90	19,20	19,51	19,81	20,12	20,42	20,73	21,03
70	21,34	21,64	21,95	22,25	22,56	22,86	23,16	23,47	23,77	24,08
80	24,38	24,69	24,99	25,30	25,60	25,91	26,21	26,52	26,82	27,13
90	27,43	27,74	28,04	28,35	28,65	28,96	29,26	29,57	29,87	30,18
100	30,48	30,78	31,09	31,39	31,70	32,00	32,31	32,61	32,92	33,22

Дю́ймы в сантиметрах
1 дюйм = 2,54 сантиметра

Дю́ймы		1	2	3	4	5	6	7	8	9
		2,54	5,08	7,62	10,16	12,70	15,24	17,78	20,32	22,86
10	25,40	27,94	30,48	33,02	35,56	38,10	40,64	43,18	45,72	48,26
20	50,80	53,34	55,88	58,42	60,96	63,50	66,04	68,58	71,12	73,66
30	76,20	78,74	81,28	83,82	86,36	88,90	91,44	93,98	96,52	99,06
40	101,60	104,14	106,68	109,22	111,76	114,30	116,84	119,38	121,92	124,46
50	127,00	129,54	132,08	134,62	137,16	139,70	142,24	144,78	147,32	149,86
60	152,40	154,94	157,48	160,02	162,56	165,10	167,64	170,18	172,72	175,26
70	177,80	180,34	182,88	185,42	187,96	190,50	193,04	195,58	198,12	200,66
80	203,20	205,74	208,28	210,82	213,36	215,90	218,44	220,98	223,52	226,06
90	228,60	231,14	233,68	236,22	238,76	241,30	243,84	246,38	248,92	251,46
100	254,00	256,54	259,08	261,62	264,16	266,70	269,24	271,78	274,32	276,86

Пуды в тоннах
1 пуд = 0,016380496 тонны

Пуды		1	2	3	4	5	6	7	8	9
	0	0,01638	0,03276	0,04914	0,06552	0,08190	0,09828	0,11466	0,13104	0,14742
10	0,16380	0,18019	0,19657	0,21295	0,22933	0,24571	0,26209	0,27847	0,29485	0,31123
20	0,32761	0,34399	0,36037	0,37675	0,39313	0,40951	0,42589	0,44227	0,45865	0,47503
30	0,49141	0,50780	0,52418	0,54056	0,55694	0,57332	0,58970	0,60608	0,62246	0,63884
40	0,65522	0,67160	0,68798	0,70436	0,72074	0,73712	0,75350	0,76988	0,78626	0,80264
50	0,81902	0,83541	0,85179	0,86817	0,88455	0,90093	0,91731	0,93369	0,95007	0,96645
60	0,98283	0,99921	1,01559	1,03197	1,04835	1,06473	1,08111	1,09749	1,11387	1,13025
70	1,14663	1,16302	1,17940	1,19578	1,21216	1,22854	1,24492	1,26130	1,27768	1,29406
80	1,31044	1,32682	1,34320	1,35958	1,37596	1,39234	1,40872	1,42510	1,44148	1,45786
90	1,47424	1,49063	1,50701	1,52339	1,53977	1,55615	1,57253	1,58891	1,60529	1,62167
100	1,63805	1,65443	1,67081	1,68719	1,70357	1,71995	1,73633	1,75271	1,76909	1,78547

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПУТЕШЕСТВИЕ В УССУРИЙСКОМ КРАЕ (1867—1869)	5
II. МОНГОЛИЯ И СТРАНА ТАНГУТОВ (Первое путешествие в Центральной Азии 1870—1873) . . .	61
III. ОТ КУЛЬДЖИ ЗА ТЯНЬ-ШАНЬ И НА ЛОБ-НОР (Второе путешествие в Центральной Азии 1876—1878) . . .	141
IV. ИЗ ЗАЙСАНА ЧЕРЕЗ ХАМИ В ТИБЕТ И НА ВЕРХОВЬЯ ЖЕЛТОЙ РЕКИ (Третье путешествие в Центральной Азии 1879—1880) . . .	157
V. ОТ КЯХТЫ НА ИСТОКИ ЖЕЛТОЙ РЕКИ (Четвертое путешествие в Центральной Азии 1883—1885) . . .	253

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу:
Москва, Д-47, ул. Горького, 43,
Дом детской книги.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Для средней школы

Н. М. Пржевальский ПУТЕШЕСТВИЯ

Ответственный редактор

Г. В. МАЛЬКОВА

Художественный редактор

Н. Г. ХОЛОДОВСКАЯ

Технический редактор

Н. П. САМОХВАЛОВА

Корректоры

Л. А. КРЕЧЕТОВА

и Г. С. МУКОВОЗОВА

Сдано в набор 14/II 1958 г. Подписано к печати 3/VII 1958 г. Формат 84 × 108^{1/16} — 44 печ. л. = 36,15 усл. печ. л. (32,84 уч.-изд. л.). Тираж 50 000 экз. Цена 16 руб.

Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Ленинградский совет народного хозяйства.

Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.
Заказ № 1399

